РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 5 и 6.

МАЙ и ІЮНЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го іюня 1893 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Объ учрежденіи въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, объ учрежденіи въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Михаилъ*.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

8 февр. 1892 г. Выписано изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ государственной экономіи и законовъ 19 декабря 1892 г. и общаго собранія 25 янв. 1893 г.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія учредить особое отдѣленіе для завѣдыванія промышленными училищами, съ возложеніемъ управленія означеннымъ отдѣленіемъ, на правахъ директора департамента, на одного изъ членовъ Совѣта Министра, избираемаго Министромъ съ Высочайшаго соизволенія.

II. Предсѣдательство въ отдѣлѣ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію возложить на члена Совѣта Министра, завѣдывающаго дѣлами промышленныхъ училищъ (отд. I).

III. Служащимъ въ отдѣленіи для завѣдыванія промышленными училищами (отд. I) предоставить оклады содержанія и прочія служебныя права и преимущества, присвоенныя соотвѣтственнымъ должностямъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

IV. Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія: 1) распредѣлять дѣла, касающіяся промышленныхъ училищъ, между отдѣленіемъ для завѣ-

дыванія сими училищами и другими частями Департамента Народнаго Просвѣщенія и 2) опредѣлять число служащихъ въ означенномъ отдѣленіи и размѣръ суммы на канцелярскіе и другіе расходы, не выходя изъ предѣловъ ассигнуемаго на содержаніе онаго кредита.

V. Отпускать, начиная съ 1893 г., 2.000 р. на добавочное вознагражденіе члену Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, завѣдывающему дѣлами промышленныхъ училищъ, 4.000 р. на содержаніе четырехъ новыхъ членовъ отдѣла Ученаго Комитета по техническому и профессіональному образованію, 7.500 р. на содержаніе Департамента Народнаго Просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами и 3.000 р. на наемъ для него помѣщенія, а всего *шестнадцать тысячъ пятьсотъ* рублей ежегодно, со внесеніемъ сей суммы въ подлежащія подраздѣленія смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія.

VI. На первоначальное обзаведеніе отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами ассигновать единовременно въ 1893 г. *двѣ тысячи* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу, № 4, 1893 г.).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По вопросу о правахъ караимовъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, при предложеніи отъ 12-го марта сего года за № 4.642, препроводилъ ко мнѣ, для свѣдѣнія, доставленную его сіятельству Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ копію циркулярнаго его предложенія губернаторамъ по вопросу о правахъ караимовъ.

Объявляется по округу.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ДУХОВНЫХЪ ДѢЛЪ
ИНОСТРАННЫХЪ ИСПОВѢДАНІЙ.

8-го февраля 1893 года.
№ 700.

Циркулярно.

Господину губернатору.

По поводу заявленія Евпаторійскаго караимскаго гахама о томъ, что нерѣдко губернскія административныя учрежденія, смѣшивая караимовъ съ евреями, распространяютъ на нихъ ограниченія, установленныя въ законѣ для сихъ послѣднихъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1881 г циркулярно предложило мѣстнымъ властямъ разъяснить подвѣдомственнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ, что, на основаніи закона, караимы пользуются всѣми правами, предоставленными кореннымъ русскимъ подданнымъ, и принадлежатъ къ признанному правительствомъ исповѣданію, отличающемуся отъ вѣроученія евреевъ. О таковомъ распоряженіи означеннаго Министерства

объявлено было во всеобщее свѣдѣніе и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (отъ 7 ноября 1881 г. № 249).

Между тѣмъ изъ принесеннаго нынѣ на Высочайшее имя Трокскимъ караимскимъ гахамомъ всеподданнѣйшаго прошенія видно, что, не смотря на приведенное распоряженіе, случаи примѣненія административными учрежденіями къ караимамъ ограниченій, установленныхъ въ законахъ для евреевъ, продолжаютъ повторяться до настоящаго времени.

Вслѣдствіе сего и на основаніи полученнаго мною по настоящему дѣлу Высочайшаго указанія Его Императорскаго Величества, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство вновь подтвердить подвѣдомственнымъ вамъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, что, по силѣ п. 1 прилож. къ ст. 1.097 св. зак. т. XI ч. I по прод. 1890 г., караимы, находясь подъ покровительствомъ общихъ законовъ имперіи, пользуются всѣми правами, предоставленными русскимъ подданнымъ, смотря по состоянію, къ которому кто изъ нихъ принадлежитъ, и что ограничительныя постановленія, заключающіяся въ сводѣ законовъ относительно евреевъ, не должны быть примѣняемы къ караимамъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,
статсъ-секретарь (подписалъ) *Дурново.*
Директоръ (скрѣпилъ) *кн. М. Кантакузинъ гр. Сперанскій.*
Вѣрно: начальникъ отдѣленія *И. И. Платокиновъ* (ib.).

Циркулярное предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія: относительно лицъ, получающихъ пенсіи за службу по вѣдомству Императрицы Маріи. (28 ноября 1892 года, № 20.147).

Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, въ отношеніи отъ 4 сего ноября за № 17.648, сообщилъ мнѣ, что по пенсіоннымъ правиламъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (примѣч. по прод. 1864 г. къ ст. 723 уст. пенс. изд. 1857 г.) право полученія пенсіи изъ суммъ онаго на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ предоставлено лишь тѣмъ лицамъ, кои прослужили 25 лѣтъ и болѣе исключительно въ означенномъ вѣдомствѣ. Между тѣмъ въ послѣднее время неоднократно обнаруживалось, что лица, не удовлетворяющія указанному требованію закона, по поступленіи изъ отставки въ учебную службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, продолжали пользоваться пенсіею изъ суммъ означеннаго вѣдомства.

Во избѣжаніе повторенія на будущее время подобныхъ случаевъ, я, согласно отношенію Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе по ввѣренному вамъ округу о томъ, чтобы относительно лицъ, прежде служившихъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи и получающихъ пенсіи изъ суммъ онаго, при поступленіи ихъ на дѣйствительную службу по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, каждый разъ достав-

лялись мѣстными начальствами свѣдѣнія о таковомъ поступленіи на службу въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи. (Цир. Кавказск. уч. окр. № 1).

О распространеніи правилъ о переводѣ учениковъ гимназій и прогимназій безъ испытаній на оканчивающихъ курсъ прогимназій *). (10 іюня 1892 г., за № 10.655).

Вслѣдствіе представленія отъ 22 мая 1892 г., за № 5.474, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, что дѣйствіе § 36 утвержденныхъ 12 марта 1891 г. правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, по коему педагогическому совѣту предоставляется при извѣстныхъ условіяхъ переводить учениковъ въ высшіе классы безъ испытанія, распространяется и на учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ четырехъ и шести-классныхъ прогимназіяхъ (ib.).

ЦИРКУЛЯРЫ ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ.

Объ обученіи церковному пѣнію въ кадетскихъ корпусахъ.

1-го февраля 1893 г. № 8. Въ утвержденномъ 27-го іюля 1890 г. «Наставленіи для веденія внѣклассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ» относительно пѣнія церковнаго кадетскаго хора во время богослуженія имѣются слѣдующія указанія:

Церковный хоръ, находясь на клиросѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кадеты приводятся въ церковь, долженъ умѣть правильно и стройно исполнять молитвы и пѣснопѣнія, требуемыя уставомъ и обиходомъ православной церкви (§ 113).

Въ основаніи обученія церковнаго хора должно лежать обиходное пѣніе. Но съ хоромъ, утвердившимся уже въ этомъ пѣніи, не возбраняется разучиваніе и исполненіе въ церкви избранныхъ старинныхъ и новыхъ напѣвовъ, если они соотвѣтствуютъ силамъ воспитанниковъ. Исполненіе вещей концертнаго характера, во время церковной службы, не допускается (§ 114).

Изъ доставленныхъ отъ кадетскихъ корпусовъ партитуръ и списковъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, разучиваемыхъ кадетами и исполняемыхъ ими во время богослуженія, а также изъ отзывовъ и донесеній о состояніи церковнаго пѣнія, представленныхъ въ разное время лицами, инспектировавшими кадетскіе корпуса, или спеціально для этой цѣли командированными, усматривается, что: 1) разучиваніе и исполненіе духовно-музыкальныхъ сочиненій, для замѣны напѣвовъ обиходнаго пѣнія, представляетъ явленіе очень распространенное во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ; 2) при выборѣ такихъ сочиненій учителя пѣнія не всегда съ

*) Изъ цирк. по Одесскому уч. окр. 1892 г. № 7.

должнымъ вниманіемъ оцѣниваютъ ихъ со стороны художественной и со стороны доступности для хора учебнаго заведенія, при чемъ на ряду съ сочиненіями, имѣющимися въ печати и одобренными Придворною пѣвческою капеллою, церковными хорами разучиваются нерѣдко сочиненія, никогда въ печати не появлявшіяся и въ большинствѣ случаевъ исполненныя ошибокъ, идущихъ въ разрѣзъ съ элементарными правилами гармоніи и голосоведенія; 3) при обширности нотнаго репертуара почти всѣ кадетскіе корпуса затрачиваютъ на обученіе церковныхъ хоровъ гораздо больше времени, чѣмъ указано для этого предмета въ Наставленіи для внѣклассныхъ занятій (стр. 9-я), а передъ праздниками и въ ожиданіи посѣщеній начальствующихъ лицъ нерѣдко для спѣвокъ употребляются часы, назначенные по росписанію для другихъ занятій, и 4) при всѣхъ этихъ условіяхъ, т.-е. при стремленіи къ увеличенію нотнаго репертуара и при несоразмѣрной затратѣ времени, кадетскіе хоры не всегда, однакоже, усваиваютъ съ необходимою полнотою и твердостію обиходное пѣніе: такъ, въ рѣдкихъ лишь заведеніяхъ разучиваются «Господи воззвахъ» и «Богъ Господь» на всѣ 8 гласовъ, и *нигдѣ почти хоръ не обучается пѣнію восьмигласныхъ ирмосовъ*. Кромѣ того, даже нѣкоторые обиходные напѣвы изъ литургіи малоизвѣстны кадетамъ, такъ какъ они всегда замѣняются нотными номерами.

Такимъ образомъ, есть полное основаніе предполагать, что въ большинствѣ кадетскихъ корпусовъ разучиваніе нотныхъ номеровъ идетъ въ ущербъ тому, что должно составлять главный предметъ изученія для церковнаго хора въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи,—именно обиходному пѣнію.

Въ виду сего, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній призналъ нужнымъ, въ дополненіе къ изложенному въ «Наставленіи для внѣклассныхъ занятій», дать кадетскимъ корпусамъ, для руководства на будущее время, нижеслѣдующія указанія и разъясненія относительно церковнаго пѣнія воспитанниковъ:

1) Исполненіе духовно-музыкальныхъ сочиненій, для замѣны обиходныхъ напѣвовъ, можетъ быть допускаемо въ томъ лишь случаѣ, когда для разучиванія ихъ не требуется лишняго числа часовъ сверхъ опредѣленнаго для спѣвокъ церковнаго хора въ Наставленіи (два часа въ недѣлю и по получасу передъ всенощной и обѣдней). Желательно также, чтобы къ разучиванію такихъ сочиненій приступали тогда уже, когда хоръ значительно утвердился въ обиходномъ пѣніи.

2) Хоръ, составленный изъ кадетъ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ стремиться къ соперничеству съ хорами профессіональными въ отношеніи трудности и разнообразія исполняемыхъ имъ сочиненій. *Нотное пѣніе кадетскаго хора должно быть посильно для исполнителей*, по характеру своему должно содѣйствовать благолѣпію богослуженія, воспитанію религіознаго чувства дѣтей и юношей, а также эстетическому ихъ развитію.

3) *Оцѣнка успѣховъ въ церковномъ пѣніи должна основываться исключительно* на степениен усвоія хоромъ и *на качествѣ исполненія имъ обиходнаго пѣнія.* Хоръ, поющій сочиненія сверхъ обиходнаго пѣнія, но не вполнѣ твердый въ послѣднемъ, долженъ ставиться ниже хора, исполняющаго одинъ только обиходъ во всей требуемой полнотѣ и съ над-

лежащей стройностью. Посему *въ присутствіи высшаго начальства* военно-учебныхъ заведеній, *а также лицъ инспектирующихъ, кадетскіе хоры должны исполнять только обиходное пѣніе*, и лишь по особому, всякій разъ испрашиваемому разрѣшенію, могутъ исполнять нотные номера.

4) Нѣкоторыя молитвы должны всегда исполняться только въ напѣвѣ, установленномъ для нихъ въ обиходѣ. Такое ограниченіе признается очень важнымъ въ видахъ воспитательныхъ. Какъ поющіе, такъ и предстоящіе въ храмѣ кадеты должны въ такой степени сродниться съ установленными для этихъ молитвъ напѣвами, чтобы на всю послѣдующую ихъ жизнь эти напѣвы, въ соединеніи со словами молитвы, всегда служили имъ призывомъ къ благоговѣйному и молитвенному настроенію. Къ числу такихъ молитвъ относятся: Отче нашъ (можно пѣть въ пониженномъ тонѣ); Тебѣ поемъ *); Вѣрую; Спаси, Господи, люди Твоя; Взбранной воеводѣ, а также молебное пѣніе и панихида. Кромѣ того, вообще желательно, чтобы молитвы, поемыя въ важнѣйшіе моменты богослуженія, исполнялись по преимуществу въ обиходномъ напѣвѣ **).

5) За ограниченіями, указанными въ первыхъ четырехъ пунктахъ, разрѣшается пользоваться вообще духовно-музыкальными сочиненіями, имѣющимися въ печати и одобренными Придворною пѣвческою капеллою, причемъ рекомендуются по преимуществу сочиненія и переложенія Бортнянскаго, Львова, Турчанинова, Виноградова, Ломакина, Рожнова, Бахметева.

6) *Произведеніями, не находящимися въ печати, пользоваться вообще не разрѣшается.* Если заведеніе пожелало-бы разучить одно изъ такихъ сочиненій для исполненія въ церкви хоромъ изъ воспитанниковъ, то на это должно быть всякій разъ испрошено разрѣшеніе главнаго начальника, съ приложеніемъ партитуры, если таковая не была раньше прислана въ Главное управленіе.

7) Обиходные напѣвы, написанные въ слишкомъ широкомъ расположеніи голосовъ, рекомендуется исполнять въ тѣсной гармоніи (въ опущенномъ тонѣ, держась по преимуществу тональности Fa),

и 8) Въ дополненіе къ указаніямъ относительно числа часовъ, опредѣляемыхъ на спѣвки церковнаго хора (Наставл., стр. 9, п. Б и примѣчаніе), слѣдуетъ принять за правило, что увеличеніе числа часовъ на спѣвки, если-бы таковое представлялось нужнымъ въ исключительныхъ случаяхъ (Храмовой, Рождественскіе праздники, Великій постъ, Пасха), ни въ какомъ случаѣ не должно дѣлаться въ счетъ часовъ учебныхъ или часовъ для обязательныхъ внѣклассныхъ занятій. («Пед. Сб.» № 3).

О пищевомъ режимѣ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній во время холерной эпидеміи.

23-го марта 1893 г. № 12. Военный Совѣтъ, журналомъ 18-го марта, положилъ: 1) разрѣшить военно-учебнымъ заведеніямъ въ 1893 году, во

*) На литургіи Василія Великаго—ярославскаго напѣва.

**) Херувимская пѣснь обязательно исполняется въ обиходномъ напѣвѣ только въ случаяхъ, указанныхъ въ 3-мъ пунктѣ.

все время существованія холерной эпидеміи въ мѣстахъ расположенія сихъ заведеній, руководствоваться въ отношеніи продовольствія воспитанниковъ особою, одобренною военно-медицинскимъ ученымъ комитетомъ, инструкціею о пищевомъ режимѣ воспитанниковъ (циркуляръ по военно-учебнымъ заведеніямъ 1885 г. за № 26) и при примѣненіи сего режима расходовать на столовое довольствіе воспитанниковъ, сверхъ опредѣленнаго для каждаго заведенія суточнаго оклада, до 20% этого оклада; потребный-же для сего добавочный расходъ относить на счетъ сбереженій, могущихъ образоваться въ назначенномъ кредитѣ на столовое довольствіе воспитанниковъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ недостатка въ означенномъ кредитѣ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній вошло по этому предмету съ особымъ представленіемъ и 2) сроки для начала и окончанія этого довольствія устанавливать: для военно-учебныхъ заведеній, расположенныхъ внѣ Петербургскаго военнаго округа,—распоряженіемъ главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, въ районѣ коихъ находятся заведенія, а для заведеній, расположенныхъ въ Петербургскомъ военномъ округѣ,—распоряженіемъ главнаго начальника военно-учебныхъ задеденій по соглашенію съ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ.

Такое положеніе военнаго Совѣта объявляется по военно-учебнымъ заведеніямъ для руководства. («Пед. Сб.» № 5).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Составилъ *А. Киселевъ*. Москва. 1892, стр. VIII+298+IV. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу: «Аналитическая геометрія двухъ измѣреній (коническія сѣченія, геометрическіе методы). Профессора Дублинскаго университета *Сальмона*. Переводъ съ французскаго *В. Г. Алексѣева*, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. Изданіе Елизаветы Гербекъ. Москва. 1892, стр. XXIV+394. Цѣна 5 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Исторія среднихъ вѣковъ. Университетскія чтенія профессора *Н. А. Осокина*. Томъ второй. Часть I (XIII столѣтіе). Казань. 1889, стр. 1132+71»—допустить въ ученическія, для старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Сочиненіе *Анны Столповской*. Съ приложеніемъ рецензіи на статью В. С. Соловьева, «Китай и Европа». Москва. 1891, стр. 476. Цѣна 3 руб.»—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

---

*) Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1893 г., май.

— Книги: «Избранные нѣмецкіе писатели для школъ. Съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Ѳ. К. Андерсона:* 1) Hermann und Dorothea von *Goethe.* Германъ и Доротея, *Гете.* Спб. 1892, стр. VIII + 124. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.» и 2) Die Jungfrau von Orlean. Eine romantische Tragödie von *Friedrich Schiller.* Орлеанская Дѣва, *Шиллера.* Спб. 1893, стр. XIV+207. Цѣна 40 к.»—одобрить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебныхъ пособій.

— Книгу: «*Остерловъ.* Краткое извлеченіе изъ Вильгельма Мейстера, Гете. Wilhelm Meisters Lehrjahre von *Iohann Wolfgang Goethe.* Auszug. Книга для статарнаго чтенія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1892, стр. 106. Цѣна 40 к.»—допустить какъ учебное пособіе для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Deutsches Lesebuch für Elementarschulen. Herausgegeben von *Christian Böhm*, Schulinspector. Erster Theil. Neunte Auflage. Reval. 1889, стр. X+190»—одобрить для первоначальнаго обученія чтенію въ начальныхъ евангелическо-лютеранскихъ училищахъ.

— Книгу: «Греческая хрестоматія для III, IV и V классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Часть I, II и III. Москва. 1892, стр. 256. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книжки: 1) «Собраніе стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометріи. Составилъ *Н. Рыбкинъ*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга. Москва. 1892, стр. IV+30. Цѣна 25 коп.» 2) «Второе изданіе той-же книги, исправленное и дополненное. Москва. 1893, стр. IV+49. Цѣна 30 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе для повторенія геометріи въ VIII классѣ гимназіи.

— Книгу: «Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*, профессоръ Московскаго университета. Часть I. Древній міръ. Москва. 1893, стр. VI + 196. Цѣна 60 коп.» — одобрить преимущественно для восьмаго класса гимназій, а также рекомендовать въ видѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Составилъ, по порученію коммиссіи для постройки храма, правитель ея канцеляріи *М. С. Мостовскій.* Изд. 4-е, дополненное. Москва. 1891. Цѣна 75 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Препараты метаморфозъ (животныхъ), присланные отъ общества Linnaea naturhistorisches Institut — рекомендовать для пріобрѣтенія въ реальныхъ училищахъ и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ преподается естественная исторія.

— Книжку: «Процессъ и гигіена дыханія. Опытъ общедоступнаго изложенія педагогической гигіены. *И. Боровскій.* Одесса. 1892, стр. 80. Цѣна 30 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (стар-

шаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ гигіены, анатоміи и физіологіи. Для старшихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Составила женщина-врачъ *Л. Н. Измайлова*. Тифлисъ. 1892, стр. 134. Цѣна 70 коп.»— одобрить для библіотекъ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: «Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. Съ 100 рисунками и картою. Составила *М. А. Лялина*. Спб. Стр. 438»— одобрить какъ для библіотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и для раздачи воспитанникамъ младшаго возраста въ видѣ подарка.

— Книжку: «Учебная книга географіи. Общія свѣдѣнія. Курсъ перваго класса гимназій и прогимназій. Изд. 33-е. Составилъ *К. Смирновъ*. Спб. 1893, стр. 36. Цѣна 40 коп.»—одобрить въ видѣ учебнаго руководства для 1-го класса гимназій и прогимназій.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. Библейскіе разсказы. Спб. 1891, въ 8 д. л., подъ заглавіями: 1) «Пророкъ Самуилъ. Стр. 11. Цѣна 5 коп.» 2) «Саулъ, первый царь Израильскій. Стр. 20. Цѣна 8 коп.», 3) «Царь и пророкъ Давидъ-псалмопѣвецъ. Стр. 18. Цѣна 8 коп.», 4) Пророкъ Даніилъ. Стр. 16. Цѣна 7 коп.» и 5) «Іуда Маккавей. Стр. 16. Цѣна 7 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. Библейскіе разсказы. «Ездра и Неемія. Спб. 1891. Въ 8 д. л., 14 стр. Цѣна 6 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. «Букварь. Изд. 6-ое. Спб. 1891. Въ 8 д. л., 64 стр. Цѣна 18 коп.» — одобрить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Составленную *М. Черкасовою* брошюру (безъ обложки) подъ заглавіемъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Наискорѣйшій способъ наученія чтенію и письму. Спб. 1889, стр. 9. Цѣна не обозначена»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Конспектъ занятій по обученію грамотѣ. Пособіе для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ. Составилъ *А. П. Шалинъ*. Екатеринбургъ. 1891. Въ 8 д. л., 60 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начальнаго обученія русскому правописанію. Составилъ

А. Архіереевъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1893, въ 8 д. л., 111 стр. Цѣна 25 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: «Рѣчи и очерки. Составилъ *Н. Вахнинъ*. Новочеркасскъ. 1892. Въ 12 д. л., 304 стр. Цѣна не обозначена» — допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій.

— Составленныя *Е. Рейнботомъ* и напечатанныя безъ перемѣнъ съ 1-го изданія книги: 1) «Что такое соль и гдѣ ее берутъ. Изд. 3-е. Спб. 1893. Въ 12 д. л., 24 стр. Цѣна 10 коп.» и 2) «Чай и его польза. Изд. 3-е. Спб. 1893. Въ 12 д. л., 40 стр. Цѣна 10 к.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «Въ гостяхъ. Очеркъ *А. В. Круглова*. Спб. 1886. Въ 16 д. л., 68 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Елка въ царствѣ звѣрей. Разсказъ *А. В. Круглова*. Ночь на Рождество въ селѣ. Стихотвореніе *Иванова-Классика*. Спб. 1886. Въ 16 д. л., 28 стр. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. Опытъ народной гигіены. *С. А. Бобровскаго*. Изд. 4-ое, исправленное и дополненное. Москва. 1891. Въ 8 д. л., 114 стр. съ 21 рис. въ текстѣ. Цѣна 35 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(*Продолженіе*).

Съ конца 1844 года Министерство Народнаго Просвѣщенія приступило къ осуществленію состоявшихся въ ноябрѣ этого года постановленій относительно еврейскаго образованія.

Планъ, которому Министерство должно было слѣдовать въ этомъ дѣлѣ, состоялъ въ слѣдующемъ:

До полученія въ свое распоряженіе суммъ, необходимыхъ на устройство еврейскихъ училищъ, Министерство должно было повсемѣстно въ чертѣ осѣдлости евреевъ образовать особенныя временныя училищныя коммиссіи и при посредствѣ этихъ коммиссій привести въ полную извѣстность существовавшія до 13 ноября 1844 года учебныя и ученыя еврейскія заведенія, а равно и домашнихъ учителей, и подчинить ихъ ближайшему надзору коммиссій. За симъ учебное начальство должно было приступить къ реорганизаціи какъ публичнаго (въ талмудъ-торахъ), такъ и частнаго (въ хедерахъ и ешиботахъ) образованія евреевъ. Реорганизація эта должна была состоять частью въ томъ, чтобы въ еврейскихъ школахъ введены были опредѣленныя программы преподаванія, чтобы въ нихъ введены были общіе школьные порядки, а главнымъ образомъ—въ постепенной замѣнѣ прежнихъ меламдовъ новыми учителями, болѣе ихъ подготовленными къ дѣлу обученія и воспитанія дѣтей. Еврейскій Комитетъ надѣялся, что такимъ образомъ можно будетъ «подготовить и облегчить евреямъ переходъ къ новой системѣ воспитанія».

По принятіи въ свое распоряженіе необходимыхъ денежныхъ средствъ на содержаніе еврейскихъ училищъ, Министерство должно было приступить къ устройству этихъ училищъ. Раввинскія училища слѣдовало открыть въ Вильнѣ и Житомирѣ; училища 1-го разряда Ми-

нистерство имѣло открывать во всѣхъ мѣстахъ жительства евреевъ, гдѣ представится къ тому возможность, училища-же 2-го разряда лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ, по многочисленности населенія евреевъ и по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не предвидится возможности посылать еврейское юношество въ общія уѣздныя училища и гимназіи.

Такъ какъ открытіе казенныхъ училищъ и подготовленіе домашнихъ учителей съ достаточно высокимъ образовательнымъ цензомъ должно было дать евреямъ полную возможность не оставить своихъ дѣтей безъ образованія, то, по учрежденіи въ достаточномъ числѣ новыхъ училищъ и образованіи института новыхъ домашнихъ учителей, Министерство должно было постепенно закрывать существовавшія еврейскія училища, а затѣмъ, по учрежденіи училищъ по всѣмъ мѣстамъ жительства евреевъ, Министерству предоставлено право войти черезъ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ объ объявленіи обученія евреевъ въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ обязательнымъ и опредѣленіи понудительныхъ мѣръ къ исполненію сего предположенія. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ старая еврейская система обученія должна была исчезнуть, уступивъ мѣсто новой системѣ.

Таковъ былъ планъ. Теперь посмотримъ, какъ онъ былъ осуществленъ.

А. Предложеніемъ отъ 28 ноября 1844 года *) Министръ Народнаго Просвѣщенія поручилъ попечителямъ учебныхъ округовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости озаботиться открытіемъ временныхъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ коммиссій и, по мѣрѣ открытія этихъ коммиссій, вводить въ дѣйствіе временныя правила о подчиненіи надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія еврейскихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній. Коммиссіи эти должны были состоять изъ четырехъ членовъ. Губернскія коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ губернскаго директора училищъ, должны были состоять изъ одного учителя гимназіи и двухъ членовъ евреевъ изъ раввиновъ и купечества, избираемыхъ еврейскимъ обществомъ и назначаемыхъ попечителемъ округа по сношеніи съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ; уѣздныя коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, должны были состоять изъ одного учителя уѣзднаго училища и двухъ членовъ-евреевъ изъ раввиновъ и купечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе. чтобы временныя правила о подчиненіи еврейскихъ заведеній надзору Министер-

---

*) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 490. № 4.391.

ства Народнаго Просвѣщенія были переведены на еврейско-нѣмецкое нарѣчіе и посредствомъ безмездной раздачи меламдамъ были распространены между меламдами возможно шире.

Устройство коммиссій не обошлось безъ затрудненій. Евреи, особенно евреи-купцы, не охотно шли въ члены коммиссіи и всячески отстраняли отъ себя честь быть членами коммиссій. Но эти затрудненія были устранены, и во второй половинѣ 1845 года на всемъ широкомъ пространствѣ черты осѣдлости евреевъ раздался призывъ меламдамъ заявить о себѣ въ коммиссіяхъ и получить отъ нихъ дозволительныя свидѣтельства на право обученія.

Никакихъ серьезныхъ основаній для того, чтобы не откликнуться на этотъ призывъ меламды не имѣли.

I. Въ области домашняго воспитанія меламды оставались по прежнему полными хозяевами; введеніе въ дѣйствіе временныхъ правилъ влекло за собой лишь одну перемѣну въ этой области,—перемѣну, состоявшую въ томъ, что меламды, по объему преподаваемыхъ ими предметовъ еврейскаго закона, должны были дѣлиться на два разряда: первоначальныхъ и второстепенныхъ. Рѣшеніе вопроса, къ какому разряду долженъ былъ причислиться каждый меламдъ въ отдѣльности, предоставлено было ихъ собственному усмотрѣнію.

Въ организаціи школьнаго преподаванія (въ хедерахъ, талмудъ-торахъ и ешиботахъ) съ введеніемъ временныхъ правилъ должны были дѣйствительно послѣдовать перемѣны, но перемѣны эти вовсе не лишали еврейскія школы характера конфессіонально-еврейскихъ учебныхъ заведеній. Перемѣны эти состояли въ слѣдующемъ:

а) Талмудъ-торы (училища-пріюты для бѣдныхъ, содержимыя на общественный счетъ) и хедеры (училища для приходящихъ, содержимыя меламдами), по объему проходимаго въ нихъ учебнаго матеріала, подлежали раздѣленію на первоначальныя и второстепенныя. Для первоначальныхъ хедеровъ и талмудъ-торъ обязательно было выполненіе одной данной программы по еврейскимъ предметамъ, для второстепенныхъ—другой, нѣсколько расширенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ старшинамъ талмудъ-торъ ставилось въ непремѣнную обязанность озаботиться, чтобы помѣщающіяся въ нихъ дѣти съ 8-милѣтняго возраста были обучены русскому языку; такая-же обязанность возлагалась и на содержателей второстепенныхъ хедеровъ.

Учителя талмудъ-торъ и хедеровъ точно также дѣлились на первостепенныхъ и второстепенныхъ меламдовъ, и соотвѣтственно тому получали право преподаванія въ заведеніяхъ того или другого разряда. Всѣ учителя въ талмудъ-торахъ подчинялись старшему учителю,

утверждаемому въ этомъ званіи учебнымъ начальствомъ, а въ хедерахъ—содержателю хедера.

По возрасту обучающихся въ талмудъ-торахъ и хедерахъ дѣтей ихъ надлежало дѣлить на классы съ тѣмъ, чтобы каждый классъ имѣлъ отдѣльное помѣщеніе и отдѣльнаго учителя.

б) Высшія еврейскія учебныя заведенія, имѣвшія своею задачей сообщать учащимся въ нихъ подробнѣйшія свѣдѣнія въ талмудѣ и въ источникахъ еврейскихъ законовъ, такъ-называемые, ешиботы должны были также принять внѣшній видъ школъ. На каждые 50 учениковъ ешибота полагался одинъ учитель изъ раввиновъ, или ученыхъ евреевъ. Выборъ учебнаго матеріала предоставлялся усмотрѣнію содержателя ешибота, но онъ обязывался въ началѣ каждаго учебнаго года представлять учебному начальству программу предстоящихъ занятій и, по утвержденіи этой программы, слѣдовать ей. Внутреннее устройство ешибота относительно раздѣленія его на классы, содержанія учениковъ и распредѣленія времени также предоставлялось усмотрѣнію содержателя ешибота, но съ тѣмъ, чтобы о введенномъ порядкѣ онъ доносилъ два раза въ годъ учебному начальству.

II. У прежнихъ содержателей школъ и домашнихъ учителей никто не думалъ отнимать возможности продолжать свою дѣятельность и по введеніи въ дѣйствіе временныхъ правилъ. Подъ условіемъ выполненія самыхъ легкихъ требованій правительства они безъ всякихъ опасеній, не подвергаясь никакому испытанію, могли продолжать свою дѣятельность. Мало этого. Тѣ изъ содержателей хедеровъ, которые въ продолженіе годового управленія ими, по свидѣтельству временныхъ коммиссій, окажутся благонадежными, свѣдущими и усердными въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, могли быть, по желанію ихъ, безъ испытанія принимаемы учителями въ казенныя еврейскія учебныя заведенія соотвѣтственно способностямъ ихъ.

Отъ содержателей хедеровъ правительство требовало лишь, чтобы каждый изъ нихъ явился въ подлежащія коммиссіи и представилъ этимъ коммиссіямъ: 1) письменное объявленіе, гдѣ находится его училище, къ какому разряду—первоначальныхъ или второстепенныхъ—онъ желаетъ причислить его и будетъ-ли самъ онъ заниматься въ училищѣ, или пригласитъ для этого особыхъ учителей, и кого именно, 2) списокъ обучающихся у него учениковъ, 3) свидѣтельство родителей, родственниковъ или опекуновъ, отдавшихъ ему дѣтей, въ томъ, что они довольны его преподаваніемъ и 4) свидѣтельство гражданскаго начальства о хорошемъ поведеніи. Занимавшіеся домашнимъ обученіемъ

должны были представить 1) письменное заявленіе о томъ, къ какому разряду меламдовъ желаютъ они быть причислены и кого каждый изъ нихъ обучаетъ, 2) свидѣтельство лицъ, въ домахъ которыхъ они занимались преподаваніемъ, объ исправномъ исполненіи ими своихъ обязанностей, и 3) свидѣтельство мѣстнаго гражданскаго начальства о своемъ поведеніи.

Удовлетворившіе этимъ въ высшей степени легкимъ требованіямъ получали, по уплатѣ пошлинъ (1 руб. второстепенные и 50 коп. первоначальные меламды), печатный годовой видъ, который давалъ имъ полное право продолжать занятія въ теченіе года. По истеченіи года этотъ видъ слѣдовало обмѣнять на новый, также годовой.

Но эта въ высшей степени цѣнная для меламда льгота—получить свидѣтельство на право обученія безъ испытанія—предоставлялась лишь тѣмъ меламдамъ, которые своевременно заявятъ о своей дѣятельности коммиссіямъ. Тѣмъ-же изъ меламдовъ, которые не воспользуются этой льготой въ назначенный срокъ, предстояло лишиться права на преподаваніе; вновь пріобрѣсти это право они могли лишь по выдержаніи испытанія. Правило это подлежало безусловному исполненію, а нарушеніе его подвергало виновныхъ непріятности—въ первый разъ уплатить штрафъ въ 75 р., а во второй—попасть подъ судъ; виновнымъ-же въ нарушеніи этого правила новый законъ признавалъ не только учителя, занимавшагося обученіемъ дѣтей безъ разрѣшенія начальства, но и родителей, отдающихъ своихъ дѣтей въ нелегальныя школы и приглашающихъ въ свой домъ нелегальныхъ учителей.

Если что и могло смущать меламдовъ, по крайней мѣрѣ, не состоявшихъ на дурномъ счету у полиціи, если что и могло удерживать ихъ отъ явки въ коммиссію, то развѣ то, что съ полученіемъ свидѣтельства отъ коммиссіи для меламдовъ связывалось обязательство подчиниться указаніямъ временныхъ правилъ относительно преподаванія; но съ этимъ неудобствомъ поневолѣ приходилось мириться. Не могъ-же бѣднякъ меламдъ, неспособный ни къ какимъ занятіямъ, кромѣ учительства, не принять во вниманіе, съ одной стороны, легкость полученія годового свидѣтельства, а съ другой—и опасность подвергнуться взысканіямъ за недозволенное обученіе, если это обученіе будетъ энергически преслѣдоваться. Надобно-же ему было подумать и о кускѣ насущнаго хлѣба.

Въ силу изложенныхъ соображеній весьма значительная часть меламдовъ предпочла заявить о себѣ коммиссіямъ и получить дозволительныя свидѣтельства. Такимъ образомъ, въ теченіе перваго года дѣятельности коммиссій въ списки ихъ, въ предѣлахъ Виленскаго

учебнаго округа, внесено было 14 ешиботовъ, 31 талмудъ-тора, 3.035 хедеровъ и 6.261 домашній учитель.

И хотя далеко не всѣ меламды сочли для себя удобнымъ получить дозволительныя свидѣтельства, тѣмъ не менѣе все-же можно сказать, что коммиссіи болѣе или менѣе удачно исполнили порученное имъ дѣло *).

Министерство Народнаго Просвѣщенія съ удовольствіемъ смотрѣло на дѣятельность коммиссій, и графъ Уваровъ, основываясь на результатахъ перваго опыта приведенія въ извѣстность еврейскихъ школъ, съ радостью засвидѣтельствовалъ предъ Государемъ Императоромъ, что «евреи охотно подчиняются нововведенію».

Вслѣдъ за приведеніемъ въ извѣстность еврейскихъ учебныхъ заведеній должно было начаться ихъ преобразованіе.

Обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы эти требованія правительства были исполнены, возложена была на коммиссіи, которыя обязывались доносить о состояніи ввѣренныхъ ихъ надзору заведеній дважды въ годъ.

Эти распоряженія правительства относительно преобразованія старыхъ еврейскихъ школъ, особенно относительно введенія русскаго языка въ учебный курсъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, встрѣчены были несомнѣнно сочувственно нѣкоторыми наиболѣе развитыми евреями и съ полной готовностью приведены въ исполненіе. Такъ, минскому еврею Давиду Лурье, ревностному приверженцу просвѣщенія, при могущественномъ содѣйствіи губернатора **), Семенова, удалось, хотя и послѣ долгой

---

*) Предсѣдатель Мозырской училищной коммиссіи, въ октябрѣ 1846 года, доносилъ попечителю округа, что, при всемъ его стараніи и заботливости, онъ не можетъ привести въ надлежащую извѣстность меламдовъ, обучающихъ еврейскихъ дѣтей по разнымъ мѣстечкамъ въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, и что хотя онъ неоднократно относился въ земскія полиціи сихъ уѣздовъ о высылкѣ меламдовъ въ коммиссію, при всемъ томъ многіе изъ меламдовъ въ коммиссію не являются. Чтобы привести меламдовъ въ извѣстность, штатный смотритель просилъ разрѣшенія лично отправиться въ болѣе или менѣе населенныя мѣстечки Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ, чтобы тамъ на мѣстѣ переписать меламдовъ. Но это ходатайство не имѣло успѣха. Попечитель округа не счелъ возможнымъ дать испрашиваемое разрѣшеніе, чтобы не отвлекать смотрителя отъ исполненія прямыхъ его обязанностей. (Дѣло канц. поп. В. у. окр. Св. 509, № 4543).

**) Онъ нашелъ возможнымъ отпускать ежегодно на талмудъ-тору 500 р. изъ коробочныхъ суммъ, впредь до поступленія суммъ свѣчного сбора, и расположилъ къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ не только зажиточныхъ евреевъ, но и высокопоставленныхъ русскихъ людей, напримѣръ, генералъ-губернатора, Минскаго православнаго архіепископа и др. (Дѣло канц. поп. Вил. у. окр. Св. 546, № 4689. Евр. Библ., т. III, стр. 369—371).

борьбы, добиться полнаго преобразованія тамошней талмудъ-торы въ правильно устроенное учебное заведеніе. Талмудъ-тора переведена была изъ грязнаго школьнаго двора, изъ ея стараго и мрачнаго помѣщенія, въ зданіе свѣтлое, просторное и удобное, на улицѣ широкой и опрятной; воспитанниковъ снабдили бѣльемъ, обувью и форменнымъ платьемъ, превратившимъ жалкихъ и грязныхъ оборванцевъ въ опрятныхъ мальчугановъ. Вмѣсто преподаванія однихъ только талмудическихъ предметовъ, въ талмудъ-торѣ введено было преподаваніе, кромѣ талмуда и библіи, языковъ русскаго и еврейскаго, ариѳметики, географіи и чистописанія. Полудикіе меламды уступили мѣсто дѣльнымъ преподавателямъ, въ числѣ которыхъ пользовались особой извѣстностью Лейбманъ и Ем. Левинъ.

На преобразованіе Виленской талмудъ-торы уже въ 1846 году собраны были довольно значительныя средства. Во главѣ жертвователей стоялъ извѣстный Монтефіоре, посѣтившій Вильну въ апрѣлѣ 1846 года и пожертвовавшій 50 ф. стерлинговъ на введеніе въ талмудъ-тору преподаванія русскаго языка. Слѣдуя его примѣру, и виленскіе богачи-евреи собрали болѣе 1.000 р. на улучшеніе талмудъ-торы *).

Наши источники не говорятъ, чтобы и другія талмудъ-торы подверглись обстоятельному преобразованію, но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ талмудъ-торахъ и второстепенныхъ хедерахъ было введено, по крайней мѣрѣ, преподаваніе русскаго языка, и притомъ по первому требованію учебнаго начальства.

Но число такихъ заведеній было невелико **); громадное-же большинство старыхъ еврейскихъ школъ осталось при излюбленныхъ прежнихъ порядкахъ. Чтобы заставить и эти заведенія подчиниться требованіямъ относительно преобразованія въ нихъ учебной части, нужно было, чтобы коммиссіи зорко наблюдали за ними и настойчиво требовали отъ нихъ соблюденія обязательныхъ для нихъ временныхъ правилъ. Но эта задача оказалась коммиссіямъ не по силамъ.

Члены коммиссіи, занятые своими дѣлами, лишь очень незначительное время могли употребить на посѣщеніе ввѣренныхъ ихъ надзору еврейскихъ учебныхъ заведеній и во всякомъ случаѣ не могли посѣщать часто даже тѣхъ изъ нихъ, которыя находились въ мѣстѣ постояннаго ихъ пребыванія, особенно въ большихъ городахъ, а для

*) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Связка 522 № 4696.

**) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Связка 599 № 4836.

половины членовъ коммиссій (изъ училищныхъ чиновниковъ) эти посѣщенія были и мало полезны: не понимая жаргона, на которомъ шло преподаваніе, могли-ли они судить, на сколько и какъ исполняются еврейскими учителями данныя имъ программы по еврейскимъ предметамъ? Судить объ этомъ могли лишь члены-евреи; но возможно-ли было ожидать, что члены-евреи быстро усвоятъ себѣ правительственныя воззрѣнія на задачи образованія евреевъ и не будутъ скрывать отъ учебнаго начальства случаевъ уклоненія меламдовъ отъ исполненія данныхъ имъ программъ? Вѣдь это были сами ученики хедеровъ и талмудъ-торъ, воспитанные въ полнѣйшемъ уваженіи къ обычаямъ и преданіямъ евреевъ. Не были-ли поэтому многіе изъ нихъ рѣшительно расположены помогать воспитавшимъ ихъ меламдамъ вести дѣло преподаванія совершенно въ прежнемъ духѣ? Такимъ образомъ, и въ мѣстахъ постояннаго своего пребыванія коммиссіи могли слѣдить лишь развѣ за тѣмъ, чтобы неимѣющіе права на обученіе не занимались этимъ дѣломъ. Но ихъ надзору подлежала не одна та мѣстность, гдѣ пребывала коммиссія. Районы дѣятельности коммиссій вообще были слишкомъ велики. Не было ни одной коммиссіи, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа, надзору которой подлежала-бы территорія, меньшая уѣзда, а было не мало и такихъ коммиссій, надзоръ которыхъ простирался на два, на три уѣзда *). При такихъ огромныхъ районахъ дѣятельности коммиссій члены ихъ могли бы исполнять свои обязанности по надзору за еврейскими училищами въ томъ развѣ случаѣ, если-бы они имѣли возможность объѣзжать эти училища; но этой возможности для нихъ вовсе не существовало: отсутствіе свободнаго для разъѣздовъ времени и полное отсутствіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для такихъ разъѣздовъ, рѣшительно удерживало членовъ коммиссій въ мѣстахъ ихъ постояннаго пребыванія.

Такимъ образомъ, коммиссіи лишены были всякой возможности въ точности исполнить свои обязанности по наблюденію за преподаваніемъ меламдовъ. Какимъ-же, спрашивается, образомъ могли онѣ доносить учебному начальству о состояніи еврейскихъ учебныхъ заведеній? Двѣ, встрѣченныя нами, откровенныя замѣтки въ донесеніяхъ коммиссій даютъ обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ. «Касательно состоянія хедеровъ,—говорится въ донесеніи Шавельской коммиссіи за 1-ю по-

*) Такъ, Виленская, Молодечненская, Бѣлостокская и Брестская коммиссіи имѣли подъ своимъ надзоромъ по два уѣзда; коммиссія Минская имѣла подъ своимъ надзоромъ уѣзды: Минскій, Игуменскій и Борисовскій, Могилевская — уѣзды: Могилевскій, Быховскій и Чаусскій и Витебская—уѣзды: Витебскій, Суражскій и Городокскій.

ловину 1846 года,—по многочисленности ихъ, коммиссія принуждена основываться большею частью на показаніяхъ самихъ содержателей хедеровъ *). Русскій языкъ, доносилъ Могилевскій губернскій директоръ 21-го марта 1849 года, за № 262, какъ можно съ увѣренностью полагать, ни въ одномъ изъ второстепенныхъ хедеровъ не преподается, хотя смотрители училищъ, основываясь на голословныхъ показаніяхъ евреевъ-членовъ коммиссій, и донесли мнѣ, что въ Мстиславлѣ въ одномъ, въ Климовичахъ—въ двухъ и въ Бѣлицкомъ уѣздѣ во всѣхъ преподаваніе этого предмета уже введено **).

Итакъ, громадная часть еврейскихъ учебныхъ заведеній, какъ и слѣдовало ожидать, вовсе не была посѣщаема со стороны членовъ коммиссій, и стало быть меламды, обучающіе въ этихъ заведеніяхъ, могли вести дѣло, какъ они хотѣли. Если-же коммиссіи и свидѣтельствовали предъ учебнымъ начальствомъ о состояніи этихъ заведеній, то во многихъ случаяхъ основывали свои донесенія единственно на показаніяхъ содержателей ихъ. Можно судить по этому, насколько учрежденіе коммиссій могло помочь графу Уварову измѣнить постановку преподаванія въ старыхъ еврейскихъ школахъ и сблизить ихъ съ новыми еврейскими училищами.

Однакожъ мѣстныя учебныя начальства, повидимому, не считали особенно удобнымъ и нужнымъ откровенно высказываться предъ Министерствомъ о томъ, что отъ коммиссій невозможно ожидать сколько-нибудь энергической и плодотворной дѣятельности по преобразованію учебно-воспитательной части въ старыхъ еврейскихъ училищахъ. Это обстоятельство и было, вѣроятно, причиной, что до 1851 г. Министерство не принимало никакихъ мѣръ къ усиленію надзора за постановкой учебнаго дѣла въ означенныхъ школахъ. Но и въ 1851 году преемникъ графа Уварова, князь Ширинскій-Шихматовъ, ограничился лишь тѣмъ, что сообщилъ попечителямъ округовъ о дошедшихъ до него слухахъ, по которымъ правила относительно постановки преподаванія въ старыхъ еврейскихъ школахъ не вездѣ исполняются во всей ихъ строгости, что преподаваніе закона еврейской вѣры въ еврейскихъ школахъ выходитъ изъ опредѣленнаго для этихъ училищъ объема, и поручилъ попечителямъ сдѣлать надлежащія распоряженія о неуклонномъ исполненіи означенныхъ правилъ. Отъ этого,—заключаетъ Министръ свое предложеніе отъ 9-го октября 1851 года,—зависитъ наиболѣе успѣхъ предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ для обра-

*) Дѣло канц. поп. В. уч. окр. Связка 490, № 4391.

**) Дѣло канц. поп. В. уч. окр. Связка 569, № 4836.

зованія еврейскаго населенія *). Такимъ образомъ, и въ 1851 году Министерство, повидимому, не было еще убѣждено, что коммиссіи не въ состояніи исполнить возложенной на нихъ обязанности по надзору за постановкой учебно-воспитательнаго дѣла въ старыхъ еврейскихъ школахъ; повидимому, и въ это время оно полагало, что коммиссіи, при болѣе энергической дѣятельности, могли-бы гораздо лучше и съ большей для дѣла пользой вести порученное имъ наблюденіе. Убѣжденіе въ безсиліи коммиссій образовалось позже. Къ этому убѣжденію Министерство Народнаго Просвѣщенія приведено было, главнымъ образомъ, запиской Витебскаго генералъ-губернатора о состояніи частныхъ еврейскихъ училищъ въ предѣлахъ этого генералъ-губернаторства. Подъ воздѣйствіемъ указанной записки попечителямъ учебныхъ округовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости было предложено принять слѣдующія мѣры: 1) для ближайшаго удостовѣренія, какъ идетъ преподаваніе въ частныхъ еврейскихъ училищахъ и у меламдовъ, не позволяютъ-ли себѣ дѣлать отступленій отъ программъ и руководствуются-ли книгами, изданными Министерствомъ, ввести, въ видѣ опыта, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются уже казенныя еврейскія училища, производство испытаній ихъ ученикамъ. Испытанія эти производить ежегодно, начиная съ 1854 года, въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ, по окончаніи годовыхъ училищныхъ экзаменовъ, въ присутствіи членовъ еврейскихъ училищныхъ коммиссій и мѣстнаго казеннаго раввина, а въ Вильнѣ, сверхъ того, въ присутствіи ученаго еврея, состоящаго при начальствѣ учебнаго округа, и инспектора раввинскаго училища. Для сего обязать содержателей хедеровъ и меламдовъ представлять своихъ учениковъ въ казенныя училища въ назначенное время, съ именными списками, на которыхъ отмѣчать оказанные на испытаніяхъ успѣхи и о послѣдствіяхъ испытаній доносить начальству учебнаго округа. Если-же кто не представитъ своихъ учениковъ къ испытанію, или если при испытаніи ученики какой-либо школы или меламды окажутъ вообще неудовлетворительные успѣхи, а равно если будетъ доказано, что они не слѣдуютъ программамъ, то содержателю таковой школы, или меламду, съ разрѣшенія окружнаго начальства, воспрещать впредь заниматься обученіемъ дѣтей. 2) Ученыхъ евреевъ, состоящихъ при генералъ-губернаторахъ, въ мѣстахъ ихъ постояннаго пребыванія, приглашать къ присутствованію при экзаменахъ какъ меламдовъ и содержателей хедеровъ, такъ и учениковъ **).

---

*) Дѣло канц. поп. В. у. окр. Связка 509, № 4543.

**) Сборникъ распор. по Минист. Нар. Пр., т. III, стр. 163 и 166.

Въ Вильнѣ въ это время учреждена еще особая должность надзирателя за еврейскими учебными заведеніями.

О цѣлесообразности всѣхъ этихъ мѣръ нѣтъ нужды говорить. Конечно, на экзаменахъ должны были оказаться и степень успѣшности занятій въ училищахъ, и размѣры пройденнаго; конечно, при дѣйствіи новыхъ мѣръ попечители учебныхъ округовъ поставлены были въ большую, сравнительно съ прежнимъ, возможность имѣть понятіе о постановкѣ преподаванія въ еврейскихъ училищахъ. Но не слѣдуетъ забывать, что все преподаваніе въ еврейскихъ школахъ шло на жаргонѣ, что испытуемые отвѣчали тоже на жаргонѣ. А такъ какъ громадное большинство членовъ временныхъ коммиссій изъ лицъ учебной службы и учителя еврейскихъ училищъ изъ христіанъ жаргона не понимали, то ихъ присутствіе на испытаніяхъ не приносило дѣлу ни малѣйшей пользы. Слово по вопросу о качествахъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ по необходимости должно было принадлежать исключительно евреямъ. На ихъ показаніяхъ учебное начальство должно было обосновывать свои сужденія о постановкѣ и успѣшности преподаванія въ еврейскихъ школахъ; ихъ глазами долженъ былъ смотрѣть попечитель округа на отдѣльныхъ еврейскихъ учителей. Разумѣется, и такимъ путемъ учебное начальство могло пріобрѣсти нужныя ему свѣдѣнія, но всегда оставалось и мѣсто опасности—составить невѣрное понятіе о школахъ, и смотрѣть на нихъ глазами экзаменаторовъ-евреевъ.

Остается прибавить къ этому, что и при дѣйствіи изложенныхъ мѣръ контроль правительства простирался лишь на часть еврейскихъ школъ: всѣ еврейскія школы, существовавшія въ мѣстностяхъ, гдѣ не было еврейскихъ училищъ, оставались по прежнему внѣ правительственнаго контроля. Слѣдовательно, если-бы принятіе вышеизложенныхъ мѣръ и могло содѣйствовать упорядоченію преподаванія въ еврейскихъ школахъ въ духѣ временныхъ правилъ, то во всякомъ случаѣ число такихъ школъ могло быть очень не велико; въ громадномъ-же большинствѣ школъ преподаваніе по старому могло идти въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ оно шло и прежде.

Далеко не вполнѣ успѣшной оказалась и попытка улучшить постановку преподаванія въ старыхъ еврейскихъ школахъ и частныхъ домахъ посредствомъ обновленія и улучшенія состава учителей.

Достигнуть этой цѣли предполагалось двумя средствами. Евреямъ, не внесеннымъ въ списки училищныхъ коммиссій, при первой переписи меламдовъ, предполагалось разрѣшать устройство всѣхъ родовъ еврейскихъ учебныхъ заведеній прежняго типа, не исключая и еши-

ботовъ, и предоставлять право на обученіе въ частныхъ домахъ въ томъ лишь случаѣ, если они выдержатъ установленное испытаніе; что касается меламдовъ, получившихъ отъ коммиссій право на продолженіе ихъ дѣятельности, то выдачу новыхъ дозволительныхъ свидѣтельствъ предполагалось все больше и больше стѣснять, чтобы такимъ образомъ заставлять ихъ очищать поле дѣятельности для новыхъ учителей.

Какого рода учителя должны были, по намѣреніямъ Министерства, занять мѣсто меламдовъ, это ясно показываютъ правила о производствѣ испытаній, изложенныя въ предложеніи графа Уварова отъ 23-го марта 1846 года, за № 2790. По этимъ правиламъ отъ всякаго, желающаго заняться обученіемъ еврейскихъ дѣтей, требовалось и нѣкоторое общее образованіе. Отъ желающаго принять на себя обязанности первоначальнаго учителя еврейскихъ дѣтей требовалось, чтобы онъ, помимо знанія еврейскихъ предметовъ, обнаружилъ на экзаменѣ тѣ-же знанія и умѣнія, какія долженъ былъ имѣть всякій учитель сельскаго приходскаго училища, т.-е. умѣнье правильно и свободно читать печатныя книги и рукописи, умѣнье писать чисто и четко и знаніе ариѳметики до тройнаго правила включительно. Отъ желающаго принять на себя обязанности второстепеннаго учителя требованія были значительно выше. Такое лицо должно было выдержать испытаніе на званіе городского приходскаго учителя, а въ составъ экзамена на это званіе входили: русскій языкъ, включая сюда и высшую грамматику, при чемъ требовался и краткій, легкій опытъ сочиненія, ариѳметика, географія, исторія русская и всеобщая—въ объемѣ преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ въ уѣздномъ училищѣ *).

Въ видахъ уменьшенія числа существовавшихъ тогда меламдовъ приняты были слѣдующія мѣры:

1) Предложеніемъ 13-го декабря 1845 года было разъяснено, что меламды могутъ безпрепятственно исполнять свои обязанности лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они состояли при полученіи перваго свидѣтельства на право обученія. Если они желали перемѣнить мѣсто жительства, то въ новомъ мѣстѣ жительства они могли приняться за исполненіе учительскихъ обязанностей лишь по выдержаніи экзамена. Это распоряженіе прямо обосновано на томъ соображеніи, что цѣль временныхъ правилъ состоитъ въ приведеніи въ извѣстность существующихъ меламдовъ, а не въ умноженіи оныхъ.

---

*) Дѣло канц. поп. вил. у. окр. Связ. 509, № 4543. Срав. Сбор. пост. по М. Н. П., т. II, от. II, стр. 626, 627.

2) Предложеніемъ отъ 28-го іюня 1845 года было разъяснено, что рошъ-ешивами (содержателями и начальниками) ешиботовъ и преподавателями въ нихъ могутъ быть признаваемы лишь такія лица, которыя представятъ отъ казеннаго раввина удостовѣреніе въ томъ, что они и прежде состояли рошъ-ешивами или преподавателями ешиботовъ.

3) Въ силу предложенія 10-го мая 1846 года меламдамъ и содержателямъ хедеровъ, въ 1846 году было объявлено, что въ слѣдующій разъ, т.-е. въ 1847 году, при возобновленіи свидѣтельствъ они будутъ подвергаемы предварительно испытанію какъ въ грамматическомъ знаніи еврейскаго языка, такъ и въ другихъ предметахъ, кои имъ преподавать дозволено. Въ 1849 году послѣдовало новое, еще болѣе стѣснительное для меламдовъ распоряженіе: они должны были съ 1849 года подвергаться испытанію не только по еврейскимъ предметамъ, но и по языкамъ: русскому и нѣмецкому, хотя размѣры требовавшихся по языкамъ знаній были очень не велики *).

Всѣ эти мѣры были мѣры рѣшительныя. И если-бы евреи не могли обойти новыхъ постановленій, если-бы надзоръ за еврейскимъ обученіемъ былъ достаточенъ, и евреи, не имѣющіе права на обученіе, дѣйствительно не могли заниматься исполненіемъ учительскихъ обязанностей, то, конечно, вся старая система еврейскаго образованія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рухнула-бы безвозвратно. Но въ томъ-то и дѣло, что надзоръ за еврейскимъ обученіемъ былъ крайне слабъ и учителямъ-евреямъ было въ высшей степени легко укрываться отъ этого надзора. Обязанность надзора за недозволеннымъ обученіемъ лежала частью на учебномъ вѣдомствѣ, частью на полиціи. Но мы уже видѣли, что коммиссіи не въ силахъ были имѣть надзоръ за еврейскими школами и учителями. Не могла сдѣлать этого и тогдашняя полиція—уже просто потому, что составъ ея былъ крайне слабъ. Евреи очень скоро поняли, что, при слабости надзора за еврейскимъ образованіемъ, для нихъ нѣтъ основаній опасаться преслѣдованій за недозволенное обученіе, и уже съ 1846 года, т.-е. когда меламдамъ нужно было перемѣнить годовыя свидѣтельства, число легальныхъ меламдовъ замѣтно сократилось.

Въ отчетѣ попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа за 1846 годъ встрѣчаются слѣдующія интересныя строки. Хедеровъ въ 1846 году убыло: второстепенныхъ 859 и первоначальныхъ 475. Произошло это частью отъ упраздненія нѣкоторыхъ изъ означенныхъ заведеній, а

*) Дѣло канц. поп. В. у. окр. Связка 509, № 4543.

большею частью отъ неявки содержателей оныхъ для полученія новыхъ дозволительныхъ свидѣтельствъ на право обученія еврейскаго юношества. Тѣ-же обстоятельства были причиной и уменьшенія числа меламдовъ (на 504 человѣка), и хотя со стороны временныхъ училищныхъ коммиссій были сдѣланы надлежащія сношенія съ городскими и земскими полиціями объ отысканіи мѣстопребыванія помянутыхъ лицъ и о понужденіи ихъ къ исполненію предписанныхъ по временнымъ правиламъ условій, но сношенія эти успѣха не имѣли.

Въ 1847 году хедеровъ снова убыло на 250, а число меламдовъ сократилось на 1.009 человѣкъ *).

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше оказывалось въ числѣ меламдовъ такихъ, которые предпочитали сберечь для себя тѣ 50 коп.—1 руб., которые приходилось имъ платить за свидѣтельства, и которые не считали уже нужнымъ испрашивать отъ коммиссій разрѣшенія на право преподаванія. Вотъ что доносилъ, напримѣръ, попечителю округа въ концѣ 1848 года директоръ народныхъ училищъ Виленской губерніи: въ теченіе настоящаго года ни одинъ меламдъ не являлся въ Виленскую коммиссію еврейскихъ училищъ для перемѣны свидѣтельствъ, а по прочимъ уѣздамъ явилось ихъ самое незначительное число. Директоръ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что меламды, не получивши съ молоду никакого образованія и не имѣя ни способовъ, ни возможности теперь предаться изученію новыхъ для нихъ предметовъ, не могутъ выдержать экзамена. Между тѣмъ, продолжаетъ директоръ, всѣ они продолжаютъ заниматься преподаваніемъ, не смотря на то, что губернскимъ правленіемъ предписано полиціямъ взыскивать съ неимѣющихъ права заниматься обученіемъ, но занимающихся имъ, по 75 рублей. Знакомство съ дѣломъ даетъ директору основаніе сдѣлать такое заключеніе: для меламдовъ преподаваніе есть ремесло, дающее имъ насущный хлѣбъ; воспретить имъ преподаваніе значило-бы осудить ихъ на нищету со всѣми ея послѣдствіями, потому что они по своимъ лѣтамъ, по бѣдности и, что всего важнѣе, по особенному воззрѣнію на вещи, ни къ чему другому болѣе не способны. Я полагалъ-бы, съ своей стороны, дозволить меламдамъ, получившимъ уже однажды свидѣтельства, продолжать выдавать ихъ безусловно, доколѣ они, по обыкновеннымъ физическимъ законамъ, сами собой не изведутся.

Учебное начальство, непріятно поражаемое подобными донесеніями, настойчиво требовало отъ коммиссій, чтобы онѣ усилили надзоръ за недозволеннымъ обученіемъ, и много разъ обращалось къ полиціи съ

---

*) Дѣло канц. поп. В. уч. окр. Связка 547, № 7469.

просьбой о преслѣдованіи самозванныхъ учителей; но всѣ его усилія оказывались тщетными. Силы наблюдателей оставались по прежнему ничтожными, а меламды въ лицѣ родителей и опекуновъ обучаемыхъ постоянно находили себѣ самыхъ надежныхъ укрывателей отъ существовавшаго надзора.

При такихъ условіяхъ мѣры, принимаемыя въ видахъ обновленія и улучшенія состава учителей въ еврейскихъ школахъ стараго типа, конечно, не могли достигать той цѣли, ради которой они принимались. И дѣйствительно, онѣ оказались слишкомъ мало плодотворными.

I. Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени изданія правилъ 23 марта 1846 года число всѣхъ, выдержавшихъ испытаніе по этимъ правиламъ, было крайне незначительное, и въ числѣ этихъ лицъ не оказалось ни одного, который держалъ-бы испытаніе на званіе второстепеннаго меламда: получившіе свидѣтельства о выдержаніи испытаній принадлежали къ числу лицъ, желавшихъ пріобрѣсть званіе первоначальнаго учителя, или получить право на преподаваніе своимъ единовѣрцамъ общихъ предметовъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія, принимая во вниманіе этотъ фактъ, объясняло его, повидимому, тѣмъ, что въ 1846 году предъявлены слишкомъ строгія требованія желающимъ получить право на обученіе еврейскихъ дѣтей, и потому въ 1849 году сочло нужнымъ измѣнить эти правила и облегчить доступъ въ меламды. По этимъ новымъ правиламъ испытанія для первоначальныхъ и второстепенныхъ меламдовъ становились одинаковыми, и отъ испытуемыхъ требовалось, чтобы, кромѣ еврейскихъ предметовъ, которые они преподавать желаютъ, они имѣли лишь нѣкоторыя свѣдѣнія въ языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ. При испытаніи въ русскомъ языкѣ отъ нихъ требовалось только, чтобы они знали читать по русски, хотя медленно, но безошибочно, чтобы они могли нѣсколько писать съ печатнаго или каллиграфическаго образца. Въ нѣмецкомъ языкѣ, говорятъ правила,—требуется, чтобы они знали не только читать печатное, но и переводить легкія мѣста изъ еврейской библіи, хотя не чистымъ, но, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ и отвѣчать на вопросы объ общепонятныхъ предметахъ *). Но охотниковъ держать и эти, до крайности уже упрощенныя, испытанія оказалось мало.

II. Изъ меламдовъ, числившихся въ спискахъ коммиссій, часть, какъ сказано выше, вовсе прекратила полученіе дозволительныхъ свидѣтельствъ, а другой удалось въ нѣкоторой степени освободить себя отъ непріятной обязанности держать испытанія путемъ усиленныхъ, настойчивыхъ просьбъ и ходатайствъ.

---

*) Сборникъ распор. по Минист. Народ. Просв., т. II, стр. 1058—1059.

Хлопоты этого рода начались въ 1847 году, когда, по циркуляру 10-го мая 1846 года, меламдамъ надлежало подвергнуться испытаніямъ. Многіе меламды обратились въ этомъ году къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбой объ отсрочкѣ имъ испытанія на годъ, такъ какъ, «за неизданіемъ еще ожидаемаго отъ правительства особаго учебника по русскому языку», они не могли приготовиться къ испытанію. Эта просьба была уважена, и меламдамъ отсрочено испытаніе на годъ. Въ 1848 году меламды опять вошли въ Министерство съ просьбой объ отсрочкѣ имъ испытаній. Въ своихъ прошеніяхъ они увѣряютъ, что по случаю холеры, пожаровъ и т. п. они не имѣли возможности подготовиться къ испытанію. Графъ Уваровъ, конечно, не могъ признать подобныхъ мотивовъ состоятельными, но онъ счелъ возможнымъ еще разъ разрѣшить на годъ меламдамъ обучать еврейскихъ дѣтей безъ выдержанія испытанія и лишь обязалъ ихъ непремѣнно имѣть изданныя для евреевъ книги, именно: русскую азбуку, руководство для практическаго изученія еврейскаго языка и краткую еврейскую грамматику.

Прошелъ и этотъ льготный годъ, и опять посыпались въ Министерство меламдскія просьбы. Графъ Уваровъ не внялъ на этотъ разъ просьбамъ меламдовъ и приказалъ коммиссіямъ выдавать дозволительныя свидѣтельства на право обученія еврейскихъ дѣтей въ хедерахъ и частныхъ домахъ не иначе, какъ по выдержаніи просителями такого-же испытанія, какому должны были подвергнуться по правиламъ 30-го іюня 1849 года и желающіе вновь принять на себя обязанности меламда. Но черезъ годъ это распоряженіе пришлось отмѣнить. Принимая въ уваженіе, съ одной стороны, что, по образу своего воспитанія, меламды и содержатели хедеровъ дѣйствительно могутъ находиться въ затрудненіи на счетъ испытаній въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а съ другой—неимѣніе въ виду достаточнаго числа учителей закона еврейскаго, которые могли-бы замѣнить ихъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ предписалъ, чтобы тѣмъ меламдамъ, которые до изданія въ 1849 году правилъ объ испытаніи ихъ, занимались преподаваніемъ закона еврейскаго въ талмудъ-торахъ, хедерахъ и частныхъ домахъ, были выдаваемы и впредь дозволительныя свидѣтельства безъ испытанія въ языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ, но съ тѣмъ, чтобы 1) они держали испытанія въ предметахъ еврейскихъ по своимъ священнымъ книгамъ; 2) имѣли руководства, отъ Министерства для нихъ изданныя, и 3) являлись ежегодно въ еврейскія училищныя коммиссіи для перемѣны свидѣтельствъ и уплаты по нимъ денегъ.

Такимъ образомъ, меламдамъ хотя и не удалось вовсе освободиться

отъ испытаній, но имъ все-таки удалось освободиться отъ испытаній не только по русскому и нѣмецкому языкамъ, но и по грамматикѣ еврейскаго языка.

Подведемъ теперь итоги сказанному.

1) Привести въ извѣстность всѣ существовавшія еврейскія школы стараго типа далеко не удалось: къ концу описываемаго періода оставалась масса еврейскихъ школъ, состоявшихъ внѣ правительственнаго контроля, и число ихъ въ это время было больше, чѣмъ въ 1845 году.

2) Улучшить составъ учителей въ старыхъ еврейскихъ школахъ удалось лишь въ самой незначительной степени.

3) Въ такой-же степени удалось преобразовать и постановку преподаванія въ этихъ школахъ.

Можно судить поэтому, насколько эти старыя школы, подвергшись воздѣйствію Министерства, могли «подготовить и облегчить евреямъ переходъ къ новой системѣ воспитанія».

А. Бѣлецкій.

(Продолженіе будетъ).

Страница къ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину.

Воспоминанія должны быть правдивы; но крайне трудно въ иныхъ случаяхъ отличить залегшее въ память первое впечатлѣніе пережитаго факта отъ наслоеній, принесенныхъ разговорами о немъ, отъ впечатлѣній однородныхъ фактовъ, повторявшихъ первый съ извѣстными видоизмѣненіями, и, наконецъ, отъ той точки зрѣнія, съ которой мы въ настоящемъ смотримъ на наше прошлое. Притомъ еще въ воспоминаніяхъ, которыя пишутся съ педагогическою цѣлью, нужна несравненно большая точность, чѣмъ въ тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлью дать документъ жизни прошедшаго. Въ тѣсномъ кругу вліяній семьи и учителей всѣ положительныя и отрицательныя свойства ума и характера выступаютъ такъ ярко и имѣютъ такое вліяніе, какого имѣть не могутъ въ болѣе широкомъ кругу, гдѣ все это стушевывается въ массѣ другихъ вліяній, уравновѣшивающихъ одно другое.

Я рано помню себя и своихъ. Мнѣ минуло два года съ половиной, когда крестили сестру, и я какъ теперь вижу картину крестинъ: купель, свѣчи и крестныхъ, бабушку, мать моей матери, заступавшую мѣсто отсутствовавшей крестной матери, и дядю моей матери въ роли крестнаго отца. Помню маленькое красное существо, запищавшее послѣ погруженія въ воду такъ, что у меня сердце сжалось жалостью. Я помню дѣйствительность, а не созданное представленіе по разсказамъ, которое приняла-бы за воспоминаніе. Это доказывается тѣмъ, что бабушка рисуется въ памяти моей женщиной высокаго роста, хотя она была немного ниже средняго, и не было впечатлѣній, которыя поправили-бы эту ошибку. Мнѣ шелъ шестой годъ, когда она уѣхала въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ умерла. Крестный отецъ сестры, когда я вызываю въ памяти картину крестинъ, представляется мнѣ человѣкомъ громаднаго роста и толщины необъятной; а онъ

былъ средняго роста и толстякомъ, не выходившимъ изъ обыкновенныхъ размѣровъ. Я помню его хорошо въ нормальной величинѣ, потому что была взрослой, когда онъ умеръ.

Я родилась въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря. Теперь, взвѣшивая вліянія, подъ которыми я росла, могу сказать, что они на половину были счастливыя, хотя дѣтство оставило во мнѣ очень немного свѣтлыхъ воспоминаній. Отецъ мой, православный съ оттѣнкомъ мистицизма—слѣда масонства, къ которому онъ принадлежалъ въ молодости, былъ человѣкомъ безукоризненно честнымъ; его прозвали «собакой на сѣнѣ» и «защитникомъ угнетенной невинности». Онъ постоянно терпѣлъ непріятности по службѣ, и это раздражало его характеръ, и безъ того суровый. Онъ видѣлъ въ себѣ главу семьи, да ему, по уму и характеру, несомнѣнно и принадлежало главенство. Патріотъ закала, приписываемаго преданіемъ Якову Ѳедоровичу Долгорукову, онъ рано заронилъ мнѣ въ душу закваску, непригодную для тѣста, изъ котораго лѣпили барышень; но онъ не предвидѣлъ, что она подниметъ броженіе, которое позже, при добавкѣ другихъ вліяній, выведетъ меня изъ тѣхъ границъ, какія онъ ставилъ женственности. Благодаря ему, я рано и, для своихъ лѣтъ, глубоко прониклась религіозными и патріотическими идеалами, какихъ вообще не получали мои сверстницы въ семьяхъ, въ которыхъ все сводилось на обрядность съ сильною примѣсью грубаго бабьяго суевѣрія.

Другое вліяніе въ семьѣ—матери и сестры ея, годами жившей у насъ послѣ недолгихъ отъѣздовъ, давало мнѣ съ сестрой хорошо извѣстную дрессировку, выдѣлывающую и теперь свѣтскихъ барышень. Мать моя, оставшаяся, въ очень многихъ отношеніяхъ, институткой до глубокой старости, не понимавшая жизни внѣ свѣтско-семейнаго кодекса, въ которомъ свѣтскость была преобладающей стихіей, считала себя по «комъ иль фо» гораздо выше круга, въ какомъ пришлось жить волею судебъ. Старшія сестры ея помнили то время, когда семья ихъ жила въ великосвѣтскомъ кругу въ столицѣ. Пожаръ 1812 года уничтожилъ въ Москвѣ домъ бабушки; мужъ ея, у котораго была въ Москвѣ богатая и знатная родня, тоже разорился, благодаря недобросовѣстности старшей сестры и опекунши, управлявшей имѣніемъ по несовершеннолѣтію младшихъ братьевъ, и ему пришлось взять мѣсто управляющаго у одного родственника. Тогда бабушка,—дочь французскаго эмигранта, прожившая первые годы молодости при дворѣ имп. Павла въ Гатчинѣ, привыкшая къ блеску и роскоши, мало-по-малу отстала отъ прежняго круга, выдала старшую

дочь (мать моя была младшей) за моряка, не принадлежавшаго къ большому свѣту, и спустилась въ кругъ средней руки, въ который вступила и мать моя, по выходѣ изъ института. Мать моя не помнила прежняго величія, но всегда носила въ сердцѣ культъ его, взлелѣянный разсказами матери и средней, незамужней сестры, подолгу жившей потомъ у насъ и замужеству которой помѣшалъ этотъ культъ. Бабушка передала матери моей преданія изящества, хорошаго тона и граціи вмѣстѣ съ тою преувеличенною оцѣнкою красивыхъ формъ свѣтской жизни, какою отличалось французское дворянство стараго режима.

Въ то время въ русскомъ обществѣ былъ силенъ этотъ родъ культа всего французскаго. Вторая дочь бабушки, поселившись у насъ, принесла его вмѣстѣ съ воспоминаніями о великосвѣтскихъ балахъ и ихъ царицахъ, считала недостойнымъ себя нашъ «грубый, матросскій кругъ» и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей цѣли, дрессировала насъ, прививая грацію графини Ш., или княжны Д. Это прибавило новую тяжесть къ веригамъ дисциплины, въ которой насъ держали. Но у отца была система, требовавшая дѣтской самодѣятельности и, несмотря на суровость, дававшая намъ передышку. Отецъ, вообще любившій дѣтей, изрѣдка игралъ съ нами, послѣ обѣда разсказывалъ свои путешествія, показывалъ свои коллекціи, и въ эти минуты мы не боялись его. У него была своя система, и съ нимъ мы знали большею частью что̀ дѣлать, чего не дѣлать и что насъ ждетъ въ данномъ случаѣ. Дрессировка-же тетки и матери, благоговѣвшей передъ воспоминаніями сестры о блестящемъ прошломъ, не давали намъ передохнуть. Не такъ прошла, сѣла, встала, прибѣжала, поклонилась; то интонація вульгарная, выраженіе еще хуже, то улыбка и мимика пошлыя. Для моей порывистой натуры и моего крутого нрава, наслѣдованнаго отъ отца, это было непрестанной пыткой. Вѣчное стѣсненіе, требовавшее быть вѣчно на сторожѣ, слѣдить за собой и настроеніемъ старшихъ, было нестерпимо, раздражало. Отецъ и самъ видѣлъ, что меня задергивали изъ-за пустяковъ. До ушей моихъ долетали его слова «суета суетъ», произнесенныя въ примирительномъ и проповѣдническомъ тонѣ, и сердитые или издѣвающіеся голоса матери и тетки: «Ну, пошелъ! Не въ монастырь-же готовить дѣвочку!» Я тогда набиралась смѣлости и жаловалась отцу, а онъ отвѣчалъ ссылкой на заповѣдь повиновенія старшимъ. Это заставляло меня вдумываться въ смыслъ заповѣди; но вдумываться стала я позже, когда меня, въ 8 лѣтъ, отецъ готовилъ къ исповѣди и училъ разбирать свои мысли и поступки. До этого времени я понимала одно,-что отецъ не будетъ мнѣ опорой и не избавитъ меня отъ надоѣдавшей дрессировки. Много

выпадало минутъ обиды, тоскливое чувство схватывало за горло; но природа отпустила мнѣ большой запасъ физическихъ силъ: тоска скоро слетала съ души, и дѣтское веселье и удаль брали свое» и еще сильнѣе оттого, что такъ часто бывали сдавлены.

Отецъ мой имѣлъ нѣкоторыя понятія о педагогіи. Я не разъ видѣла, какъ онъ читалъ толстую книгу въ кожаномъ старинномъ переплетѣ. Это былъ переводъ, сдѣланный отцомъ его, съ какого-то, пользовавшагося извѣстностью, нѣмецкаго сочиненія о педагогіи. Дѣдъ мой со стороны отца занималъ видное мѣсто и считался въ числѣ либераловъ начала царствованія Александра I. Онъ сдѣлалъ этотъ переводъ, какъ и другіе, по желанію государя, имѣвшаго намѣреніе издать его на собственный счетъ; но явилось вліяніе Крюднеръ, смѣнившееся Аракчеевскимъ, и переводы такъ и остались ненапечатанными. Мнѣ не пришлось прочесть педагогическій переводъ дѣда; знаю одно, что отецъ вычиталъ изъ него правило развивать самодѣятельность и не нѣжить дѣтей. Мы спали на жесткихъ, какъ доски, тюфякахъ; насъ поднимали въ 6 — 7 часовъ утра, укладывали въ девять, свѣчу уносили немедленно. Мнѣ это было безразлично; я тотчасъ засыпала и вообще мало терпѣла отъ дѣтскихъ страховъ. Но сестрѣ моей бывало жутко, когда уносили свѣчу; она была болѣзненнымъ и слабымъ ребенкомъ; потемки угнетающимъ образомъ дѣйствовали на нее, и въ просоньи я часто слышала, какъ она окликала меня шепотомъ, спрашивая, сплю-ли я. Уложивъ насъ спать, нянька должна была немедленно уйти; сидѣть, пока мы не засыпали, было строго запрещено. Чуть только я выучилась кое-какъ справляться съ завязками и надѣвать чулки, мнѣ было приказано одѣваться самой. Отецъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мы дѣлали все, что могли, сами и не наваливали лишнюю работу на прислугу. Я рано запомнила, какъ онъ объяснялъ роднѣ свою спартанскую систему воспитанія. Многое я, конечно, поняла позже. Онъ хотѣлъ закалить насъ для жизни. При постоянной борьбѣ его съ начальствомъ, которому онъ не позволялъ злоупотребленій въ той части, какою онъ завѣдывалъ, онъ ожидалъ отставки съ ничтожной пенсіей. Я рано освоилась съ мыслью, что мнѣ, быть можетъ, придется зарабатывать хлѣбъ трудомъ.

Въ одномъ отецъ не могъ соблюсти предписанія неизвѣстнаго мнѣ нѣмца-педагога: дѣтская наша была мрачной комнатой, узкой и глубокой, съ однимъ громаднымъ голландскимъ окномъ, выходившимъ на сѣверъ. Всѣ казенныя квартиры были расположены окнами на сѣверъ и выстроены по одному плану. На югъ выходили сѣни,

передняя, кухня и одна очень небольшая комната возлѣ передней—кабинетъ отца, единственная комната не проходная. Я живо помню подавляющее впечатлѣніе, какое производила на меня анфилада просторныхъ сумрачныхъ комнатъ. Осенью и зимой солнечные дни были такъ рѣдки, и морскія испаренія копились свинцовыми, низко нависавшими тучами. Насъ всегда тянуло на солнечную сторону квартиры—въ кабинетъ отца. Не смотря на массу цвѣтовъ и растеній, которыми было заставлено окно, комната была залита свѣтомъ. Намъ разрѣшалось быть въ кабинетѣ и тогда, когда отецъ уходилъ на службу; но это—подъ условіемъ ничего не трогать и не сорить, а потому свѣтлый кабинетъ не всегда привлекалъ насъ. Зато тѣмъ сильнѣе было искушеніе пробѣгаться тайкомъ по холодной длинной и узкой передней. Сквозь огромное окно на полъ и стѣны падали снопами лучи золотого свѣта. Зимой нижнія обмерзшія стекла перенимали его, но зато какъ хороши были серебристыя ёлочки и другіе звѣздчатые узоры, наведенные морозомъ на стеклѣ. Я подолгу останавливалась, чтобы любоваться ими, а еще болѣе любовалась яснымъ блѣдно-голубымъ небомъ,—въ первые годы непосредственно, потому что было красиво; съ семи лѣтъ, когда я начала молиться сознательно и меня охватило мистическое настроеніе, я мечтала о славѣ Бога среди ангеловъ его за этимъ яснымъ голубымъ сводомъ.

Продрогнувъ въ ситцевомъ платьицѣ съ короткими рукавами, обнажавшими руки выше локтей, и съ вырѣзаннымъ широко воротомъ, открывавшимъ плечи, на которыя была надѣта легкая бѣлая пелеринка, я принималась бѣгать и прыгать. Да и надо было излить восторгъ, накопившійся отъ созерцанія свѣта солнышка и лазури неба... А солнечные лучи такъ и ласкали мою по-кадетски остриженную голову... Толстый матъ заглушалъ шаги. Наконецъ, замѣчали мое отсутствіе и угрозой розогъ возвращали въ дѣтскую.

Съ 60-хъ годовъ, когда порвали съ домостроевской системой воспитанія, дѣти изъ нумера послѣдняго превратились въ нумеръ первый, благодаря нашей способности кидаться изъ одной крайности въ другую. Въ то время, какъ и всегда, бывало не мало чадолюбивыхъ семей въ родѣ семьи тетки, старшей сестры моей матери; но это установилось не въ силу доморощеннаго толкованія принциповъ педагогіи, предписывающихъ развивать дѣтскую самостоятельность, а по просту, на маперъ Простаковой. Нумеромъ послѣднимъ дѣти были всего чаще вслѣдствіе родительскаго эгоизма въ семьяхъ, жившихъ въ свое удовольствіе и не помышлявшихъ ни о какихъ системахъ воспитанія. Дѣтей забивали въ самую маленькую и неудобную ком-

нату, подальше отъ парадной половины, пропитанную кухоннымъ чадомъ и всякими міазмами. Дѣти такъ надоѣдали шумомъ, мѣшали занимать гостей, для которыхъ собственно и былъ устроенъ весь обиходъ. Я живо помню, какъ подросткомъ широко раскрыла глаза отъ невольнаго изумленія, когда одна барыня, на замѣчаніе моего отца, что дѣтская сырая и темная комната и что дѣтей можно помѣстить въ ея спальнѣ, а спальню перевести въ будуаръ, безъ котораго можно обойтись при гостиной и залѣ, отвѣчала: «Вотъ еще! Стану я себя стѣснять для дѣтей! Какъ будто нѣтъ пансіоновъ, если дѣтская окажется сырой?» Мужъ ея багрово покраснѣлъ, замѣтивъ мое изумленіе. Барыня, избалованная красавица, очень недальняя, только высказала не стѣсняясь то, что проводили на практикѣ очень и очень многія.

Въ нашей семьѣ дѣти были нумеромъ послѣднимъ, во имя системы строжайшей дисциплины. Дѣти должны быть всѣмъ довольны, для дѣтей все хорошо, потому что они—дѣти, не взрослые. Дѣти обязаны безпрекословно повиноваться родителямъ, воспитателямъ, учителямъ, а также и прочимъ старшимъ, когда приказанія ихъ не противорѣчатъ приказаніямъ первыхъ трехъ властей. Разсужденія не допускались; если выходила какая-нибудь ошибка или даже вина вслѣдствіе исполненія полученнаго приказанія, провинившійся ребенокъ не подвергался наказанію. Мальчикамъ внѣдряли догматъ безпрекословнаго повиновенія въ виду предстоявшей имъ государственной службы, дѣвочкамъ—въ виду неизбѣжной власти мужа. Если-бы возможно было проводить безъ помѣхъ и перерывовъ какую-либо систему, то это въ конецъ-бы искалѣчило дѣтей. Но отцы большую часть времени были заняты службой, по вечерамъ былъ нуженъ преферансъ; матери отдавали много времени гостямъ, или чтенію французскихъ романовъ. Няньки и гувернантки сами бывали рады передохнуть отъ надзора за дѣтьми, и дѣти устраивали себѣ, насколько могли, свою жизнь.

Мы съ сестрой росли подъ такимъ надзоромъ, который заставлялъ другихъ дѣтей постоянно дразнить насъ и изрѣдка жалѣть. Выѣзды въ свѣтъ и пріемы были событіями въ нашей жизни; жить приходилось съ разсчетомъ каждый копейки, и потому передышки отъ дисциплины были рѣдки. И эти минуты доставались намъ, благодаря прислугѣ, за повиновеніе которой насъ такъ дразнили товарищи. Не говоря уже о нянѣ, которая смѣнялась довольно часто, мы повиновались горничной Ольгѣ, молоденькой дѣвушкѣ, единственной крѣпостной, и деньщику Ивану, беззавѣтно преданному отцу и

интересамъ хозяйства и баловавшему насъ, какъ нѣжнѣйшая няня. Его суровое прямолинейное лицо, будто вырубленное прямыми углами топоромъ въ кускѣ темнаго дерева, не пугало насъ, сѣрые глаза изъ-подъ мохнатой полосы бровей смотрѣли такъ ласково на насъ. Скрыть слѣды нашихъ шалостей, сладить изъ лучинъ игрушку, которую я цѣнила болѣе шаблонныхъ игрушекъ, потому что могла дѣлать съ нею что хотѣла, сунуть тайкомъ что-нибудь съѣстное, и всегда кусокъ получше, когда насъ оставляли безъ обѣда,—это было радостью столько-же для Ивана, сколько и для насъ.

Родня и знакомые цѣнили Ивана за его преданность интересамъ барина, ихъ забавляла его мужицкая простота. Прослуживъ 25 лѣтъ въ деньщикахъ, и изъ этого числа почти 24 года у отца, онъ остался, къ ужасу и горю моей матери, все тѣмъ-же мужикомъ: говорилъ всѣмъ ты, кромѣ отца, и нисколько не усвоилъ тѣхъ элементовъ цивилизаціи, которые внушаются городскому слугѣ. Это очень забавляло кружокъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, и за это, равно и за безукоризненную честность и преданность барину и семьѣ его, Иванъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ извѣстностью въ нашемъ городѣ. Иванъ бывалъ неумолимъ только, когда отецъ давалъ ему какое-нибудь предписаніе относительно насъ, за исключеніемъ оставленія безъ обѣда и розогъ; приказанія-же матери и тетки онъ впускалъ въ одно ухо и выпускалъ въ другое, въ силу своего презрѣнія къ «женскому полу». «Я барину скажу, не слушаешь приказаній»,—упрекала его разсерженная мать. Иванъ съ неизмѣнной флегмой отвѣчалъ: «Жалуйтесь. Вчера приказывали другое, а завтра третье прикажете. Нешто это порядокъ! Я и барину такъ скажу. Я не губернантка, чтобы всѣ ваши приказанія понимать». Несмотря на все свое почтеніе къ отцу, онъ грубилъ ему, когда насъ оставляли безъ обѣда или сѣкли. «Гдѣ это видано—морить дѣтей голодомъ»,—протестовалъ негодующимъ тономъ Иванъ; или «для-че не высѣчь, коли вина большая, а то сѣчь за эдакое плёвое дѣло...».

Насмѣшки товарищей не поколебали нашу дѣтскую привязанность къ Ивану. «Иванъ не такой деньщикъ, какъ всѣ»,—отвѣчала я насмѣшникамъ. Но этого не понимали товарищи: по ихъ кодексу, сложившемуся подъ вліяніемъ военно-крѣпостническихъ воззрѣній, только одна власть няньки признавалась законной, и это далеко не въ той мѣрѣ, въ какой нянька пользовалась ею у насъ. Наша могла, въ случаѣ упрямства, ссоръ, уводить насъ раньше положеннаго срока съ гулянья, изъ гостей, отбирать, и надолго, игрушки. Власть крѣпостной горничной и деньщика надъ барышнями оскорбляла всѣ

идеи товарищей о порядкѣ и приличіи. Если разгоралась дѣтская драка, Иванъ бралъ насъ на руки и относилъ въ сторону. Разъ какъ-то Ольга не могла въ этомъ случаѣ справиться со мной и позвала новаго деньщика, взятаго на время отпуска Ивана, уѣхавшаго повидаться со своими; но я не могла снести этой «дерзости» и до того билась съ неистовыми криками на рукахъ деньщика, что тотъ, испугавшись, чуть не выпустилъ меня изъ рукъ, вмѣсто того, чтобы поставить на землю. Ольга едва успѣла подхватить меня. Что было дозволено Ивану, не дозволялось «чужому». Иванъ, сверхъ того, имѣлъ особыя права на наше уваженіе тѣмъ, что умѣлъ *все сдѣлать*. Онъ былъ, дѣйствительно, мастеръ на всѣ руки,—и плотничать, и столярничать умѣлъ, могъ быть обойщикомъ, сапожникомъ. Таланты его высказывались во всемъ блескѣ во время переѣздовъ, устройства квартиры въ избушкѣ въ слободѣ,—на косѣ, за городомъ, куда мы переѣзжали на дачу. Хаосъ сваленныхъ вещей съ неимовѣрною быстротой превращался въ стройный порядокъ; все было приложено, удобно, хотя комфортъ былъ очень незатѣйливый. «Пропали-бы безъ меня,—самодовольно говорилъ Иванъ, ладя намъ лопаточки и тачки для песку.—Что-бы пришлось за все переплатить! А откуда баринъ возьметъ денегъ? не куетъ, какъ другіе». Экономическая сторона—даровой трудъ—пропадали для меня, когда я восхищалась *вседѣланьемъ* Ивана; меня занималъ самый процессъ творчества: такъ, интересовало видѣть, какъ изъ обрубка дерева, негоднаго куска доски создавалась вещь нужная, и очень часто высокой цѣнности для меня... Но и на мою дружбу съ Иваномъ налетали тучи, и всегда послѣ дождей. На безобразной мостовой города лужи бывали иногда глубоки, или по песчаной слободской дорогѣ появились промоины, и тогда Иванъ считалъ долгомъ переносить дѣтей черезъ грязь и воду. Съ трехъ лѣтъ я считала это униженіемъ. Я билась на рукахъ Ивана и кричала: «сама, сама!» «Ну чего, «сама, сама»,—ворчалъ Иванъ,—баринъ не даромъ прозвалъ «сама». Сама-то по колѣни свалишься въ воду». Такой грѣхъ со мной случался часто. Но, несмотря на эти и другія непріятныя послѣдствія отъ стремленія къ ранней самостоятельности, въ родѣ порѣзовъ ножемъ, или обжоговъ отъ крана самовара, я не унималась и причиняла не мало тревоги старшимъ; даже иногда самого Ивана я доводила до угрозы пожаловаться папенькѣ. Эта угроза казалась мнѣ измѣной, и я дулась на своего друга.

Ни Иванъ, ни первая няня Катерина, которую я помню, никогда не злоупотребляли властью; Катерина была нѣсколько вялою, доброю

бабой, часто плакала о ребенкѣ, который умеръ на рожкѣ, когда она жила въ кормилицахъ у знакомыхъ нашихъ,—быть можетъ, оттого она такъ и привязалась къ намъ. Еще чаще плакала она о мужѣ, отданномъ въ арестантскія роты. Мать наша распекала Катерину за частыя слезы: онѣ могутъ разстроить дѣтей; отецъ замѣчалъ при этомъ, что бѣда не велика, если поплачемъ, и что грѣшно пріучать бѣгать отъ горя братьевъ во Христѣ. Черезъ годъ няня Катерина ушла отъ насъ; мужъ ея, отбывъ свой срокъ, взялъ ее къ себѣ въ матросскую казарму. Мы съ сестрой проводили няню громкимъ и горькимъ плачемъ.

Горничную Ольгу мы любили менѣе Ивана. Она, при своихъ гостяхъ, или чужой прислугѣ, бывавшей за дѣломъ на кухнѣ, любила похвастаться своею властью надъ нами. Я какъ-то вошла на кухню, когда у Ольги сидѣла сосѣдская швея и обѣ толковали о житьѣ у господъ и господскихъ порядкахъ. Гостья жаловалась на господскихъ дѣтей-мучителей:—чуть что не по нимъ,—не бросишь-же для ихъ капризовъ нужную работу,—бѣгутъ съ ревомъ жаловаться, а барыня горячая... Ольга хвалилась тѣмъ, что у насъ дѣти должны беречь трудъ прислуги и слушаться ея. Горничная вѣрить не хотѣла, и Ольга, въ доказательство, принявъ необычайно важный и повелительный видъ, прикрикнула на меня: «Чего вы здѣсь торчите? Сейчасъ ступайте въ дѣтскую». Я ушла, обиженная глубоко, и не тѣмъ, что меня погнали изъ кухни,—это было вполнѣ законно,—но грубостью окрика, и еще при чужой. Я понимала, что это было *нарочно*, потому что въ другое время Ольга, только на глазахъ соблюдавшая предписанія, не гоняла; теперь ей захотѣлось похвастать своею властью надо мной. Я долго помнила этотъ окрикъ,—Ольга никогда не говорила такъ грубо съ нами, хотя и не любила насъ такъ, какъ няня Катерина. Я не пожаловалась на Ольгу; у насъ, а также и у товарищей, дѣтей дяди моей матери, считалось позоромъ жаловаться на прислугу; мы съ сестрой были въ товарищескихъ отношеніяхъ съ нашей. Она покрывала наши проказы, въ сущности невинныя, мы—со слезами вымаливали за нее прощенья въ провинностяхъ ея, также неважныхъ. Мы просили смѣло въ такихъ случаяхъ,—это не было «попрошайничествомъ», котораго мы не уважали. Много говорилось о вредѣ общества прислуги; но мы съ сестрой не только не вынесли никакого вреда, но еще въ то время въ насъ запало зерно человѣчнаго отношенія къ народу. Предразсудки, суевѣрія и безъ няни, Ольги и Ивана передавались намъ матерью и теткой, знакомыми барынями и родственницами; даже въ иномъ и нашимъ отцомъ. Ци-

низма и разврата прислуги мы не видѣли. Отецъ не даромъ полагался на Ивана. Въ рѣдкіе вечера, когда мать и отецъ выѣзжали, мы устраивали свои вечеринки. Иванъ, Ольга и дежурный вѣстовой отца приходили въ дѣтскую, принося очень засаленную колоду картъ. Мы уже заранѣе выставляли на столъ гусекъ, лото и домино. Наши гости играли съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ и мы, безъ обиднаго снисхожденія, не давая постоянно чувствовать намъ, невольно и вольно, что играютъ для насъ. Наши гости играли сами для себя. Лото и дурачки смѣнялись засаленнымъ оракуломъ, и въ силу того, что я съ трехъ лѣтъ уже была грамотной, т.-е. умѣла читать, моимъ дѣломъ было читать прорицанія, отыскавъ ихъ по нумерамъ. Въ нихъ ждали отвѣта на задуманные вопросы. Отвѣты вызывали толкованія, споры; оракулъ выражался иносказательно и очень темно, а когда смыслъ бывалъ ясенъ, то зачастую совершенно неподходящимъ къ задуманному. Мое мнѣніе, какъ грамотной, имѣло вѣсъ и служило отчасти къ разрѣшенію отвѣта, поставившаго въ тупикъ все общество. Загадано было о письмѣ; я прочла отвѣтъ: «Ты ищешь, человѣче, еленя, а онъ давно въ лѣсъ ушелъ». Что общаго между «еленемъ» и письмомъ? Я могла объяснить только, что «елень»— олень. Иванъ разрѣшалъ недоумѣніе словами: «елень ушелъ въ лѣсъ, куда ему слѣдуетъ, а письмо пришло въ деревню, куда ему слѣдуетъ».

Послѣ игръ начиналась музыка и пѣніе, т.-е. игра губами на гребенкѣ, обернутой бумажкой по концамъ зубьевъ, съ аккомпаниментомъ брянчанья ножемъ по стакану или большимъ ножницамъ. Когда я начала играть на фортепіано гаммы, то внесла этимъ новый музыкальный элементъ. Гаммы были дивертиссементомъ, который я давала безъ аккомпанимента: по общему мнѣнію, было признано, что онъ только портитъ музыку. Потомъ пили чай, т.-е. мы— свое молоко, являлось угощеніе; мы приберегали гостинцы, Иванъ приносилъ орѣховъ. Иногда намъ доставалось за наши вечера. Зала примыкала къ квартирѣ сосѣдей, и не разъ уже старуха-сосѣдка, державшая женатаго сына съ семьей желѣзной рукой, присылала прислугу спросить, что у насъ за шумъ, когда нашъ хоръ доносился до ея ушей изъ дѣтской, отдѣленной отъ залы двумя комнатами. Она не удовольствовалась этимъ и на другой день пожаловалась запиской,—конечно, вызвавшей грозу. Но вечера наши не прекратились; они были дозволены, хотя безъ тѣхъ увлеченій весельемъ, за которыя явилась жалоба. Мать, женщина нервная и нѣсколько истеричная, уѣзжая изъ дома, терзалась постояннымъ страхомъ, что

въ ея отсутствіе непремѣнно случится какая-нибудь бѣда, и моя, очень рано проявившаяся, наклонность къ разнымъ членовредительнымъ и головоломнымъ штукамъ отчасти оправдывала этотъ ужасъ. Требовалось усилить надзоръ—и отдавалось приказаніе Ольгѣ и Ивану сидѣть въ дѣтской и играть въ лото или дураки. Вѣстовому было скучно одному на кухнѣ—и онъ шелъ къ намъ. Иногда приходила знакомая прислуга сосѣдей, пользуясь вечерами въ клубѣ, собиравшими господъ.

И ничего, кромѣ теплаго отношенія къ людямъ, не вынесли мы изъ этихъ вечеровъ. Случалось, что новичекъ вѣстовой, оставленный дуракомъ, отпускалъ неслыханное нами словцо; его тотчасъ унимали, стыдили. Онъ смолкалъ испуганно. Случалось, иной просилъ насъ не говорить барину и барынѣ. «Наши дѣти не ябедничаютъ», успокаивали его наши пѣстуны, и тонъ, какимъ произносились эти слова, умирялъ поднимавшееся во мнѣ чувство обиды. Эти вечера давали дѣтямъ передохнуть отъ нестерпимой муштровки; мы были не подчиненными, обязанными ходить по стрункѣ, съ оглядкой, но равноправными членами нашего маленькаго общества; намъ дышалось привольно, сдавленная дѣтская жизнь била ключемъ, и вечера эти свѣтятся искорками на сѣренькомъ фонѣ невеселаго дѣтства.

Когда я начала побольше понимать окружающую жизнь, эти вечера приподняли передо мной одинъ край завѣсы, скрывавшей жизнь народа. Горничныя и няньки, приходившія въ гости къ нашей прислугѣ, смѣнявшіеся вѣстовые не стѣснялись говорить о своемъ житьѣ, родныхъ и деревнѣ. Я рано наслышалась о злыхъ господахъ, мучительски мучившихъ крѣпостныхъ, не кормившихъ до сыта, не одѣвавшихъ, и узнала много некрасивыхъ въ этомъ отношеніи подробностей о барской жизни нѣкоторыхъ знакомыхъ. Помню живо тотъ страхъ, который мнѣ стала внушать одна вдова, мать четверыхъ дѣтей, г-жа К., пользовавшаяся репутаціей умной и почтенной женщины, примѣрной хозяйки и матери. Отецъ мой, правда, не особенно любилъ ее за сплетни и звалъ «баба-пролазъ»; но для матери она была авторитетомъ по части воспитанія дѣтей. Эта барыня, при ничтожной пенсіи и крохотномъ клочкѣ земли, находила средства прилично вывозить дочь, принимать постоянно гостей и жить «не хуже людей». Она нашла источникъ доходовъ въ оброчныхъ «дѣвкахъ» и бабахъ, которыхъ отдавала въ наемъ на казенную прачечную. Это была адская работа, въ годъ-другой изсушавшая пышущую здоровьемъ пріѣзжую изъ деревни. Позже такіе факты забросили мнѣ въ голову первыя сомнѣнія относительно почтенности

и примѣрности многихъ барынь, но въ тѣ годы они учили меня жалѣть. Иногда, видя слезы, и я плакала. Если случалось матери замѣтить это, прислугѣ доставалось отъ матери за то, что она разстраиваетъ своими росказнями дѣтей. Отецъ замѣчалъ тогда, что это глупыя нѣжности, а мнѣ совѣтовалъ, вмѣсто того, чтобы плакать, помолиться усерднѣе за несчастныхъ. Тайкомъ отъ меня отдавался приказъ разсказывать толкомъ, а лишняго не болтать. «Лишнее» означало ту сторону жизни, которую тщательно скрываютъ отъ дѣвочекъ.

Эти уроки дѣйствительной жизни оставили слѣды, и я благодарна за то, что насъ не прятали въ психологическіе хлопки и что христіанскіе взгляды отца не ставили стѣну между нами и «людьми».

Отецъ и мать сами учили насъ, позже брали учительницъ и учителей. Читать я начала по складнымъ буквамъ и, по отзыву всѣхъ своихъ, уже будучи трехъ лѣтъ, бойко читала. Перваго урока грамоты я не помню,—дѣло велось между играми и безъ долгаго присаживанья. Въ то время было въ модѣ раннее ученье, и не слышалось жалобъ о вредѣ его для здоровья даже дѣтей, не отличавшихся хорошими способностями. Правда, что соблюдалось правило—ежедневно на два часа въ день, а лѣтомъ почти цѣлые дни быть на воздухѣ, не читать и не заниматься послѣ обѣда; физическія упражненія, т.-е. бѣганье, скаканье на веревочкѣ, танцы, гигантскіе шаги поощрялись; лѣтомъ—копанье грядокъ; были и запрещенныя для дѣвочекъ—борьба и взлѣзанье на деревья и стѣны. Въ то время образованіе дѣвочекъ ограничивалось музыкой и языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Французскому учила меня мать, хорошо знавшая грамматику. Безукоризненное знаніе participe passé считалось вѣнцомъ знанія языка. Нѣмецкому учила одна молодая женщина, приходившая иногда въ гости по воскресеньямъ съ сыномъ, моимъ ровесникомъ. Она вздумала заставлять восьмилѣтнюю дѣвочку писать стихи и дала тему: вѣра, надежда и любовь. Въ отчаяніи, я пришла къ отцу. Я и по русски никогда еще не прибрала ни одной риѳмы, но дисциплина требовала, чтобы приказаніе учительницы было исполнено. Меня смущала риѳма, а не то, чтò мнѣ сказать о вѣрѣ, надеждѣ и любви: наслышалась и начиталась я и въ 8 лѣтъ довольно проповѣдей на тему трехъ христіанскихъ добродѣтелей. Я по русски составила набросокъ о томъ, что вѣра указываетъ путь къ небу, надежда даетъ силу и отраду въ горестяхъ, а любовь научаетъ дѣлать добро. Но какъ все это втиснуть въ предписанный размѣръ,

какой ужъ не помню, гдѣ риѳмы должны были чередоваться черезъ одну?.. Тогда я перевела набросокъ свой на нѣмецкій, выбрала слова риѳмующія, пріискала и другія, подходящія къ смыслу, и написала въ концѣ строкъ риѳмы, потомъ съ мучительными потугами набрала текстъ. Въ этихъ bouts rimés, паче чаянія, оказался смыслъ, и даже грамотно выраженный для моихъ лѣтъ; но, увы! какая-то глагольная риѳма могла риѳмовать съ существительнымъ только въ прошедшемъ, а требовалось настоящее время... Въ памяти моей уцѣлѣло только воспоминаніе о мучительныхъ потугахъ навязаннаго творчества и самолюбивыя терзанія, что я осрамлюсь. Учительница въ мои лѣта писала нѣмецкіе стихи, а я не могла писать русскихъ... Отецъ утѣшилъ меня, доказывая неразумность честолюбія и самолюбія: каждый обязанъ дать только то лучшее, что можетъ дать, а если другіе могутъ дать еще лучшее, то тѣмъ лучше для нихъ и для всѣхъ. Учительница пришла въ ужасъ отъ моихъ стиховъ, не найдя въ нихъ poetischer Schwang. И много искренняго разочарованія было въ ея ужасѣ. Она, при первой встрѣчѣ со мной, объявила, что изъ моихъ глазъ смотритъ поэтическая душа, и дала себѣ слово развить ее; она была очень обижена просьбой отца не задавать стиховъ и просьбой матери не развивать во мнѣ странныхъ фантазій,—тѣмъ болѣе, что у меня и безъ того довольно есть въ головѣ глупыхъ... Черезъ годъ ей пришлось отказать за многія странныя выходки, и въ томъ числѣ упорное восхищеніе моей poetische Seele. Она вскорѣ сошла съ ума. Имени ея я не помню, но какъ теперь вижу высохшее желтое лицо, съ длиннымъ прямымъ носомъ и сѣрыми, часто заплаканными глазами. Бѣдная много вынесла отъ мужа и билась, работая для двоихъ сыновей. Кто знаетъ, въ ея отыскиваньи поэтической души у восьмилѣтней дѣвочки не сказывалась-ли горечь разбитыхъ надеждъ на идеальную жизнь, о которой она мнѣ много говорила на урокахъ?.. И часто послѣ урока я ломала себѣ голову, думая, какая это такая жизнь, не похожая на allgemeine, которая разбиваетъ сердце?

Русскому языку, т.-е. грамматикѣ, учила мать; ариѳметикѣ, географіи и исторіи — отецъ. Системы приготовленія уроковъ не было. Отецъ заставлялъ прочесть то мѣсто, которое стояло на очереди, вникнуть и понять основательно, и затѣмъ выучить наизусть слово въ слово и отвѣтить—и это ровно черезъ часъ. Это была очень усиленная гимнастика памяти, потому что задавалось по 4 страницы учебника Арсеньева, который потомъ замѣнили учебникомъ Ободовскаго; въ слѣдующій затѣмъ часъ шелъ урокъ исторіи—по краткому учебнику Устрялова. Ариѳметику я учила тоже отчасти наизусть, а именно опре-

дѣленія. Заучиванье это не было безсмысленнымъ зубреньемъ, потому что, прочитавъ урокъ съ отцемъ, я передавала его своими словами; заучиванье это было плодомъ всей системы дисциплины, ставившей на первомъ планѣ уваженіе къ старшимъ. «Ты, вѣдь, лучше него (составителя учебника) не скажешь—ну, и учись у него». Началось ученье по старой методѣ—съ нумераціи, и по учебнику восемьсотъ первыхъ годовъ, по которому самъ отецъ учился въ морскомъ корпусѣ. Я бойко писала семизначныя суммы и въ 8 лѣтъ дѣлала всѣ четыре дѣйствія съ простыми числами. На ариѳметику уходило четыре часа въ недѣлю, по два на одинъ урокъ. Не давались мнѣ только задачи съ загадками, въ родѣ извѣстной о встрѣчѣ стрѣлокъ часовой и минутной, гдѣ надо было смекнуть, что минутная проходитъ весь кругъ—60 минутъ, а часовая—часть его, т.-е. сегментъ въ пять минутъ. Я находила, что нѣтъ данныхъ для задачи. Отецъ неумолимо твердилъ: «подумай, не лѣнись. Тебѣ не въ кого быть тупицей. Мы всѣ выходили изъ перваго десятка на выпускѣ». Иногда я осиливала головоломную загадку; иногда отецъ убѣждался, что я измучилась усиліями; онъ сердито объяснялъ, и я горѣла отъ стыда, видя, что ларчикъ открывался такъ просто и надо было только смекнуть то, что въ сущности было мелочью. Но ужъ таково было свойство моего ума: я могла понять многое, признанное недоступнымъ для моихъ лѣтъ, разъ это было объяснено просто, иногда понимать съ половины объясненія, но догадываться о смыслѣ логариѳмовъ не могла. Въ двѣнадцать лѣтъ я прошла алгебру во второй части учебника ариѳметики. Пришлось немного трудно, отецъ не любилъ разжевывать и твердилъ, что надо самой работать головой. У нихъ, въ корпусѣ, учитель математики былъ почти 80-ти-лѣтній старикъ, который перезабылъ многое и дремалъ въ классѣ, такъ что первый десятокъ самъ шелъ впередъ по учебникамъ и учитель вызывалъ котораго-нибудь изъ десятка для объясненія другимъ ученикамъ: «Эй, ты, NN., подь къ доскѣ»... Я поняла, подставивъ цыфры вмѣсто буквъ въ первыхъ теоремахъ. Корни квадратные и кубическіе были пройдены, и мы дошли до логариѳмовъ. Тогда отецъ объявилъ, что я прошла весь курсъ ариѳметити, нужный для меня, и даже лишнее, потому что, кромѣ четырехъ правилъ да еще тройнаго и обратнаго, мнѣ ничего другого не нужно будетъ въ жизни. Разсчитать, сколько холста на одну дюжину бѣлья, или двѣ, поуже—больше, пошире—меньше—вотъ и все примѣненіе ариѳметики, которое предстояло мнѣ. Логариѳмы не для дѣвочекъ. Это задѣло мое самолюбіе, тѣмъ больше, что и товарищи дѣтства, двоюродные братья моей матери, дразнили: «куда

тебѣ, дѣвчонкѣ; ты не поймешь!» Я легко поняла логариѳмы; исписавъ обѣ стороны большой аспидной доски, я съ торжествомъ понесла отцу. Онъ остался недоволенъ непослушаніемъ и тратой времени на удовлетвореніе тщеславія. Но было не одно тщеславіе,—во мнѣ пробуждался интересъ къ математикѣ. Позже, когда я проходила свой курсъ общаго образованія по популярнымъ книжкамъ и журнальнымъ статьямъ, я живо чувствовала, какъ мнѣ недоставало математическаго образованія.

На географію и русскую исторію было опредѣлено по два часа въ недѣлю. Географію вообще я и мои товарищи дѣтства не любили, да и теперь, несмотря на всякія педагогическія приспособленія, она считается предметомъ скучнымъ,—развѣ что явится выдающійся учитель. Намъ пособіемъ служили географическія карты и клубокъ шерсти на спицѣ, объяснявшій наглядно круговращеніе земного шара. Училась я усердно географіи ради дисциплины: должное надо сдѣлать, и послабленій у насъ не было. Эта дисциплина побудила меня выработать самой себѣ правило—пить горькую чашу разомъ, которое потомъ пригодилось мнѣ не разъ. Такимъ образомъ, съ нелюбимымъ предметомъ я справлялась, когда рабочая энергія была свѣжа; переходя къ любимому, я вновь оживлялась и увлекалась до того, что отецъ, пощупавъ голову, посылалъ пробѣгаться. Помню скуку долбить по Арсеньеву списокъ уѣздовъ каждой губерніи; долбила нараспѣвъ, придавая свой ритмъ, что помогало запоминать: Ардатовъ, Лукояновъ и т. д.

Русскую исторію я любила болѣе въ силу патріотическаго чувства, чѣмъ научной любознательности. Начало урока было обставлено торжественностью почти религіозной; впрочемъ, «обставлено» невѣрное слово, потому что отецъ былъ неспособенъ ни къ какой намѣренной выставкѣ. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, отецъ позвалъ меня и прочувствованнымъ голосомъ сказалъ: «ты русская, ты должна знать исторію твоего отечества. Здѣсь ты увидишь, какъ Богъ велъ Россію, и какими путями привелъ ее къ могуществу и славѣ настоящаго времени. Русскій народъ, избранный Богомъ, онъ православный; такъ древле были избраннымъ народомъ евреи. Ты увидишь, какъ изъ слабаго княжества Россія выросла въ имперію, которая держитъ въ страхѣ иноплеменниковъ. Бывала пора, когда народъ прогнѣвлялъ Господа грѣхами, и Онъ насылалъ на него враговъ. Народъ каялся, и Господь прощалъ и давалъ силу побѣдить враговъ». Нѣтъ ничего легче, конечно, какъ доказать несостоятельность такого пріема съ какихъ угодно точекъ зрѣнія. Дѣтскій умъ рано

отливали въ опредѣленные шаблоны, засѣвали зерно, а послѣ пришлось вырывать растеніе съ корнемъ. Но въ нравственномъ отношеніи въ ту темную пору такой пріемъ оказался благодѣтельнымъ. Онъ давалъ идеалы, поднимавшіе надъ жалкимъ уровнемъ дрессировки «барышни» и «demoiselle comme il faut», которою муштровала меня женская стихія въ домѣ. Важно заронить въ дѣтскую душу потребность идеаловъ, а разъ она есть, то уже сама пойдетъ къ свѣту. Конечно, лучше, несравненно лучше было-бы, если-бы на пути не приходилось сжигать старыхъ боговъ, расчищая мѣсто новымъ; но когда неоткуда взять новыхъ, то хорошо, если душа—храмъ для старыхъ, а не пустая горница, выметенная и прибранная, въ которой могутъ свободно селиться всякіе бѣсы и о которой говоритъ евангельская притча. Умиленіе отца, его проникнутый благоговѣйнымъ чувствомъ голосъ запали мнѣ въ душу. Я не долбила учебникъ Устрялова, я воспринимала каждое слово его съ жаднымъ восторгомъ, который поохладѣлъ, когда я дошла до междоусобицы удѣльныхъ князей, и потомъ снова возгорѣлся въ эпоху изгнанія татаръ, затѣмъ— взятія Казани, изгнанія поляковъ и воцаренія дома Романовыхъ. А тамъ Петръ I, Екатерина II, Александръ Благословенный... Моимъ любимымъ чтеніемъ, и это съ 8 лѣтъ, была исторія Карамзина.

Въ наше время, когда разжевыванье и пережевыванье стало лозунгомъ педагогическихъ системъ, скажутъ, что это было тепличное развитіе, которое должно было вредно отозваться на дѣтскомъ умѣ и здоровьѣ, и чтобы вынести его надо было обладать большими способностями и крѣпкимъ здоровьемъ. Способности у меня были, правда, хорошія, но немногимъ лучше, чѣмъ у товарищей дѣтства, а здоровьемъ со мною могла поспорить ровесница моя, кузина матери моей, Саня; она была полугодомъ старше, и шли мы ровно во всемъ: она брала добросовѣстнымъ трудомъ то, что мнѣ давалось легко. Если-бы было поменьше дѣтскаго горя у меня, то я-бы вынесла и бо́льшее напряженіе ученья. Кромѣ пережевыванья, нынче дѣтскому уму ставятъ границы и видятъ нѣчто гибельное, если ребенокъ изрѣдка поломаетъ голову надъ тѣмъ, что недоступно ему. Но вообще, сколько мнѣ ни припоминается жизнь своя и товарищей, сколько мнѣ послѣ ни приходилось въ продолженіе цѣлой жизни видѣть близко дѣтей и дружиться съ ними, я вынесла полнѣйшее убѣжденіе въ томъ, что дѣти вообще понимаютъ гораздо болѣе, нежели то воображаютъ воспитатели, относящіеся къ нимъ какъ начальство. Понимаютъ—въ общихъ чертахъ; сложность отношеній, тонкость оттѣнковъ ускользаютъ отъ нихъ, т.-е. все, для пониманія чего

требуется опытъ; но многое дѣти видятъ вѣрно и даже замѣчаютъ ускользнувшее отъ взрослыхъ, что естественно, потому что меньшее количество предметовъ занимаетъ дѣтское вниманіе. Притомъ, національный патріотизмъ и, вдобавокъ, на воинственной подкладкѣ доступенъ уму на очень низкой степени развитія. Нашъ дѣтскій кружокъ былъ пропитанъ понятіями служакъ Николаевскаго времени, и пропитывался ими не по предписанію, но непосредственно и почти безсознательно. Мы гордились, что мы русскіе; какъ ни были привязаны къ инымъ товарищамъ нѣмцамъ или англичанамъ, даже признавая личное превосходство *А*, или *В* надъ нами, мы были все-таки непоколебимо убѣждены, что мы, какъ русскіе, выше ихъ и непремѣнно докажемъ это, когда выростемъ. Мы вели патріотическіе споры съ товарищами-иноплеменниками, разрѣшавшіеся очень часто кулаками. Умалчивая о непарламентскомъ способѣ рѣшенія, о которомъ свидѣтельствовали иногда улики на лицѣ, мы передавали старшимъ парламентскіе аргументы, досадовали на оплошность и проглядыванье болѣе вѣскихъ, неизбѣжныя въ пылу преній. Насъ слушали съ интересомъ старшіе, одобряли или указывали промахи, мы смѣли разсуждать; изъ подчиненныхъ, обязанныхъ безпрекословно повиноваться, мы превращались въ младшихъ соотечественниковъ, имѣвшихъ общіе интересы съ старшими; я была уже не только дѣвочка, не дерзавшая разсуждать, но русская, хотя и маленькая. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія можно вознегодовать на это внѣдреніе узкаго патріотизма, ставившаго насъ съ дѣтства во враждебное отношеніе къ милліонамъ иновѣрцевъ и чужеземцевъ, на это калѣченіе ума, съуживанье сердца. Но въ то время это внѣдреніе расширяло сердце и питало умъ. Мы думали о милліонахъ своихъ, которые жили до насъ, живутъ въ одно время съ нами—и все это *свои*; эти свои вставали какъ одинъ человѣкъ, когда надо было защищать свое отечество, свою вѣру; и, если надо будетъ, снова встанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Товарищи мои и я, благодаря этому рано пробужденному чувству патріотизма, были спасены отъ дѣтской пошлости, отъ ранней житейской мудрости, какими были испорчены до мозга костей столь многіе ровесники и ровесницы наши, посѣщенія которыхъ были для насъ непріятнымъ вторженіемъ въ нашъ кружокъ и обязывали насъ держаться «дипломатически».

Исторіей Карамзина и многими другими не дѣтскими книгами зачитывались не только мои товарищи и я, но и дѣти, родившіяся на добрый десятокъ лѣтъ позже насъ, и я слышала отъ нихъ, уже зрѣлыхъ людей, что они не вынесли ничего, кромѣ пользы. Непо-

нятое будило жажду понять; плохо понятое понималось черезъ нѣсколько времени вѣрно; они учились поправлять свои ошибки. Я не думаю рекомендовать наше чтеніе дѣтямъ девяностыхъ годовъ: каждой порѣ свои птицы и свои пѣсни,—я просто желаю дать очеркъ нашего умственнаго роста и показать, какъ важно внушать дѣтямъ идеалы, поднимающіе ихъ надъ житейскою заурядностью.

Отецъ училъ Закону Божію самъ, и на эти уроки былъ опредѣленъ воскресный день, который у насъ свято соблюдался. Часъ, а потомъ полтора до обѣдни мы учили катихизисъ, читали евангеліе съ отцомъ; а если погода или здоровье не пускали въ церковь, то должны были все время обѣдни читать священную исторію, сокращенную для дѣтей. Отецъ началъ-было читать библію со мной на славянскомъ языкѣ, читать на которомъ выучилъ меня очень рано; но нѣкоторыя подробности изъ жизни патріарховъ заставили его отложить библію, замѣтивъ, что я мала еще, чтобы читать безъ него, и купить мнѣ сокращенную священную исторію. Катихизису я училась по тому, по которому учился и отецъ, и дѣды временъ Екатерины II. Впрочемъ, я его выучила наизусть не отъ доски до доски, а выбранныя мѣста.

Уроки Закона Божія поддерживали во мнѣ религіозное настроеніе, которое явилось во мнѣ съ семи лѣтъ и, какъ это ни покажется страннымъ, не подъ вліяніемъ отца; но объ этомъ я поговорю далѣе. Теперь-же обращусь къ другой сторонѣ воспитанія—къ эстетической, которая понималась и велась у насъ, да большею частью и вообще въ барскомъ и чиновничьемъ кругу, крайне вульгарно, причемъ эстетика играла только служебную роль для цѣли изготовить интересный и граціозный товаръ на рынокъ невѣстъ. Въ ошибкахъ господствовавшей тогда системы эстетическаго воспитанія дѣвочекъ надо отчасти искать объясненіе факта, который такъ злорадно раздували враги господствующаго въ 60-хъ годахъ направленія—демократическаго презрѣнія къ внѣшности, неэстетичности манеръ, голоса, рѣчи. Одна, намозолившая душу, крайность порождаетъ противуположную. У насъ, вслѣдствіе домашнихъ условій, крайность доходила до размѣровъ, воистину мучительныхъ для дѣтей. Я говорила уже выше о вліяніяхъ великосвѣтскихъ преданій тетки, жившей у насъ, культѣ матери, видѣвшей въ нихъ идеалъ для воспитанія насъ. Другихъ дѣвочекъ этому обучали гувернантки, большею частью наемницы, формально исполнявшія свое дѣло. Наши воспитательницы клали въ дѣло свою душу,—тетка тѣмъ болѣе, что эстетическій отдѣлъ былъ единственною областью, отведенной ей, а она такъ тяготилась пустотою и безцѣльностью жизни

старой дѣвы. Но все это мною было понято позже, въ зрѣломъ возрастѣ, а въ дѣтствѣ это было пыткой. Разъ въ недѣлю или въ двѣ мы брали уроки танцевъ, вмѣстѣ съ товарищами и знакомыми, и, кромѣ того, раза два въ недѣлю насъ учила танцамъ тетка, и мать неизмѣнно присутствовала на урокѣ. Передъ праздниками готовились сюрпризы, разучиванье характерныхъ танцевъ, и уроки удваивались. Кромѣ обыденной, требовалась еще особенная грація.

Грація — дѣло хорошее; угловатость и грубость — непріятны, и красота лучше безобразія, и если-бы все сводилось на смягченіе дѣтской порывистости и рѣзкости движеній и выработку болѣе мягкихъ и красивыхъ, но не манерности, въ которой нѣтъ красоты, то можно-бы было возразить только противъ одного—несоотвѣтственной траты времени на этотъ, далеко не первостепенный, предметъ воспитанія. Притомъ, естественная грація — даръ природы, воспитаніе привить его не можетъ; оно можетъ только научить простотѣ, ловкости движеній, отъ которой далеки рѣзкость и угловатость, несущія и трату силъ, несоотвѣтствующую движенію, и слѣдовательно, неловкость. Ловкія, не угловатыя движенія, если не поразятъ изяществомъ, не поразятъ и противуположною крайностью. Я была неловка на глазахъ старшихъ въ силу вѣчнаго чувства стѣсненія и при первой передышкѣ вырывалась, какъ дикая коза, «сорвавшаяся съ цѣпи». Это ощущеніе стѣсненія дѣлало меня крайне неловкой въ глазахъ старшихъ, и учитель танцевъ замѣтилъ, что я не то, что другіе ученики и ученицы, а именно, что я танцую всего лучше, когда на меня не смотрятъ. Въ дѣтскихъ играхъ, на гигантскихъ шагахъ, на веревочкѣ, въ бѣганьи природа не обидѣла меня ни ловкостью, ни силой. Но, на бѣду, я была головой выше ровесницъ, неуклюже сложена отъ скораго роста, съ непомѣрно длинными ногами и руками, которыя никакъ не закруглялись въ граціозныя движенія качучи, и по росту я кидалась всѣмъ въ глаза. Притомъ, въ силу великосвѣтскихъ преданій, требовалась спеціальная грація княжны Д. или графини Ш. и не принималось въ соображеніе, что граціозное для одного ребенка выйдетъ ломаньемъ для другого. Уроки были пыткой дрессировки, а не здоровымъ физическимъ упражненіемъ. Насъ тянуло бѣгать, прыгать, а мы послѣ 2—3-часового напряженія за уроками должны были выносить новое напряженіе; всего несноснѣе были менуэтъ съ его реверансами, качуча съ ея извиваньями и выгибаньями, а къ двѣнадцати годамъ—балетные *pas de châle* и *pas de couronne*, при чемъ шаль изображалъ первый попавшійся платокъ, а вѣнокъ—кружокъ изъ скрученной жгутомъ бумаги. По поводу pas de châle я впер-

вые услышала имя баронессы Крюднеръ, плѣнявшей этимъ танцемъ парижскій beau monde. И тутъ-же отъ отца услышала, что она раскаялась въ жизни суеты и всю жизнь дѣлала добро, хотя и заблуждалась въ вѣрѣ.

Къ счастью, — хотя въ пору дѣтства это было несчастьемъ, и очень горькимъ для насъ,—воспитательницы своею раздражительностью и неумѣньемъ понимать дѣтскую душу въ корень подрывали собственное вліяніе. Уголъ, въ который меня отправляли за неудачные извивы качучи или медвѣжьи прыжки въ болеро, былъ избавленіемъ отъ вытягивавшихъ душу упрековъ въ неблагодарности, упрямствѣ и лѣни. Уроки балетныхъ танцевъ, начатыя съ пятилѣтняго возраста, покончились на моемъ тринадцатомъ году. Тогда уже у меня сложились свои опредѣленные идеалы жизни и свой кодексъ правдиваго и разумнаго. Я покончила со всѣми *падешалями*,— какъ мы нарочно коверкали названіе это, производя его отъ слова *шаль* не въ смыслѣ принадлежности танца, а отъ *шальной*. Остались только уроки манеръ—какъ входить, кланяться, садиться, вставать, брать какую-либо вещь, передавать, и окончились, когда мнѣ минуло 15 лѣтъ и меня стали вывозить на вечеринки, потому что тогда убѣдились, сколько натянутости и деревянности развиваютъ во мнѣ эти уроки, которые, по мнѣнію учительницъ, шли въ прокъ моимъ сверстницамъ, даже гораздо менѣе способнымъ дѣвочкамъ. Я во время скучныхъ уроковъ думала о своемъ, машинально исполняя требуемое. Когда-же приходилось осуществлять уроки при гостяхъ, я думала объ урокахъ этихъ, чтобы избѣжать грозы; выходило неестественно. Невозможно было то милое оживленіе, какое требовалось отъ барышни комъ-иль-фо; нельзя было сохранять любезную находчивость и вниманіе къ равнымъ, почтительную предупредительность къ старшимъ,— эту печать благовоспитанности, и милая causerie такъ и осталась чуждымъ мнѣ талантомъ. На моихъ глазахъ уроки граціи исковеркали врожденную грацію одной ровесницы; слѣпое восхищеніе родителей, восторги знакомыхъ, на половину дѣланные, и то преувеличенное значеніе, какое кружокъ знакомыхъ придавалъ граціозности, убили въ дѣвочкѣ всякую естественность. Она только и думала о томъ, что ею любуются, она не дѣлала ни одного движенія просто, и только извращенный вкусъ могъ восхищаться ея ужимками и манерничаньемъ.

Кромѣ вреда въ эстетическомъ отношеніи, уроки эти могли принести мнѣ и глубокій вредъ въ нравственномъ, если-бы не было другихъ. Ежедневно крупный процентъ времени отдавали внѣшности, по-

казному. Онъ оказывался еще крупнѣе, если прибавить къ часамъ уроковъ время, потраченное на пространныя нравоученія о важности граціи plus belle que la beauté, о необходимости пріобрѣтать даръ этотъ. Хотя причины необходимости не разъяснялись, но изъ разговоровъ матери съ родственницами и знакомыми мы отлично понимали причины эти. Цѣлью всего было приготовить насъ блистать на балахъ и нравиться. Въ дѣтскія головы полными пригоршнями бросались сѣмена тщеславія, суетности, и, кромѣ того, уроки эти были вредны уже тѣмъ, что занимали время, которое могло-бы быть употреблено съ большею пользою, хотя-бы на естественныя дѣтскія игры.

О вліяніи отца, парализовавшемъ эту сторону воспитанія, я уже говорила; я должна сказать еще о дядѣ — братѣ матери. Это былъ человѣкъ умный, однихъ патріотическихъ взглядовъ съ отцомъ, горячій и пьяница, какъ вообще талантливыя натуры безъ спеціализаціи талантливости. Все смѣшное и глупое вызывало въ глазахъ его искорки затаеннаго смѣха, дѣйствовавшія на меня такъ-же, какъ и отцовское изреченіе: суета суетъ. Когда дядя приходилъ подъ хмелькомъ, онъ садился въ уголъ и, крутя усъ и раскачиваясь, курныкалъ вполголоса почти всегда свои мысли о происходившемъ передъ глазами его, но въ такихъ нечленораздѣльныхъ звукахъ, что я не скоро выучилась разгадывать смыслъ ихъ. Выучившись, я слышала явственно въ звукахъ: «у-у-о-о-и-та-а-е-е-е-ни-и-и-ц-ы-ы», ироническое: воспитательницы; ироническій тонъ комментировался взглядомъ, полнымъ сожалѣнія, когда мнѣ сердито и очень чувствительно вывертывали руки и ноги и осыпали еще болѣе чувствительными упреками въ неблагодарности и злобномъ упрямствѣ, вызывавшими на глаза тщетно подавляемыя слезы обиды, злобы и горя. Разъ я не выдержала и, угадавъ «воспитательницы», громко расхохоталась. Дядю изгнали въ другую комнату, замѣтивъ ему неприличіе являться не въ своемъ видѣ при дѣвочкахъ. Я слышала отвѣтъ. «Что—мое? мое цвѣточки, а вы ягодкамъ учите». Дядя не былъ религіозенъ, и этотъ взглядъ его на наше воспитаніе обосновывался мотивами вполнѣ реальными.

Нравственный міръ нашъ складывался всего болѣе подъ вліяніемъ отца; но были и другія вліянія. Сестра на всю жизнь осталась религіозной въ духѣ отца, но значительно смягчивъ то, что было неумолимаго въ его религіи; масонство молодости испарилось въ отцѣ; окружавшія его неправда и зло окружающей жизни мрачно настрои-

ли его, и онъ часто говорилъ о Богѣ, карающемъ зло. Онъ грозилъ Имъ за суету суетъ въ семьѣ, а мнѣ—за мои вспышки упрямства и гнѣва. Вѣчность кары пугала меня, казалась несправедливостью; онъ говорилъ: не разсуждай, но вѣрь. Вотъ почему не онъ вызвалъ во мнѣ религіозное настроеніе, которое, начавшись на восьмомъ году, длилось лѣтъ шесть. Вызвала его встрѣча съ больною Анною Павловною.

Мы переѣхали на дачу въ слободу, на косѣ. Хозяйская дочь, двадцатилѣтняя дѣвушка, года три лежала безъ движенія, страдая иногда мучительными ревматическими болями. За ея кроткое несеніе страданія, за любовь ко всему окружающему, ее считали святой въ слободкѣ. Женщины, а иногда и мужчины изъ слобожанъ шли къ ней за совѣтомъ, она примиряла ссоры въ семьѣ, просто, любовно увѣщевала блудныхъ дѣтей покаяться, суровыхъ родителей—открыть объятія кающимся. Она не любила злословія и осужденій. Дѣти очень чутки на все выдающееся изъ заурядности. Я въ первый разъ въ жизни встрѣчала существо, которое вселяло такое сильное уваженіе; отецъ почти съ почтеніемъ относился къ Аннѣ Павловнѣ, и также нашъ пестунъ Иванъ, объявившій съ перваго-же дня знакомства, что А. П. не то, что весь женскій полъ. Мнѣніе взрослыхъ сильно дѣйствуетъ на дѣтей, и это помимо всякихъ педагогическихъ цѣлей и внѣ круга, отмежеваннаго оффиціальною педагогикой. Общее уваженіе возбудило во мнѣ сильный интересъ къ А. П. и я принялась присматриваться къ ней. Вскорѣ я сильно привязалась къ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженно поклонялась ей. Меня поразила ея милая улыбка и любящій взглядъ голубыхъ прекрасныхъ глазъ. Красоту лица я чутко понимала для своихъ лѣтъ и цѣнила высоко. Я никогда не видѣла ее разсерженной или хмурой. Какъ ни мучительны были страданія ея, у нея не вырывалось ни жалобы, ни крика. Я видѣла, какъ блѣднѣло лицо и искажались черты. Тогда она прерывающимся голосомъ говорила: «уходи, милая, тебѣ не хорошо быть». Я повиновалась, потому что мои убѣжденія, что я не испугаюсь, не дѣйствовали, а ослушаться А. П. было невозможно. Она взглядомъ своимъ могла дѣлать изъ меня все, что хотѣла, и самыя бурныя вспышки мои мгновенно утихали, когда она смотрѣла на меня своими ласковыми глазами, въ которыхъ моя злоба вызывала печаль. Въ этой печали не было ничего дѣланнаго, какъ въ огорченіи матери и тетки, которое онѣ напускали на себя, когда сердитые упреки не дѣйствовали. Въ А. П. не было ничего *нарочнаго*. Эта кротость, это терпѣніе поражали меня. Я видѣла, какъ бѣдно жили онѣ, знала, что прежде жили,

*

не зная нужды, знала, что городской домикъ, главный источникъ средствъ, у нихъ оттягиваютъ по какой-то плутовской роспискѣ; домикъ сгорѣлъ во время пожара, уничтожившаго нѣсколько беднѣйшихъ кварталовъ, и Анна Павловна перенесла это съ всегдашнею покорностью Провидѣнію, жалѣя только о матери и старой теткѣ.

Передъ такою кротостью и такимъ терпѣніемъ мои вспышки казались мнѣ преступленіемъ и я начала считать себя страшной грѣшницей. Меня терзалъ страхъ ада. Я ничего не сдѣлала хорошаго— мнѣ это твердили родные со всѣхъ сторонъ; я только думала о томъ, чтобы дѣлать то, что мнѣ пріятно, училась хорошо, потому что мнѣ это нравилось; моему самолюбію льстило удивленіе, вызванное успѣхами. Если я умру, то пойду въ адъ. Анна Павловна—и та считала себя грѣшницей и говорила, что надѣется только на милость Божію. А. П. замѣтила это мрачное настроеніе, вызвала на откровенность и успокоила словами: «Богъ нашъ отецъ, онъ не такъ судитъ, какъ люди; исправляй себя и молись». Молиться было для меня легче, чѣмъ исправлять себя; не смотря на мое твердое намѣреніе умирить свой горячій нравъ, я часто впадала въ искушеніе, и за-то тѣмъ усерднѣе молилась. Я узнала наслажденіе молитвенныхъ экстазовъ, за лазурью неба видѣла Бога, и мнѣ чудились ангелы, слетавшіе въ снопѣ солнечныхъ лучей утѣшать меня. До этого состоянія я дошла послѣ одного сновидѣнія, оставившаго сильное впечатлѣніе. Выдался какой-то особенно тяжелый день, я дурно вела себя, и еще при гостяхъ, что отягчало вину даже въ глазахъ отца,—не съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій, но психологической: чужой человѣкъ все-таки узда; притомъ я нарушила вспышкой долгъ гостепріимства: гостья, нелюбимая мною дѣвочка, запросилась домой, соскучивъ моею невольною невнимательностью, ибо былъ полученъ новый нумеръ «Звѣздочки», который тянулъ меня съ неудержимой силой. По отъѣздѣ гостей, я «взбунтовалась» совсѣмъ и объявила, что не могу быть любезной съ такой скучной дѣвочкой, да еще дрянной. Она меня чѣмъ-то ужасно возмутила. Чѣмъ—не помню, но помню, что я отказалась мотивировать свое негодованіе. День былъ удушливый, мать жаловалась на духоту и всегда бывала раздражительна въ эти дни. Не помню, чтобы въ дѣтствѣ грозовые дни дѣйствовали на меня; въ молодости нервы мои не страдали въ эти дни и только въ старости болѣзнь вызывала предчувствіе грозы. Не то было съ сестрой, слабымъ ребенкомъ, которая поссорилась съ гостьей; я вступалась за сестру. Словомъ, были мелочи, которыя были раздуты въ гору,—съ одной стороны, нервничаньемъ въ грозовый день, съ другой—мистицизмомъ и

дисциплиною добраго стараго времени, видѣвшимъ и загробную, и догробную гибель въ моихъ вспышкахъ возмущенія. Отцу надо было ѣхать въ городъ и некогда было судить насъ. Онъ на другой день прислалъ изъ города письмо мнѣ и сестрѣ. Это одно повергло меня въ ужасъ. Что-же сталось, когда я прочла въ письмѣ обличеніе моего вчерашняго поведенія съ указаніемъ на послѣдствія ихъ догробныя и загробныя. Тонъ письма былъ болѣе скорбный, чѣмъ гнѣвный, и я знала, что отецъ говоритъ все *всамдѣлишно*, а не нарочно. Догробныя послѣдствія, что всѣ окружающіе меня не будутъ любить меня за мой нравъ, не особенно смутили меня. Иванъ меня любилъ, несмотря на мои вспышки, няня то-же, отецъ не грозилъ разлюбить, но писалъ, что мы ему можемъ быть крестомъ, если не исправимся. О матери и теткѣ какъ-то никогда не думалось мнѣ въ знаменательные моменты дѣтской жизни, и только когда я успокаивалась отъ вынесеннаго волненія, я долга ради вспоминала и о нихъ. Загробныя послѣдствія повергли меня въ ужасъ. Я бросилась на колѣни къ кровати своей, уткнулась лицомъ въ подушку и рыдала безъ словъ, но въ душѣ какой-то голосъ въ отчаяніи взывалъ: «Господи, помилуй». Въ эту-то ночь я и видѣла вѣщій сонъ страшнаго суда, трубные звуки—отголоски далекой грозы, бушевавшей на морѣ, и грознаго ангела съ вѣсами. Увы! чашка съ моимъ нравственнымъ дебетомъ—чуть не стопа рукописаній,—амплификація грознаго отцовскаго письма,—низко-низко опустилась; другая—пустая взлетѣла высоко. Я въ трепетѣ пала ницъ; мнѣ чудилось, что чьи-то ледяныя руки хватаютъ меня и влекутъ внизъ, въ зіяющую бездну мрака, и въ то-же время я не сводила глазъ съ вѣсовъ. Свѣтлый ангелъ съ любящимъ взоромъ бросилъ въ пустую чашку единственный и первый гривенникъ, полученный мною и опущенный въ ящикъ для пріютскихъ сиротъ. Весь этотъ страшный день, перебирая свои преступленія и напрасно ища добрыхъ дѣлъ, я забыла объ этомъ гривенникѣ, и только во снѣ вспомнила о немъ. Чаша добра моего чуть-чуть опустилась. Я приподняла голову и ждала мучительно. Добрый ангелъ съ любящими глазами—голубыми глазами А. П—ны—бросилъ поверхъ гривенника свитокъ съ надписью: молитвы и покаяніе ея. Онъ перевѣсилъ,—немного, правда, но все-таки перевѣсилъ чашу съ моими грѣхами. Сверху, изъ того сіянія, къ которому я не смѣла поднять глазъ, торжественно прозвучало: прощена! Восторженная радость потрясла меня всю—и я проснулась, вся облитая потомъ, разбитая. Когда я нѣсколько отдышалась, я горячо помолилась и заснула крѣпкимъ сномъ. На другой день я встала съ свѣтлой радостью на душѣ, давъ себѣ клятву

быть доброй, терпѣливой и кроткой, какъ Анна Павловна, и нѣсколько дней сдержала слово, такъ что Ольга спрашивала съ удивленіемъ, что сталось со мной, что я такъ тиха, а мать и тетка стали подозрительно слѣдить, не затѣваю-ли я особенно эффектной шалости. Мы, вообще, напускали на себя благонравіе, когда затѣвали что-либо нелегальное.

Я не могла не подѣлиться своею радостью съ Анной Павловной, но не скоро рѣшилась. Она не сразу поняла, за что меня такъ казнила совѣсть. Пришлось разсказать многое. У нея на глазахъ навернулись слезы, но мнѣ она не сказала ни слова, кромѣ слѣдующаго: «Не мучайся, голубочка, Богъ судитъ не какъ люди, Онъ—Отецъ; Онъ тебѣ послалъ великую милость». Не знаю, сказала-ли она отцу обо всемъ, или подѣйствовалъ рапортъ Ивана и Ольги о томъ, что я весь день послѣ письма была сама не своя и ночью рыдала, стонала и металась, но такихъ писемъ я болѣе не получала отъ отца. Послѣ я видѣла не разъ во снѣ сіяніе и сквозь золотую дымку благодушно смотрѣвшее на меня лицо старца съ сѣдой головой въ вѣнцѣ изъ солнечныхъ лучей. Онъ не походилъ на неумолимаго судью, обрекавшаго людей на вѣчныя муки за временное зло. Я стала религіозной дѣвочкой, молилась часто и всего лучше подъ окрытымъ небомъ, или въ виду моря, или въ рощѣ, забѣжавъ далеко отъ старшихъ. Меня стали распекать, зачѣмъ я пугаю ихъ, прячась за кусты, зачѣмъ я подолгу стою съ безсмысленно вылупленными глазами, уткнувшись въ одну точку. Я была чуть-ли не рада страдать за свою вѣру.

Съ одной стороны, настроеніе это приносило пользу, вырабатывая привычку отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и, по возможности, правдиво судить себя; съ другой стороны—грозило опасностью пріучить дѣтскій умъ къ восторженности, созерцаніямъ. Отъ нея спасалъ запасъ здоровыхъ силъ, и послѣ восторга, въ который меня приводила золотая лѣстница къ небу изъ солнечныхъ лучей, я не утрачивала способности приходить въ восторгъ другого рода, найдя семью щенковъ или днище старой бочки, изъ котораго съ помощью бревна мы сколачивали прекрасный столикъ въ нашъ собственный садикъ. Была опасность другого рода—самовозвеличенія и гордыни, и А. П. не только не спасла меня отъ нея, но еще подвела къ ней, не смотря на всѣ предостереженія ея противъ гордыни и поученія о смиреніи. Смирялась я передъ Богомъ, трепеща своего ничтожества предъ Нимъ, но что касалось моихъ сверстниковъ, то я не могла отбиться отъ мысли, что я избрана Богомъ, вижу свѣтъ, а они сидятъ во тьмѣ. А. П. проговорилась, что знала только еще одну та-

кую, но та была старше меня на два года. И никто не сказалъ мнѣ тогда, что въ Россіи милліоны и милліоны дѣвочекъ, которыхъ А. П. знать не могла, и, конечно, въ числѣ ихъ есть много превосходившихъ меня ревностью къ спасенію души...

Естественно, что во мнѣ явилось рвеніе пропаганды, которое обратилось на Ольгу и Ивана; полнѣйшее равнодушіе ихъ и замѣчаніе Ивана: «поживи-ка съ мое—и тогда учи» заставили меня обратить свою проповѣдническую дѣятельность на товарищей. Но они пріѣзжали рѣдко и привозили столько важныхъ плановъ, которые надо было привести въ исполненіе на нашей дачкѣ или въ ихъ городскомъ саду, столько разсказовъ о штукахъ съ гувернантками, столько вѣстей о знакомыхъ дѣтяхъ, что проповѣдническій жаръ испарялся. Я видѣла, что время неудобно, но удобнаго какъ-то и не оказывалось. Надо было бѣжать на берегъ моря, собирать запасы выброшеннаго волнами тростника, камешки, раковины. Совѣсть упрекала меня за мое равнодушіе и я въ виду моря попыталась заговорить о Богѣ; большой пріятель мой, Володя, равнодушно замѣтилъ: «Вотъ, новость сказала! Извѣстно, Богъ создалъ все», и принялся швырять камешки въ море. При повтореніи онъ спросилъ меня: «Да что ты, въ попы, что-ли, собираешься?» Насмѣшка подожгла мое рвеніе. Въ слѣдующій пріѣздъ онъ разсказалъ мнѣ, что гувернантка, подслушавъ ихъ толки о томъ, что я собираюсь въ попы, передала все отцу ихъ, который замѣтилъ, «что этого можно было ожидать, у моего отца—манія замаливаться. Человѣку надо забыться, жизнь не красна—ну, каждый и утѣшается тѣмъ, что ему понравится; а для дѣтей это даже вредно. Онъ зналъ случаи религіознаго идіотства». Въ пылу негодованія, я отвѣчала, что отецъ его слѣпой и идетъ къ гибели и губитъ и ихъ. Возраженіемъ былъ ударъ кулака, и я преступно нарушила заповѣдь: не убій. Товарищи растащили меня съ Володей, заслышавъ, что старшіе идутъ на шумъ. Трусость считалась у насъ позоромъ. Володя словами: «дѣвчонка, струсишь!»—заставлялъ меня кидаться на самыя головоломныя штуки, и я всегда шла второй, непосредственно вслѣдъ за нимъ, неизмѣннымъ зачинщикомъ; братъ его, старше насъ обоихъ, шелъ третьимъ.

Однажды, въ порывѣ религіознаго экстаза, ожидая чуда, я перевѣсилась черезъ окно,—ростъ мой занялъ немногимъ болѣе трети высоты,—отпустила руки и упала. На бѣду, мать моя, которая только-то пошла въ городъ, вернулась, чтобы наказать еще что-то по части нашей охраны, и увидѣла мой полетъ. Она всю жизнь не могла забыть тона, какимъ, на ея испуганный вопросъ: «зачѣмъ ты это сдѣ-

лала?»—я отвѣчала: «захотѣла». При полетѣ своемъ я не приняла въ соображеніе крапиву, чуть не въ аршинъ, густо росшую подъ окномъ, и вышла изъ нея въ такомъ жалкомъ видѣ, что родители нашли меня достаточно наказанной и я была избавлена отъ розогъ.

Розга даже для дѣвочекъ входила въ педагогическую систему отца и рекомендовалась, при извѣстной торжественности, предписанной рукописнымъ переводомъ дѣда. Розги мы боялись, но не ради боли. Боль отъ сильныхъ ушибовъ, царапинъ и ссадинъ, сдиравшихъ не только кожу, но иногда мясо, мы умѣли сносить спартански, и послѣ невольнаго крика, вырваннаго неожиданностью, мы умѣли подавлять и крикъ, и слезы, чтобы скрыть бѣду. Нравоученія и выговоры, тянувшіе душу, были несноснѣе боли и кончались запрещеніемъ игры, въ которой мы ушиблись. Доставалось и товарищамъ.

Мать и тетка не держались никакой опредѣленной системы: подвернешься въ несчастную минуту—и тогда имъ припомнится необходимость сломить мой характеръ. Удавалось Ивану или Ольгѣ, посланными за розгой, промѣшкать, что они всегда дѣлали, но не всегда удачно,—раздраженіе успѣвало улечься и необходимость переставала быть настоятельной. Отецъ вносилъ систему и наказывалъ очень рѣдко. До моего душеспасительнаго настроенія я дико кричала отъ злости; раздраженныя и блѣдныя лица матери и тетки вліяли заразительно. И безъ ихъ упрековъ, что онѣ вынуждены поступать со мной, какъ съ скотиной, которую бьютъ, я чувствовала горько все униженіе быть битой. По окончаніи кары, оставленная одна, въ виду стульевъ и брошенной на полъ розги, я чувствовала бѣшеное желаніе все разбить, разметать. Тѣмъ мучительнѣе чувствовала я позоръ наказанія. что не признавала за собой никакой вины, заслуживавшей его. Послѣ знакомства съ Анной Павловной я сносила наказанія терпѣливо, воображая, что страдаю ради Христа; но все же больно ощущала несправедливость. Дѣти, на основаніи собственнаго сознанія и того, что узнаютъ о порядкахъ жизни товарищей, составляютъ свой кодексъ морали. Ябедничество и фискальство—это былъ абсолютный позоръ, которымъ мы не пачкали себя. Денегъ или вещей мы не таскали, чтобы потомъ проѣсть на сласти,—это было признано воровствомъ. Походы на кладовую или даже чужой огородъ не считались проступкомъ an sich und für sich и формально только признавались таковымъ, какъ нарушеніе дисциплины. Намъ объясняли, конечно, что это нарушеніе заповѣди «не укради», но такое примѣненіе ея, отвлеченно понятое, не укладывалось конкретно въ нашихъ головахъ, и только подъ вліяніемъ А. П—ны я прониклась сознаніемъ грѣховности такихъ походовъ и,

пока длилось мое душеспасительное настроеніе, нерѣдко воздерживалась отъ нихъ, не смотря на насмѣшки надъ ханжествомъ моимъ, или горько каялась, впадая въ искушеніе. Не смотря на дисциплину, общій уровень культурности вліялъ на дѣтей. Ловко стащить что-нибудь съ чужой гряды считалось шалостью, а если еще садъ охранялся собакой или сторожемъ, то и молодечествомъ. Меня сѣкли за упрямство, сестру за лѣнь, которая была развита въ ней непосильными для слабаго ребенка уроками. По дѣтскому кодексу нашему, сѣченье за лѣнь признавалось справедливымъ: не могли-же старшіе допустить, чтобы дѣти росли неучами, «мужиками». Сѣченье-же за упрямство считалось местью старшихъ, и вызвать его значило выказать молодечество, стяжать въ товариществѣ листокъ вѣнка славы. Уступить, покориться, когда грозили розгами, значило струсить. Тутъ не помогала мнѣ и пятая заповѣдь, и я съ восхищеніемъ слушала разсказъ товарищей о томъ, какъ Володя, высѣченный по жалобѣ гувернантки за дерзость его, на ея поученіе о томъ, что онъ не долженъ доводить ее до такой крайности, отвѣчалъ съ своей насмѣшливой улыбочкой: «Всенепремѣнно постараюсь при первой-же возможности». Вся система, въ сущности, была направлена къ развитію дѣтскаго упрямства— подъ видомъ искорененія его. Варварскаго сѣченія, которое было лозунгомъ воспитанія во многихъ изъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, не могло быть ни у насъ, ни у родныхъ, да и сомнительно, чтобы оно могло сломить иные дѣтскіе характеры изъ нашего кружка. Вѣрнѣе—привело-бы къ какой-нибудь чудовищной вспышкѣ. Мы понимали, что обязаны слушаться, когда насъ учатъ дѣлу; но не признавали, чтобы нужно было слушаться всѣхъ приказаній и дѣлать то, чего намъ дѣлать не хочется, только потому, что того хотятъ взрослые. Мы философствовали:—сегодня хотятъ одно, а завтра другое. Былъ еще камень преткновенія: мы не терпѣли выставки нашихъ талантовъ при гостяхъ. Володя иногда прямо объявлялъ: мы не ученыя собачонки, чтобы плясать на потѣху, и уходилъ, чуть тетка моя требовала менуета.

Розга осложнялась очень непріятнымъ обычаемъ, существовавшимъ только у насъ; всегда въ печуркѣ огромной лежанки въ нашей дѣтской торчалъ тощій пучокъ розогъ. Не знаю, рекомендовалъ-ли это нѣмецкій педагогъ, но такъ водилось въ дѣтствѣ отца—и онъ почтительно хранилъ свои семейныя преданія. Этотъ пучокъ розогъ, котораго я не видала никогда у товарищей, глубоко унижалъ насъ. На мои доводы, что этого нѣтъ ни у кого изъ товарищей, отецъ отвѣчалъ, что никто ему не указъ: онъ поступаетъ по своей совѣсти. Когда мы ждали товарищей, я

всегда, взлѣзши на стулъ, такъ глубоко, насколько могла, запихивала розги въ печурку. Тогда не миновать было угла. И какое горькое чувство сжимало горло, когда исчезновеніе розги замѣчалось при гостяхъ, и та снова водворялась на мѣстѣ! Дисциплина требовала этого наказанія за самоуправство и самовольство, при чемъ намъ дѣлалось замѣчаніе, что если-бы мы попросили, то ради гостей было-бы позволено спрятать розгу; но просить я не любила. Вообще отецъ не долюбливалъ дѣтскія просьбы на томъ основаніи, что родители заботятся о томъ, чтобы у насъ было все нужное; слѣдовательно, просьба оказывалась какъ-бы заявленіемъ недовольства. Я терпѣть не могла просить чего-нибудь, и только страсть къ писанію и рисованію пересиливала отвращеніе просить бумаги и карандашей сверхъ положеннаго. О розгѣ я-бы не заикнулась просить, потому что считала вѣчное торчаніе ея на показъ обидною несправедливостью. Этого я не видѣла ни у кого, даже въ домѣ Т., который варварски сѣкъ дѣтей. Товарищи еще бередили больное мѣсто насмѣшками. Володя, когда находилъ стихъ дразнить, нарочно вытаскивалъ розгу. Переселившаяся къ намъ тетка настроила мать убѣдить отца объ отмѣнѣ такой педагогической мѣры, оскорблявшей ея великосвѣтскія преданія и приличной «грубому матросу», какъ она звала иногда отца, поднимая во мнѣ бурю негодованія.

Мое религіозное настроеніе не охладѣло и по переѣздѣ въ городъ, хотя не съ кѣмъ стало перебирать по вечерамъ прегрѣшенія, содѣянныя въ продолженіи дня, и перебирать ихъ съ цѣлью покаянія въ вечерней молитвѣ. Если-бы я находилась исключительно и постоянно подъ вліяніемъ Анны Павловны, то могла-бы впасть въ крайность копанья въ своемъ душевномъ мірѣ. Но въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ пришлось находиться подъ вліяніемъ этимъ, оно принесло мнѣ пользу, пріучивъ вникать въ свои побужденія, не отводя себѣ глаза изъ самолюбія или собственной выгоды, но ища только правды. И этотъ складъ остался на всю жизнь и сослужилъ мнѣ службу при выработкѣ міросозерцанія другого берега. Работать приходилось самоучкой. Теряясь въ хаосѣ противорѣчивыхъ мыслей, поднятыхъ критическими взглядами разныхъ литературныхъ лагерей, не имѣя научнаго критерія для распознаванія логичныхъ отъ нелогичныхъ, я опасалась, что склоняюсь къ тѣмъ, къ которымъ позже пришла, потому что мнѣ они были выгодны, желанны. Я тѣмъ строже повѣряла свои мысли, чѣмъ болѣе я жаждала освобожденія. Отъ этого убѣжденія сложились крѣпко и незыблемо. Каждый фазисъ развитія былъ пережитъ, а не схваченъ съ вѣтра...

Въ эту зиму меня въ первый разъ повели къ исповѣди. Мнѣ

уже минуло восемь лѣтъ, слѣдовательно, отецъ на цѣлый годъ промедлилъ исполнить предписаніе церкви. Послѣ причастія я возвратилась домой въ восторженномъ настроеніи, ожидая видѣть обновленныхъ людей. Отецъ весь день былъ необычайно мягокъ, прочіе вернулись тѣми-же, какими были всегда, и не медля по возвращеніи изъ церкви Ольгу жестоко распекли за мои плохо завитыя кудри. На другой день я проснулась, не думая о вчерашнемъ настроеніи.

Если-бы не одинъ случай въ эту зиму, то мою исповѣдь отложили-бы еще на годъ. Няню Катерину, вторично поступившую къ намъ послѣ вторичнаго приговора мужа въ арестантскія роты за дерзость противъ начальства, смѣнила ревельская нѣмка, взятая ради практики въ нѣмецкомъ. Это была красивая молодая женщина, одѣвавшаяся щегольски и смотрѣвшая совсѣмъ барышней. Она ходила въ шляпкахъ, и ее принимали за гувернантку, чѣмъ мать была очень довольна. Она прожила у насъ съ полгода, но мы къ ней не привязались, какъ къ нянѣ Катеринѣ: надоѣдала намъ необходимость говорить по нѣмецки, а мы почему-то ненавидѣли нѣмецкій языкъ, а нѣмцевъ считали трусами и лгунами поголовно. Нянька эта, не любившая насъ и вообще дѣтей, служила живымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія и, вдобавокъ, смѣла свысока относиться къ Ольгѣ и Ивану, ѣла отдѣльно и звала ихъ часто «русска свинь». Культурныя привычки ея, правда, были выше, чѣмъ у нихъ. Нѣмка это была изгнана со скандаломъ. Она, во время прогулокъ, водила насъ въ казармы къ своему возлюбленному—унтеру, называя его братомъ, и переписывалась съ нимъ моими руками, за неумѣньемъ писать по русски. Она диктовала мнѣ по нѣмецки, а я переводила. Дѣло открыла наша неусыпная сосѣдка. Иванъ былъ отряженъ въ казарму въ качествѣ слѣдователя, и мое рукописаніе было принесено. Насъ съ сестрой удалили въ отцовскій кабинетъ, пока въ дѣтской шло слѣдствіе, выяснившее, что унтеръ не былъ ни братомъ, ни женихомъ. До насъ, черезъ анфиладу мрачныхъ комнатъ, доносился сначала притворный плачъ нѣмки, надѣявшейся разжалобить и остаться, потомъ дерзкій хохотъ, вскрикиванье матери и тетки, и мѣрный, но дышавшій сильнымъ и сдержаннымъ гнѣвомъ голосъ отца. Я еще впервые слышала въ немъ такія ноты и замирала отъ страха, что я, писавшая письмо, сдѣлала что-то ужасное, непонятное мнѣ. Я едва держалась на ногахъ, когда пришелъ отецъ и началъ, повидимому, спокойно, но съ затаенной тревогой допрашивать меня обо всемъ. Онъ видимо успокоился, узнавъ, что я писала: милый другъ, вмѣсто: милый другъ «братъ», потому что нѣмка сказала: надо скорѣе писать, и безъ того

знаетъ, что братъ. Я отдѣлалась выговоромъ, зачѣмъ писала, не спросясь, и не сказала о посѣщеніи казармъ; но я писала письма въ деревню для Ольги и Ивана, я иногда съ ними ходила въ гости въ казармы къ нянѣ Катеринѣ. Мать и тетка хотѣли допытываться у меня о томъ, что я видѣла и слышала, когда нѣмка ходила къ жениху, но отецъ остановилъ ихъ. Нервный ужасъ обѣихъ, долго еще спустя, заставлялъ меня задумываться о томъ, что было тутъ такого ужасно дурного? Отецъ не поминалъ ни словомъ эту исторію, но все-таки ускорилъ годомъ мою исповѣдь, и это при полномъ убѣжденіи въ моемъ полнѣйшемъ непониманіи содѣяннаго. Но когда-то онъ слушалъ лекціи психологіи, говорилъ, что иное оставляетъ слѣды безсознательно, и, какъ религіозный человѣкъ, прибѣгалъ къ обряду, чтобы омыть и безсознательно запачканную дѣтскую душу. Притомъ въ нашемъ кругу было много примѣровъ ранней дѣтской порчи, и случалось, что переставали приглашать иныхъ товарищей и подругъ, приходившихъ къ намъ изрѣдко играть. Священникъ сдѣлалъ мнѣ внушеніе—никогда не слушаться тѣхъ, кто совѣтуетъ дѣлать что-либо тайно отъ родителей и держать всегда свою душу открытою передъ ними.

Въ заключеніе всего сказаннаго о религіозномъ воспитаніи, какое давалъ намъ отецъ, надо замѣтить, что при всемъ убѣжденіи его въ истинѣ православія, какъ единой истинной вѣры, онъ училъ уважать и другія религіи, даже не христіанскія, но признающія единобожіе. Онъ повелъ насъ въ магометанскую молельню, въ синагогу, находившуюся въ казармѣ. Канторъ попросилъ его надѣть фуражку, потому что вѣра ихъ требуетъ, чтобы въ храмъ ихъ входили съ покрытой головой. Отецъ, надѣвая фуражку, извинился и объяснилъ, что снялъ изъ почтенія къ мѣсту молитвы, по привычкѣ входить въ свой храмъ, и Богъ одинъ отецъ всѣхъ людей и всѣ добрые люди пріятны ему, не смотря на разность вѣръ. Такіе непреднамѣренные уроки западали въ память и поднимали противорѣчіе въ душѣ. Съ одной стороны, учили насъ, что безъ вѣры во Христа нѣтъ спасенія, съ другой—что и евреи пріятны Богу. Масонская молодость отца сказывалась порой и оставляла свою закваску и въ моей вѣрѣ. Когда, позже, на урокахъ нѣмецкаго языка, я прочла «Натана Мудраго», то мудрецъ, учившій вѣротерпимости, не сказалъ мнѣ ничего новаго. «Безбожіе» и «вольнодумство» внушали ужасъ. Встрѣчая на улицѣ капитана Б., незнакомаго съ нами, извѣстнаго, по слухамъ, своею ученостью и безбожіемъ, я со скорбью и трепетомъ всматривалась въ лицо его, ища въ рыхлыхъ, добродушныхъ чертахъ и добрыхъ, вѣчно веселыхъ гла-

захъ слѣдовъ отверженія и злодѣйства. Намъ пришлось жить по сосѣдству на дачѣ и, къ неудовольствію отца, было невозможно избѣжать знакомства.

Другой экземпляръ вольнодумства и безбожія я видѣла въ одной изъ многочисленныхъ гувернантокъ, смѣнявшихся въ семьѣ дяди моей матери. Одну изъ нихъ я помню особенно живо, хотя имени и фамиліи не помню, а помню одно фиктивное отчество Николаевна, которымъ она замѣнила неблагозвучное и плебейское «Тарасьевна». Ее считали очень умной дѣвушкой; вольнодумство ея было замѣчено позже и вызвало удивленіе, какъ это она такъ хорошо даетъ уроки священной исторіи, не вѣря ни одному слову. Дѣти ее не любили за сухость и оффиціальное отношеніе къ намъ,—она считала дѣтей зловредными маленькими звѣрьками. Была причина этой дѣтской антипатіи и поглубже. Въ одинъ вечеръ Володя отозвалъ меня за ширмы, загораживавшія постель няни въ дѣтской дѣвочекъ, и подъ условіемъ строжайшей тайны сообщилъ, что Тарасьевна ни во что не вѣритъ и говоритъ, что священная исторія такая-же миѳологія евреевъ, какъ миѳологія римлянъ или Иліада. Онъ слышалъ разговоръ ея съ кѣмъ-то изъ молодыхъ мичмановъ. О миѳологіи мы имѣли понятіе по французскимъ разсказамъ Ламе Флёри; въ то время считалось необходимымъ знать un peu de mythologie ради пониманія классической поэзіи,—et puis c'est si poétique. Замирая отъ ужаса, я слушала и думала: «О, какая она грѣшница и подлая!», а Володя, будто въ отвѣтъ на мою мысль, продолжалъ: «Подлая лгунья; на урокѣ представляется, будто вѣритъ». Дѣтское чувство правды было глубоко возмущено. Я не могла съ этой минуты безъ ужаса и негодованія смотрѣть на Тарасьевну. Она вскорѣ уѣхала къ брату, получившему гдѣ-то профессуру и звавшему ее завѣдывать хозяйствомъ.

Впечатлѣніе отъ невѣрія и безбожія Тарасьевны скоро изгладилось; но залегло и часто повторялось, вызывая неизбѣжно драку, впечатлѣніе отъ передаваемаго мнѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, Володею отзыва отца его о моемъ, что у него религіозная манія. Объясненіе слова я разыскала въ словарѣ Плюшара, и считала это злостной ложью. А. П. говорила мнѣ, что люди, живущіе для мірскихъ выгодъ, всегда издѣваются надъ людьми, живущими для Бога. Притомъ я видѣла, что вѣра отца—дѣятельное чувство. Онъ выбиралъ изъ команды людей, въ которыхъ видѣлъ задатки, нравившіеся ему, и давалъ этимъ людямъ читать свои духовныя книги. Когда арестанты работали у моего отца, то нерѣдко въ нашей квартирѣ слышался звонъ цѣпей и конвойный вводилъ арестанта въ кабинетъ

отца. Это случалось иногда и во время урока, и я вглядывалась, по своей привычкѣ, въ лица; но трудно было что-либо прочесть на нихъ, только мнѣ они не вселяли страха. Отецъ заботливо и съ умиленіемъ спрашивалъ, понялъ-ли все и, давая книгу, прибавлялъ всегда: «Что не поймешь, спроси, когда пошабашите работать. Я буду заходить на работу». Помню, одинъ арестантъ отвѣчалъ съ чувствомъ: «Спасибо, ваше благородіе, много легче стало», и прибавилъ что-то шепотомъ. Отецъ поблѣднѣлъ и отступилъ на шагъ; потомъ подошелъ и перекрестилъ его. «Молись, Господь спасетъ отъ искушенія». Арестантъ, какъ я узнала уже взрослой, сказалъ, что чуть не наложилъ на себя руки.

Жизнь несла свои уроки, и уроки эти противорѣчили другъ другу въ глазахъ моихъ, т.-е. глазахъ дѣвочки. Когда мнѣ минуло лѣтъ семь, я видѣла одну сумасшедшую, дальнюю родственницу моей матери; она, какъ говорили, зачиталась безбожныхъ книгъ и сошла съ ума. Позже мнѣ приводили ее въ примѣръ вреда «учености» для женщины. Ученой она не была, хотя въ наше время изъ нея могла-бы выработаться выдающаяся сила. Это была одна изъ многихъ жертвъ, загубленныхъ крѣпостническимъ міромъ и невѣжествомъ, которое вѣками считается у дѣломъ женщины. Ее еле выучили грамотѣ, братья же учились въ корпусѣ. На лѣто пріѣзжали богатые сосѣди съ цѣлымъ сонмомъ гувернантокъ, гувернеровъ. Одна гувернантка пожалѣла способную молодую дѣвушку, желавшую страстно учиться, и занялась ею. Успѣхи были быстры. Зимою ученица сама шла впередъ по учебникамъ. Она могла пользоваться библіотекой сосѣдей, начиталась энциклопедистовъ; дѣтская вѣра не устояла, а жизнь была такъ темна— жизнь крѣпостниковъ, съ шутами, съ крѣпостнымъ произволомъ. Она сошла съ ума, и бредъ ея постоянно вертѣлся около одной мучительной мысли: почему всѣ лучшіе люди страдаютъ, а злые счастливы? Гдѣ-же справедливость? Она вернулась къ роднымъ изъ больницы, но болѣзнь повторилась, и тогда-то я и видѣла ее. Она выбѣжала въ комнату, гдѣ я сидѣла одна, отправленная товарищами по правиламъ какой-то игры. Я слышала дикій бредъ, дикій хохотъ, видѣла, какъ она то яростно протягивала руки, обличая какого-то злодѣя, то заламывала ихъ надъ головой. Вдругъ она увидѣла меня; мой взглядъ, прикованный къ ней въ ужасѣ, довелъ ее до бѣшенства. Она кинулась ко мнѣ съ поднятыми кулаками, съ крикомъ: «Дура, чего смотришь, дура! Ну, и будь дурой, дурамъ жить легче». Отецъ мой, имѣвшій на нее вліяніе, увелъ ее. Онъ сказалъ мнѣ, что помѣша-

тельство это слѣдствіе безвѣрія, что человѣкъ не можетъ жить безъ опоры вѣры.

Черезъ года два мнѣ пришлось видѣть другого помѣшаннаго, дачнаго сосѣда. Онъ зачитался евангеліемъ. По цѣлымъ часамъ ходилъ онъ по садовой аллеѣ возлѣ нашего забора. Я слышала его бредъ. Онъ то мечталъ себя обреченнымъ аду, то звалъ себя спасеннымъ, избранникомъ Божіимъ. Мнѣ было объяснено отцомъ, что бѣдный сосѣдъ пострадалъ за мудрствованіе; онъ не вѣрилъ просто и смиренно, но разсуждалъ. «Вотъ, и ты любишь много разсуждать о вѣрѣ». Мысль моя часто возвращалась къ этимъ двумъ сумасшедшимъ, и меня сильно смущала одна и та-же мѣра кары и за безбожіе и «вольтеріанство», и за разсужденіе о вѣрѣ.

М. Николаева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ посмертныхъ воспоминаній Михаила Ивановича Семевскаго.

Принадлежа къ семьѣ изъ средняго служилаго дворянства, я, вмѣстѣ съ братьями моими, имѣлъ въ дѣтствѣ (1844—1848 гг.) своимъ домашнимъ наставникомъ Іосифа Игнатьевича *Малевича*,—того самаго педагога, подъ руководствомъ котораго прошло домашнее образованіе, гораздо позже,—знаменитаго профессора высшей математики *С. В. Ковалевской*, рожденной *Корвинъ-Крюковской*. У Малевича я учился съ шести до десятилѣтняго возраста. Это—вполнѣ достойный педагогъ того времени, въ высшей степени добросовѣстно относившійся къ принятому на себя дѣлу. Всѣ занятія у него были распредѣлены въ самомъ строгомъ порядкѣ, и онъ требовалъ полнѣйшей исполнительности и точности въ выполненіи задаваемыхъ имъ уроковъ. Хотя въ то время въ русскомъ мірѣ учащихъ уровень педагогическихъ знаній и пріемовъ былъ довольно низокъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ провинціальномъ городѣ—Полоцкѣ, гдѣ прошло мое дѣтство, тѣмъ не менѣе І. И. *Малевичъ* выдѣлялся изъ нихъ тѣмъ, что не позволялъ себѣ прибѣгать ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, не обрекалъ своихъ учениковъ на голодовку, никогда не требовалъ долбни, но яснаго пониманія предмета и передачи выученнаго своими словами; умѣлымъ выборомъ статеекъ и книгъ изъ тогдашней довольно убогой русской дѣтской литературы Малевичъ успѣлъ меня привязать къ чтенію. Вспоминаю, что въ то время издавался «Журналъ военно-учебныхъ заведеній», редакція котораго, принадлежа къ штабу Якова Ивановича *Ростовцева*, пользовалась широкимъ правомъ перепечатывать изъ литературныхъ и научныхъ журналовъ все то, что находила полезнымъ и интереснымъ для своего казеннаго изданія, не спрашивая для этого разрѣшенія авторовъ и переводчиковъ. Въ 1850-хъ годахъ это изданіе было прекращено, но въ свое время оно сослужило весьма полезную службу для молодежи военно-учебныхъ заведеній. Десятилѣтнимъ мальчикомъ посту-

пилъ я въ Полоцкій кадетскій корпусъ въ 1848 году и попалъ туда въ такое время, когда въ корпусахъ царила суровая, болѣе сказать, жестокая и зачастую лишенная всякаго смысла муштровка. Происходило это не столько отъ указаній, шедшихъ изъ Петербурга, сколько отъ крайне неумѣлаго выбора дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, которымъ ввѣрялась не одна военная выправка своихъ питомцевъ, но и руководство нравственнаго развитія и воспитанія юношей. Громадное большинство этихъ псевдо-воспитателей было изъ глубокой арміи, люди безъ малѣйшаго образованія, нерѣдко полуграмотные, и изъ нихъ выдѣлялись и имѣли нѣкоторое благотворное вліяніе только тѣ, которыхъ Господь надѣлилъ отъ природы добрымъ сердцемъ. Но была и хорошая сторона въ суровой кадетской школѣ, мною и моими сверстниками пройденной: молодые люди закалялись въ исполнительности, въ исправности при исполненіи отъ нихъ требуемаго, являлось содружество и товарищество однокашниковъ, нерѣдко сохранявшееся многіе годы и по оставленіи учебнаго заведенія.

Что касается до учителей и ихъ вліянія, то я лично вспоминаю съ особой признательностью одного лишь преподавателя *Арсенія Васильевича Скворцова*, питомца, если не ошибаюсь, одной изъ духовныхъ академій, преподававшаго у насъ, въ Полоцкомъ корпусѣ, исторію. Не смотря на довольно тѣсныя рамки кадетскаго курса исторіи, *А. В. Скворцовъ* составлялъ и давалъ намъ свои обширныя записки, каковыя литографировались. Въ изложеніи своего предмета достойный наставникъ былъ весьма добросовѣстенъ: передавалъ его подробно, обстоятельно и увлекалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ юныхъ слушателей. Онъ во мнѣ заронилъ первыя сѣмена любви къ исторіи. Библіотека корпусная была довольно обширна, и завѣдывавшій оною *Г. В. Смирновъ* охотно выдавалъ мальчикамъ тогдашніе журналы, альманахи и вообще охотно шелъ на встрѣчу удовлетворенію любознательности юношей, но самъ лично не умѣлъ преподавать даже русскую грамматику, что видно изъ того, что всѣ кончали курсъ общихъ классовъ, не зная какъ распорядиться съ буквой *ѣ* и съ прочими хитростями правописанія. Грамматика Греча, сама по себѣ крайне неудовлетворительная, въ рукахъ неумѣлаго преподавателя, какимъ былъ Григорій Васильевичъ Смирновъ, не могла сослужить добрую службу. Напротивъ, въ Дворянскомъ полку, куда я поступилъ въ 1852 году, я и мои товарищи, благодаря заботливости инспектора классовъ, полковника *Д. М. Павловскаго*, встрѣтили много очень хорошихъ преподавателей, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ петербургскій составъ педагоговъ былъ тогда достаточно великъ. Въ области воен-

ной исторiи и тактики вспоминаю съ благодарностью офицера генеральнаго штаба *Кузьмина-Караваева*, а затѣмъ *Аничкова* (оба покойные), превосходно и по картамъ излагавшихъ военныя событiя. Въ наукѣ фортификацiи съ большимъ интересомъ зачитывался я множествомъ примѣровъ военно-историческихъ эпизодовъ въ отличномъ, по своему времени, руководствѣ Теляковскаго. Всеобщую, а затѣмъ русскую исторiю изучалъ я въ самыхъ первыхъ рядахъ по успѣхамъ воспитанниковъ у почтеннаго *В. М. Ведрова* и профессора *М. И. Касторскаго*. Первый былъ вполнѣ на высотѣ университетской науки и излагалъ хорошо свой предметъ—всеобщую исторiю, а второй знакомилъ своихъ слушателей съ основными источниками отечественной исторiи, каковы лѣтописи, акты и мемуары. Отечественная словесность имѣла въ мое время, въ Дворянскомъ полку, отличныхъ преподавателей въ лицѣ Иринарха Ивановича *Введенскаго*, который хотя уже самъ не преподавалъ, но посѣщалъ классы русскаго языка въ военно-учебныхъ заведенiяхъ, въ качествѣ главнаго наставника и наблюдателя за преподаванiемъ отечественнаго языка, и нерѣдко, увлекаясь бесѣдою въ сферѣ своего предмета съ воспитанниками, прочитывалъ цѣлыя лекцiи; самый предметъ—исторiю отечественной словесности—я слушалъ у Григорiя Евлампiевича *Благосвѣтлова*, рекомендованнаго Введенскимъ на мѣсто преподавателя и излагавшаго предметъ весьма талантливо. Этимъ двумъ лицамъ я и мои товарищи обязаны возбужденною въ насъ большою любовью къ чтенiю. Достойно вниманiя, что какъ Введенскiй, такъ и Благосвѣтловъ лучшихъ по успѣхамъ учениковъ приглашали къ себѣ, дѣлали участниками своихъ бесѣдъ, давали свои книги, а Введенскiй даже придумалъ для меня особую тему для разработки, именно—«исторiю русской комедiи», въ каковую исторiю, по предложенному имъ плану, я долженъ-бы былъ ввести *А. П. Сумарокова*, *Фонвизина*, *Грибоѣдова*, *Гоголя* и *Островскаго*, превосходная комедiя котораго «Свои люди—сочтемся» была разобрана мною подъ руководствомъ *Г. Е. Благосвѣтлова* на кадетской скамьѣ въ особомъ сочиненiи, не безъ успѣха прочитанномъ на публичномъ экзаменѣ, передъ *Я. И. Ростовцевымъ* и большимъ собранiемъ учебныхъ властей, весною 1855 г. въ зданiи 1-го кадетскаго корпуса.

Товарищеская жизнь въ Дворянскомъ полку и въ смѣнившемъ его Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ была несравненно лучше, нежели въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ: о кулачномъ правѣ въ Дворянскомъ полку 1850-хъ годовъ не было и помину, воспитанникамъ всѣ говорили «вы», тѣлесныя наказанiя въ Дворянскомъ полку

и преемственномъ ему кадетскомъ корпусѣ въ мое время уже не существовали; выборъ дежурныхъ офицеровъ былъ значительно лучше, нежели въ провинціальномъ корпусѣ, а учителя и наставники, какъ я уже сказалъ, и по своимъ познаніямъ, и по педагогическимъ пріемамъ были неизмѣримо выше полоцкихъ педагоговъ.

Подъ раскатами приближавшейся и затѣмъ грянувшей надъ всей Россіей грозы—восточной войны 1853—1855 гг.—все въ дѣлѣ воспитанія на Руси значительно умягчилось; почувствовалось новое вѣяніе, хотя, конечно, никто не могъ предвидѣть того крутого перелома ко всему лучшему, какой явился съ паденіемъ Севастополя. Съ эполетами гвардейскаго офицера, надѣтыми 11 іюня 1855 г., я внесъ въ свою личную жизнь внѣ учебнаго заведенія слѣдующее: любовь къ труду и выносливость къ суровой и довольно бѣдной жизни; глубокое сожалѣніе, что школа оставила немало прорѣхъ въ дѣлѣ образованія, какъ, напримѣръ, малое знакомство съ иностранными и даже не вполнѣ удовлетворительное знакомство съ отечественнымъ языкомъ, большую любовь къ чтенію, и притомъ произведеній въ литературѣ какъ русской, такъ и иностранной, въ переводахъ, вполнѣ художественныхъ произведеній. Поэтому всѣ лучшіе писатели въ сферѣ изящной словесности читались съ необыкновеннымъ увлеченіемъ; любовь къ книгамъ, и притомъ въ особенности къ книгамъ историческимъ и, главнымъ образомъ, въ сферѣ отечественной исторіи, была необыкновенная. Эта любовь проявилась уже тѣмъ, что въ самый первый день производства въ офицеры пишущій эти строки отправился въ Петербургѣ на толкучку и на скудные гроши прапорщичьяго жалованья купилъ нѣсколько книгъ, каковы: «Записки Манштейна», «Записки Миниха, сына фельдмаршала», «Записки князя Якова Шаховскаго» и нѣкоторыя другія. Не безъинтересно, что спустя болѣе четверти вѣка мнѣ-же довелось напечатать эти книги въ новыхъ изданіяхъ, несравненно лучшихъ, а именно: Манштейна — въ переводѣ съ подлинной рукописи, мною розысканной, «Записки князя Шаховскаго»—по стариннымъ спискамъ, «Записки Миниха»—также въ изданіи вполнѣ научномъ и пр. и пр. Кстати замѣчу, что тогдашняя толкучка въ С.-Петербургѣ, до пожара 1862 года, вообще доставила молодому офицеру много наслажденій. Рыскало по ней тогда весьма немного, а съ офицерскими эполетами чуть-ли не я одинъ. Книги продавались очень дешево, и сосновый дешевый шкафъ въ бѣдной обстановкѣ прапорщика быстро наполнялся книжными рѣдкостями.

Въ школѣ-же, т.-е. въ кадетскомъ корпусѣ, я полюбилъ и театръ, благодаря тому, что Г. Е. Благосвѣтловъ превосходно ознакомилъ

насъ со всѣми лучшими произведеніями русской, да и иностранной (въ переводахъ) драматической словесности. Притомъ въ корпусѣ устраивали спектакли, а затѣмъ въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, въ первые-же годы моей тамъ службы (1857—1859 гг.), довелось попасть въ офицерскую драматическую труппу, во главѣ которой стояла достойная супруга командира полка М. А. Паткуль, рожденная маркиза де-Траверсе, — добрая, прекрасная женщина, съ полнымъ вниманіемъ и любезностью относившаяся ко всей семьѣ офицеровъ. Спектакли эти удостаивались посѣщенія императора Александра Николаевича и прочихъ членовъ Августѣйшей семьи.

Школа-же, т.-е. корпусъ, водворила во мнѣ чувство глубокаго уваженія къ личностямъ выдающихся отечественныхъ писателей. Къ *А. Н. Островскому* я питалъ безпредѣльное благоговѣніе, хотя изъ его произведеній было тогда напечатано и издано имъ лишь только пять комедій: «Бѣдность не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется» включительно. Въ первый-же пріѣздъ свой въ Москву (въ октябрѣ 1855 г.), куда передвинутъ былъ резервный лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, въ рядахъ котораго я находился, я поспѣшилъ явиться къ знаменитому русскому драматургу, былъ имъ обласканъ и введенъ въ его литературно-артистическій кружокъ. Тамъ-же, въ Москвѣ, и подъ вліяніемъ этого кружка, а также кружка именитыхъ ученыхъ и литераторовъ, собиравшихся у *А. Д. Галахова*, къ которому я былъ рекомендованъ особеннымъ письмомъ *Я. И. Ростовцева*, я особенно сильно созналъ недостаточность своего теоретическаго образованія, усердно сталъ изучать иностранные языки и посѣщать Московскій университетъ, который едва-ли не впервые видѣлъ въ средѣ своихъ слушателей гвардейскаго офицера, а въ бывшей книжной лавкѣ Улитина, на углу зданія университета, зачитывался цѣлыми днями, подобно тому, какъ послѣ того въ Петербургѣ засиживался въ Императорской Публичной библіотекѣ, читая по преимуществу XVIII-го вѣка русскіе журналы, также книги историческія, журналъ «Москвитянинъ», который М. П. Погодинъ лично называлъ мнѣ впослѣдствіи, въ 1870 — 1872 гг., *дѣдушкой «Русской Старины»*.

Нѣсколько товарищей, такихъ-же юношей—офицеровъ гвардейскихъ полковъ, собирались ко мнѣ (1856—1858 гг.), и мы предприняли даже, подъ вліяніемъ воспоминанія объ общей нашей кадетской семьѣ, рукописный сборникъ. Въ немъ были и плохенькіе стишки, и плохенькія повѣстушки, и моя какая-то историческая статейка.

По возвращеніи въ Петербургъ (въ 1857 г.), я началъ рано давать уроки въ семьяхъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ,

такъ какъ прапорщичьяго жалованья было слишкомъ недостаточно, и вотъ, уча другихъ, усердно учился; а съ 1859 года, побывавъ на трудовыя деньги за границею и ближе ознакомившись съ иностранными языками, я выступилъ на литературное поприще. Передъ тѣмъ однако, были уже небольшія мои сообщенія въ іюньской книгѣ 1856 г. «Москвитянина» «о фамиліи Грибоѣдовыхъ по актамъ XVII-го вѣка», мною разобраннымъ, да въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г. № 16—эпизоды изъ времени Анны Іоанновны.

И вотъ, на поприщѣ литературнаго труженика посильно подвизаюсь я и по сей день. Сохраняю благодарное воспоминаніе о самомъ первомъ моемъ наставникѣ, *І. И. Малевичѣ*, пріучившемъ къ труду, вызвавшемъ любовь къ чтенію, а обращеніемъ не суровымъ и даже дружескимъ, привлекшемъ меня къ наукѣ; затѣмъ, не столько суровости кадетскихъ корпусовъ, сколько заботливому вниманію отца, который самъ былъ питомцемъ 2-го кадетскаго корпуса выпуска, кажется, 1824 г., слѣдившаго за успѣхами сыновей, ведшихъ съ нимъ дѣятельную переписку (ум. 1860 г.), и нѣжному вниманію матери, (ум. въ 1854 г.), доброй, поощрявшей своихъ дѣтей къ дальнѣйшимъ успѣхамъ лаской и любовью,—обязанъ я тѣмъ, что изъ меня выработался одинъ изъ многихъ работниковъ, который любитъ свое отечество и посильно ему служитъ.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
издатель-редакторъ историческаго журнала
«Русская Старина».

27-го ноября 1891 г. С.-Петербургъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

I.

Осеннее сырое утро; сѣрыя тучи нависли надъ Москвою, мелкій, частый дождикъ моросить. На одной изъ грязныхъ улицъ, у большихъ чугунныхъ воротъ остановилась пролетка, въ которой сидѣла дама пожилыхъ лѣтъ и маленькая дѣвочка. Сторожъ отворилъ ворота и впустилъ ихъ во дворъ.

— Тетя, мы пріѣхали? Что, это уже институтъ?—со страхомъ спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, милая, это еще пока институтскій дворъ, а вонъ!—въ концѣ аллеи, большой, бѣлый домъ—то институтъ!

Смуглая, худенькая дѣвочка ничего не сказала, а только прижалась въ уголъ пролетки и съ замираніемъ сердца ждала, что вотъ-вотъ экипажъ остановится передъ этимъ большимъ, холоднымъ, непривѣтливымъ домомъ.

— Выходи, Нина, вотъ мы уже и пріѣхали,—грустно сказала тетка.

У подъѣзда имъ пришлось остановиться и пропустить шедшихъ на прогулку институтокъ.

— Это твои будущія подруги,—объяснила дѣвочкѣ тетка.

— Mesdames, это, вѣрно, новенькую привезли,—говорили тѣ, въ свою очередь, внимательно осматривая стоявшихъ.

Пріѣхавшая дѣвочка смутилась отъ этого осмотра и съ нетерпѣніемъ ждала, когда ей можно будетъ скрыться отъ будущихъ подругъ. Тяжело ей было слышать ихъ замѣчанія:

— Несчастная! трудно будетъ ей съ воли привыкнуть здѣсь!

— Mesdames, а она, вѣрно, попадетъ въ приготовительный?

— Да и тамъ-то будетъ еще въ первой парѣ ходить! Вотъ малявка!

Пріѣзжія въ это время вошли въ швейцарскую, гдѣ старый швейцаръ въ красной ливреѣ, помогая имъ раздѣваться, спросилъ:

— Новенькую привезли?

— Да. Что-же мнѣ, сейчасъ ее оставить?

Дѣвочка сильно поблѣднѣла и схватила руку тетки.

— Вмѣстѣ пожалуйте къ начальницѣ; вотъ васъ сейчасъ проводятъ.

Онѣ медленно стали подниматься по лѣстницѣ за солдатомъ, который привелъ ихъ въ большую комнату.

— Здѣсь потрудитесь подождать,—сказалъ онъ и ушелъ.

Вскорѣ къ нимъ вышла начальница,—пожилая, полная, высокаго роста женщина,—и подошла къ пріѣхавшимъ.

— Дайте мнѣ бумагу, а дѣвочку отведутъ сейчасъ въ больницу. А теперь проститесь.

Сказавъ это, она вышла въ другую комнату. Нина бросилась на шею къ теткѣ, та подняла ее и крѣпко цѣловала.

— Тетя милая, не оставляй меня! мнѣ страшно здѣсь!

Тетка гладила ея волосы, а слезы такъ и капали на ея лицо. Опомнились онѣ, только увидя начальницу, опять вошедшую, но въ сопровожденіи такой-же на видъ строгой горничной.

— Вы теперь пойдете вотъ за ней, а вы можете ѣхать домой.

Уходя, дѣвочка слышала, какъ начальница говорила ея теткѣ: «Навѣщайте ее почаще, пока не попривыкнетъ; можете во всякое время, сюда, въ мои комнаты». И въ этихъ словахъ звучала доброта.

Долго шла дѣвочка темными, длинными корридорами и съ каждымъ шагомъ становилось ей тяжелѣе на душѣ; уходя отъ тетки, она уходила отъ всего знакомаго ей и родного, а на возвратный путь и дороги не нашла-бы она по этимъ длиннымъ темнымъ переходамъ...

Наконецъ, отворилась стеклянная дверь; сильно запахло лекарствами; по сторонамъ небольшой галлереи все стояли шкафы-аптечки. Изъ галлереи вела опять стеклянная дверь въ большой, широкій и свѣтлый корридоръ, по стѣнамъ котораго стояли кожаные диваны, а передъ диванами—большіе столы; изъ этого корридора вели двери въ узкія комнаты съ двѣнадцатью кроватями. Здѣсь было много дѣвочекъ въ розовыхъ холстинковыхъ халатахъ. Онѣ тотчасъ окружили вошедшихъ:

— Новенькая! новенькая! какъ ваша фамилія?

— Востроглазова,—тихо отвѣтила та.

Въ это время онѣ подошли къ толстой нѣмкѣ въ очкахъ, сидѣвшей на диванѣ и вязавшей чулокъ.

— Мимо, мимо, мѣстъ нѣтъ, палатъ полнъ,—сказала та.—Ведите дальше, тамъ на диванъ можно положить.

Горничная оставила дѣвочку въ другомъ такомъ-же широкомъ корридорѣ. Здѣсь ее опять окружили институтки и стали задавать вопросы:

— Что, вы ѣли Америку съ молокомъ?

— Катались вы на экваторѣ?

— Какъ васъ звать?

Нина не успѣвала отвѣчать на вопросы и растерянно стояла у дверей.

— Новенькая! подите ко мнѣ!—услыхала она изъ палаты.

Она подошла къ дѣвочкѣ, лежавшей въ постели.

— Сядьте ко мнѣ на постель и давайте подружимся!

Вострoглазова такъ была благодарна пріютившей ее дѣвочкѣ, что готова была исполнить ея предложеніе.

— Возьмите у меня на столикѣ книги, тамъ есть съ картинками.

— Merci, а хотите я вамъ почитаю?

Больная дѣвочка удивленно посмотрѣла на нее.

— Хорошо, душка, а вамъ не страшно при старшихъ классахъ?

— Нѣтъ. Я люблю читать вслухъ.

Она стала читать, и по мѣрѣ того, какъ читала, голосъ ея дѣлался самоувѣреннѣе, она увлеклась и, перенесясь воображеніемъ въ сказочную обстановку, забыла дѣйствительную.

— Пора чай пить!—раздалось надъ ея ушами.

Она вздрогнула, вспомнивъ, гдѣ она, и покорно пошла за большой столъ, гдѣ стояли налитыя кружки чаю. Тамъ она опять очутилась въ обществѣ надоѣдавшихъ ей институтокъ. Дѣвочка слушала-слушала безсмысленные вопросы и вдругъ, поднявъ на нихъ свои большіе темные глаза, серьезно спросила:

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете такія глупости? вѣдь я не дурочка, хотя я и маленькая...

Спрашивавшія не ожидали отпора и сконфузились. Нина Вострoглазова, какъ только кончили пить чай, пошла и опять сѣла на постель къ своему новому другу.

— Счастливая!—сказала та, вздохнувъ,—тебя, вѣрно, завтра выпишутъ изъ больницы...

— А мнѣ страшно; опять все новое...

— Тамъ лучше, душка; тамъ только свой классъ, и съ нимъ скорѣе познакомишься, а тутъ всѣ классы...

Въ 9-ть часовъ всѣ уже спали въ больницѣ, только вновь поступившая ворочалась на диванѣ въ корридорѣ. Долго не могла она заснуть, а заснувъ, она была опять счастлива: ей приснилось, что

она была дома, со своими. Утромъ она проснулась раньше всѣхъ: изъ корридора топили печи и трескъ горѣвшихъ дровъ разбудилъ ее. Нина сидѣла на постели, смотрѣла и думала:—«вотъ, такъ и у насъ по утрамъ освѣщается красноватымъ свѣтомъ полоса; тетя двигается тихо, боясь насъ разбудить»... Вскорѣ послышалось движенiе, и тутъ дѣвочка вскочила.

Утромъ къ 10-ти часамъ напились чаю и все убрали; ждали прихода докторовъ.

— А, новенькая!—сказалъ вошедшiй старикъ-докторъ, подойдя къ ней. Онъ тщательно осмотрѣлъ ей горло, знаки отъ прививки оспы и, потрепавъ по щекѣ, отпустилъ ее.

II.

Нина Востроглазова поступила въ 1-й классъ. Очутившись среди чужихъ, она чувствовала себя совсѣмъ одинокой. Она теперь уже не та балованная, горячо любимая Нина, а только № 64-й по дортуару и Востроглазова—по классу. И какимъ холоднымъ, чужимъ звучалъ для нея этотъ кличъ и какъ долго она не могла привыкнуть отвѣчать на него...

— Востроглазова! Востроглазова!—нарочно кричали ей подруги.

Она сидѣла задумавшись и не слыхала.

— Глухая! Востроглазова! глухая!—И ее теребили за пелеринку, а вокругъ раздавался смѣхъ.

Два дня она оставалась въ своемъ платьѣ, а на третiй день ее заставили переодѣться. Въ непривычномъ костюмѣ, Нина себѣ самой стала чужой и жалкой. «Бѣдная я! бѣдная!—думала она.—Что, если-бы меня увидали такой папа и сестры! Они не узнали-бы своей Нины!»

— Помните, вашъ номеръ 64-й,—говорила ей надзирательница.

Она и къ этому не сразу привыкла.

— № 64-й, получите платокъ!—выкрикивали, а она не подходила.

— Что-же это вы думаете? Мнѣ, чтó-ли, подходить къ вамъ?—сурово говорила кастелянша.—Дома-то избалуютъ, вотъ съ ними и сладу нѣтъ,—ворчала старуха.

— Извините, пожалуйста,—бормотала дѣвочка.

— Ну, то-то,—проговорила та, смягчаясь.—Надо помнить, что вы не дома, что васъ тутъ много.

Нина помнила это.

«Я заняла мѣсто маленькой дѣвочки, номеръ которой былъ 64-й; она умерла—вотъ такъ умру и я... Она, вѣрно, тоже скучала по

своимъ, заболѣла и умерла. Бѣдная она, бѣдная!»—думалось Нинѣ. Она и засыпала съ этими мыслями; она была увѣрена, что здѣсь она непремѣнно заболѣетъ, умретъ, и вотъ ей пришло въ голову, что надо бѣжать отсюда,—бѣжать какъ можно скорѣе...

Во время класса ей было легче; она интересовалась разсказами и часто удивляла подругъ, обращаясь съ вопросами къ преподавателямъ. Кончались уроки—и начиналось ея мученіе: другія дѣвочки ходили попарно, нѣкоторыя—бѣгали, а она сидѣла на той-же лавкѣ и безсмысленно смотрѣла въ одну точку.

— Бѣжать, бѣжать отсюда! а то и я такъ-же, какъ Макарова, умру здѣсь.

Былъ ноябрь мѣсяцъ; на дворѣ было холодно, и воспитанницы не ходили гулять, а тотчасъ послѣ обѣда шли въ рекреаціонную залу. Пришлось и 1-му классу проходить мимо той лѣстницы, которая вела въ швейцарскую. Нина отстала отъ своихъ подругъ и, найдя въ стѣнѣ амбразуру, быстро шмыгнула туда и оставалась тамъ, пока не затихли шаги воспитанницъ. Потомъ она осторожно вышла оттуда и стала спускаться внизъ. Сердце ея сильно билось, а въ головѣ была только одна мысль: «вотъ, за этой дверью буду я свободна и убѣгу къ своимъ».

Швейцаръ замѣтилъ ее, когда она силилась отворить наружную дверь.

— Барышня, куда это вы?

— Домой! Пустите меня домой! я не могу здѣсь жить!

— Что вы! что вы!.. Ужъ это вы оставьте, а вотъ пойдемте-ка, я лучше отведу васъ назадъ.

Силы ея оставили, и она покорно и машинально пошла за нимъ. Въ корридорѣ имъ встрѣтилась сестра начальницы, инспектриса младшихъ классовъ.

— Ѳедоръ, откуда ты ведешь ее?

— Да, вотъ, сударыня, ихъ, должно, недавно привезли; а поймалъ я ихъ у самой моей двери: силились онѣ это отворить, а я и захватилъ...

Дѣвочка стояла такой безпомощной и съ отчаяніемъ повторяла:

— Пустите меня, умоляю васъ! я не могу здѣсь жить...

Инспектрисѣ жаль стало бѣдной крошки.

— Дурочка, дурочка,—ласково сказала она ей,—куда-же это ты собралась?

— Домой! пустите меня домой!

— А какъ ты думаешь: твои родные скажутъ намъ за это спасибо?.. Нѣтъ, милая, они тебя отдали сюда для твоей пользы; вѣдь

тебѣ надо учиться. Будь доброй дѣвочкой, не огорчай ихъ! Вѣдь и имъ тяжело было разстаться.

Нина слышала слова, но не понимала ихъ смысла; она ясно сознавала только одно, что ей не удалось бѣжать. Не доходя до залы, въ корридорѣ ихъ встрѣтила классная дама, которая, замѣтивъ исчезновеніе своей воспитанницы, шла ее отыскивать.

— А я ищу: гдѣ моя Вострoглазова! Иди ко мнѣ, моя заблудшая овечка,—сказала она и обняла дѣвочку. Той отъ этой ласки и доброты легче стало.

— Ваша овечка задумала причинить намъ непріятность, хотѣла бѣжать отъ насъ,—сказала инспектриса.

Софья Петровна ничего не отвѣтила на это, укутала дрожавшую дѣвочку своей тальмой и повела ее къ себѣ. Нина шла все время безучастно, но, войдя въ комнату, она съ видимымъ наслажденіемъ осматривала обстановку, которая ей напомнила привычную, родную.

— Какъ хорошо здѣсь!—вырвалось у нея.—И цвѣты такіе-же, какъ у насъ дома!

Говоря это, она въ первый разъ съ довѣріемъ посмотрѣла на Софью Петровну, которая здѣсь показалась ей менѣе чужой, а та усадила ее и стала разспрашивать.

— Кто у тебя остался дома?

— Папа и сестры.

— Ты очень любишь сестеръ? Познакомь меня съ ними, какъ ихъ звать?

— Катя, Лена, Саша.

И дѣвочка оживилась; въ первый разъ она говорила о тѣхъ, о которыхъ все время думала.

— Ну, Нина, ты будешь умницей; а сестрамъ пошлемъ по куклѣ и напишемъ, чтобы и онѣ не скучали.

Дѣвочка ничего не могла отвѣчать, слезы мѣшали ей, она горько заплакала и долго плакала, но ей легче становилось, свѣтлѣе на душѣ; теперь она довѣрчиво прижалась къ Софьѣ Петровнѣ и крѣпко ее цѣловала, а въ классъ она вернулась уже не такой одинокой.

III.

Кромѣ Софьи Петровны, въ классѣ Нины была еще другая классная дама—нѣмка Луиза Ивановна, сѣдая старушка, худая, высокая, болѣзненная и злая. Ея дежурства воспитанницы сильно боялись: она была очень груба со всѣми, всѣмъ говорила du и часто прибавляла

Klötzkenbaum. Луиза Ивановна плохо говорила по русски, а дѣвочки—плохо по нѣмецки. И вотъ, начиналось приготовленіе уроковъ, одна изъ самыхъ бойкихъ подходила къ ней и просила помочь перевести. Весь классъ внимательно наблюдалъ.

— Lese,—говорила Луиза Ивановна.

Дѣвочка читала.

— Jetzt verstehst du?—спрашивала та.

— Ich verstehe nicht,—отвѣчала плутовка.

— Lese noch einmal.

Та опять читала.

— Jetzt verstehst du?

— Nein, Luisa Iwanowna.

— Lese noch einmal,—говорила нѣмка, начиная сердиться. И такъ продолжалось разъ до десяти; дѣвочкѣ надоѣдало, а Луизу Ивановну опасно было долѣе сердить, и вотъ на вопросъ: «Jetzt verstehst du?» она отвѣчала: «O ja», и уходила на свое мѣсто; въ классѣ сдержанно смѣялись.

Грозой маленькихъ классовъ былъ учитель нѣмецкаго языка. Его уроковъ страшно боялись. Какъ только онъ вбѣгалъ въ классъ, у дѣвочекъ вырывался общій вздохъ. Еще не сѣвъ, онъ уже выкрикивалъ фамилію:

— Субботина! Мой дядя боленъ...

Дѣвочка вскакивала, но отъ волненія и неожиданности не могла быстро отвѣчать.

— Садитесь!

Та конфузилась и, со слезами на глазахъ, садилась.

— Лебедева! ту-же фразу.

Дѣвочка не слыхала, но бойко вскакивала и начинала:

— Ich...

— Садитесь!

И такъ лихорадочно, быстро проходилъ урокъ; по уходѣ учителя оказывалось въ журналѣ нѣсколько единицъ и человѣкъ десять—горько плакавшихъ.

Послѣ небольшого антракта являлась француженка, въ очень короткомъ платьѣ, съ ридикюлемъ на рукѣ; она не читала и ни слова не понимала по русски. Фамиліи воспитанницъ были написаны по французски, но она съ трудомъ ихъ разбирала, и поэтому передавала журналъ дѣвочкѣ, сидѣвшей на первой лавкѣ, и та ставила подругамъ балы. Чаще всего раздавалось:

— Marquez lui zero, s'il vous plait,—и та добросовѣстно исполняла.

Русскій учитель былъ грубъ, говорилъ отрывисто:

— Ястребцова! покажите переписанный диктантъ.—Говоря это, онъ проводилъ рукою по лысинѣ.

Дѣвочка подходила и подавала тетрадь.

— Гдѣ-же вы переписали? покажите!

Та брала тетрадь и вдругъ блѣднѣла, замѣчая, что диктантъ не переписанъ.

— Я, право, переписала... Такъ хорошо я это помню... Еще chère меня спросила, готовъ-ли мой урокъ, я и ей сказала: да. Вѣрно, я во снѣ это видѣла...

— Ступайте на мѣсто, и въ другой разъ на сны не надѣйтесь. Я вотъ тоже видѣлъ во снѣ, что обѣдалъ, а пришло время—и второй разъ пообѣдалъ. Такъ-то-съ...

Классы продолжались до 5-ти часовъ вечера, а потомъ разносили воспитанницамъ полдники (франц. булку на двухъ), а съ 6-ти часовъ начинались уроки музыки.

IV.

Сегодня въ институтѣ, противъ обыкновенія, звонокъ раздался въ 11½ часовъ. Горничная усердно звонила, идя по темному узкому корридору. Едва успѣлъ замолкнуть колокольчикъ, какъ раздался шумъ, проявилась жизнь. Дверь за дверью стали отворяться, и учителя торопились къ выходу. По чугуннымъ плитамъ корридора ясно отдавался гулъ шаговъ. Сейчасъ за учителями, по другому направленію, пошли попарно институтки и, не смотря на частыя замѣчанія классной дамы, онѣ вполголоса разговаривали.

— Mesdames, знаете отчего сегодня раньше позвонили?

— Я знаю; мнѣ сказала chère.

— И я знаю,—поторопилась сказать третья дѣвочка,—нашъ инспекторъ вчера умеръ.

— А я, mesdames, вотъ еще что знаю; насъ поведутъ къ нему на квартиру, на панихиду...

Въ большой столовой, куда собрались всѣ воспитанницы, было особенно шумно. Только-что разнесшаяся вѣсть о кончинѣ инспектора взволновала институтъ: старшіе классы говорили о немъ, нѣкоторыя—плакали, а маленькихъ занимала предстоявшая панихида.

— Mesdames! насъ вѣдь поведутъ по классамъ? Съ котораго начнутъ?

— Съ приготовительнаго: ихъ уже ставятъ попарно и уводятъ.

Вскорѣ классная дама велѣла и первому классу собираться.

— Mettez-vous par paire; plus vîte!

Дѣти быстро исполнили ея приказаніе и въ порядкѣ стали выходить. Шли они долго, по совсѣмъ незнакомымъ имъ корридорамъ, проходили темными переходами, гдѣ сильно пахло капустой и гдѣ много нянекъ обѣдало за большими столами. Наконецъ, остановились они у двери, обитой клеенкой, и тихо стали входить въ большую комнату. Тамъ стоялъ бѣлый гробъ, еле видный изъ-за множества тропическихъ растеній, а на покойникѣ лежало много живыхъ цвѣтовъ.

— Mesdames, какой онъ большой да длинный,—говорила одна.

Другая дѣвочка горько плакала.

— Знаете, отчего Верягина плачетъ?—она вспомнила, какъ хоронили ея мать.

— А я такъ перваго покойника вижу.

— Да ты вѣдь совсѣмъ не жила на волѣ?

— Ну да; какъ я себя помню, все живу въ казнѣ.

— Да ты родилась, что-ли, здѣсь?

— Почти что такъ. Вѣдь меня отдали еще грудной, а родныхъ-то у меня никого нѣтъ.

Въ тотъ-же день, послѣ ужина, всѣ классы возвращались по своимъ дортуарамъ. Столовая была во второмъ этажѣ, а весь третій былъ занятъ спальнями. Въ дортуарѣ перваго класса нянька, получивъ изъ прачешной бѣлье и найдя его сырымъ, разложила на постели воспитанницы, которая была въ больницѣ. За этими хлопотами, она забыла затворить форточку, и простыни вздымались вѣтромъ. Почти всѣ классы уже вышли изъ столовой и въ порядкѣ пошли попарно по дортуарамъ. Начальница, пройдя по столовой во время ужина, ушла къ себѣ; усталыя классныя дамы торопились уложить дѣтей и заранѣе предвкушали удовольствіе отдыха. Маленькія были сегодня особенно возбуждены и пугливо жались, проходя корридорами. У входа въ полутемный дортуаръ Софья Петровна, по обыкновенію, пропустила первыя пары впередъ, а сама остановилась. Дѣвочки стали входить, но вотъ одна изъ нихъ, увидя колыхавшуюся простыню, страшно вскрикнула:

— Покойникъ!—и съ визгомъ бросилась назадъ.

— А-а-а-а,—тотчасъ подхватило нѣсколько голосовъ и, тѣснясь въ дверяхъ, всѣ тридцать бросились назадъ. Софья Петровна старалась остановить, но стоило ей дотронуться до дѣвочки, какъ та еще неистовѣе кричала:

— Насъ ловятъ, не пускаютъ!

Услыша крикъ, и слѣдующіе классы также закричали и, бросившись внизъ по лѣстницамъ и сваливая воспитанницъ въ кучу, падали на нихъ.

— Свѣтопреставленіе!—кричала одна.

— Mesdames! бѣшеная собака!—вскрикивала другая.

Всѣ растерялись; большинство классныхъ дамъ было смято, повалено; желая удержать натискъ, онѣ первыя падали. Начальница только-что вернулась изъ столовой и благодушно усѣлась пить чай.

— Maman, что это какъ сегодня шумно?—спросила ее дочь, прислушиваясь къ неясному гулу. Но тотчасъ страшный крикъ ясно донесся до нихъ.

— Господи! что-же это?—блѣднѣя, сказала начальница.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Что прикажете намъ дѣлать? — безпомощно говорила сбѣжавшаяся сюда прислуга.

— Пустите меня къ нимъ, — твердила старушка, освобождаясь отъ державшей ее дочери.

— Ваше превосходительство! — сказалъ вошедшій швейцаръ,— мы вернули полицеймейстера; Василій Васильевичъ сейчасъ побѣжали туда.

Насколько позволила тучность, побѣжала на крикъ и начальница. Она увидала страшную картину: институтки, съ растрепанными волосами, въ изорванныхъ платьяхъ, съ искаженными лицами бѣжали неизвѣстно куда, толкаясь; полъ корридора и лѣстницы былъ усѣянъ различными предметами; тутъ были и книги, и тетради, и пелерины, платки носовые и безсчетное число туфель. Онѣ обыкновенно бывали просторны и мѣшали при быстромъ бѣгѣ; нѣкоторыя ихъ теряли, а другія и сами кидали, чтобы только отдѣлаться. «Зачѣмъ онѣ теперь мнѣ нужны,—мелькало у многихъ въ головахъ,—вѣдь все равно конецъ».

Старикъ полицеймейстеръ ласково уговаривалъ институтокъ успокоиться, но это не помогало: голоса его не было слышно за крикомъ. Тогда онъ попробовалъ распорядиться подбирать лежавшихъ, сильно ушибленныхъ; многія плакали отъ боли. Когда остальныя увидѣли, что тѣ дались въ руки безпрепятственно, стали и онѣ понемногу группироваться, и тогда удалось нѣкоторыхъ залучить въ чужіе дортуары, а оттуда уже развести по своимъ. Много времени прошло, пока стихъ шумъ и воспитанницъ могли поставить на вечернюю молитву. Было уже 10 часовъ, когда классныя дамы могли разойтись по своимъ комнатамъ. Институтки, хотя и тихо, все еще продолжали волноваться.

— Дѣти, станьте попарно!—говорила измученная Софья Петровна.

— Моей нѣтъ пары,—сказала Нина Востроглазова.

— Моей! И моей!—раздалось нѣсколько голосовъ.

По справкамъ оказалось, что пять дѣвочекъ попали въ больницу.

Въ дортуаръ, тяжело ступая и задыхаясь, вошла начальница.

— Кто первый закричалъ?

Всѣ молчали, никто не могъ сказать кто; даже та, которая закричала, сдѣлала это невольно, и настолько-же невольно и быстро этотъ крикъ подхватили десятки голосовъ.

— Стыдно... дѣлать такой возмутительный переполохъ безъ всякой причины!..

Начальница сердито вышла, а дѣвочки продолжали сконфуженно стоять. Классная дама, успокоивъ ихъ, ушла къ себѣ. Еще дверь въ ея комнату была отворена, а уже одна за другой головка въ чепчикѣ поднималась и шепотомъ передавала:

— А, вѣдь, что-нибудь да было?

— Конечно, конечно,—подтверждали другія.

— Я слышала какъ кто-то кричалъ: мертвецъ!

— А я, mesdames, прежде только все бѣжала, а не кричала, а тутъ надъ самыми моими ушами кто-то такъ вскрикнулъ!

— Да, mesdames, крикнулъ, да не почеловѣчески. Меня, какъ вспомню, до сихъ поръ морозъ по кожѣ пробираетъ...

— Да, вѣдь, это съ Полей дурно сдѣлалось: она билась и кричала.

— А я такъ вотъ что думаю: это было привидѣніе; а то отчего же одинъ классъ видѣлъ, а другіе уже ничего и не видали?

— Слышали вы, что по 4-му этажу, по пустымъ классамъ, какъ только лампы погасятъ, начинается шумъ страшный, и вдругъ въ концѣ корридора показывается тѣнь императрицы Маріи Ѳеодоровны и тихо-тихо проходитъ?..

— Ты невѣрно знаешь, а я такъ лучше знаю: совсѣмъ то не императрица Марія Ѳеодоровна, а высокій, высокій царь Петръ Великій.

— Не спорь, пожалуйста! Ну, зачѣмъ пойдетъ Петръ Великій, а вотъ Марія Ѳеодоровна другое дѣло...

Увлекшись, дѣвочки заговорили громко. Вошла классная дама и стала ходить по дортуару, пока не заснули всѣ.

Ночь, тихо во всемъ зданіи института, всѣ успокоились и спятъ; только дежурная классная дама вдвоемъ съ горничной ходитъ по корридорамъ и, подойдя къ часамъ, устроеннымъ для провѣрки ея бдительности, переводитъ стрѣлки.

Въ старшемъ классѣ, на площадкѣ передъ дортуаромъ, сидятъ двѣ воспитанницы въ розовыхъ холстинковыхъ блузахъ и темнокоричневыхъ камалькахъ. Онѣ усердно учатъ наизусть нѣмецкую литературу и даже теперь по привычкѣ зажали себѣ уши и не слышатъ тихихъ шаговъ подошедшей къ нимъ обходчицы. Увидя, наконецъ, онѣ закричали и бросились съ крикомъ дальше по корридору. Классная дама старалась удержать испуганныхъ дѣвушекъ; взглядѣвшись, онѣ узнали ее и, обрадовавшись, сказали:

— Это вы?.. А мы думали, что это императрица Марія Θеодоровна...

— Намъ показалось, что вы на нее очень похожи, совсѣмъ такая, какъ на портретѣ,—прибавила другая.

— Ступайте спать и не говорите такихъ пустяковъ! Черезъ два года, вѣдь, вы будете гувернантками, а вы сами хуже, неразумнѣе малыхъ дѣтей,—сказала классная дома и пошла дальше, радуясь, что ей удалось предотвратить бѣду.

V.

Сегодня въ старшемъ классѣ, гдѣ теперь Нина Востроглазова, назначенъ экзаменъ; все приготовлено, и ждутъ только прихода экзаменаторовъ. Необычная обстановка внушаетъ страхъ. Посрединѣ класса стоятъ въ рядъ нѣсколько столовъ, и на каждомъ лежатъ красиво написанныя программы, билеты, карандаши; вмѣсто обычныхъ стульевъ, поставлены кресла. Воспитанницы нервно просматриваютъ учебники и по очереди подбѣгаютъ къ двери и смотрятъ въ корридоръ.

— Mesdames! скорѣй-бы экзаменъ, а то я все позабуду!

Нина помогала другимъ; она остановила одну, безпечно разгуливавшую по классу:

— Наташа, ты что-же не повторяешь?

— Я знаю, какой мнѣ достанется билетъ,—увѣренно отвѣтила та.

— Милая, скажи, какъ ты это узнала?—послышалось нѣсколько голосовъ.

Наташа остановилась и убѣжденно стала разсказывать:

— Пошла я вчера, когда всѣ улеглись, Богу молиться къ образамъ и взяла съ собою всѣ билеты, а вдругъ Соня вбѣгаетъ и кричитъ: «дежурная идетъ!» Я собрала билеты и поскорѣй легла подъ одѣяло; лежу тихо, притворилась, будто сплю. Прошла классная дама, я поднялась и стала считать билеты, а одного-то нѣтъ; искала—искала, и нашла только на полу у образовъ, гдѣ я Богу молилась. Этотъ билетъ я выучила прекрасно, и знаю, что онъ мнѣ достанется.

— Полно, Наташа,—сказала ей Нина,—поди, я тебѣ хоть вкратцѣ разскажу другіе билеты.

— Подожди, сейчасъ приду! Я вижу, у дверей меня дожидается сестра, пойду спрошу, что ей надо...

Поговоривъ съ сестрой, она подошла назадъ къ Нинѣ и стала таинственно шептаться съ другими. Сначала Востроглазова не обратила на это вниманія, но такъ какъ взоры подругъ чаще и чаще обращались на нее, она подошла къ нимъ.

— Mesdames! Что вы? Что вы про меня говорите?

— Да, вотъ, видишь-ли,—заминаясь, начала одна,—тебѣ-то именно и нельзя сказать; отъ тебя-то это страшный секретъ...

— Отъ кого секретъ? отъ меня?—спросила та.

— Да, отъ тебя! Maman строго запретила говорить до экзамена, и мы не можемъ...

— Что̀ говорить?—уже испуганно спросила Нина.

— Вотъ, видишь-ли, швейцаръ при Наташиной сестрѣ принесъ начальницѣ телеграмму, а написано на адресѣ Востроглазовой.

— Мнѣ? телеграмму?—спросила Нина и сильно поблѣднѣла.

— А maman и сказала: до экзамена не отдамъ, пусть не волнуется.

— Господи! вѣрно, съ папой что-нибудь случилось?.. Побѣгу къ начальницѣ—просить телеграмму...

— Нина! Нина! что ты? намъ достанется за то, что мы сказали... Милая, не выдавай насъ!—раздавались голоса.

— Да вѣдь папа, можетъ быть, боленъ при смерти, можетъ, зоветъ меня...

Забыла она все,—забыла, что сейчасъ начнется экзаменъ; подруги собрались вокругъ своей любимицы и изо всѣхъ силъ старались ее утѣшить. Въ это время мимо класса проходилъ священникъ-законоучитель, и Наташа подбѣжала къ нему:

— Батюшка! батюшка! Востроглазова у насъ очень плачетъ, она получила телеграмму...

Священникъ остановился и спросилъ:

— А что, у нея, должно быть, кто умеръ?

— Ничего неизвѣстно, а вотъ получила телеграмму...

Онъ подошелъ къ горько плакавшей дѣвочкѣ.

— Не убивайтесь такъ!.. Грѣшно!.. На все воля Божія, Востроглазова, а слезами вы не поможете. Всѣ мы люди смертные!

Дѣвочка дрожала, какъ въ лихорадкѣ, зубы ея сильно стучали, а щеки пылали.

Въ эту минуту вошла классная дама и объявила, что идутъ экзаменаторы, и всѣ поторопились занять мѣста. Софья Петровна разсказала начальницѣ, что Востроглазова знаетъ о полученной телеграммѣ и что теперь лучше и не скрывать отъ нея.

Нина, получивъ телеграмму, увидала, что это была городская и послана одной ея подругой, чтобы поздравить съ благополучнымъ окончаніемъ экзамена. Но дѣвочка была такъ разстроена всѣмъ предыдущимъ, что, вынувъ билетъ, не могла прочесть, что на немъ написано; буквы прыгали передъ ея глазами. Вмѣсто блистательнаго окончанія экзамена, она заболѣла и попала въ больницу.

VI.

Скоро прошли года монотонной институтской жизни, и Нина Востроглазова перешла въ педагогическій классъ и нарядилась въ сѣрое платье и черный фартукъ. Она и подруги ея выросли и стали солиднѣе: вздумается иной пробѣжать по корридору, вспомнитъ, что теперь она «сѣренькая», сейчасъ остановится и пройдетъ уже важно. Младшіе классы съ завистью смотрятъ на выпускной и съ уваженіемъ относятся къ кандидаткамъ. Но не всѣхъ кандидатокъ радуетъ мысль, что онѣ послѣднюю зиму проводятъ въ институтѣ; весело тѣмъ, которыя возвращаются въ родную семью, а отъ тѣхъ, кому приходится ѣхать въ гувернантки, часто слышатся возгласы:

— Mesdames, какъ грустно, что мы выходимъ изъ института!

— Знаете,—говоритъ Наташа,—кого мнѣ больше всего жаль: нашихъ стѣнъ и этого милаго, милаго дома.

Нина почувствовала, что и она любила этотъ домъ, и вспомнила, какимъ непривѣтливымъ показался онъ ей семь лѣтъ тому назадъ.

— А мнѣ больше всего жаль разстаться съ преподавателями: вѣдь не услышимъ мы больше уроковъ педагогіи, литературы, исторіи...

— Тебѣ хорошо, Нина,—сказала ей Клавдія,—ты, вѣдь, все время хорошо училась, а мнѣ такъ, слушая ихъ, стыдно становится за мое отношеніе къ ученію.

— Помните, mesdames, что намъ говорилъ Иванъ Александровичъ? Что мы точно пирожки: снаружи-то, пожалуй, и всѣ одинаковы, а внутри-то одни съ начинкой, а другіе съ нѣтомъ, пустые...

— А съ какой начинкой пирожокъ будетъ Юля?—спросила Наташа.

Въ классѣ засмѣялись, а та, про которую говорили, недовольно посмотрѣла на подругъ. Она, по обыкновенію, занята была заучиваніемъ словъ изъ лексикона и это занятіе предпочитала всѣмъ другимъ; память у нея была замѣчательная.

— Юля, не знаешь-ли, что значитъ такое слово? мнѣ лѣнь смотрѣть въ лексиконъ...

И та рѣдко не могла отвѣтить, и если не знала, то тотчасъ отыскивала и заучивала.

— Юля, неужели ты серьезно не хочешь ѣхать въ театръ?— спросила ее Нина.

— Не хочу,—обиженно сказала та,—какъ это я выѣду изъ института и попаду въ театръ,—тамъ, вѣдь, много будетъ чужого народа, будетъ свѣтло...

— Странная ты! какъ-же ты будешь жить въ гувернанткахъ?

— Тамъ—я не знаю, а пока одно знаю, что ни за что не поѣду въ театръ; я уступаю свое мѣсто Нинѣ, а если будутъ требовать, то я горло подвяжу, скажу: болитъ...

Во время этого разговора всѣ кандидатки заняты были работой.

— Mesdames!—сказала одна, только-что вошедшая,—а я сейчасъ отъ начальницы... Звали меня къ одной дамѣ, которая желаетъ имѣть гувернантку; очередь за мной, вотъ я и ходила.

— Ну, и что-же? Разскажи!

— Вхожу я это къ maman, а тамъ сидитъ дама,—полная, въ шелковомъ платьѣ, большая брилліантовая брошь, пальцы всѣ въ кольцахъ... Вошла я, присѣла, да чуть не фыркнула, услыхавъ ея разговоръ: «Мнѣ французиньку не надо, мнѣ пущай русская гувернянька будетъ, и пущай сама расправляется съ дѣтьми, а не жалится; ну, дастъ имъ подзатыльникъ, что̀-ли?» Mesdames! вѣдь это ужасно!

— А я такъ хочу ѣхать къ купцамъ, именно къ такимъ; они сами плохо знаютъ науки—ну, и меня не будутъ экзаменовать...— сказала Клавдія.

— Меня недавно призывали къ начальницѣ, пріѣзжала какая-то старушка, такъ та меня совсѣмъ экзаменовала: и по французски, и по нѣмецки поговорила, и сыграть на роялѣ заставила...

— Хорошо еще, mesdames, кому въ Москвѣ придется остаться, а вотъ мнѣ ѣхать въ Ростовъ-на-Дону, къ людямъ, о которыхъ я и понятія-то не имѣю.

— А меня такъ посылаютъ вмѣсто Орловой куда-то въ деревню,— сказала Наташа.

— Mesdames, mesdames! а я сейчасъ встрѣтила въ корридорѣ Виктора Николаевича, онъ обѣщалъ придти къ намъ и показать картины.

Всѣ поторопились убрать работу и, поставивъ стулья, усѣлись вокругъ учительскаго стола.

Вскорѣ въ классъ вошелъ небольшаго роста человѣкъ, съ очень свѣжимъ цвѣтомъ лица, за что воспитанницы и звали его «крымскимъ яблочкомъ». Онъ началъ говорить тихо, конфузясь, но потомъ увлекся и сталъ разсказывать о томъ времени, когда онъ жилъ въ Италіи и любовался подлинниками тѣхъ картинъ, которыя онъ теперь показывалъ. Слушали его съ восторгомъ и любопытствомъ; по блеску глазъ и сильно раскраснѣвшимся лицамъ онъ могъ судить о томъ, какъ много пользы приноситъ его бесѣда этимъ молодымъ головкамъ. Незамѣтно прошло время до самаго звонка.

— Mesdames, неужели уже чай пить?—недовольно говорили воспитанницы.

Викторъ Николаевичъ всталъ, чтобы проститься.

— Викторъ Николаевичъ! Викторъ Николаевичъ!—послышалось со всѣхъ сторонъ.—Когда-же вы еще придете къ намъ?

— Завтра праздникъ, такъ, вотъ, я послѣ обѣда и приду.

— Какъ жаль, что ужъ недолго намъ осталось быть въ институтѣ!—грустно сказала Нина.

— Я и постараюсь побольше удѣлить вамъ время, познакомить васъ съ исторіей искусства, показать вамъ древніе памятники архитектуры.

Въ столовой воспитанницы продолжали бесѣду уже однѣ, сидя за громаднымъ самоваромъ—гордостью послѣдняго класса. Всѣ остальные пили чай, разлитой по кружкамъ; а онѣ сами заваривали и сами разливали. Громадная столовая уже опустѣла, только онѣ еще сидѣли и распивали чай.

— Знаете, mesdames, черезъ два дня уже будетъ литературный вечеръ, а тамъ и балъ?

— Да, вотъ счастье-то! вотъ весело!—говорила Наташа, убирая посуду въ шкафъ.

— Давайте ко всѣмъ учителямъ приставать, чтобы они пріѣхали,—продолжала Наташа.

— Я буду просить Виктора Николаевича, и угощеніе ему приготовлю. Mesdames, я первая сказала, не перебивайте!

— А я попрошу Владиміра Яковлевича.

— А ты, Нина, конечно, Владиміра Ивановича?...

VII.

Третьяго января назначенъ былъ балъ. За нѣсколько дней уже институтки волнуются, хлопочутъ достать братьямъ пригласительные

билеты. Въ день бала онѣ съ утра по дортуарамъ приводятъ въ порядокъ свои костюмы, нѣкоторыя пользуются возможностью выспаться. Въ восемь часовъ приходитъ классная дама, осматриваетъ прически, и воспитанницы подымаются по лѣстницамъ, устланнымъ коврами и ярко освѣщеннымъ; въ корридорахъ сильно накурено духами. Зала горитъ огнями, все такъ празднично, лица сіяютъ счастьемъ. Послѣдній классъ получилъ разрѣшеніе надѣть цвѣтныя бархатки на голову; позволено было только одного цвѣта для всѣхъ, и послѣ долгихъ споровъ выбраны были красныя. Раньше всѣхъ вышли институтки, а съѣздъ гостей еще не начинался; многія остановились на площадкѣ — ждать прихода учителей, которые были самыми желанными гостями. Ихъ тотчасъ окружала толпа,—танцовать съ любимыми учителями почиталось за счастье. Нѣкоторые дѣлили одну кадриль между 6-ю воспитанницами. Большинство кавалеровъ были военные—юнкера и кадеты. Многіе изъ нихъ добросовѣстно готовились къ разговорамъ съ дамой, прочитывали и заучивали фразы изъ умной книги, а другіе—придумывали сами. Нина много танцовала. Эту кадриль ей пришлось танцовать съ юнкеромъ, который, старался добросовѣстно занимать ее, а она рѣшила не помогать ему. Раньше, чѣмъ начать говорить, онъ переминался съ ноги на ногу, откашливался, а потомъ сказалъ:

— Вы любите смотрѣть на звѣзды?

Нина еле удерживалась отъ смѣха; онъ приготовилъ на эту тему разговоръ, а она, желая спутать, сказала:

— Нѣтъ, не особенно.

Онъ совсѣмъ сконфузился, закашлялся и недовольно сказалъ:

— Не понимаю; ну, такъ мы съ вами не сходимся.

Рядомъ съ ними танцовалъ учитель исторіи. Его дама привыкла танцовать всегда за кавалера и въ шестой фигурѣ, незамѣтно перемѣнивъ мѣсто, обняла его за талію. Тотъ, желая пошутить, не протестовалъ; сидѣвшія вокругъ подруги засмѣялись и тѣмъ заставили ее опомниться и сконфузиться.

Балъ былъ очень оживленъ. Grand rond послѣ кадрили водили не только по залѣ, но и по корридорамъ. Особенно весело было тогда, когда, въ часъ ночи, увели старшіе классы, оставивъ до двухъ только одинъ выпускной. Кавалеровъ было много, институтки танцовали, не переставая. Не обошлось безъ смѣшныхъ случаевъ: кавалеры путали дамъ и, пригласивъ одну, шли съ другой, не узнавая ее больше. Наконецъ, балъ кончился, и усталыя институтки уходили спать. Но долго онѣ не могли заснуть, передавая другъ другу впечатлѣнія.

— Mesdames! вѣдь это послѣдній балъ въ институтѣ!

— Да, и едва-ли намъ гдѣ будетъ такъ весело, какъ здѣсь...

И онѣ были правы. Для большинства это были самыя счастливыя минуты въ ихъ будущей тяжелой жизни.

VIII.

Мало времени остается уже быть Нинѣ и ея подругамъ въ институтѣ; хоть и грустно покидать то заведеніе, гдѣ столько хорошихъ минутъ проведено, но жизнь на *волѣ* манитъ и притягиваетъ своею новизною. А тутъ еще весна! Въ отворенныя окна слышенъ благовѣстъ, а изъ институтскаго сада доносится запахъ тополя. Такъ и хочется принять участіе въ уличной суетѣ, выйти изъ-за этихъ высокихъ стѣнъ, не подчиняться больше призывному колокольчику.

— Mesdames, а какое должно быть счастіе, никого не спросясь, пойти въ лавочку!

— Сколько часовъ осталось намъ до выпуска? кто вычеркиваетъ?

— Намъ осталось 124 часа.

— Черезъ день уже будетъ конференція—вотъ-бы узнать, что про насъ будутъ говорить!

— Хотите узнаю?—спросила Наташа.

— Вотъ выдумала!—сказала ей на это Нина.

Наташа рѣшила сдѣлать по своему и цѣлый день глубокомысленно совѣщалась съ своей подругой Лизой.

— Нина,—сказала Наташа,—мы съ Лизой не придемъ ужинать: когда спросятъ, скажи: голова болитъ, легли раньше спать.

Всѣ институтки сошли внизъ, въ столовую, а Наташа съ Лизой, переодѣвшись въ ночныя блузы, тихонько прокрадывались въ такъ-называемую голубую залу, гдѣ все было приготовлено для конференціи. Громадная зала была темна, только большой столъ, покрытый сукномъ, еле освѣщался двумя свѣчами. Подруги пробрались незамѣтно въ залу и усѣлись за большимъ трюмо.

Пришли онѣ за два часа до начала и съ замираніемъ сердца замѣтили, что прислуга, приготовивъ все, потушила свѣчи и заперла двери въ залу.

— Вотъ жутко-то!—шептала Наташа.

— Знаешь, вѣдь, мы заперты здѣсь и выйти теперь нельзя!

— Походить развѣ по залѣ?—сказала Наташа, но тотчасъ-же зашумѣла, натолкнувшись на стулья, и стукъ отдался такъ страшно въ пустой залѣ...

— Наташа, садись скорѣй на старое мѣсто; прочтемъ лучше молитвы, да и уляжемся на полу: можетъ быть, задремлемъ...

— То-то хорошо-бы было, Лиза, а то такъ страшно, такъ страшно!

Онѣ долго читали молитвы. Пробило уже девять часовъ, и онѣ задремали. Полоса свѣта, показавшаяся въ темномъ углу, испугала ихъ и разбудила. Зажгли свѣчи и слышны стали голоса. Первое время, отъ сильнаго волненія и страха, онѣ ничего не понимали, даже не различали знакомыхъ голосовъ, но, понемногу освоившись, осмѣливались выглядывать, ложась на полъ.

— Итакъ, золотую медаль надо присудить Лысковой,—услыхали онѣ слова инспектора.

— А жаль,—сказало на это нѣсколько голосовъ,—ее больше заслуживаетъ Востроглазова.

Наташа съ Лизой вполнѣ сочувствовали тому и, высунувшись, неосторожно толкнули трюмо, стоявшее на ножкахъ. Нѣкоторые повернулись на шумъ. У подслушивавшихъ холодный потъ выступилъ на лбу, и онѣ старались не дышать; но скоро опять успокоились, такъ какъ конференція продолжалась.

— Наташа, ты записываешь?

— Да.

И вдругъ карандашъ выскользнулъ у нея изъ рукъ и покатился! Опять учителя повернулись на шумъ, и дѣвочки едва дышали отъ страха... Засѣданіе продолжалось два часа, а потомъ задвигали стульями и стали уходить.

— Ну какъ запрутъ залу?—съ ужасомъ прошептала Наташа.

Но залу не заперли, и дѣвочки прокрались изъ нея и притаились въ темномъ корридорѣ. Какъ только затихли шаги, онѣ ощупью добрались до лѣстницы, а сойдя съ нея, были уже въ безопасности.

— Mesdames! mesdames!—задыхаясь отъ радости, проговорили онѣ, вбѣгая въ дортуаръ.

Многія еще не ложились, а, сидя на постеляхъ, разговаривали; спавшихъ тотчасъ разбудили, и всѣ собрались къ шалуньямъ.

— Мы съ конференціи!

И разсказамъ не было конца, никому и спать не хотѣлось, теперь и сонъ пропалъ.

На другое утро классная дама была поражена подробными разсказами о конференціи. Наташа встрѣтила инспектора и простодушно объявила ему:

— Владиміръ Яковлевичъ, а вы про меня сказали, что я способная, но лѣнивая.

Тотъ поднялъ на нее удивленно глаза.

— А вотъ про Ольгину сказали: «труженица, но очень неспособная»,—не унималась болтать Наташа.

Теперь Владиміръ Яковлевичъ недовольно спросилъ:

— Откуда вы это знаете?

— Сама слышала, все, все слышала!

— Стыдно такъ говорить; это не только ложь, но и дерзость.

— Да, вѣдь, это не ложь, право, не ложь,—продолжала искренно Наташа...

Въ день выпуска десятки воспитанницъ толпились на лѣстницѣ въ ожиданіи пріѣзда родныхъ.

— Mesdames! отецъ Нины пріѣхалъ!

И не успѣлъ онъ подняться по лѣстницѣ, какъ Нина уже была возлѣ него.

— Папа! подожди, милый, я сейчасъ буду готова.

И она, перепрыгивая черезъ двѣ ступеньки, побѣжала переодѣться.

— Нина, я тебѣ помогу одѣться.

— И я! и я!—кричало нѣсколько голосовъ.

— Всѣ твои вещи уложены?—спрашивала ее Клавдія, чуть не плача.

— Я завтра за ними пріѣду; прощусь еще разъ съ вами.

Вскорѣ Нина была готова; надѣвъ свое платье, она точно выросла.

— Теперь пойду и прощусь со всѣми...

И, окруженная толпою институтокъ, она зашла ко всѣмъ, со всѣми простилась—съ начальницей, съ инспектрисой, съ классными дамами.

— Вотъ, папочка, я и готова!—сказала она, радостная, прибѣжавъ къ отцу.

— А я пока, дочка, подписалъ здѣсь бумагу.

— Да, вѣдь, и мнѣ надо подписать отреченіе отъ института; теперь я опять подъ твоимъ только покровительствомъ, папочка!

Они сошли въ швейцарскую, а съ ними и всѣ подруги Нины. Было много слезъ, поцѣлуевъ и просьбъ не забывать. Вотъ Нина уже и за дверью. Но, какъ и восемь лѣтъ тому назадъ, институтки возвращались съ гулянья и задержали ее.

— Ниночка! Ниночка! прощайте!—дружески кричитъ ей теперь нѣсколько голосовъ.

Она ласково прощается съ ними и ѣдетъ съ папой длиннымъ дворомъ.

— Папа, я, вѣдь, рада, что уѣзжаю, только жаль, очень жаль мнѣ института, жаль подругъ... Поѣдемъ тише...

У воротъ они остановились, и она съ любовью обернулась и посмотрѣла на зданіе института. А какой несчастной въѣзжала она сюда восемь лѣтъ тому назадъ!

— Завтра я опять пріѣду сюда за вещами.

Говоря это, она думала смягчить горесть сегодняшняго отъѣзда.

И у многихъ сжималось сердце, когда, выѣхавъ съ институтскаго двора на улицу, онѣ чувствовали себя въ толпѣ незнакомыхъ, равнодушныхъ людей. Что-то ждало въ жизни каждую изъ нихъ?..

А. Сизова.

ПЕДАГОГИ И ВЗАИМОПОМОЩЬ.

(Окончаніе).

XIX.

Намъ остается познакомиться съ послѣдними по времени мѣропріятіями въ области взаимопомощи педагоговъ. Одни изъ этихъ мѣропріятій уже до извѣстной степени развились, другія только-что возникли и не даютъ еще достаточно матеріала для того, чтобы судить о ихъ дѣятельности, а тѣмъ болѣе о ихъ будущности; третьи «отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть». Въ ряду мѣропріятій первой категоріи на самое видное мѣсто, безспорно, слѣдуетъ поставить *Восьмую похоронную кассу*, извѣстную также подъ именемъ *педагогической*, такъ какъ идея устройства этой кассы, разработка устава, хлопоты по утвержденію, первоначальная организація дѣла и веденіе его принадлежитъ главнымъ образомъ кружку педагоговъ одной изъ петербургскихъ гимназій (третьей). Иниціаторами устройства кассы были: г. Голубевъ, протоіереи М. И. Соколовъ и К. И. Вѣтвеницкій, законоучитель третьей гимназіи, и преподаватели той-же гимназіи В. А. Поповъ и Э. Э. Кесслеръ. Уставъ былъ утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ мартѣ 1888 года, но дѣйствовать касса начала только съ февраля слѣдующаго года, когда въ залѣ третьей гимназіи состоялось первое учредительное собраніе. Касса начала свои дѣйствія въ высшей степени скромно, въ составѣ всего 13 человѣкъ. Въ этомъ собраніи было избрано правленіе въ составѣ трехъ лицъ: В. А. Латышева, тогда преподавателя третьей гимназіи, а нынѣ директора народныхъ училищъ Петербургской губерніи, и преподавателей той-же гимназіи В. А. Попова и А. В. Борисова; замѣтимъ тутъ-же, что всѣ эти лица, избираемыя на ежегодныхъ общихъ собраніяхъ, остаются, вполнѣ безвозмездно, въ званіи членовъ правленія до настоящаго времени и, слѣдовательно, касса въ значительной степени именно имъ обязана своимъ успѣхомъ.

Нынѣ касса находится въ полномъ своемъ развитіи: число членовъ ея достигло опредѣленной уставомъ цыфры пятисотъ и сверхъ того имѣется 42 кандидата. На послѣднемъ годовомъ собраніи, въ мартѣ нынѣшняго года, было рѣшено образовать новую группу лицъ, для устройства новой похоронной кассы, причемъ было выражено желаніе, чтобы эта новая касса устроилась при вновь возникшемъ «Педагогическомъ обществѣ взаимной помощи».

Отдавая должную дань талантливости и неутомимой энергіи лицъ, стоящихъ во главѣ правленія восьмой похоронной кассы съ самаго начала ея дѣятельности и доведшихъ ея операціи до полнаго развитія, мы, однако, должны признать въ то-же время, что многое въ дѣлѣ такого быстраго и блестящаго успѣха зависѣло отъ замѣчательной простоты устава, отвѣчавшаго въ то-же время всѣмъ запросамъ требованій практики, а главное—чрезвычайной доступности участія въ кассѣ и необременительности для членовъ матеріальной стороны обязательствъ. Послѣднее качество особенно выгодно выдѣляетъ восьмую похоронную кассу изъ ряда другихъ однородныхъ столичныхъ учрежденій, не говоря о Московской похоронной кассѣ при «Обществѣ взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія».

Обратимся теперь къ организаціи кассы, являющейся тѣмъ болѣе интересной, что подобное-же учрежденіе имѣется въ виду устроить въ ближайшемъ будущемъ при Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ взаимной помощи.

Цѣль учрежденія кассы заключается въ выдачѣ повременныхъ денежныхъ пособій на погребеніе умершихъ членовъ ея. Въ составъ кассы принимаются лица обоего пола и всякаго званія, въ возрастѣ отъ 20 до 55 лѣтъ отъ роду, пользующіеся во время вступленія въ кассу хорошимъ здоровьемъ. Желающіе быть принятыми подаютъ правленію письменное заявленіе и, въ случаѣ надобности, доставляютъ свидѣтельство о возрастѣ и состояніи здоровья. Непринятыя почему-либо правленіемъ въ составъ членовъ кассы имѣютъ право апеллировать общему собранію, за которымъ остается въ такихъ случаяхъ рѣшающій голосъ. При вступленіи въ члены кассы каждое лицо уплачиваетъ единовременно *два* рубля за внесеніе въ списокъ и *одинъ* рубль 25 коп. въ качествѣ перваго взноса; при этомъ вступающій въ члены долженъ письменно заявить правленію—кому, въ случаѣ его смерти, слѣдуетъ выплатить похоронное пособіе.

Въ случаѣ смерти члена кассы каждый участникъ ея обязанъ въ двухнедѣльный срокъ уплатить 1 р. 25 коп. Изъ этихъ взносовъ касса и выплачиваетъ похоронное пособіе, размѣръ котораго, слѣдо-

вательно, прямо пропорціоналенъ количеству ея членовъ; въ настоящее время, при полномъ составѣ кассы, размѣръ ея пособія равенъ пяти стамъ руб. Пособіе выдается въ теченіи сутокъ по полученіи извѣстія о смерти члена кассы. Особенно важно то, что на капиталъ кассы, а равнымъ образомъ и на выдаваемыя ею пособія, по уставу, не налагается никакихъ взысканій, такъ какъ пособія должны служить не для уплаты долговъ, а преимущественно для покрытія издержекъ по погребенію.

Управленіе дѣлами кассы вручается тремъ органамъ: общему (обыкновенному и чрезвычайному) собранію членовъ, избираемому имъ на одинъ годъ правленію и ревизіонной коммиссіи. Функціи общихъ собраній и ревизіонной коммиссіи однородны другимъ, близкимъ по духу, учрежденіямъ; отмѣтимъ лишь одну особенность въ правахъ членовъ-женщинъ: онѣ не могутъ быть выбираемы въ какія-либо должности по кассѣ. Это ограниченіе въ правахъ почти половины членовъ кассы является несправедливостью и составляетъ слѣдствіе существующаго въ обществѣ нѣсколько страннаго недовѣрія относительно способности женщинъ къ отправленію административныхъ обязанностей. Правленіе состоитъ изъ трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ. Къ обязанностямъ его относятся: а) завѣдываніе всѣми дѣлами кассы; б) наблюденіе за надлежащею уплатою членами взносовъ; в) выдача похоронныхъ пособій; г) веденіе приходо-расходныхъ книгъ; д) внесеніе наличныхъ суммъ кассы, для приращенія процентами, въ кредитныя учрежденія; е) составленіе годовыхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ кассы и ж) вообще—забота объ ея интересахъ, согласно уставу и инструкціямъ, утвержденнымъ общимъ собраніемъ. Отвѣтственность за убытки, причиненные кассѣ, какимъ-бы то ни было образомъ, однимъ изъ членовъ правленія, обращается на всѣхъ его членовъ. Какъ члены правленія, такъ и кандидаты и ревизоры исполняютъ свои обязанности безвозмездно.

Въ перечнѣ обязанностей правленія нѣтъ прямого указанія относительно особенно хлопотливой части—сбора членскихъ взносовъ. По уставу, въ случаѣ смерти члена кассы каждый изъ членовъ уплачиваетъ 1 р. 25 коп. На внесеніе этихъ денегъ назначается двухнедѣльный срокъ, считая со дня увѣдомленія правленія о смертномъ случаѣ. Если по прошествіи этого срока взноса не послѣдуетъ, то просрочившій подвергается штрафу въ 50 коп. и ему посылается письменное напоминаніе. Членъ кассы, не уплатившій по истеченіи одного мѣсяца, со дня полученія имъ письменнаго напоминанія, причитающихся съ него денегъ, подвергается вторичному штрафу въ одинъ

руб. и получаетъ новое напоминаніе. Если-же, затѣмъ, въ теченіи двухъ недѣль не будутъ уплачены причитающіяся съ него деньги, а также и пеня въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп., то неисправный членъ исключается изъ числа членовъ кассы. Въ то-же самое время касса обязана производить платежъ въ случаѣ смерти своего члена въ 24 часа по полученіи объявленія о его смерти. Изъ сопоставленія этихъ двухъ параграфовъ вытекаетъ самая трудная сторона дѣятельности правленія кассы. Неисправное поступленіе членскихъ взносовъ, въ разсчетѣ на отсрочку, хотя-бы и съ пеней, осложняетъ операцію выдачи пособія до крайней степени. Поэтому правленіе поставлено было въ необходимость административнымъ путемъ расширить кругъ лицъ, уполномоченныхъ для сбора членскихъ взносовъ, и было вынуждено изыскать способъ къ увеличенію числа запасныхъ пособій, дабы имѣть возможность безпрепятственно выполнять свою главную обязанность— поданіе немедленной помощи въ случаѣ смерти члена кассы. Дѣятельность членовъ правленія, служащихъ безсмѣнно со дня учрежденія кассы, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полной признательности. Для большаго удобства въ дѣйствіяхъ, члены правленія слѣдующимъ образомъ раздѣлили между собою лежащія на нихъ обязанности: В. А. Латышевъ взялъ на себя казначейскую часть, А. В. Борисовъ—адресную, В. А. Поповъ—сношеніе съ властями по дѣламъ кассы. Сверхъ этого, каждый изъ членовъ правленія несъ обязанности сборщика членскихъ взносовъ. Благодаря такому раздѣленію труда и единодушію въ веденіи дѣла, правленіе довело операціи кассы въ четыре года ея существованія до полнаго развитія не только въ отношеніи количества членовъ, но, что̀ особенно важно, съумѣло также обезпечить правильное теченіе дѣла по крайней мѣрѣ на три года впередъ; послѣднее достигнуто образованіемъ четырехъ запасныхъ пособій. По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ намъ правленіемъ, положеніе дѣла кассы въ настоящее время находится въ слѣдующемъ видѣ. Касса состоитъ изъ 500 членовъ и 43 кандидатовъ къ нимъ. Касса имѣетъ четыре запасныхъ пособія, по пятисотъ рублей каждое, и 400 руб. остатка на текущіе расходы. Общія денежныя средства кассы выражаются солидною цифрою 4.283 руб. 38 коп. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что за все время своего дѣйствія касса выдала болѣе четырехъ тысячъ похоронныхъ пособій.

Дополнимъ и заключимъ нашъ очеркъ организаціи и состоянія восьмой похоронной кассы указаніемъ на то, что, согласно уставу, въ случаѣ закрытія кассы капиталъ ея дѣлится между членами пропорціонально количеству взносовъ, сдѣланныхъ каждымъ изъ нихъ.

Замѣтимъ еще, что совершенно такую-же цѣль имѣютъ *третья*, *пятая* и *седьмая* похоронныя кассы, существующія въ Петербургѣ; эти кассы походятъ по своему устройству на похоронную кассу московскихъ педагоговъ, а правленіе ихъ находится въ рукахъ педагоговъ здѣшнихъ среднихъ школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій; при этомъ значительная часть членовъ принадлежитъ также къ составу преподавателей среднихъ столичныхъ учебныхъ заведеній.

XX.

Представимъ теперь очеркъ попытки организаціи *Общества потребителей* «Умѣренность».

Мотивомъ къ учрежденію подобнаго предпріятія послужила дороговизна жизненныхъ продуктовъ первой необходимости, особенно чувствительная для педагоговъ, поставленныхъ въ необходимость существовать на неизмѣнно опредѣленную сумму получаемаго содержанія. Извѣстно, что эта дорогизна продуктовъ, главнымъ образомъ, происходитъ отъ перебора за нихъ при розничной продажѣ, въ особенности-же при заборѣ товаровъ по книжкамъ и при покупкѣ товаровъ чрезъ посредство прислуги. Это сознаніе двойной эксплоатаціи и послужило причиной возникновенія союзовъ для закупки товаровъ оптомъ, по болѣе низкимъ цѣнамъ сравнительно съ розничными, и распредѣленія ихъ между участниками. Такіе союзы особенно многочисленны заграницей, гдѣ кооперативное начало проникаетъ мало-помалу во всѣ виды экономической жизни. Возникшее въ Петербургѣ въ нынѣшнемъ году Педагогическое Общество взаимной помощи также уже положило основаніе новой попыткѣ такой формы кооператіи среди столичныхъ педагоговъ. Скромное начало должно получить дальнѣйшее развитіе, какъ одна изъ наиболѣе существенныхъ, по нашему мнѣнію, функцій дѣятельности Общества; поэтому, знакомство съ тѣмъ, что было предпринято ранѣе въ данномъ дѣлѣ, является особенно интереснымъ и поучительнымъ.

Организаторы потребительнаго общества для педагоговъ на первое время предположили войти въ соглашеніе съ разными оптовыми торговыми фирмами и добиться отъ нихъ болѣе или менѣе значительной скидки съ покупной цѣны товаровъ въ пользу членовъ своего Общества, безъ ущерба, однако, качеству товаровъ. Для этой цѣли иниціаторы обратились циркулярно во многія столичныя учебныя заведенія, съ цѣлью выяснить приблизительную цыфру будущихъ участниковъ Общества, а также и среднюю норму потребленія всѣхъ глав-

ныхъ видовъ товаровъ въ опредѣленную единицу времени. На основаніи этихъ нормъ и предполагалось заключить договоры съ оптовыми торговыми фирмами. Такимъ образомъ, возникавшее товарищество для своей организаціи избрало тотъ путь, какому слѣдовали извѣстные англійскіе потребительные союзы: почтовыхъ чиновниковъ (Postoffice general Sypply Association), гражданскихъ чиновниковъ (Civil service Cooperative Society) и Общество офицеровъ арміи и флота (Army and Navy Cooperative Society), достигшія въ теченіи какихъ-нибудь двадцати лѣтъ своего существованія (потребительное общество почтовыхъ чиновниковъ, самое раннее, существуетъ съ 1865 года) громадныхъ успѣховъ, обладающія въ настоящее время значительными капиталами и недвижимыми имуществами и снабжающія своихъ членовъ почти всѣми потребными въ жизни предметами *). Само собою разумѣется, что иниціаторы дѣла не думали остановиться на этой формѣ взаимопомощи и ставили своей конечной задачей тотъ видъ организаціи, отъ которой временно пришлось отказаться за неимѣніемъ свободнаго оборотнаго капитала.

Въ отвѣтъ на разосланные циркуляры, въ теченіе зимы прошлаго года получилось достаточное количество заявленій, и въ началѣ мая прошлаго-же года въ залѣ третьей гимназіи состоялось первое общее собраніе будущихъ членовъ-потребителей. На этомъ собраніи былъ разсмотрѣнъ разосланный предварительно печатный проектъ устава будущаго Общества слѣдующаго содержанія:

---

*) О ростѣ дѣятельности товарищества гражданскихъ чиновниковъ дадутъ наглядное понятіе слѣдующія цыфры: въ 1867 году оно имѣло только 5.014 членовъ, въ 1885 году это число увеличилось до 38.693 человѣкъ; обороты Общества достигали въ 1867 году 21.322 фунт. стерл., въ 1885 г.—1.758.648 ф. ст.; недвижимости въ 1867 г. товарищество не имѣло вовсе, въ 1885 году, напротивъ, цѣнность ея равнялась 129.948 ф. ст.; наконецъ, служащихъ лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами союза, было въ 1867 г. всего 28 человѣкъ, а въ 1885 г.—1.250 человѣкъ. Изъ этого Общества скоро выдѣлилось другое, подъ именемъ Civil Service Cooperative Society, которые, устранивъ обязанность каждаго члена имѣть не болѣе одного пая, тѣмъ не менѣе осталось, по составу своихъ членовъ, въ предѣлахъ гражданскаго вѣдомства; дѣла этого товарищества процвѣтаютъ въ такой-же степени, какъ и перваго: такъ, въ 1885 году его капиталъ въ акціяхъ равнялся 100.000 ф. ст. (причемъ дивидендъ не долженъ превышать по уставу 5%), а оборотъ достигалъ 469.000 ф. ст. Успѣхъ этихъ товариществъ подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ, и въ 1872 году, какъ мы уже упомянули, составилось такое-же товарищество для офицеровъ арміи и флота (Army and Navy Cooperative Society), число пайщиковъ котораго (по одному паю, въ одинъ фунтъ стерл. у каждаго) достигло въ 1879 г. 13.000 человѣкъ, а число членовъ 23.000 человѣкъ; обороты товарищества за 1878 г. выразились уже цыфрою, превышавшей полтора мил. ф. ст.

«§ 1. Потребительное общество «Умѣренность» составляется изъ лицъ, принадлежащихъ къ сословію педагоговъ, и состоитъ изъ слѣдующихъ разрядовъ: а) учредители, б) пайщики, в) потребители.

§ 2. Средства Общества составляются изъ паевыхъ взносовъ въ размѣрѣ 100 р. единовременно и 10 р. безвозвратно на каждый пай.

§ 3. Ни одинъ пайщикъ не можетъ требовать возвращенія внесенныхъ имъ денегъ ранѣе трехлѣтняго срока со дня уплаты денегъ за пай.

§ 4. Всякій пай можетъ быть переданъ другому лицу изъ сословія педагоговъ, о чемъ должно быть извѣщено правленіе Общества (см. § 10) и дѣлается соотвѣтственная надпись на паевой роспискѣ.

§ 5. На каждый пай Общество выдаетъ не болѣе 6% годовыхъ, но учредительскіе паи (см. § 6) могутъ давать до 20% и болѣе годового дохода.

§ 6. Званіе «учредителей» получатъ обладатели первыхъ двухсотъ пятидесяти паевъ, получающіе слѣдующія преимущества: а) они могутъ увеличивать число своихъ паевъ до 10; б) по мѣрѣ развитія дѣлъ Общества они получаютъ сверхъ 6% годовыхъ еще добавочный дивидендъ до 14% годовыхъ на каждый пай.

Прим. При переходѣ къ другому лицу учредительскій пай теряетъ свои преимущества.

§ 7. Пайщики пользуются кредитомъ въ размѣрѣ внесенныхъ ими за свои паи суммъ, причемъ всякій долгъ погашается не позже 22-го декабря каждаго года.

§ 8. Потребители пользуются мѣсячнымъ кредитомъ отъ 50 до 100 рублей, по усмотрѣнію правленія.

Прим. Постороннія лица могутъ покупать въ магазинахъ и лавкахъ Общества только на наличныя деньги.

§ 9. Пайщики и учредители избираютъ изъ своей среды 6 членовъ правленія и 6 кандидатовъ къ нимъ на каждое трехлѣтіе.

§ 10. Правленіе нанимаетъ помѣщеніе и прислугу для Общества, заключаетъ контракты съ поставщиками, принимаетъ товары, разсматриваетъ всякія указанія и заявленія отъ членовъ Общества, наблюдаетъ за счетоводствомъ и порядкомъ въ дѣлахъ Общества.

§ 11. Члены правленія ежемѣсячно 26—31-го числа собираются для обсужденія способовъ дальнѣйшаго веденія дѣлъ и приглашаютъ въ свои засѣданія одного изъ кандидатовъ по очереди; вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ.

§ 12. Кандидаты къ членамъ правленія являются ихъ помощниками и замѣняютъ ихъ въ случаѣ уважительныхъ причинъ; они-же представляютъ собою постоянную наблюдательную и ревизіонную коммиссію, которая вноситъ свой докладъ ежегодно въ об ее собраніе.

§ 13. По мѣрѣ развитія дѣлъ Общества, членамъ правленія назначается вознагражденіе до 600 р. въ годъ каждому, а кандидатамъ до 300 р. каждому.

§ 14. Правленіе наблюдаетъ, чтобы продукты Общества продавались на 10% ниже лавочныхъ—по возможности.

§ 15. Половина чистой прибыли Общества употребляется на пріобрѣтенія движимаго и недвижимаго имущества, необходимаго для цѣлей Об-

щества. Другая половина чистой прибыли, послѣ-же удовлетворенія нуждъ Общества, и вся прибыль дѣлятся между пайщиками, но такъ, чтобы первоначально было отдѣлено по 20% на учредительскіе паи, а остальное дѣлилось-бы между всѣми паями поровну, считая тутъ и учредительскіе паи.

§ 16. Въ общемъ собраніи каждый пай даетъ одинъ голосъ его владѣльцу.

§ 17. По истеченіи 25 лѣтъ со дня учрежденія Общества учредительскіе паи теряютъ всѣ свои преимущества.

P. S. Предполагая 250 пайщиковъ, получимъ 2.500 р. безвозвратныхъ, 25 т. р. учредительскихъ и до 250 т. руб. годового оборота, что при 20% прибыли дастъ 50 тыс. руб.

Гг. педагоги, желающіе вступить въ число членовъ П. О., приглашаются доставить слѣдующія свѣдѣнія: адресъ, число членовъ семьи, прислуги, плата за квартиру въ годъ, годовой расходъ на одежду, обувь, бѣлье, лѣченіе; ежемѣсячное потребленіе хлѣба, мяса (для супа), мяса разныхъ сортовъ, дичи и рыбы (короче: жаркое ? ф.), масла, керосину, мыла, свѣчей, чаю, сахару раф., сах. п., кофе, винъ, водки, закусокъ (? р.), яицъ (? штукъ), муки, табаку, соды, соли, макаронъ, крупъ, молока (? б.), рису. Все это можно выставить на визитной карточкѣ и доставить въ бюро, которое будетъ избрано въ собраніи 17-го мая».

Этотъ проектъ былъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію собранія, послѣ чего была избрана коммиссія для окончательной его редакціи. Осенью того-же, т.-е. прошлаго, года должно было, по постановленію собранія, состояться новое его засѣданіе, но, какъ надо полагать, движеніе въ столичномъ педагогическомъ мірѣ по поводу учреждавшагося «Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи» послужило тому помѣхой, и, сколько намъ извѣстно, новаго общаго собранія потребительнаго общества «Умѣренность» не происходило. Намъ извѣстно, однако, что инициаторы дѣла рѣшили временно помириться съ судьбою, умѣрить свои нѣсколько оптимистическія надежды и начать свою дѣятельность въ самыхъ скромныхъ формахъ, а именно: они подыскали нѣсколько оптовыхъ торговцевъ, которые, по письменному удостовѣренію, согласились отпускать членамъ-потребителямъ товары съ уступкою противъ продажныхъ цѣнъ на 8—10 проц., съ ручательствомъ за доброкачественность товаровъ. Потребительное общество «Умѣренность» открыло свои дѣйствія съ начала нынѣшняго 1893 года. Не имѣя пока утвержденнаго устава, Общество начало свои дѣйствія по письменному взаимному условію, основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ. Каждый потребитель вноситъ въ кассу Общества за первый мѣсяцъ впередъ ту сумму, на которую онъ намѣревается получить товаръ чрезъ посредство Общества. Уплата денегъ за забранный товаръ производится въ кассу

по истеченіи каждаго мѣсяца; кассиръ Общества выплачиваетъ поставщикамъ товаровъ деньги по третямъ года. Деньги хранятся на текущемъ счету въ банкѣ; наконецъ, половина чистой прибыли (разница между продажною и оптовою цѣною и проценты по текущему счету) отчисляется въ запасный капиталъ Общества.

XXI.

Переходя къ предпріятіямъ болѣе ограниченнаго круга дѣятельности, впрочемъ, не въ топографическомъ смыслѣ слова, мы должны начать нашу рѣчь съ *Общества взаимнаго вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ С.-Петербургскаго учительскаго института*.

Идея учрежденія этого Общества принадлежитъ преподавателямъ названнаго института, во главѣ котораго стоитъ К. К. Сентъ-Илеръ. Предпріятіе встрѣтило живой откликъ среди значительнаго круга его бывшихъ питомцевъ и лицъ, служившихъ въ институтѣ. Выработанный иниціаторами дѣла уставъ былъ утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 27-го октября 1890 года, а въ ноябрѣ того-же года уже состоялось учредительное собраніе его членовъ и Общество фактически начало свою дѣятельность.

Общество имѣетъ цѣлью оказывать помощь своимъ дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ выдачею временныхъ или періодическихъ пособій и ссудъ, а также пріисканіемъ мѣстъ и занятій. Такая формулировка основной задачи Общества сразу ставитъ его въ чрезвычайно выгодныя условія, а именно: она расширяетъ кругъ патронатства Общества не только на дѣйствительныхъ членовъ, но и на ихъ семейства, и тѣмъ самымъ даетъ разносторонніе способы и средства выражать свою благотворную дѣятельность; выигрывая отъ этого въ жизненности, а слѣдовательно, и въ производительности.

Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и соревнователей. Насъ должны интересовать главнымъ образомъ дѣйствительные члены; таковыми могутъ быть: а) окончившіе курсъ въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ; б) служащіе или служившіе въ названномъ учрежденіи по учебной или административной части, и в) учившіеся въ институтѣ, но не окончившіе въ немъ курса, а также постороннія лица, выдержавшія въ институтѣ экзаменъ на званіе учителя городского училища. Размѣръ членскаго взноса опредѣляется въ *три* рубля, но онъ можетъ быть удвоенъ, если представится особая надобность придти на помощь нуждающимся участникамъ Общества. Изъ взносовъ всѣхъ разрядовъ членовъ образуются

*

главныя средства Общества, раздѣляющіяся на капиталы основной и оборотный. Для усиленія источниковъ дохода, Общество имѣетъ право устраивать спектакли, концерты, публичныя чтенія и т. п.

Денежная помощь Общества выражается единовременными или періодическими пособіями; первыя выдаются дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ въ случаяхъ крайней нужды, происходящей отъ смерти члена (функція похоронной кассы), отъ продолжительной и тяжкой болѣзни и другихъ обстоятельствъ, надолго разоряющихъ члена или его семейство; вторыя—неизлечимо больнымъ членамъ, а также на воспитаніе дѣтей умершаго члена. Сверхъ того, въ случаяхъ крайней настоятельной временной нужды, Общество оказываетъ помощь срочными ссудами, за которыя процентовъ не взимается.

Управленіе дѣлами находится въ рукахъ общихъ собраній членовъ и избираемыхъ имъ ежегодно правленія и ревизіонной коммиссіи. Сфера дѣятельности и предѣлы компетенціи этихъ органовъ не имѣютъ какихъ-либо характерныхъ особенностей сравнительно съ однородными органами управленія другихъ обществъ взаимопомощи, очеркъ которыхъ нами уже представленъ; отмѣтимъ лишь заслуживающее глубокаго сочувствія и цѣлесообразное желаніе составителей устава—утвердить постоянную и тѣсную связь Общества съ институтомъ; оно выразилось въ § 22 устава, который опредѣляетъ, что въ составѣ правленія должно быть три члена (всѣхъ членовъ десять) изъ служащихъ или служившихъ въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ; сверхъ того, уставомъ обезпечено мѣстопребываніе правленія въ Петербургѣ постановленіемъ, по которому въ члены правленія могутъ быть избираемы лишь дѣйствительные и почетные члены Общества, живущіе въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Таковы основныя положенія дѣятельности названнаго Общества. Какъ мы уже сказали, съ 21-го ноября 1890 года оно начало свою дѣятельность. Выбранное въ этомъ учредительномъ собраніи правленіе въ составѣ: К. К. Сентъ-Илера (предсѣдатель), В. Л. Беренштама (товарищъ предсѣдателя), Я. Г. Гуревича, В. А. Латышева, П. П. Матвѣева, Я. Н. Наумова, П. Ѳ. Орелкина, П. И. Попова, А. В. Рыбчинскаго и П. И. Уверскаго, прежде всего приняло мѣры къ распространенію свѣдѣній о существованіи Общества и предметахъ его дѣятельности. Оно оповѣстило всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не присутствовали на первомъ учредительномъ собраніи, но имѣли право быть дѣйствительными членами Общества. Для этой цѣли была составлена и отпечатана небольшая записка, въ которой сообщалось объ открытіи операцій Общества, о составѣ правленія, о томъ, куда

адресовать членскіе взносы и т. п. Это извѣщеніе вмѣстѣ съ уставомъ было разослано въ 90 различныхъ мѣстъ, въ количествѣ 210 экземпляровъ, во всѣ тѣ города и селенія, относительно которыхъ имѣлись свѣдѣнія, что въ нихъ находится кто-либо изъ бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго учительскаго института.

Это воззваніе принесло свои плоды, и Общество, начавъ свои дѣйствія съ скромной цыфрой участниковъ, въ первый-же годъ пріобрѣло 72 новыхъ члена изъ 35 городовъ и селеній, а въ прошломъ году къ этой цыфрѣ прибавилось еще 36 членовъ, такъ что къ 1-му сентября 1892 года въ Обществѣ состояло всего 133 дѣйствительныхъ члена. Пропорціонально этой цыфрѣ членовъ возростали и денежныя суммы Общества. Начавъ свою дѣятельность съ 408 руб., Общество къ концу второго года своей дѣятельности довело капиталъ до 730 р. 35 к. Такой, все-таки, скромный приростъ средствъ Общества объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что источникомъ доходовъ его за указанные годы были исключительно членскіе взносы. Этотъ скромный капиталъ дѣлится, согласно уставу, на двѣ части: *основной*, равнявшійся къ 1-му сентября 1892 года 261 р. 80 к., и *оборотный*, составлявшій къ тому-же сроку 424 р. 55 к.

За два истекшіе года Общество не проявляло своей дѣятельности на практической почвѣ взаимопомощи ни въ одной изъ предусмотрѣнныхъ уставомъ формъ. Произошло это оттого, что отъ наличныхъ членовъ еще не поступало просьбъ о какихъ-либо пособіяхъ. Въ настоящее время, согласно указаніямъ ревизіонной коммиссіи прошлаго года, правленіе озабочено изысканіемъ мѣръ къ увеличенію числа членовъ и приращенію денежныхъ средствъ. Въ этихъ видахъ одинъ изъ членовъ правленія составилъ полный списокъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго учительскаго института, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ (время рожденія, сословіе, изъ котораго происходитъ, время поступленія въ институтъ, время выбытія изъ него, занятіе, мѣсто службы и т. п.). Правленіе предполагаетъ обратиться къ этимъ лицамъ съ предложеніемъ поступить въ члены Общества. Несомнѣнно, мѣра эта будетъ имѣть благопріятные результаты, но необходимо имѣть въ виду, что, во всякомъ случаѣ, размѣры дѣятельности Общества не могутъ быть значительными какъ вслѣдствіе ограниченности числа лицъ, могущихъ быть участниками Общества, такъ и по причинамъ, такъ сказать, географическимъ: правленіе, напр., имѣетъ свѣдѣнія о томъ, что бывшіе воспитанники института встрѣчаются «отъ Кеми до Карса и отъ Варшавы до Владивостока». Честь и слава будетъ Обществу, если оно съумѣетъ побѣдить и раз-

стоянія и объединить въ одну семью всѣхъ, имѣвшихъ то или иное изъ предусмотрѣнныхъ уставомъ отношеній къ институту.

XXII.

«*Общество взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи*» возникло только въ ноябрѣ прошлаго года и имѣло на-дняхъ (10-го мая) первое экстренное собраніе. Учрежденіе этого Общества составляетъ новое и чрезвычайно отрадное явленіе.

Необезпеченность народныхъ учителей и учительницъ давно уже вызывало различныя попытки и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ общественныхъ учрежденій, направленныя къ улучшенію ихъ положенія. Такъ, еще въ 1885 году нынѣшній директоръ народныхъ училищъ Петербургской губерніи В. А. Латышевъ вносилъ вопросъ объ устройствѣ пенсіонной кассы для народныхъ учителей *) сначала въ Комитетъ грамотности при Вольно-Экономическомъ Обществѣ, а затѣмъ въ педагогическое собраніе при Музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Эта благородная попытка не удалась, но несомнѣнно принесла серьезную пользу, поддержавъ интересъ къ данному вопросу теоретическимъ разъясненіемъ основныхъ положеній.

Обсуждался вопросъ о необезпеченности учителей и учительницъ народныхъ школъ и въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ—какъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ обезпеченіи пенсіей всѣхъ служащихъ въ земствѣ, такъ и въ частности—только относительно народныхъ учителей **). Но всѣ эти попытки, однако, не вышли изъ области теоретической и къ практическому разрѣшенію вопроса не подвинули. Другія земства дѣлали попытки учрежденія ссудо-сберегательныхъ кассъ, а со второй половины семидесятыхъ годовъ вопросъ этотъ перешелъ на почву эмеритальныхъ кассъ, каковыя учреждены при таврическомъ, московскомъ и петербургскомъ земствахъ. Наконецъ, обратило на себя вниманіе положеніе народныхъ учителей и нашей высшей учебной администраціи: мы имѣемъ въ виду участіе въ судьбѣ этого вопроса попечителей: Кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминова-Зернова, Кавказскаго—К. П. Яновскаго и бывшаго Дерптскаго, а нынѣ Петербургскаго—М. Н. Капустина.

---

*) Объ этомъ проектѣ см. въ статьѣ г. А. Тютрюмова «Пенсіонное обезпеченіе учителей», въ которой указаны достоинства и недостатки проекта («Рус. Шк.» 1893 г. № 3, стр. 84 и слѣд.). *Ред.*

**) Интересующихся подробностями отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ А. М. Тютрюмова. «Р. Ш.», № 3, 1893 г.

Представленный нами краткій перечень практическихъ мѣропріятій въ области обезпеченія народныхъ учителей является, конечно, каплей въ морѣ той реальной нужды, которая съ теченіемъ времени возрастала все въ большей степени какъ отъ сокращенія нѣкоторыми земствами ассигновокъ на дѣло народнаго образованія, такъ и въ виду общей повышенности цѣнъ на жизненные продукты необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей, а за послѣдніе годы также вслѣдствіе извѣстныхъ народныхъ бѣдствій. Наконецъ, какъ это и слѣдовало ожидать, дѣло обезпеченія народныхъ учителей и учительницъ взяло въ свои руки правительство, и въ настоящее время наше отечество наканунѣ обнародованія законодательнаго акта, который имѣетъ своею цѣлью пожизненное обезпеченіе мирной арміи тружениковъ на нивѣ народнаго образованія. Этотъ законодательный актъ въ жизни нашего отечества можетъ быть чреватъ великими и благотворными послѣдствіями и составитъ *свѣтлую* страницу нынѣшняго царствованія.

Въ ожиданіи этого счастливаго будущаго, наши лучшіе люди, однако, не останавливались передъ попытками частнаго разрѣшенія вопроса о тяжеломъ положеніи народныхъ учителей. Одну изъ такихъ счастливыхъ практическихъ попытокъ и представляетъ возникшее въ прошломъ году «Общество взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи».

Идея учрежденія Общества принадлежитъ помощнику попечителя Петербургскаго учебнаго округа, Л. И. Лаврентьеву, который уже по обязанностямъ своей службы имѣлъ возможность пріобрѣсти всестороннее знакомство съ бытомъ, потребностями и матеріальнымъ положеніемъ народныхъ учителей. Это обстоятельство имѣло важное значеніе и отразилось на характерѣ устава общества, отличающагося простотою, практичностью и удовлетворяющаго самымъ насущнымъ запросамъ жизни.

Общество ставитъ себѣ двоякую цѣль, матеріальную и духовную: оно помогаетъ нуждающимся учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи денежными пособіями, пріисканіемъ имъ занятій и другими видами матеріальной помощи и способствуетъ пополненію ихъ педагогическихъ знаній. Отдавая должное уваженіе перваго рода помощи, мы склонны придать не меньшее значеніе и второй функціи его дѣятельности; и съ этимъ нельзя не согласиться, если принять во вниманіе условія дѣятельности у насъ народныхъ учителей и учительницъ, ихъ матеріальные достатки, отсутствіе взаимнаго (а нерѣдко и съ остальнымъ міромъ) общенія хотя-бы въ формѣ когда-то существовавшихъ у насъ учительскихъ съѣздовъ,

отсутствіе у насъ летучихъ библіотекъ и т. п. Въ сознаніи важности такого пробѣла, правленіе Общества, какъ мы ниже увидимъ, уже намѣтило нѣкоторыя весьма существенныя мѣропріятія, осуществленіе которыхъ составитъ задачу его ближайшей дѣятельности.

Въ составъ Общества входятъ дѣйствительные члены, почетные и соревнователи. Первыми могутъ быть лица обоего пола и всѣхъ сословій, занимающіяся педагогической дѣятельностью въ народныхъ школахъ (таковыми, какъ это выяснено на послѣднемъ общемъ экстренномъ собраніи, должно считать сельскія, городскія приходскія и городскія техническія училища, подвѣдомственныя дирекціи народныхъ училищъ Петербургской губерніи), или бывшіе въ нихъ ранѣе учителями и учительницами. Почетными членами могутъ быть также лица обоего пола, сдѣлавшія въ пользу Общества значительное пожертвованіе или оказавшія Обществу существенную услугу. Членами-соревнователями могутъ быть всѣ совершеннолѣтнія лица, сочувствующія цѣлямъ Общества.

Для поступленія въ члены достаточно письменнаго или устнаго заявленія на имя правленія и взноса въ *три* рубля для дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-соревнователей—или 50 руб. единовременно; впрочемъ, дѣйствительные и члены-соревнователи послѣ 15-ти полныхъ годовыхъ взносовъ также освобождаются отъ обязанности платить далѣе и поступаютъ въ разрядъ пожизненныхъ членовъ. Отмѣтимъ одну особенность въ обязанностяхъ членовъ этого Общества: уставъ возлагаетъ на всѣхъ членовъ обязанность,—конечно, нравственную,—сообщать правленію объ извѣстныхъ имъ вакантныхъ мѣстахъ, которыя могутъ быть заняты дѣйствительными членами Общества. Относительно источниковъ матеріальныхъ средствъ, организаціи управленія и т. п. Общество походитъ на однородныя ему учрежденія. Есть, впрочемъ, также и тутъ весьма выгодная особенность, придающая жизненность и гласность дѣятельности Общества. Такъ, на основаніи устава, правленіе можетъ, въ случаѣ надобности, приглашать въ засѣданія кого-либо изъ членовъ Общества съ правомъ совѣщательнаго голоса, и каждый членъ Общества имѣетъ право дѣлать письменныя заявленія въ правленіе, которыя обсуждаются въ его засѣданіи при участіи заявившаго; при несогласіи правленія съ сущностью сдѣланнаго заявленія, заявившему предоставляется право переносить его на разсмотрѣніе общаго собранія. Наиболѣе-же выгодную особенность въ организаціи Общества представляютъ такъ-называемые члены-соревнователи. Этою стороною устава контингентъ наиболѣе дѣятельныхъ и производительныхъ для интересовъ Обще-

ства членовъ расширяется въ значительной степени. Несомнѣнно, въ этомъ элементѣ Общества, какъ это случилось и на первыхъ порахъ, будетъ и впредь постоянно сосредоточено управленіе дѣлами Общества, и этого слѣдуетъ желать въ интересахъ наибольшаго достиженія задачъ Общества, дѣятельность котораго вообще чрезвычайно разнообразна. Оно выдаетъ единовременныя и постоянныя пособія, и притомъ не однимъ только дѣйствительнымъ членамъ Общества, но и близкимъ родственникамъ, оставшимся безъ всякихъ средствъ послѣ смерти члена; оно принимаетъ всѣ возможныя мѣры, клонящіяся къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія членовъ, какъ, напримѣръ: принимаетъ на себя посредничество въ пріисканіи имъ мѣстъ и занятій, заботится о предоставленіи имъ удешевленной медицинской помощи; въ случаѣ болѣзни члена пріискиваетъ лицъ, желающихъ ему помочь личными услугами, и т. п. Вотъ тутъ-то члены-соревнователи и могутъ принести наибольшую пользу, какъ люди разноообразныхъ профессій, общественнаго положенія и вліянія.

Общество начало свои дѣйствія учредительнымъ собраніемъ 21 ноября 1892 года, которое было открыто краткою рѣчью попечителя Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустина о задачахъ Общества. Въ своей рѣчи г. попечитель, между прочимъ, сказалъ: «Если Общество не можетъ сразу многаго сдѣлать, то уже самая мысль о существованіи Общества, доказывающая, что есть люди, заботящіеся о тѣхъ, которые трудятся въ народныхъ школахъ, поддержитъ и одушевитъ учащихъ». «Я самъ,—закончилъ свою рѣчь М. Н.,—желаю быть первымъ вкладчикомъ», и внесъ въ кассу Общества одну облигацію 4% внутренняго займа въ 100 р. Этотъ прекрасный починъ встрѣтилъ среди присутствовавшихъ живую поддержку, и въ томъ-же собраніи записалось въ члены Общества 73 человѣка, которые внесли всего 793 р. въ его кассу.

Въ первые мѣсяцы дѣятельность правленія Общества (Н. И. Раевскій—предсѣдатель, В. А. Латышевъ—казначей и И. С. Ремезовъ—секретарь и др.) была направлена, главнымъ образомъ, на распространеніе свѣдѣній объ Обществѣ и на выработку инструкцій для ревизіонной коммиссіи. Въ первомъ отношеніи усилія правленія увѣнчались полнымъ и быстрымъ успѣхомъ, такъ какъ черезъ пять мѣсяцевъ оно довело цыфру членовъ Общества до 182 лицъ, а денежныя средства съ 793 руб. возрасли до 1.883 р., изъ которыхъ, на основаніи устава, отчислено въ основной капиталъ 400 р. с.

Что касается до инструкціи ревизіонной коммиссіи, то въ собраніи 10-го мая правленіемъ былъ представленъ вполнѣ разработанный

проектъ, который, съ небольшими поправками, и былъ принятъ собраніемъ. Въ основу этой инструкціи положенъ также весьма вѣрный и цѣлесообразный принципъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Есть три типа ревизіонныхъ коммиссій. Въ коммиссіяхъ перваго типа, свойственнаго большинству благотворительныхъ и нѣкоторыхъ другихъ Обществъ, коммиссія разсматриваетъ только денежную отчетность въ дѣлахъ правленія. Другой типъ представляли собою, напр., ревизіонная коммиссія Географическаго Общества: его ревизіонная коммиссія денежной отчетности вовсе не касается,—эту функцію выполняютъ тамъ другіе органы, коммиссія-же ревизіонная разбираетъ ученую дѣятельность Общества, разсматриваетъ доклады, протоколы засѣданій отдѣленій и общихъ собраній и даетъ свои заключенія о направленіи дѣятельности Общества и о томъ, отвѣчаетъ-ли она уставу и вообще цѣлямъ и задачамъ Общества. Третій типъ ревизіонной коммиссіи представляетъ собою соединеніе только-что очерченныхъ. Такая ревизіонная коммиссія должна подвергать обзору денежную отчетность, а вмѣстѣ съ тѣмъ вникать и въ духъ и характеръ дѣятельности Общества и его исполнительнаго органа—правленія и, въ случаѣ надобности, руководить и направлять эту дѣятельность въ желательномъ для интересовъ Общества направленіи. Такой именно типъ и должна носить дѣятельность ревизіонной коммиссіи согласно выработанной правленіемъ Общества инструкціи, и такому разрѣшенію вопроса нельзя не порадоваться въ интересахъ самого Общества: Сверхъ того, согласно той-же инструкціи, члены ревизіонной коммиссіи принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Въ заключеніе добавимъ, что правленіе Общества въ настоящее время разрабатываетъ проектъ ссудо-сберегательной кассы и рѣшило устроить для загородныхъ своихъ членовъ летучую библіотеку, изъ которой будутъ высылаться, по требованію членовъ Общества, книги по почтѣ и за чтеніе будетъ взиматься пять проц. стоимости взятой книги. Въ западной Европѣ летучія библіотеки—одна изъ распространеннѣйшихъ формъ самообразованія народныхъ учителей; у насъ-же, сколько намъ извѣстно, это первая попытка, которая несомнѣнно вызоветъ немедленно подражаніе.

XXIII.

Предпослѣдней попыткой въ области взаимопомощи можетъ быть названъ такъ-называемый *фондъ учащихъ въ народныхъ школахъ*.

Идея этого предпріятія принадлежитъ директору народныхъ училищъ Петербургской губерніи В. А. Латышеву.

В. А. Латышевъ долженъ быть причисленъ къ той категоріи лицъ,—къ сожалѣнію, очень немногочисленной,—которымъ отлично извѣстны бытъ и положеніе народныхъ учителей и учительницъ. Онъ пріобрѣлъ эти знанія, главнымъ образомъ, какъ редакторъ-издатель журнала «Русскій Начальный Учитель» и какъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Петербургскаго Комитета грамотности. Побуждаемый сознаніемъ необезпеченности народныхъ учителей, особенно въ случаяхъ болѣзни и старости, г. Латышевъ, какъ мы видѣли, уже въ 1885 году составилъ проектъ учрежденія эмеритальной кассы для народныхъ учителей, осуществить который, однако, не удалось. Но потребность въ учрежденіи подобной кассы, разумѣется, оставалась въ той-же степени, если еще не возрасла съ теченіемъ времени отъ причинъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Кромѣ этихъ общихъ причинъ, были и частныя, не дававшія вопросу заглохнуть и поддерживавшія къ нему интересъ: по временамъ въ печать проникали извѣстія о безвыходномъ положеніи не только отдѣльныхъ лицъ изъ среды начальныхъ учителей и учительницъ, но и цѣлыхъ группъ этихъ дѣятелей. Въ виду такихъ обстоятельствъ явилась мысль, оставивъ, пока, вопросъ объ учрежденіи общей эмеритальной кассы, тѣмъ болѣе, что пенсіоннымъ обезпеченіемъ занялось весьма серьезно само правительство,—сдѣлать попытку организовать дѣло улучшенія матеріальнаго благосостоянія начальныхъ учителей на почвѣ взаимопомощи.

Петербургскій Комитетъ грамотности имѣетъ право принимать пожертвованія со спеціальнымъ назначеніемъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, иниціаторъ дѣла внесъ въ Комитетъ предложеніе выработать проектъ фонда для народныхъ учителей и учительницъ, образовать его и открыть пріемъ взносовъ и пожертвованій на это благое дѣло. Это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено Комитетомъ въ высшей степени сочувственно, и въ результатѣ явился «проектъ правилъ дѣйствія фонда взаимной помощи учащихъ въ народныхъ школахъ», слѣдующаго содержанія:

«Фондъ составляетъ особый разрядъ пожертвованій со спеціальнымъ назначеніемъ при Комитетѣ грамотности. Пожертвованія принимаются отъ всѣхъ желающихъ какъ единовременно, такъ и періодически; размѣръ ихъ также опредѣляется самимъ жертвователемъ. Пособія изъ фонда, смотря по состоянію его средствъ, выдаются единовременно или періодически. Возвращеніе пособій желательно, если впослѣдствіи у получившихъ пособіе будетъ къ тому возможность. Пособія могутъ быть выдаваемы изъ фонда только тѣмъ его участникамъ или участницамъ, которые сдѣлали

не менѣе 6 взносовъ и если со времени перваго взноса прошло не менѣе года и просящій пособіе состоялъ учителемъ или учительницей въ школѣ не менѣе года. Размѣръ пособій не опредѣляется, но онъ долженъ сообразоваться не только съ запасомъ средствъ, но и со степенью участія просителя въ образованіи фонда. Назначеніе пособій предоставляется Совѣту Комитета грамотности, но къ участію въ обсужденіи вопроса о назначеніи пособій приглашаются редакторы тѣхъ педагогическихъ изданій, которые примутъ на себя обязательство печатать извѣстія о дѣлахъ фонда и о назначеніи каждаго пособія; однако, приглашаемые редакторы не должны имѣть рѣшающаго голоса въ постановленіи Совѣта. Для назначенія пособія необходимо, чтобы въ прошеніи учащаго точно и обстоятельно были изложены обстоятельства, заставляющія просить о помощи. Кромѣ того, сообщаемыя свѣдѣнія должны быть подтверждены, по крайней мѣрѣ, тремя учащими, лично знающими просящаго и случившееся съ нимъ несчастіе. Подписи свидѣтелей должны быть удостовѣрены или инспекторомъ, или земствомъ, или волостнымъ правленіемъ, или нотаріусомъ, или тремя служащими педагогами. Пособія выдаются тѣмъ учащимъ, которые подверглись какому-либо несчастію, болѣзни или лишились занятій, а въ случаѣ смерти учащихъ—ихъ семействамъ. О назначеніи пособій Совѣтъ Комитета грамотности обязательно печатаетъ каждый разъ сообщенія по крайней мѣрѣ въ двухъ педагогическихъ періодическихъ изданіяхъ. Участники фонда имѣютъ право присылать свои замѣчанія по поводу назначенія пособій. Если будетъ получено по поводу какого-нибудь назначенія болѣе десяти протестовъ отъ участниковъ фонда, то совѣтъ Комитета грамотности принимаетъ мѣры къ провѣркѣ правильности заявленій просителя. Въ случаѣ обнаруженія обмана о таковыхъ результатахъ провѣрки печатается, съ обозначеніемъ полнаго имени виновника, въ тѣхъ-же изданіяхъ, гдѣ было напечатано и о назначеніи ему пособія. Въ случаѣ прекращенія дѣйствій фонда, тѣ средства, которыя окажутся налицо, какъ пожертвованія, обращаются на безплатную разсылку книгъ въ бѣднѣйшія школы, и, наконецъ, о поступленіи пожертвованій обязательно сообщается общему собранію Комитета грамотности и печатается въ періодическихъ изданіяхъ».

Таковы основанія фонда взаимопомощи, выработанныя въ началѣ текущаго года. Было-бы очень желательно, чтобы новый составъ Совѣта Комитета грамотности внимательно обсудилъ этотъ проектъ.

XXIV.

Мы могли-бы поговорить также о существующихъ при нѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеній ссудо-сберегательныхъ кассахъ, но мы обойдемъ ихъ молчаніемъ, такъ какъ эти учрежденія вѣдаютъ интересы только извѣстной группы педагоговъ того или другого учебнаго заведенія. Въ заключеніе нашего очерка намъ слѣдуетъ вернуться къ предмету, послужившему поводомъ къ нашей работѣ, т.-е. къ «С.-Петербургскому Педагогическому Обществу взаимной помощи». Въ отноше-

ніи этого послѣдняго по времени и самаго сложнаго предпріятія въ сферѣ кооперативной дѣятельности педагоговъ наша задача въ значительной степени облегчена: «Русская Школа» уже дала своимъ читателямъ достаточно матеріала относительно исторіи возникновенія этого Общества *), его открытія **), а равнымъ образомъ и первыхъ шаговъ его практической дѣятельности ***). Намъ предстоитъ подвести итоги этимъ матеріаламъ, освѣтить нѣкоторыя явленія въ жизни и дѣятельности Общества и дополнить свѣдѣнія о немъ данными изъ области послѣднихъ мѣропріятій.

Мысль объ устройствѣ въ нашей столицѣ такого Общества, какъ слѣдуетъ думать, получила свое начало благодаря циркулярному обращенію правленія Московскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи. Въ этомъ циркулярѣ правленіе приглашало примкнуть къ московскому предпріятію или образовать въ Петербургѣ филіальное отдѣленіе Московскаго Общества. Кружку преподавателей Петровскаго училища, во главѣ котораго стояли И. Ѳ. Рашевскій и Ѳ. С. Матвѣевъ, принадлежитъ честь рѣшенія вопроса въ смыслѣ образованія въ Петербургѣ самостоятельнаго Общества. Выработанный иниціаторами проектъ устава былъ ими прочитанъ въ общемъ собраніи столичныхъ педагоговъ, созванныхъ въ мартѣ 1891 года, послѣ чего собраніе избрало изъ своей среды коммиссію, собиравшуюся три раза для детальнаго обсужденія проекта, который затѣмъ былъ отпечатанъ и разосланъ во всѣ столичныя учебныя заведенія, а въ маѣ было созвано второе общее собраніе педагоговъ, въ которомъ проектъ, съ нѣкоторыми несущественными поправками, былъ принятъ. Въ томъ-же собраніи была избрана снова коммиссія въ составѣ пяти лицъ: И. Ѳ. Рашевскаго, Ѳ. С. Матвѣева, І. Д. Смирнова, Я. Г. Гуревича и В. Г. Яроцкаго, которой собраніемъ и было поручено ходатайствовать объ утвержденіи устава. Но утвержденіе состоялось лишь въ декабрѣ прошлаго года. Такое замедленіе объясняется слѣдующимъ образомъ.

Прямая цѣль возникавшаго Общества состояла и состоитъ въ томъ, чтобы «оказывать матеріальную помощь членамъ Общества и ихъ семействамъ въ случаяхъ непредвидѣнной и крайней нужды». Но проектъ устава не ограничивалъ дѣятельность Общества узкимъ кругомъ матеріальныхъ интересовъ. Являясь ассоціацией, основанной на

*) См. «Русск. Шк.» 1891 г. №№ 5—6.
**) См. «Русск. Шк.» 1893 г. № 2.
***) См. «Русск. Шк.» 1893 г. № 3.

нравственно-экономическихъ началахъ, Общество должно удовлетворять обѣимъ сторонамъ своей задачи.

По мнѣнію составителей проекта устава, такія широкія задачи и цѣли могли быть осуществлены при самомъ широкомъ и дѣятельномъ участіи въ трудахъ Общества возможно большаго количества его членовъ, и притомъ участія не номинальнаго, а дѣйствительнаго. Вслѣдствіе этого составители проекта устава, для завѣдыванія разнородными и сложными дѣлами Общества, предположили четыре органа: общее собраніе, правленіе, ревизіонную коммиссію и Совѣтъ, причемъ послѣдній долженъ былъ служить главнымъ органомъ всего Общества, его, такъ сказать, сердцемъ, дающимъ жизнь и движеніе всему организму. По проекту, Совѣтъ образовывался изъ представителей разныхъ учебныхъ заведеній, педагогическій персоналъ которыхъ принималъ участіе въ Обществѣ, а именно: каждое учебное заведеніе должно было избирать изъ своей среды одного члена Совѣта, если число членовъ Общества въ данномъ заведеніи не менѣе трехъ. Городскіе, техническіе, думскіе учителя и учительницы, а также лица, занимающіяся частной педагогической дѣятельностью, тоже должны были выбирать въ члены Совѣта изъ своей среды, въ общемъ собраніи, 5% изъ общаго числа ихъ. На обязанности этого Совѣта должны были лежать: а) избраніе изъ своей среды предсѣдателя Совѣта, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть предсѣдателемъ правленія, и секретаря Совѣта на трехлѣтній срокъ; б) избраніе казначея, секретаря и двухъ членовъ правленія; в) баллотировка лицъ, занимающихся частной педагогической дѣятельностью и зачисленіе ихъ въ члены Общества; г) опредѣленіе размѣра пособій какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ; д) ходатайства объ опредѣленіи дѣтей членовъ въ учебныя заведенія; е) попеченіе объ увеличеніи средствъ Общества; ж) пріисканіе занятій нуждающимся членамъ Общества; з) постановленіе о созывѣ общихъ собраній; и) утвержденіе инструкціи для правленія; к) разсмотрѣніе и утвержденіе смѣтъ приходовъ и расходовъ на предстоящій годъ; л) обсужденіе вопросовъ объ измѣненіи и дополненіи устава Общества и представленія таковыхъ соображеній на утвержденіе общаго собранія, и м) представленіе общему собранію отчета о дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ. Для выполненія такой сложной и въ высшей степени важной дѣятельности Совѣтъ долженъ собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; исключенія допускались только для каникулярныхъ мѣсяцевъ.

При такомъ обиліи членовъ Совѣта несомнѣнно облегчался-бы въ

значительной степени трудъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та-же многочисленность Совѣта являла и извѣстную опасность для успѣха самаго дѣла Общества. По приблизительному разсчету составителей проекта, Совѣтъ долженъ былъ состоять не менѣе, какъ изъ ста лицъ. Такое множество членовъ въ Совѣтѣ, другъ съ другомъ мало связанныхъ или интересы которыхъ имѣютъ лишь весьма отдаленную связь (возьмемъ для примѣра профессора университета и учителя начальнаго училища), могло отразиться на самомъ ходѣ дѣлъ, тормазить разрѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ и парализовать практическую дѣятельность Общества, особенно въ началѣ его операцій. Наконецъ, была и еще одна существенная слабая сторона въ организаціи Совѣта: въ составѣ его не было соблюдено полное соотвѣтствіе правъ всѣхъ группъ членовъ Общества.

Всѣ эти и нѣкоторыя другія соображенія и были причиною того, что проектъ устава былъ возвращенъ его составителямъ, и только послѣ измѣненій, согласно указаніямъ и нормальному уставу подобныхъ Обществъ, онъ былъ утвержденъ 21-го декабря 1892 года.

17-го января нынѣшняго года состоялось учредительное собраніе, и Общество начало свою дѣятельность. Въ составъ перваго правленія вошли: И. Ѳ. Рашевскій, Ѳ. С. Матвѣевъ, В. Г. Яроцкій, І. Д. Смирновъ, Я. Г. Гуревичъ, Е. П. Рѣпина, А. М. Васильевъ, П. И. Вѣтвѣницкій, Н. Н. Скалонъ, Д. Д. Моревъ, И. В. Руссетъ и Н. Ѳ. Арепьевъ. Въ первомъ-же своемъ засѣданіи 20-го января правленіе избрало изъ своей среды предсѣдателемъ И. Ѳ. Рашевскаго, его товарищемъ Я. Г. Гуревича, казначеемъ І. Д. Смирнова и секретаремъ Ѳ. С. Матвѣева. И само Общество, и избранное имъ правленіе дружно принялись за работу и въ сравнительно короткій промежутокъ времени проявили свою дѣятельность нѣкоторыми достаточно осязательными результатами. Такъ, Общество уже имѣло три собранія (17-го января учредительное, 2-го марта экстренное и 6-го мая частное). Въ тотъ-же промежутокъ времени правленіе имѣло девять засѣданій. На общихъ собраніяхъ Общество избрало членовъ правленія и ревизіонной коммиссіи, выслушало и одобрило отчетъ казначея о состояніи суммъ Общества, назначило изъ этихъ суммъ въ распоряженіе правленія необходимыя средства на покрытіе произведенныхъ единовременныхъ и первоначальныхъ расходовъ по учрежденію и открытію Общества и на ближайшіе текущіе расходы правленія, разсмотрѣло вопросъ о выдачѣ постоянныхъ и единовременныхъ пособій изъ средствъ Общества и заслушало общій отчетъ о дѣятельности правленія за первые мѣсяцы существованія Общества

и заявленія о предположеніяхъ и мѣрахъ правленія, могущихъ содѣйствовать достиженію основныхъ цѣлей Общества. Въ собраніи 6-го мая, какъ мы уже сказали, былъ заслушанъ проектъ устава педагогическаго собранія или клуба, который и постановлено представить на утвержденіе правительства.

Обратимся теперь къ занятіямъ правленія. Въ началѣ, конечно, всѣ его усилія должны были сосредоточиться на организаціи, такъ сказать, административно-экономической дѣятельности. Отсылая желающихъ получить по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія къ запискѣ секретаря правленія Ѳ. С. Матвѣева, прочитанной имъ въ экстренномъ собраніи Общества 2-го марта *), мы здѣсь отмѣтимъ наиболѣе важныя стороны дѣятельности правленія. Сюда слѣдуетъ отнести состоявшееся въ первое засѣданіе правленія постановленіе о приглашеніи къ занятіямъ въ немъ всѣхъ кандидатовъ въ члены правленія; мотивы этой мѣры на столько очевидны, что не требуютъ разъясненій. Тѣ-же соображенія, а также желаніе обставить сборъ членскихъ взносовъ большими удобствами, побудили правленіе объявить въ газетахъ адреса членовъ правленія, принимающихъ членскіе взносы и дающихъ разъясненія по дѣламъ Общества, и увеличить контингентъ лицъ, уполномоченныхъ собирать членскіе взносы и популяризировать задачи Общества. Для послѣдней цѣли, сверхъ того, составленъ циркуляръ съ указаніемъ адресовъ всѣхъ членовъ правленія, который и будетъ разосланъ во всѣ столичныя учебныя заведенія вмѣстѣ съ необходимымъ количествомъ экземпляровъ устава.

Далѣе, желая поставить дѣло взаимопомощи на первыхъ-же порахъ не исключительно только на почву случайныхъ пособій, а на болѣе дѣйствительную почву—предложенія труда, правленіе учредило при Петровскомъ училищѣ, какъ наиболѣе центральномъ, *бюро*, въ которомъ по воскреснымъ днямъ одинъ изъ членовъ правленія принимаетъ лицъ, желающихъ получить разъясненія по дѣламъ Общества, и кромѣ того записываетъ заявленія лицъ, желающихъ имѣть преподавателей или преподавательницъ, воспитателей и воспитательницъ къ дѣтямъ, и по этимъ даннымъ предлагаетъ членамъ Общества занятія, соотвѣтственныя ихъ спеціальности. Объ этой мѣрѣ правленія своевременно было напечатано въ главныхъ столичныхъ газетахъ соотвѣтствующее заявленіе, которое повторяется каждую недѣлю. Мѣра эта принесла уже результаты въ видѣ многочисленныхъ требованій, по которымъ представилась возможность дать занятія членамъ Общества, нуждающимся въ нихъ.

---

*) См. «Русск. Шк.» 1893 г. № 3.

Переходимъ къ такого рода мѣропріятіямъ правленія, которыя не входили въ прямыя обязанности его, но выдвинулись ранѣе другихъ самою жизнью. Мы имѣемъ въ виду начало организаціи потребительнаго Общества.

Со времени открытія дѣйствій вновь учрежденнаго Общества нѣкоторыя торговыя фирмы (болѣе сорока) сдѣлали предложенія производить скидку съ продажной цѣны товаровъ членамъ Общества. Однѣ изъ этихъ фирмъ предложили сдѣлать скидку съ цѣны товаровъ при самой покупкѣ, въ размѣрѣ отъ 5 до 50 процентовъ; другіе, по предъявленіи членской квитанціи, выдаютъ чекъ, по которому можно получить уступку на купленный товаръ послѣ 1-го числа слѣдующаго мѣсяца отъ дежурнаго члена правленія въ зданіи Петровскаго училища; третьи фирмы отпускаютъ товары по оптовой цѣнѣ, при этомъ, ради контроля магазиновъ, необходимо при личномъ заборѣ—расписываться въ полученіи уступки; при заборѣ чрезъ посланныхъ, ради того-же контроля, кромѣ предъявленія членской квитанціи, слѣдуетъ требованіе писать на запискѣ за собственноручною подписью члена. Наконецъ, до настоящаго времени (половина мая) около двадцати періодическихъ изданій также изъявили согласіе дѣлать уступку членамъ Общества съ подписной цѣны, и эта уступка колеблется между 5 и 30 процентами.

На эту сторону дѣятельности правленія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на начало къ учрежденію потребительнаго Общества, каковое несомнѣнно должно будетъ образоваться въ ближайшемъ будущемъ, на подобіе экономическаго Общества офицеровъ войскъ Петербургскаго округа и др.

Желая увеличить средства Общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить случай получить членамъ его художественное и эстетическое удовольствіе, а также возможность лишній разъ встрѣтиться другъ съ другомъ, правленіе устроило, 24-го апрѣля, въ залѣ Петровскаго училища литературно-музыкальный вечеръ. Вечеръ прошелъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Несмотря на конецъ сезона, обиліе разныхъ другихъ концертовъ и вечеровъ и нѣкоторое пресыщеніе ими петербуржцевъ, на вечеръ столичныхъ педагоговъ собралось очень много публики, состоявшей преимущественно изъ преподавателей высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Послѣднимъ мѣропріятіемъ правленія, переходящимъ въ настоящее время на практическую почву, является учрежденіе *педагогическаго собранія*.

Въ Петербургѣ насчитывается болѣе трехъ тысячъ лицъ, зани-

мающихся учебною или воспитательною дѣятельностью въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, разрозненныя на отдѣльныя группы или даже единицы, столичные педагоги теряются въ шумномъ круговоротѣ общественной жизни и ничѣмъ не заявляютъ о своемъ существованіи, какъ корпорація лицъ, связанныхъ общими интересами и общимъ дѣломъ. Между этими лицами замѣчается отсутствіе всякаго общенія, если не считать таковымъ обязательныя встрѣчи въ урочное время въ стѣнахъ одного и того-же учебнаго заведенія и, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ засѣданіяхъ немногочисленныхъ Обществъ. Ненормальность такого порядка вещей, конечно, не могла не чувствоваться лучшими и наиболѣе отзывчивыми представителями педагогическаго міра и, какъ мы видѣли, еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ была сдѣлана попытка устроить нѣчто въ родѣ педагогическаго собранія или клуба. Въ восьмидесятыхъ годахъ, по словамъ профессора В. Н. Латкина, возникла вторая попытка, на этотъ разъ по инициативѣ одного профессора университета, предложившаго профессорамъ послѣдняго, а равно и военно-медицинской академіи, собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ для обмѣна мыслями, бесѣдъ и т. п. Однако, подобныя собранія продолжались не долго. Въ настоящее время возникла третья по счету попытка, и на этотъ разъ при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, идея учрежденія педагогическаго собранія принадлежитъ многолюдному (болѣе 900 членовъ) существующему уже педагогическому Обществу; а главное—потребность въ такого рода учрежденіи слишкомъ назрѣла, и потому предпринимаемое дѣло находитъ вполнѣ подготовленную почву въ самосознаніи какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ корпорацій.

Первоначальная идея устройства педагогическаго собранія принадлежитъ одному изъ членовъ правленія Общества взаимопомощи, который составилъ въ общихъ чертахъ проектъ устава, прочелъ его въ одномъ изъ засѣданій правленія, а затѣмъ доложилъ о возникающемъ предпріятіи и общему экстренному собранію 2-го марта. Послѣ этого сочувствовавшія учрежденію клуба лица собирались неоднократно, и результатомъ ихъ совѣщаній была выработка проекта устава, составленнаго на основаніи уставовъ: Петербургскаго Благороднаго собранія, клубовъ врачей и желѣзнодорожнаго, собранія экономистовъ и педагогическаго кружка «Родникъ», въ Юрьевѣ. Затѣмъ проектъ устава былъ заслушанъ въ правленіи Общества, которое и постановило—пригласить сочувствующихъ идеѣ учрежденія педагогическаго собранія въ залъ Петровскаго училища для выслушанія

проекта устава и согласныхъ съ его цѣлями просило подписать его, послѣ чего проектъ предполагалось представить на утвержденіе, буде явится достаточное количество желающихъ. Первоначальное предложеніе объ устройствѣ собранія, внесенное инициаторомъ въ экстренное засѣданіе Общества, встрѣтило довольно значительную оппозицію. Слѣдуетъ, однако, думать, что это произошло больше по недоразумѣнію или потому, что инициатору дѣла не удалось представить въ истинномъ свѣтѣ задуманное предпріятіе; во всякомъ случаѣ по поводу этого сообщенія общее собраніе постановило лишь: «принять къ свѣдѣнію». Въ виду такого положенія дѣла, правленіе считало себя не въ правѣ вновь навязывать идею учрежденія Собранія педагогическому Обществу взаимной помощи, но, глубоко сочувствуя этой идеѣ по существу, рѣшило оказать нравственную и матеріальную поддержку осуществленію ея. Въ этихъ видахъ въ составъ семи членовъ коммиссіи, разработывавшей проектъ устава, вошло отъ правленія три лица. Для популяризаціи идеи учрежденія Собранія, его цѣлей и средствъ, членами правленія также было сдѣлано все, зависѣвшее отъ нихъ. Такъ, о проектѣ педагогическаго собранія однимъ изъ членовъ правленія были написаны статьи въ газетахъ «Новости» и «Русская Жизнь», причемъ редакція послѣдней предупредительно, на собственныя средства, разослала въ 113 учебныхъ заведеній столицы, въ количествѣ свыше 500 экземпляровъ, тотъ нумеръ газеты, въ которомъ была помѣщена статья о педагогическомъ собраніи. Правленіе, съ своей стороны, напечатало отдѣльную повѣстку съ приглашеніемъ на собраніе 6-го мая, для заслушанія проекта устава, и эту повѣстку разослало въ 113 учебныхъ заведеній и, сверхъ того, роздало еще болѣе чѣмъ 500 лицамъ, преимущественно принадлежащимъ къ учебному составу высшихъ учебныхъ заведеній столицы.

Въ результатѣ получилось многолюдное собраніе сочувствующихъ учрежденію педагогическаго собранія лицъ, состоявшееся 6-го мая въ залѣ Петровскаго училища, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Карѣева. Въ этомъ собраніи былъ заслушанъ проектъ устава педагогическаго собранія, собрано около ста подписей съ предварительнымъ взносомъ въ пять рублей и постановлено просить правленіе войти въ соглашеніе съ иниціаторами дѣла—съ цѣлью дать уставу дальнѣйшее движеніе. Въ послѣднемъ собраніи правленія, происходившемъ 13-го мая, постановлено представить проектъ устава, за подписью иниціаторовъ дѣла и членовъ правленія, на утвержденіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Предполагаемое педагогическое собраніе, по мысли иниціатора его—

проф. В. Н. Латкина, ставитъ для себя цѣлью: 1) служить средствомъ къ объединенію въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ педагоговъ всѣхъ учебныхъ заведеній (высшихъ, среднихъ и низшихъ); для достиженія этой цѣли въ собраніи устраиваются лекціи по научнымъ и педагогическимъ вопросамъ, чтеніе рефератовъ и т. п., наконецъ, собраніе, если позволятъ средства, можетъ издавать свой печатный органъ и владѣть своей библіотекой и читальней; 2) оно должно стремиться къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей своихъ членовъ, ради чего въ собраніи могутъ устраиваться литературныя чтенія и бесѣды, а равно музыкальные вечера и драматическія представленія; 3) оно должно быть мѣстомъ, гдѣ педагоги получатъ возможность, сравнительно за недорогую плату, пріятно проводить время, для чего въ собраніи допускаются также всѣ разрѣшенныя правительствомъ игры, устраиваются танцовальные вечера и занятія гимнастикой и фехтованьемъ.

Составъ членовъ собранія распадается на слѣдующіе разряды: 1) почетные члены, 2) члены-учредители, т.-е. подписавшіе уставъ и внесшіе въ кассу собранія въ первый годъ его существованія 40 р. (25 р. вступительнаго взноса и 15 р. ежегоднаго; они не подлежатъ баллотировкѣ и составляютъ по открытіи клуба первое общее собраніе), 3) дѣйствительные члены, вступающіе въ составъ членовъ собранія по избранію и по рекомендаціи трехъ членовъ (въ первый годъ своего членства они платятъ 20 р., въ послѣдующіе по 15 р., но не пользуются правомъ голоса на общихъ собраніяхъ и не избираются ни въ какія должности по собранію). Членами-учредителями и дѣйствительными могутъ быть только педагоги и лица, занимающіяся научною дѣятельностью. Наконецъ, 4) членами-посѣтителями могутъ быть также лица и не педагогическихъ профессій. Въ собраніе допускаются также и гости.

Органами собранія являются: 1) общія собранія членовъ, правленіе, Совѣтъ старшинъ и ревизіонная коммиссія. Правленіе стоитъ во главѣ собранія и вѣдаетъ научно-литературную дѣятельность послѣдняго (въ составъ его входятъ шесть членовъ и казначей, избираемые общимъ собраніемъ на извѣстный срокъ). Совѣтъ старшинъ завѣдываетъ увеселительною и хозяйственною частью и состоитъ изъ 15 лицъ, также избираемыхъ общимъ собраніемъ. Кромѣ того, въ собраніи имѣется особый судъ чести, функціи котораго выполняются совѣстнымъ судьей, избираемымъ общимъ собраніемъ (судъ чести заимствованъ изъ устава Юрьевскаго педагогическаго кружка «Родникъ»).

Остальныя положенія устава, напр., косательно имущества со-

бранія, составленія смѣты, охраны порядка, штрафовъ за позднее пребываніе, буфета и т. п., вполнѣ аналогичны съ параграфами уставовъ другихъ клубовъ.

Что касается до связи между вновь возникающимъ педагогическимъ собраніемъ и педагогическимъ Обществомъ взаимной помощи, то она, на основаніи проекта устава, устанавливается въ слѣдующемъ видѣ. Ежегодно опредѣленная доля чистой прибыли педагогическаго собранія будетъ правленіемъ отчисляться на ближайшія задачи Общества взаимной помощи; помѣщеніе собранія будетъ предоставлено для засѣданій собранія педагогическаго Общества и его правленія; въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ педагогическаго собранія все его свободное имущество поступаетъ въ собственность Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Намъ кажется, нельзя сомнѣваться, что эта третья попытка учрежденія педагогическаго собранія должна привести къ благополучному разрѣшенію столь важнаго вопроса. Педагогическій міръ, проводникъ идеи общественности въ школѣ, долженъ дать наглядный примѣръ единенія, изъ котораго вытекаетъ и нравственная, и матеріальная сила. Осуществленіемъ задуманнаго предпріятія столичные педагоги покажутъ, что объединеніе въ многолюдное Общество взаимной помощи, совершившееся первоначально на почвѣ чисто экономической, знаменуетъ собою стремленіе къ самостоятельности моральной, на основѣ болѣе высокихъ нравственныхъ и умственныхъ общественныхъ идеаловъ.

Закончивъ нашъ обзоръ практическихъ мѣропріятій въ области взаимопомощи педагоговъ, мы оставляемъ за собою право вернуться въ особой бесѣдѣ къ вопросу о желательномъ направленіи въ дальнѣйшей дѣятельности С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Н. Арепьевъ.

О сознаніи сходства и различія въ процессахъ умственно-познавательной дѣятельности.

Подвергая анализу умственную дѣятельность, мы находимъ, что всѣ виды этой дѣятельности, начиная отъ простѣйшихъ изъ нихъ и оканчивая самыми сложными, въ основѣ своей сводятся къ тому, что мы такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ, сознаемъ въ этомъ случаѣ *сходство* или *различіе* между тѣми предметами и свойствами, надъ которыми происходитъ умственная работа.

Обратимъ вниманіе въ этомъ отношеніи прежде всего на *ощущенія*, такъ какъ *ощущенія* принадлежатъ къ числу самыхъ простыхъ, элементарныхъ знаній человѣка. Анализируя *ощущенія*, находимъ, что нѣтъ ни одного изъ нихъ такого, которое возникало-бы въ нашемъ духѣ при отсутствіи въ немъ сознанія, съ одной стороны, *сходства* его съ находящимися уже въ душѣ однородными съ нимъ *ощущеніями*, съ другой—*отличія* его отъ тѣхъ изъ имѣющихся въ душѣ *ощущеній*, которыя принадлежатъ къ разряду другого рода *ощущеній*. Положимъ, мы смотримъ на кусокъ сахара и получаемъ отъ него *ощущеніе бѣлизны*. *Ощущеніе* это возникаетъ въ нашей душѣ благодаря слѣдующимъ двумъ условіямъ: 1) благодаря тому, что какъ только кусокъ сахара произвелъ на наше зрѣніе надлежащее впечатлѣніе своимъ бѣлымъ цвѣтомъ, мы относимъ возникающее при этомъ въ душѣ *ощущеніе бѣлизны* къ разряду *зрительныхъ цвѣтовыхъ ощущеній* и даже въ частности къ разряду *цвѣтовыхъ ощущеній бѣлаго цвѣта* вслѣдствіе того, что сознаемъ болѣе или менѣе полное *сходство* его съ неоднократно въ прежнее время возникавшими *ощущеніями* такого-же *бѣлаго цвѣта* не только отъ такихъ-же кусковъ сахара, но и отъ многихъ другихъ бѣлыхъ предметовъ: отъ снѣга, бѣлой бумаги и т. д.; 2) благодаря тому, что *ощущеніе бѣлизны* сахара отличаемъ не только отъ *ощущеній*, получаемыхъ посредствомъ другихъ органовъ, напр., отъ *ощущеній вкусовыхъ*, *слуховыхъ* и т. д., но

даже и отъ другихъ *цвѣтовыхъ ощущеній*, напр., отъ *ощущеній зеленаго, краснаго цвѣта* и проч.

Возьмемъ теперь болѣе сложный актъ познавательной дѣятельности ума—*представленіе*. Оказывается, что и каждое *представленіе* возникаетъ въ нашемъ духѣ не иначе, какъ при сознаніи *сходства* и *различія* его сравнительно съ другими *представленіями*. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, напр., *представленіе* о томъ домѣ, въ которомъ мы живемъ. Очевидное дѣло, домъ этотъ мы относимъ къ числу *домовъ*, а не *деревьевъ*, *животныхъ* и т. д. на томъ основаніи, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ полнѣйшее *сходство* съ *домами*, а не съ *деревьями*, *животными* и т. д. Затѣмъ, домъ, въ которомъ мы живемъ, не смотря на *сходство* его съ другими домами, мы болѣе или менѣе ясно *отличаемъ* отъ другихъ домовъ по матеріалу, изъ какого онъ построенъ, по формѣ, величинѣ и т. д., а тѣмъ болѣе отъ совсѣмъ разнородныхъ съ нимъ предметовъ—отъ *столовъ*, *собакъ* и т. д. Къ сказанному слѣдуетъ присовокупить еще и то, что сколько-бы разъ, напр., *образъ* разсматриваемаго дома ни возникалъ въ нашей душѣ, мы постоянно тотчасъ-же признаемъ его за одинъ и тотъ-же *образъ*, а не за другой какой-либо, конечно, опять вслѣдствіе того, что мгновенно сознаемъ въ этомъ случаѣ полнѣйшее *сходство* его съ прежде возникшимъ въ душѣ *образомъ* дома. Въ противномъ случаѣ въ душѣ нашей не могло-бы сформироваться ни одного *представленія* и, слѣдовательно, не могло-бы происходить никакого правильнаго процесса умственной дѣятельности.

Гораздо большею сложностью отличаются *понятія*. Посмотримъ, входитъ-ли въ эти высшіе продукты умственно-познавательной дѣятельности сознаніе *сходства* и *различія*. Въ *понятіяхъ* различаютъ *объемъ* и *содержаніе* ихъ. Что называется *объемомъ* понятія? Подъ *объемомъ* понятія разумѣются всѣ тѣ предметы, къ которымъ относится *понятіе*. Такъ, напр., *объемомъ* понятія *человѣкъ* служатъ всѣ люди. А вслѣдствіе чего всѣ люди входятъ въ *объемъ* понятія *человѣкъ*? Вслѣдствіе того, что люди, не смотря на различія, отличающія ихъ другъ отъ друга, представляютъ такъ много *сходныхъ* признаковъ между собою, что неизбѣжно приходится *выдѣлять* ихъ изъ ряда другихъ животныхъ и составлять изъ нихъ особенную, своеобразную группу живыхъ существъ. Такимъ образомъ, *объемъ* понятія *человѣкъ* всецѣло основывается на сознаніи, съ одной стороны, *сходства* всѣхъ людей между собою со стороны не двухъ-трехъ признаковъ, а большаго количества ихъ, съ другой—*отличія* ихъ отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Подъ *содержаніемъ* понятія разумѣются основные, суще-

ственные признаки, находимые нами во всѣхъ предметахъ, къ которымъ относится *понятіе*. Такъ, подъ *содержаніемъ* понятія *человѣкъ* разумѣются слѣдующіе существенные признаки людей: вертикальное положеніе тѣла въ связи съ извѣстнымъ устройствомъ и формою его, даръ слова, особеннаго рода умственныя способности, нравственно-религіозныя чувства и т. д. И всѣ эти признаки входятъ въ *содержаніе* понятія *человѣкъ* единственно на томъ основаніи, что они находятся у всѣхъ людей и, слѣдовательно, оказываются *сходными* или *одинаковыми* не между только, напр., нѣсколькими тысячами людей, а между всѣми ими, не смотря на *различія*, какими отличается не только одна раса людей отъ другой, но даже въ одной и той-же расѣ одинъ человѣкъ отъ другого. Въ ученіи о *понятіяхъ* особенно важную роль играетъ *обобщеніе (общія понятія)*, *отвлеченіе (отвлеченныя понятія)* и *классификація*. Въ какомъ отношеніи стоятъ указанные процессы умственной дѣятельности къ сознанію *сходства* и *разницы*? Ни *обобщеніе*, ни *отвлеченіе*, ни *классификація* немыслимы безъ участія сознанія *сходства* и *разницы* въ тѣхъ предметахъ, надъ которыми происходятъ эти процессы. Если мы, разсматривая *дубъ*, *липу*, *березу* и т. д., составляемъ общее понятіе о *деревѣ*, то, конечно, потому совершаемъ такой процессъ *обобщенія*, что находимъ большое *сходство* между *дубомъ*, *липою*, березою и т. д. во всѣхъ существенныхъ частяхъ и свойствахъ ихъ. Что касается *отвлеченій (отвлеченныхъ понятій)*, то для образованія ихъ необходимо, чтобы умъ нашъ *выдѣлилъ* (т.-е. отличилъ) извѣстное качество или свойство предмета изъ ряда другихъ его свойствъ и затѣмъ представилъ его себѣ существующимъ какъ-бы самостоятельно, отдѣльно отъ нихъ. Таковы, напр., *отвлеченныя понятія* формы предмета, величины его и т. д. Чтобы составить, напр., *отвлеченное понятіе* о величинѣ стола, мы признакъ этотъ умственно *отдѣляемъ* отъ другихъ его признаковъ; а такого рода *выдѣленіе* есть ни что иное, какъ *отвлеченіе* нашимъ сознаніемъ величины стола отъ другихъ признаковъ его. Наконецъ, *классификація* есть не другое что либо, а *соединеніе* въ одну группу многихъ предметовъ и признаковъ исключительно на основаніи того, что они въ существенныхъ чертахъ *сходны* между собою. Для подтвержденія этого нѣтъ никакой нужды приводить тѣ или другіе примѣры *классификаціи*. Каждый читатель самъ можетъ легко найти ихъ въ достаточномъ количествѣ въ каждой наукѣ, а особенно въ зоологіи и ботаникѣ.

Подобно *понятіямъ* и *сужденія* образуются нами не иначе, какъ при участіи сознанія *сходства* и *различія*. Не останавливаясь на всѣхъ

видахъ *сужденій*, разсматриваемыхъ логиками (*аналитическія* и *синтетическія; общія*, *частныя* и *единичныя* и т. д.), обратимъ вниманіе только на тѣ изъ нихъ, какія получаются при разсматриваніи ихъ со стороны ихъ содержанія. *Сужденіе* въ этомъ отношеніи дѣлится на слѣдующіе четыре разряда:

1) въ однихъ *сужденіяхъ* мы утвержаемъ *сходство* или *различіе* между тѣми предметами и признаками, относительно которыхъ происходитъ *сужденіе*. Норвегія *похожа* на Швейцарію; треугольникъ ABC *равенъ* *) треугольнику DEF;

2) въ другихъ *сужденіяхъ* мы ставимъ въ разнообразныя *пространственныя отношенія* предметы, подлежащіе нашему *сужденію*: столъ стоитъ среди комнаты; домъ выстроенъ на берегу рѣки.

3) въ иныхъ *сужденіяхъ* мы ставимъ въ отношеніяхъ *одновременности* или *послѣдовательности* тѣ предметы, явленія и свойства, о которыхъ происходитъ *сужденіе*: во время пожара была страшная буря; Императоръ Николай Павловичъ царствовалъ послѣ Александра Благословеннаго;

4) наконецъ, въ нѣкоторыхъ *сужденіяхъ* мы утверждаемъ или отрицаемъ *причинную связь* между предметами и признаками, подлежащими сужденію: при сильномъ нагрѣваніи вода превращается въ паръ.

Что перваго рода *сужденія* имѣютъ въ основѣ своей сознаніе *сходства* и *различія*, это ясно безъ всякаго анализа ихъ, потому что въ нихъ прямо и непосредственно рѣчь идетъ о *сходствѣ* и *разности* тѣхъ предметовъ, которые подлежатъ *сужденію*. Не то надобно сказать объ остальныхъ трехъ видахъ сужденій. При первомъ взглядѣ на нихъ кажется, что въ нихъ нѣтъ и слѣда сознанія *сходства* и *различія* между предметами, относительно которыхъ происходитъ *сужденіе*. А между тѣмъ, при болѣе внимательномъ анализѣ содержанія ихъ оказывается, что и они возникаютъ при участіи сознанія *сходства* и *различія* между излагаемыми въ нихъ объектами. Въ *сужденіяхъ* второго рода, какъ мы видѣли, умъ нашъ ставитъ въ разнообразныя *пространственныя отношенія* предметы, о которыхъ онъ судитъ. Можно-ли какіе-бы то ни было предметы ставить въ разнообразныхъ *пространственныхъ отношеніяхъ* другъ къ другу, если мы такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ не будемъ *отличать* ихъ другъ отъ друга и, слѣдов., не будемъ сознавать *разницы* въ тѣхъ положеніяхъ, которыя они, по нашему мнѣнію, занимаютъ въ природѣ

---

*) *Полнѣйшее сходство* предметовъ и признаковъ называется *равенствомъ*. (Основанія психологіи Герберта Спенсера. Томъ III. С.-Петербургъ. 1876 г., стр. 52).

относительно одинъ другого? Нѣтъ сомнѣнія, что только при томъ условіи можно ставить предметы въ разнообразныхъ *пространственныхъ отношеніяхъ* другъ къ другу, когда *отличаемъ* ихъ одинъ отъ другого и когда сверхъ того *отличаемъ* и тѣ положенія, которыя они занимаютъ относительно другъ друга. Иначе предметы неизбѣжно должны представляться намъ въ самомъ смутномъ, неопредѣленномъ, хаотическомъ состояніи. Въ *сужденіяхъ* третьяго рода предметы и признаки ставятся нами въ *отношеніяхъ* либо *одновременности*, либо *послѣдовательности*. Спрашивается, могли-бы мы сознавать *одновременность* и *послѣдовательность* между предметами и признаками, если-бы не находили *разности* между тѣми изъ нихъ, которые существуютъ или происходятъ въ одно и то-же время или одни послѣ другихъ? Очевидно, что все то, что сказано нами въ этомъ отношеніи касательно сознанія *сходства* и *различія* между предметами, подлежащими *сужденію* въ *сужденіяхъ* второго рода, всецѣло приложимо и къ сужденіямъ третьяго рода. Подвергать анализу съ вышеуказанной цѣлью *сужденія* четвертаго рода мы находимъ совершенно излишнимъ, потому что анализъ этотъ въ основныхъ чертахъ тотъ-же, какой употребленъ былъ нами относительно *сужденій* второго и третьяго рода. Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ *сужденія* въ содержаніи своемъ проникнуты сознаніемъ *сходства* и *различія* между предметами и свойствами, относительно которыхъ происходитъ сужденіе.

При изученіи всякаго рода наукъ и искусствъ весьма важное значеніе имѣютъ *опредѣленія*. Разсматривая составъ *опредѣленій*, видимъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть составлено безъ дѣятельнаго участія при этомъ сознанія *сходства* и *различія*. Пусть требуется, напр., составить *опредѣленіе* понятія *золото*. Понятіе это можетъ быть *опредѣлено* слѣдующимъ образомъ: золото есть металлъ, обладающій красивымъ ярко-желтымъ цвѣтомъ, сильнымъ блескомъ, большою ковкостью, а равно и тягучестью и, наконецъ, неокисляемостью. Какіе акты мышленія входятъ въ это *опредѣленіе?* Когда говоримъ, что *золото есть металлъ*, то ясно, что въ этомъ случаѣ мы относимъ его къ числу *металловъ* вслѣдствіе того, что оно имѣетъ признаки *сходные* (одинаковые) съ признаками всѣхъ другихъ *металловъ*— именно: ковкость, тягучесть, звонкость и особаго рода блескъ и цвѣтъ (такъ-называемый металлическій блескъ и металлическій цвѣтъ). Что касается до остальной части *опредѣленія* понятія *золото* (золото обладаетъ красивымъ ярко-желтымъ цвѣтомъ, сильнымъ блескомъ и т. д.), то въ основаніи ея лежитъ сознаніе *отличія* золота отъ другихъ металловъ. Такимъ образомъ, одна часть *опредѣленія* золота

образуется вслѣдствіе сознанія *сходства* его съ другими металлами, а другая, благодаря сознанію *отличія* его отъ остальныхъ металловъ.

Высшими и болѣе сложными видами умственной дѣятельности вполнѣ справедливо признаются *индуктивный* и *дедуктивный выводы* нашего ума. Покажемъ хотя кратко, что въ основѣ и этихъ *выводовъ* лежитъ сознаніе *сходства* и *различія*. Подвергнемъ для этого анализу сначала нѣсколько *индуктивныхъ выводовъ*, а затѣмъ примѣра два *дедуктивныхъ выводовъ*. Положимъ, мы на основаніи того, что сумма угловъ начертаннаго на классной доскѣ треугольника АВС (т.-е. одного, извѣстнаго, опредѣленнаго треугольника) оказалась *равною* двумъ прямымъ угламъ, сдѣлали такого рода выводъ, что, слѣдовательно, сумма угловъ *каждаго треугольника* равна двумъ прямымъ угламъ. Выводъ этотъ не *дедуктивный*, т.-е. мы здѣсь сдѣлали заключеніе не отъ общаго къ частному, а *индуктивный*, т.-е. мы здѣсь сдѣлали заключеніе отъ частнаго къ общему, даже отъ одного только треугольника ко всѣмъ треугольникамъ. На какомъ основаніи мы такъ поступаемъ въ указанномъ случаѣ? Единственно на томъ только основаніи, что вышеозначенный треугольникъ вполнѣ *сходенъ* во всѣхъ существенныхъ, основныхъ чертахъ со всѣми треугольниками, какъ-бы они ни были разнообразны. Уничтожьте сознаніе таковаго *сходства* между ними, и тогда мы не въ состояніи будемъ сдѣлать никакого *индуктивнаго вывода* отъ вышеуказаннаго треугольника къ остальнымъ всѣмъ треугольникамъ относительно того, что сумма угловъ ихъ равна двумъ прямымъ. Разберемъ другой примѣръ *индуктивнаго вывода*. Пусть преподаватель физики на основаніи того, что свинцовый шарикъ и клочекъ бумаги въ стеклянной трубкѣ, по удаленіи изъ нея воздуха, упали въ одно и то-же время, сдѣлалъ съ учениками тотъ *индуктивный выводъ*, что *всякое тѣло* въ безвоздушномъ пространствѣ падаетъ въ равныя времена. Ясно, что и въ этомъ случаѣ *заключеніе* отъ паденія извѣстнаго свинцоваго шарика и клочка бумаги въ одно и то-же время къ паденію *всякаго рода предметовъ* въ равныя времена опять сдѣлано единственно на основаніи того, что свинцовый шарикъ и клочекъ бумаги *вполнѣ сходны* въ основныхъ физическихъ свойствахъ со всѣми другими предметами: съ деревомъ, камнемъ и т. д.

Если въ частности обратить вниманіе на тѣ *методы*, посредствомъ которыхъ получаются *индуктивные выводы*, то еще яснѣе видна будетъ та важная роль, какую играютъ въ этихъ *выводахъ* чувства *сходства* и *различія*. *Индуктивные выводы* получаются посредствомъ слѣдующихъ четырехъ *методъ*: *согласія*, *разницы*, *сопутствующихъ*

измѣненій и *остатковъ*. *Метода согласія* состоитъ въ слѣдующемъ: 1) берется нѣсколько случаевъ, явленій и т. д., сходныхъ между собою лишь въ томъ отношеніи, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, явленіяхъ и т. д. находится изслѣдуемое свойство, явленіе и т. д.; 2) во всѣхъ разсматриваемыхъ случаяхъ и явленіяхъ умственно устраняются всѣ тѣ *различія*, которыми они *отличаются* одни отъ другихъ; 3) если по устраненіи всѣхъ указанныхъ *различій* въ остаткѣ получается какое-либо свойство, принадлежащее всѣмъ анализируемымъ случаямъ и явленіямъ, то такое *общее* всѣмъ имъ свойство признается *причиною* или *слѣдствіемъ* изучаемаго явленія или свойства. Такъ, положимъ, требуется по *методѣ согласія* узнать *причину* образованія росы. Для этого поступаютъ такъ: 1) берется нѣсколько *различныхъ* предметовъ, покрывающихся каплями воды или, что то-же, росою въ то время, когда въ воздухѣ, окружающемъ ихъ, не находится никакой видимой для глазъ влажности. Предметами этими могутъ быть, напр., кусокъ сукна, лежащій на воздухѣ въ лѣтнюю прохладную ночь, стаканъ, наполненный холодной водою въ теплой комнатѣ, оконное стекло, охлажденное градомъ или дождемъ, кора дерева и т. д.; 2) умственно устраняются всѣ тѣ *различныя свойства*, которыми указанные предметы отличаются одни отъ другихъ, напр., матеріалъ, изъ котораго они состоятъ, вѣсъ ихъ, форма и т. д.; 3) такъ какъ по устраненіи изъ указанныхъ предметовъ тѣхъ свойствъ, которыми они *отличаются* одни отъ другихъ, оказывается, что всѣ они, кромѣ изучаемаго свойства, *сходны* между собой еще въ одномъ свойствѣ—въ томъ именно, кто каждый изъ нихъ холоднѣе окружающаго ихъ воздуха, то это свойство и признается *причиною* или частью причины образованія росы. По *методѣ разницы* индуктивный выводъ получается иначе, именно: 1) въ этомъ случаѣ берется не больше двухъ, совершенно *одинаковыхъ* предметовъ или явленій, *отличающихся* одинъ отъ другого лишь тѣмъ, что въ одномъ изъ нихъ находится изслѣдуемое свойство, а въ другомъ оно отсутствуетъ; 2) всѣ *сходные признаки* умственно устраняются въ обоихъ данныхъ предметахъ или явленіяхъ; 3) когда по устраненіи изъ обоихъ предметовъ всѣхъ общихъ имъ свойствъ оказывается, что въ томъ изъ этихъ предметовъ, въ которомъ находится изслѣдуемое свойство, находится одно или нѣсколько такихъ свойствъ, какихъ не оказывается въ другомъ предметѣ и которыми, значитъ, *отличается* онъ отъ послѣдняго предмета, то это свойство признается *причиною* или *слѣдствіемъ* изслѣдуемаго свойства. Такъ, пусть требуется узнать по *методѣ разницы*, въ чемъ заключается причина, благодаря которой алмазъ обладаетъ

такою твердостью, что чертитъ всѣ другія тѣла. Для этого дѣлается слѣдующее: 1) алмазъ сравнивается съ такими предметами, которые весьма *сходны* съ нимъ по составу (углеродъ), химическимъ особенностямъ и т. д.; къ числу такихъ предметовъ относится, напр., очищенный уголь и коксъ; 2) указанные *сходные признаки* умственно устраняются изъ алмаза, угля и кокса; 3) тѣ свойства, которыя, по устраненіи *сходныхъ* признаковъ въ алмазѣ, углѣ и коксѣ, остаются въ алмазѣ, какъ *отличительные* его *признаки*—именно: блескъ, прозрачность, октраэдальная форма и кристаллическое строеніе, признаются всѣ или только нѣкоторые (главнымъ образомъ, послѣднее) *причиною* твердости алмаза. Индуктивный выводъ по *методѣ разницы* можетъ получиться не только тогда, когда берется два возможно *сходныхъ* предмета или явленія, но и тогда, когда берется одинъ и тотъ-же предметъ, но при *различныхъ* условіяхъ. Въ этомъ случаѣ *причиною* или *слѣдствіемъ* признается то свойство, которое оказывается находящимся въ предметѣ при проявленіи въ немъ изслѣдуемаго свойства и котораго не бываетъ въ предметѣ, когда изслѣдуемое свойство отсутствуетъ въ немъ. Такъ, если мѣдный шарикъ послѣ того, какъ подвергнется значительной степени нагрѣванія, не проходитъ въ то кольцо, въ которое онъ свободно проходитъ въ охлажденномъ видѣ, то очевидно, что причиной увеличенія его объема, благодаря которому онъ не можетъ проходить въ кольцо, служитъ не что иное, какъ нагрѣваніе его. По *методѣ сопутствующихъ измѣненій* индуктивный выводъ происходитъ такъ: 1) замѣчается увеличеніе или уменьшеніе изслѣдуемаго явленія или свойства; 2) при этомъ обращается вниманіе на то, не происходитъ-ли соотвѣтственно такому увеличенію или уменьшенію изслѣдуемаго свойства увеличеніе или уменьшеніе какого-либо другого свойства въ томъ-же предметѣ или явленіи; 3) если оказывается, что, соотвѣтственно увеличенію или уменьшенію изслѣдуемаго явленія или свойства происходитъ увеличеніе или уменьшеніе какого-либо другого свойства въ томъ-же предметѣ, то изучаемое свойство признается *причиною* или *слѣдствіемъ* этого послѣдняго свойства. Положимъ, намъ нужно узнать по *методѣ сопутствующихъ измѣненій* причину замедленія и даже полнаго прекращенія движеній маятника. Для этого «мы болѣе и болѣе уменьшаемъ препятствія, встрѣчаемыя маятникомъ, и находимъ, что замедленіе уменьшается пропорціонально. Когда тренія точки привѣса слабы, сколько возможно, и когда окружающій воздухъ рѣдокъ, сколько возможно, маятникъ требуетъ 30 часовъ, а не нѣсколько минутъ, чтобы остановиться. По мѣрѣ того, какъ препятствія приближаются

къ степени совершеннаго уничтоженія, замедленіе то-же приближается къ степени уничтоженія («Объ умѣ и познаніи», Тэна, т. II-й, стр. 182. С.-Петербургъ, 1872 г.). Такъ какъ *метода остатковъ* есть не что иное, какъ другой случай *методы разницы* и кромѣ того мало употребительна при индуктивныхъ выводахъ, то и нѣтъ нужды подвергать ее здѣсь анализу *).

Теперь перейдемъ къ анализу *дедуктивныхъ выводовъ*, которымъ умъ человѣческій, по словамъ Милля, обязанъ своими главнѣйшими побѣдами, потому что посредствомъ *дедукціи* мы создали всѣ теоріи, которыми подведены сложныя и обширныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ. Проанализируемъ сначала болѣе простой видъ *дедукціи*, такъ-называемые *силлогизмы* **), а затѣмъ болѣе высокій и сложный типъ *дедукціи*. Для анализа *силлогизма* возьмемъ, напр., слѣдующій общедоступный для пониманія силлогизмъ: всѣ люди смертны; князь Бисмаркъ человѣкъ; слѣдовательно, князь Бисмаркъ смертенъ. Здѣсь *большая посылка* (всѣ люди смертны) есть не что иное, какъ весьма широкое *обобщеніе* (общая мысль), потому что въ посылкѣ этой рѣчь идетъ обо всѣхъ людяхъ. А мы выше показали, что каждое *обобщеніе* происходитъ на основаніи сознанія *сходства* между всѣми обобщаемыми предметами. Что выражается *малой посылкой* (князь Бисмаркъ человѣкъ) и *заключеніемъ* (слѣдовательно, князь Бисмаркъ смертенъ)? *Малой посылкой* приведеннаго *силлогизма* утверждается то, что князь Бисмаркъ принадлежитъ къ числу людей, а такое утвержденіе, конечно, дѣлается нами единственно на томъ основаніи, что всѣ основные, существенные признаки, усматриваемые нами въ Бисмаркѣ, по нашему глубокому убѣжденію, вполнѣ *одинаковы* или *сходны* съ существенными, основными признаками, принадлежащими всѣмъ людямъ. Такъ какъ князь Бисмаркъ по существеннымъ, основнымъ признакамъ *сходенъ* со всѣми людьми, о чемъ говорится въ *малой посылкѣ*, то *заключеніемъ* утверждается, что онъ *сходенъ* съ ними и въ томъ отношеніи, что рано или поздно долженъ умереть. Проанализируемъ теперь примѣръ болѣе высокаго и сложнаго типа *дедукціи*. Положимъ, требуется указать *причину* движенія планетъ. «Для этого,—говоритъ Тэнъ въ вышеуказанномъ сочиненіи (стр.

*) Анализъ методы *согласія, разницы* и *сопутствующихъ измѣненій* сдѣланъ нами, главнымъ образомъ, на основаніи сочиненія Тэна «Объ умѣ и познаніи» (томъ II-й, стр. 177—190).

**) Каждый *силлогизмъ* есть *дедуктивный выводъ* (см. «Учебникъ логики» М. Троицкаго, ч. II-я, ст. 67—71, Москва 1876 г.).

185),—мы устанавливаемъ съ помощью простого *наведенія* *), съ одной стороны, законъ, который связываетъ движеніе, направленное по тангенсу съ силою первоначальнаго толчка, съ другой стороны, законъ, связывающій паденіе тѣла къ другому съ ускорительною силою тяжести. Изъ этихъ двухъ законовъ мы выводимъ черезъ вычисленіе различныя положенія и скорости, которыя приметъ тѣло, подверженное соединеннымъ побужденіямъ первоначальнаго толчка и ускоряющей тяжести, и, находя, что наблюдаемыя планетныя движенія совпадаютъ въ точности съ предвидѣнными движеніями, мы заключаемъ, что обѣ силы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть дѣйствительно причины планетныхъ движеній». Изъ приведеннаго анализа *дедуктивнаго объясненія* причины движенія планетъ ясно видно, что въ основаніи такого рода *дедукціи* лежатъ *индуктивные выводы*, а всѣ *индуктивные выводы*, какъ показано было выше, получаются при живомъ и постоянномъ участіи сознанія *сходства* и *разницы*. Слѣдовательно, то-же самое дѣятельное участіе сознанія *сходства* и *разницы* неизбѣжно заключается и въ каждой *дедукціи*. Кромѣ того, благодаря чему, въ приведенномъ *дедуктивномъ объясненіи* причины движенія планетъ, мы приходимъ къ тому, что признаемъ точное совпаденіе движеній, которыя построяемъ въ умѣ на основаніи сочетанія указанныхъ двухъ индуктивныхъ законовъ съ тѣми движеніями планетъ, которыя наблюдаемъ въ дѣйствительности? Очевидно, только благодаря тому, что сознаемъ *полное сходство* между тѣми и другими движеніями.

Въ тѣсной связи съ *дедукціей* и *индукціей* находятся *анализъ* и *синтезъ* («Къ вопросу о реформѣ логики» Н. Я. Грота, 1882 г., стр. 215—221). *Анализъ* состоитъ въ разчлененіи какого-либо сложнаго умственнаго цѣлаго на тѣ части или элементы, изъ которыхъ оно состоитъ. Такъ, когда филологъ разлагаетъ, напр., слово *разсудокъ* на корень *(суд)*, приставку *(раз)* и суффиксъ *(окъ)*, то умственная операція, производимая имъ надъ этимъ словомъ, есть не что иное, какъ *анализъ* его. Если корень *суд* разлагается филологомъ на звуки *с*, *у* и *д*, то здѣсь *анализъ* его доводится имъ до послѣднихъ границъ, дальше которыхъ идти некуда. *Синтезъ*, напротивъ, заключается въ томъ, что изъ какихъ-либо частей или элементовъ образуется что-либо цѣлое. Такъ, когда историкъ отдѣльные, разрозненные факты какого-либо событія соединяетъ въ одну цѣльную, осмысленную картину, гдѣ каждый фактъ занимаетъ извѣстное, опредѣ-

*) Индукція по-русски называется *наведеніемъ*.

ленное мѣсто, то умъ его въ этомъ случаѣ работаетъ *синтетически*. Какое-бы сочиненіе мы ни взяли, въ каждомъ развитіе мыслей происходитъ двояко: *аналитически* или *синтетически*, при чемъ нерѣдко *анализъ* и *синтезъ* являются въ смѣшанномъ видѣ. Что лежитъ въ основаніи *аналитической* и *синтетической дѣятельности* ума? *Анализъ* производится при преобладающемъ участіи сознанія *различія* между тѣми частями и элементами, на которые разлагается то или другое сложное понятіе, та или другая сложная мысль и т. д. Отнимите отъ ума способность замѣчать *разницу* между частями и элементами, входящими въ составъ какого-либо умственнаго цѣлаго, и тогда *аналитическая работа* его неизбѣжно должна прекратиться. Что касается *синтеза*, то онъ, напротивъ, производится при преобладающемъ участіи сознанія *сходства* между тѣми частями и элементами, изъ которыхъ образуется при помощи его нѣчто умственно-цѣлое. Если изъ какихъ-либо разрозненныхъ фактовъ историкъ образуетъ ту или другую цѣльную картину извѣстнаго событія, то, конечно, умъ его въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно сознаетъ, что всѣ эти факты *сходны* между собою въ томъ отношеніи, что они составляютъ собою не что иное, какъ части одного и того-же сложнаго событія, вслѣдствіе чего и находятся между собою въ той или другой связи—хронологической, причинной и т. д. Поэтому-то, когда какія-либо части не входятъ въ составъ какого-либо сложнаго предмета, событія и т. д., то никакой *синтетической работы* и не можетъ быть надъ ними произведено, потому что умъ нашъ не находитъ въ нихъ въ этомъ случаѣ такихъ свойствъ, которыя-бы *одинаково* всѣмъ имъ принадлежали и благодаря которымъ они могли-бы органически войти въ составъ извѣстнаго умственнаго цѣлаго.

Не только не излишне, но даже необходимо въ интересахъ болѣе полнаго разъясненія того, что сознаніе *сходства* и *разницы* лежитъ въ основѣ всѣхъ видовъ умственно-познавательной дѣятельности, подвергнуть анализу основныя черты если не обоихъ видовъ *разсужденія* *), то, по крайней мѣрѣ, *количественное* или *математическое разсужденіе*. Анализъ основныхъ чертъ *количественнаго разсужденія* можно предпочесть въ этомъ случаѣ анализу основныхъ чертъ *качественнаго разсужденія* потому, что *количественное разсужденіе* далеко превосходитъ *качественное разсужденіе* точностью, наивысшею сте-

---

*) Всѣ виды разсужденій дѣлятся на два рода: на *качественный* и *количественный*. (См. «Основанія психологіи», Герберта Спенсера, т. ІІІ-й).

пенью логичности и т. д. Какія-же основныя черты находятся въ *количественномъ разсужденіи*? Черты эти состоятъ въ томъ, что въ немъ устанавливается *равенство* или *неравенство* (см. стр. 1—123 тома III-го «Основаній психологіи» Герберта Спенсера) либо однѣхъ величинъ съ другими, либо отношеній между какими-либо величинами съ отношеніями-же между какими-либо другими величинами. Обратимъ вниманіе сначала на основныя черты *количественнаго разсужденія* перваго рода. Черты эти заключаются въ слѣдующемъ:

1. Одна величина *равна* другой величинѣ: Линія A *равна* линіи B ($A=B$); сажень *равна* тремъ аршинамъ; цѣлое *равно* своимъ частямъ и т. д.

2. Одна величина *не равна* другой величинѣ, или, частнѣе и опредѣленнѣе, одна величина *болѣе* или *менѣе* другой величины: Линія A *болѣе* или *менѣе* B ($A > B$; $A < B$); 7 *болѣе* 3 и *менѣе* 9 ($7 > 3$; $7 < 9$) и т. д.

3. Двѣ величины, *равныя* порознь третьей, *равны* между собою: Линіи A и B, будучи *равны* каждая порознь, равны между собою ($A = C$, $B = C$; слѣд., $A = B$).

4. Величина, *бо́льшая* или *меньшая* другой величины, которая *больше* или *меньше* третьей величины, *больше* или *меньше* этой третьей величины. Если линія A *больше* линіи B, которая *больше* линіи C, то линія A *больше* линіи C ($A > B$; $B > C$; слѣдовательно, $A > C$)

5. Величина, *бо́льшая* или *меньшая* другой величины, которая *равна* третьей величинѣ, *больше* или *меньше* этой третьей величины. Если линія A *больше* линіи B, которая *равна* линіи C, то линія A *больше* или *меньше* линіи C ($A > B$; $B = C$; слѣд., $A > C$).

6. Величина, *равная* другой величинѣ, которая *больше* или *меньше* третьей величины, *больше* или *меньше* этой третьей величины: $A=B$, $B > C$; слѣд., $A > C$.

7. Двѣ величины, *равныя* порознь двумъ другимъ величинамъ, *равнымъ* между собою, *равны* между собою: $A = B$; $C = D$; $B = D$; слѣд., $A = C$.

8. Двѣ величины, *равныя* порознь другимъ двумъ величинамъ, *неравнымъ* между собою, не равны между собою: $A = B$; $C = D$; $B > D$; слѣд. $A > C$.

9. Нѣсколько величинъ, *равныхъ* порознь одной и той-же величинѣ, *равны* между собой: $A = B$; $C = B$; $D = B$; слѣд., A, C, D *равны* другъ другу.

Теперь разсмотримъ основныя черты *количественнаго разсужденія* второго рода. Черты эти почти вполнѣ соотвѣтствуютъ основнымъ

чертамъ количественнаго разсужденія перваго рода, отличаясь отъ нихъ только большею сложностью. Онѣ могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

1. Отношеніе между двумя величинами *равно* отношенію между другими двумя величинами, напр., отношеніе между линіями A и B *равно* отношенію между линіями C и D ($A : B = C : D$), или $30 : 15 = 10 : 5$.

2. Отношеніе между двумя величинами *больше* или *меньше* отношенія между другими двумя величинами: $15 : 5 > 40 : 20$.

3. Два отношенія, *равныя* порознь третьему отношенію, равны между собою. Такъ, напр., если, во-1-хъ, отношеніе между линіями A и B *равно* отношенію между линіями E и F, во-2-хъ, отношеніе между линіями C и D *равно* тому-же отношенію между линіями E и F, то отношеніе между линіями A и B *равно* отношенію между линіями C и D ($A : B = E : F$; $C : D = E : F$; слѣд., $A : B = C : D$).

4. Отношеніе, *большее* или *меньшее* другого отношенія, которое *больше* или *меньше* третьяго отношенія, *больше* или *меньше* этого третьяго отношенія: $A : B > C : D$; $C : D > E : F$; слѣд., $A : B > E : F$.

5. Отношеніе, *большее* или *меньшее* другого отношенія, которое *равно* третьему отношенію, *больше* или *меньше* этого третьяго отношенія: $A : B > C : D$; $C : D = E : F$; слѣд., $A : B > E : F$.

6. Отношеніе, *равное* другому отношенію, которое *больше* или *меньше* третьяго отношенія, *больше* или *меньше* этого третьяго отношенія: $A : B = C : D$; $C : D > E : F$; слѣд., $A : B > E : F$.

7. Два отношенія, *равныя* порознь другимъ двумъ отношеніямъ, *равнымъ* между собою, *равны* между собою: $A : B = C : D$; $E : F = m : n$; но отношеніе $C : D = m : n$; слѣд., $A : B = E : F$.

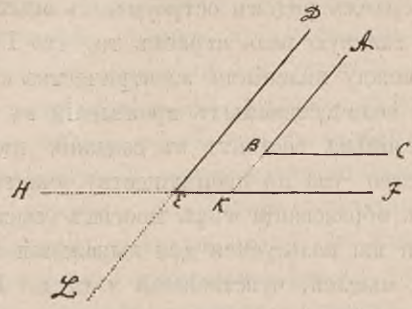
8. Два отношенія, *равныя* порознь другимъ двумъ отношеніямъ, *неравнымъ* между собою, *не равны* между собою: $A : B = C : D$; $E : F = m : n$; но $C : D > m : n$; слѣд., $A : B > E : F$.

9. Нѣсколько отношеній, *равныхъ* порознь одному и тому-же отношенію, *равны* между собою: $A : B = C : D$; $m : n = C : D$; $P : Q = C : D$; слѣд., отношенія $A : B$, $m : n$ и $P : Q$ *равны* между собою.

Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ вѣрности того, что, напр., въ основѣ доказательствъ любой теоремы геометріи лежатъ указанные умственные акты, подвергнемъ анализу, хотя, напр., доказательство слѣдующей теоремы: Если углы съ параллельными сторонами обращены своими отверстіями въ одну сторону или въ противоположныя стороны, то они равны («Элементарная геометрія» Давидова, § 38).

Продоживъ сторону AB до пресѣченія ея съ EF и стороны DE и EF, мы при анализѣ доказательства изложенной теоремы нахо-

димъ въ основѣ ихъ слѣдующіе умственные акты: 1) $\angle ABC = \angle AKF$; 2) $\angle DEF = \angle AKF$; 3) два угла ABC и DEF, *равные* каждый углу AKF, *равны* между собою; 4) $\angle HEL = \angle DEF$; 5) два угла HEL и ABC, *равные* порознь углу DEF, *равны* между

собою. Возьмемъ другой примѣръ—основныя ариѳметическія дѣйствія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Анализируя каждое изъ этихъ дѣйствій, мы находимъ, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ утвержденіе *равенства* однѣхъ величинъ другимъ: $2 + 5 = 7$; $8 - 3 = 5$; $4 \times 3 = 12$; $10 : 5 = 2$ (т.-е. 5-я часть 10 единицъ *равна* 2-мъ единицамъ, или же: 10 единицъ *равны* 5 единицамъ, взятымъ 2 раза).

Наконецъ, если обратить вниманіе на исторію открытій, какъ въ научной, такъ и въ практической области, то оказывается, что едва-ли не большинство ихъ прямо и непосредственно произведено, главнымъ образомъ, благодаря весьма живому и тонкому сознанію *сходства* и *разницы*. Когда Океnъ, разсматривая скелетъ барана, пришелъ къ мысли, что черепъ не только барана, но и всякаго другого млекопитающаго животнаго состоитъ изъ расширенныхъ и спаянныхъ между собою позвонковъ, въ этомъ случаѣ умъ его дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ живого сознанія *сходства* между чертами млекопитающихъ животныхъ и ихъ позвонками. Гёте, наблюдая части цвѣтка, пришелъ къ замѣчательному открытію, что всѣ части цвѣтковъ суть не что иное, какъ видоизмѣненные листья, опять благодаря тому, что умъ его замѣтилъ черты, *сходныя* между листьями растеній и частями цвѣтковъ ихъ. «Величіе Ньютона, открывшаго всеобщее тяготѣніе,—говоритъ Уэвелль въ своей «Исторіи индуктивныхъ наукъ» (томъ II, стр. 200),—заключается въ томъ, что онъ совершенно ясно понялъ, что небесныя движенія *тожественны* съ тѣми движеніями, которыя совершаются вокругъ него на землѣ; что эти два рода движенія онъ представлялъ движеніями *совершенно однородными*, и потому немедленно и совершенно сознательно старался

примѣнить одни и тѣ-же законы какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ движеніямъ». Недавно профессоръ Гертцъ составилъ новое объясненіе явленій электричества, заключающееся въ томъ, что электричество *подобно* свѣту производится волнами эфира, только болѣе длинными, что и подтвердилъ рядомъ остроумныхъ опытовъ. И въ этомъ открытіи, понятно, главную роль играетъ то, что Гертцъ усмотрѣлъ большое *сходство* между явленіями электричества и свѣта. Одно изъ самыхъ дивныхъ и величественныхъ проявленій въ исторіи умственнаго творчества человѣка состоитъ въ созданіи имъ языка. Между тѣмъ какое свойство ума по преимуществу участвовало и до сихъ поръ участвуетъ въ образованіи тѣхъ многихъ тысячъ словъ и ихъ сочетаній, которыми мы пользуемся для выраженія безконечно-разнообразныхъ понятій, мыслей, чувствованій и т. д.? Въ основѣ созданія всѣхъ языковъ лежитъ, главнымъ образомъ, сознаніе *сходства* и *различія*. Почему мы, напр., всѣмъ деревьямъ даемъ одно и то-же имя *дерево?* потому, что всѣ деревья признаемъ *однородными предметами* или, что то-же, весьма *сходными* одни съ другими. Почему одно изъ деревьевъ называемъ *липой*, другія—*березой* и т. д.? Безъ сомнѣнія, потому, что хотя всѣ деревья въ основныхъ, существенныхъ признакахъ *сходны* между собою, тѣмъ не менѣе мы находимъ между ними не мало и такихъ признаковъ, которые *отличаютъ* ихъ одни отъ другихъ. Вообще, какое-бы *слово* мы ни стали подвергать анализу, непремѣнно придемъ къ тому, что безъ участія сознанія *сходства* и *разницы* ни одно изъ нихъ не могло-бы возникнуть и существовать въ нашемъ умѣ и въ нашей рѣчи. «И языкъ дѣтей, и языкъ дикарей,—говоритъ Спенсеръ («Основанія психологіи» Спенсера, т. III, стр. 130 и 131),—одинаково свидѣтельствуютъ за то, что всякій языкъ, при своемъ началѣ, есть языкъ подражательный. Повсюду, гдѣ мы только въ состояніи прослѣдить до ихъ начала символы, употребляемые для выраженія мыслей,—будетъ-ли то дѣтская привычка называть животныхъ посредствомъ подражанія ихъ крикамъ, или это будутъ знаки, къ которымъ самостоятельно приходятъ глухонѣмые, или знаки, посредствомъ которыхъ путешественники въ чужихъ странахъ выражаютъ свои нужды; будутъ-ли это драматическіе жесты, которые нецивилизованный человѣкъ употребляетъ для пополненія своего несовершеннаго словаря, или это будутъ подражательныя слова, изъ которыхъ состоитъ въ такой значительной степени этотъ словарь;—мы видимъ, что понятіе о *сходствѣ* составляетъ подкладку всякаго языка; а также, что символы мысли, какъ голосовые, такъ и механическіе (и даже письменные), въ началѣ суть всегда *воспроизведенія* означаемыхъ ими вещей».

Такъ какъ сознаніе *сходства* и *различія* лежитъ въ основѣ всей нашей умственно-познавательной дѣятельности, то слѣдуетъ обращать тщательное вниманіе на развитіе этого сознанія въ ученикахъ всѣхъ возрастовъ, потому что чѣмъ тоньше, острѣе, многостороннѣе и вообще лучше будетъ развито въ нихъ это сознаніе, тѣмъ глубже, прочнѣе и плодотворнѣе будетъ ихъ умственное образованіе. Быть можетъ, иные скажутъ, что если безъ чувствъ *сходства* и *различія* не обходится ни одинъ актъ нашей умственно-познавательной дѣятельности, то и нѣтъ никакой надобности въ особаго рода заботливости со стороны преподавателей относительно возбужденія и развитія въ ученикахъ этихъ чувствъ. Возраженіе это теряетъ всякое значеніе, какъ только обратимъ вниманіе на то, въ какомъ видѣ въ нашей душѣ находится сознаніе *сходства* и *различія*. Оказывается, что чувства *сходства* и *различія* являются въ нашей душѣ въ двухъ видахъ: прежде всего, въ первичномъ, низшемъ, непосредственномъ, а затѣмъ—въ высшемъ, вторичномъ, культивированномъ видѣ. Чувства *сходства* и *различія* первичныя, низшія, возникаютъ при умственно-познавательной дѣятельности человѣка невольно и даже большею частью безсознательно, причемъ они происходятъ чрезвычайно быстро, можно сказать, мгновенно. Такого рода чувства особенно наглядно можно видѣть въ умственной дѣятельности дикарей, дѣтей и вообще людей, бѣдно одаренныхъ природою въ умственномъ отношеніи. Какъ сближенія на основаніи чувствъ *сходства*, такъ и *различенія* на основаніи сознанія *разницы*, производимыя людьми подъ вліяніемъ первичныхъ, низшихъ чувствъ сознанія *сходства* и *разницы*, обыкновенно отличаются неопредѣленностью, нерѣдко крайней поверхностью и ошибочностью. Такія поверхностныя, ошибочныя и смутно-неопредѣленныя *сближенія* и *различенія* находимъ въ изобиліи у дикарей, дѣтей и даже у каждаго простого, необразованнаго народа. Чувства *сходства* и *различія* вторичныя, высшія, культивированныя, отличаются сознательностью, находятся подъ контролемъ воли и имѣютъ теченіе не мгновенное, а болѣе или менѣе продолжительное. Такія чувства мы весьма легко можемъ наблюдать при умственной дѣятельности взрослыхъ образованныхъ людей. Такъ какъ подъ вліяніемъ вторичныхъ, культивированныхъ чувствъ *сходства* и *разницы* обобщенія, отвлеченія и вообще всякаго рода сближенія и различенія предметовъ и признаковъ происходятъ сознательно и произвольно, то они отличаются ясностью, опредѣленностью и значительною степенью вѣрности и основательности. Если-же иныя *сближенія* и *различенія* оказываются при провѣркѣ и строгой критикѣ ихъ невѣрными, то

такого рода *сближенія* и *различенія* обыкновенно замѣняются другими, болѣе правильными и основательными. Очевидное дѣло, что перваго рода чувства *сходства* и *различія*, т.-е. чувства, происходящія въ душѣ невольно, безсознательно, инстинктивно, не нуждаются ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ для своего возникновенія. Образованіе ихъ въ душѣ происходитъ совершенно одинаково съ образованіемъ представленій по смежности въ пространствѣ и времени. Совсѣмъ не то надобно сказать относительно происхожденія въ душѣ чувствъ *сходства* и *разницы* вторичныхъ, высшихъ, возникшихъ вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Эти чувства, какъ чувства высшія, культивированныя, неизбѣжно нуждаются, чтобы достигнуть въ душѣ учениковъ до надлежащей степени усовершенствованія ихъ, въ правильномъ и тщательномъ уходѣ за ними. Это разъ. Съ другой стороны, изученіе развитія ума въ человѣчествѣ (см. «Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума»—П. Ѳ. Каптерева, 1890 г.) и наблюденіе надъ развитіемъ умственныхъ способностей въ дѣтяхъ («Первые три года жизни ребенка»—Пере) ясно показываютъ, что живое, отчетливое и правильное сознаніе *сходства* и *различія* въ объектахъ, надъ которыми работаетъ умъ, весьма туго дается людямъ, хотя и лежитъ, какъ мы видѣли, въ основѣ ихъ умственно-познавательной дѣятельности. Цѣлыя тысячелѣтія должны были пройти прежде, чѣмъ человѣкъ дошелъ до того, чтобы не смѣшивать внутренняго, субъективнаго міра съ внѣшнимъ, объективнымъ, чтобы ясно отличать живыя, одушевленныя существа отъ неодушевленныхъ предметовъ, чтобы не смѣшивать сновидѣній съ дѣйствительностью, самыхъ невѣроятныхъ и невозможныхъ событій съ дѣйствительными и вполнѣ вѣроятными событіями и т. д.

«Вселенная, — читаемъ мы въ указанномъ сочиненіи г. Каптерева (37 стр.),—представлялась первобытному человѣку довольно однообразной, сѣренькой, однотонной; для его ума предметы сливались въ одно сплошное цѣлое, въ которомъ раздѣлительныхъ и разграниченныхъ линій, для обособленія различныхъ круговъ явленій, было еще очень мало, да и существовавшія сходились и перекрещивались между собою; различные роды и классы вещей еще не были раздѣлены, наиболѣе несходныя вещи, противоположныя и разнородныя, спокойно относились къ одной группѣ и мыслились совмѣстно. Человѣкъ не могъ еще выдѣлить, особо мыслить и именовать дѣйствіе, лицо дѣйствующее, мѣсто и орудіе дѣйствія, время, способъ и т. д.; въ различеніи и обособленіи онъ былъ крайне слабъ и тупъ, сфера различаемаго была невелика и самое различеніе недостаточно. Такое состояніе ума мы называемъ состояніемъ относительнаго неразличенія (не абсолютнаго); оно характеризуется неспособностью замѣтить особенности не только отдѣльныхъ предметовъ, но и цѣлыхъ группъ, ро-

довъ, классовъ; разнородные по своей природѣ отдѣлы явленій кажутся однородными; такія различенія, которыя намъ совершенно обычны, такія отличительныя черты, которыя на нашъ взглядъ совершенно очевидны, сами бросаются въ глаза, такъ что ихъ не замѣтить, кажется, нельзя, еще недоступны. Относительное неразличеніе подобно видѣнію человѣкомъ предметовъ на большомъ разстояніи: качественная опредѣленность вещей тогда незамѣтна, очертаній ихъ точно разсмотрѣть нельзя, гдѣ кончается одна вещь и начинается другая—не видно, одинъ предметъ какъ будто непосредственно переходитъ въ другой и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно сплошное цѣлое, въ которомъ ничего опредѣленно различить невозможно».

Въ другомъ мѣстѣ въ указанномъ сочиненіи того-же автора (стр. 135) находимъ слѣдующее:

«Живыми у нѣкоторыхъ индійцевъ признаются деревья, звѣзды, золото и серебро, рожь и хлѣбъ и многіе механизмы, введенные европейцами, напр., часы, ружья, экипажи. У другихъ-же племенъ, съ другой стороны, не всѣ животныя считаются живыми, напр., не считаются живыми маленькія рыбки. Члены животнаго тѣла у однихъ племенъ считаются мертвыми, у другихъ живыми, если живо тѣло. Вообще о жизни и смерти существъ господствуетъ значительное разнообразіе мнѣній. Такъ, земляника жива, а малина мертва, бобъ живъ, а горохъ мертвъ. При этомъ противоположеніе одушевленнаго и неодушевленнаго нерѣдко не сопровождается никакимъ дальнѣйшимъ дѣленіемъ, напр., одушевленныя существа не подраздѣляются по полу на мужскія и женскія. Въ единственномъ числѣ названій вещей нѣтъ никакихъ указаній на различіе одушевленнаго и неодушевленнаго, а различіе выражается только во множественномъ числѣ, именно тѣмъ, что неодушевленныя вещи или совсѣмъ не имѣютъ особаго множественнаго числа, или-же другое по сравненію съ одушевленными, напр., множественность неодушевленнаго выражается просто прибавкой слова много. Жители острова Фиджи празднуютъ воскресенье не только умершихъ людей, но и животныхъ, растеній, домашней утвари и камней. Вѣрованіе въ происхожденіе человѣка отъ растенія, отъ дерева было широко распространено и глубоко вкоренено въ народномъ сознаніи».

Весьма трудно указать всѣ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ можно и должно развивать въ ученикахъ ясное, правильное, быстрое и сознательное пониманіе ими *сходствъ* и *различій* при передачѣ имъ свѣдѣній по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые проходятся ими въ учебныхъ заведеніяхъ; да это и не входитъ въ задачу настоящей статьи. Тѣмъ не менѣе, думается намъ, не безполезно предложить здѣсь нѣсколько общихъ соображеній относительно развитія въ ученикахъ разсматриваемыхъ чувствъ *сходства* и *различія*.

1) При развитіи въ ученикахъ способности нахожденія *сходства* и *различія* въ изучаемыхъ объектахъ прежде всего нужно сообразоваться съ возрастомъ, знаніями и степенью ихъ умственнаго развитія. Одни ученики въ этомъ отношеніи могутъ находить черты *сход-*

ства и *различія*, главнымъ образомъ, между отдѣльными предметами и явленіями, другіе между болѣе или менѣе значительными группами ихъ; одни способны замѣчать такія черты по преимуществу въ наружныхъ, видимыхъ частяхъ предметовъ и признакахъ ихъ, другіе могутъ находить ихъ во внутреннемъ строеніи предметовъ; одни способны на обобщенія и различенія, пока только довольно ограниченныя, другіе, напротивъ, подготовлены къ отвлеченіямъ и обобщеніямъ весьма широкимъ, глубокимъ и многостороннимъ и т. д. (См. «Опытъ методики элементарнаго курса исторіи» А. Кролюницкаго. Москва. 1890 г., стр. 204, 205 и 286).

2) Всякаго рода сравненіе предметовъ и признаковъ съ цѣлью указать въ нихъ то или другое *сходство*, или-же ту или другую *разницу*, тогда только будетъ приносить ученикамъ надлежащую пользу, когда возбуждаетъ въ нихъ живой интересъ, когда открываются предъ ихъ умственными очами новыя, неизвѣстныя имъ дотолѣ отношенія между сравниваемыми предметами, вообще—даетъ имъ извѣстнаго рода посильную задачу для рѣшенія. Иначе сравненіе будетъ не чѣмъ инымъ, какъ лишь пустою, скучною и безполезною тратою учебнаго времени.

3) Пункты *сходства* и *различія* должны быть находимы учениками, по возможности, самостоятельно, т.-е. должны быть находимы самими учениками, а не учителемъ указываемы. Учитель долженъ только помогать имъ въ нахожденіи этихъ пунктовъ наводящими вопросами, особеннаго рода группировкою предметовъ и признаковъ и т. д. Если учитель самъ перечисляетъ пункты *сходства* и *различія*, то такое перечисленіе не приноситъ ученикамъ почти никакой пользы, потому что въ этомъ случаѣ они будутъ воспринимать ихъ одною лишь памятью.

4) Сравненіе предметовъ полезно производить не только устно, но и письменно.

5) *Разницу* нужно показывать, главнымъ образомъ, при изученіи такихъ предметовъ и свойствъ, которые представляютъ большое *сходство* между собою, и потому легко спутываются одни съ другими въ умѣ учениковъ. Таковы, напр., въ грамматикѣ *опредѣленіе* и *дополненіе*, залоги *дѣйствительный* и *средній* и т. д. Напротивъ, *сходство* полезно указывать по преимуществу при изученіи предметовъ, повидимому, совершенно *различныхъ* и не имѣющихъ между собою ничего общаго. Таковы, напр., *животныя* и *растенія*, *листья*, *лепестки* и *тычинки* и т. д.

6) Сравненія предметовъ и признаковъ могутъ быть производимы прямо при первоначальномъ изученіи ихъ на томъ или другомъ урокѣ.

Но особенно полезны сравненія, производимыя по прохожденіи того или другого отдѣла науки, а болѣе всего по прохожденіи всего учебнаго предмета. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ въ распоряженіи учителя и учениковъ находится вполнѣ достаточное количество такого рода предметовъ, которые можно весьма разнообразно сопоставлять одни съ другими съ цѣлью *обобщенія* ихъ, *различенія*, *классификаціи* и т. д. Въ настоящее время повтореніе пройденныхъ отдѣловъ и даже цѣлыхъ учебныхъ предметовъ большею частью производится такъ, что воспитанники передаютъ изученный ими учебный матеріалъ въ томъ порядкѣ и вообще въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ учебникѣ и былъ пройденъ ими. Нѣкоторые преподаватели прибавляютъ къ пройденному новыя фактическія дополненія—и только. При такомъ способѣ повторенія пройденнаго ученики естественно относятся къ репетиціямъ крайне неохотно и съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда кончится такая скучная для нихъ работа. Между тѣмъ, сколько-бы внесено было въ занятія дѣтей живыхъ умственныхъ интересовъ, если-бы каждый урокъ повторенія освѣщалъ для нихъ изученный ими учебный матеріалъ съ новыхъ сторонъ, указывалъ имъ *разницу* и *сходство* тамъ, гдѣ они совсѣмъ не видѣли ихъ, обогащалъ новыми обобщеніями и т. д.

7) Нахожденіе *сходства* и *разницы* въ предметахъ и признакахъ немыслимо безъ предварительнаго точнаго и обстоятельнаго анализа ихъ. Поэтому каждый преподаватель долженъ заранѣе тщательно приготовляться къ такого рода работѣ. Иначе упражненіе дѣтей въ такой работѣ весьма легко можетъ выйти болѣе или менѣе неудачнымъ. Подготовку къ уроку лучше всего дѣлать не въ умѣ, а на бумагѣ, письменно. Чѣмъ основательнѣе будетъ производима преподавателемъ предварительная работа, тѣмъ сознательнѣе и отчетливѣе ученики усвоятъ тѣ черты *сходства* и *разницы*, на которыя будетъ обращено ихъ вниманіе на урокѣ повторенія.

Въ заключеніе настоящей статьи неизлишне указать на слѣдующія три весьма важныя, по нашему мнѣнію, соображенія:

1) Чѣмъ тщательнѣе и болѣе умѣлымъ образомъ преподаватели займутся съ дѣтьми выясненіемъ разнаго рода *сравненій* при изученіи съ ними тѣхъ или другихъ предметовъ, тѣмъ скорѣе и прочнѣе ученики будутъ запоминать проходимый ими учебный матеріалъ. Ясное и отчетливое сознаніе *сходства* и *различія* между какими-бы то ни было предметами и признаками служитъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ болѣе твердому и возможно лучшему запоминанію ихъ.

2) Одна изъ главныхъ заботъ каждаго учителя состоитъ въ томъ, чтобы ученики вполнѣ сознательно усвоили проходимый ими учебный предметъ. Когда-же забота ихъ объ этомъ скорѣе и вѣрнѣе всего можетъ быть достигнута? Тогда, когда они надлежащимъ образомъ позаботятся о томъ, чтобы ученики не только съ каждымъ словомъ и терминомъ учебника соединяли соотвѣтственныя имъ представленія, понятія и мысли, ясно понимали ту внутреннюю, логическую связь, въ какой находятся излагаемые въ учебникѣ понятія и предметы и т. д., но, сверхъ сего, отчетливо сознавали черты *сходства* и *различія* между сообщенными имъ предметами.

3) Отъ чего болѣе всего зависитъ то печальное явленіе, что ученики, не смотря на то, что рѣдко весьма отчетливо усваиваютъ свѣдѣнія по исторіи, географіи, литературѣ, физикѣ, естествовѣдѣнію и т. д., тѣмъ не менѣе крайне плохо умѣютъ пользоваться ими, напр., въ своихъ сочиненіяхъ, въ выработкѣ правильныхъ нравственно-общественныхъ идеаловъ и т. д.? Одна изъ главныхъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что воспитанники воспринимаютъ сообщаемый имъ учебный матеріалъ по каждой наукѣ только въ томъ видѣ, какъ изложенъ онъ въ учебникѣ, причемъ не дѣлается никакихъ сопоставленій изученныхъ предметовъ, фактовъ, понятій и мыслей не только съ предметами, фактами, понятіями и мыслями, находящимися въ другихъ родственныхъ съ ними наукахъ и искусствахъ, но даже и въ предѣлахъ одной и той-же науки. Вслѣдствіе этого каждое усвоенное воспитанниками свѣдѣніе является въ ихъ умѣ болѣе или менѣе изолированнымъ, ничѣмъ или весьма мало связаннымъ съ другими свѣдѣніями. Такія свѣдѣнія неизбѣжно становятся совершенно мертвымъ умственнымъ капиталомъ. Чтобы знанія учениковъ по каждой наукѣ были для нихъ живымъ, производительнымъ капиталомъ, необходимо при сообщеніи имъ этихъ знаній возможно многостороннѣе и чаще сопоставлять ихъ одни съ другими.

В. Зимницкій.

Объ обученіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ дѣтей въ Россіи.

I.

Методы воспитанія и обученія, выработанные для нормально развитыхъ дѣтей, конечно, въ большинствѣ случаевъ непригодны для несчастныхъ, обиженныхъ природою существъ—слѣпыхъ и глухонѣмыхъ дѣтей. Такимъ образомъ, чтобы воспитывать и обучать слѣпыхъ и глухонѣмыхъ дѣтей, педагогамъ пришлось вырабатывать новые методы, отыскивать новые пути.

По нашему мнѣнію, нигдѣ искусство педагогіи не достигаетъ такого высокаго совершенства, какъ въ воспитаніи и обученіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка слѣпого научить читать и писать, а глухонѣмого—говорить?.. Ничто такъ не удивляетъ простого человѣка, какъ то, что слѣпые выучиваются читать и писать. Какъ? Слѣпые читаютъ книги и могутъ переписываться со зрячими? спроситъ иной читатель. Да! Для слѣпыхъ печатаются особыя книги, и они читаютъ эти книги. Для слѣпыхъ существуютъ особыя библіотеки—при учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ слѣпыхъ.

Какъ-же слѣпые выучиваются грамотѣ?

Благодаря любезности г. Недлера, директора Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ, я посѣтилъ это любопытное учебно-воспитательное заведеніе, былъ на урокахъ слѣпыхъ дѣтей, и теперь могу подѣлиться съ читателемъ своими впечатлѣніями.

Зданіе Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ недавно отстроено и освящено въ 1890 году *). Оно помѣщается на Аптекарскомъ островѣ, по Песочной улицѣ—въ Петербургѣ. Училище разсчитано на 120 слѣпыхъ дѣтей—60 мальчиковъ и 60 дѣвочекъ.

У входа въ училище помѣщены двѣ большія мраморныя доски съ слѣдующею надписью: «Александро-Маріинское училище слѣпыхъ построено на частныя пожертвованія въ 1888—1889 годахъ, состоя подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны,

---

*) Зданіе это, какъ и самое Александро-Маріинское училище возникло по иниціативѣ неутомимаго въ своей дѣятельности на пользу слѣпыхъ статсъ-секретаря К. К. Грота, какъ и все, что сдѣлано у насъ въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе для воспитанія и обученія слѣпыхъ и для улучшенія положенія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. *Ред.*

а на содержаніе его опредѣлены, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра III отъ 14 іюля 1888 года, проценты съ капитала въ одинъ милліонъ, назначеннаго Императоромъ Александромъ II на богоугодное дѣло въ память Императрицы Маріи Александровны». Надпись эта сдѣлана золотымъ шрифтомъ, на одной доскѣ—обыкновенными буквами, на другой—точечнымъ шрифтомъ Брайля—для слѣпыхъ, но на обѣихъ доскахъ—выпукло, для того, чтобы эти надписи могли быть прочитаны слѣпыми.

Самое зданіе построено въ три этажа. На переднемъ фасадѣ—вывѣска съ надписью: «Александро-Маріинское училище для слѣпыхъ дѣтей». Роскошная лѣстница ведетъ во всѣ этажи училища. Въ «передней», по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, стоятъ два бронзовыхъ бюста. На пьедесталѣ одного изъ нихъ простая надпись: «Гай, 1742—1822 г.», на пьедесталѣ другого бюста—«Брайль, 1809—1852 г.». Это—имена двухъ знаменитыхъ педагоговъ, не мало потрудившихся на пользу слѣпыхъ вообще. При училищѣ имѣется домовая церковь, которая можетъ вмѣстить около 160 молящихся. Вокругъ всей церкви, подъ потолкомъ, идетъ бордюромъ надпись крупнымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ—повѣствованіе изъ Св. Евангелія объ изцѣленіи слѣпорожденнаго.

Слѣпыя дѣти принимаются въ пріютъ лѣтъ 10—12.

Малолѣтнихъ обучаютъ грамотѣ учительницы: предполагается, что у нихъ больше терпѣнія и состраданія къ несчастнымъ, чѣмъ у гг. учителей.

Обученіе грамотѣ слѣпого идетъ медленно, буквально «ощупью». Что зрячій ребенокъ усваиваетъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то для слѣпого дается въ годъ, два и болѣе.

Природа, лишивъ слѣпого зрѣнія, наградила его взамѣнъ этого прекраснымъ слухомъ и осязаніемъ. Въ школѣ эти чувства развиваются у слѣпыхъ дѣтей до удивительнаго совершенства. Слѣпыя дѣти выучиваются читать при помощи осязанія, такъ что, въ этомъ отношеніи, про нихъ можно сказать, что зрѣніе у нихъ помѣщается на концахъ пальцевъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обученію грамотѣ, у слѣпыхъ стараются развить чувствительность на концахъ пальцевъ. Для чтенія книгъ обыкновенной природной чувствительности кончиковъ пальцевъ недостаточно. При помощи особыхъ упражненій эту чувствительность развиваютъ до высокаго совершенства.

Обученіе слѣпыхъ дѣтей грамотѣ начинаютъ съ «приготовительнаго класса», гдѣ цѣлый годъ дѣти практикуются исключительно въ развитіи чувства осязанія.

Любопытно присмотрѣться къ процессу обученія слѣпыхъ дѣтей. Я вошелъ въ классъ во время учебныхъ занятій. За довольно большимъ столомъ сидѣло человѣкъ двадцать слѣпыхъ дѣтей, лѣтъ 10—12: по одну сторону стола—мальчики, а по другую—дѣвочки. Учительница занимала мѣсто въ концѣ стола. Мой приходъ нисколько не смутилъ дѣтей, потому что они меня не видѣли и продолжали свои занятія какъ ни въ чемъ не бывало.

Странное впечатлѣніе производитъ классъ слѣпыхъ дѣтей! Вы сразу чувствуете, что попали въ особый дѣтскій міръ. Шумной дѣтской шалости и рѣзвости здѣсь не существуетъ. Не слышно бойкихъ отвѣтовъ. Взамѣнъ всего этого, царитъ томительная тишина. Слѣпыя дѣти, мальчики и дѣвочки, съ блѣдненькими личиками, погружены въ разныя ручныя работы, которыя для насъ, зрячихъ людей, кажутся переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, а между тѣмъ для нихъ имѣютъ громадное значеніе.

На подобіе Фребелевскихъ игръ, придумана цѣлая система ручныхъ работъ для изощренія осязанія на концахъ пальцевъ. Эти работы, по мѣрѣ сложности ихъ, идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) нанизываніе стеклянныхъ бусъ на нитку; 2) вышиваніе по доскѣ, снабженной дырочками, расположенными правильными рядами; 3) вышиваніе по бумагѣ; 4) сортировка разныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ: овса, пшеницы, ячменя, перловой крупы, а также гороха, бобовъ и т. д.; 5) плетеніе шнурковъ; 6) вязаніе на спицахъ—чулковъ; 7) постройка изъ деревянныхъ кубиковъ; 8) работы изъ горошинъ и лучинокъ; 9) лѣпка изъ глины—для развитія мускуловъ на пальцахъ.

Смотря по успѣхамъ, слѣпыя дѣти занимаются одновременно разными работами: одни, напримѣръ, нанизываютъ бусы на нитку, другіе сортируютъ сѣмена, третьи вышиваютъ по доскѣ и т. д. На столѣ лежатъ бусы, нитки, иголки, въ блюдечкахъ—сѣмена, и т. п. Слѣпые работаютъ молча. Взявъ иголку съ ниткой, слѣпой нанизываетъ бусы. Онъ ощупываетъ въ бусинѣ дырочку и продѣваетъ въ нее иголку. Учительница обходитъ столъ, слѣдя за работами. Бусы сперва даются большія, а потомъ, все мельче и мельче; нитка сперва продѣвается въ бусину при помощи иголки, а потомъ—безъ иголки. Продѣлывая это упражненіе изо дня въ день, слѣпые достигаютъ, наконецъ, такого совершенства, что продѣваютъ нитку въ иголку. Вотъ, напр., одна слѣпая дѣвочка продѣваетъ наощупь нитку въ иголку. Держа ушко иголки въ лѣвой рукѣ между пальцами, она разъ десять продѣвала нитку въ ушко иголки, но все безуспѣшно. Но какъ трудолюбивый муравей не останавливается ни передъ какими препят-

ствіями, такъ точно и слѣпая дѣвушка, послѣ неимовѣрныхъ усилій, наконецъ продѣла нитку въ иголку.

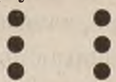
Въ приготовительномъ классѣ чувство осязанія на концахъ пальцевъ изощряется настолько, что можно уже приступить къ чтенію и письму, чѣмъ и занимаются въ слѣдующемъ классѣ.

Обученіе чтенію начинается съ анализа человѣческой рѣчи. Слѣпыя дѣти начинаютъ различать *слова* отъ самыхъ *предметовъ*. Затѣмъ слова разчленяются на слоги и звуки. Когда слѣпыя дѣти составятъ понятіе о членораздѣльныхъ звукахъ человѣческой рѣчи, тогда имъ *даютъ въ руки* буквы,—именно даютъ, чтобы они ощупали, а не пишутъ ихъ на бумагѣ, какъ это дѣлается для зрячаго ребенка.

Какъ извѣстно, для слѣпыхъ придумана особая точечная система письма и печатанія книгъ, называемая, по имени ея изобрѣтателя, системою или азбукою Брайля. Она изобрѣтена въ 1829 году французскимъ слѣпцомъ Луи Брайлемъ, бывшимъ воспитанникомъ Парижскаго института слѣпыхъ. Въ Парижѣ Брайлю поставленъ памятникъ, на которомъ знаменитый слѣпой профессоръ изображенъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ, тоже слѣпцомъ, котораго онъ выучилъ читать и писать по новой методѣ.

Въ настоящее время система Брайля, рекомендованная международнымъ конгрессомъ учителей и воспитателей слѣпыхъ въ 1878 году, распространена во всей Западной Европѣ и принята у насъ, въ Россіи. Въ Англіи точечнымъ шрифтомъ напечатано до 20.000 экземпляровъ книгъ для слѣпыхъ.

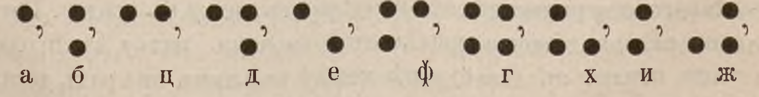
Въ основаніе системы Брайля взято шесть точекъ, расположенныхъ въ видѣ прямаго четыреугольника:

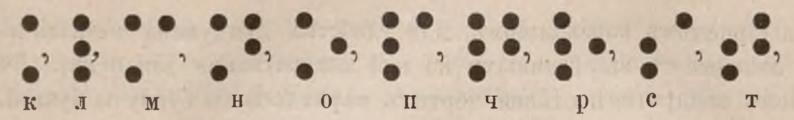
Цифрами послѣдовательность точекъ можно выразить такъ:

1 — 2
3 — 4
5 — 6.

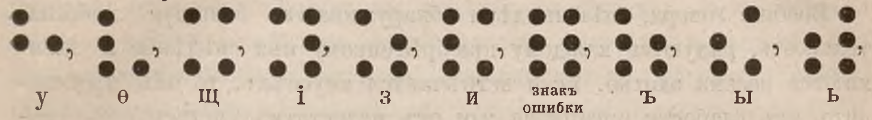
Изъ этихъ шести точекъ можно составить 62 различныхъ комбинаціи. Для русской азбуки достаточно и 36 знаковъ. Приводимъ азбуку Брайля для русскихъ слѣпыхъ:

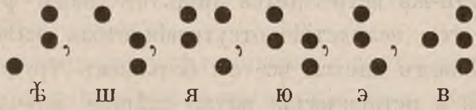
Если къ этой строкѣ съ лѣвой стороны внизу прибавимъ по точкѣ, то получимъ новый рядъ буквъ:

Третья строка составляется изъ первой-же—прибавленіемъ двухъ точекъ внизу:

Затѣмъ остаются еще буквы:

По изслѣдованію спеціалистовъ-педагоговъ, посвятившихъ себя воспитанію слѣпыхъ дѣтей, главное преимущество азбуки Брайля то, что она легко читается: выпуклыя и раздѣльныя точки на бумагѣ ощупываются яснѣе, чѣмъ закругленныя сплошныя линіи.

Страницы книгъ, отпечатанныхъ по системѣ Брайля, зрячему человѣку представляются безчисленнымъ множествомъ выпуклыхъ точекъ, расположенныхъ параллельными рядами.

Книги для слѣпыхъ печатаются только съ одной стороны страницы: строки текста выдавливаются съ противоположной стороны страницы, которая поэтому пустуетъ.

Для обученія грамотѣ—буквы алфавита сдѣланы на маленькихъ деревянныхъ пластинкахъ: для каждой буквы отдѣльная пластинка. Рельефныя точки изображены булавочными головками.

По мѣрѣ изученія буквъ, складываютъ отдѣльныя слова; затѣмъ переходятъ къ чтенію по книгѣ. Приступая къ чтенію, слѣпой кладетъ обѣ руки на книгу и концами пальцевъ ощупываетъ буквы: буквы складываетъ въ слога, изъ слоговъ составляютъ слова, а изъ словъ—фразы. Вслѣдствіе превосходно развитаго чувства осязанія, слѣпые читаютъ сравнительно довольно скоро. Но все-таки слѣпому не угнаться за зрячимъ, потому что зрячій читаетъ сразу цѣлыми словами или понятіями, а слѣпой—послѣдовательно, буква за буквой. Онъ ощупываетъ буквы, точно бисеръ перебираетъ на ниткѣ.

Въ литературномъ отношеніи точечная азбука Брайля разобщаетъ слѣпыхъ отъ зрячихъ: книги, напечатанныя для слѣпыхъ, зрячіе люди читать не могутъ. Но слѣпой слѣпому пишетъ письмо не иначе, какъ по точечной системѣ, выдавливая буквы остріемъ палочки (грифеля и даже карандаша) на бумагѣ. Слѣпой зрячему пишетъ печат-

нымъ шрифтомъ карандашомъ. Для удобства придумана металлическая линейка съ вырѣзанными на ней квадратиками для буквъ. Въ каждомъ квадратикѣ слѣпой чертитъ карандашомъ букву за буквой.

Научившись читать и писать, слѣпыя дѣти приступаютъ къ знакомству съ другими общеобразовательными предметами.

Вообще говоря, слѣпыя дѣти обнаруживаютъ большую любознательность, радуются каждому пріобрѣтенному ими свѣдѣнію и занимаются весьма охотно. Если встрѣчается неуспѣхъ, то онъ происходитъ отъ слабости организма или отъ недостатка умственныхъ способностей. Лѣность-же встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Понятно, что, вслѣдствіе отсутствія столь важнаго чувства, какъ зрѣніе, слѣпымъ дается все съ большимъ трудомъ.

Законъ Божій и историческія науки слѣпые изучаютъ такъ-же, какъ и зрячіе, т.-е. на слухъ, со словъ преподавателя, а потомъ уже по книгѣ, по принятому руководству. Впрочемъ, и тутъ встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія. Такъ, напр., на урокахъ естественной исторіи постоянно приходится напоминать, чтобы слѣпые не смѣшивали модели выставленныхъ животныхъ съ самими животными, чтобы они не отождествляли величину модели съ величиною изображаемаго животнаго. О внѣшнемъ видѣ животнаго, его окраскѣ, напр., цвѣтѣ шерсти и т. п., слѣпые, конечно, не имѣютъ никакого понятія. Имъ доступно только понятіе о внѣшней формѣ животнаго; на урокѣ слѣпые тщательно ощупываютъ модели.

Преподаваніе географіи встрѣчаетъ не мало затрудненій. Въ обыкновенномъ классѣ зрячихъ дѣтей учитель объясняетъ урокъ географіи при помощи большой стѣнной карты, при чемъ весь классъ можетъ слѣдить за преподаваніемъ. Но со слѣпыми другое дѣло: ученики могутъ изучать карту только посредствомъ осязанія, поочереди.

Изъ этого слѣдуетъ, что классное преподаваніе по стѣннымъ картамъ для слѣпыхъ—вещь невозможная. Необходимо, чтобы каждый слѣпой имѣлъ передъ собою географическую карту. Такъ оно и ведется. Географическія карты для слѣпыхъ рельефныя. Рѣки обозначены углубленными бороздками, горы—возвышеніями, города—вколоченными гвоздями. Маленькіе города обозначены маленькими гвоздями, большіе — большими гвоздями. Такъ, напр., Петербургъ обозначенъ большимъ гвоздемъ, вколоченнымъ при впаденіи Невы въ Финскій заливъ.

Изучая географію, слѣпые, подобно зрячимъ, начинаютъ съ плана классной комнаты. Этотъ планъ они наносятъ на картонъ при помощи нитокъ и булавокъ.

Преподаваніе геометріи немыслимо безъ чертежей. Чертежъ наглядно уясняетъ геометрическую истину. Недаромъ древніе геометры, чтобъ доказать какую-нибудь геометрическую истину, чертили чертежъ, а внизу подписывали: «зри!» Для слѣпыхъ дѣтей геометрическій чертежъ, начертанный мѣломъ на классной доскѣ, не существуетъ: они его не могутъ ни видѣть, ни осязать. За-то слѣпые ученики могутъ составлять геометрическія фигуры на подушкахъ посредствомъ булавокъ и шнурковъ, или употребляя проволоку. Такимъ образомъ, мы видимъ, что осязаніе служитъ главнымъ проводникомъ многихъ знаній, получаемыхъ слѣпыми: оно восполняетъ собою недостатокъ зрѣнія у слѣпыхъ.

Внѣклассное время слѣпые занимаются разными ремеслами, для чего существуютъ ремесленныя мастерскія. Едва раздается звонокъ, а часто даже и раньше, какъ они съ необыкновеннымъ рвеніемъ стремятся въ мастерскія; нерѣдко они просятъ разрѣшенія поработать въ мастерскихъ и въ часы отдыха. Слѣпой—работникъ хорошій: исполнительный, аккуратный, любящій свое дѣло; главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ работаетъ медленно.

Въ мастерскихъ выдѣлываютъ: корзины, половики, ковры, стульныя сидѣнія, щетки; въ женской рукодѣльнѣ вяжутъ чулки, носки, рукавицы и т. п.

Въ свободное отъ занятій время дѣти занимаются музыкой, пѣніемъ, играми, чтеніемъ книгъ; нѣкоторыя переписываютъ для себя изъ книгъ или сочиненій, которыя имъ почему-либо особенно понравились. Кромѣ того, слѣпымъ читаютъ вслухъ. Дѣти собираются въ классъ, садятся за столы, и преподаватель или воспитатель имъ читаетъ. Слѣпцы слушаютъ внимательно, что̀ видно по ихъ сосредоточеннымъ физіономіямъ; они стараются не проронить ни одного слова изъ прочитаннаго. Изъ книгъ ихъ особенно интересуютъ поэтическія произведенія.

Зимою дѣти катаются на каткѣ и съ горки. Самою любимою игрою оказываются и у слѣпыхъ «шашки» (выпуклыя), а также лото, домино, «взятіе крѣпости» и т. п.

Въ видахъ укрѣпленія физическаго здоровья слѣпыхъ, въ пріютѣ заведена гимнастика.

Въ Александро-Маріинскомъ училищѣ имѣется библіотека книгъ для слѣпыхъ, не только для своихъ питомцевъ, но и на продажу. Книги отпечатаны: 1) точечной азбукой по системѣ Брайля и 2) унціаломъ. Унціальныя изданія древнѣе, чѣмъ изданія по точечной системѣ. Французу Валентину Гаю пришла счастливая мысль выдавливать на

бумагѣ рельефные знаки. Въ 1784 году онъ началъ печатать книги для слѣпыхъ рельефными буквами. Для печатанія онъ пользовался буквами латинскаго алфавита, при этомъ употреблялся крупный, такъ-называемый унціальный шрифтъ, высотою въ 1 дюймъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ печатаніе унціальнымъ шрифтомъ практиковалось въ Парижскомъ институтѣ слѣпыхъ; затѣмъ онъ появился въ Англіи, гдѣ въ 1834 г. напечатано унціалами евангеліе отъ Матѳея. Въ Россіи первыя книги для слѣпыхъ напечатаны были тоже унціаломъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ Петербургѣ. Въ 1882 году унціаломъ напечатано: 1) святое евангеліе отъ Матѳея, цѣна 7 руб.; 2) статьи изъ «Дѣтскаго Міра», Ушинскаго, цѣна 7 руб.; 3) первая книга чтенія для слѣпыхъ. Затѣмъ стали печатать книги шрифтомъ Брайля, сперва въ Берлинѣ, по заказу, а потомъ въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Типографія Экспедиціи подарила шрифтъ и принадлежности тисненія книгъ для слѣпыхъ Александро-Маріинскому училищу, гдѣ теперь книги и печатаются. Въ настоящее время поименованное училище является, между прочимъ, единственнымъ книжнымъ магазиномъ для слѣпыхъ въ Россіи.

Кромѣ упомянутыхъ унціальныхъ изданій, здѣсь шрифтомъ Брайля отпечатаны и продаются слѣдующія книги: «Евангеліе отъ Луки», «Книжка для чтенія шрифта Брайля», «Царствованіе императора Александра I», «Русская исторія для начальныхъ школъ», Горбова, «Христіанскій православный катихизисъ», «Ежедневныя молитвы», «Басни Крылова», «Разсказы изъ Ветхаго Завѣта», «Элементарная зоологія», Сентъ-Илера и т. д. Всего 20 названій книгъ. Независимо отъ печатанія книгъ типографскимъ способомъ, въ 1888 году, въ Петербургѣ, при училищѣ слѣпыхъ основался дамскій кружокъ переписыванія книгъ для слѣпыхъ точечнымъ шрифтомъ Брайля. Всѣхъ участвующихъ въ кружкѣ до 70 человѣкъ, благодаря трудамъ которыхъ переписано до 500 томовъ. Переписываніе книги для слѣпыхъ—очень кропотливая работа, потому что каждая буква точечнаго шрифта пишется въ нѣсколько пріемовъ руки. Почти всѣ русскіе классическіе писатели переписаны для слѣпыхъ.

Вслѣдствіе печатанія (и письма) на одной только сторонѣ страницы, книги для слѣпыхъ выходятъ слишкомъ большими по объему, чему способствуетъ и самый шрифтъ, который, какъ мы уже сказали, гораздо крупнѣе общепринятаго. Напр., «Мертвыя души», Гоголя, печатаются въ XVI томахъ. «Наша метода письма и печатанія,—говоритъ Брайль,—занимаетъ столько мѣста на бумагѣ, что

мысли наши должны быть выражаемы самымъ малымъ количествомъ словъ». За-то въ отношеніи чтенія книгъ слѣпые въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ преимущество передъ зрячими: слѣпые могутъ читать книгу по ночамъ, при абсолютной темнотѣ, водя пальцами по страницамъ.

Чтеніе имѣетъ громадное образовательное значеніе для слѣпыхъ. Книга—лучшій другъ слѣпого. Она открываетъ передъ нимъ невѣдомые горизонты. Благодаря книгѣ, слѣпой проникаетъ въ душевный міръ человѣка; ему становится доступно умственное богатство человѣчества, накопленное вѣками,—наука и литература.

Отличаясь хорошимъ слухомъ, слѣпые охотно занимаются музыкою—пѣніемъ, игрою на фортепіано, на скрипкѣ и т. п. Въ пріютѣ организованъ хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ въ 40 человѣкъ. Ежегодно, во время рождественскихъ праздниковъ, въ пріютѣ устраивается «ёлка» и «домашній концертъ», на которомъ подвизаются слѣпые виртуозы.

II.

Теперь перейдемъ къ обученію и воспитанію глухонѣмыхъ дѣтей.

Печальна участь глухонѣмого. Для него въ природѣ царитъ гробовая тишина; для него не существуетъ звуковъ: будь то хоть слабый шумъ вѣтра или страшные раскаты грома — все равно, онъ глухъ къ этимъ звукамъ. Для глухонѣмого оправдывается древній афоризмъ, что безъ живого уха нѣтъ звуковъ.

Врожденная глухота ведетъ за собою и другое несчастіе — нѣмоту. Съ первыхъ-же дней своей несчастной жизни глухонѣмой ребенокъ не слышитъ человѣческой рѣчи, не замѣчаетъ ея. Онъ холодно смотритъ на ласки матери, не слыша ея нѣжныхъ рѣчей. Не слыша человѣческой рѣчи, глухонѣмой не можетъ выучиться и говорить. Человѣческая рѣчь, съ ея неистощимымъ умственнымъ богатствомъ, для него не доступна Міръ поэзіи и философіи для него сокрытъ навсегда. Съ своей точки зрѣнія, глухонѣмой смотритъ какъ на человѣка, такъ и на животныхъ одинаково: и тѣ, и другія для него безмолвствуютъ.

Для философа глухонѣмые уже издавна представляли собою благодарную тему для наблюденія и размышленія, а для педагога—обширное поле для практической дѣятельности. Въ древности, когда умственныя способности глухонѣмыхъ были мало извѣстны, когда на этихъ несчастныхъ родители ихъ смотрѣли какъ на наказаніе Божіе, думали, что глухонѣмые неспособны къ образованію, такъ

какъ они лишены слуха—чувства, которымъ воспринимается образованіе. Даже Кантъ придерживался мнѣнія, что самое бо̀льшее, чего можетъ достигнуть нѣмой отъ рожденія, будетъ только нѣчто аналогичное разсудку. Но съ учрежденіемъ институтовъ, учителя глухонѣмыхъ доказываютъ, что когда воспитаніе организовано правильно и глухонѣмые научены читать и писать, то ихъ умственныя способности могутъ быть развиты почти до уровня образованности тѣхъ людей, которые съ дѣтства владѣютъ даромъ слова.

Предоставленные самимъ себѣ, глухонѣмые объясняются другъ съ другомъ жестикуляціей и мимикой. Они выработали своеобразный языкъ жестовъ. Этотъ языкъ чрезвычайно краснорѣчивъ, потому что глухонѣмые умѣютъ схватить главное, основное свойство или впечатлѣніе предмета. Притомъ, ихъ языкъ носитъ міровой, универсальный характеръ: глухонѣмые разныхъ національностей могутъ объясняться другъ съ другомъ весьма удовлетворительно. Вотъ, напр., нѣкоторые знаки глухонѣмыхъ: очертаніе въ воздухѣ двумя руками крыши и стѣнъ означаетъ домъ; *мужчина* обозначается подражаніемъ сниманія шляпы; *ребенокъ* — няньченіемъ праваго локтя на лѣвой рукѣ; *говорить* выражается движеніемъ губъ; закрыть двумя пальцами ротъ означаетъ *молчать*; понятіе о Богѣ выражается указаніемъ на небо; *вѣчность*—кругомъ, начерченнымъ въ воздухѣ; *секунды*—множествомъ точекъ въ воздухѣ. Въ Берлинскомъ институтѣ глухонѣмыхъ подобныхъ знаковъ насчитывалось до 5.000.

Для обученія глухонѣмыхъ существуетъ два метода. Первый изъ нихъ былъ примѣненъ во Франціи аббатомъ Лэпе и введенъ тамъ во всѣхъ училищахъ глухонѣмыхъ. Этотъ методъ называется мимическимъ и заключается въ томъ, что глухонѣмые передаютъ свои представленія, понятія и движенія воли жестами и мимическими знаками, систематически подобранными и методически разработанными. Языкъ знаковъ, такъ сказать, родной языкъ глухонѣмыхъ. Лучшіе наблюдатели говорятъ, что глухонѣмые сами развиваютъ и культивируютъ этотъ языкъ.

Второй методъ, первоначально изобрѣтенный въ Испаніи, но научно разработанный въ Германіи,—есть методъ устной рѣчи. Онъ состоитъ въ томъ, что глухонѣмыя дѣти, точно такъ же какъ и всякій нормальный ребенокъ, обучаются выражать свои желанія и понятія устною рѣчью, къ чему они имѣютъ всѣ нужные голосовые и звуковые органы.

Оба эти метода вводились въ Европѣ почти одновременно, такъ какъ аббатъ Лэпе открылъ свое заведеніе въ Парижѣ въ 1760 г.,

а Гейнике, послѣдователь членораздѣльнаго метода, призванъ былъ къ учрежденію въ Лейпцигѣ перваго германскаго института глухонѣмыхъ въ 1778 году.

Членораздѣльный методъ восторжествовалъ. Современные педагоги-спеціалисты по обученію глухонѣмыхъ выучиваютъ ихъ говорить, читать, писать и даже декламировать цѣлыя стихотворенія... Остается только, чтобы глухонѣмой явился передъ публикою въ качествѣ оратора. Впрочемъ, время отъ времени въ Европѣ устраиваются международные конгрессы глухонѣмыхъ, и тамъ, конечно, бываютъ свои ораторы...

Въ Россіи числится до 100.000 глухонѣмыхъ, учебныхъ-же пріютовъ имѣется только пять.

Чтобы имѣть понятіе о методѣ обученія глухонѣмыхъ, познакомимся съ «Институтомъ глухонѣмыхъ въ Петербургѣ».

Цѣль С.-Петербургскаго училища для глухонѣмыхъ — двоякая: 1) содѣйствовать распространенію въ Россіи обученія глухонѣмыхъ; 2) служить образцомъ для подобныхъ-же заведеній въ отечествѣ. Училище разсчитано на 100 мальчиковъ и 60 дѣвочекъ.

Возрастъ для пріема опредѣляется не ранѣе семи и не старѣе девяти лѣтъ. Пріемные экзамены для глухонѣмыхъ состоятъ въ томъ, что каждый новичокъ, прежде чѣмъ поступить въ заведеніе, находится въ этомъ послѣднемъ въ продолженіи трехъ дней на испытаніи. Въ это время воспитатели слѣдятъ за его наклонностями и привычками. Главная цѣль заключается въ томъ, чтобы выдѣлить дѣтей безусловно слабоумныхъ и идіотовъ. Обыкновенно, во время игръ, товарищи сами отмѣчаютъ такихъ субъектовъ. Кромѣ того, родителямъ глухонѣмыхъ предлагаютъ вопросные пункты, на которые они должны отвѣтить письменно «съ полною откровенностью и возможною полнотою». Вотъ нѣкоторые вопросы. «Когда замѣчена глухота въ ребенкѣ? На которомъ году онъ потерялъ слухъ? Различаетъ-ли дитя слова, слышитъ-ли шумъ, или совершенно не слышитъ ничего? Произноситъ-ли что-нибудь дитя: звуки какіе-нибудь или цѣлыя слова? Какъ дитя вело себя въ семьѣ? Какія проявляло склонности? Какого нрава, нѣтъ-ли особыхъ привычекъ? Не было-ли какихъ особыхъ обстоятельствъ при рожденіи его или во время беременности матери? и т. п.

Въ училище глухонѣмыхъ принимаются дѣти всѣхъ состояній безплатно. Кромѣ того, принимаютъ дѣтей и съ платою. Когда число прошеній о помѣщеніи въ училище превосходитъ количество имѣющихся вакансій, то прежде всего удовлетворяютъ просьбы лицъ о помѣщеніи круглыхъ сиротъ или полусиротъ; засимъ свободныя мѣста

распредѣляются между просителями—по жребію, производимому разъ въ годъ, по окончаніи выпуска воспитанниковъ.

Заведеніе содержится на проценты съ капитала въ 1.000.000 рублей, завѣщаннаго Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Кромѣ того, казна ежегодно отпускаетъ 35.000 рублей, такъ что на содержаніе училища глухонѣмыхъ ежегодно расходуется 85.000 рублей.

Въ учебный курсъ входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, причемъ терминологія обыденной жизни и того ремесла, которому они себя посвятили, должна быть ими усвоена вполнѣ; ариѳметика заканчивается знакомствомъ съ простыми дробями; геометрія—въ приложеніи на практикѣ; исторія—разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ; географія Россіи; общія свѣдѣнія о явленіяхъ природы; чистописаніе и рисованіе.

Кромѣ образовательныхъ предметовъ, глухонѣмыхъ обучаютъ въ училищѣ и разнымъ техническимъ ремесламъ: плетенію корзинъ, картонажному, столярному, слесарному, токарному, переплетному и типографскому искусству; для послѣдняго имѣется небольшая печатная машина. Всѣ книги для училища переплетаются самими глухонѣмыми, они работаютъ даже на сторону, по заказу. Въ слесарной мастерской занимаются изготовленіемъ и починкою замковъ.

Дѣвушки-глухонѣмыя въ мастерской занимаются рукодѣліемъ: вяжутъ чулки, шьютъ бѣлье и т. п. Все бѣлье для училища шьется самими воспитанницами.

Посмотримъ, какъ обучаютъ глухонѣмыхъ устной рѣчи?

Въ Россіи обученіе глухонѣмыхъ устной рѣчи введено недавно, лѣтъ пять тому назадъ. Прежде всего замѣтимъ, что каждый воспитатель, онъ-же и учитель, имѣетъ въ своемъ отдѣленіи только 8—10 глухонѣмыхъ, такъ какъ эти ненормальныя дѣти требуютъ постояннаго и личнаго занятія съ каждымъ изъ нихъ. Всѣ спеціалисты-писатели и оба международные конгресса глухонѣмыхъ высказались въ томъ смыслѣ, что для хорошихъ успѣховъ въ преподаваніи глухонѣмымъ нужно, чтобы въ каждомъ школьномъ отдѣленіи было никакъ не больше восьми человѣкъ.

Войдемъ въ классъ. Учитель вызвалъ всѣхъ глухонѣмыхъ на средину класса и поставилъ ихъ въ одну шеренгу. Разными жестами онъ сказалъ имъ, чтобы они смотрѣли на его ротъ. Всѣ глухонѣмые съ напряженнымъ вниманіемъ стали смотрѣть на физіономію учителя. Казалось, они готовы были вскочить ему въ ротъ. Учитель сталъ посрединѣ шеренги, обернулся къ нимъ лицомъ, открылъ широко ротъ, какъ это бываетъ во время зѣвоты, и громко и отчетливо произнесъ

звукъ *А*.—Надо замѣтить, что учитель обладаетъ превосходной личной мимикой. Всѣ глухонѣмые послѣдовали его примѣру и открыли свои рты. Учитель обошелъ шеренгу, чтобы убѣдиться, достаточно-ли широко разинули они рты и соотвѣтствуетъ-ли относительное положеніе губъ и языка, чтобы получился звукъ именно *А*, а не *О* или *У*, или какой-нибудь другой звукъ. Онъ смотрѣлъ въ ротъ каждаго глухонѣмого. Убѣдившись, что рты для звука *А* поставлены довольно вѣрно, учитель приказалъ глухонѣмымъ произнести звукъ *А*. Тутъ произошло нѣчто неописуемое. Глухонѣмые стали издавать звуки, непривычные для нашего уха. Преобладали непріятные гортанные звуки: «Ге, хэ... у!..—Аа, ге...» Многіе все-таки звукъ *А* произнесли довольно правильно, по-человѣчески. Малоуспѣшныхъ глухонѣмыхъ учитель бралъ за руку и подносилъ ее къ своему горлу.

— Вотъ, смотри: *а*!..—широко раскрывъ ротъ, произноситъ учитель.

Глухонѣмой, приложивъ ладонь руки къ горлу учителя, внимательно смотритъ ему въ ротъ.

— Кге... хэ!..

— Нѣтъ!—Учитель въ знакъ отрицанія мотаетъ головой.

— Га... ха!..

— Нѣтъ, не такъ!

— А... а!..—Послѣ неимовѣрныхъ усилій выкрикиваетъ, наконецъ, глухонѣмой, и на его лицѣ промелькнула радостная улыбка.

Не слѣдуетъ забывать, что хотя глухонѣмой и произнесъ звукъ *А*, но его онъ все-таки не слышитъ, для него существуетъ только извѣстная комбинація органовъ человѣческой рѣчи, т.-е. губъ, языка, и т. д. При этомъ принимается въ разсчетъ даже напряженіе голосовыхъ связокъ, о которомъ онъ удостовѣряется, прикладывая свою руку къ горлу учителя. Для всякаго глухонѣмого произнесенный имъ звукъ *А* представляетъ собою неизвѣстный *x*, который онъ принимаетъ на вѣру.

Подобнымъ-же образомъ разучиваются и всѣ остальные гласные и согласные звуки членораздѣльной рѣчи. Это изученіе отдѣльныхъ звуковъ представляетъ для глухонѣмого фундаментъ для умѣнья говорить, и потому надъ звуками сидятъ подолгу и разучиваютъ ихъ основательно. Разучивъ три, четыре звука, учитель убѣждается, помнятъ-ли они ихъ, и для этого спрашиваетъ звуки наразбивъ.

— О-о!..—говоритъ учитель.

Глухонѣмой видитъ, что учитель сложилъ губы въ видѣ фигуры буквы О, настраиваетъ свои губы на подобный ладъ, легкія начи-

наютъ работать, и получается довольно точная копія съ оригинала, т.-е. звукъ О.

— У-у!..—выкрикиваетъ учитель.

Глухонѣмые смотрятъ на его губы, угадываютъ, какой онъ произноситъ звукъ. Они тотчасъ сообразили въ чемъ дѣло. Губы сложены въ трубочки и еще больше, даже до смѣшного, вытянуты впередъ.

— У!.. у! у!..

— Такъ, такъ, молодцы!—хвалитъ ихъ учитель.

По мѣрѣ изученія звуковъ, глухонѣмые составляютъ слоги и, наконецъ, слова.

Человѣческое слово представляется для глухонѣмого новымъ пришельцемъ въ его душевный міръ. Какъ только слово произнесено, учитель тотчасъ-же показываетъ глухонѣмому соотвѣтствующій предметъ. И опять-таки слово человѣка глухонѣмой воспринимаетъ не какъ извѣстную комбинацію членораздѣльныхъ звуковъ, а какъ комбинацію сокращенія мышцъ органовъ человѣческой рѣчи. Запоминая слова, онъ запоминаетъ извѣстныя сокращенія, извѣстныя движенія мышцъ въ области рта. До чего медленно идетъ обученіе глухонѣмыхъ членораздѣльной человѣческой рѣчи, видно изъ того, что въ первомъ классѣ въ продолженіи года они изучаютъ только звуки.

Во второмъ классѣ они переходятъ къ разговору. Здѣсь глухонѣмые разговариваютъ съ учителемъ въ одиночку, отдѣльно съ каждымъ; товарищи въ это время «слушаютъ», т.-е. смотрятъ на губы говорящихъ, стараясь по движенію губъ понять смыслъ рѣчи разговаривающихъ.

Разговоръ съ глухонѣмыми ведется такъ. Учитель вызываетъ по очереди какого-нибудь глухонѣмого на средину класса. Оба они, т.-е. учитель и ученикъ, стоятъ, обратившись въ сторону остальныхъ глухонѣмыхъ, которые внимательно слѣдятъ за движеніемъ губъ то учителя, то ученика.

— Лампа виситъ! — отчеканивая каждый слогъ, произноситъ учитель.

— Лам-па ви-ситъ!..—повторяетъ глухонѣмой.

— Ивановъ, повтори ты!..

— Лам-па ви-ситъ!..

— Хо-ро-шо!..—одобряетъ учитель.

— Дерево растетъ, а камень?

— Нэтъ!..—отвѣчаетъ глухонѣмой.

— Ты, Петровъ, что скажешь?

— Нэтъ!..—повторяетъ тотъ.

Такъ мало-по-малу глухонѣмые выучиваются говорить «съ губъ».

Когда они находятся въ обществѣ другихъ людей, то они понимаютъ разговоръ по движенію губъ своихъ собесѣдниковъ.

Интонація ихъ рѣчи—холодна и лишена выразительности.

Глухонѣмые безъ особаго затрудненія выучиваются писать и читать. Кто плохо говоритъ, тѣ носятъ съ собою записную книжку и карандашъ и объясняются съ незнакомымъ собесѣдникомъ при помощи скорописи.

Въ учебномъ заведеніи для глухонѣмыхъ, когда дѣти стоятъ въ церкви, во время богослуженія, одинъ изъ нихъ выходитъ впередъ, на средину церкви, и когда надо пѣть «Отче нашъ», пѣвчіе умолкаютъ: взамѣнъ пѣнія глухонѣмой жестикуляціей читаетъ молитву Господню. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и старый, и новый методъ обученія, т.-е. мимика и устная рѣчь, практикуются одновременно. Мимика и жесты, это—естественный языкъ каждаго глухонѣмого до-школьнаго періода. Въ школѣ его обучаютъ устной рѣчи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время не только вся Европа, но и Америка начинаетъ переходить къ системѣ устной рѣчи въ обученіи глухонѣмыхъ. Въ пользу ея высказались и два международные ученые конгресса, спеціалистовъ—въ Парижѣ, въ 1878 году, и въ Миланѣ, въ 1881 году.

Обученіе глухонѣмыхъ устной рѣчи имѣетъ то преимущество, что не обособляетъ ихъ отъ прочихъ людей, тогда какъ символическіе жесты глухонѣмыхъ не для всякаго понятны. Разумѣется, впотьмахъ разговаривать съ глухонѣмымъ невозможно, ибо онъ лишенъ тогда возможности слѣдить за движеніемъ губъ разговаривающаго.

Воспитатели глухонѣмыхъ увѣряютъ, что недостатокъ естественной дѣятельности легкихъ развиваетъ весьма обыкновенную болѣзнь глухонѣмыхъ—чахотку, и что обученіе говорить звуками противодѣйствуетъ ея развитію.

А. Бахтіаровъ.

Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ.

Докладъ, читанный въ общемъ собраніи Комитета 9-го февраля 1893 г.

Мм. гг.

Прошу вашего вниманія не для доклада, а для обсужденія нѣсколькихъ положеній, отъ правильнаго обоснованія которыхъ зависитъ какъ характеръ, такъ и плодотворность участія Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. Настоятельная необходимость этихъ знаній и нравственная обязательность для Комитета грамотности содѣйствовать всѣми возможными для него мѣрами распространенію этихъ знаній—не требуютъ доказательствъ.

1) Прежде обсужденія мѣръ, наиболѣе цѣлесообразныхъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, необходимо составить ясное представленіе о тѣхъ, кѣмъ будутъ восприниматься эти знанія. Народная среда—терминъ слишкомъ общій. Среда поучаемыхъ вполнѣ отчетливо распадается на три отдѣльныхъ группы: грамотныхъ малолѣтнихъ (уч. въ начальныхъ школахъ), грамотныхъ подростковъ (обучавшихся въ школахъ), грамотныхъ взрослыхъ крестьянъ съ подавляющимъ % неграмотныхъ. Каждая изъ этихъ группъ представляетъ важныя, ей присущія, свойства, а потому требуетъ и спеціальныхъ, этимъ особенностямъ сотвѣтствующихъ мѣръ. Можетъ возникнуть вопросъ о томъ, въ равной-ли мѣрѣ важно воздѣйствіе на каждую изъ группъ, не слѣдуетъ-ли отдать преимущества той или другой изъ нихъ. При рѣшеніи этого вопроса необходимо принимать въ разсчетъ два одинаково возможныхъ фактора: 1) *Способность народной группы къ воспріятію сообщаемаго и* 2) *возможность для насъ преподать ей желаемое.*

Начнемъ съ группы малолѣтнихъ. Для каждаго занимавшагося въ народной школѣ, или даже только внимательно наблюдавшаго кресть-

янскихъ дѣтей школьнаго возраста, ихъ даровитость и воспріимчивость, не убитая ни голодомъ, ни холодомъ, ни окружающей неприглядной жизненной обстановкой, представляетъ яркую, бросающуюся въ глаза особенность. Итакъ, въ нашемъ распоряженіи готовая благодарная почва, составляющаяся изъ милліоновъ крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста.

Выдѣлимъ изъ этого милліона тотъ, увы, незначительный %, который не только по возрасту, но и въ дѣйствительности составляетъ достояніе школы. Какъ-бы незначительна ни была эта дробь, она составляетъ то дорогое достояніе въ жизни каждаго народа, на которое должна быть направлена особая забота интеллигенціи, не утратившей вѣры въ лучшее будущее и сознанія своей отвѣтственности предъ этимъ будущимъ. Для насажденія знаній въ грамотныхъ малолѣтнихъ представителей народной среды въ рукахъ нашихъ одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ—*начальная школа.*

Какъ-же слѣдуетъ намъ воспользоваться этимъ средствомъ, каковы роль и назначеніе народной школы и народнаго учителя въ этомъ дѣлѣ? Во главѣ угла этого практическаго вопроса стоитъ принципіальный вопросъ о томъ, *можетъ* и должно-ли начальное образованіе носить утилитарный или профессіональный характеръ, можетъ-ли оно, уступая назойливымъ или угрожающимъ временнымъ требованіямъ жизни, отказаться отъ своего прямого назначенія—перестать быть фундаментомъ общаго образованія—*безъ ущерба* для умственнаго развитія и роста питомцевъ и съ пользой для тѣхъ жизненныхъ интересовъ, во имя которыхъ дѣлается эта уступка. Вопросъ этотъ въ далекомъ и ближайшемъ прошломъ педагогіи всѣхъ временъ и народовъ обсуждался съ такой подробностью и основательностью, о немъ существуетъ такая обширная литература, что въ средѣ членовъ Комитета грамотности едва-ли возможно считать его открытымъ. Я позволю себѣ только напомнить о нѣкоторыхъ существенныхъ условіяхъ, доказывающихъ съ полной убѣдительностью, почему наша *начальная* народная школа не можетъ быть превращена въ школу земледѣльческую. Народная школа наша имѣетъ дѣло съ дѣтьми возрастомъ отъ 8 до 12 лѣтъ, изъ нихъ большинство оставляетъ школу до 11 лѣтъ; имѣя предъ собой такихъ малолѣтковъ, можно-ли *серьезно* говорить о нихъ, какъ о земледѣльцахъ? Ихъ физическимъ силамъ недоступна практика извѣстныхъ пріемовъ земледѣльческихъ работъ, насколько ихъ умственнымъ способностямъ невозможно усвоеніе теоретическихъ свѣдѣній объ основахъ раціональныхъ способовъ земледѣлія, или сознательное критическое отношеніе къ существующимъ способамъ.

И тѣмъ не менѣе, *значенiе начальной школы* въ дѣлѣ улучшенія земледѣльческой практики и водворенія вѣрныхъ понятій въ этой области— громадно, но только той школы, которая стоитъ на высотѣ своей миссіи, которая ставитъ для себя главной цѣлью сообщить воспитываемымъ прочныя основы общаго образованія.

М. В. Неручевъ въ своей статьѣ «Источники сельско-хозяйственныхъ знаній», помѣщенной въ № 7-мъ «Русской Школы» за 1891 г., доказываетъ это вполнѣ убѣдительно. Таково мнѣніе человѣка, болѣе двадцати лѣтъ работающаго теоретически и практически надъ вопросами сельскаго хозяйства въ Россіи.

Для такого расширенія программы начальной школы не потребуется никакой ломки въ учебномъ планѣ, никакихъ особенныхъ затратъ, не будетъ обязательнымъ надѣленіе всѣхъ школъ землей,—окажется достаточной та подготовка, которую даетъ учителю учительская семинарія, если курсъ естествознанія въ ней будетъ связанъ съ *общими* свѣдѣніями по сельскому хозяйству.

Все вышесказанное позволяю себѣ закончить слѣдующимъ положеніемъ: Признавая начальную народную школу главнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ подготовки въ крестьянской средѣ *новаго поколѣнія*, способнаго усвоить болѣе правильныя воззрѣнія и пріемы въ области крестьянскаго хозяйства, Комитетъ грамотности долженъ направить все свое вниманіе и заботы на помощь общеобразовательной сельской начальной народной школѣ, изыскать способы и средства для возможно успѣшнаго преподаванія въ ней тѣхъ основъ естествознанія, безъ которыхъ крестьяниномъ-землѣдѣльцемъ не могутъ быть сознательно усвоены пріемы раціональнаго сельскаго хозяйства.

Намѣтить наиболѣе цѣлесообразныя для этого мѣры—составляетъ серьезную задачу совмѣстнаго труда нѣсколькихъ лицъ, спеціалистовъ, коммиссіи, я-же позволю себѣ указать лишь, между прочимъ, на нѣсколько такихъ мѣръ:

1) Изданіе стѣнныхъ таблицъ и другихъ дешевыхъ наглядныхъ пособій по различнымъ отдѣламъ естествознанія, необходимыхъ для сознательнаго усвоенія какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ свѣдѣній по агрономіи.

2) Составленіе списка наиболѣе нужныхъ пособій для наблюденій и опытовъ, каковы, напр., лупа, термометръ, дождемѣръ и т. п.

3) Составленіе инвентаря наиболѣе дешевыхъ и простыхъ принадлежностей, необходимыхъ для составленія учащимися подъ руководствомъ учителя школьнаго естественно-историческаго и сельскохозяйственнаго музея.

4) Организація выставокъ коллекцій, составленныхъ учащимися въ народныхъ школахъ различныхъ частей Россіи, и выдача премій за лучшія изъ нихъ *).

5) Изданіе книгъ изъ области естествознанія для внѣкласснаго чтенія учащихся.

Здѣсь перечислено мною то, что исполнимо теперь-же, въ чемъ особенно сильно можетъ проявить себя участіе Спб. Комитета грамотности.

Перехожу къ группѣ подростковъ, обучавшихся въ начальной народной школѣ. Представители этой группы, то поколѣніе «*дѣтей*», которое черезъ пять-шесть лѣтъ явится на смѣну теперешняго поколѣнія отцовъ,—то поколѣніе, въ рукахъ котораго будетъ крестьянское хозяйство слѣдующаго пятидесятилѣтія. Нечего и говорить о важности для него подготовки, которая изгладила-бы въ немъ, насколько возможно, впечатлѣнія и навыки, вынесенные изъ отцовскаго разореннаго хозяйства послѣдняго десятка годовъ, и непригодное для него наслѣдіе устарѣлыхъ формъ культуры,—подготовки, которая ознакомила-бы его съ болѣе правильными пріемами земледѣльческой техники. Контингентъ учащихся для этой ступени обученія готовъ, но готовы-ли школы, руководители? Цѣлый рядъ данныхъ приводитъ насъ къ отрицательному отвѣту.

Низшія земледѣльческія школы, по мысли основателей, спеціально предназначенныя для подготовки изъ среды крестьянъ людей, способныхъ вести свое хозяйство настолько правильно, *образцово*, чтобы оно могло служить примѣромь для окрестнаго крестьянскаго населенія, существуютъ у насъ около полувѣка. Эти училища имѣютъ свою исторію, интересную и поучительную, знать которую надлежитъ каждому, интересующемуся дѣломъ устройства сельско-хозяйственныхъ школъ въ настоящее время. На послѣднемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію организація нашихъ низшихъ земледѣльческихъ школъ, прошлая и настоящая, результаты ихъ многолѣтняго существованія для крестьянской жизни были подробно разсматриваемы, оцѣнка ихъ была сдѣлана извѣстными спеціалистами, мнѣніе которыхъ должно имѣть для насъ достаточную авторитетность. И изъ всего сказаннаго и доказаннаго получился тотъ печальный выводъ, что дѣятельность этихъ школъ ни въ чемъ не сказывалась въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что питомцы школъ или совершенно исчезали въ рядахъ неученыхъ крестьянъ-хозяевъ, или

*) Это — коллекціи насѣкомыхъ, гербаріи мѣстной флоры, видовъ почвы, мѣстныхъ минераловъ.

вовсе не возвращались послѣ школы въ родную среду. Можно-ли ждать, что при устройствѣ теперь значительнаго числа такихъ низшихъ земледѣльческихъ школъ онѣ дадутъ иной, болѣе полезный для крестьянской жизни результатъ? Впрочемъ, на этомъ нельзя и останавливаться, такъ какъ, по условіямъ нащего государственнаго бюджета, на нужды народнаго образованія о такомъ количествѣ земледѣльческихъ школъ, какое-бы требовалось для замѣтнаго воздѣйствія на всю массу крестьянскаго земледѣльческаго населенія, не можетъ быть и рѣчи. Въ виду этого проектъ устройства земледѣльческихъ классовъ и образцовыхъ хозяйствъ при начальныхъ школахъ пріобрѣтаетъ особую важность, особый интересъ въ средѣ радѣтелей о нуждахъ крестьянскаго хозяйства. Высказываемыя по этому предмету мнѣнія радѣтелей не отличаются опредѣленностью; что касается подробностей исполненія, то онѣ окрашены однимъ общимъ чувствомъ—увѣренности въ осуществимости и пользѣ проектируемаго измѣненія функцій народной школы. Такъ какъ не имѣется никакихъ надеждъ на увеличеніе денежныхъ средствъ, которыми располагаетъ большинство народныхъ школъ, а слѣдовательно, и на увеличеніе учебнаго персонала, то и веденіе начальной школы и преподаваніе практической агрономіи полагаютъ естественнымъ возложить на одно и то-же лицо. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о возможности совмѣщенія такихъ двухъ различныхъ и трудныхъ обязанностей, спросимъ себя, гдѣ и отъ кого можетъ въ настоящее время народный учитель получить необходимые для него теоретическія и практическія свѣдѣнія по крестьянскому сельскому хозяйству—въ учительской семинаріи, на особыхъ курсахъ агрономіи, которые могутъ быть организованы для народныхъ учителей? Но гдѣ будутъ найдены въ достаточномъ числѣ преподаватели этого предмета, когда всѣми людьми, близко стоящими къ низшимъ и среднимъ земледѣльческимъ школамъ, констатируется фактъ полнаго недостатка хорошихъ, опытныхъ преподавателей даже для немногихъ существующихъ у насъ спеціальныхъ школъ?..

Вполнѣ естественно желаніе, чтобы народный учитель, единственный, кромѣ священника, образованный человѣкъ въ деревенской глуши, входилъ-бы въ нужды окружающаго его крестьянскаго населенія, подавалъ-бы ему благожелательные совѣты. Но совѣтъ совѣту рознь. Слѣдуетъ твердо помнить, что только одно существенное свойство отличаетъ совѣтъ отъ пустого слова—всякій совѣтъ долженъ заключать дѣльное указаніе, полезное и примѣнимое въ данномъ случаѣ, въ данныхъ жизненныхъ условіяхъ. Возведенный искусственно въ званіе совѣтника по агрономіи, не явится-ли учитель только расточителемъ

пустыхъ словъ? Не явится-ли онъ типомъ, настолько-же отталкивающимъ по своимъ свойствамъ, на столько-же вреднымъ для жизни, какимъ былъ типъ фельдшера прежняго, сравнительно недавняго, времени? Типъ этотъ всѣмъ намъ знакомъ, не успѣлъ еще изгладиться изъ нашей памяти: это былъ человѣкъ, не получившій никакого общаго образованія, съ небольшимъ запасомъ техническихъ знаній, притомъ усвоенныхъ, благодаря низменности уровня общаго образованія, почти безсознательно, мнившій себя представителемъ медицинской науки. Облеченный правомъ самостоятельной практики, онъ смѣло подавалъ совѣты и брался за леченіе всѣхъ недуговъ. Положимъ, что вреда отъ неудачныхъ совѣтовъ учителя будетъ гораздо меньше, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ не станутъ слушать, но отъ нашего вниманія не должно ускользнуть другое, чрезвычайно важное условіе—неудачное вмѣшательство въ область сельской агрономіи несомнѣнно отразится самымъ нежелательнымъ образомъ на авторитетѣ учителя въ глазахъ взрослаго крестьянскаго населенія.

Прибавивъ это къ упущеніямъ въ ходѣ учебнаго дѣла, неизбѣжнымъ при отвлеченіи вниманія учителя на другое дѣло, въ жизни школы получится такой значительный минусъ, предъ которымъ очень стоитъ призадуматься.

Совокупность серьезныхъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, должна привести насъ къ убѣжденію, что народный учитель руководителемъ крестьянъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства теперь быть не можетъ. Пусть онъ, гдѣ это возможно, ведетъ рачительно при школѣ садъ, питомникъ, огородъ, пчельникъ—это для него и возможно, и безспорно полезно, но прежде и главнѣе всего пусть держитъ общеобразовательное дѣло народной школы на той высотѣ, на какой оно должно и можетъ стоять.

Дѣло другое, лѣтъ черезъ тридцать, пятьдесятъ, когда будутъ подробно изслѣдованы и изучены повсемѣстно какъ природныя, такъ и экономическія условія крестьянскаго хозяйства въ Россіи, когда для каждой мѣстности въ предѣлахъ каждой отдѣльной волости будутъ даваться спеціалистами-практиками подробныя наставленія, тогда народный учитель, какъ человѣкъ образованный и близко стоящій къ крестьянской жизни, можетъ съ полнымъ успѣхомъ выступить въ роли толкователя такихъ наставленій и даже наблюдателя за вѣрностью ихъ исполненія.

Но—до этого еще далеко!

А. Ѳ. Фортунатовъ, профессоръ по каѳедрѣ сельско-хозяйственной статистики въ Петровской академіи, въ своей статьѣ «Земство и агро-

номія» («Рус. Мысль», январь 1893 г.) даетъ обстоятельную характеристику подготовки и ближайшихъ задачъ практической дѣятельности лицъ, призванныхъ примѣнить свои знанія на пользу крестьянскаго хозяйства. Необходимыми условіями для возможности полезнаго воздѣйствія признаются: научное (высшее) агрономическое образованіе, *предварительное* всестороннее изученіе какъ природныхъ особенностей, такъ и сельскаго хозяйства на пространствѣ территоріи, избранной для практической дѣятельности, незначительность размѣра района (территоріи), на которой должна распространяться дѣятельность. Указывается на необходимость пониманія сельско-хозяйственныхъ явленій, какъ соціальныхъ фактовъ, на умѣнье обращаться съ запасомъ научныхъ наблюденій, относящихся къ сельско-хозяйственной дѣйствительности прошлаго и настоящаго. «Ибо всякая мелочь русской сельско-хозяйственной техники имѣетъ свои географическія и историческія основанія, и для того, чтобы понимать, почему именно техника въ такой-то мѣстности стоитъ на данномъ уровнѣ, надо быть хоть немного знакомымъ съ хозяйственной географіей и хозяйственной исторіей. Но и послѣ такой предварительной подготовки при проведеніи въ жизнь новыхъ техническихъ пріемовъ рекомендуется крайняя осторожность. Лучшими средствами воздѣйствія признаются путь убѣжденія и путь демонстраціи, причемъ первенствующее значеніе признается за убѣжденіемъ, бесѣдой съ мѣстными жителями, имѣющей цѣлью объясненіе сельско-хозяйственныхъ явленій, а также возможность связать предлагаемое новое съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ и подробностей изъ существующей въ данное время практики крестьянскаго земледѣлія.

Вотъ какія требованія предъявляются къ тому, отъ кого можно ожидать для крестьянскаго хозяйства существенно полезнаго для дѣла совѣта.

Въ обсужденіи затронутыхъ вопросовъ сельско-хозяйственнаго образованія не малую помощь можетъ оказать намъ примѣръ другихъ странъ. Многое тамъ кажется намъ такъ просто, экономно, практично осуществленнымъ. Сколько поучительнаго и утѣшительнаго узнаемъ мы, заглянувъ въ герцогство Люксембургское, Бельгію, Виртембергъ, Богемію... Но не говоря ужъ, насколько труднѣе разрѣшеніе тѣхъ-же задачъ для Россіи по сравненію со странами, равняющимися, по размѣру, одному нашему уѣзду или губерніи, остановимъ свое вниманіе на томъ, что все это простое, практичное основано на наукѣ, на трудахъ академій, научныхъ обществъ, на подробномъ научномъ изученіи родной страны,—томъ изученіи, надобность котораго мы сравнительно только недавно сознали.

Собранныя уже сельско-хозяйственныя статистическія данныя составляютъ предметъ обсужденія во всѣхъ серьезныхъ óрганахъ нашей періодической печати, появляются обработанными въ отдѣльныхъ трудахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и различныхъ учрежденій. Назову нѣкоторыя изъ послѣднихъ: «Южно-русское крестьянское хозяйство» В. Е. Постникова, «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средневолжскихъ губерніяхъ» Энгельгардта, «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» В. В., «Очерки крестьянскаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій земскихъ въ Московской губерніи» В. Бажаева, наконецъ, объемистый V-й выпускъ «Сборника», изданнаго Департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, составилъ С. А. Короленко, «Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ и передвиженія рабочихъ въ связи съ статистико-экономическимъ обзоромъ Европейской Россіи въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ». Первое-же мѣсто въ дѣлѣ изученія народнаго хозяйства, безспорно, принадлежитъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, пролившимъ такой яркій свѣтъ на условія экономическаго быта нашего крестьянства. То, что сдѣлано, позволяетъ надѣяться, что не за горами ясное пониманіе ближайшихъ сельско-хозяйственныхъ задачъ различныхъ мѣстностей Россіи, а слѣдовательно, и возможность болѣе или менѣе детальныхъ практическихъ указаній и мѣропріятій.

Итакъ, для группы подростковъ въ крестьянскомъ населеніи, въ виду полной невозможности устроить для нихъ практическіе курсы земледѣлія при каждой начальной народной школѣ, а также невозможности прохожденія значительнымъ числомъ изъ нихъ курса въ спеціальномъ низшемъ земледѣльческомъ училищѣ, остается позаботиться о возможно болѣе крѣпкой связи ихъ съ общеобразовательной начальной школой. Средствами для этого являются:

1) Вечернія повторительныя занятія, имѣющія цѣлью расширеніе круга знаній, вынесенныхъ изъ школы.

2) Бесѣды и чтенія съ волшебнымъ фонаремъ изъ области естествознанія, географіи и общихъ свѣдѣній по земледѣлію.

3) Тщательно обставленныя для этого возраста читателей особые отдѣлы въ школьныхъ библіотекахъ.

4) Экскурсіи и практическія занятія съ учителемъ въ школьномъ садѣ, огородѣ, пчельникѣ.

5) Участіе въ составленіи школьнаго музея и самостоятельное составленіе коллекцій при указаніяхъ учителя.

6) Занятія на опытномъ полѣ и на агрономической станціи подъ руководствомъ агрономическаго смотрителя и учителя начальной школы.

Въ осуществленіи части изъ вышеуказаннаго и нравственное, и матеріальное участіе Комитета грамотности можетъ быть очень значительно. Остается выяснить отношеніе учащихъ къ третьей группѣ поучаемыхъ, въ которую входитъ все взрослое крестьянское земледѣльческое населеніе, это — многомилліонная масса нашего темнаго неграмотнаго разорившагося крестьянства, несущаго на себѣ всѣ страданія отъ переживаемаго нами въ настоящее время экономическаго кризиса. Современное положеніе крестьянскаго хозяйства—результатъ такихъ сложныхъ и серьезныхъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни, мѣры для улучшенія его представляютъ вопросъ такой первостепенной важности и трудности, что касаться его въ настоящемъ засѣданіи не представляется никакой возможности. Для выясненія того, что можетъ быть сдѣлано Комитетомъ грамотности, важно имѣть въ сознаніи лишь одно представленіе о колоссальныхъ размѣрахъ экономическихъ нуждъ нашего земледѣльческаго крестьянскаго населенія *и незначительности* той помощи, которая можетъ быть оказана въ настоящее время Комитетомъ грамотности. Эта незначительная, минимальная, единственно возможная помощь и должна сосредоточить на себѣ наше вниманіе. Неграмотная, невѣжественная масса взрослаго крестьянства, дошедшая въ своемъ хозяйствѣ до крайнихъ предѣловъ разоренія, обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе измѣнить прежніе способы и формы своего хозяйствованія. Она ищетъ совѣта, примѣра, жадно слушаетъ бесѣду о занимающихъ ее вопросахъ, готова почерпнуть науку и изъ книги.

Какъ уже было сказано, такого примѣра, такого практически важнаго для крестьянскаго хозяйства совѣта въ большинствѣ случаевъ интеллигенція, даже въ лицѣ своихъ представителей, обладающихъ спеціальнымъ агрономическимъ образованіемъ, дать *пока не можетъ*.

По тѣмъ-же причинамъ она не можетъ создать въ наше время и книгъ того-же практическаго характера. Но для ищущихъ свѣта и выхода и тѣ *общія* свѣдѣнія изъ области естествознанія и географіи и агрономіи, значеніе которыхъ было указано для группы малолѣтнихъ и подростковъ, имѣютъ чрезвычайно большое значеніе и, какъ приходилось убѣждаться каждому, соприкасавшемуся съ крестьянской средой, представляютъ громадный интересъ.

Для содѣйствія распространенію свѣдѣній, необходимыхъ для перехода къ болѣе правильному веденію сельскаго хозяйства въ средѣ взрослаго крестьянскаго населенія Спб. Комитетъ грамотности можетъ остановиться въ настоящее время на слѣдующихъ мѣрахъ:

1) Составить и издать брошюры по нѣкоторымъ общимъ вопросамъ

сельскаго хозяйства—для чтеній и бесѣдъ съ волшебнымъ фонаремъ, съ демонстраціей соотвѣтствующихъ тексту тщательно выбранныхъ иллюстрацій.

2) Содѣйствовать открытію возможно большого числа сельскихъ народныхъ библіотекъ.

3) Доставлять статьи и другой матеріалъ въ видѣ каталоговъ, указаній для помѣщенія въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», въ единственномъ въ настоящее время періодическомъ изданіи, распространенномъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ среди сельскаго населенія. Не останется безъ косвеннаго вліянія на взрослыхъ и все то, что будетъ предпринято для малолѣтнихъ и подростковъ.

Все вышесказанное приводитъ къ сопоставленію громадныхъ по размѣрамъ экономическихъ нуждъ нашей жизни съ незначительностью того, что можетъ быть нами сдѣлано; это сопоставленіе должно вызвать тягостное чувство неудовлетворенности, но этому чувству нельзя поддаваться, на этомъ сопоставленіи не слѣдуетъ останавливаться, и вотъ почему. Борьба съ такимъ колоссомъ, какъ крестьянское разореніе, для насъ, членовъ Комитета грамотности, конечно, непосильна, но этотъ колоссъ—дѣтище другой громадной силы. Эта сила—невѣжество. Въ борьбѣ съ ней вышеуказанныя мѣры пріобрѣтаютъ совершенно другіе размѣры, да и *поле* единоборства другое. Каждая попавшая въ народную среду книжка, каждая организованная въ глуши и мракѣ школа, библіотека—очаги, разсыпающіе искры. Съ какой силой разгорятся эти искры, запавъ въ темную душу человѣческую, какое пространство охватитъ ихъ свѣтъ, мы, конечно, съ точностью опредѣлить и представить себѣ не можемъ, но мы достовѣрно знаемъ, что только этимъ процессомъ въ жизни каждаго народа пробуждается и вступаетъ въ жизнь та рать неисчислимая, та сила несокрушимая, за которой одной обезпечена побѣда надъ мракомъ и нуждой.

Различіе между «каплею въ морѣ» и искрой во мракѣ—громадное.

А. Калмыкова.

Причины, затрудняющія распространеніе грамоты среди фабричныхъ рабочихъ.

(По поводу вечернихъ уроковъ при Родниковскомъ *) фабричномъ училищѣ).

Вечерніе уроки при названномъ фабричномъ училищѣ открыты въ началѣ 1891 г. По полученіи отъ начальства разрѣшенія на открытіе уроковъ, имѣвшихъ цѣлью обученіе фабричныхъ рабочихъ чтенію и письму, учитель вывѣсилъ на фабрикѣ объявленіе, въ которомъ говорилось, что обучаться чтенію и письму могутъ всѣ, кто только пожелаетъ, и что обученіе, во исполненіе предписанія начальства, будетъ производиться исключительно чтенію и письму, т.-е. цѣль вечернихъ уроковъ та, чтобы неграмотныхъ фабричныхъ рабочихъ дѣлать грамотными.

Такъ какъ вечерніе уроки были для фабричныхъ новостью, то по поводу этой новинки шли толки, въ которыхъ высказался взглядъ фабричныхъ приказчиковъ на дѣло обученія чтенію и письму фабричныхъ рабочихъ.

— Что ужъ это пошло,—сказалъ одинъ приказчикъ, узнавши объ открытіи вечернихъ уроковъ,—чего не выдумаютъ!.. Мужиковъ учить!

— Да,—вторитъ ему другой приказчикъ,—всѣхъ хотятъ впередъ вести, кто-же позади-то останется?

Фраза «всѣхъ хотятъ впередъ вести, кто-же останется позади-то» очень характерна: она является прямымъ отголоскомъ того времени, когда обладаніе даже простою грамотностью уже выдвигало человѣка впередъ, ставило его выше другихъ, создавая ему лучшее, въ матеріальномъ смыслѣ, положеніе. Отсюда понятна непріязнь такого рода людей къ тому, чтобы учились другіе, т.-е. являлись-бы имъ болѣе или менѣе опасными конкуррентами; изъ этого-же можно видѣть, что лучшимъ средствомъ для искорененія такого непріязненнаго взгляда

*) Село Родники—Костромской губ., Юрьевецкаго уѣзда.

на грамотность является именно возможно широкое распространеніе последней въ народѣ, такъ какъ это уравнивало-бы въ этомъ отношеніи шансы всѣхъ рабочихъ и выдвигало-бы изъ среды ихъ на лучшія мѣста дѣйствительно наиболѣе способныхъ.

Что касается самихъ фабричныхъ рабочихъ, то они весьма сочувственно отнеслись къ открытію вечернихъ уроковъ. Читая объявленіе, рабочіе не обратили вниманія на то, кого хотятъ учить и чему учить; они поняли только то, что ихъ, рабочихъ, хотятъ учить въ школѣ. Поэтому пошли въ училище записываться всѣ рабочіе: грамотные и неграмотные. У приходящихъ записываться учитель освѣдомлялся объ ихъ грамотности и записывалъ неграмотныхъ и полуграмотныхъ (умѣющихъ читать, но не умѣющихъ писать), грамотныхъ-же онъ не записывалъ и говорилъ, чтобы они болѣе не приходили записываться. Однако, только послѣ долгихъ переговоровъ учителю удалось уговорить тѣхъ рабочихъ, которые объявляли себя грамотными, что на вечернихъ урокахъ имъ будетъ нечего дѣлать.

Всѣхъ записавшихся на вечерніе уроки оказалось 50 человѣкъ. Записанные въ число учениковъ имѣли лѣта отъ 17 до 31; старше 31 года не было. Большинство изъ записавшихся были отъ 20 до 30 лѣтъ. Наконецъ, начались вечерніе уроки. На первомъ-же урокѣ учитель опять повторилъ собравшимся, что будетъ обучать только чтенію и письму.

— А ты развѣ не будешь учить ариѳметикѣ?—спрашиваетъ учителя одинъ рабочій.

Учитель опять повторяетъ, что, кромѣ чтенія и письма, ничему не будетъ учить.

— А я думалъ, что ты будешь учить ариѳметикѣ,—сказалъ тотъ-же рабочій.

— А насчетъ неба да земли то-же ничего не будешь обучать?—спрашиваетъ учителя другой рабочій.

— Что-же тебѣ нужно знать «насчетъ неба да земли»?—переспрашиваетъ его учитель.

— Да я очинно желаю знать, какъ это земля-то вертится, какъ у насъ мѣняется лѣто, осень, зима и весна, и насчетъ другого о землѣ; насчетъ неба тоже желаю знать: о солнышкѣ, о звѣздахъ...

Тогда учитель сказалъ и этому рабочему, что «насчетъ неба да земли» то-же не будетъ учить.

На первомъ урокѣ учитель объявилъ рабочимъ, что онъ будетъ учить ихъ не по старинному, начнетъ не съ названія буквъ (азъ, буки и т. д.), а по новому.

— Учи какъ хошь,—сказали рабочіе,—тебѣ лучше знать, какъ легче выучиться; мы согласны на все, только выучи насъ читать да писать.

Съ рабочими нужно было войти въ соглашеніе относительно метода обученія чтенію потому, что среди взрослыхъ крестьянъ встрѣчаются и такіе, которые по звуковому способу не желаютъ учиться.

На другой урокъ учитель входитъ въ классъ и видитъ, что рабочихъ сидитъ за партами не болѣе половины. По провѣркѣ оказалось, что вмѣсто 50 человѣкъ явилось только 34 человѣка.

— Почему-же остальные не пришли?—спрашиваетъ учитель присутствующихъ.

— Да одни, вишь ты, хотѣли учиться ариѳметикѣ, другимъ хотѣлось знать о землѣ, а ты сказалъ, что не будешь учить ихъ этому, такъ они и не пришли.

— А читать-то они вѣдь не умѣютъ?—спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, умѣютъ всѣ, кто не пришелъ; они умѣють и читать, и писать.

— Какъ умѣютъ,—говоритъ учитель,—да вѣдь когда они записывались, то сказались неграмотными?

— Они тебя обманывали. А обманывали они тебя потому, что ты не записалъ-бы, если-бы они сказались грамотными.

— Да для чего-же было записываться грамотнымъ,—говоритъ учитель,—вѣдь имъ нечему учиться-то: они умѣютъ и читать, и писать.

— Они тебѣ не вѣрили, что ты будешь учить только писать да читать; думали, что ты просто не хочешь примать грамотныхъ.

Такимъ образомъ выяснилось, что рабочіе ожидали получить помощь отъ школы сообразно своимъ запросамъ; учитель говоритъ имъ, что онъ не можетъ принять ихъ въ число учениковъ и помогать имъ; рабочіе не вѣрятъ ему и обманомъ поступаютъ въ школу, думая, что не можетъ быть, чтобы въ школѣ имъ не помогли. Но вотъ имъ положительно объявляютъ на первомъ урокѣ, что учить, во исполненіе предписанія, будутъ только читать да писать. Тогда грамотные, поступившіе въ школу обманомъ, оставляютъ ее, и этихъ, оставившихъ школу рабочихъ, оказалось 16 человѣкъ *).

*) Изъ всего этого видно, что въ средѣ грамотныхъ фабричныхъ рабочихъ уже назрѣла потребность въ дальнѣйшемъ обученіи и что на подлежащемъ вѣдомствѣ, прежде всего, конечно, на гг. фабричныхъ инспекторахъ, лежитъ обязанность удовлетворить этой потребности, устроивъ соотвѣтственныя вечернія и воскресныя занятія также и съ этими грамотными рабочими, какихъ найдется не мало въ фабричныхъ районахъ европейской Россіи. Что касается случая, о ко-

Вечерніе уроки открыты только для мужчинъ. Но желаніе учиться чтенію и письму изъявляли не одни мужчины, а и женщины. Записываться приходили сразу 10 женщинъ; еслибы онѣ были записаны въ число ученицъ, то, быть можетъ, за ними пошли-бы и другія женщины. Но такъ какъ первымъ десяти женщинамъ было отказано въ пріемѣ, то послѣ этого другія женщины уже не приходили записываться *).

Ученики, посѣщающіе вечерніе уроки, раздѣляются, какъ рабочіе, на три группы: на смѣнныхъ и ночныхъ ткачей и денныхъ рабочихъ. Смѣнные ткачи работаютъ первую изъ двухъ недѣль такъ: съ 12 ч. дня до 4 ч. вечера; потомъ съ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра; вторую недѣлю они работаютъ въ то время, которое въ предыдущую недѣлю приходилось на отдыхъ, т.-е. съ 5 часовъ утра до 12 часовъ дня, потомъ съ 4 часовъ вечера до 9 часовъ вечера. Такимъ образомъ смѣнные ткачи работаютъ 12 часовъ въ сутки.

Денные работаютъ только днемъ, съ 5 часовъ утра до 8 ч. вечера. На отдыхъ полагается имъ два часа: утромъ завтракаютъ отъ 8 ч. до 9 ч. утра, обѣдаютъ отъ 1 часа до 2 часовъ дня; остальное время дня работаютъ. Съ 8 часовъ вечера и до 5 часовъ утра денные рабочіе свободны отъ фабричныхъ занятій.

Ночные ткачи каждодневно работаютъ съ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра, потомъ съ 12 часовъ дня до 4 часовъ вечера. Такимъ образомъ и ночнымъ ткачамъ приходится работать 12 ч. въ сутки.

Рабочіе изъ всѣхъ трехъ названныхъ группъ для обученія соединены въ одну группу.

торомъ говорится въ настоящей статьѣ, то намъ думается, что учитель, дѣйствуя даже въ тѣсныхъ предѣлахъ предписанія, поступилъ-бы не вполнѣ справедливо, отлучивъ отъ участія въ вечернихъ урокахъ всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые оказались болѣе или менѣе уже грамотными. Ихъ силами онъ могъ-бы воспользоваться, во-1-хъ, въ видахъ облегченія своего труда, а во-2-хъ, въ цѣляхъ наибольшаго распространенія грамотности. Онъ могъ-бы, въ нѣсколько вечеровъ, ознакомиться со *степенью* грамотности каждаго отдѣльнаго грамотнаго рабочаго и желающихъ и наиболѣе толковыхъ изъ нихъ познакомить съ лучшими пріемами обученія грамотѣ, такъ какъ большинство ихъ училось, конечно, читать и писать по старинной методѣ, а затѣмъ образовать изъ нихъ себѣ хорошихъ помощниковъ по обученію неграмотныхъ. Узнавъ болѣе раціональные пріемы обученія грамотѣ, эти рабочіе могли-бы пользоваться ими при обученіи своихъ дѣтей или своихъ товарищей по ремеслу, и такимъ образомъ явились-бы хорошими проводниками грамотности въ своей средѣ. *Ред.*

*) На это обстоятельство также слѣдовало-бы обратить вниманіе гг. фабричнымъ инспекторамъ. Для наибольшаго распространенія грамотности, женщины, какъ матери семействъ, могутъ принести еще большую пользу, нежели грамотные мужчины. *Ред.*

Каждодневно дается только одинъ вечерній урокъ. Онъ начинается въ 8 часовъ вечера и продолжается только 40 минутъ. Этотъ часъ выбранъ для урока потому, что въ это время большинство фабричныхъ свободны отъ работы на фабрикѣ. Урокъ такъ непродолжителенъ потому, что смѣннымъ и ночнымъ ткачамъ въ 9 ч. безъ 20 минутъ веч. уже нужно идти на фабрику. Ночные ткачи кончаютъ работу въ 4 часа дня, потомъ ужинаютъ, послѣ чего спятъ до 8 часовъ вечера, а съ 8 часовъ вечера занимаются въ школѣ. Денные рабочіе кончаютъ работу на фабрикѣ къ 8-ми часамъ вечера, послѣ чего прямо идутъ въ школу на вечерній урокъ. Смѣнные ткачи одну изъ двухъ недѣлю бываютъ свободны въ 8 часовъ вечера, а потому въ эту недѣлю они посѣщаютъ вечерніе уроки вмѣстѣ съ ночными ткачами и денными рабочими. Въ теченіе-же второй недѣли они не могутъ присутствовать на вечернемъ урокѣ, потому что въ это время работаютъ на фабрикѣ; поэтому имъ приходится давать отдѣльный урокъ, въ три часа дня; этотъ урокъ продолжается тоже 40 минутъ, потому что смѣннымъ ткачамъ въ 4 часа безъ 20 минутъ вечера нужно идти на фабрику.

Въ недѣлю дается пять вечернихъ уроковъ, потому что почти всѣ рабочіе уходятъ домой наканунѣ воскресенья. Но если на недѣлѣ случится одинъ праздникъ, то въ теченіе такой недѣли дается только три урока, т.-е. не бываетъ урока наканунѣ праздника и въ самый праздникъ.

Причины, препятствующія успѣшному веденію вечернихъ уроковъ, могутъ быть сведены къ тремъ родамъ: однѣ зависятъ отъ фабричной обстановки вообще, другія отъ временъ года, третьи отъ невѣжества людей, поставленныхъ во главѣ фабричныхъ рабочихъ, а именно приказчиковъ.

Къ причинамъ перваго рода относится просыпаніе рабочими вечерняго урока. Войдя въ классъ, учитель видитъ, что не всѣ ученики собрались; спрашиваетъ, почему нѣтъ отсутствующихъ?

— Должно быть, спятъ,—отвѣчаютъ рабочіе.

— Вы будили-бы другъ друга.

— Мы будимъ, да больно ужь трудно вставать-то; иного будишь, будишь. насилу раскачаешь; а другого такъ и не добудишься...

Бываетъ и такъ, что проспитъ вечерній урокъ цѣлая группа рабочихъ: или всѣ смѣнные ткачи, или всѣ ночные.

Итакъ, первая причина, задерживающая успѣхи вечернихъ уроковъ, это—трудность вставать послѣ короткаго сна, который начинается съ 5 ч. вечера и долженъ кончиться къ 8 часамъ вечера,

чтобы рабочіе могли поспѣть на вечерній урокъ. И такое просыпаніе уроковъ бываетъ нерѣдко.

Вторая причина—*работа* денныхъ рабочихъ *ночью*. Денные работаютъ съ 5 ч. утра и до 8 ч. вечера. Послѣ 8 ч. вечера они должны быть свободны; но когда на фабрикѣ бываетъ много товара, тогда ихъ заставляютъ работать и въ ночь. При этомъ, по окончаніи работы, денныхъ рабочихъ отпускаютъ съ 8 ч. вечера до 9 ч. вечера ужинать, а съ 9 часовъ они должны снова явиться на фабрику и работать въ продолженіи всей ночи. Въ виду предстоящей ночной работы, деннымъ рабочимъ необходимо отдыхать въ 9-й часъ вечера; они такъ и дѣлаютъ, т.-е. отдыхаютъ, а на вечерній урокъ не приходятъ. Вслѣдствіе этого на вечернемъ урокѣ, за отсутствіемъ цѣлой группы рабочихъ, съ присутствующими приходится повторять старое до тѣхъ поръ, пока не начнутъ ходить денные рабочіе.

Причины, обусловливаемыя временами года, суть: свадьбы, праздники и домашнее хозяйство.

Въ мясоѣдѣ играются свадьбы. Въ одну изъ пятницъ послѣ урока подходитъ къ учителю ученикъ и говоритъ:

— П. К., я на той (т.-е. на будущей) недѣлѣ не буду ходить.

— Да вѣдь ты много пропустишь, отстанешь отъ другихъ, будешь плохо читать,—замѣчаетъ учитель.

— Мнѣ нельзя на той недѣлѣ ходить: я въ это (т.-е. въ будущее) воскресенье буду жениться,—объясняетъ рабочій.

Учителю осталось только сказать: хорошо, не ходи. Но этимъ дѣло не кончилось съ отпросившимся на свадьбу. Въ пятницу передъ масляной недѣлей недавно женившійся, или *молодой*, какъ принято называть, подходитъ къ учителю и говоритъ:

— П. К., я на масляницѣ опять не буду ходить.

— Почему-же?

— Потому что на масляницѣ мнѣ нужно по гостямъ ѣздить.

У крестьянъ существуетъ такой обычай: молодой, женившійся послѣ праздника Рождества Христова, долженъ дѣлать визиты на масляницѣ всѣмъ пировавшимъ у него на свадьбѣ гостямъ. И эта визитація, начиная съ масляничнаго понедѣльника, продолжается всю масляную недѣлю.

Другіе рабочіе въ продолженіи мясоѣда отпрашиваются отъ уроковъ на свадьбу брата, или пріятеля, или на дѣвичникъ сестры. И никому изъ нихъ нельзя отказать; откажешь—все равно не придетъ...

Не благопріятствуютъ успѣшному ходу вечернихъ занятій праздники, но не всѣ, а только тѣ, которые приходятся въ мясоѣдъ. Въ мясоѣдъ послѣ праздника всѣхъ учениковъ никогда не собрать.

— Что васъ мало сегодня?—спрашиваетъ учитель учениковъ, пришедшихъ послѣ одного изъ праздниковъ.

— Да не пришли.

— Почему-же не пришли?

— Да вѣдь извѣстно: вчера былъ праздникъ, ну, вѣстимо, сегодня головы болятъ съ похмелья.

Такимъ образомъ, въ мясоѣдъ по праздникамъ рабочіе напиваются настолько, что на другой день праздника бываютъ неспособны присутствовать на вечернемъ урокѣ. И это происходитъ почти послѣ каждаго праздника.

Не то бываетъ во время поста. Постъ имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ исправленія рабочаго люда. Разъ какъ-то, послѣ праздника въ великомъ посту, учитель спрашиваетъ учениковъ:

— А что, головы не болятъ съ похмелья?

— Да развѣ теперь можно! Чай, вѣдь, великій постъ... Теперь развѣ какой отчаянный будетъ пить.

Дѣйствительно, постъ дѣлаетъ рабочихъ очень исправными: въ продолженіи поста изъ-за гулянья ни одинъ рабочій не манкировалъ урокомъ.

Къ причинамъ второй категоріи относится картежная игра, развитая между рабочими.

Урока три учитель замѣчалъ, что одинъ рабочій не посѣщаетъ школу. Наконецъ, онъ спрашиваетъ о причинѣ отсутствія этого рабочаго.

— Да ужъ не потаимъ отъ тебя, П. К.,—картежной игрой займуется...

— Такъ изъ-за картежной игры и не ходитъ?

— Да.

— Гдѣ-же игра происходитъ?

— Вотъ какъ наступитъ весна, обтаетъ земля у сараевъ на гуменникахъ, такъ и картежная игра тутъ открывается: на землѣ у сараевъ и играютъ.

Съ наступленіемъ весны у многихъ крестьянъ весь кормъ для скота выходитъ. Одни крестьяне весной покупаютъ кормъ, а другіе, за неимѣніемъ денегъ, скотину продаютъ. Хлопоты по хозяйству отражаются и на успѣхахъ вечернихъ уроковъ.

— П. К.,—разъ обращается къ учителю одинъ ученикъ,—ослободи-ка меня завтра: надо на базаръ коровку вести продавать; кормъ весь вышелъ.

— Развѣ у тебя некому продать корову безъ тебя?

— Есть жена, да вѣдь она одна-то боится, дѣло женское: обманутъ...

Наконецъ, къ третьей категоріи причинъ, тормазящихъ успѣхи вечернихъ уроковъ, относится невѣжество людей, поставленныхъ во главѣ рабочаго люда,—невѣжество нѣкоторыхъ приказчиковъ.

Разъ, когда уже показано было нѣсколько буквъ и прочитано нѣсколько словъ въ классѣ, ученики просятъ у учителя азбукъ.

— Гдѣ-же вы будете читать?—спрашиваетъ учитель.

— Мы будемъ читать на фатерѣ и на фабрикѣ.

— Положимъ, вамъ на квартирѣ можно читать въ свободное время, а на фабрикѣ когда-же вы будете читать?

— У насъ (у денныхъ только) и на фабрикѣ иногда бываетъ свободное время: когда товару бываетъ мало, тогда мы, все равно, сидимъ безъ дѣла минутъ двадцать, полчаса, иногда и болѣе.

По просьбѣ учениковъ учитель роздалъ имъ карманныя азбуки.

Вскорѣ послѣ раздачи азбукъ приходитъ къ учителю рабочій съ жалобой, что у него приказчикъ вырвалъ изъ рукъ азбуку и изорвалъ ее, когда тотъ учился читать по ней, такъ какъ упаковка товара, вслѣдствіе неимѣнія его, на нѣкоторое время прекратилась.

Мысль, побудившая приказчика на такой варварскій поступокъ, непремѣнно была такая: «еще всякій лѣзетъ учиться! всѣ вверхъ полѣзутъ, кто-же внизу-то будетъ?».

Подобные приказчики отличаются отъ рабочихъ только тѣмъ, что поставлены начальниками надъ рабочими, да умѣютъ читать и писать; въ отношеніи-же умственнаго и нравственнаго развитія они отнюдь не выше остальныхъ фабричныхъ рабочихъ. Между тѣмъ отношенія ихъ къ рабочему полны презрѣнія. Если такой приказчикъ замѣчаетъ въ рабочемъ стремленіе выбиться изъ рядовыхъ рабочихъ, то непремѣнно старается втоптать его въ грязь. Сдѣлаться грамотнымъ считается среди простого народа за великое пріобрѣтеніе, поднятіемъ себя изъ «нижнихъ» въ «верхніе». И вотъ, приказчикъ вдругъ видитъ, что его подчиненный хочетъ выучиться читать, «подняться снизу вверхъ». При видѣ этого онъ приходитъ въ ярость, которая разрѣшается разрываніемъ книги. А вѣдь достаточно изорвать книгу у одного рабочаго, да при этомъ дать ему зуботычину, чтобы потомъ отбить охоту у многихъ другихъ рабочихъ пользоваться свободною минутою для чтенія...

П. Максимовскій.

Школьные сады и огороды въ Московской губерніи.

Садоводство и огородничество, безспорно, имѣютъ серьезное значеніе въ народной жизни. Они могутъ служить, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь уже служатъ довольно виднымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, открывая собою новый источникъ дохода и увеличивая скромный бюджетъ крестьянской семьи. Кромѣ того, занятіе садомъ и огородомъ даетъ возможность крестьянскому населенію увеличить количество пищевыхъ продуктовъ и внести въ свое обычное скудное питаніе нѣкоторое разнообразіе. Если крестьянинъ и не продастъ ничего изъ своего огорода или сада, то, по крайней мѣрѣ, съѣстъ съ нихъ овощи и плоды... Наконецъ, многіе не безъ основанія думаютъ, что занятіе садоводствомъ и огородничествомъ должно оказать на крестьянъ благотворное вліяніе въ нравственно-воспитательномъ отношеніи. «Крестьянинъ, занимаясь съ дѣтства посадкою, разведеніемъ и уходомъ за деревьями,—говоритъ одинъ общественный дѣятель,— привяжется къ нимъ, полюбитъ свое хозяйство, свой домъ, свою усадьбу, будетъ относиться къ нимъ съ заботливостью, съ желаніемъ сохранить ихъ и улучшить. Такое стремленіе населенія, уменьшившееся въ послѣднее время, если оно родится и разовьется въ немъ, измѣнитъ его нравы и привычки, сдѣлаетъ крестьянъ домовитыми, добрыми хозяевами и отвлечетъ ихъ отъ дурныхъ наклонностей, разоряющихъ ихъ теперь» *)... Если это—и увлеченіе, если за огородомъ и садомъ признать хотя-бы только незначительную долю того вліянія, о которомъ говорится въ приведенной цитатѣ, то и тогда они заслуживали-бы нашего вниманія. Открыть новый источникъ дохода, внести разнообразіе въ крестьянскую пищу и, сверхъ всего этого, оказать еще нѣкоторое нравственно-воспитательное вліяніе на общій складъ крестьянской жизни — вѣдь и это уже такъ много и такъ цѣнно, особенно по нынѣшнимъ тяжелымъ временамъ!..

---

*) Отчетъ о первыхъ курсахъ садоводства и огородничества въ сельцѣ Плоскомъ, Ефремовскаго у., въ 1890 году.

Въ виду такой несомнѣнной пользы садоводства и огородничества, очевидно, всѣмъ и каждому слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы тамъ, гдѣ еще нѣтъ садовъ и огородовъ, но гдѣ условія благопріятны для ихъ существованія,—насадить ихъ, а гдѣ они уже существуютъ—развить и улучшить. Этого легко можно достигнуть, но только не путемъ словесныхъ наставленій, а путемъ примѣра и практическихъ указаній. Слова, иногда, можетъ быть, и очень убѣдительныя, плохо дѣйствуютъ на крестьянъ; имъ нуженъ осязательный фактъ, а въ данномъ случаѣ имъ по просту нуженъ образцовый садъ и огородъ, гдѣ-бы они, что называется, во-очію могли-бы убѣдиться въ справедливости разныхъ совѣтовъ и указаній по поводу тѣхъ или другихъ нововведеній и улучшеній въ садовой и огородной культурахъ. Такіе образцовые сады и огороды, имѣющіе насадить въ районахъ своего вліянія новую культуру, естественно связываются у насъ съ сельскою школою, съ этимъ по виду очень скромнымъ, но по существу крайне цѣннымъ и, къ сожалѣнію, пока единственнымъ учрежденіемъ, распространяющимъ въ народѣ знанія. Народной школы, обучающей крестьянъ грамотѣ, вполнѣ приличествуетъ взять подъ свое покровительство образцовые сады и огороды и при посредствѣ ихъ внести въ крестьянскую среду новыя полезныя профессіональныя знанія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, кромѣ учителя, трудно подыскать въ деревнѣ другого, болѣе или менѣе интеллигентнаго человѣка, которому можно было-бы поручить завѣдываніе этимъ дѣломъ. Съ другой стороны, занятія садоводствомъ и огородничествомъ нисколько не мѣшаютъ школьному обученію (что замѣчается при другихъ профессіональныхъ школьныхъ занятіяхъ), такъ какъ они происходятъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время, т.-е. весною и лѣтомъ. Все это очень убѣдительно говоритъ за то, что организація при сельскихъ школахъ образцовыхъ садовъ и огородовъ крайне полезна и необходима...

Само собою разумѣется, что польза эта, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, сознавалась и раньше, а потому забота о насажденіи школьныхъ садовъ и огородовъ, естественно, относится не къ послѣднему только времени. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, которое, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, приняло рядъ энергическихъ мѣръ къ развитію у казенныхъ крестьянъ садоводства. Въ числѣ этихъ мѣръ, между прочимъ, были: устройство при народныхъ школахъ садовъ и питомниковъ и безплатная раздача изъ казенныхъ садовъ растеній и сѣмянъ. По свѣдѣніямъ 1853 года, въ Россіи числилось уже болѣе 2.000 школьныхъ садовъ. Результатомъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ яви-

лись сады въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, которые существуютъ и теперь, хотя въ нѣкоторомъ упадкѣ. Съ 1866 года, однако, попечительство надъ казенными крестьянами было сложено съ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и школьные сады, возникшіе-было въ такомъ громадномъ количествѣ, пришли въ окончательный упадокъ. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ школьное садоводство снова привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительства. Министерство Государственныхъ Имуществъ учреждаетъ школы садоводства, оказываетъ помощь училищамъ безплатнымъ отпускомъ изъ казенныхъ садовыхъ заведеній растеній и сѣмянъ, допускаетъ учителей народныхъ школъ для обученія садоводству въ казенныя садовыя заведенія. Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, принимаетъ мѣры къ открытію обученія садоводству при учительскихъ семинаріяхъ и образцовыхъ училищахъ; Святѣйшій Синодъ озабоченъ введеніемъ изученія садоводства при церковно-приходскихъ школахъ. Наконецъ, въ послѣднее время многія губернскія и уѣздныя земства, желая открыть крестьянскому населенію новый источникъ дохода, въ виду обострившагося сельско-хозяйственнаго кризиса, въ свою очередь, остановились на садоводствѣ и огородничествѣ. Передовыми уѣздами въ этомъ дѣлѣ явились: Псковскій, Верейскій Московской губерніи и Каширскій Тульской губерніи *).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія школьныхъ садовъ и огородовъ. Исторія эта, какъ можно было замѣтить, не богата фактами. Дѣло до сихъ поръ ограничивалось одними только начинаніями, и притомъ безъ какой-либо опредѣленной программы. Только въ послѣднее время, когда вопросомъ о школьныхъ садахъ и огородахъ заинтересовалось земство, дѣло это начало нѣсколько выясняться и получать болѣе или менѣе опредѣленное направленіе. Это и понятно. Условія возникновенія и существованія школьныхъ садовъ и огородовъ такъ разнообразны и многочисленны и такъ тѣсно связаны съ тою или другою мѣстною обстановкою, что общими мѣропріятіями, зачастую игнорирующими мѣстныя особенности, тутъ ничего не подѣлаешь. Напротивъ, для того, чтобы дѣло нормально развивалось, необходимо ближе стоять къ жизни, прислушиваться къ ея запросамъ и по возможности подчиняться всѣмъ ея законнымъ требованіямъ. А это, безъ сомнѣнія, ближе всего доступно земству,—этому единственному сколько-нибудь серьезному представителю мѣстныхъ интересовъ.

---

*) Эти краткія историческія свѣдѣнія взяты изъ «Отчета о первыхъ курсахъ садоводства и огородничества въ сел. Плоскомъ, Ефремовскаго у., въ 1890 году».

О томъ, какъ и что именно выяснилось въ вопросѣ о школьныхъ садахъ и огородахъ, легче всего прослѣдить на одной какой-нибудь губерніи, гдѣ вопросъ этотъ былъ такъ или иначе затронутъ. Для этой цѣли въ настоящее время мы остановимся на Московской губерніи, которая ближе намъ знакома и въ которой, какъ мы уже замѣтили, раньше другихъ были открыты школьные сады.

По свѣдѣніямъ статистическаго ежегодника московскаго губернскаго земства, развитіе школьныхъ садовъ и огородовъ въ уѣздахъ Московской губерніи по годамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1885—86.	1886—87.	1887—88.	1888—89.	1889—90.	1890—91.
Богородскій . . .	—	—	—	—	—	—
Бронницкій . . .	—	—	—	—	1	1
Верейскій	7	24	26	28	28	28
Волоколамскій . .	—	—	—	—	1	—
Дмитровскій . . .	1	1	1	1	1	1
Звенигородскій . .	—	—	1	—	1	4
Клинскій	1	1	1	—	1	3
Коломенскій . . .	—	—	—	—	—	2
Можайскій . . .	—	—	1	1	4	2
Московскій . . .	—	2	2	1	3	12
Подольскій . . .	—	—	1	—	—	—
Рузскій	—	—	3	2	—	—
Серпуховскій . . .	—	—	—	1	1	2
	9	28	36	34	41	55

Изъ приведенной таблицы видно, что развитіе школьныхъ садовъ и огородовъ въ количественномъ отношеніи идетъ довольно быстро. Въ 1885—1886 учебномъ году *) ихъ было всего 9, но черезъ какія-нибудь шесть лѣтъ количество ихъ сразу увеличилось до 55, т.-е. болѣе чѣмъ въ 6 разъ.

Такое быстрое увеличеніе числа школьныхъ садовъ и огородовъ, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о жизненности даннаго учрежденія, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ обществомъ не принималось никакихъ мѣръ для ихъ насажденія, и они были предоставлены сами себѣ. Однако, по однимъ этимъ голымъ цыфрамъ трудно судить о томъ, въ какой мѣрѣ школьные сады удовлетворяютъ требованіямъ жизни. Для этого нужно познакомиться съ ихъ внутреннею организаціею. А это знакомство говоритъ намъ совсѣмъ не то, что мы го-

*) Возникновеніе школьныхъ садовъ въ Московской губ. относится собственно къ 1884 году, но, къ сожалѣнію, за этотъ годъ у насъ не имѣется подъ руками свѣдѣній.

товы были прочитать въ приведенныхъ выше цыфрахъ. Агрономъ губернскаго земства, осмотрѣвъ въ 1890 году на выдержку нѣсколько питомниковъ въ Верейскомъ и другихъ уѣздахъ, пришелъ къ тому заключенію, что они далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. «Нѣтъ надобности,—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ,—перечислять здѣсь эти питомники. Достаточно сказать, что въ большинствѣ случаевъ никакихъ текущихъ садоводственныхъ работъ, въ родѣ выводки дичковъ, окулировокъ, полки, обрѣзки и проч., не производилось, а высаженныя раньше деревца были въ положеніи довольно жалкомъ. Такое положеніе дѣла зависитъ отъ разныхъ причинъ. Въ одной категоріи случаевъ у народныхъ учителей не было надлежащихъ знаній, въ другой категоріи случаевъ учителямъ не представлялось возможности отлучаться лѣтомъ изъ школы или заручиться сотрудничествомъ учениковъ и проч.» *).

Учитель Таשировскаго земскаго училища, по порученію верейской управы, осмотрѣлъ всѣ школы Верейскаго уѣзда и, познакомившись съ положеніемъ садовъ и питомниковъ, пришелъ къ тому-же заключенію. По его отзывамъ, многіе питомники превратились просто въ плохія покосныя мѣста.

Такимъ образомъ, хотя въ Верейскомъ уѣздѣ и значится наибольшее число школьныхъ садовъ и питомниковъ сравнительно съ другими уѣздами, но, какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, ученикамъ сельскихъ школъ и самому населенію отъ этого очень мало пользы, такъ какъ большинство садовъ и питомниковъ запущены. Въ такомъ-же положеніи находятся школьные питомники и въ другихъ уѣздахъ. Это и понятно. Къ такому именно концу и должно было придти большинство школьныхъ садовъ Московской губерніи, такъ какъ они возникали, въ большинствѣ случаевъ, по частной иниціативѣ и безъ всякой опредѣленной программы. Укажемъ, для примѣра, на исторію школьныхъ садовъ Верейскаго уѣзда.

Первое насажденіе питомниковъ и огородовъ при школахъ въ Верейскомъ уѣздѣ принадлежитъ иниціативѣ бывшаго предводителя дворянства—В. К. Шлиппе. Въ 1884 году онъ пригласилъ къ себѣ, въ с. Таширово, четырехъ сельскихъ учителей, которые подъ руководствомъ опытнаго садовника общими усиліями занялись разбивкою школьнаго питомника на участкѣ земли въ 2 десятины 100 саж. Окончивъ обработку названнаго участка земли, учителя съ тѣмъ-же садовникомъ поѣхали въ три другія школы и тамъ произвели тѣ-же

*) Докладъ москов. губ. управы о курсахъ садоводства за 1890 годъ.

работы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1886 года въ Таширово пріѣхалъ г. Гузь, бывшій письмоводитель Никитскаго сада близъ Ялты, привезъ съ собою 120 маточныхъ деревьевъ 3—4-лѣтняго возраста и 3.000 однолѣтнихъ дичковъ и открылъ здѣсь бесѣды съ учителями и учительницами, нарочно съѣхавшимися изъ ближайшихъ селъ уѣзда. Бесѣды, продолжавшіяся нѣсколько дней, были тѣсно связаны съ практическими указаніями: въ это время были посажены предназначенныя для Ташировской школы дички и маточныя деревья, высѣяны 4 ф. сѣмянъ и, кромѣ того, г. Гузь показалъ и объяснилъ пріемы окулировки. Потомъ онъ отправился въ Верею, гдѣ были собраны нѣкоторые учителя изъ другой части уѣзда, которыхъ онъ познакомилъ съ тѣми-же пріемами. Учителя, присутствовавшіе на этихъ бесѣдахъ, получивъ по нѣскольку штукъ маточныхъ деревъ, по 100 штукъ дичковъ и нѣкоторое количество сѣмянъ, разъѣхались по школамъ—заводить питомники съ своимъ незначительнымъ запасомъ знаній и матеріаловъ. Затѣмъ г. Гузь еще разъ посѣтилъ Таширово, осмотрѣлъ садъ г. Лисицина и далъ ему нужныя указанія, а тотъ, въ свою очередь, объѣхалъ другіе вновь заведенные сады учителей и учительницъ и передалъ полученныя свѣдѣнія товарищамъ. Такъ установились разъѣзды по уѣзду г. Лисицина, какъ болѣе опытнаго учителя - садовода.

Изученіе дѣла не остановилось на случайныхъ и кратковременныхъ бесѣдахъ г. Гузя. Заинтересованные дѣломъ учителя постарались дополнить свои свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ посѣщали для практическихъ занятій Московскую школу садоводства и Петровскую академію *).

Такъ началось школьное садоводство въ Верейскомъ уѣздѣ. Какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, дѣло возникло совершенно случайно, благодаря личной иниціативѣ. Неудивительно послѣ этого, что оно не могло развиться и окрѣпнуть. Для развитія школьнаго садоводства и огородничества необходимы средства и строго выработанная система, т.-е. именно то, что менѣе всего можетъ дать частная иниціатива.

Московское губернское земство обратило вниманіе на школьное садоводство и огородничество только въ самое послѣднее время. Начало оно съ устройства курсовъ садоводства для учителей и учительницъ сельскихъ школъ, причемъ иниціатива этого дѣла принадлежала не ему, а Обществу любителей садоводства.

---

*) Эти историческія свѣдѣнія помѣщены въ статьѣ М. Б. Василевской: «Къ вопросу о насажденіи садоводства въ Черниговской губ.». Зем. сборникъ Черниговск. губ. 1892 г. № 3-й.

Дѣло было такъ. Съ цѣлью содѣйствовать возможно успѣшному распространенію устройства садовъ и огородовъ при народныхъ школахъ Россійское Общество любителей садоводства въ началѣ 1890 г., въ одномъ изъ своихъ засѣданій, постановило открыть для народныхъ учителей при школѣ Общества, въ Студенцѣ, безплатные практическіе курсы но плодоводству и огородничеству, срокомъ съ 1-го по 15-е іюля, предоставляя учителямъ народныхъ школъ въ теченіи этого времени право пользоваться даровымъ помѣщеніемъ въ зданіи школы. Кромѣ этого, въ томъ-же засѣданіи было постановлено просить всѣ учрежденія, принимающія какое-либо участіе въ устройствѣ питомниковъ и огородовъ при народныхъ школахъ, сообщить Обществу о принимаемыхъ мѣрахъ и о достигнутыхъ результатахъ, дабы доводить о нихъ при посредствѣ газеты «Садъ и огородъ» до всеобщаго свѣдѣнія ради успѣха дѣла. О таковомъ постановленіи Общества было сообщено, между прочимъ, московской губ. земской управѣ. Послѣдняя, заинтересовавшись дѣломъ, снеслась со всѣми уѣздными земствами по поводу доставленія Обществу просимыхъ свѣдѣній, а также и по поводу командированія желающихъ учителей и учительницъ сельскихъ школъ на курсы садоводства. Кромѣ того, желая установить нѣкоторое единство въ распоряженіяхъ уѣздовъ по этому предмету, губ. управа командировала на курсы состоящаго при ней агронома, которому и поручила предложить свои услуги и содѣйствіе въ дѣлѣ устройства курсовъ.

Въ первый-же годъ на курсы изъ уѣздовъ Московской губерніи пріѣхало 8 учителей и 15 учительницъ. Кромѣ того, 8 учителей пріѣхали изъ сосѣднихъ губерній: Смоленской—1, Рязанской—1, Владимірской—2 и Тамбовской—4. Съѣхавшимся учителямъ и учительницамъ преподавались предметы вспомогательные и спеціальные. Изъ вспомогательныхъ предметовъ, учителя прослушали краткій курсъ морфологіи и органографіи растеній и такой-же краткій курсъ энтомологіи, съ описаніемъ важнѣйшихъ вредныхъ насѣкомыхъ въ огородной и садовой культурахъ. Спеціальные предметы—садоводство и огородничество—преподавались исключительно демонстративно, въ саду и огородѣ. По окончаніи курсовъ, земскимъ агрономомъ, по порученію губернской управы, были розданы учителямъ и учительницамъ за счетъ земства слѣдующія руководства: «Бесѣды объ огородѣ» Е. Г. Аверкіевой, «Деревья и кустарники» Гоше, «Плодоводство» Шредера и «Руководство къ прививкѣ» Гоше. Кромѣ того, было пріобрѣтено нѣсколько экземпляровъ руководства «Русскій плодовый садъ, питомникъ и огородъ» Шредера—для группового пользованія. Раздачею руководствъ

имѣлось въ виду дать возможность слушателямъ и слушательницамъ впослѣдствіи возстановить пріобрѣтенныя на курсахъ свѣдѣнія.

Въ 1889—1890 учебномъ году земскихъ школъ въ Московской губерніи было 496, а всего съ церковно-приходскими, частными, министерскими и проч. ихъ было 790. Сравнивая число учителей и учительницъ, посѣтившихъ курсы садоводства, съ общимъ числомъ школъ въ губерніи, мы видимъ, что на приглашеніе Общества любителей садоводства отозвался очень незначительный процентъ ихъ. Желая выяснить причины такого явленія, губернская управа въ слѣдующемъ-же году обратилась ко всѣмъ учителямъ съ циркуляромъ, въ которомъ просила каждаго изъ нихъ высказать свое мнѣніе о причинахъ малой посѣщаемости курсовъ.

На свой циркуляръ губернская управа получила отвѣтъ только отъ нѣкоторыхъ учителей; къ сожалѣнію, большинство учителей почему-то не пожелало высказаться по этому вопросу. Однако, и изъ разсмотрѣнія полученныхъ отвѣтовъ кое-что выясняется, а именно—вполнѣ обнаруживается, что существенною причиною, заставляющею учителя серьезно призадуматься надъ тѣмъ—ѣхать-ли имъ въ Студенецъ за садоводственными знаніями, или нѣтъ?—является недостатокъ средствъ. Въ каждомъ отвѣтѣ указываютъ именно на эту причину.

Не могу не привести выдержекъ изъ двухъ отвѣтовъ, какъ болѣе характерныхъ по своей искренности.

«Съ своей стороны,—пишетъ учитель Звенигородскаго уѣзда,—я могу указать только на неимѣніе средствъ посѣщать курсы, а также и развести садъ или огородъ. Получалъ я жалованья до сентября мѣсяца 1891 г. 16 р. 66 к. въ мѣсяцъ, на каковые содержалъ мать и брата, прибавляя при этомъ изъ другихъ источниковъ. Теперь я хотя и получаю 20 р., но, однако, и этого для семьи едва только хватаетъ, такъ что ѣхать на курсы положительно нѣтъ ничего, гдѣ надо прожить рублей 12, никакъ не меньше. Съ другой стороны, на разведеніе сада или огорода точно также нужны средства: нужны сѣмена, инструменты, работникъ. Школа-же, ввѣренная мнѣ, средствъ не имѣетъ. Въ ней сплошь и рядомъ нѣтъ топлива, такъ что ученики дрова иногда носятъ съ собой, не бываетъ письменныхъ принадлежностей, отчего обученіе двигается очень медленно. Если возможно будетъ устранить эти препятствія, то, конечно, разведеніе сада или огорода принесетъ большую пользу какъ для крестьянъ, такъ и для школы въ матеріальномъ отношеніи. Земли крестьяне отвести согласятся, но матеріальную поддержку сдѣлать они не могутъ».

Другой учитель, изъ Рузскаго уѣзда, пишетъ: «Мое мнѣніе и тѣхъ

моихъ товарищей-учителей, съ которыми въ разное время мнѣ приходилось разговаривать по этому поводу,—причина одна (или двѣ, какъ посмотрѣть), это — недостатокъ средствъ у однихъ и нежеланіе другихъ (которые и могли-бы изъ своего жалованья выдѣлить, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, нужную сумму денегъ на проѣздъ въ Москву и содержаніе себя тамъ) тратить послѣднія деньги на пріобрѣтеніе тѣхъ свѣдѣній, практическіе результаты которыхъ должны служить на пользу другихъ. Кто пользуется продуктами знанія, тотъ и плати за него. Это, можетъ быть, не либерально со стороны учителей, за-то логично. На проѣздъ и содержаніе въ Москвѣ надо minimum рублей 30 и, смотря по удобству путей сообщенія, того больше. Скопить-же 30 рублей изъ 25-ти-рублеваго жалованья, я думаю, затруднительно. Я, напримѣръ, накопилъ долговъ, живя раньше одинъ. Къ тому-же, мы, учителя, большею частью люди молодые, бѣдные, поступая на мѣста, часто не имѣемъ необходимаго платья и бѣлья, должны еще помогать родителямъ-крестьянамъ, нерасчетливы, беречь не умѣемъ, да и не изъ чего, такъ какъ въ началѣ службы получаемъ даже меньше 25 рублей. За недостаткомъ денегъ отказываешь себѣ въ журналѣ, который хотѣлось-бы выписать, въ книгахъ, которыхъ часто, очень часто, негдѣ достать»...

Не смотря на такія въ высшей степени неблагопіятныя матеріальныя условія, въ слѣдующемъ 1891 году изъ уѣздовъ Московской губерніи желающихъ слушать курсы набралось до 40 учителей и учительницъ. Однако, въ дѣйствительности пріѣхала на курсы только половина всѣхъ записавшихся, т.-е. 20 человѣкъ; остальные-же по разнымъ причинамъ, въ большинствѣ случаевъ отъ нихъ не зависящимъ, должны были отказаться отъ удовольствія побывать на курсахъ.

Изъ другихъ губерній прибыло на курсы 19 человѣкъ, изъ которыхъ Владимірская губернія дала 13, Смоленская—3, Ярославская, Рязанская и Вятская—по одному. Треть слушателей (не учителей) прислала Москва. Такимъ образомъ, въ 1891 году всего слушателей курсовъ плодоводства въ Студенцѣ было 42, на 11 человѣкъ болѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Это увеличеніе, очевидно, говоритъ за успѣхи недавно начатаго дѣла.

Новостью въ этомъ году на курсахъ плодоводства и огородничества были лекціи по агрономіи. «Цѣль агрономическихъ чтеній, по объясненію земскаго агронома, взявшаго на себя изложеніе краткаго курса агрономіи,—была двойственная. Съ одной стороны, имѣлось въ виду подготовить слушателей къ болѣе сознательному усвоенію курсовъ плодоводства и огородничества, а съ другой стороны имѣлось въ

виду дать болѣе или менѣе законченной кругъ агрономическихъ знаній. Послѣднее представлялось полезнымъ въ виду того, что земскихъ учителямъ и учительницамъ приходится имѣть дѣло не съ городскими дѣтьми, а съ будущими пахарями. Конечно, не дѣло учителя или учительницы земской школы учить дѣтей практическому сельскому хозяйству, но въ ихъ власти посодѣйствовать тому, чтобы будущій земледѣлецъ относился къ окружающимъ его сельско-хозяйственнымъ явленіямъ съ большею сознательностью».

Въ зависимости отъ такого взгляда на дѣло, чтенія по агрономіи производились по слѣдующей программѣ:

1) Вступительныя понятія изъ химіи (1 часъ).

2) Ученіе объ атмосферѣ (1 часъ).

3) Почвовѣдѣніе: a) происхожденіе почвъ и ихъ классификація, b) механическій анализъ почвъ и c) физическія и химическія свойства почвы (3 часа).

4) Физіологія питанія растеній (2 часа).

5) Ученіе о механической обработкѣ почвы и земледѣльческія орудія (2 часа).

6) Ученіе объ удобреніи (1 часъ).

7) Ученіе о сѣвооборотахъ (1 часъ).

8) Очеркъ культуры важнѣйшихъ въ Московской губерніи полевыхъ растеній: a) рожь, b) овесъ, c) картофель (2 часа).

9) Очеркъ современнаго положенія крестьянскаго хозяйства (1 часъ).

Ради нагляднаго ознакомленія учителей и учительницъ съ земледѣльческими орудіями, земскій агрономъ устроилъ съ ними поѣздку на французскую выставку, гдѣ и давалъ объясненія въ земледѣльческомъ отдѣлѣ.

По примѣру прошлаго года, слушателямъ и слушательницамъ были розданы руководства, въ томъ числѣ—книжка земскаго агронома «полевое травосѣяніе».

Другою новинкою въ этомъ году были *повторительные курсы* плодоводства и огородничества. Цѣль этихъ повторительныхъ курсовъ заключалась въ томъ, чтобы дать возможность учителямъ и учительницамъ, уже пользовавшимся въ предыдущемъ году основными курсами, восполнить пробѣлы по плодоводству и огородничеству, если-бы таковые оказались. Повторительные курсы продолжались съ 15 по 22 іюня; на нихъ явилось 12 человѣкъ. Каждый изъ нихъ пробылъ на курсахъ отъ 2 до 4 дней. Пробѣлы восполнялись по слѣдующимъ вопросамъ: 1) способы прививки, 2) способы посадки фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, 3) способы посѣва яблоновыхъ сѣмянъ,

4) способы разведенія земляники и 5) отдѣльные вопросы по культурѣ различныхъ огородныхъ растеній.

Заканчивая свой отчетъ о курсахъ, земскій агрономъ отозвался съ большою похвалою о занятіяхъ учителей и учительницъ. «Учителя и учительницы,—говоритъ онъ,—отнеслись къ своему дѣлу не только усердно, но и въ высокой степени сознательно. Не смотря на обиліе занятій и на жаркую, не располагавшую къ труду, погоду, учителя старались запасаться свѣдѣніями, даже непредусмотрѣнными программой. Многіе изъ нихъ не только внимательно выслушивали все, что имъ сообщалось, но даже тщательно записывали»...

Въ 1892 году желающихъ прослушать курсы изъ уѣздовъ Московской губерніи оказалось 107 человѣкъ, изъ нихъ 62 учителя и 45 учительницъ. Цыфра эта, по сравненію съ двумя предыдущими годами, является очень почтенною. Очевидно, курсы садоводства начинаютъ пользоваться большою популярностью. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ помѣщенія, не всѣ желающіе могли быть допущены къ слушанію курсовъ. Изъ 107 человѣкъ разрѣшеніе прибыть на курсы получило только 65. Остальные-же 42 человѣка по необходимости должны были отложить посѣщеніе курсовъ до слѣдующаго года.

Преподаваніе на курсахъ 1892 г. велось по той-же программѣ, какъ и въ предыдущемъ году. Губернское земство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на безплатную раздачу руководствъ и вообще на расширеніе курсовъ садоводства ассигновало 300 рублей.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ учительскихъ курсахъ плодоводства и огородничества при школѣ Россійскаго Общества любителей садоводства на дачѣ Студенецъ. Изъ предыдущаго видно, что участіе московскаго земства въ этихъ курсахъ выразилось, во-1-хъ, въ ежегодной ассигновкѣ опредѣленной суммы (300 руб.) на расширеніе курсовъ и на безплатную раздачу слушателямъ необходимыхъ руководствъ и, во-2-хъ, въ командированіи на курсы земскаго агронома. И то, и другое, безъ сомнѣнія, имѣло благотворное вліяніе на развитіе курсовъ. Ассигнуемыя земствомъ суммы дали возможность администраціи курсовъ не стѣсняться въ производствѣ необходимыхъ затратъ, командированіе-же агронома дало въ результатѣ новыя, крайне интересныя чтенія по агрономіи и, кромѣ того, внесло нѣкоторое единство въ распоряженія уѣздныхъ земствъ по вопросу о курсахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что указанныя, сравнительно небольшія, затраты земства и то вниманіе, которое оно удѣляетъ учительскимъ курсамъ, принесутъ съ собою богатые плоды. Теперь

они пока еще не видны, и потому трудно оцѣнимы. Но пройдетъ 5—10 лѣтъ, и они непремѣнно объявятся...

Одновременно съ участіемъ въ устройствѣ безплатныхъ курсовъ садоводства и огородничества для учителей и учительницъ сельскихъ школъ, московское земство обратило вниманіе и на другую сторону вопроса. Само собою разумѣется, что прежде, нежели что-либо предпринимать въ дѣлѣ устройства школьныхъ садовъ, необходимо заручиться обстоятельными свѣдѣніями объ условіяхъ надѣленія школъ землею и объ условіяхъ устройства на этихъ участкахъ земли школьныхъ питомниковъ и огородовъ. Въ виду этого, губернская управа еще въ 1890 году составила особый вопросный листъ и разослала его учителямъ сельскихъ школъ съ просьбою отвѣтить по возможности на всѣ поставленные вопросы. Запрашиваемыя отъ учителей свѣдѣнія касаются наличныхъ участковъ земли при школахъ, условій арендованія или пріобрѣтенія участковъ тамъ, гдѣ ихъ на лицо пока не имѣется, естественныхъ условій наличныхъ участковъ земли, возможной степени участія учениковъ въ работахъ по саду и огороду, степени развитія садоводства и огородничества у мѣстныхъ крестьянъ, условій сбыта продуктовъ садоводства и огородничества и проч. По полученіи отъ учителей отвѣтовъ, послѣднія были подробно разработаны земскимъ агрономомъ и представлены въ формѣ особаго доклада земскому собранію очередной сессіи.

Изъ 496 училищъ, которымъ были посланы вопросные листы, отвѣты прислали 423 училища. Матеріалъ, слѣдовательно, на столько обширенъ, что позволительно дѣлать выводы для цѣлой губерніи.

Число школъ, при которыхъ имѣются участки земли, судя по отвѣтамъ учителей, равно 133. Размѣры участковъ самые разнообразные, начиная отъ 50 кв. с. и даже менѣе и кончая нѣсколькими десятинами. По величинѣ участковъ школы распредѣляются такъ: 25 школъ имѣютъ менѣе 50 кв. с., 15 школъ—отъ 50 до 100 кв. с., 37 школъ—отъ 100 до 600 кв. с., 36 школъ—отъ 600 кв. с. до 1 десятины, 14 школъ—болѣе одной десятины.

Очевидно, что число школъ съ наличными участками земли составляетъ, сравнительно, небольшой процентъ (всего 26) по отношенію къ общему числу земскихъ школъ въ губерніи. Но, какъ видно изъ приложенной къ отчету таблицы, число это при нѣкоторомъ желаніи легко можетъ быть увеличено. Дѣло въ томъ, что въ отвѣтахъ учителей указано до 71 школы, которымъ участки земли предлагаются безвозмездно, и 47 такихъ школъ, которыя легко могутъ арендовать землю. Если школы этихъ двухъ категорій присоединить къ школамъ съ на-

личными участками земли, то получимъ довольно значительное количество—251, т.-е. болѣе половины всѣхъ земскихъ школъ, при которыхъ имѣется возможность устроить школьные сады и огороды.

Слѣдующая таблица покажетъ намъ распредѣленіе школьныхъ земскихъ участковъ по уѣздамъ:

УѢЗДЫ.	Общее число земскихъ школъ.	Число школъ, при которыхъимѣются участки земли.	Число школъ, для которыхъ участки земли предлагаются безвозмездно.	Число школъ, при которыхъ можно арендовать землю.	Общее число школъ, при которыхъ теперь же могутъ быть открыты сады или огороды.	Процентное отношеніе ихъ къ общему числу земскихъ школъ.	Число школьныхъ селеній, въ которыхъ крестьяне занимаются садомъ или огородомъ.	Процентное отношеніе ихъ къ общему числу земскихъ школъ.
Подольскій	23	17	3	1	21	91	18	78
Верейскій	31	26	—	1	27	87	21	67
Московскій	63	22	16	14	52	82	38	60
Клинскій	35	12	5	6	23	66	22	63
Можайскій	11	3	2	2	7	64	9	82
Бронницкій	42	7	8	3	18	43	24	57
Волоколамскій	33	6	6	8	14	42	26	78
Богородскій	57	11	10	2	23	40	26	45
Дмитровскій	44	9	7	1	17	38	26	59
Рузскій	30	3	3	5	11	37	14	46
Звенигородскій	31	7	3	1	11	35	13	42
Серпуховскій	50	7	5	3	15	30	32	64
Коломенскій	46	3	3	6	12	26	26	56
	496	133	71	47	251	50	295	59

Изъ приведенной таблицы видно, что наибольшій процентъ школъ, владѣющихъ землею или имѣющихъ возможность легко пріобрѣсти ее, падаетъ на уѣзды Подольскій, Верейскій и Московскій и наименьшій—на уѣзды Коломенскій и Серпуховскій. Правильности въ распредѣленіи школьныхъ участковъ по уѣздамъ нѣтъ никакой. Такъ, Волоколамскій уѣздъ, какъ можно видѣть изъ послѣдней графы таблицы, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по числу школьныхъ селеній, въ которыхъ населеніе занимается садоводствомъ и огородничествомъ, а между тѣмъ по числу школьныхъ земельныхъ участковъ онъ стоитъ въ срединѣ. То же можно сказать относительно Серпуховскаго и Коломенскаго уѣздовъ. Очевидно, снабженіе школъ участками земли въ каждомъ уѣздѣ зависѣло отъ простого случая, иначе не было-бы указаннаго выше несоотвѣтствія между количествомъ школьныхъ участковъ и территоріальнымъ развитіемъ садоводства и огородничества.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію естественныхъ условій наличныхъ школьныхъ участковъ земли. Для плодоваго сада прежде всего

важно защищенное положеніе. Изъ отвѣтовъ учителей видно, что такое защищенное положеніе имѣютъ 111 участковъ, при чемъ 42 пользуются естественною защитою и 69—искусственною. Относительно качества почвы школьные участки распредѣляются такъ: глинистую почву имѣютъ 24 участка, суглинистую — 123, песчаную—25 и супесь — 27. Оказывается, такимъ образомъ, что на школьныхъ участкахъ преобладаетъ суглинокъ. Крайніе-же типы почвъ—глинистые и песчаные, одинаково неудобные для приведенія ихъ въ культурное состояніе—встрѣчаются сравнительно рѣдко. Что касается прошлаго школьныхъ участковъ, то, судя по нему, на тщательную обработку почвы и на соотвѣтственное удобреніе потребуется много труда. Наибольшее число участковъ, а именно 84, было раньше подъ пустырями, 28 — подъ огородами и 17—подъ садами.

На труды учениковъ, по сообщеніямъ учителей, можно разсчитывать изъ 211 случаевъ всего больше на трудъ осенній (194) и весенній (203), и только въ 82 случаяхъ можно разсчитывать и на лѣтній и осенній и весенній труды. Въ общемъ, пользованіе трудами учениковъ можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. Что касается лично учителей и учительницъ, то большинство изъ нихъ вполнѣ сочувственно относятся къ мысли устройства школьныхъ садовъ и огородовъ, выражаютъ желаніе съ живѣйшею готовностью посвятить свое свободное время и трудъ этому доброму дѣлу, лишь было-бы оказано имъ со стороны необходимое содѣйствіе и, главное, матеріальная помощь.

Изъ приведенныхъ данныхъ обнаруживается, что обстановка для развитія школьнаго садоводства и огородничества въ Московской губерніи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ вполнѣ подходящая. Остановка только за добрымъ желаніемъ руководителей...

Собранныя губернскою управою отъ учителей сельскихъ школъ свѣдѣнія объ условіяхъ надѣленія школъ землею и объ условіяхъ устройства школьныхъ питомниковъ и огородовъ выяснили съ достаточною степенью очевидности многочисленныя нужды школьнаго сада и огорода, только еще начинающихъ свое развитіе въ Московской губерніи. Отсутствіе спеціальныхъ знаній у учителя, недостатокъ средствъ для посѣщенія курсовъ, отсутствіе средствъ на устройство изгороди, на пріобрѣтеніе посадочнаго матеріала, инструментовъ, удобренія и проч. — вотъ главныя нужды, о которыхъ настойчиво заявляютъ учителя и которыя, для успѣшнаго развитія дѣла, требуютъ удовлетворенія.

Отвѣчая этой насущной потребности, губернская управа испросила у земскаго собранія очередной 1891 года сессіи 500 р. для назначенія

субсидій на устройство школьныхъ садовъ. Сумма на первый разъ ассигнована незначительная, а между тѣмъ нужды, какъ мы видѣли, очень разнообразны и многочисленны. Поэтому губернская управа, желая какъ можно цѣлесообразнѣе теперь-же использовать назначенную собраніемъ сумму, а, съ другой стороны, выработать для руководства въ будущемъ опредѣленные принципы, снеслась по этому поводу со всѣми уѣздными управами и просила выяснить, въ какой формѣ, по ихъ мнѣнію, можетъ быть оказано содѣйствіе со стороны губернскаго земства для лучшей постановки дѣла школьнаго садоводства и огородничества. Отвѣты получены отъ 8 уѣздныхъ управъ: Бронницкой, Верейской, Дмитровской, Звенигородской, Клинской, Московской, Подольской и Рузской, изъ которыхъ Дмитровская и Рузская отвѣтили, что въ ихъ уѣздахъ нѣтъ школьныхъ садовъ, и потому никакой помощи не требуется; что-же касается остальныхъ шести управъ, то всѣ онѣ отвѣтили въ томъ смыслѣ, что помощь школьнымъ садамъ и огородамъ нужна и можетъ быть выражена въ формѣ покупки орудій, сѣмянъ, руководствъ и навоза для удобренія, устройства изгородей, найма поденщиковъ, командированія ученаго садовода и проч. Разсмотрѣвши всѣ эти отвѣты, губернская управа нашла возможнымъ оказывать содѣйствіе школьнымъ садамъ и огородамъ покупкою за счетъ губернскаго земства сѣмянъ, орудій и руководствъ, а въ случаѣ, если, за удовлетвореніемъ этихъ нуждъ, въ распоряженіи губернской управы изъ ассигнованной земскимъ собраніемъ суммы получится какой-либо остатокъ, то и командированіемъ ученаго садовода для практическихъ совѣтовъ и указаній въ школы, въ которыхъ уже устроены сады. Что-же касается устройства изгородей, найма поденщиковъ и пріобрѣтенія навоза, то всѣ эти нужды, по мнѣнію управы, подлежатъ удовлетворенію со стороны уѣздныхъ земствъ. Въ виду такого рѣшенія вопроса губернская управа использовала часть суммы, назначенной въ ея распоряженіе, слѣдующимъ образомъ: купила 11 наборовъ садовыхъ инструментовъ, 8 коллекцій огородныхъ сѣмянъ и нѣсколько экземпляровъ руководствъ и разослала въ сельскія школы, при которыхъ или уже имѣются сады и огороды, или только устраиваются.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находится школьное садоводство и огородничество въ Московской губерніи. Обстановка для успѣшнаго развитія этого полезнаго дѣла, повторяю, самая благопріятная. Въ самомъ дѣлѣ, резюмируемъ все сказанное: 1) многія школы имѣютъ свои собственные участки земли; другія же хотя ихъ и не имѣютъ, но легко могутъ пріобрѣсти; 2) для сообщенія учителямъ и учительницамъ спеціальныхъ знаній по садоводству и огородничеству еже-

годно устраиваются курсы; 3) желаніе заняться садоводствомъ и огородничествомъ у многихъ учителей и учительницъ имѣется сильное, и, наконецъ, 4) земство обѣщаетъ и уже теперь оказываетъ дѣлу свое содѣйствіе и матеріальную помощь. Чего, казалось-бы, еще желать? Повидимому, все нужное есть. А между тѣмъ и при этихъ условіяхъ дѣло можетъ не пойти впередъ, если руководители не проникнутся сознаніемъ всей важности начатаго дѣла и сами глубоко не заинтересуются имъ. Извѣстно, что отъ различнаго отношенія къ дѣлу получаются и различные результаты. Пожелаемъ-же любовнаго, серьезнаго, вдумчиваго отношенія со стороны руководителей къ школьному саду и огороду!..

В. Крандіевскій.

О ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ *).

«Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго словенскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на словенскомъ языкѣ украшаться будетъ».

Ломоносовъ.

Разъ въ Лѣтнемъ саду одинъ изъ разсказчиковъ, по требованію публики, повторилъ разсказъ, который былъ изложенъ, съ перваго

---

*) Редакція даетъ статьѣ г. Тарнавскаго мѣсто на страницахъ «Русской Школы», такъ какъ раздѣляетъ основную мысль автора о необходимости болѣе основательнаго изученія въ нашихъ школахъ славянскаго языка, въ виду его воспитательной и теоретической важности. Но она не можетъ не замѣтить, что, въ увлеченіи любимымъ предметомъ, авторъ преувеличилъ его значеніе. Въ частности редакція, вопреки мнѣнію г. Тарнавскаго, полагаетъ, что

1) Усвоеніе языкомъ одного народа словъ изъ языковъ другихъ народовъ, болѣе культурныхъ,—дѣло неизбѣжное и естественное: съ успѣхами умственнаго развитія, въ языкъ народа, пріобрѣтающаго новыя понятія, переходятъ и выражающія ихъ слова; таковы прежде всего многочисленные научные термины; таковы-же и чужеземныя слова, которыхъ нельзя перевести на родной языкъ однимъ словомъ, а лишь съ помощью перифраза. Въ виду сказаннаго, надобно оберегать родной языкъ лишь отъ такихъ иностранныхъ словъ, которыя съ удобствомъ могутъ быть замѣняемы соотвѣтствующими и равносильными словами языка родного. Насколько трудно образованному русскому человѣку убе-

слова до послѣдняго, иностранными словами, вошедшими въ рѣчь образованныхъ русскихъ людей. Разсказъ вызвалъ самое веселое настроеніе въ публикѣ и, при неумолкаемомъ хохотѣ ея, былъ повторенъ еще разъ. Мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть: «Надъ кѣмъ смѣе-

---

речься отъ употребленія иностранныхъ словъ, это можно видѣть, между прочимъ, даже изъ настоящей статьи г. Тарнавскаго, употребляющаго, быть можетъ невольно, но безъ особенной нужды, такія слова, какъ *сфера*, *интимный*, *серьезно* и т. п.

2) Литература грековъ и римлянъ, по степени своего развитія, стоитъ несомнѣнно гораздо выше переводной славянской письменности, ибо послѣдняя, помимо своего христіанскаго содержанія, представляетъ лишь *подражаніе* произведеніямъ греческой литературы, чрезвычайно богатой какъ относительно словеснаго матеріала, такъ и формами грамматическаго строенія, въ высшей степени правильнаго, точнаго и изящнаго. Эти качества не отличаютъ, къ сожалѣнію, многихъ произведеній переводной славянской письменности.

3) Извѣстно, что переводы нашихъ церковныхъ книгъ представляютъ собою точное воспроизведеніе ихъ греческихъ оригиналовъ: переводчики усвоили славянскому языку не только чуждое ему греческое словорасположеніе, но и почти всѣ синтактическія особенности. Этимъ затрудняется пониманіе славянскаго текста многихъ церковныхъ пѣснопѣній. Укажемъ для примѣра на 9-тую пѣснь второго канона на Рождество Христово, начинающуюся словами «Любити убо намъ». Отсюда слѣдуетъ, что церковныя пѣснопѣнія поучительны преимущественно своимъ содержаніемъ, а форма ихъ перевода во всякомъ случаѣ не можетъ быть признана совершенною. Если въ школахъ назначать для изученія церковныя пѣснопѣнія, то лишь тѣ, которыя правильно, сообразно съ законами славянскаго языка, переведены на него съ греческаго, а такихъ вообще немного.

4) Фонетика составляетъ основную часть грамматики, и безъ знанія этой части, хотя въ главнѣйшихъ особенностяхъ, невозможно пониманіе грамматическаго строя языка, въ которомъ звуки имѣютъ значеніе основного структурнаго матеріала.

5) Вопросъ о томъ, изучать-ли грамматику славянскаго языка въ связи съ русскою, или отдѣльно, имѣетъ второстепенное значеніе: можно достигнуть хорошихъ результатовъ при той и другой постановкѣ обученія, такъ какъ они зависятъ отъ количества времени, употребляемаго на изученіе языка. Но, съ педагогической точки зрѣнія, удобнѣе изучать, особенно въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, сначала русскую, а потомъ уже славянскую грамматику. При изученіи послѣдней, будетъ очень удобно объяснить ученикамъ тѣ особенности русской фонетики, морфологіи и синтаксиса, которыя представляютъ собою результатъ вліянія на современный русскій языкъ славянскаго языка.

6) Языкъ народа можетъ развиваться посредствомъ живой, органической связи не только съ своими истоками, но и съ тѣми развѣтвленіями, которыя заключаются въ живой рѣчи всѣхъ его носителей, въ ихъ діалектахъ и говорахъ. Требуется лишь умѣлое и обдуманное заимствованіе подходящаго матеріала изъ тѣхъ и другихъ источниковъ. Именно этими качествами отличается литературный языкъ нашихъ лучшихъ современныхъ писателей, напримѣръ, гр. Л. Толстого, Тургенева, Мельникова (Печерскаго) и нѣкоторыхъ другихъ.

Ред.

тесь? надъ собой смѣетесь!» Но, подумавъ, я сказалъ себѣ: «Нѣтъ, это надо мной смѣются, надъ учителемъ русскаго языка».

Въ самомъ дѣлѣ, кто виноватъ, что съ каждымъ днемъ волна иностранныхъ словъ все болѣе и болѣе заливаетъ русскую рѣчь и, какъ сыпучіе пески, заноситъ ее и дѣлаетъ сухой и безжизненной? Не удивительно-ли для русскаго человѣка видѣть книги: «30.000 иностранныхъ словъ»... «75.000 иностранныхъ словъ!» Не прискорбно-ли знать, что множество грамотныхъ людей покупаютъ эти словари и заучиваютъ заключающіяся въ нихъ слова, чтобы щеголять такимъ образованіемъ! Не грустно-ли, что учащіеся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, проходя учебники, должны имѣть подъ руками словарь съ иностранными словами, чтобы вполнѣ понимать данный урокъ!

Въ чемъ-же заключается причина грустнаго и позорнаго явленія—наводненія русскаго языка иностранными словами и оборотами?

Какъ ни странно, но даже учителя русскаго языка говорятъ, что виной двѣ причины: усиленное преподаваніе и изученіе латинскаго и греческаго языковъ и бѣдность русскаго языка. Но, по нашему глубокому убѣжденію, указанныя причины не только не основныя, а даже не второстепенныя. Изученіе классическихъ языковъ не можетъ способствовать порчѣ русскаго языка. Ссылка на переводы Клеванова не есть доказательство, что латинскій и греческій языки извращаютъ нашъ языкъ. Есть-же переводы, которые представляютъ собою образецъ классической правильности, красоты и изящества, которыми справедливо гордится русская переводная литература. Если-бы изученіе классическихъ языковъ имѣло разрушающее вліяніе на живые современные языки, то оно сказалось-бы въ языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Между тѣмъ послѣдніе не теряютъ ни своей силы, ни изящества, въ особенности французскій, имѣющій на европейцевъ и по сей день очень сильное вліяніе; между тѣмъ французскіе ученики не только учатся латинскому языку, но даже говорятъ на немъ, упражняются въ сочиненіи латинскихъ стиховъ. Справедлива-ли другая причина—бѣдность русскаго языка? Для опроверженія этой совершенно невѣрной мысли нѣтъ надобности повторять ни словъ Карамзина, ни Тургенева о величайшихъ достоинствахъ русскаго языка (вѣдь слова даже Тургенева можно назвать пристрастными, продиктованными кваснымъ патріотизмомъ); но довольно будетъ вспомнить, что въ переводахъ Жуковскаго образцы иностранныхъ языковъ явились въ совершенной русской формѣ. А если примемъ въ соображеніе, какія силы обнаружилъ нашъ языкъ, въ своей славян-

ской оболочкѣ, въ ту пору, когда наши предки, принявъ христіанство, пожелали имѣть богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, то еще болѣе убѣдимся въ несправедливости мысли, что русскій языкъ бѣденъ. Нашему языку пришлось вступить, безъ всякой подготовки, въ состязаніе съ греческимъ языкомъ, который, будучи обогащенъ геніемъ языческихъ писателей, принялъ въ себя еще обиліе выраженій богооткровенной истины и, подъ перомъ такихъ великихъ людей, каковы, напримѣръ, Іоаннъ Дамаскинъ и Іоаннъ Златоустъ, вылился въ прелестныя формы и образы, въ видѣ церковныхъ пѣснопѣній: каноновъ, тропарей, стихиръ и т. д. Какое въ нихъ обиліе мыслей и образовъ! Какая сжатость, сила и выразительность! Беремъ не на выборъ, а то, что приходитъ въ голову, изъ пѣснопѣній праздниковъ Рождества Христова и Пасхи.

«Богъ сый міра, Отецъ щедротъ, великаго совѣта твоего Ангела, миръ подавающа, послалъ еси намъ: тѣмъ богоразумія къ свѣту наставльшеся, отъ нощи утренююще, славословимъ Тя, Человѣколюбче!» Какое прекрасное сопоставленіе мира съ міромъ! Какое образное выраженіе: богоразуміе! Какое умилительное названіе Господа—Богомъ щедротъ, человѣколюбцемъ! «Мужескій убо полъ, яко разверзый дѣвственную утробу, явися Христосъ, яко человѣкъ-же, агнецъ наречеся, непороченъ-же, яко невкусенъ скверны, наша Пасха, и яко Богъ истиненъ, совершенъ речеся». Какъ изумительно хорошо въ этой пѣсни подобраны наименованія Спасителю человѣкомъ, мужескимъ поломъ, непорочнымъ агнцемъ, нашею Пасхою, истиннымъ Богомъ!

«Сохранивъ цѣла знаменія, Христе, воскреслъ еси отъ гроба, ключи дѣвы невредивый въ рождествѣ твоемъ, и отверзлъ еси намъ райскія двери». Какое сопоставленіе тайны воскресенія Спасителя съ тайной его рожденія! И какая цѣломудренность въ выраженіи невыразимаго понятія!

Русскій языкъ, въ своей славянской формѣ, если не вполнѣ сравнялся съ греческимъ языкомъ, такъ какъ сдѣлалъ ему уступку, принявъ для переводовъ греческое словорасположеніе, то все-таки съ честью вышелъ изъ борьбы, такъ какъ усвоилъ себѣ всѣ пѣснопѣнія церкви въ весьма доступной для пониманія формѣ, не прибѣгая къ тысячѣ греческихъ словъ, что непремѣнно сдѣлали-бы въ настоящее время. Могъ-ли выполнить такую задачу бѣдный языкъ? О, если-бы нынѣ пришлось переводить то, что было переведено нашими предками, то не въ 75.000 словъ появились-бы словари съ иностранными словами, а въ 750.000, если не болѣе!..

Въ чемъ-же заключаются дѣйствительныя причины обилія въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ?

По нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ: а) въ учителяхъ русскаго языка и словесности; б) въ преподаваніи русскаго языка и словесности; в) во второстепенной постановкѣ русскаго языка въ кругу предметовъ среднеучебныхъ заведеній, и г) въ отсутствіи преподаванія церковно-славянскаго языка и церковно-славянской литературы.

Нужно думать, что учителя русскаго языка и словесности, во всей совокупности, не внушали своимъ ученикамъ любви къ русскому языку и не развивали ея у тѣхъ учениковъ, у которыхъ она проявлялась. Въ одномъ изъ послѣднихъ отчетовъ попечителя Кіевскаго уч. округа *) есть отзывъ профессоровъ университета о сочиненіяхъ учениковъ VIII кл. гимназій на аттестатъ зрѣлости. По правдѣ говоря, нельзя не поражаться ошибками, не противъ правописанія (это дѣло спорное и сбивчивое), а противъ языка. Очевидно, что у учениковъ не были развиты ни навыкъ въ составленіи сочиненій, ни привычка, ни тѣмъ болѣе любовь къ нимъ. Но кто не знаетъ, какъ нынѣ относятся ученики къ сочиненіямъ и какъ пишутъ ихъ!.. Вполнѣ-ли и всецѣло-ли, однако, виноваты учителя русскаго языка и словесности, и нѣтъ-ли смягчающихъ вину обстоятельствъ? Есть двѣ причины: одна главная, а другая второстепенная.

Къ сожалѣнію, гимназическій курсъ, по общему сознанію, былъ такъ обширенъ, что все время дня, вечера и часть ночи учащіеся употребляли на изустное приготовленіе уроковъ и не находили времени не только на составленіе сочиненій, но даже на чтеніе, безъ котораго немыслимо писаніе сочиненій. Но главная причина состояла въ томъ, что все вниманіе учащихся обращалось на древніе языки, а русскій языкъ былъ какъ-бы второстепеннымъ. Естественно, что ученики не обращали на него должнаго вниманія. А у учителей не было способностей вызвать у учениковъ любовь къ отечественному языку.

Несомнѣнно, что создатели классическаго образованія надѣялись на учителей древнихъ языковъ, предполагая, что они, учителя, при переводахъ съ латинскаго и греческаго языковъ, будутъ добиваться чистоты и изящества родной рѣчи, и, совершенно правильно разсуждая въ теоріи, предполагали, что переводы съ древнихъ языковъ восполнятъ недостатокъ русскихъ упражненій. Несомнѣнно, что такіе результаты и могли-бы получиться, если-бы учителя классическихъ язы-

*) Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кіевскаго округа за 1890 г.

ковъ правильно поняли свою задачу. Мы знаемъ не мало людей, которые учились древнимъ языкамъ въ пору самаго сильнаго упадка ихъ преподаванія (въ 60-хъ годахъ), когда сами учителя латинскаго языка говорили ученикамъ, что онъ доживаетъ свой вѣкъ; но, попадая въ руки хорошаго учителя, ученики, при переводахъ, добивались чистой, правильной, даже изящной рѣчи и радовались, когда имъ удавалось справляться съ періодами Цицерона или съ частицами Платона (въ Апологіи Сократа).

Но какъ ни важны эти причины въ дѣлѣ порчи русскаго языка, все-таки онѣ ничто въ сравненіи съ важнѣйшей, не устраненной и до сихъ поръ.

Русскій языкъ оторванъ отъ своего истока, отъ своего корня, отъ почвы, которой онъ долженъ питаться, въ которой могъ-бы развиваться, крѣпнуть и изъ которой могъ-бы вырости въ могучій и прекрасный міровой языкъ: русскій языкъ оторванъ отъ церковно-славянскаго языка, какъ древняго, такъ и новаго періода. Всякаго должно поражать то обстоятельство, что всѣ мы считаемъ классическимъ знаменитое разсужденіе Ломоносова: «О нользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», заставляемъ учениковъ изучать разсужденіе Ломоносова, а сами ничего не дѣлаемъ для того, чтобы слѣдовать величайшему изъ учителей русскаго языка и словесности, нашей гордости и славѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою славянскій языкъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Каково въ нихъ изученіе этого языка? Служебное, не больше: славянскій языкъ преподается за тѣмъ, чтобы объяснить нѣкоторыя формы русскаго языка, какъ, напр., «много кадетъ, сотня солдатъ; но дѣломъ, пошелъ въ офицеры, въ учителя, съ дубовыми, тесовыми вороты; безъ роду, безъ племени; взялъ-бы» и т. д. Даже по новѣйшей гимназической программѣ, въ которой отводится уже нѣсколько большее значеніе и мѣсто церковно-славянскому языку, чѣмъ прежде, сказано такъ, что на чтеніе въ приготовительномъ классѣ нужно «употреблять въ недѣлѣ не болѣе двухъ часовъ». Въ 4-мъ-же классѣ введена грамматика, изъ которой болѣе всего проходятъ фонетику. Но нужна-ли фонетика гимназисту 4-го класса, мальчику? кто ее знаетъ? кто помнитъ ее? и многое-ли объясняется ею, когда, по правдѣ сказать, сама фонетика есть наука новая, которая требуетъ многаго множества работъ, и по преимуществу тщательнаго и всесторонняго изученія нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, не говоря уже о тщательномъ и подробнѣйшемъ изученіи всѣхъ памятниковъ древней литературы и письменности. Несомнѣнно, что изученіе всего перечисленнаго раздвигаетъ границы

знанія о языкѣ и, можетъ быть, дастъ возможность рѣшать не только такіе вопросы, какъ, напр., «какъ говорили въ Кіевѣ въ XIII и XIV вѣкахъ», но даже, можетъ быть, и болѣе темное. Но они интересны и необходимы для филологовъ-профессоровъ, а не для гимназистовъ. Допустимъ, что фонетика нужна. Но какъ она изучается? Не тѣмъ-ли мертвящимъ способомъ, противъ котораго возстаютъ всѣ? Если и проходится церковно-славянскій текстъ, то только въ отрывкахъ изъ Остромирова евангелія, для грамматическихъ цѣлей. Латинская и греческая грамматики изучаются для того, чтобы съ помощью ихъ можно было читать писателей, понимать ихъ и съ помощью ихъ образовывать въ себѣ всѣ высшія человѣческія свойства, качества и стремленія. А для чего-же изучается славянская грамматика? Чему она служитъ? Или нѣтъ литературы на славянскомъ языкѣ, кромѣ Остромирова евангелія?—Литература есть, да еще какая богатая литература, болѣе вѣчная, чѣмъ литература грековъ и римлянъ! Я говорю не о библіи, а о церковной литературѣ, о тѣхъ поэтическихъ образцахъ, которые заключены въ октоихѣ, тріодяхъ; говорю о тѣхъ пѣснопѣніяхъ, которыя вылились изъ-подъ пера знаменитыхъ отцовъ церкви: они, усвоивъ себѣ всю еллинскую и римскую языческую мудрость, внесли свѣтъ и тепло христіанства въ человѣческую мудрость и излили ее въ чудныхъ, по краткости, силѣ, стройности и образности, церковныхъ пѣсняхъ. Удивляются, что образованные люди или не ходятъ въ церковь, или, пришедши, стоятъ въ ней такъ небрежно и разсѣянно, что неприлично смотрѣть. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Кто-же понимаетъ то, что поютъ и читаютъ въ церкви? Кто вникаетъ умомъ и сердцемъ въ церковныя пѣснопѣнія? Если для пониманія какого-нибудь поэтическаго произведенія нужно долго и основательно изучать его; если для изученія Шекспира люди затрачиваютъ всю жизнь, то, конечно, нужно долго и основательно изучать и творенія церковныхъ поэтовъ, напр., св. Іоанна Дамаскина, который признанъ однимъ изъ столповъ церкви, однимъ изъ ея устроителей. Но, можетъ быть, изученіе церковныхъ пѣснопѣній есть исключительное дѣло духовныхъ учебныхъ заведеній? Если будетъ признано, что изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ есть исключительное дѣло свѣтскихъ учебныхъ заведеній и что духовныя должны быть освобождены отъ изученія греческихъ и римскихъ классиковъ, то, конечно, нужно будетъ признать, что церковныя пѣснопѣнія должны быть изучаемы только въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Кто-же, однако, скажетъ, что изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ лишнее дѣло для духовныхъ учебныхъ заведеній? То, что имѣетъ высокое учебное и воспитательное

значеніе, то и должно быть изучаемо всѣми. А если мы—христіане, то, естественно, должны изучать то, что въ христіанской церкви имѣетъ важное значеніе. Церковныя-же пѣснопѣнія несомнѣнно и безспорно имѣютъ именно такое значеніе. Замѣчательно, что живущіе среди насъ инородцы и иновѣрцы съ замѣчательною любовью относятся къ своимъ религіознымъ произведеніямъ и къ религіозному языку. Такъ, евреи изучаютъ, да еще какъ, древне-еврейскій языкъ, печатаютъ на языкѣ его книги, періодическія изданія, магометане изучаютъ не только турецкій языкъ, но и арабскій. Несомнѣнно, что въ изученіи магометанами турецкаго и арабскаго языковъ сказывается не только религіозная потребность, но и нѣкоторое политическое влеченіе къ корню ислама и къ силѣ его, которую нынѣ представляетъ Турція.

Церковно-славянскій языкъ не есть языкъ какого-либо государства, представителя внѣшней силы, объединяющаго разрозненные элементы, какъ, напр., турецкій въ отношеніи всѣхъ магометанъ. Но за-то церковно-славянскій языкъ, какъ арабскій, есть языкъ церкви, понятный всѣмъ славянамъ, чего нельзя сказать ни объ арабскомъ, въ отношеніи магометанъ, ни о еврейскомъ, который еще до Рождества Христова пересталъ быть живымъ и нынѣ совершенно непонятенъ евреямъ. Но они, какъ упомянуто выше, изучаютъ его, и, когда слышатъ, что мы не знаемъ своего церковно-славянскаго языка, безконечно удивляются. Несомнѣнно, что тому-же удивились-бы и магометане, если-бы знали, что мы не понимаемъ и не изучаемъ языка своей церкви,—того языка, который, какъ арабскій и турецкій для магометанъ, можетъ имѣть и имѣетъ политическое значеніе, такъ какъ объединяетъ собой если не всѣ славянскія племена, то нѣкоторыя, и если не въ гражданской сферѣ, то въ духовной, въ дѣлѣ церкви и молитвы.

Но учителю русскаго языка нѣтъ надобности касаться такихъ широкихъ вопросовъ, къ которымъ принадлежитъ и вопросъ о политикѣ: она не дѣло учебныхъ заведеній и преподаванія въ нихъ.

Изученіе церковно-славянскаго языка, помимо практической стороны, съ духовной точки зрѣнія, полезно для самого-же русскаго языка, полезно и для древнихъ языковъ, а въ особенности полезно для возможности пріобрѣсти высокое духовное развитіе.

Разсмотримъ первую пользу.

Нынѣ изученіе церковно-славянскаго языка ведется внѣ связи съ русскимъ, какъ дополненіе къ нему. Между тѣмъ изученіе церковно-славянскаго языка должно идти въ уровень съ русскимъ. Слѣдуя общепринятому порядку, я самъ изучалъ церковно-славянскій языкъ

*

отдѣльно отъ русскаго; но, не могу не сознаться, не получалъ вполнѣ желаемыхъ результаковъ. Когда-же я сталъ проходить оба языка одновременно, то получились вполнѣ удовлетворительные результаты и отчетливое знаніе. Но мнѣ возразятъ, что педагогика запрещаетъ предлагать для изученія двѣ трудности сразу. Но какая-же трудность, даже ученику 1-го класса гимназіи, одновременно изучать двѣ формы: русскую и славянскую? Поступитъ-ли ученикъ въ 1-й классъ съ домашнимъ приготовленіемъ, съ знаніемъ-ли курса приготовительнаго класса—все равно, ученикъ уже знаетъ основныя формы склоненій, твердое и мягкое.

Въ чемъ-же будетъ трудность для ученика, если онъ будетъ учить: рабъ — **рабъ**, рабъ — **ра́бе**, раба — **раба̀**, рабу — **рабꙋ̀**, раба — **рабъ**, рабомъ — **рабъмь** — **рабомъ**, о рабѣ — **рабѣ** и т. д., рабы — **рабы̀**, рабовъ — **ра̑бъ**, рабамъ — **рабѡ̑мъ**, рабовъ — **рабы̀**, рабами — **рабы̀**, о рабахъ — о **рабѣ̀хъ**,—въ особенности, если будетъ учить сознательно, съ примѣрами, въ составѣ предложенія. Мнѣ думается, что повтореніе тѣхъ-же склоненій, которыя уже извѣстны, ученику будетъ труднѣе изучить, чѣмъ новую отрасль знанія въ сравненіи со старой, уже извѣстной. Мнѣ такъ кажется. Говорю такъ неутвердительно потому, что не смѣю стоять за правильность своего единичнаго и личнаго опыта, хотя все-таки думаю, что параллельное изученіе языка несомнѣнно облегчитъ и упо́рядочитъ знанія учениковъ, особливо, если будетъ ведено въ строгой послѣдовательности и въ соотвѣтствіи съ силами учениковъ. При этомъ только условіи, т.-е. при постепенномъ изученіи языковъ въ первыхъ трехъ классахъ, когда здѣсь будетъ твердо пройдена этимологія и синтаксисъ, въ 4-мъ классѣ будетъ возможно пройти и фонетику языка, и осмыслить весь курсъ языкознанія, на сколько онъ входитъ въ гимназическій курсъ. Совмѣстно съ изученіемъ грамматическихъ формъ должно обязательно идти и совмѣстное чтеніе, русское и церковно-славянское. Мнѣ просто видятся улыбки многихъ и даже слышатся рѣчи: «Не изучать-ли ектеніи?» И я серьезно отвѣчаю: да, изучать ектеніи, и отвѣчаю безъ шутокъ. По моему мнѣнію, болѣе жизненно изучать то, что часто ученики слышатъ и что нужно знать, чѣмъ изучать то, чего они никогда не услышатъ и не прочитаютъ, какъ, напр., примѣры изъ житій святыхъ, хранящихся въ рѣдкихъ изданіяхъ или въ рукописяхъ. Мнѣ думается, что первое лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія дѣти скорѣе поймутъ, когда услышатъ примѣры: «рцемъ вси отъ всея души...», «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ» и т. д., чѣмъ изъ книжныхъ примѣровъ. И потому я искренно говорю: какъ было-бы

хорошо, если-бы при русскомъ чтенiи было и славянское, и на первыхъ порахъ изъ всенощной и литургiи, т.-е. то, что дѣти еженедѣльно слышатъ, что читаютъ и поютъ; а потомъ уже отрывки изъ тѣхъ сочиненiй древне-русской литературы, которые придется изучать въ старшихъ классахъ, на урокахъ русской литературы. Я высказываю не новую мысль. Давнымъ-давно она не только высказывалась, даже проводилась въ жизнь. Я знаю хрестоматiю Пенинскаго, въ которой былъ весьма большой подборъ статей изъ пѣснопѣнiй церкви. Составитель одной изъ новѣйшихъ книгъ для чтенiя, «Родины», г. Радонежскiй, своимъ русскимъ чутьемъ развѣ не додумался до той-же мысли, внося въ свою книгу отрывки изъ евангелiя св. страстей. Правда, онъ сдѣлалъ это, чтобы полнѣе очертить страстную недѣлю: но все-таки сказывается уже признанiе потребности внесенiя въ русскую книжку славянскаго текста. А сколько будетъ пользы отъ такого внесенiя славянскаго текста въ русскую книгу!

Не буду говорить о пользѣ чисто церковной, но скажу о воспитательной сторонѣ этого дѣла.

Нужно-ли воспитывать дѣтей въ религiозно-нравственномъ направленiи? Если мы нелицемѣрно говоримъ, что нужно, то мы обязаны сдѣлать все, чтобы воспитать религiозно-настроеннаго юношу. Безъ знанiя-же того, что вводитъ человѣка въ церковь и въ истинное общенiе съ ней, не можетъ быть полной и сознательной религiозности,— сознательной до готовности твердо, до послѣдней капли крови отстаивать свои убѣжденiя. А есть у насъ такая готовность? Не знаемъ-ли мы того обстоятельства, что среди простого народа, во всѣхъ концахъ русской земли, расколъ вырываетъ себѣ жертвы среди православныхъ; что среди образованнаго класса также распространяются религiозныя заблужденiя и, какъ среди простонародья, образовываются разныя секты. Чѣмъ объяснить эти явленiя? Конечно, энергiей и силой сектантства. Въ чемъ-же она заключается? Въ церковности; въ томъ, что каждый раскольникъ знаетъ все, относящееся къ своей церкви, и живетъ церковностью и руководится ею, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ своей интимной жизни, чѣмъ и поражаетъ «никонiанца». Такое явленiе замѣчается и въ новѣйшей формѣ русскаго раскола — штундѣ: всѣ штундисты знаютъ свои религiозныя пѣсни и молитвы. Вотъ это церковное направленiе и даетъ человѣку, если такъ можно выразиться, внутреннюю окраску, теплоту и даже сущность; а отсутствiе церковности создаетъ безразличiе и пустоту.

Но не будемъ смотрѣть на дѣло изученiя церковно-славянскихъ

пѣснопѣній съ одной только религіозной и церковной стороны; посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія пользы для русскаго языка.

Чтеніе церковныхъ пѣснопѣній полезно для учителя русскаго языка и цѣлей преподаванія его. Чрезъ сравнительное изученіе формъ старо-славянскаго языка и русскаго вполнѣ выяснятся предъ учениками склоненія и спряженія, а также синтактическія особенности. Чрезъ переводы съ славянскаго языка на русскій получится возможность заставить учениковъ серьезнѣе вдуматься въ этимологію и синтаксисъ языка и подготовиться къ переводамъ съ латинскаго и греческаго.

Чрезъ разборъ построеній церковныхъ пѣснопѣній ученики пріобрѣтутъ точныя понятія о построеніи сложнаго предложенія и періода: почти всѣ церковныя пѣснопѣнія выражены въ очень сжатой формѣ, и потому представляютъ прекрасный матеріалъ для разбора и перевода. Чрезъ выясненіе даже неправильностей въ формахъ, которыя вошли въ текстъ, вслѣдствіе вліянія русскаго языка, ученики узнаютъ, въ чемъ произошло измѣненіе въ языкѣ и почему. Чрезъ постепенное изученіе отрывковъ изъ лѣтописи преподобнаго Нестора, житія преподобнаго Ѳеодосія и т. д. ученики не только основательно усвоятъ себѣ этимологію и синтаксисъ, но и познакомятся съ тѣми произведеніями, которыя имъ придется изучать въ 4-мъ и 5-мъ классахъ. Тогда учителю русскаго языка въ сихъ классахъ не придется тратить время на грамматическій разборъ, чего, между прочимъ, требуетъ программа, а придется съ пользой употреблять время на выясненіе литературныхъ достоинствъ отрывковъ, и ученики, уже знакомые съ отрывками, быстро усвоятъ объясненія учителя.

Чрезъ изученіе церковныхъ пѣснопѣній произошла-бы большая польза для преподаванія латинскаго и греческаго языковъ. Что затрудняетъ учениковъ въ древнихъ языкахъ? Не столько этимологія, сколько синтаксисъ со своимъ словорасположеніемъ, въ которомъ дѣтямъ трудно разобраться.

А разборъ церковныхъ пѣснопѣній съ переводомъ ихъ на русскій языкъ несомнѣнно поможетъ ученикамъ понять всю прелесть сжатой классической рѣчи, въ которой въ немногихъ словахъ писатели умѣли выразить многіе мысли и образы, при разнообразныхъ сравненіяхъ, уподобленіяхъ и сопоставленіяхъ.

Нужно-ли говорить о значеніи изученія церковно-славянскаго языка, при помощи церковныхъ пѣснопѣній, для духовнаго развитія, для укрѣпленія вѣры въ Бога, любви къ людямъ и стремленія къ духовному самосовершенствованію? Говорить объ этомъ — значитъ повто-

рять то, что каждый, навѣрное, чувствуетъ въ своемъ сердцѣ, когда вдумывается въ смыслъ православнаго богослуженія и во входящія въ него пѣснопѣнія.

Для полученія такихъ результатовъ слѣдовало-бы держаться такого порядка въ изученіи церковно-славянскаго языка. Въ приготовительномъ классѣ изучать молитвы, пѣснопѣнія литургіи и всенощной, а въ заключеніе—нѣсколько отрывковъ изъ Остромирова евангелія съ параллельнымъ ново-славянскимъ текстомъ, чтобы дать учителю русскаго языка, въ 1-мъ классѣ, возможность брать примѣры изъ пріобрѣтеннаго учениками запаса въ приготовительномъ классѣ. Въ 1-мъ классѣ — отрывки изъ Остромирова евангелія, изборника Святослава, лѣтописи Нестора, житія преп. Өеодосія; а по ново-славянскому тексту — пѣснопѣнія праздниковъ Пасхи и Рождества Христова; во II-мъ классѣ — Хожденіе игумена Даніила, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово Серапіона о нашествіи татаръ; по ново-славянскому-же тексту: пѣснопѣнія Страстной недѣли и 1-й недѣли поста; въ III-мъ классѣ — слово о полку Игоревѣ и пѣснопѣнія 12-ти праздниковъ; въ IV-мъ классѣ — отрывки изъ Домостроя и изъ исторіи Курбскаго, а по ново-славянскому — главнѣйшія пѣснопѣнія октоиха. При изученіи грамматики съ I-го класса слѣдовало-бы прежде всего обогащать учениковъ примѣрами, какъ матеріаломъ для осмысленнаго пониманія правилъ; и только по накопленіи матеріала приступать, сразу-же, къ изученію склоненій, вызывая всякій разъ въ памяти учениковъ примѣры изъ прочитаннаго старо- и ново-славянскаго текста.

На основаніи опыта смѣю думать, что такое преподаваніе возможно, не затруднительно для учениковъ и дастъ удовлетворительные результаты. По собственному опыту знаю, что всякій учитель русскаго языка всей душой полюбилъ-бы церковную литературу и вложилъ-бы любовь къ ней и въ сердца своихъ учениковъ, если-бы велъ преподаваніе церковно-славянскаго языка одновременно съ русскимъ, при помощи изученія церковныхъ пѣснопѣній. Мнѣ думается, что при такомъ ходѣ преподаванія въ скоромъ времени всѣ сознали-бы, что *церковно-славянскій языкъ есть нашъ родной классическій языкъ*, не только равный латинскому и греческому, но превосходящій ихъ своею литературой (?): вѣдь нельзя-же не признать, что какъ ни изящна древняя литература, но вѣдь она проникнута чувственностью и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что изученіе нашего родного классическаго языка освѣжило-бы и русскій языкъ, влило-бы въ него новыя силы и свѣжесть и спасло-бы насъ отъ того наводне-

нія иностранными словами, которыя, какъ сыпучій песокъ, засыпаютъ нашу рѣчь и мертвятъ ее.

Подобно древнему герою, который отъ прикосновенія къ матери-землѣ получалъ вновь силы и становился непобѣдимымъ, и русскій языкъ, при соприкосновеніи съ церковно-славянскимъ, станетъ вновь свѣжимъ, сильнымъ, живымъ, образнымъ и поэтическимъ,—міровымъ языкомъ, великимъ и могучимъ, какъ и тотъ народъ, который говоритъ нанемъ.

Александръ Тарнавскій.

О церковно-славянскихъ словаряхъ, какъ учебныхъ пособіяхъ въ начальныхъ училищахъ.

1) Краткій словарь для толковаго чтенія часослова и псалтири (учебныхъ). Протоіерея Александра Свирѣлина. Изд. 2-е. М. 1890 г. VI + 72 стр. in 8°. Ц. 20 к. 2) Учебный словарь къ часослову и псалтири церковно-славянскаго языка. Составилъ Константинъ Грузинцевъ. М. 1887 г. VI + 130 стр. in 8°. Ц. 35 к. 3) Объяснительный словарь малопонятныхъ церковно-славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ св. Евангеліи, часословѣ и псалтири. Сост. А. Н. Соловьевъ. Изд. 3-е. М. 65 стр. in 16°. Ц. 10 к. 4) Справочный словарь церковно-славянскаго языка. Сост. К. Козьминъ. 1889 г. М. 16 стр. in 8°. Ц. 5 к. 5) Справочный словарь церковно-славянскаго языка съ примѣрами изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта и изъ церковныхъ пѣснопѣній. Пособіе для школъ. Сост. А. Тихомировъ. М. 1887 г. 199 стр. in 16°. Ц. 30 к. 6) Словарь малопонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ Евангеліи, псалмахъ, молитвахъ и пѣснопѣніяхъ православной церкви. Сост. Ал. Державинъ. Вып. 1-й. Изд. 4-е, передѣланное. Спб. 1891 г. 55 стр. in 8°. Ц. 15 к. 7) То же. Вып. 2-й. Спб. 1887 г. 83 стр. in 16°. Ц. 30 к. 8) Краткій объяснительный словарь малопонятныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ св. Евангеліи, часословѣ, псалтирѣ и другихъ богослужебныхъ книгахъ. Сост. свящ. Евгеній Ландышевъ. 1891 г. Спб. 68 стр. in 8°. Ц. 10 к. 9) Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ (для духовныхъ училищъ и другихъ школъ). Изд. 2-е. Новгородъ. 96 стр. in. 16°. Ц. 15 к.

Церковно-славянскіе словари, какъ учебныя пособія, появились въ начальныхъ школахъ недавно. Снабженіе начальныхъ школъ этими пособіями вызвано дѣйствительною потребностью. Начальная школа должна достигать того, чтобы ученики ея сознательно относились къ

церковно-славянскому тексту, не превышающему своимъ содержаніемъ умственнаго роста ихъ. Но пониманіе церковно-славянскаго текста въ весьма значительной степени зависитъ отъ знанія читающимъ значеній церковно-славянскихъ словъ. Читая, напримѣръ, въ Новомъ Завѣтѣ изреченія: красите раки праведныхъ (Мѳ. 23, 29), или: сицевыхъ вещей дѣлатели (Дѣян. 19, 25), и не зная значеній церковно-славянскихъ словъ: раки, сицевыхъ—ученики могутъ понять приведенныя изреченія самымъ превратнымъ образомъ; читая изреченія: не обуи ли Богъ премудрость міра сего (1 Кор. 1, 20), или: чермнуетбося дряселуя небо (Мѳ. 16; 3), и не зная значеній церковно-славянскихъ словъ: обуи, дряселуя, чермнуетбося, они вовсе не поймутъ этихъ изреченій. Ясно, что знаніе значеній церковно-славянскихъ словъ нужно считать весьма важнымъ. Оно для учениковъ начальныхъ школъ едва-ли не важнѣе практическаго ознакомленія ихъ съ формами церковно-славянскаго языка. Зная значенія церковно-славянскихъ словъ, ученики, часто руководясь только разсудочнымъ соображеніемъ, легко усваиваютъ содержаніе церковно-славянскаго текста; но если въ немъ попадаются слова съ непонятными значеніями, то въ этомъ случаѣ они оказываются совершенно неспособными уразумѣть читаемое ими. Поэтому, какъ только Министерство Народнаго Просвѣщенія стало заботиться о правильной постановкѣ обученія учениковъ начальныхъ школъ церковно-славянскому чтенію, какъ только стали предъявляться начальнымъ школамъ требованія—не ограничиваться механизмомъ чтенія церковно-славянской грамоты, но вводить учениковъ въ пониманіе церковно-славянскаго текста, такъ сознались потребность въ соотвѣтственныхъ пособіяхъ, и появились церковно-славянскіе словари.

Правда, у насъ имѣется «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ», но онъ, во-первыхъ, для многихъ низшихъ училищъ недоступенъ по цѣнѣ, а во-вторыхъ, онъ можетъ пригодиться, какъ пособіе, только учителю, а не ученикамъ. На практикѣ церковно-славянскій словарь, какъ учебное пособіе, нуженъ какъ учителю, такъ и ученикамъ. Что онъ нуженъ учителю начальной школы, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ заучивались когда-либо церковно-славянскія слова съ ихъ значеніями? Ни въ какихъ,—ни въ свѣтскихъ, ни въ духовныхъ. Поэтому легко можно встрѣтить учителей начальныхъ школъ, которые очень скудны знаніемъ церковно-славянскаго языка съ этой стороны. Стоитъ припомнить, что до недавняго времени лица, державшія въ педагогическихъ со-

вѣтахъ разныхъ учебныхъ заведеній экзаменъ на званіе учителя начальнаго училища, не подвергались никакому испытанію по церковно-славянскому языку. Да если-бы лица, обучающія теперь въ начальныхъ школахъ, когда-либо и заучивали церковно-славянскія слова съ ихъ значеніями, то съ теченіемъ времени могутъ многое перезабыть,—тѣмъ болѣе, что многія церковно-славянскія слова имѣютъ по нѣскольку значеній. Значитъ, церковно-славянскій словарь можетъ оказаться необходимымъ и такимъ лицамъ. То обстоятельство, что существуетъ русскій переводъ Библіи, также нисколько не дѣлаетъ церковно-славянскаго словаря лишнимъ въ начальной школѣ; кромѣ библейскихъ книгъ—Евангелія, псалтири—въ начальной школѣ читаются и другія, напримѣръ, учебный октоихъ, учебный часословъ, для которыхъ еще не существуетъ русскаго перевода. Да и русская Библія, какъ покажемъ ниже, не всегда можетъ замѣнить словарь на урокахъ церковно-славянскаго чтенія.

Разсмотримъ теперь, въ какихъ случаяхъ церковно-славянскій словарь можетъ быть полезенъ ученикамъ начальныхъ школъ. 1) Ученики могутъ нуждаться въ церковно-славянскомъ словарѣ для подыскиванія значеній къ церковно-славянскимъ словамъ при выполненіи письменныхъ переводовъ съ церковно-славянскаго языка на русскій, назначаемыхъ двумъ отдѣленіямъ на тѣ часы, въ которые учитель занимается лично съ третьимъ отдѣленіемъ. 2) Ученики могутъ нуждаться въ церковно-славянскомъ словарѣ при самостоятельномъ классномъ чтеніи церковно-славянскаго текста въ тѣ-же часы, готовясь дать отчетъ въ прочитанномъ. 3) Пользуясь церковно-славянскимъ словаремъ, ученики могутъ дома подыскивать значенія церковно-славянскихъ словъ, приготовляясь къ новому уроку. 4) Наконецъ, церковно-славянскій словарь можетъ быть полезенъ еще въ одномъ весьма важномъ отношеніи: методически обработаннымъ церковно-славянскимъ словаремъ ученики могутъ пользоваться для заучиванія наизусть церковно-славянскихъ словъ съ ихъ значеніями.

Польза намѣреннаго заучиванія церковно-славянскихъ словъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Безъ намѣреннаго заучиванія ихъ наизусть запасъ ихъ въ памяти учениковъ, прошедшихъ курсъ начальной школы, окажется слишкомъ незначительнымъ, а съ теченіемъ времени еще болѣе сократится. Правда, заучиваніе церковно-славянскихъ словъ можетъ производиться при посредствѣ классной книги для церковно-славянскаго чтенія. Въ такой книгѣ должны быть сообщены значенія всѣхъ непонятныхъ словъ, съ которыми ученики встрѣчаются при чтеніи ея. Но заучиваніе только тѣхъ непонятныхъ

словъ, съ которыми ученики встрѣчаются на урокахъ чтенія классной книги, еще недостаточно. Въ классной книгѣ ученики могутъ не встрѣтить многихъ словъ, съ которыми они встрѣтятся со временемъ при чтеніи Евангелія, часослова, октоиха, псалтири и т. п., или услышатъ при богослуженіи. Если ученики заучатъ только слова, встрѣтившіяся имъ во время класснаго чтенія, то это еще не можетъ ручаться за то, что ими будетъ усвоено все необходимое въ этомъ отношеніи. Въ этомъ дѣлѣ многое будетъ зависѣть, прежде всего, отъ количества прочитаннаго (а въ начальной школѣ можетъ быть прочитано очень небольшое количество страницъ церковно-славянскаго текста), потомъ отъ характера читаемаго; напримѣръ, слова: па́знѡкти, гана́ніє, хлѧ́бь—не встрѣчаются ни въ Евангеліи, ни въ посланіяхъ апостольскихъ, но ихъ можно встрѣтить при чтеніи псалтири. Поэтому, если признать необходимымъ заучиваніе церковно-славянскихъ словъ, то слѣдуетъ поставить это дѣло не кое-какъ, а толково и основательно.

Заучить необходимое количество церковно-славянскихъ словъ съ ихъ значеніями ученики могутъ, пользуясь цѣлесообразно составленными упражненіями, матеріалъ для которыхъ долженъ быть помѣщенъ при церковно-славянскомъ словарѣ. Такія упражненія могутъ состоять въ слѣдующемъ. Въ приложеніи, помѣщенномъ въ концѣ церковно-славянскаго словаря, дается, положимъ, такая задача: «Перепишите слѣдующія церковно-славянскія слова, припишите къ нимъ ихъ значенія, отыскавши ихъ въ словарѣ, и потомъ заучите ихъ».

„Йже, ка́кѡ, вни́ти, го́рше, ка́мѡ, ту́не, ѕѣлѡ̀, два́щи, нижѐ, реці̀, препрѧ́да, ча́ѧти, ту́къ, та́й, су́да́рь“.

Ученики подыскиваютъ по церковно-славянскому словарю значенія къ даннымъ словамъ и записываютъ церковно-славянскія слова съ ихъ значеніями въ особыя, для того и заведенныя, «тетради для церковно-славянскихъ словъ», располагая записываемое въ два столбца. Напримѣръ:

Йже . . . . . который.
Ка́кѡ . . . . . какъ.
Вни́ти . . . . войти.

По записаніи этого упражненія, ученики прочитываютъ слова съ значеніями нѣсколько разъ и заучиваютъ. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ заучиваніи этихъ словъ въ данномъ порядкѣ; нѣтъ никакой надобности добиваться того, чтобы ученики могли наизусть прочитывать заученное; на такое заучиваніе напрасно тратилось-бы время. Напротивъ, въ данномъ случаѣ нужно довольство-

ваться только такимъ заучиваніемъ, при которомъ ученики могутъ воспользоваться усвоенными значеніями церковно-славянскихъ словъ всякій разъ, когда это потребуется. При этомъ ученикамъ нужно разъяснить, какъ они сами себя могутъ провѣрить—усвоили-ли они упражненіе, или нѣтъ. Для такой провѣрки ученики, закрывши полоской бумаги русскія значенія, должны припоминать ихъ, прочитывая церковно-славянскія слова; закрывши, напримѣръ, значенія: *который*, *какъ*, *войти*, и читая: ӥже, должны сказать: *который;* читая: ка́кѡ, должны сказать: *какъ;* читая: вни́ти, должны сказать: *войти* и т. д. Записывать въ этомъ упражненіи церковно-славянскія слова ученики могутъ русскими буквами, но должно требовать, чтобы они ставили надъ словами надстрочные знаки; если-же ученики пожелаютъ и сумѣютъ записывать церковно-славянскія слова церковно-славянскими буквами, по печатному, то нѣтъ причинъ не дозволять имъ этого.

Записавши церковно-славянскія слова съ ихъ значеніями на одномъ урокѣ и усвоивши ихъ памятью, ученики на одномъ изъ слѣдующихъ уроковъ могутъ возвратиться къ нимъ съ цѣлью повторить упражненіе и еще прочнѣе закрѣпить въ памяти разъ изученную группу церковно-славянскихъ словъ. Это повторительное упражненіе можетъ состоять въ слѣдующемъ. Ученикамъ предлагается матеріалъ, напечатанный въ словарѣ вслѣдъ за первымъ упражненіемъ. Этотъ матеріалъ разбитъ на двѣ группы; въ одной изъ нихъ помѣщены церковно-славянскія слова, а въ другой—русскія значенія ихъ; послѣднія намѣренно помѣщены въ разбивку. Ученикамъ дается задача—переписывая каждое церковно-славянское слово, подыскивать къ нимъ значенія изъ числа помѣщенныхъ во второй группѣ; а въ случаѣ сомнѣнія ученики могутъ отыскать нужное слово въ словарѣ. Вотъ, для примѣра, матеріалъ такого упражненія:

Ӥже, ка́кѡ, вни́ти, го́рше, ка́мѡ, тꙋ́не, ѕѣлѡ̀, два́щи, нижѐ, рещѝ, препрѧ́да, чаѧ́ти, тꙋ́къ, та́й, сꙋда́рь.	Тайно. Платъ. Сказать. Багряница. Жиръ. Ожидать. И не. Очень, весьма. Дважды. Хуже. Который. Какъ. Войти. Даромъ. Куда.

Переписывая это упражненіе въ тетради, ученики пишутъ такъ, Ӥже — который, ка́кѡ — какъ, вни́ти — войти и т. д. Это упражненіе пишется не на той тетради, въ которую занесено первое упражненіе, а на какой-либо другой,—положимъ, на той, на которой ученики пишутъ диктантъ, грамматическія упражненія и т. п. Переписавши повторительное упражненіе, ученики свѣряютъ его по «тетради для церковно-славянскихъ словъ» съ тѣмъ, которое выполнено ими въ пер-

вый разъ. Къ этому повторительному упражненію ученики, по мѣрѣ надобности, должны возвращаться отъ времени до времени. Когда учениками будетъ усвоена одна группа церковно-славянскихъ словъ, они переходятъ къ новой. Въ «тетради для церковно-славянскихъ словъ» группы изученныхъ словъ должны быть отмѣчены цыфрами: 1, 2, 3 и т. д. Такимъ путемъ ученики въ теченіе курса могутъ усвоить довольно значительное количество церковно-славянскихъ словъ. Понятно, что эти упражненія ученики выполняютъ въ тѣ часы, въ которые учитель не бываетъ занятъ съ ними лично, давая урокъ въ другихъ отдѣленіяхъ. Въ концѣ второй половины 1-го учебнаго года такія упражненія возможны уже и въ младшемъ отдѣленіи.

Въ виду несомнѣнной полезности церковно-славянскихъ словарей, какъ учебныхъ пособій, для начальной школы, интересно теперь опредѣлить, что̀ содержатъ въ себѣ эти новыя пособія? Тщательно пересмотрѣвши ихъ, приходится убѣдиться, что не всѣ изданные до сего времени церковно-славянскіе словари вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію и что нѣкоторые изъ нихъ, какъ дѣло новое, совершенно не выясненное въ учебно-методической литературѣ, носятъ на себѣ нѣкотораго рода неприспособленность и неопредѣленность. Въ однихъ изъ нихъ не мало лишняго матеріала, въ другихъ, наоборотъ,—не мало пробѣловъ. По содержанію ихъ нерѣдко бываетъ трудно составить понятіе о томъ, для кого они предназначаются—для учениковъ-ли только, или для учениковъ и вмѣстѣ для учителя, или только для учителя. Вотъ, что мы находимъ въ нихъ.

1) Даже при бѣгломъ обзорѣ церковно-славянскихъ словарей бросается въ глаза нѣкоторый излишній матеріалъ въ нихъ. Напримѣръ, въ нихъ (особенно въ словарѣ А. Свирѣлина) очень много мѣста отведено подъ такія свѣдѣнія, какъ біографическія данныя о жизни Аарона, Авраама, Аммона, Веніамина, Давида, Навина, Іосифа, Исаака, Левія, Мельхиседека и проч., и проч. и библейско-географическія данныя о Вавилонѣ, Ермонѣ, Египтѣ, Іерусалимѣ, Кадесѣ и т. п. Въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ словаряхъ можно встрѣтить и небиблейскія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Напримѣръ, въ словарѣ К. Грузинцева, на стр. 11-й, помѣщены свѣдѣнія о Биргерѣ: „Вейлгеръ—сущ. Биргеръ—предводитель шведовъ, котораго на берегахъ рѣки Невы и устьѣ Ижоры поразилъ святой благовѣрный князь Александръ Всеволодовичъ (!!!) въ битвѣ 1240 года, и за эту побѣду прозванный Невскимъ». Въ словарѣ А. Тихомирова, на стр. 6-й, сообщается: „Ареопа́гъ—холмъ Арея, въ Аѳинахъ, близъ крѣпости, на которомъ обсуждались важныя дѣла—ста́въ же Па́велъ посредѣ Арео-

па́га, речѐ" (Тутъ все есть, кромѣ необходимаго, именно—не сказано, что Ареопагъ—верховное судилище). Свѣдѣнія о жизни историческихъ лицъ, а равно и свѣдѣнія изъ библейской географіи слѣдуетъ считать въ церковно-славянскихъ словаряхъ излишними. Свѣдѣнія эти не нужны ни учителю, и безъ словаря знающему ихъ, ни ученикамъ, которымъ все это должно быть извѣстно изъ уроковъ Закона Божія.

2) Многія церковно-славянскія слова имѣютъ по нѣскольку значеній. Нѣкоторые составители церковно-славянскихъ словарей, повидимому, не придаютъ важности этой особенности языка и въ своихъ книжкахъ къ каждому церковно-славянскому слову присоединяютъ только по одному значенію. Вслѣдствіе этого на практикѣ получается не мало неудобствъ. Напримѣръ, въ словарѣ А. Свирѣлина слово ѻ҆би́тель имѣетъ только одно значеніе—монастырь; въ словаряхъ А. Соловьева и Е. Ландышева слово па́стырь имѣетъ только одно значеніе—пастухъ; въ словарѣ А. Тихомирова слово і҆спада́ти имѣетъ только одно значеніе—опадать, худѣть; въ словарѣ К. Козьмина слово бра́нь имѣетъ только одно значеніе—война; въ словаряхъ С. Ширкевича и Е. Ландышева слово бдѣ́ти имѣетъ только одно значеніе—не спать, бодрствовать. Спрашивается, какъ ученики, руководясь этими словарями, должны будутъ перевести, напримѣръ, слѣдующія мѣста священнаго писанія: и҆ вни́де во ѻ҆би́тель свою̀, и҆ ꙗ҆дѐ съ мꙋ́жемъ свои́мъ и҆ пѝ (1 Цар. 1, 18); занѐ не бѣ̀ и҆̀мъ мѣ́ста во ѻ҆би́тели (Лук. 2, 7); То́й да́лъ є҆́сть ѻ҆́вы ѹ҆бѡ а҆п҇ли........ ѻ҆́вы же па́стыри и҆ ѹ҆чи́тели (Еф. 4, 11); пріѧ́ти жре́бїй слꙋже́нїѧ сегѡ̀ и҆ а҆по́стольства, и҆з̾ негѡ̀ же і҆спадѐ І҆ꙋ́да (Дѣян. 1, 25); ѿкꙋ́дꙋ бра́ни и҆ сва́ры въ ва́съ (Іак. 4, 1); Ті́и бо бдѧ́тъ ѡ҆ дꙋша́хъ ва́шихъ (Евр. 13, 17)? Руководясь названными словарями, ученики могутъ перевести указанныя мѣста священнаго писанія только такъ: и вошла она (Анна, мать Самуила) въ монастырь свой, и ѣла съ мужемъ своимъ и пила... потому что имъ (Пресвятой Дѣвѣ Маріи и Іосифу) не было мѣста въ монастырѣ... Онъ поставилъ однихъ апостолами... другихъ пастухами и учителями... принять жребій сего служенія и апостольства, отъ котораго худѣлъ Іуда... Откуда у васъ войны и распри... Они не спятъ о душахъ вашихъ... Совершенно необходимо было указать въ словарѣ при словѣ ѻ҆би́тель значенія: домъ, гостинница; при словѣ па́стырь значеніе—пастырь; при словѣ і҆спада́ти значеніе—выбывать; при словѣ бра́нь значенія: раздоръ, ссора; при словѣ бдѣ́ти значеніе—имѣть попеченіе. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, къ чему можетъ привести учениковъ церковно-славянскій словарь, въ которомъ не указываются *всѣ* значенія церковно-славянскихъ словъ.

3) Въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ словаряхъ нерѣдко пояснительныя слова придаются церковно-славянскимъ словамъ какъ ихъ значенія. Напримѣръ, въ словарѣ С. Ширкевича значится: Тѷмпанъ—барабанъ, литавры, бубенъ; въ словарѣ К. Грузинцева занесено: „Тѷмпа́ны—сущ. 1) Литавры (Ѱ. 150, 4). 2) Бубенъ. 3) Барабанъ“. „Стру́на—сущ. Скрипка (Ѱ. 150, 4). Въ томъ же 150 псалмѣ есть слово ли́цѣ, которое, по словарю К. Грузинцева, имѣетъ начало лице́ и означаетъ «хороводъ» (Ѱ. 150, 4)“. 4-й стихъ 150-го псалма, какъ извѣстно, читается такъ: Хвали́те є҆го̀ въ тѷмпа́нѣ и҆ ли́цѣ, хвали́те є҆го̀ во стру́нахъ и҆ ѻ҆рга́нѣ. Руководясь словаремъ К. Грузинцева, ученики могутъ перевести этотъ стихъ только такъ: «Хвалите Его въ литаврахъ (или: «въ бубнѣ», или: «въ барабанѣ») и хороводѣ; хвалите Его въ скрипкахъ и органѣ». Непригодность такого перевода очевидна; но ученики, руководясь словаремъ К. Грузинцева, перевести иначе этотъ стихъ не могутъ. Чтобы не вводить учениковъ въ напрасное затрудненіе и не принуждать ихъ дѣлать неуклюжіе переводы, близко граничащіе съ кощунствомъ, слѣдуетъ ставить въ словарѣ при церковно-славянскомъ словѣ то слово, которымъ церковно-славянское слово должно быть передано въ русскомъ переводѣ. Напримѣръ, слово тѷмпа́нъ нужно и въ русскомъ переводѣ передать словомъ *тимпанъ;* поэтому при церковно-славянскомъ словѣ въ словарѣ должно находиться и русское: „тѷмпа́нъ—тимпанъ“. Но чтобы ученики имѣли понятіе о тимпанѣ, для этого слѣдуетъ дать, положимъ, въ скобкахъ, объясненіе, что это музыкальный инструментъ, похожій на тотъ или другой современный инструментъ.

Такія-же неудобства при переводахъ происходятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церковно-славянскихъ словаряхъ ясно не указывается—значеніе-ли церковно-славянскаго слова или только поясненіе его составляютъ слова, слѣдующія за церковно-славянскимъ словомъ. Учитель, какъ и вообще взрослый человѣкъ, пользующійся словаремъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ отличить слово-значеніе отъ словъ пояснительныхъ, но малолѣтнему ученику это не всегда посильно. Напримѣръ, въ словарѣ Ст. Ширкевича ученики читаютъ: „а҆лава́стръ—гр. узкогорлый алебастровый сосудъ (изъ камня алебастра); фелѡ́нь—гр. верхнее платье изъ толстой матеріи. Для учениковъ является затрудненіе въ томъ, какъ они должны поступить при переводѣ: замѣнить-ли слова а҆лава́стръ, фелѡ́нь сопоставленными въ словарѣ (объяснительными) словами, или поступить какъ-либо иначе? Лучше всѣ такія пояснительныя слова заносить въ скобки, оставляя при церковно-славянскихъ словахъ только слова-переводы, напримѣръ,

а҆лава́стръ — алавастровый сосудъ [сосудъ, сдѣланный изъ алебастра или мрамора]; фелѡ́нь—фелонь [верхнее платье изъ толстой матеріи].

4) Церковно-славянскіе словари назначаются по большей части или только къ часослову и псалтири, или только къ Евангелію, часослову и псалтири. Почему эти словари не имѣютъ въ виду текста всей Библіи и вообще всей церковно-славянской литературы? Такое узкое приспособленіе церковно-славянскихъ словарей нельзя признать желательнымъ, ибо школа должна научить учениковъ понимать не одну какую-либо церковно-славянскую книгу (часословъ, псалтирь, Евангеліе), а, напротивъ, ввести ихъ въ пониманіе всей церковно-славянской письменности, не превышающей своимъ содержаніемъ умственнаго развитія ихъ. Странно было-бы утверждать, что для учениковъ начальной школы достаточно умѣнья сознательно читать только двѣ-три церковно-славянскія книги. Поэтому церковно-славянскіе словари должны захватывать своимъ содержаніемъ не однѣ только учебныя книги: учебный часословъ, учебный октоихъ и т. п. Особенно страннымъ кажется въ этомъ отношеніи словарь А. Державина (вып. 1-й). Эта книжка имѣетъ еще болѣе узкое приспособленіе: она содержитъ слова только къ нѣкоторымъ псалмамъ, только къ нѣкоторымъ евангельскимъ повѣствованіямъ,—другими словами, только къ нѣкоторымъ главамъ Евангелія. Словарь этотъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ. Такъ, есть въ немъ отдѣлъ: «Общій словарикъ», занимающій три страницы; есть отдѣлъ: «Слова, встрѣчающіяся въ Евангеліи отъ Матѳея и параллельныхъ къ нему мѣстахъ другихъ Евангелій»; есть отдѣлъ: «Слова, встрѣчающіяся въ повѣствованіяхъ, находящихся только въ Евангеліи отъ Луки». Послѣдніе два отдѣла распадаются на нѣсколько меньшихъ отдѣловъ; напримѣръ, тутъ есть отдѣлъ: «Искушеніе І. Христа и призваніе рыбарей» (стр. 5); сюда относятся слова, находящіяся въ 1—25 ст. 4-й главы Евангелія отъ Матѳея, въ 15—22 ст. 1-й главы Евангелія отъ Марка. Всѣ слова, помѣщенныя въ каждомъ отдѣлѣ, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Но если-бы ученикамъ, прочитавшимъ ст. 16—22 1-й главы Евангелія отъ Марка, почему-либо потребовалось прочитать стихи 23—28 этой-же главы, гдѣ встрѣчаются выраженія: бѣ́ въ со́нмищи; ꙗ҆́коже стѧза́тисѧ и҆̀мъ; ꙗ҆́кѡ по ѻ҆́бласти и҆ д№хѡвѡ́мъ нечи́стымъ вели́тъ, то ученики на отысканіе въ словарѣ А. Державина словъ: со́нмище, стѧза́тисѧ, ѻ҆́бласть непроизводительно потратили-бы весьма много времени. Прежде всего у нихъ явился-бы вопросъ: гдѣ искать эти слова въ словарѣ А. Державина? Къ какому отдѣлу словаря слѣдуетъ обратиться за отысканіемъ ихъ? Въ отдѣлѣ «Общій словарикъ» этихъ

словъ нѣтъ. Единственный способъ отыскать эти слова—начать перечитывать страницы словаря по порядку, начиная съ 1-й, при чемъ придется напрасно прочитать множество страницъ. Такъ, указанныя слова, оказывается, находятся: со́нмище въ концѣ 7-й страницы, въ отдѣлѣ: «Нагорная бесѣда», стяза́тисѧ—на стр. 25-й, въ отдѣлѣ: «О соблазнахъ. О согрѣшающемъ братѣ. Притча о немилосердомъ должникѣ»; ѡ҆́бласть—въ концѣ 27-й стр., въ отдѣлѣ: «Входъ Господень въ Іерусалимъ». Но и этотъ способъ не всегда надеженъ. Допустимъ, что ученикамъ представилась надобность прочитать евангельское повѣствованіе о первомъ чудѣ І. Христа, совершенномъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, или объ изгнаніи Имъ изъ храма торгующихъ, о чемъ повѣствуется во 2-й гл. Евангелія отъ Іоанна. Въ этой главѣ ученики встрѣчаютъ непонятныя слова: а҆рхїтрі́клїнъ, ве́рви; имъ нужно узнать значенія этихъ словъ. Обратившись къ словарю А. Державина, они не найдутъ въ немъ этихъ словъ, и только напрасно прочитаютъ словарь отъ первой страницы до послѣдней. Эти слова въ словарѣ А. Державина не находятся, потому что его словарь приспособленъ къ чтенію только нѣкоторыхъ евангельскихъ повѣствованій.

Вообще составленіе церковно-славянскихъ словарей, приспособленныхъ исключительно къ чтенію только псалтири и часослова, или только къ чтенію Евангелія, псалтири и часослова, слѣдуетъ признать явленіемъ нежелательнымъ. Такіе словари оказываются непригодными даже въ такомъ случаѣ, когда ученикамъ вздумалось-бы прочитать повѣствованіе о сошествіи Св. Духа на апостоловъ или о какихъ-либо другихъ событіяхъ, изложенныхъ въ книгѣ Дѣяній апостолькихъ. Такъ, читая въ этой книгѣ о сошествіи Св. Духа на апостоловъ и встрѣтивши въ 14 ст. 2-й главы слово вну́шите, ученики не найдутъ въ словарѣ А. Державина слова вну́шити, такъ какъ словарь не приспособленъ къ чтенію книги Дѣяній апостольскихъ; читая далѣе въ 16-й главѣ объ изгнаніи апостоломъ Павломъ духа-прорицателя изъ одной служанки и встрѣтивши въ 16 ст. слово пытли́въ, ученики не найдутъ этого слова ни въ словарѣ А. Державина, ни въ словарѣ А. Свирѣлина, ни въ словарѣ Е. Ландышева, ни въ словарѣ А. Соловьева, ни даже въ словарѣ К. Грузинцева, несмотря на то, что этотъ словарь занимаетъ 130 страницъ большого формата. Слово пытли́въ потому не попало въ эти словари, что они приспособлены къ чтенію только Евангелія, псалтири и часослова. Читая посланія апостоловъ, ученики не найдутъ въ словарѣ А. Н. Соловьева словъ (беремъ наудачу): ѹ҆ро́къ, ѹ҆сма́рь, ха́ртїа, ху́до́гъ, фїа́лъ, стома́хъ,

свари́тисѧ и мн. др. Читая Евангеліе, ученики не найдутъ въ словарѣ А. Свирѣлина словъ (беремъ наудачу): ва́ръ, вертогра́дъ, ве́сь (селеніе), ви́сѣти, вита́ти, віна́рь и мн. др. Словарь К. Козьмина не имѣетъ въ виду служить пособіемъ къ чтенію нѣкоторыхъ только церковно-славянскихъ книгъ, но и при этомъ очень кратокъ: въ немъ не находится многихъ словъ изъ числа часто встрѣчающихся въ церковно-славянскомъ текстѣ, въ родѣ словъ (беремъ опять-таки наудачу): тꙋ́къ, тꙋ́лъ, тꙋ́га, оу҆чрежде́ніе и мн. др.

Нѣкоторые недостатки словарей зависятъ, повидимому, отъ способа составленія ихъ. Всѣ изданные до сего времени учебные церковно-славянскіе словари можно распредѣлить, по способу составленія ихъ, на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ словари, представляющіе дословную перепечатку изъ Академическаго словаря. Такое извлеченіе изъ Академическаго словаря представляетъ (за весьма малымъ буквальнымъ заимствованіемъ изъ «Объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту», сост. П. Гильдебрандтомъ) словарь А. Тихомирова, что можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Академ. словарь:	Словарь А. Тихомирова.
Вѣнецъ, нца, *с. м.* 1) Наглавное украшеніе; корона. *Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна.* Псал. XX, 4. 5) Честь, слава, украшеніе. *Жена мужественная вѣнецъ мужу своему.* Притч. XII, 4. 6) Награда. *Въ той день будетъ Господь Саваоѳъ вѣнецъ надежды, сплетенный славою оставльшымся людемъ.* Исаіи XXVIII, 5. 7) Украшеніе около вершины какого-либо сооруженія. *И да сотвориши вѣнецъ олтарю.* Исх. XXVII, 3. 10) *Кругъ лѣта, цѣлый годъ. Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоея.* Псал. LXIV, 12.	Вѣне́цъ—головное украшеніе. Положи́лъ є҆си̇̀ на главѣ̀ є҆гѡ̀ вѣне́цъ ѿ ка́мене че́стна; честь, украшеніе, слава — Жена̀ мꙋже́ственнаѧ вѣне́цъ мꙋ́жꙋ своемꙋ̀; награда—Въ то́й де́нь бꙋ́детъ Гдь Савао́ѳъ вѣне́цъ наде́жы, сплете́нный ѡ҆ста́вшимсѧ людє́мъ; украшеніе около вершины какого-либо сооруженія—И҆ да сотвори́ши вѣне́цъ ѻ҆лтарю̀; кругъ лѣта, цѣлый годъ—Благослови́ши вѣне́цъ лѣ́та бла́гости твоеѧ̀.
Истесы, ъ, *с. ср. м.* Чресла. *Обыдоша мя* копіями бодуще во истесы моя. Іов. XVI, 13.	И҆сте́сы—чресла. Ѡ҆бы́доша мѧ̀ ко́піѧми бодꙋ́ще во и҆сте́сы моѧ̀.

Относительно приведенныхъ въ Академическомъ словарѣ при каждомъ церковно-славянскомъ словѣ текстовъ св. писанія должно ска-

*

зать, что они приведены въ немъ какъ «оправдательные документы», все равно какъ въ немъ и при каждомъ русскомъ словѣ приведены соотвѣтственныя изреченія. Въ этомъ видѣ тексты попали теперь и въ учебные словари, но только безъ всякой нужды. Они не нужны въ словаряхъ ни учителю, ни ученикамъ. Во-первыхъ, объ этихъ текстахъ должно сказать, что когда ученикамъ понадобится отыскать значеніе какого-либо слова, тогда чаще всего не тѣ два-три текста, которые приведены въ словарѣ, будутъ предметомъ чтенія, а другіе. Во-вторыхъ, тексты, приведенные въ словаряхъ, въ свою очередь, часто заключаютъ церковно-славянскія слова, также непонятныя ученикамъ; поэтому отыскивая значеніе одного слова, положимъ, и҆сте́сы, и прочитывая сопоставленный съ нимъ въ словарѣ текстъ, ученики для уразумѣнія его должны отыскать значенія еще нѣсколькихъ словъ, въ родѣ: бо́дꙋще, ѡ҆бы́до́ша, и нерѣдко могутъ вовсе не найти ихъ въ словарѣ (въ данномъ случаѣ, напримѣръ, слова бо́сти въ словарѣ А. Тихомирова не имѣется). Чтобы яснѣе представить ту длинную процедуру, которую придется имѣть пользующемуся такимъ словаремъ, мы приведемъ еще примѣръ. Положимъ, ученику нужно отыскать значеніе слова назда́ти; онъ беретъ словарь А. Тихомирова, отыскиваетъ это слово и читаетъ при словѣ назда́ти текстъ: И҆ є҆гѡ́же а҆́ще дѣ́ло пребꙋ́детъ, є҆́же назда̀, мздꙋ̀ прїи́метъ (стр. 104). Въ этомъ текстѣ для ученика непонятно слово мзда̀, и онъ для уразумѣнія его долженъ отыскать его въ словарѣ. Отыскавши слово мзда̀, ученикъ читаетъ присоединенный къ этому слову текстъ: Стѧжа̀ село̀ ѿ мзды̀ непра́ведныѧ (стр. 97). Для уразумѣнія этого текста, ученику нужно узнать значенія словъ стѧжа̀ и село̀. Отыскавши слово стѧжа́ти, онъ читаетъ присоединенный къ этому слову текстъ: Да́ръ Бж҃їй непщева́лъ є҆сѝ сребро́мъ стѧжа́ти (стр. 174). Въ этомъ текстѣ ученику непонятно слово непщева́лъ; отыскавши его, ученикъ читаетъ при немъ текстъ: О҆́крестъ же є҆гѡ̀ ста́вше клеветницы̀, ни є҆ди́нꙋ винꙋ̀, ꙗ҆̀же а҆́зъ непщева́хъ, нанесо́ша (стр. 114). Въ этомъ текстѣ ученику непонятно слово: О҆́крестъ, но въ словарѣ А. Тихомирова этого слова нѣтъ. Покончивъ такъ или иначе съ словомъ О҆́крестъ, ученикъ долженъ еще отыскать значеніе слова село̀. Отыскавши его, онъ читаетъ при немъ текстъ: Да ше́дше во о҆́кре́стныхъ се́лѣхъ и҆ ве́сѣхъ кꙋ́пѧтъ себѣ̀ хлѣ́бы (стр. 164). Очевидно, нужно теперь отыскивать слово ве́сь (селенье)...

Ясно каждому, что за чтеніемъ присоединенныхъ въ словарѣ къ церковно-славянскимъ словамъ текстовъ и за отыскиваніемъ значеній непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ-же текстахъ, ученикъ

напрасно тратитъ время. Выходитъ, что ученикъ больше проводитъ времени за чтеніемъ словаря и меньше за чтеніемъ того матеріала, который служитъ ему урокомъ. А если не читать текстовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ при каждомъ церковно-славянскомъ словѣ, тогда нѣтъ причины и помѣщать ихъ въ словарѣ и чрезъ то увеличивать его объемъ вчетверо или болѣе. Какъ много мѣста этими текстами напрасно берется въ словарѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Напримѣръ, на стр. 114 словаря А. Тихомирова (беремъ страницы наудачу) помѣщено только 9 церковно-славянскихъ словъ, на стр. 109 помѣщено также только 9 церковно-славянскихъ словъ, на стр. 98 помѣщено только 8 церковно-славянскихъ словъ; все-же остальное мѣсто на этихъ страницахъ занято текстами св. писанія. Это напрасное увеличеніе текстами объема словаря влечетъ лишнія денежныя траты со стороны лицъ и учрежденій, снабжающихъ школы учебными пособіями.

Можно, въ-третьихъ, привести и еще основательное выраженіе противъ помѣщенія въ учебныхъ словаряхъ текстовъ св. писанія. Приведенные въ учебномъ словарѣ тексты не исчерпываютъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ св. писанія, въ которыхъ встрѣчается то или другое слово, положимъ, хоть слово мзда̀; да и нѣтъ нужды въ этомъ: учебный словарь не симфонія. Допустимъ, что въ словарѣ приведено пять текстовъ съ этимъ словомъ, но въ Библіи можетъ быть 200 мѣстъ, въ которыхъ употреблено оно. Съ приведенными въ словарѣ 5-ю текстами ученику, можетъ быть, не придется имѣть дѣла, но онъ, можетъ быть, встрѣтится съ какимъ-либо изъ остальныхъ 195-ти текстовъ. Спрашивается, чѣмъ ученикъ будетъ руководиться, когда ему придется переводить текстъ съ словомъ мзда̀, не помѣщенный въ словарѣ? Въ этомъ случаѣ тексты, приведенные въ словарѣ, не выручатъ его изъ затрудненія. Очевидно, ученика въ данномъ случаѣ можетъ выручить его собственное соображеніе и знаніе всѣхъ значеній, которыя имѣетъ слово мзда̀; гдѣ по смыслу не подойдетъ одно значеніе слова, онъ попробуетъ поставить другое. Дѣло обойдется безъ помощи приведенныхъ въ словарѣ текстовъ. Значитъ, помѣщенные въ словарѣ тексты могутъ пригодиться только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, именно, когда съ этими текстами ученикъ встрѣтится на урокѣ чтенія. При этомъ нельзя не согласиться съ слѣдующими двумя положеніями: а) если помѣщеніе въ учебномъ словарѣ текстовъ можетъ имѣть какое-либо основаніе, то только по отношенію къ такимъ церковно-славянскимъ словамъ, которыя имѣютъ по нѣскольку значеній, и б) если признать помѣщеніе текстовъ въ учебномъ сло-

варѣ полезнымъ, то слѣдуетъ присоединять къ нимъ русскій переводъ ихъ, чтобы не вынуждать ученика тратить время на отыскиваніе въ словарѣ непонятныхъ словъ, находящихся въ этихъ текстахъ.

Второй способъ составленія церковно-славянскихъ учебныхъ словарей состоитъ въ слѣдующемъ. Составитель беретъ, положимъ, славянскую псалтирь и русскую, сравниваетъ ихъ стихъ за стихомъ и приписываетъ къ церковно-славянскимъ словамъ, какъ значенія, слова, находящіяся въ русской псалтири. Образчикомъ такого составленія словаря можетъ служить словарь К. Грузинцева. Этотъ способъ употребляется только по печальному недоразумѣнію. Для примѣра сопоставимъ нѣсколько стиховъ славянской и русской псалтири.

Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣваетсѧ Гдь, и погибнете ѿ пꙋти праведнагѡ. Псал. 2-й, ст. 12-й.	Почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался, и чтобы вамъ не погибнуть въ пути вашемъ.
Ꙗкѡ се грѣшницы наллꙗкоша лꙋкъ, оуготоваша стрѣлы в тꙋлѣ сострѣлѧти во мрацѣ правыѧ сердцемъ. Псал. 10-й, ст. 2-й.	Ибо вотъ, нечестивые натянули лукъ, стрѣлу свою приложили къ тетивѣ, чтобы во тьмѣ стрѣлять въ правыхъ сердцемъ.
Ꙗкѡ положиши ѧ хребетъ; во избытцѣхъ твоихъ оуготовиши лицѐ ихъ. Псал. 20-й, ст. 13-й.	Ты поставишь ихъ цѣлію, изъ луковъ Твоихъ пустишь стрѣлы въ лице ихъ.

Сравнивая славянскій и русскій текстъ перваго изъ этихъ стиховъ, К. Грузинцевъ заноситъ въ свой словарь: пріимати — почтить (см. въ словарѣ стр. 91); сравнивая тексты второго стиха, онъ помѣщаетъ въ словарѣ: тꙋло (sic!)—тетива (см. стр. 114); оуготовати—приложить (см. стр. 116); сравнивая тексты третьяго стиха, онъ вноситъ въ словарь: избытокъ—лукъ (см. стр. 38); оуготовати—пускать стрѣлы (см. стр. 116); хребетъ—цѣль (см. стр. 124). Сравнивая по церковно-славянской и русской псалтири стихи 6-й пс. 29, 6-й пс. 89, 10-й пс. 90, 10-й пс. 139, 15-й пс. 105, составитель включаетъ въ свой словарь: „ꙗрость—мгновеніе, оуничиженіе—сонъ, тѣло—шатеръ, трꙋдъ—зло, сытость—язва". Пользуясь словаремъ К. Грузинцева, ученики усвоятъ, между прочими, слѣдующія невозможныя значенія церковно-славянскихъ словъ: „аспідъ — тигръ; безꙋміе — успокоеніе; болѣзнь—обида; взалкати—выть; вѣкъ—тайна; шататисѧ—издавать фырканье, ржанье; чрево—семейство; оуклонѧти—наливать; тщаніе — мятежъ; срѣтеніе—помощь; сонмъ—стадо; солгати—дышать; смирѧтисѧ—не поддаваться голосу; смирѧти—втаптывать; сланъ (sic!)—дымъ; рꙋгатисѧ—забавляться; радость—пляска, проходъ—пропажа;

прогнѣвати — позавидовать; гро́бъ — знойная пустыня; междора́міе — хохолъ; мѣхъ — стѣна; числа̀ нѣсть — не пересказать"...

Словарь К. Грузинцева не исключеніе; по тому-же способу составленъ словарь А. Державина. Въ первомъ выпускѣ этого словаря многимъ церковно-славянскимъ словамъ приданы значенія такого-же характера, напримѣръ, *препяти* — подставить ногу, *голоть* — туманъ, *малодушіе*—вихрь, *паутина*—паукъ, *матерь городовъ*—Кіевъ, *ругатися*—играть, *мгла*—тьма, *суеты*—идолы, *презирати*—прогнѣваться, *яже вещей истина* — жизнь твоя. (См. стр. 42, 43, 45, 46, 48, 52, 54, 55). Второй выпускъ этого словаря содержитъ не отдѣльныя слова, а отрывочно взятые изъ церковно-славянской псалтири цѣлые стихи или части стиховъ въ порядкѣ псалмовъ, начиная съ 1-го, и сопровождаемые переводомъ, взятымъ изъ русской псалтири. Онъ въ сущности отличается отъ словаря К. Грузинцева очень немногимъ, именно только тѣмъ, что К. Грузинцевъ сопоставляетъ въ своемъ словарѣ отдѣльныя слова, а Державинъ сопоставляетъ цѣлыя фразы; напримѣръ, по словарю К. Грузинцева: ѡбѧза́ти — лѣчить, и҆збра́нный — юноша, раздѣлѧ́ти — разсматривать; по словарю А. Державина: *Обязуяй сокрушенія ихъ*—врачуетъ скорби ихъ (см. стр. 73); *и избраннымъ Израилевымъ запятъ*—и юношей Израилевыхъ низложилъ (стр. 62); *раздѣлите домы его* — разсмотрите домы его (стр. 56).

Разсматриваемый нами способъ составленія церковно-славянскихъ словарей обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ, повидимому, незнанію нѣкоторыми составителями того общеизвѣстнаго факта, что переводъ русской Библіи сдѣланъ не съ славянскаго, а съ еврейскаго текста. Для такихъ составителей мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько объяснительныхъ строкъ изъ обращенія къ «Христолюбивому читателю» нашихъ первыхъ переводчиковъ Библіи на русскій языкъ, которыя имѣютъ полное значеніе и по отношенію къ позднѣйшему переводу ея. «При составленіи русскаго преложенія принимаемъ былъ въ соображеніе не одинъ греческій переводъ Псалтири, но и подлинникъ еврейскій... Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ еврейскомъ подлинникѣ встрѣчались слова, болѣе или менѣе отличныя своимъ значеніемъ отъ словъ греческаго перевода, и гдѣ слова еврейскія представляли болѣе ясности и болѣе взаимнаго согласія въ данномъ составѣ рѣчи, переводчики, безъ сомнѣнія, обязаны были съ особенною точностію держаться словъ еврейскихъ. Объяснимъ сіе примѣрами.

«Псалма II въ стихѣ 12-мъ въ славенскомъ переводѣ читается: *пріимите наказаніе*, а въ русскомъ: *почтите Сына*... Изъ сличенія

въ семъ мѣстѣ словъ еврейскихъ съ греческими усматривается, что греческій переводъ сдѣланъ съ тѣхъ самыхъ словъ, которыя и нынѣ читаются въ еврейской псалтири, но съ утратою ясности; славянскій переводъ соотвѣтствуетъ греческому; русскій переводъ представляетъ ясное значеніе словъ еврейскихъ; и сколь согласенъ онъ съ составомъ рѣчи, не трудно усмотрѣть изъ стиховъ 7 и 8, гдѣ сказано: *возвѣщу опредѣленія Господа: Онъ сказалъ мнѣ: Ты Сынъ Мой; Я нынѣ родилъ Тебя. Проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ.* Сего-то *Сына чтить* повелѣвается въ стихѣ 12. Не удивительно, что въ греческомъ переводѣ сего мѣста нѣтъ такой ясности. Переводъ сей сдѣланъ прежде Рождества Христова, когда понятіе о воплощеніи Сына Божія не могло быть такъ ясно, какъ нынѣ...

«Псалма XXI въ стихѣ 3-мъ читается въ славянскомъ: *Боже мой, воззову во дни, и не услышиши, и въ нощи, и не въ безуміе мнѣ;* и слѣдственно, для лучшаго уразумѣнія ихъ, нужно было прибѣгнуть къ еврейскому подлиннику, по силѣ котораго и сдѣлать слѣдующій переводъ русскій: *Боже мой! я вопію днемъ, но Ты не внемлешь мнѣ; и нощію, но нѣтъ мнѣ покоя»* (См. книгу: «Книга хваленій или псалтирь на россійскомъ языкѣ. Первое изданіе. Иждивеніемъ Россійскаго Библейскаго Общества»).

Итакъ, если русскій переводъ псалтири сдѣланъ не съ славянскаго текста, то, очевидно, что при составленіи церковно-славянскаго словаря нѣтъ никакого основанія придавать во всѣхъ случаяхъ славянскимъ словамъ псалтири въ смыслѣ значенія параллельныя слова русской псалтири. Въ настоящее время въ начальныхъ школахъ, какъ намъ извѣстно, о чемъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые церковно-славянскіе учебные словари, на урокахъ церковно-славянскаго чтенія и перевода отъ учениковъ требуется, чтобы они, читая церковно-славянскій текстъ, переводили его вездѣ именно тѣми словами, которыя находятся въ русской Библіи. Ученикамъ волей-неволей приходится усваивать въ этомъ случаѣ невозможныя значенія, въ родѣ приведенныхъ нами выше изъ словарей К. Грузинцева и А. Державина. Но это ни съ чѣмъ несообразно въ виду того, что иногда славянскій и русскій переводы слишкомъ разнятся одинъ отъ другого. Можно-ли, напримѣръ, требовать, чтобы ученики переводили церковно-славянскія слова стиха 13, пс. LXVII: Ца́рь си́лъ возлю́бленнагѡ, красото́ю до́ма раздѣли́ти кѡры́сти—слова-же русской псалтири: *Цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ, а сидящая дома дѣлитъ добычу?* При классномъ чтеніи и переводѣ славянской псалтири, пользуясь руководительствомъ православныхъ толковниковъ, слѣдуетъ держаться

буквальнаго смысла, который дается дѣйствительными значеніями церковно-славянскихъ словъ, не смущаясь тѣмъ, что такой классный переводъ иногда не сойдется съ русскою псалтирью. Пояснимъ это примѣрами. Слова ст. 12-го, пс. II: пріимите наказаніе переведены въ русской псалтири: *почтите Сына;* а по толкованію св. Аѳанасія, они значатъ: «пріимите Евангельское Христово ученіе»; поэтому никакой погрѣшности не будетъ сдѣлано, если слова: пріимите наказаніе ученики переведутъ словами: *примите наставленіе.* Стихъ 3-й пс. XXI: Боже мой, воззову во дни и не услышиши и въ нощи, и не въ безуміе мнѣ въ русской псалтири переведены: *Боже мой! я вопію днемъ, и Ты не внемлешь мнѣ, ночью,—и нѣтъ мнѣ успокоенія.* Не будетъ никакой погрѣшности, если перевести слова: *не въ безуміе мнѣ* словами: *не въ неразуміе мнѣ.* Блаж. Ѳеодоритъ толкуетъ эти слова, между прочимъ, такъ: «Уразумѣлъ я, что не напрасно отлагалъ Ты исполненіе прошенія».

Указанныя особенности церковно-славянскихъ словарей даютъ возможность сдѣлать заключеніе о мѣрѣ пригодности ихъ для школьнаго употребленія. Именно, несмотря на нѣкоторые недостатки, словари А. Тихомирова, А. Соловьева, А. Свирѣлина, Ст. Ширкевича, К. Козьмина, Е. Ландышева могутъ быть съ пользою употребляемы учениками какъ начальныхъ школъ, такъ и вообще во всѣхъ низшихъ училищахъ; но этого нельзя сказать о словаряхъ Ал. Державина и въ особенности К. Грузинцева. Эти словари слѣдуетъ признать пособіями не только неудовлетворительными, но и прямо вредными для дѣла.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по вопросу—въ состояніи-ли ученики начальныхъ школъ, не изучающіе грамматики церковно-славянскаго языка, пользоваться словаремъ? На этотъ вопросъ можно не колеблясь отвѣчать утвердительно. Во-первыхъ, въ церковно-славянскомъ языкѣ много непонятныхъ для ученика начальной школы словъ, принадлежащихъ къ неизмѣняемымъ частямъ рѣчи, напримѣръ, *паки, аще, яко, амо* и т. п. Для того, чтобы умѣть отыскивать такія слова въ словарѣ, никакой особой подготовки не требуется отъ учениковъ, кромѣ знанія алфавитнаго порядка буквъ. Во-вторыхъ, въ церковно-славянскомъ текстѣ слова, принадлежащія къ измѣняемымъ частямъ рѣчи, нерѣдко встрѣчаются употребленными въ начальной формѣ, напримѣръ, *иже, глаголати, клевретъ* и т. п. Безъ сомнѣнія, ученики не затруднятся пріискать въ словарѣ и такія слова. Въ-третьихъ, ученики начальныхъ школъ въ настоящее время, помимо изученія церковно-славянской грамма-

тики, ознакомливаются практическимъ путемъ съ формами церковно-славянскаго языка, наиболѣе отличающимися отъ формъ русскаго языка, и научаются правильно переводить ихъ на родной языкъ. Къ такимъ формамъ относятся формы глагольныя: 1, 2 и 3 л. ед. ч., 1, 2 и 3 л. мн. ч. аориста; 1, 2 и 3 л. ед. ч., 1, 2 и 3 л. мн. ч. прошед. прот. времени; формы двойственнаго числа въ глаголахъ; формы имени существительнаго: дат. п. ед. ч. на **ови, еви**; зват. п. ед. ч. на **ю**; род. п. мн. ч. на **ъ** вм. **овъ**; дат. п. мн. ч. на **омъ, емъ**, твор. п. мн. ч. на **ы** и **и**; падежи двойственнаго числа; формы мѣстоименныя: **мя, ми, тя, ти, ся, си, ны, вы** (вин. п.) й, є҆, ю҆, ѧ҆; древнѣйшія формы причастій. Если оказывается возможнымъ научить учениковъ начальной школы переводить формы: послáхъ, послá-хомъ, послáша, послáху, послáшѧ, или: архітріклíнови, вінарéви и т. п., то уже никакого труда не представится научить ихъ отыскивать начальную форму этихъ словъ. Ученикамъ отчасти поможетъ въ этомъ и изученіе ими элементарной русской грамматики. Конечно, могутъ встрѣтиться слова, начальную форму которыхъ ученики начальной школы не сумѣютъ опредѣлить, въ родѣ словъ: є҆́мь, взе́млѧй, вонмѝ, и҆жденýтъ, ѿпрóшасѧ и т. п.; но такъ какъ такихъ словъ въ церковно-славянскомъ текстѣ немного, то ученики, подъ руководствомъ учителя, могутъ разъ-по-разу записать ихъ съ ихъ значеніями въ «тетради для церковно-славянскихъ словъ» и потомъ заучить.

Во всякомъ случаѣ, начальная школа нравственно обязана научить своихъ учениковъ пользоваться словаремъ, ибо только при этомъ условіи они въ будущемъ, при встрѣчѣ съ непонятными словами во время чтенія церковно-славянскаго текста, не окажутся безпомощными.

Аѳ. Ѳ. Соколовъ.

НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ *).

Какъ извѣстно, Швейцарія представляетъ союзъ 22 кантоновъ, и потому по всѣмъ отраслямъ внутренней жизни ея существуютъ 22 различныхъ законодательства, общія лишь въ принципахъ, гарантированныхъ швейцарской союзной конституціей. По отношенію къ народному образованію Швейцарія имѣетъ слѣдующіе основные принципы: 1) обязательное первоначальное безплатное обученіе; 2) невмѣшательство іезуитовъ и монашескихъ орденовъ въ школьное дѣло и 3) обязательное обученіе гимнастикѣ. Этимъ исчерпывается все, предусмотрѣнное конституціей Союза; всѣ детали устанавливаются каждымъ кантономъ спеціально для себя. Въ послѣднее время со стороны народныхъ учителей, нѣкоторыхъ педагоговъ и государственныхъ

---

*) При составленіи настоящей статьи мы пользовались слѣдующими матеріалами:

1) Jahrbuch des Unterrichtswesens in der Schweiz, за годы 1885—1891.

2) Loi sur l'instruction publique 5 Juin 1886. Genève.

3) Statuten der Kleinkinderschulen in Frauenfeld.

4) Unterrichtsplan für die Primarschulen des Kantons Bern. 1890.

5) Allgemeiner Lehrplan für die thurgauischen Primarschulen. 1879.

6) Allg. Lehrplan für die Elementarschulen den Kt. Schaffhausen. 1880.

7) Programme de l'enseignement dans les écoles primaires du canton de Genève pour l'année 1883—84.

8) Lehrplan für die Primarschulen des Kantons Zug.

9) Lehrplan für die deutschen Volksschulen des Kantons Wallis. 1878.

10) Jahresbericht über die Primar und Secundarschulen der Stadt Luzern 1888—89.

11) Bericht über das Schulwesen des Kantons Appenzell A. Rh. 1890—91.

12) Bericht über die Verhandlungen der Zürcherischen Schulsynode. 1890.

13) Bericht des Erziehungsdepartements des Kantons Solothurn. 1887—88.

14) Rapport du Departement de l'instruction publique sur l'exercice. Genève. 1890.

15) Programm des städtischen Schulen in Aarau. 1888—89.

16) Verwaltungsbericht der Erziehungs-Direction des Kt. Bern. 1888. 1889.

17) Verordnung über die Prüfungen beim Austritt aus der Primarschule vom 22 Januar 1880.

18) Швейцарскіе педагогическіе журналы и газеты.

людей заявлены были требованія объ установленіи общесоюзнаго школьнаго устава, въ цѣляхъ лучшей постановки школы, особенно въ отношеніяхъ хозяйственномъ и финансовомъ, но до сихъ поръ ничего въ этомъ направленіи еще не сдѣлано. Да и трудно тутъ что-либо сдѣлать. Административная сторона дѣла не можетъ быть подведена подъ одну линію, ибо черезчуръ ужъ разнообразны естественныя, культурныя и этнологическія условія отдѣльныхъ кантоновъ. Не считаться съ этими условіями нельзя, такъ какъ всегда слѣдуетъ помнить, что только тамъ школа можетъ процвѣтать, гдѣ она въ почетѣ у народа; въ противномъ случаѣ, всѣ усилія горячо преданныхъ дѣлу народныхъ учителей окажутся тщетными. Общее законодательство должно позаботиться о томъ, чтобы всѣ граждане имѣли одинаковыя права и обязанности по отношенію къ школѣ и чтобы всѣ дѣти школьнаго возроста имѣли возможность получить первоначальное обученіе. Этотъ принципъ энергично проводится въ Швейцаріи, причемъ статьею 27 п. 3 конституціи предписывается, чтобы всѣ общественныя учебныя заведенія могли быть посѣщаемы дѣтьми всѣхъ вѣроисповѣданій, безъ стѣсненія свободы ихъ совѣсти, вслѣдствіе чего обученіе Закону Божію и библейской исторіи для учащихся не обязательно. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что изъ-за религіозныхъ воззрѣній родителей ихъ дѣти могутъ быть освобождены отъ нѣкоторыхъ школьныхъ обязанностей, такъ какъ 49 ст. конституціи гласитъ, что «религіозныя воззрѣнія не освобождаютъ отъ исполненія гражданскихъ обязанностей». По сему поводу было на практикѣ не мало недоразумѣній. Такъ, напр., швейцарскіе евреи кантона Ааргау подали кантональному правительству жалобу на мѣстное учебное начальство, налагающее штрафы на евреевъ за непосѣщеніе дѣтьми послѣднихъ школьныхъ занятій по субботамъ. Кантональное правительство, равно какъ и швейцарскій Союзный Совѣтъ, слѣдуя буквѣ закона, отклонили жалобу, ссылаясь на вышеуказанный пунктъ союзной констиступціи. Такимъ образомъ, еврейскія дѣти обязательно посѣщаютъ по субботамъ школу. Бываютъ также недоразумѣнія съ католиками и протестантами. Католическіе кантоны желаютъ, чтобы ихъ школы посѣщались только дѣтьми католиковъ, а протестанты—дѣтьми протестантовъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ газетахъ объявленія, что такая-то община ищетъ учителя-«католика» для своей школы. Это, вѣроятно, продолжится до тѣхъ поръ, пока общешвейцарское союзное правительство не приметъ участія въ расходахъ на народное образованіе, нынѣ-же все бремя расходовъ несутъ на себѣ общины и кантоны. Съ каждымъ годомъ эти расходы все увеличиваются, какъ

вслѣдствіе возростанія числа школъ, такъ и увеличенія жалованья народнымъ учителямъ и улучшеній школьнаго помѣщенія и инвентаря. Въ среднемъ, каждый ученикъ обходится въ годъ своей общинѣ въ 13—123 франковъ. Столь громадная разница въ цыфрахъ зависитъ отъ различной постановки школьнаго дѣла въ отдѣльныхъ кантонахъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что общины тратятъ больше, нежели кантоны. Въ общемъ, всѣ кантоны вмѣстѣ израсходовали

въ 1889—90 году—19.590.818 франковъ
» 1888—89 » —18.802.935 »
» 1887—88 » —18.049.254 »

Замѣчательно, что маленькіе католическіе кантоны, какъ крайне консервативные, тратятъ на школьное дѣло относительно гораздо менѣе, нежели протестантскіе.

Малютки $2^1/_2$—3 лѣтъ поступаютъ въ особыя школки (Kleinkinderschulen), которыя, составляя низшую ступень народныхъ школъ, входятъ въ составъ общей школьной организаціи, завѣдываются общинами или частными обществами и состоятъ, за исключеніемъ пяти кантоновъ, подъ контролемъ государства. Цѣль этихъ школокъ — способствовать физическому и умственному развитію дѣтей и приготовить ихъ къ вступленію въ народную школу. Онѣ, обыкновенно, состоятъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго—для дѣтей 3—6-лѣтняго возраста и старшаго—для дѣтей 6—7-лѣтнихъ. Наглядное обученіе, рукодѣлье, игры и пѣніе служатъ предметомъ занятій въ обоихъ отдѣленіяхъ; въ старшемъ, кромѣ того, обучаютъ чтенію, письму, начаткамъ ариѳметики и рисованію. Преподаютъ въ этихъ школахъ исключительно учительницы. Обученіе въ нихъ не обязательно, но въ виду того, что въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ народную школу принимаются дѣти не моложе 7 лѣтъ, отъ которыхъ уже требуется на экзаменѣ умѣнье читать и писать, родители охотно посылаютъ дѣтей въ эти школы для малолѣтнихъ. Учебный годъ въ нихъ продолжается 42—46 недѣль. Обыкновенно дѣти проводятъ въ школкахъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и среды, по три часа до и послѣ обѣда. Обученіе безплатное. Школъ такихъ пока, сравнительно, немного, но замѣчается постепенное увеличеніе ихъ числа, что отчасти видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Число школъ.	Число дѣтей.	Число учительницъ.	Среднее число дѣтей на учительницу.
1886—87	544	20.014	611	23
1889—90	564	24.577	681	36

Пройдя эту первоначальную школьную ступень, или-же миновавъ ее, дѣти обоего пола, достигшія $5^{1}/_{2}$—7-лѣтняго возраста, поступаютъ въ обязательную, общественную или частную, народную школу (Primarschule), которую оставляютъ послѣ 6—9-лѣтняго обученія въ ней. Школы эти раздѣляются на *ежедневныя* (alltagschulen), въ которыхъ ученіе продолжается 6—9 лѣтъ, и *дополнительныя* (Ergänzungschulen, Fortbildungsschulen) съ 2—3-лѣтнимъ курсомъ. Въ народныхъ школахъ преподаются: Законъ Божій, отечественный языкъ, ариѳметика, чистописаніе, геометрія, исторія, географія, естествовѣдѣніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика и въ нѣкоторыхъ школахъ законовѣдѣніе. Остановимся немного подробнѣе на программахъ отдѣльныхъ предметовъ, причемъ замѣтимъ, что приведенная нами ниже программа не больше минимальной и можетъ служить типичною для всѣхъ швейцарскихъ народныхъ школъ.

Законъ Божій. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обученіе ему не обязательно, но, обыкновенно, громадное большинство дѣтей, по желанію своихъ родителей, обучается ему. Преподаватели священники часто приходятъ въ столкновеніе съ учителями народныхъ школъ, которые желали-бы ограничить преподаваніе Закона Божія однимъ ознакомленіемъ съ библейской исторіей. Пока перевѣсъ берутъ преподаватели-священники, имѣющіе не малое вліяніе въ деревняхъ. Цѣль преподаванія—пробужденіе нравственно-религіознаго чувства, развитіе нравственныхъ и религіозныхъ основныхъ понятій и указаніе ближайшихъ обязанностей ребенка по отношенію къ своимъ ближнимъ и къ Богу. Для этой цѣли учитель передаетъ свободно, наглядно и живо рядъ простыхъ библейскихъ разсказовъ, затрогивающихъ условія жизни дѣтей. Посредствомъ дальнѣйшихъ объясненій, переспросовъ и частыхъ повтореній дѣти усваиваютъ имъ преподанное. Для того, чтобы дѣти легко могли усвоить какую-нибудь основную мысль, доступную ихъ пониманію, ихъ заставляютъ заучивать на память соотвѣтственныя библейскіе тексты и изреченія. Въ первыхъ шести классахъ проходится вся исторія ветхаго и новаго завѣтовъ; при чемъ, въ четырехъ низшихъ классахъ заучиваются наизустъ молитвы, а въ 5 и 6 классахъ заучиваются наизустъ также библейскія изреченія и, послѣ предварительнаго объясненія, главнѣйшія молитвенныя пѣснопѣнія. На этой ступени обученія, т.-е. съ 4 класса, начинается также ознакомленіе дѣтей съ картой Палестины, такъ что изученіе библейской исторіи въ старшихъ классахъ (7-омъ, 8-омъ и 9-омъ) сопровождается показываніемъ на картѣ. Въ названныхъ старшихъ классахъ изучается жизнь и ученіе Іисуса Христа и дѣянія апостоловъ, но

такъ, что моральные выводы примѣняются уже не къ узкому кругу дѣтскаго міра, а постепенно расширяютъ область своего примѣненія, охватывая въ концѣ-концовъ всѣ условія человѣческой жизни. Въ старшихъ классахъ, какъ и въ младшихъ, продолжается заучиваніе наизусть молитвъ. Вотъ все, что можно сказать о преподаваніи Закона Божія.

Большее вниманіе обращено на нреподаваніе отечественнаго языка (нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго), программа котораго весьма обширна для учениковъ народныхъ школъ. Въ первыхъ четырехъ классахъ преподаваніе отечественнаго языка состоитъ изъ нагляднаго обученія и обученія чтенію и письму для дѣтей, не посѣщавшихъ школъ для малолѣтнихъ. Въ первомъ классѣ наглядное обученіе заключается въ томъ, что учитель разсматриваетъ съ дѣтьми самымъ подробнымъ образомъ отдѣльные предметы въ школѣ, домѣ и окрестностяхъ, показывая ихъ въ дѣйствительности или на хорошихъ картинахъ, причемъ осмотры сопровождаются соотвѣтственными объясненіями.

Покончивъ съ этимъ, учитель заставляетъ дѣтей находить предметы, подобные осмотрѣннымъ, и указывать ихъ главнѣйшія свойства, причемъ обращается вниманіе на правильность произношенія словъ и названій и на точность въ составленіи небольшихъ предложеній. Къ концу года дѣти упражняются въ писаніи группъ словъ и краткихъ предложеній. Наглядное обученіе всегда сопровождается простыми и легкими разсказами—какъ для оживленія и дополненія преподаванія, такъ и для развитія фантазіи, чувства и способности рѣчи дѣтей перваго и второго классовъ. Вообще, въ первыхъ двухъ классахъ программа общая. Въ третьемъ классѣ идутъ немного далѣе: ученики не ограничиваются лишь правильнымъ произношеніемъ наблюденнаго и объясненнаго, а составляютъ также маленькія описанія, причемъ обращается вниманіе на то, чтобы дѣти ознакомились съ основными формами сложнаго предложенія, не вдаваясь въ грамматическія частности. Для того, чтобы дѣти третьяго и четвертаго классовъ пріучились къ правильной рѣчи, а также чтобы познакомить дѣтей съ правильнымъ отношеніемъ ихъ къ людямъ и природѣ, ихъ заставляютъ читать соотвѣтственные разсказы.

Кромѣ нагляднаго обученія, ученики четырехъ низшихъ классовъ обучаются чтенію и письму, для чего въ первомъ классѣ обращается вниманіе на упражненія органовъ слуха и рѣчи. Упражненія заключаются въ томъ, что дѣти отчетливо и ясно повторяютъ за учителемъ произнесенное послѣднимъ слово и то разлагаютъ слово на слоги, то изъ слоговъ составляютъ слова. Покончивъ съ этимъ, переходятъ къ

упражненіямъ глаза и руки, какъ-бы подготовляясь къ обученію письму. Учитель пишетъ на классной доскѣ элементы буквъ, затѣмъ—цѣлыя буквы, ученики-же списываютъ это въ свои тетради. Затѣмъ переходятъ къ прочитыванію и писанію словъ и краткихъ предложеній, начиная, конечно, съ легкихъ и постепенно переходя къ болѣе труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ведутся упражненія въ чистописаніи.

Во второмъ классѣ дѣти знакомятся съ малыми и большими печатными буквами, опять-таки постепенно, начиная съ легкихъ и кончая болѣе трудными, и затѣмъ уже чтеніе и письмо примѣняются при наглядномъ обученіи. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: дѣти пишутъ усвоенныя имена и группы словъ наизусть до тѣхъ поръ, пока написанное не будетъ совершенно правильно. Затѣмъ изъ этихъ словъ устно образовываютъ предложенія, послѣднія пишутъ, прочитываютъ, причемъ повторяется все уже усвоенное объ основныхъ формахъ краткаго предложенія. Наконецъ, читаются маленькіе разсказы, предварительно устно прочитанные и объясненные учителемъ.

Съ третьяго класса входитъ въ употребленіе хрестоматія, изъ которой учитель прочитываетъ легкія описанія предметовъ, разсказы и краткія стихотворенія. Послѣднія обыкновенно заучиваются наизусть. Кромѣ того, въ третьемъ и четвертомъ классахъ ученики упражняются въ письменной дословной передачѣ заученнаго и въ письменномъ свободномъ пересказѣ, причемъ знакомятся съ основными формами сложнаго предложенія.

Въ старшихъ классахъ преподаваніе отечественнаго языка распадается на упражненія въ языкѣ и на изученіе грамматики.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ упражненій въ языкѣ служатъ образцовые разсказы изъ хрестоматіи, которые такъ составлены, что по своему содержанію могутъ значительно способствовать умственному развитію ребенка, а по формѣ даютъ образцы прозаическаго и поэтическаго способовъ выраженія мыслей. Въ каждомъ классѣ заучиваются наизусть соотвѣтственные дѣтскому кругозору образцы. Въ 5-мъ и 6-мъ классахъ поэтическія произведенія читаются мало. При чтеніи образцовъ обращается серьезное вниманіе на всестороннее пониманіе прочитаннаго, дабы ученики могли, съ одной стороны, усвоить ихъ содержаніе, а во-вторыхъ, примѣнять ихъ во всевозможныхъ устныхъ и письменныхъ упражненіяхъ. Самыя упражненія въ языкѣ заключаются въ чтеніи, рѣчи, письмѣ, диктовкѣ и сочиненіи. При чтеніи обращается вниманіе на отчетливость, ясность, дикцію, пониманіе; упражненіями въ рѣчи стараются достигнуть того, чтобы ученики давали правильные отвѣты, въ стилистическомъ отношеніи, на

вопросы учителя и толково передавали своими словами прочитанное. Диктовка имѣетъ цѣлью усвоеніе правописанія. Главное-же вниманіе обращается на упражненія въ свободномъ пересказѣ какого-либо произведенія или части его, причемъ ученикъ пріучается къ замѣнѣ однѣхъ грамматическихъ формъ другими, а также къ сокращенію прочитаннаго; упражняются также въ составленіи описаній и сравненій на данную тему. Грамматика проходится довольно кратко, причемъ особенное вниманіе обращено на синтаксисъ.

Нельзя не замѣтить, что теоретическое преподаваніе языка очень обременительно до VII-го класса, такъ какъ дѣтямъ моложе 12-ти лѣтъ трудно усвоеніе грамматики, не основывающейся на объясненіи прочитаннаго, а составляющей какъ-бы особый предметъ преподаванія. Немудрено поэтому, что, кромѣ механическаго зазубриванія грамматическихъ правилъ, дѣти ничего болѣе не выносятъ изъ школы. Замѣтимъ еще, что преподаваніе ведется на мѣстномъ діалектѣ, что, къ сожалѣнію, приводитъ къ тому, что ученики выходятъ изъ школы незнакомые съ литературнымъ языкомъ. Нерѣдко бываетъ, что швейцарскій простолюдинъ не понимаетъ, если къ нему обращаются съ вопросомъ на чистомъ нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ.

Прежде нежели перейти къ слѣдующему предмету преподаванія, упомянемъ, что среди нѣкоторой части швейцарскихъ педагоговъ существуетъ стремленіе уничтожить отечественный языкъ, какъ отдѣльный предметъ преподаванія, и знакомить съ нимъ учениковъ при преподаваніи естествовѣдѣнія, подобно тому, какъ младшіе ученики изучаютъ отечественный языкъ при помощи нагляднаго обученія. Впрочемъ, это стремленіе имѣетъ мало приверженцевъ.

Ариѳметика проходится въ слѣдующемъ объемѣ: Въ I-мъ классѣ дѣти знакомятся съ понятіями о числѣ и упражняются въ письменномъ и устномъ счисленіи до 100, причемъ сложеніе и вычитаніе изучается въ предѣлѣ 20, а всѣ остальныя дѣйствія въ предѣлѣ 10. Во II-мъ классѣ рѣшаютъ умственныя задачи на четыре дѣйствія въ предѣлѣ 20, а письменныя въ предѣлѣ 50. Въ III-мъ классѣ сложеніе и вычитаніе распространяются на числа до 1.000, умственныя задачи дѣлаются съ числами до 100, ученики знакомятся съ таблицей умноженія, дѣлаютъ устныя упражненія въ дѣленіи и умноженіи съ числами до 200 и письменныя упражненія съ однозначными и двузначными дѣлителями и множителями и заучиваютъ швейцарскія мѣры денегъ, вѣса и длины. Въ IV-мъ классѣ занимаются счисленіемъ до 10.000, упражняются въ дѣленіи съ однозначнымъ и трехзначнымъ дѣлителями, дѣлаютъ устныя и письменныя задачи на всѣ 4 дѣйствія и знако-

мятся съ именованными числами. Въ V-мъ классѣ упражняются въ четырехъ дѣйствіяхъ надъ отвлеченными и именованными числами до милліона, получаютъ понятіе о простыхъ и десятичныхъ дробяхъ, о простомъ и сложномъ тройномъ правилѣ и о метрической системѣ. Въ VI-мъ классѣ проходятся десятичныя дроби, обращеніе простыхъ дробей въ десятичныя и обратно, приведеніе цѣлыхъ чиселъ въ дробныя и извлеченіе изъ дроби цѣлаго, сокращеніе дробей, приведеніе ихъ къ одному знаменателю и, наконецъ, простая бухгалтерія. Въ VII-мъ классѣ упражняются въ задачахъ изъ обыденной жизни, особенно торгово-промышленной, причемъ знакомятъ учениковъ съ правиломъ процентовъ и съ иностранными мѣрами вѣса и длины. Въ VIII-мъ классѣ изучаются сложные проценты, учетъ векселей, веденіе кассовыхъ книгъ и вообще двойное счетоводство. Наконецъ, въ IX-мъ классѣ повторяется вся ариѳметика. Во всѣхъ классахъ прикладныя задачи берутся изъ практической жизни, причемъ сложныя вычисленія, по возможности, избѣгаются, равно какъ и задачи съ дробями. Результаты обученія ариѳметики получаются не блестящіе, ибо экзамены по отбыванію воинской повинности свидѣтельствуютъ, что большинство экзаменующихся не въ состояніи быстро и вѣрно рѣшить задачу съ данными изъ практической жизни.

Преподаваніе элементарной геометріи начинается съ IV-го класса и продолжается до VI-го включительно. Характеръ обученія носитъ преимущественно прикладной характеръ, въ примѣненіи къ измѣренію различнаго рода предметовъ; обращается также особенное вниманіе на черченіе геометрическихъ фигуръ.

Исторія, преимущественно отечественная, входитъ въ программу народной школы также съ IV-го класса, въ которомъ сообщаются краткія свѣдѣнія о Карлѣ Великомъ, королевѣ Бертѣ, основаніи города Берна, Вильгельмѣ Теллѣ, объ исторіи Швейцаріи и образованія Швейцарскаго Союза до соединенія первыхъ восьми кантоновъ. Въ V-мъ классѣ сообщаются свѣдѣнія о битвѣ при Моргартенѣ, объ Арнольдѣ Винкельридѣ, о битвѣ при С. Іаковѣ, о Карлѣ Смѣломъ и проходится болѣе подробно собственно отечественная исторія отъ союза первыхъ восьми кантоновъ до 1513 года, или до реформаціи. Въ VI-омъ классѣ проходится объ Аппенцелерской войнѣ, о завоеваніи Ааргау, Цюрихской войнѣ, битвѣ при Дорнахѣ, о Томасѣ Платтерѣ, Песталоцци, Эмануэлѣ Фелленбергѣ, генералѣ Дюфурѣ и опять-таки болѣе подробно преподается собственно отечественная исторія отъ реформаціи до 1848 или 1877 годовъ. Въ VII-омъ классѣ излагается о свайныхъ постройкахъ, переселеніи народовъ, о Магометѣ, распростра-

ненiи христiанства въ Швейцарiи, объ освобожденiи лѣсныхъ кантоновъ, о Берхтольдѣ V, битвѣ при Лаутенѣ, Констанцкомъ соборѣ, Іоаннѣ Гуттенбергѣ, Аннѣ Зейлеръ, Бургундской войнѣ, союзѣ 13-ти кантоновъ, крестьянской войнѣ 1653 года. Кромѣ того, ученики знакомятся кратко съ главнѣйшими событiями изъ древней и средней всеобщей исторiи и съ швейцарской конституцiей. Въ VIII-омъ классѣ ученики узнаютъ о Христофорѣ Колумбѣ, о Лютерѣ, о реформацiи въ Бернѣ, объ iезуитахъ, о Густавѣ-Адольфѣ, крестьянскихъ войнахъ, Тавелѣ и Генци, Фридрихѣ Великомъ, Георгѣ Вашингтонѣ, генералѣ Веберѣ, о паденiи Швейцарскаго Союза и о политическихъ событiяхъ 1815 года. Кромѣ того, проходится новая всеобщая исторiя и ученики ознакамливаются съ конституцiею швейцарскаго государства и конституцiями его отдѣльныхъ кантоновъ. Наконецъ, въ IX-омъ классѣ повторяется вся швейцарская исторiя.

Въ третьемъ классѣ съ учениками ведутся бесѣды по географiи, исключительно мѣстной, т.-е. общины или округа, причемъ объясняются общеупотребительные географическiе термины. Затѣмъ, въ слѣдующемъ IV-омъ классѣ переходятъ къ ознакомленiю съ общей географiей кантона и физической—всей Швейцарiи. Понятiя о картѣ, горахъ, плоскостяхъ и рѣкахъ сообщаются также на этой ступени обученiя. Въ V-омъ приступаютъ къ краткому изученiю Европы и продолжаютъ географiю кантоновъ по ихъ географическому положенiю. Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ классахъ рисованiе картъ обязательно, что несомнѣнно способствуетъ лучшему усвоенiю преподаннаго, и, надо замѣтить, что ученики очень охотно этимъ занимаются, что видно изъ ихъ работъ, выставленныхъ въ постоянной швейцарской школьной выставкѣ. Въ слѣдующихъ классахъ проходится болѣе подробно географiя кантона, Швейцарiи, Европы и остальныхъ, особенно сосѣднихъ, странъ.

По естественной исторiи въ IV-омъ классѣ лѣтомъ даются описанiя растенiй (особенно ядовитыхъ), распространенныхъ въ окрестностяхъ, и вообще описанiя представителей главныхъ классовъ растительнаго и животнаго мiра; зимою-же—описанiя домашнихъ и полевыхъ животныхъ,—все, конечно, при помощи наглядныхъ пособiй. Усвоивъ все это, ученики V-го класса знакомятся съ описанiями вишневаго дерева, гороха, одуванчика, буковаго дерева; собаки, пѣтуха; форели; пчелы; желѣза. Вообще при описанiи животныхъ и растенiй обращается вниманiе на полезныя и вредныя свойства ихъ, что несомнѣнно очень важно для крестьянскихъ дѣтей.

По ботаникѣ проходится не только систематика, но и морфологiя,—

конечно, въ общихъ чертахъ. Вышеназванныя описанія обыкновенно сравниваются и такимъ образомъ получаются понятія о родѣ и видѣ.

Въ VI-омъ классѣ продолжаются описанія различныхъ представителей всѣхъ трехъ царствъ, особенно—грушеваго дерева, картофеля, пшеницы, ели, вола, зяблика, майскаго жука, каменной соли и каменнаго угля, причемъ при описаніи минераловъ обращается особенное вниманіе на ихъ добываніе и употребленіе. Очень симпатично то, что дѣтей обучаютъ уходу за растеніями: каждому ученику въ школѣ дается горшокъ съ растеніемъ и дѣлаются соотвѣтственныя указанія относительно ухода за нимъ. Лѣтомъ, по истеченіи учебнаго года, школы устраиваютъ публичныя выставки выхоленныхъ дѣтьми растеній, съ незначительной входной платой въ пользу бѣдныхъ учениковъ. По окончаніи выставки достойнымъ раздаются похвальные листы. Слѣдовало-бы подобнымъ образомъ заинтересовать дѣтей въ составленіи коллекцій насѣкомыхъ, что несомнѣнно повело-бы къ лучшему ознакомленію съ послѣдними. Въ VII-омъ классѣ дѣтямъ разсказывается объ оплодотвореніи и плодѣ, о сорныхъ травахъ, о мѣстныхъ питательныхъ растеніяхъ, о главнѣйшихъ альпійскихъ растеніяхъ; по зоологіи—о вредныхъ и полезныхъ для человѣка животныхъ, о грубомъ обращеніи съ животными и защитѣ послѣднихъ, о главнѣйшихъ явленіяхъ животной жизни, объ органахъ человѣческаго тѣла. Кромѣ того, ученики знакомятся съ различными классами минеральнаго царства. Въ этомъ-же классѣ дѣти получаютъ понятіе о рычагѣ, барометрѣ и термометрѣ. Въ VIII-омъ классѣ сообщаются свѣдѣнія по элементарной гигіенѣ и изъ физики — о водѣ, воздухѣ, насосахъ, электричествѣ и магнетизмѣ, особенно въ ихъ примѣненіяхъ. То-же самое и въ IX-омъ классѣ, въ которомъ преподается еще о кислородѣ, водородѣ, углеродѣ и ихъ соединеніяхъ.

По пѣнію, въ первые три года дѣти постепенно усваиваютъ первые шесть тоновъ гаммы и упражняются въ исполненіи маленькихъ пѣсенъ въ предѣлахъ усвоенныхъ тоновъ. Затѣмъ переходятъ къ употребленію школьнаго пѣсенника, изъ котораго дѣти обязательно должны выучить по 12 пѣсенъ въ младшихъ и старшихъ классахъ. Въ IV-омъ и V-омъ классахъ поютъ то сильно, то слабо (tempo) и, наконецъ, въ послѣднихъ классахъ доходятъ до верхняго fa, знакомятся съ употребленіемъ ключа и знака основного тона.

Въ первомъ году упражненія въ чистописаніи идутъ рука объ руку съ обученіемъ чтенію писанаго и лишь со второго года чистописаніе является отдѣльнымъ предметомъ. Сперва идутъ упражненія въ писаніи элементовъ буквъ, затѣмъ упражняются въ писаніи малыхъ

и большихъ буквъ нѣмецкой азбуки,—конечно, въ генетической связи,—наконецъ, словъ и краткихъ предложеній. Каждая буква предварительно пишется на доскѣ такимъ образомъ, чтобы ученикамъ было видно, какъ именно она образовалась изъ составныхъ ея элементовъ. Въ первые два года употребляется грифельная доска, съ третьяго—исключительно бумага, когда упражненія учащаются и разнообразятся, напримѣръ, писаніемъ арабскихъ цыфръ. Главная цѣль чистописанія до VII-го класса заключается въ правильности письма, почему употребляется линованая бумага и практикуется писаніе подъ тактъ. Въ VII-омъ классѣ обращается вниманіе на то, чтобы ученики писали красиво и быстро, и, наконецъ, въ двухъ старшихъ дѣти упражняются въ веденіи дѣловыхъ книгъ и въ счетоводствѣ.

Въ первомъ классѣ чистописаніе и рисованіе составляютъ одинъ предметъ; во второмъ и третьемъ они преподаются отдѣльно, а именно, по рисованію учащіеся упражняются въ черченіи прямыхъ линій и дѣленіи послѣднихъ, черченіи угловъ, треугольниковъ и четыреугольниковъ, въ рисованіи легкихъ сѣтчатообразныхъ фигуръ и простыхъ орудій на грифельной доскѣ, сначала при помощи сѣтки, потомъ безъ нея. Поупражнявшись достаточно на грифельной доскѣ, приступаютъ къ рисованію (и черченію) на бумагѣ основныхъ геометрическихъ формъ, а затѣмъ—легкихъ, напр., листьевъ, орнаментовъ безъ примѣненія тѣневыхъ линій, предметовъ и орудій изъ обыденной жизни, имѣющихъ простыя формы. Въ общемъ, рисованіе не стоитъ въ швейцарскихъ школахъ на должной высотѣ, что замѣтно было въ швейцарскомъ школьномъ отдѣлѣ на французской всемірной выставкѣ 1889 года. Оказалось, что изученнаго по рисованію далеко недостаточно даже для зауряднаго ремесленника.

Несмотря на то, что гимнастика по общешвейцарскому закону обязательна для всѣхъ мальчиковъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ и для дѣвочекъ, преподаваніе ея еще далеко не стоитъ на должной высотѣ,—отчасти въ силу непониманія значенія гимнастики, отчасти-же вслѣдствіе отсутствія желанія отдѣльныхъ общинъ, небрежности многихъ учителей и т. п. При очень многихъ школахъ нѣтъ необходимаго для гимнастики помѣщенія и при значительномъ числѣ школъ замѣчается полное отсутствіе гимнастическихъ приспособленій, вслѣдствіе чего обученіе возможно только лѣтомъ. Въ послѣднее время кантональныя правительства принимаютъ энергичныя мѣры, чтобы заставить общины выполнить ихъ въ этомъ отношеніи обязанности къ школѣ: лишаютъ, напр., вспомоществованія со стороны кантона, или-же употребляютъ эти деньги на покупку гимнастическихъ приспособленій. Насколько эти мѣры будутъ имѣть успѣхъ—покажетъ будущее.

Въ иныхъ школахъ мальчиковъ обучаютъ нѣкоторымъ ремесламъ, преимущественно картонному, слесарному и столярному; дѣвочекъ-же во всѣхъ школахъ обязательно обучаютъ рукодѣлью.

Вышеизложенная программа обязательно должна быть пройдена во всѣхъ школахъ; она считается минимальной и по ней производятся экзамены по отбыванію воинской повинности (рекрутскіе экзамены). Если способности учащихся, учебное время или другія обстоятельства позволяютъ расширеніе курсовъ по всѣмъ или нѣкоторымъ предметамъ, учитель въ правѣ это сдѣлать безъ особаго разрѣшенія.

Въ цѣляхъ большей успѣшности преподаванія, каждая школа должна, согласно установленнымъ правиламъ, имѣть слѣдующія учебныя пособія: 1) географическую карту для библейской исторіи; 2) отдѣльныя картины, необходимыя для нагляднаго обученія; 3) модели и таблицы геометрическихъ тѣлъ и мѣръ; 4) большой циркуль, трехугольникъ и линейку съ дѣленіями; 5) нѣсколько стѣнныхъ досокъ (въ большихъ школахъ одну на пять дѣтей); 6) географическую карту кантона; 7) географическія карты Швейцаріи, Европы и полушарій; 8) картины для преподаванія естественныхъ наукъ; 9) термометръ и вообще простѣйшіе физическіе приборы, какъ-то: магнитную иглу, стеклянную призму и т. п.; 10) стѣнныя таблицы и модели для рисованія и, наконецъ, 11) приборы для гимнастическихъ упражненій.

Въ виду бѣдности, а иногда и скупости родителей, при школахъ непремѣнно должна практиковаться безплатная раздача книгъ и письменныхъ принадлежностей нѣкоторымъ изъ нуждающихся въ этомъ учениковъ. Къ сожалѣнію, многія общины упорно отказываютъ въ этомъ школѣ. Вопросъ этотъ уже болѣе десятка лѣтъ интересуетъ всѣхъ швейцарскихъ друзей народнаго образованія и почти во всѣхъ общинахъ онъ передавался на обсужденіе общинныхъ собраній, которыя, въ большинствѣ случаевъ, высказывались за рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ, но окончательнаго общаго постановленія по немъ до сихъ поръ еще не сдѣлано. Такъ, въ однихъ кантонахъ выдаются во всѣхъ школахъ всѣ учебники и учебныя принадлежности безплатно, въ другихъ-же такая выдача производится лишь въ нѣкоторыхъ школахъ, по рѣшенію отдѣльныхъ общинъ. Всѣ выданные дѣтямъ учебники возвращаются въ концѣ года школьной администраціи, что отчасти имѣетъ свои нехорошія стороны, такъ какъ отнимаетъ у многихъ бѣдныхъ дѣтей возможность въ свободное время снова заглянуть въ книжку, не давая имъ такимъ образомъ возможности позабыть пройденное въ школѣ. Правда, во многихъ

мѣстностяхъ Швейцаріи существуютъ такъ-называемые повторительные и дополнительные классы, но, во-первыхъ, они не обязательны и, во-вторыхъ, не всѣ дѣти могутъ принять въ нихъ участіе. Что народъ не удовлетворяется курсомъ одной начальной школы, доказываетъ тотъ фактъ, что издѣлія такъ-называемой лубочной литературы расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Не лучше-ли было-бы, если-бы школьныя книги, просмотрѣнныя и одобренныя педагогическимъ начальствомъ, обыкновенно не допускающимъ, чтобы въ учебникахъ и хрестоматіяхъ содержалось что-либо, могущее оскорбить нравственное или религіозное міровоззрѣніе родителей, оставались-бы у дѣтей и по выходѣ ихъ изъ школы?..

Окончивъ курсъ народной школы, многія дѣти поступаютъ въ такъ-наз. дополнительные классы (Fortbildungschule), во многихъ кантонахъ не обязательные, хотя въ послѣднее время замѣчается какъ увеличеніе числа такихъ школъ, такъ и увеличеніе числа обучающихся въ нихъ. Мало-по-малу общины начинаютъ приходить къ сознанію, что школы эти должны быть обязательно посѣщаемы, дабы усвоенное въ народной школѣ дѣйствительно укрѣплялось. Особенное вниманіе обращено въ этихъ классахъ на прикладное обученіе, техническое рисованіе и женскія рукодѣлья. Дѣвочекъ въ этихъ школахъ вообще значительно меньше, чѣмъ мальчиковъ, такъ какъ обыкновенно обученіе въ этихъ классахъ происходитъ въ поздніе вечерніе часы, отъ 9 до 10 час. вечера, когда возвращаться молодымъ дѣвушкамъ домой не всегда безопасно. Вслѣдствіе этого въ послѣднее время правительства нѣкоторыхъ кантоновъ предложили своимъ общинамъ назначить уроки на болѣе ранніе вечерніе часы, чтобы и дѣвушкамъ дать возможность посѣщать эти уроки. Да и для мальчиковъ позднія вечернія занятія не совсѣмъ-то удобны. Представьте себѣ мальчика, отправляющагося въ шесть часовъ утра изъ своей деревушки, чтобы поспѣть къ семи часамъ на фабрику, и работающаго тамъ цѣлый день; естественно, что онъ возвращается съ фабрики вечеромъ усталый, а между тѣмъ ему предстоитъ еще посѣщеніе вечерней школы! Способенъ-ли такой мальчикъ къ ученію? Можно-ли на него сердиться, если онъ иногда заснетъ въ теплой школьной комнатѣ? А учителю—развѣ легко преподавать вечеромъ, послѣ того, какъ все дообѣденное и послѣобѣденное время онъ работалъ въ школѣ, затѣмъ просмотрѣлъ дома работы своихъ учениковъ и, наконецъ, долженъ былъ подготовляться какъ къ вечернему уроку, такъ и къ урокамъ на завтрашній день?.. Преподаваніе въ дополнительныхъ классахъ должно происходить, какъ

думаютъ и многіе педагоги, днемъ и, по возможности, до обѣда. Но выполненіе такого желанія очень трудно и даже немыслимо въ настоящее время, когда дѣти съ 14-ти лѣтъ уже поступаютъ на фабрики. Нужно было-бы освободить дѣтей отъ необходимости свои лучшіе годы жизни проводить въ закоптѣлыхъ помѣщеніяхъ фабрикъ и мастерскихъ, и тогда уже говорить о возможности поднять умственное развитіе народа...

Дополнительныя школы имѣютъ мало средствъ: онѣ зависятъ исключительно отъ скудныхъ субсидій правительствъ, общины-же немного о нихъ заботятся. Курсъ въ этихъ школахъ двухгодичный (для молодыхъ людей 17—19-ти лѣтъ), такъ что юноши, пройдя эти школы, затѣмъ непосредственно приступаютъ къ рекрутскимъ экзаменамъ. Есть также не мало школъ съ курсомъ отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года. Число еженедѣльныхъ классныхъ занятій— отъ 4 до 18 часовъ. Преподаются слѣдующіе предметы: 1) отечественный языкъ; 2) рисованіе; 3) ариѳметика; 4) бухгалтерія; 5) географія (промышленность, продукты, пути сообщенія и рынки Швейцаріи, сосѣднихъ странъ и различныхъ частей свѣта; 6) исторія (отъ 1798 г. до настоящаго времени); 7) законовѣдѣніе; 8) естествознаніе (съ примѣненіемъ къ гигіенѣ и къ промышленности) и 9) сельское хозяйство. Программа такъ обширна, что въ столь короткое время выполненіе ея невозможно, и ученики не могутъ усвоить преподаваемое вполнѣ. Но какъ-бы то ни было, школы эти приносятъ громадную пользу, особенно взрослымъ, нерѣдко поступающимъ въ нихъ. При преподаваніи ученики дѣлятся на двѣ группы, и въ то время, какъ учитель занимается съ одной, другая группа занята письменными упражненіями. Во многихъ школахъ обученіе безплатно, въ иныхъ вносится незначительная плата, въ размѣрѣ 1—3 франковъ, возвращаемыхъ по окончаніи курса прилежнымъ ученикамъ обратно. Два раза въ году бываютъ экзамены—устный, и затѣмъ устный и письменный.

Всѣхъ учениковъ въ дополнительныхъ классахъ было въ 1886—1887 г. 19.716, а въ слѣдующемъ 1887—1888 году уже 24.061. Число учащихся, такимъ образомъ, увеличивается, что указываетъ на необходимость школъ такого рода.

Кромѣ дополнительныхъ классовъ, важное значеніе въ смыслѣ укрѣпленія знаній, получаемыхъ въ народной школѣ, имѣютъ такъ-называемыя дѣтскія и народныя библіотеки, содержимыя государствомъ и частными благотворительными обществами. При громадномъ большинствѣ школъ имѣются свои библіотечки, и для пополненія ихъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ существуютъ спеціальныя коммиссіи.

Другимъ важнымъ подспорьемъ для школы служатъ различные музеи, какъ, напр., общешвейцарскій музей школьныхъ пособій и работъ, имѣющій свои отдѣленія въ большихъ городахъ. Дѣти, въ сопровожденіи учителей, довольно часто посѣщаютъ эти музеи, гдѣ они знакомятся съ образцами различныхъ отраслей отечественной культуры, искусства и т. п. Деревенскіе школьники иногда пріѣзжаютъ по праздникамъ или на каникулахъ въ ближайшіе города—для осмотра выставокъ, художественныхъ галлерей и т. п. Поѣздки и прогулки подобнаго рода совершаются на счетъ школы, причемъ надо замѣтить, что администраціи частныхъ или общественныхъ временныхъ выставокъ, въ большинствѣ случаевъ, отказываются отъ взиманія платы съ учащихся, не смотря на то, что число школъ довольно значительно, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Школы для мальчиковъ.	Школы для дѣвочекъ.	Для дѣтей обоего пола.	Всего.
1882	935	965	6.462	8.362
1888	1.003	1.024	6.918	8.945
1889	1.011	1.029	7.029	9.069
1890	1.041	1.068	7.135	9.244

Изъ этой таблицы видно, что въ особенности увеличивается число смѣшанныхъ школъ, въ пользу которыхъ высказываются многія компетентныя лица. Относительно числа учениковъ также замѣтно увеличеніе,—соотвѣтственно возростанію народонаселенія. Такъ, въ 1886 году было 461.622 учениковъ и ученицъ, въ 1887 г.—467.597, въ 1888 г.—471.016, въ 1889 г.—475.012, въ 1890 г. — 476.101. Въ среднемъ, на каждаго учителя приходится отъ 52 до 120 учениковъ.

При выборѣ поселенія для постройки новой школы всегда заботятся о томъ, чтобы maximum времени, необходимаго школьнику для прохожденія пути отъ мѣста жительства его до школы, не превышалъ тридцати минутъ, но въ дѣйствительности нерѣдко случается, что дѣтямъ приходится тратить по два часа на хожденіе въ школу, особенно въ горныхъ и лѣсистыхъ кантонахъ, что ведетъ къ частымъ пропускамъ уроковъ. Впрочемъ, пропуски уроковъ бываютъ не только по этимъ причинамъ; значительное число ихъ зависитъ также отъ небрежности, равнодушія и невѣжества родителей. Бѣдность, недостатокъ въ одеждѣ, употребленіе дѣтей, особенно старшихъ, на всевозможныя работы и посылки—также не мало способствуютъ увеличенію числа пропусковъ. О школахъ, ютящихся на горахъ, и говорить нечего: топографическія и климатическія условія, весьма плохое состояніе дорогъ и тропинокъ, а самое главное—сплошная бѣдность населенія—вотъ наибольшіе враги школы. Часто вмѣсто

школы дѣти идутъ за ягодами, потому что даже ничтожная сумма, выручаемая за ягоды, служитъ не малымъ подспорьемъ для бѣдной семьи. Надо не штрафовать родителей бѣдняковъ за такіе пропуски уроковъ ихъ дѣтьми, какъ это практикуется теперь, а необходимо принять мѣры къ поднятію ихъ благосостоянія. Можетъ быть, въ далекомъ будущемъ въ школьномъ законѣ будетъ пунктъ о вспомоществованіи родителямъ бѣдныхъ учениковъ, пока-же бѣдняки наравнѣ съ состоятельными должны за пропуски уроковъ своими дѣтьми платить штрафы, доходящіе иногда до 15 франковъ и взыскиваемые съ недавняго времени довольно строго. Нѣкоторое облегченіе дѣлается лишь дѣтямъ жителей горныхъ кантоновъ — увеличеніемъ каникулярнаго времени до 30 недѣль въ году. Кромѣ того, во всѣхъ школахъ въ субботу послѣ обѣда занятій не бываетъ.

Исходя изъ того мнѣнія, что домашняя обстановка учащихся, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, отсутствія правильно устроенныхъ учебныхъ столовъ и скамеекъ, не всегда позволяетъ дѣтямъ заниматься безъ ущерба для ихъ физическаго развитія, швейцарскіе педагоги не задаютъ на домъ уроковъ и каникулярныхъ работъ, что въ нѣкоторыхъ кантонахъ утверждено уже и закономъ. Только въ старшихъ классахъ задаются иногда домашнія работы, и то только въ тѣ дни, когда нѣтъ послѣобѣденныхъ уроковъ.

Въ концѣ каждаго семестра или года ученики почти по всѣмъ предметамъ подвергаются письменному и устному экзамену, результаты котораго имѣютъ значеніе для перехода изъ класса въ классъ. Лучшіе ученики получаютъ за успѣхи подарки. При окончаніи курса школы, весной или осенью, особая экзаменаціонная коммиссія подвергаетъ учениковъ и ученицъ устному и письменному испытанію. На устномъ экзаменѣ каждый ученикъ долженъ отчетливо передать своими словами прочитанный разсказъ, вѣрно отвѣтить на предложенные ему вопросы по ариѳметикѣ и отечествовѣдѣнію; на письменномъ — написать сочиненіе, рѣшить задачу и дать письменный отвѣтъ на вопросъ по отечествовѣдѣнію. Экзамены публичны. Отмѣтки выдаются ученикамъ въ формѣ свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи ими курса народной школы. Въ случаяхъ неявки дѣтей къ экзаменамъ родители платятъ въ общинную кассу—въ первый разъ 5 фр. штрафа, во второй—20. Слѣдуетъ замѣтить, что уже съ середины 80-хъ годовъ въ швейцарской педагогической прессѣ ведется полемика о пользѣ и вредѣ экзаменовъ.

Въ началѣ школьнаго года, равно какъ и въ срединѣ его, ученики подвергаются медицинскому осмотру. Изъ другихъ гигиениче-

скихъ мѣръ, примѣняемыхъ въ швейцарскихъ народныхъ школахъ, упомянемъ о томъ, что въ первые утренніе часы преподаются предметы, требующіе наибольшаго умственнаго напряженія, рисованіе-же, гимнастика и пѣніе отнесены на послѣдніе до-обѣденные и послѣ-обѣденные часы. Промежутки между утренними часами занятій, продолжающимися отъ 8-ми часовъ утра до двѣнадцати, и послѣобѣденными, начинающимися не раньше двухъ часовъ пополудни и оканчивающимися въ четыре, не должны быть короче 15 минутъ, въ продолженіи которыхъ дѣти или обязательно играютъ на воздухѣ, или-же заняты гимнастическими упражненіями. Нерѣдко въ хорошую лѣтнюю погоду дѣти, въ сопровожденіи учителей или учительницъ, совершаютъ различныя прогулки въ горы, лѣса, доставляющія дѣтямъ не мало пріятныхъ минутъ и воспоминаній.

Пройдя молчаніемъ различныя филантропическія мѣропріятія, какъ, напр., раздачу теплой пищи и обуви бѣднымъ дѣтямъ, устройство лѣтнихъ колоній для больныхъ дѣтей и т. д., имѣющія, конечно, большое значеніе, но пока еще мало привившіяся въ жизни, спросимъ себя: достигло-ли государство той цѣли, которую оно имѣло въ виду при введеніи обязательнаго народнаго образованія, т.-е. подготовила-ли школа гражданъ, способныхъ понимать законы и государственный строй страны? На этотъ вопросъ отчасти отвѣчаютъ данныя такъ-называемыхъ рекрутскихъ экзаменовъ. Эти экзамены обязательны для всѣхъ рекрутъ; отъ нихъ освобождаются только глухонѣмые и психически-больные. Экзамены производятся по чтенію, письму, счисленію и отечествовѣдѣнію. Получаемыя данныя показываютъ, съ одной стороны, что школа выпускаетъ молодыхъ людей съ средними или малыми знаніями, съ другой стороны—замѣчается изъ года въ годъ лучшее усвоеніе учениками предметовъ школьнаго преподаванія. Такъ, въ 1888 году только 8% рекрутъ, обучавшихся исключительно въ народной школѣ, получили высшую отмѣтку болѣе нежели въ двухъ предметахъ, и 20% худшую больше нежели въ одномъ предметѣ. Вообще, очень хорошія отмѣтки получили: въ 1889 году—13%, а въ 1890 г.—19% всѣхъ экзаменовавшихся. Плохія отмѣтки получили: въ 1888 г. — 17%, въ 1889 г.—15% и въ 1890 г.—14%. Лучшіе отвѣты получались по чтенію, худшіе – по отечествовѣдѣнію. Эти данныя, однако, не обезкураживаютъ швейцарскихъ педагоговъ, но, наоборотъ, заставляютъ ихъ принимать всѣ мѣры, необходимыя для поднятія народнаго образованія на должную высоту.

В. Сапожникова.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(Къ 25-ти-лѣтію земскихъ учрежденій).

Каково было состояніе народнаго образованія въ Херсонской губерніи въ до-земскій періодъ, объ этомъ можно судить по слѣдующей характеристикѣ, сдѣланной Херсонской губернской земской управой въ 1865 году, на основаніи свѣдѣній уѣздныхъ земскихъ управъ.

«*Во всѣхъ уѣздахъ, безъ исключенія, очень значительное большинство школъ находится въ совершенно неудовлетворительномъ положеніи; учебныхъ пособій и другихъ, иногда самыхъ необходимыхъ, классныхъ принадлежностей—нѣтъ или недостаточно; учителя плохи до нельзя, часто пьяницы и люди безграмотные; учебнаго времени едва ли наберется 3—4 мѣсяца въ году и, вслѣдствіе этого, дѣти, учась по нѣсколько лѣтъ, не научаются рѣшительно ничему*».

Въ школахъ Александрійскаго уѣзда *учителями были преимущественно священники, діаконы и дьячки*, получавшіе жалованье отъ 10 до 100 руб. въ годъ; въ Ананьевскомъ уѣздѣ училища устраивались самимъ обществомъ, причемъ ученье шло лишь зимою, *учителя пріискивались только на нѣсколько мѣсяцевъ*, за весьма умѣренное вознагражденіе. Помѣщенія школъ въ Херсонскомъ уѣздѣ

---

*) Источники: «Сборникъ херсонскаго земства, изданный Херсонской губернской земской управою». Съ 1868 по 1889 годъ.—«Сводъ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ Херсонской губерніи за 1885—1886 г.». Изд. Херс. земск. упр. Херсонъ 1889 г.—«Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губерніи за 1889 г.»—«Статистическій отчетъ по Одесскому уѣзду за 1888 г.». — Статистико-экономическій отчетъ по Одесскому уѣзду за 1889 г.» А. С. Бориневича.—«Десятилѣтіе русскаго земства. 1864 — 1875 г.» «От. Зап.» 1875 г. № 8. — «Памятная книга по Одесскому учебному округу за 1881 г.». Эд. Ронталера. При этомъ считаемъ долгомъ выразить благодарность г. А. С. Бориневичу за высланный намъ нѣкоторый матеріалъ по народному образованію въ Херсонской губ.

были *почти всѣ сыры и грязны*. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ хотя и существовали собственно для школъ выстроенные дома, но зимою общества ихъ *не отапливали, а переводили школы на зиму въ крестьянскія избы, благодаря чему эти дома пришли въ совершенный упадокъ и стояли съ разбитыми окнами и безъ дверей*. Изъ *74 школъ* въ этомъ уѣздѣ *только въ 25-ти умѣли порядочно читать и кое-какъ писать*. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ среднее жалованье учителя было *40 руб. въ годъ и четверикъ хлѣба съ ученика*. Въ Ананьевскомъ уѣздѣ, о которомъ мы уже говорили, жалованье учителю простиралось отъ 10 до 28 руб. въ годъ, *а дѣти учились большею частью по Часословамъ и букварямъ*. Исправлявшій должность предсѣдателя Тираспольской уѣздной управы И. Перекрестовъ, осмотрѣвъ школы въ уѣздѣ, сообщилъ слѣдующее: «результаты осмотра оказались самые грустные... *Наставники—люди или малограмотные, или неимѣющіе никакого понятія о новыхъ методахъ преподаванія*, а отсюда прямой и вѣрный выводъ—успѣхъ дѣтей слабъ, чтеніе пополамъ съ грѣхомъ, писаніе еще хуже, а объ ариѳметикѣ — почти никакого понятія... Школы, по своей организаціи, не отвѣчаютъ ожиданіямъ народа, который до сихъ поръ не видитъ существенно полезныхъ результатовъ ученія; поэтому неудивительно, что народъ самъ не можетъ разрѣшить такой, напримѣръ, задачи: «почему онъ не можетъ до сихъ поръ дождаться ни сельскихъ учителей, ни писарей своихъ изъ числа воспитанниковъ, тогда какъ на училища, давно и постоянно тратитъ деньги?» Или: «какая польза отъ училищъ, когда изъ нихъ выходятъ дѣти, большею частью способныя только кое-какъ прочесть печатное, и потому не приносящія своею малограмотностью пользы ни себѣ, ни другимъ?» Вопросъ, конечно, разрѣшается самъ собою: училища плохи. Да и въ самомъ дѣлѣ, существующій вообще въ школахъ способъ ученія слишкомъ неудовлетворителенъ, и отъ того, не видя желаемыхъ результатовъ, народъ не можетъ проникнуться полнымъ сознаніемъ пользы и самаго существованія школы».

«У южныхъ военныхъ поселянъ,—говорится въ «Сводѣ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ Херсонской губерніи за 1885—1886 г.»,—«военныя» школы, помѣщавшіяся при волостныхъ правленіяхъ, содержались на счетъ сбора отъ общества и субсидій отъ казны въ 1/6 части размѣра содержанія; *учителя изъ волостныхъ писарей и унтеръ-офицеровъ* получали квартиру, 75—100 р. жалованья въ годъ и *добровольныя приношенія отъ родителей*; были у южныхъ поселянъ и такъ называемая «сельскія» школы, содержавшіяся исключительно на средства обществъ. На школы государственныхъ крестьянъ палата госу-

дарственныхъ имуществъ отпускала *на всю губернію 4.065 руб.;* остальныя средства давали общества. Наконецъ, у бывшихъ временно-обязанныхъ помѣщичьихъ крестьянъ были школы, содержавшіяся и помѣщиками, и сельскими обществами; опредѣленныхъ постоянныхъ средствъ онѣ не имѣли. Мірскіе сборы на школу въ иныхъ селеніяхъ не превышали 50—70 руб. въ годъ; иногда-же общество давало только хату и отопленіе, а учителямъ платили родители учениковъ по 50 к.—1 р. «*за всю выучку*»; понятно поэтому, почему школы послѣдняго рода какъ возникали случайно, такъ-же случайно и прекращали совсѣмъ свое существованіе».

Лишь у нѣмецкихъ колонистовъ «*школы были обставлены лучше всѣхъ, помѣщались въ особо построенныхъ домахъ, а учителя получали отъ общества изъ особаго школьнаго сбора отъ 150 до 300 руб. жалованья, квартиру и содержаніе*»; православный-же людъ былъ повально почти безграмотенъ, потому что школы его напоминали скорѣе помѣщенія для животныхъ, а учителя были темные, невѣжественные люди, не имѣвшіе представленія о преподаваніи и притомъ, въ большинствѣ, пьяницы и взяточники.

Словомъ, земству приходилось *не продолжать*, а *вводить*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, *образованіе*, причемъ средствъ ему не дано было почти никакихъ.

Несмотря на всѣ эти печальныя обстоятельства, херсонское земство справилось съ трудною задачею и безъ стыда можетъ вспоминать свою двадцатипяти-лѣтнюю дѣятельность въ сферѣ народнаго образованія. Не получивъ отъ предшествующихъ учрежденій, вѣдавшихъ дѣло воспитанія народа, почти ни одной мало-мальски сносной школы, земство, начиная съ 1870 по 1889 годъ включительно, устроило 271 вполнѣ организованную школу, причемъ увеличеніе школъ шло по пятилѣтіямъ такимъ образомъ:

Годы:	1874.	1880.	1886.	1889.
Число школъ......	140 *)	168	261	271

О возростаніи числа учащихся можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Годы:	1872.	1883.	1886.	1889.
Число учащихся обоего пола....	15.282	15.772	19.938	21.150

*) Это число школъ, исключительно принадлежащихъ земству, но въ 1874 г. въ Александрійскомъ уѣздѣ числилось, кромѣ того, 57 школъ съ разными отъ земства пособіями.

Но еще рельефнѣе выражается забота херсонскаго земства о народномъ образованіи въ суммахъ, которыя ассигновывались на школьное дѣло. Вотъ эти суммы за 9 лѣтъ:

Годы:	1871.	1872.	1873.	1879.	1881.
Количество затрачивавшихся денегъ въ рубляхъ.......	37.650	38.623	61.923	63.839	92.327

Годы:	1882.	1883.	1886.	1889.
Количество затрачивавшихся денегъ въ рубляхъ.......	106.777	114.839	148.271	120.450

Мы видимъ, что число школъ съ 1874 по 1889 годъ увеличилось на 131, число учащихся съ 1872 по 1889 годъ возрасло на 5.868, и размѣръ затратъ съ 1871 по 1889 годъ на 82.800 руб., а сравнительно съ 1886 годомъ—на 110.621 руб. Прибавимъ при этомъ, что, когда земству передавались школы, казенная палата разъяснила, что въ расходныхъ росписяхъ палаты государственныхъ имуществъ исчислено было для отпуска въ теченіе 1866 года на народное образованіе лишь 4.065 руб. Если сопоставить эту сумму съ ассигновкою земства ровно черезъ 20 лѣтъ, т.-е. въ 1886 г., на народное образованіе, то послѣдняя ассигновка превышаетъ таковую въ 1866 году на 144.206 руб.! Цыфра эта не требуетъ комментарій, если скажемъ, что въ 1866 году школъ считалось больше, чѣмъ въ 1886 году. Онѣ, положимъ, числились только по бумагамъ, но деньги-то ассигновывались на всѣ числившіяся школы въ 1866 году.

Для характеристики количественной стороны дѣятельности уѣздныхъ земствъ въ отдѣльности, мы ограничимся приведеніемъ точныхъ данныхъ за 1883, 1886 и 1889 годы, что вполнѣ достаточно послѣ ознакомленія съ приведенными выше цыфрами, которыя иллюстрировали коллективную дѣятельность всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ земствъ Херсонской губерніи. Для большей наглядности, эти данныя мы сгруппируемъ въ одной таблицѣ, изъ которой познакомимся одновременно съ числомъ школъ въ каждомъ уѣздѣ, съ количествомъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, съ числомъ оканчивающихъ школы и съ тратами каждаго уѣзднаго земства на народное образованіе въ вышеприведенные годы.

Вотъ эти данныя:

	Число школъ.			Число учащихся. Мальчиковъ.			Дѣвочекъ.			Обоего пола.		
	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.
По губерніи.	267	261	271	13.836	17.106	18.179	1.936	2.831	2.971	15.772	19.938	21.150

	Число окончившихъ.											
	Мальчиковъ.			Дѣвочекъ.			Обоего пола.			Траты земства *).		
	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.	1883.	1886.	1889.
По губерніи.	639	1.159	1.103	88	164	164	727	1.323	1.267	114.839	148.271	120.450

Изъ этой таблицы мы видимъ, что, за незначительными исключеніями, замѣчается прогрессивное возрастаніе числа школъ, учащихся, окончившихъ и земскихъ тратъ какъ по каждому уѣзду въ отдѣльности, такъ и по всей вообще Херсонской губерніи. Что касается колебаній въ сторону уменьшенія числа школъ, то это происходило, главнымъ образомъ, въ силу того обстоятельства, что постоянною заботою земствъ было возможное повышеніе качественной стороны школы, вслѣдствіе чего, если средства не дозволяли земству поставить въ одинаковый уровень всѣ школы, оно не гонялось за тѣми изъ нихъ, которыя были поставлены черезчуръ плохо, стараясь сохранить лишь лучшія изъ нихъ, а затѣмъ постепенно улучшить и школы, на время брошенныя. Такъ было, напримѣръ, въ 1880 году, когда число школъ въ губерніи понизилось со 173 (въ 1876 году) до 168 и главнымъ образомъ въ уѣздахъ Елисаветградскомъ (вмѣсто 53 въ 1876 году осталось къ 1880 г. только 35) и въ Ананьевскомъ (въ 1876 г. было 33, а въ 1880 г.—28). Кромѣ того, нерѣдко причиною уменьшенія и числа школъ, и учащихся было экономическое положеніе населенія. Такъ, напримѣръ, въ 1872 году предсѣдатель училищнаго совѣта, протоіерей Гилявскій, объяснялъ дурное положеніе школъ, непосѣщеніе ихъ учениками «*крайнею нищетою крестьянъ*» **).

Здѣсь мы должны замѣтить, что вообще небольшое число земскихъ

*) Здѣсь приведены исключительно ассигновки лишь уѣздныхъ земствъ, безъ суммъ губернскаго земства, которое, какъ увидимъ, дѣлало также значительныя затраты на народное образованіе, причемъ деньги свои оно употребляло не только на общегубернскія учрежденія по народному образованіи, но нерѣдко просто ассигновывало каждому уѣздному земству извѣстную сумму на школьное дѣло. Такъ, напримѣръ, въ 1880 году губернскимъ земствомъ на каждый уѣздъ Херской губерніи было ассигновано по 1.600 руб., а всего 9.600 руб., въ 1879 году оно ассигновало 12.000 руб., по 2.000 руб. на каждый уѣздъ, «съ тѣмъ, чтобы объ израсходованныхъ деньгахъ были представлены губернскому собранію спеціальные отчеты, для извлеченія изъ нихъ соображеній къ руководству на будущее время» и т. д. Если принять во вниманіе ассигновки губернскаго земства, то затраты по уѣздамъ на народное образованіе выразятся въ значительно большихъ суммахъ. Губернское земство давало деньги преимущественно на увеличеніе числа школъ въ уѣздахъ, о чемъ состоялось постановленіе въ 1879 году.

**) Земскую школу въ с. Петровкѣ въ 1872 году нѣкоторыя дѣти не могли посѣщать, «по неимѣнію одежи и обуви».

школъ въ Херсонской губерніи, сравнительно съ другими, можно, по нашему мнѣнію, объяснить тою ошибочною точкою зрѣнія, на которую намъ приходилось неоднократно указывать при обзорѣ народнаго образованія въ другихъ губерніяхъ. Именно—уѣздныя земства Херсонской губерніи старались не проявлять инціативы въ дѣлѣ открытія школъ, но лишь приходить на помощь тѣмъ обществамъ, которыя сами желали имѣть у себя училище.

При болѣе высокой культурѣ народа такой принципъ имѣлъ-бы еще значеніе—тогда-бы открытіе школъ дѣйствительно являлось назрѣвшею потребностью въ данномъ селеніи; но для народа, только что вышедшаго изъ подъ власти помѣщиковъ, помянутый принципъ не выдерживалъ критики. Откуда у населенія могло явиться стремленіе къ образованію? А земство все ждало, да ждало... Къ счастью, взглядовъ уѣздныхъ земствъ не раздѣляло земство губернское, оказавшее громадную услугу дѣлу народнаго образованія, въ чемъ мы ниже и убѣдимся. Но если въ уѣздахъ туго открывались школы, то по отношенію къ открывавшимся земства дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы эти школы вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію. Это мы увидимъ при ознакомленіи съ качественною стороною дѣятельности земства въ сферѣ народнаго образованія, къ каковому ознакомленію и перейдемъ.

При учрежденіи школъ земство прежде всего обратило вниманіе *на школьныя помѣщенія*. Вопросъ этотъ казался земству настолько серьезнымъ, что въ 1874 году была мысль о томъ, чтобы дѣло народнаго образованія сосредоточить непосредственно въ рукахъ губернскаго земства, чѣмъ думали достигнуть полной приспособленности школьныхъ зданій, такъ какъ планы устройствъ исходили-бы изъ одного источника. Объ этомъ-же говорится и въ докладѣ по народному образованію за 1885 годъ: «*въ школьномъ дѣлѣ очень важное значеніе имѣютъ самыя помѣщенія школъ*, которыя будутъ выстроены лучше и соотвѣтственнѣе требованіямъ педагогики, когда это дѣло возьметъ на себя губернское земство, а не сельскія общества». Въ прекрасномъ «Сводѣ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ Херсонской губерніи за 1885—1886 г.», редактированномъ почтеннымъ предсѣдателемъ губернской земской управы Ф. П. Никитинымъ совмѣстно съ директоромъ народныхъ училищъ В. И. Фарковскимъ *), проводится также взглядъ, что «*отъ величины и удобства школъ зависитъ часто какъ количество учениковъ, такъ и ходъ преподаванія*».

*) Статистическій матеріалъ для «свода» разработанъ былъ *учительницею земскаго училища* М. А. Ганенко.

Въ послѣднее время земскія школы Херсонской губерніи имѣли такія помѣщенія:

	Спеціальныя.	Приспособленныя изъ старыхъ.	Наемныя.	Частныхъ лицъ.	Неизвѣстныя.	Итого.	Съ квартирами для учителей.	Безъ квартиръ.	Свѣдѣній нѣтъ.	Итого.
По губерніи. . . .	149	83	5	19	5	261	213	25	23	261

Такимъ образомъ, изъ общаго числа 261 школы 149 или 57% общаго числа имѣютъ спеціальныя помѣщенія, 83 или 31,8%—приспособленныя изъ старыхъ, 5 или 1,9% помѣщаются въ наемныхъ домахъ, такое-же число помѣщаются въ неизвѣстно какихъ (нѣтъ свѣдѣній) зданіяхъ и 19 или 7,4% всего школъ занимаютъ помѣщенія, устроенныя частными лицами.

Для показанія размѣра между помянутыми помѣщеніями, приведемъ слѣдующія о нихъ данныя:

	Спеціальныя.				Приспособленныя.			
	Кубическое содержаніе воздуха.	На 1-го ученика.	Площадь пола въ аршинахъ.	На 1-го ученика.	Кубическое содержаніе воздуха.	На 1-го ученика.	Площадь пола въ аршинахъ.	На 1-го ученика.
По губерніи . .	638	7,9	139,6	1,7	454,8	5,6	103,4	1,3

	Наемныя.				Частныхъ лицъ.			
	Кубическое содержаніе воздуха.	На 1-го ученика.	Площадь пола въ аршинахъ.	На 1-го ученика.	Кубическое содержаніе воздуха.	На 1-го ученика.	Площадь пола въ аршинахъ.	На 1-го ученика.
По губерніи . .	301,4	6,7	81,6	1,8	499,6	9,9	124,9	2,5

Отсюда видно, что лучшія помѣщенія для школъ—это устраиваемыя частными лицами, за ними—спеціально построенныя, потомъ наемныя и, наконецъ, приспособленныя изъ старыхъ зданій. Недоброкачественность послѣднихъ зданій служитъ дополненіемъ къ ранѣе сдѣланной нами характеристикѣ старой школы: даже приспособленная, она не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія гигіены и удобствъ въ педагогическомъ отношеніи. И лишь по сравненію съ этими приспособленными помѣщеніями остальныя стоятъ выше, но и эти послѣднія

не вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ науки *). Земство хорошо помнитъ это и далеко не удовлетворяется и нынѣшними помѣщеніями школъ. «Разсмотрѣвъ имѣющіяся свѣдѣнія о существующихъ въ настоящее время школьныхъ помѣщеніяхъ,—говорится въ «Сводѣ», на который мы уже ссылались,—мы видимъ, что они заставляютъ желать еще много и много лучшаго... Если-же сельскія общества, на обязанности которыхъ лежитъ устройство школьныхъ помѣщеній, по недостатку средствъ или по чему-либо другому, не имѣютъ возможности устранить недостатки нашихъ сельскихъ школъ, въ такомъ случаѣ *и эту сторону школьнаго дѣла должно принять на себя земство, въ виду того, чтобы по крайней мѣрѣ въ школахъ, на которыя оно тратитъ деньги, велось дѣло какъ слѣдуетъ, а не тормазилось-бы тѣснотою помѣщенія, холодомъ и пр.*».

Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, чтобы земство само и строило школы, и, разъ это осуществится, нѣтъ сомнѣнія, школьныя помѣщенія будутъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ педагогики и гигіены.

Заботясь о школьныхъ помѣщеніяхъ, земство не упустило изъ виду и школьную *мебель*, о каковой въ до-земскій періодъ и не думали. Въ «Сводѣ свѣдѣній по народному образованію въ Херсонской губ.» приведенъ, напримѣръ, чертежъ образцовой парты профессора Эрисмана, и по поводу его тамъ говорится слѣдующее: «вотъ образцовая, вполнѣ приспособленная къ росту учащихся парта. Разумѣется, трудно желать въ народныхъ школахъ (особенно сельскихъ) устройства такой мебели, несмотря на всѣ ея совершенства: 1) по дороговизнѣ, такъ какъ устройство школьной мебели лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, въ большинствѣ не имѣющихъ средствъ; да и вообще трудно втолковать крестьянину, что ему необходимо внести лишнихъ 30 — 40 коп. въ виду того, что, для сохраненія здоровья его сына, необходимо сидѣть удобно и правильно: чтобы и ноги не болтались, и спина находилась прямо, и облокотиться было гдѣ,—ему, который и самъ всю жизнь сидѣлъ какъ и гдѣ попало, лишь-бы отдохнуть, да и сына пріучилъ также; 2) потому, что самыя зданія сельскихъ школъ слишкомъ тѣсны, и тамъ, гдѣ теперь помѣщается 80—100 душъ, пришлось-бы принять 30—40, что хотя и очень удобно съ гигіенической точки зрѣнія, но вовсе невыгодно при желаніи имѣть возможно большее количество грамотныхъ. *Но если трудно достижимо въ народной школѣ устрой-*

*) Съ точки зрѣнія помѣщенія, самыя лучшія школы въ Херсонской губ.— это министерскія и школы колонистовъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ земскія, а самыя плохія—церковно-приходскія и въ еврейскихъ колоніяхъ.

ство образцовой мебели, то все-же желательно хоть немного приблизиться къ идеалу, или хоть насколько возможно исправить существующіе недостатки, дурно вліяющіе какъ на здоровье учениковъ, такъ и на ходъ учебнаго дѣла».

Но какъ ни важно имѣть удобныя школьныя помѣщенія, гигіеническую мебель, все это безъ достаточнаго количества хорошихъ учебныхъ пособій, библіотекъ не имѣло-бы никакого значенія собственно для обученія. Земство прекрасно сознавало это и начало заботиться о снабженіи школъ *учебными пособіями и книгами*, когда еще не совсѣмъ взяло на себя веденіе дѣла народнаго образованія.

Такъ, еще въ 1868 году Херсонская уѣздная земская управа, по представленію членовъ училищнаго совѣта Мершавцева и Паризо, выписала изъ книжнаго магазина Бѣлаго въ Одессѣ слѣдующія книги: 500 экземпляровъ русскихъ азбукъ, 100 экземпляровъ «Начатковъ христіанскаго ученія», 400 экземпляровъ русскихъ прописей, 30 экземпляровъ ариѳметики и 15 экземпляровъ книгъ разныхъ наименованій на 152 руб. 10 коп. Въ то-же время управа получила увѣдомленіе александровскаго училищнаго совѣта объ изданіи имъ составленнаго барономъ Корфомъ и одобреннаго Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ «Руководства къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ». Херсонская уѣздная земская управа немедленно пріобрѣла 100 экземпляровъ помянутаго руководства и въ 1869 году разослало во всѣ существовавшія сельскія школы. Въ томъ-же году предсѣдатель Херсонскаго училищнаго совѣта заявилъ, что осмотрѣнныя имъ школы нуждаются въ книгахъ и учебныхъ пособіяхъ; и уѣздная управа тотчасъ-же распорядилась о выпискѣ книгъ въ количествѣ 765 экземпляровъ, которыя и были высланы предсѣдателю училищнаго совѣта, и затѣмъ разосланы въ сельскія училища.

И такъ поступали всѣ уѣздныя земства отъ начала своей дѣятельности до послѣдняго времени. Въ настоящее время почти во всякой школѣ изъ учебниковъ можно найти: учебники Бунакова; «Родное Слово» 1-й и 2-й годъ, Ушинскаго; учебники Паульсона; 1-ю и 2-ю части Водовозова; Методику и задачники Евтушевскаго и Малинина-Буренина. Изъ наглядныхъ пособій имѣются: ариѳметическіе ящики, шведскіе счеты, картины по священной и естественной исторіи, географическія карты, мѣры длины, тяжести, емкости; глобусы, волшебные фонари и т. п.

Почти одновременно съ заботою о снабженіи школъ учебными пособіями земство начало устраивать *и школьныя библіотеки*, какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Въ 1886 году такихъ библіотекъ было—82 учительскихъ и 175 ученическихъ, а именно:

Уѣзды:	Учительскія библіотеки. Школъ съ библіотеками.	Число экземпляровъ книгъ.	Приходится на 1 школу.	Ученическія библіотеки. Школъ съ библіотеками.	Число экземпляровъ книгъ.	Приходится на 1 школу.
Херсонскій.	25	950	38	41	9.034	220,3
Александрійскій . .	14	519	37	24	5.264	219,3
Елисаветградскій .	12	543	45,2	42	8.951	213,1
Ананьевскій. . . .	12	167	13,9	29	3.702	127
Тираспольскій . .	5	286	57,2	9	1.816	201,8
Одесскій	14	232	16,6	30	5.792	193,1
По губерніи. . . .	82	2.697	32,9	175	34.559	197,5

Въ томъ-же году расходы на книги и классныя принадлежности выразились суммою въ 12.710 руб., исключая Тираспольскій уѣздъ, о которомъ свѣдѣній не имѣется.

По уѣздамъ сумма эта распредѣлялась такимъ образомъ:

Херсонскій уѣздъ.	2.065	руб.
Александрійскій	1.398	›
Елисаветградскій	6.081	›
Ананьевскій	1.160	›
Одесскій.	2.006	›
Итого	12.710	руб.

Сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы познакомиться съ обстановкою земскихъ школъ Херсонской губерніи, а потому теперь перейдемъ къ самой важной сторонѣ школьнаго дѣла—къ постановкѣ дѣла преподаванія. Но это послѣднее находится въ непосредственной зависимости отъ педагогическаго состава, т.-е., главнымъ образомъ, отъ степени опытности, познаній учителей, что пріобрѣтается образованіемъ. Нужно-ли говорить, что педагогъ — душа школы, и если онъ не стоитъ на высотѣ своего призванія, если онъ малосвѣдущъ, неопытенъ въ педагогическихъ пріемахъ, формально, безъ любви относится къ своему дѣлу—тогда не поможетъ никакая школа, если-бы она помѣщалась даже во дворцѣ и была снабжена всевозможнѣйшими пособіями. Кто относится горячо къ образованію, тотъ, понятно, первымъ дѣломъ обратитъ вниманіе на лицъ, кому это образованіе вручается. Земство именно такъ и поступило: всю силу своей энергіи въ дѣлѣ воспитанія народа оно, главнымъ образомъ, употребило на улучшеніе педагогическаго состава.

И. Бѣлоконскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Результаты пріема дѣтей въ городскія начальныя училища въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ.

Одною изъ существенныхъ заботъ общественнаго управленія нашихъ городовъ является организація начальнаго обученія. Попеченіе о народномъ образованіи особенно усилилось въ городахъ со времени введенія, существенно измѣненнаго въ настоящее время, городового положенія 16-го іюня 1870 г. За послѣднее 20-ти-лѣтіе число городскихъ начальныхъ школъ значительно возрасло; вмѣстѣ съ тѣмъ коренным образомъ измѣнилась и самая постановка обученія въ этихъ школахъ; затраты городовъ на начальное обученіе также весьма значительно увеличились. Несмотря, однако, на указанный прогрессъ въ дѣлѣ народнаго образованія, существующаго теперь числа городскихъ училищъ далеко еще недостаточно для удовлетворенія потребности населенія въ начальномъ обученіи. Случаи отказа въ пріемѣ въ школу наблюдаются постоянно, а въ нѣкоторыхъ городахъ, несмотря на открытіе новыхъ училищъ, число отказовъ ежегодно увеличивается. Послѣднее обстоятельство несомнѣнно указываетъ на то, что потребность населенія въ начальномъ образованіи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Отказы въ пріемѣ въ городскую школу обратили на себя вниманіе прежде всего въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ число непринятыхъ въ школу дѣтей достигаетъ наиболѣе крупныхъ цыфръ. Изслѣдованіе отмѣченнаго явленія предпринято было въ первый разъ въ Москвѣ въ 1889 году. Съ цѣлью точнаго выясненія числа желающихъ поступить въ городскую школу, а также числа принятыхъ и непринятыхъ въ школу дѣтей, московская городская управа разослала передъ началомъ 1889—1890 учебнаго года во всѣ городскія школы особыя карточки съ различными вопросами. Такая карточка должна была составляться учащими на каждаго заявляющаго желаніе поступить въ школу. На этой-же карточкѣ въ заключеніе ставилась отмѣтка: принятъ заявившій, или нѣтъ; если не принятъ, то по какой

причинѣ. Путемъ такого опроса выяснено было какъ общее число заявившихъ дѣтей, такъ и число принятыхъ и непринятыхъ въ московскія школы. Кромѣ прямой цѣли—выяснить число заявленій и отказовъ, посредствомъ разсылки карточекъ имѣлось въ виду собрать и другія данныя для характеристики поступающихъ въ городскую школу дѣтей. Для полученія этихъ данныхъ на карточкѣ, разосланной по московскимъ городскимъ школамъ, были поставлены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: вѣроисповѣданіе заявляющаго, сословіе, возрастъ, мѣсторожденіе, степень грамотности, имѣетъ-ли родителей, у кого живетъ, занятіе родителей и размѣръ квартиры, гдѣ живетъ заявляющій. Пользуясь отвѣтами на эти вопросы, можно было опредѣлить, изъ какихъ слоевъ населенія поступаютъ главнымъ образомъ заявленія о желаніи воспользоваться городской начальной школой. Отмѣтки на карточкахъ непринятыхъ дѣтей о причинахъ отказа знакомятъ насъ съ тѣми мотивами, которыми руководствуются учащіе, принимая однихъ дѣтей и отказывая другимъ. Послѣднее обстоятельство весьма важно, такъ какъ, при громадномъ числѣ желающихъ поступить въ городскую школу, учащимъ представляется широкій просторъ для выбора учениковъ.

Собранный такимъ путемъ матеріалъ былъ разработанъ статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы и опубликованъ въ 1890 г. въ «Извѣстіяхъ Московской городской думы» подъ заглавіемъ: «Результаты пріема въ московскія городскія начальныя училища». Такой-же опросъ дѣтей, подававшихъ заявленіе о желаніи поступить въ школу, былъ произведенъ въ Москвѣ и въ два послѣдующіе учебные года 1890—1891 и 1891—1892. Примѣру Москвы въ скоромъ времени послѣдовали Варшава и Одесса, въ которыхъ случаи отказа въ пріемѣ въ городскую школу также наблюдаются ежегодно въ большомъ количествѣ. Опросъ заявлявшихъ дѣтей въ этихъ городахъ былъ произведенъ передъ началомъ 1890—1891 учебнаго года, причемъ для опроса были разосланы карточки съ такими-же вопросами, какъ и въ Москвѣ. Результаты пріема дѣтей въ варшавскія училища были опубликованы въ 1891 году, а въ одесскія—весною прошлаго 1892 года. Такимъ образомъ, въ настоящее время имѣются данныя для ознакомленія съ размѣрами нужды въ начальномъ обученіи въ трехъ крупнѣйшихъ городахъ Россіи. Собранныя по однородной программѣ, свѣдѣнія эти даютъ, кромѣ того, возможность сдѣлать нѣсколько сопоставленій и выводовъ относительно дѣтей, поступающихъ въ городскія начальныя школы.

Но, прежде чѣмъ приступить къ ознакомленію съ результатами

пріема дѣтей въ городскія начальныя училища на 1890—1891 учебный годъ въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ, познакомимся въ краткихъ чертахъ съ современнымъ состояніемъ начальнаго обученія въ этихъ городахъ.

На средства городского управленія въ 1890 г. содержалось слѣдующее число начальныхъ школъ:

	Число школъ.	Число учащихся въ нихъ.
Въ Москвѣ	81	10.215
» Варшавѣ	43 *)	2.646
» Одессѣ	50	3.914

Абсолютныя числа школъ и учащихся не даютъ, разумѣется, точнаго понятія о степени попеченія общественнаго управленія даннаго города о начальномъ обученіи, такъ какъ, по своимъ размѣрамъ, упомянутые города весьма сильно разнятся между собою. Положеніе школьнаго дѣла нѣсколько ближе выясняется путемъ сопоставленія числа учащихся съ общею цыфрою населенія города. Правда, точныхъ свѣдѣній о числѣ жителей нашихъ городовъ въ настоящее время не имѣется, но, не впадая въ грубую ошибку, населеніе Москвы можно принять въ 800.000, населеніе Варшавы въ 490.000 и населеніе Одессы въ 313.000 душъ обоего пола. Вычислимъ теперь, приблизительно, сколько приходится учащихся въ городскихъ школахъ на каждую тысячу жителей даннаго города. Сдѣлавъ эти вычисленія, получаемъ слѣдующее число учениковъ на 1.000 жителей:

Москва	13
Одесса	12
Варшава	5

Судя по этимъ цыфрамъ, начальное образованіе на средства города въ Москвѣ и Одессѣ развито въ одинаковой степени; что касается Варшавы, то въ этомъ отношеніи она значительно отстала отъ двухъ названныхъ городовъ. Это подтверждается и слѣдующими данными. По переписи 1882 г. дѣти въ возрастѣ 8—12 лѣтъ составляли въ Москвѣ 6,4% всего населенія, а въ Варшавѣ 8,8%. Отсюда слѣдуетъ, что лицъ, нуждающихся въ начальномъ обученіи, въ Варшавѣ было относительно почти въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ Москвѣ; между тѣмъ, учащихся въ варшавскихъ городскихъ училишахъ почти въ $2^1/_2$ раза менѣе, нежели въ училищахъ московскихъ. Разумѣется, число дѣтей школьнаго возраста въ томъ и другомъ городѣ съ 1882 г. измѣнилось, но это измѣненіе едва-ли существенно повліяетъ на сдѣланный выводъ, такъ какъ возрастной составъ населенія держится весьма устойчиво **). Но, можетъ быть, населеніе Варшавы обучаетъ дѣтей дру-

*) 33 училища для христіанскаго населенія и 10—для евреевъ.

**) Въ Петербургѣ дѣти 8—12 лѣтъ включительно составляли: въ 1869 г.—5,3%, въ 1881 г.—6,0% и въ 1890 г.—5,7%.

гими способами, не прибѣгая къ городской школѣ, напримѣръ, дома, въ частныхъ школахъ и т. п.? Относительно этого будетъ сказано впослѣдствіи, при разсмотрѣніи грамотности дѣтей, заявившихъ желаніе поступить въ школу. Теперь-же отмѣтимъ лишь, что во время переписи 1882 г. неграмотные составляли въ Варшавѣ половину всего населенія (49,4%), т.-е. неграмотныхъ въ столицѣ Царства Польскаго было въ то время относительно почти столько-же, сколько, напримѣръ, въ Москвѣ (53,2%).

Разница въ постановкѣ школьнаго дѣла въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ выступаетъ и при сравненіи расходовъ этихъ городовъ на начальное обученіе. Въ 1889 году на нач. школы было израсходовано:

	Всего (рублей).	На 1 жителя.	На 1 ученика.
Москва	377.813	0,47	36,9
Одесса........	133.902	0,43	34,2
Варшава.	52.000	0,11	19,6

Предлагаемыя среднія величины снова приводятъ къ заключенію, что начальное обученіе на средства города въ Москвѣ и Одессѣ стоитъ почти въ одинаковыхъ условіяхъ, тогда какъ Варшава въ этомъ отношеніи существенно отъ нихъ отличается. Первый столбецъ среднихъ чиселъ свидѣтельствуетъ, что расходы Москвы и Одессы на начальное образованіе относительно въ 4 раза превышаютъ расходы Варшавы на тотъ-же предметъ. Цыфры послѣдняго столбца указываютъ намъ, что самое обученіе въ варшавскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ обставлено значительно скуднѣе, нежели въ школахъ московскихъ и одесскихъ. Оказывается, что на обученіе каждаго ученика въ Варшавѣ затрачивается въ среднемъ почти вдвое меньше, чѣмъ въ Москвѣ и Одессѣ. Эта существенная разница въ положеніи начальнаго образованія въ нашихъ городахъ въ значительной степени обусловливается системой завѣдыванія общественнымъ хозяйствомъ этихъ городовъ. Въ Москвѣ и Одессѣ городское управленіе дѣйствуетъ на основаніи Городового Положенія 1870 г.; слѣдовательно, въ этихъ городахъ населеніе чрезъ своихъ представителей вѣдаетъ свои пользы и нужды. Въ Варшавѣ, наоборотъ, участіе мѣстныхъ жителей въ городскихъ дѣлахъ категорически устранено и завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ ввѣрено особому правительственному учрежденію—магистрату. Ближайшею заботою магистрата является отбываніе обязательныхъ повинностей, возложенныхъ закономъ на городское управленіе. Начальное-же обученіе, какъ предметъ необязательный, занимаетъ въ дѣятельности магистрата скромное мѣсто.

Познакомившись въ краткихъ чертахъ съ современнымъ положеніемъ школьнаго дѣла въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ, обратимся те-

перь къ результатамъ пріема въ начальныя училища этихъ городовъ на 1890—91 учебный годъ.

Общее число дѣтей, заявившихъ желаніе поступить въ городскія школы, выразилось слѣдующими цыфрами:

	Число заявившихъ дѣтей.			На 100 заявив. об. п.
	Мальч.	Дѣвоч.	Об. пола.	приход. мальчик.
Москва	3.210	2.996	6.206	52
Варшава	2.297	1.252	3.549	65
Одесса.	1.454	1.361	2.815	52
Итого...	6.961	5.609	12.570	55

Такимъ образомъ, общее число заявившихъ дѣтей въ трехъ городахъ простиралось въ 1890 г. слишкомъ до $12^{1}/_{2}$ тыс.; причемъ наибольшее ихъ число приходится на Москву, какъ на болѣе населенный городъ. Разсматривая заявленія каждаго пола въ отдѣльности, замѣчаемъ, что въ среднемъ для трехъ городовъ на сторонѣ мальчиковъ замѣчается нѣкоторый перевѣсъ; но если разсматривать заявленія мальчиковъ и дѣвочекъ по каждому городу, то перевѣсъ этотъ можетъ быть названъ значительнымъ лишь въ Варшавѣ, гдѣ со стороны мальчиковъ поступило заявленій почти вдвое больше, чѣмъ отъ дѣвочекъ. Въ Москвѣ и Одессѣ преобладаніе мальчиковъ надъ дѣвочками не превышаетъ 4%. Изъ сказаннаго можно заключить, что населеніе Москвы и Одессы одинаково стремится къ обученію грамотѣ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Что касается Варшавы, то въ ней дѣвочки посылаются въ школу, повидимому, менѣе охотно, чѣмъ мальчики. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что приведенныя выше цыфры не даютъ еще возможности вполнѣ точно судить о степени стремленія населенія къ обученію грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ. Для правильнаго сужденія по этому вопросу, кромѣ цыфръ заявившихъ дѣтей, необходимо имѣть свѣдѣнія о числѣ неграмотныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ школьнаго возраста въ нашихъ городахъ. Только путемъ сопоставленія этихъ данныхъ и можно выяснить вопросъ: съ одинаковой-ли охотой посылаются въ школу дѣти обоего пола? Къ сожалѣнію, необходимыхъ точныхъ свѣдѣній о возрастномъ составѣ населенія и степени грамотности въ настоящее время не имѣется ни для одного изъ взятыхъ нами городовъ.

Для ознакомленія съ дѣтьми, заявившими желаніе поступить въ городскую школу, остановимся на ихъ возрастѣ, вѣроисповѣданіи, сословіи, мѣсторожденіи, степени грамотности, занятіи родителей и степени зажиточности послѣднихъ *).

*) Въ Одессѣ по этимъ признакамъ разработаны 1.919 картъ (1.453 принятыхъ дѣтей и 466—непринятыхъ); объ остальныхъ 896 дѣтяхъ, заявившихъ желаніе поступить въ школу, карточекъ составлено не было.

По мѣсторожденію большинство заявившихъ дѣтей принадлежитъ къ родившимся въ городѣ; родившіеся внѣ города составляли: въ Москвѣ 24% общаго числа заявившихъ, въ Варшавѣ—20% и въ Одессѣ—17%. Между тѣмъ, извѣстно, что пришлое населеніе вообще занимаетъ въ нашихъ крупныхъ городахъ болѣе видное мѣсто. По переписи 1882 года пришлые составляли въ Варшавѣ почти половину всего числа жителей (48%), а въ Москвѣ—почти 3/4 (73,8%). Поэтому можно было ожидать, что заявленія о желаніи поступить въ городскую школу будутъ поступать со стороны пришлаго населенія въ большемъ числѣ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Это кажущееся уклоненіе объясняется, вѣроятно, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Большинство пришлаго населенія, какъ извѣстно, является въ городъ на заработки безъ семей, оставляя ихъ на родинѣ; благодаря этому, группа дѣтей школьнаго возраста въ нашихъ городахъ и образуется изъ болѣе нормальнаго кореннаго населенія.

По вѣроисповѣданію заявившія дѣти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	На 100 заявившихъ дѣтей приходится: Москва.	Одесса.	Варшава.
Православные	90,5	88,7	4,0
Католики	0,1	0,6	74,7
Протестанты	0,1	0,2	0,7
Евреи	5,5	10,0	20,5
Остальн. вѣроиспов.	3,8	0,5	0,1
	100	100	100

Изъ этихъ относительныхъ чиселъ видно, что по вѣроисповѣданію заявившія дѣти распредѣляются далеко неодинаково въ каждомъ городѣ. Если сравнить Москву и Одессу, то распредѣленія заявившихъ дѣтей по вѣроисповѣданію въ нихъ весьма близко подходятъ одно къ другому: въ томъ и другомъ городѣ главнѣйшую группу (9/10) составляютъ дѣти православнаго вѣроисповѣданія. Значительная разница замѣчается лишь въ числѣ евреевъ: въ Москвѣ на долю евреевъ приходится немного болѣе 1/20, а въ Одессѣ—1/10 общаго числа заявленій о желаніи поступить въ городскую школу. Въ Варшавѣ заявившія дѣти распредѣляются по вѣроисповѣданію въ совершенно иномъ порядкѣ. Преобладающую группу составляютъ въ ней дѣти римско-католическаго исповѣданія (74,7%); затѣмъ, евреевъ насчитывается значительно больше, чѣмъ въ Москвѣ и Одессѣ (20,5%); на долю православныхъ приходится лишь 1/25 (4%) всего числа заявленій. Указанное сейчасъ различіе въ распредѣленіи заявившихъ дѣтей по вѣроисповѣданію находится въ непосредственной связи съ распредѣленіемъ по этому признаку всего населенія. Несомнѣнно, чѣмъ больше лицъ

даннаго вѣроисповѣданія среди населенія города, тѣмъ больше будетъ и дѣтей этого вѣроисповѣданія среди желающихъ поступить въ городскую школу. Въ подтвержденіе сказаннаго сейчасъ приведемъ нѣсколько цыфровыхъ данныхъ, добытыхъ переписью Москвы и Варшавы. Православные въ Москвѣ составляли въ 1882 г. 91,9% всего населенія, а въ Варшавѣ—3,4%; относительное число католиковъ въ Москвѣ не превышало 1,2%, а въ Варшавѣ католики составляли главнѣйшую группу населенія (58%). То-же самое приходится отмѣтить и относительно евреевъ: въ населеніи Москвы ихъ насчитывалось не болѣе 2%; между тѣмъ, въ Варшавѣ они составляли болѣе ⅓ жителей (34%). Такимъ образомъ, оказывается, что заявившія дѣти распредѣляются въ Москвѣ и Варшавѣ по вѣроисповѣданію, приблизительно, такъ-же, какъ и все населеніе этихъ городовъ.

Если разсматривать вѣроисповѣданіе заявившихъ дѣтей въ связи съ ихъ поломъ, то оказывается, что во всѣхъ группахъ преобладаютъ мальчики; исключеніе составляютъ одни евреи, у которыхъ преобладаніе выразилось на сторонѣ дѣвочекъ. Такъ, въ Варшавѣ дѣвочекъ іудейскаго исповѣданія заявило на 106 больше, чѣмъ мальчиковъ; въ Одессѣ—на 101 и въ Москвѣ—на 38. Относительно Москвы замѣтимъ, что перевѣсъ дѣвочекъ-евреекъ надъ мальчиками наблюдался въ ней также въ 1889 и 1891 гг.

Обратимся теперь къ сословному происхожденію дѣтей, желавшихъ поступить въ городскую нач. школу въ 1890—1891 уч. году. Не выписывая абсолютныхъ, приведемъ относительныя числа дѣтей каждаго сословія.

СОСЛОВІЕ.	Изъ 100 заявившихъ дѣтей: Москва.		Варшава.		Одесса.	
Мѣщане и цеховые	41,5	92,9	76,9	92,6	55,5	91,0
Крестьяне	39,1		13,1		17,7	
Солдатскія дѣти	12,3		2,6		17,8	
Купцы	2,2		1,4		0,6	
Дворяне	1,6		4,8		2,2	
Остальныя сословія	3,3		1,2		6,2	
	100		100		100	

Эти цыфры свидѣтельствуютъ, что во всѣхъ трехъ городахъ заявившія дѣти принадлежатъ почти исключительно къ непривиллегированнымъ классамъ: мѣщанамъ, крестьянамъ и солдатскимъ дѣтямъ; на эти три сословія въ каждомъ городѣ падаетъ болѣе ⁹/₁₀ всѣхъ заявленій; на остальныя сословія приходится, такимъ образомъ, менѣе ¹/₁₀ общаго числа заявленій. Но, разсматривая заявленія дѣтей каждой сословной группы въ отдѣльности, замѣчаемъ, что не во всѣхъ городахъ дѣти даннаго сословія входятъ въ одинаковой пропорціи въ составъ заявившихъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, отъ мѣщанъ и кре-

стьянъ поступило относительно почти одинаковое число заявленій (41,5% и 39,1%), тогда какъ въ Одессѣ и Варшавѣ на сторонѣ мѣщанъ замѣчается громадный перевѣсъ: въ первой онъ равняется 37,8%, а во второй—слишкомъ 62%. Затѣмъ крупная разница замѣчается въ группѣ дворянъ и солдатскихъ дѣтей. Заявленія послѣднихъ въ Варшавѣ не превышаютъ 2,6%, между тѣмъ въ Москвѣ они составляютъ 12,3%, а въ Одессѣ—17,8%. Заявленій въ школу со стороны дворянъ, наоборотъ, въ Варшавѣ поступило относительно больше: слишкомъ вдвое противъ Одессы и въ три раза—противъ Москвы.

Отмѣченная сейчасъ существенная разница между Москвою, Одессою и Варшавою въ распредѣленіи заявившихъ дѣтей по сословію, вѣроятно, находится въ связи съ распредѣленіемъ по сословію всего населенія названныхъ городовъ. Здѣсь снова приходится пожалѣть, что для выясненія этого вопроса имѣются устарѣвшія данныя, при томъ для одной Москвы. Въ 1882 г. главнѣйшую группу—73,2%—населенія древней столицы составляли крестьяне (49,2%) и мѣщане (24%); на эти-же двѣ сословныя группы, какъ мы видѣли раньше, падаетъ и главная масса (80,6%) заявленій о желаніи поступить въ городскую школу.

Весьма интересными представляются свѣдѣнія о возрастномъ составѣ дѣтей, подавшихъ заявленіе въ городскую школу. Вотъ распредѣленіе дѣтей по возрасту въ относительныхъ числахъ.

Возрастъ дѣтей.	Москва.		Варшава.		Одесса.	
Моложе 8 лѣтъ	5,7		6,2		15,1	
8 лѣтъ	35,0		15,3		33,6	
9 »	31,0	80,4	22,9	61,1	25,9	74,0
10 »	16,4		22,9		14,5	
11 »	7,3		16,6		7,1	
12 »	3,6		10,3		2,1	
13 » и старше. . . .	1,0		5,8		1,3	
	100		100		100	

Заявленія о желаніи поступить въ городскую школу поступаютъ преимущественно отъ дѣтей въ возрастѣ 8—10 лѣтъ; но относительная величина этой группы далеко неодинакова въ каждомъ городѣ: въ Москвѣ она составляетъ 80%, въ Одессѣ—74% и въ Варшавѣ—61%. Если сравнивать однолѣтнія группы заявившихъ дѣтей въ каждомъ городѣ, то между Москвою и Одессой съ одной стороны и Варшавою—съ другой обнаруживается еще бо́льшая разница. Въ Москвѣ и Одессѣ число заявившихъ дѣтей начинаетъ правильно понижаться съ 8-лѣтней группы, на которую въ томъ и другомъ городѣ приходится болѣе 1/3 (35% и 33,6%) заявленій. Затѣмъ числа заявленій дѣтей старшихъ возрастовъ (11 и болѣе лѣтъ) въ этихъ городахъ почти совпадаютъ, не превышая 11,9%. Совсѣмъ иную картину пред-

ставляетъ Варшава. Дѣтей 8-и лѣтъ среди заявившихъ въ варшавскихъ училищахъ насчитывается слишкомъ вдвое меньше (15,3%), а дѣтей 11 и старше лѣтъ — почти втрое больше (32,7%), чѣмъ въ Москвѣ и Одессѣ. Изъ сказаннаго можно заключить, что въ Варшавѣ возрастъ заявившихъ дѣтей вообще выше, нежели въ Москвѣ и Одессѣ. Относительно возраста дѣтей замѣтимъ еще, что въ городскую школу стремятся и недостигшія 8-лѣтняго возраста, причемъ число такихъ дѣтей весьма значительно; въ 1890 г. ихъ было: въ Москвѣ—351, въ Варшавѣ—222 и въ Одессѣ—290.

Что касается возраста заявившихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности, то въ каждомъ городѣ въ младшихъ возрастахъ (8—10 л.) преобладаютъ дѣвочки, а въ старшихъ (11 и болѣе лѣтъ)—мальчики.

Отличительною чертою городской начальной школы отъ сельской является то, что въ нее, кромѣ неграмотныхъ, поступаютъ дѣти, обучавшіяся раньше дома или въ школѣ; нѣкоторыя дѣти поступаютъ въ городскую школу даже вполнѣ грамотными, т.-е. умѣющими читать и писать. Чтобы познакомиться съ степенью грамотности заявившихъ дѣтей, обратимъ вниманіе на слѣдующія абсолютныя и относительныя цыфры.

Степень грамотности.	Абсолютныя числа.			Проценты.		
	Москва.	Варшава.	Одесса.	Москва.	Варшава.	Одесса.
Неграмотные.	3.582	818	1.334	58,4	23,1	69,4
Только читаютъ . . .	615	853	105	10,0	24,0	5,5
Пишутъ и читаютъ. .	1.941	1.878	480	31,6	52,9	25,1
Итого . . .	6.138	3.549	1.919	100	100	100

Въ Москвѣ и Одессѣ наибольшее число заявленій (58% и 69%) поступило отъ неграмотныхъ дѣтей; тѣмъ не менѣе, умѣющіе читать и писать составляютъ въ первой почти $^1/_3$ (31,6%), а во второй—$^1/_4$ (25,1%) всего числа заявившихъ дѣтей.

Въ Варшавѣ умѣющіе читать и писать составляютъ преобладающую группу среди заявившихъ, равняющуюся 52,9% общаго числа дѣтей. Неграмотныхъ въ Варшавѣ относительно въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ въ Москвѣ и въ 3 раза—нежели въ Одессѣ. Такая существенная разница между Москвою, Одессою и Варшавою по степени грамотности заявившихъ дѣтей происходитъ, вѣроятно, отъ бо́льшей распространенности въ Варшавѣ домашняго обученія. Несомнѣнно въ этомъ сказываются и другія причины: религія, возрастъ дѣтей и т. п. Относительно вліянія религіи на развитіе грамотности имѣются данныя по Варшавѣ. Неграмотныхъ мальчиковъ - евреевъ среди заявившихъ въ варшавскія училища оказалось 34%, а среди христіанъ не болѣе—15,1%.

Между мальчиками и дѣвочками по степени грамотности въ Одессѣ

разницы никакой не замѣчается; но въ Москвѣ и Варшавѣ обнаруживается большое различіе. Такъ, напримѣръ, неграмотныхъ дѣвочекъ въ этихъ городахъ насчитывается на 16% больше, чѣмъ мальчиковъ; дѣвочекъ, умѣющихъ читать и писать, напротивъ, было меньше: въ Москвѣ на 14% и въ Варшавѣ—на 18%. По мѣсту обученія до подачи заявленія въ школу грамотныя дѣти въ Москвѣ и Одессѣ распредѣляются такъ: 55% ихъ обучалось въ школѣ и 45%—дома. По Варшавѣ соотвѣтствующихъ данныхъ не имѣется. Въ Москвѣ изъ числа заявившихъ грамотныхъ дѣтей выдѣлены были въ особую группу дѣти, учившіяся раньше въ городской школѣ. Такихъ дѣтей насчитывалось въ 1891 г. 327. Присутствіе значительнаго числа бывшихъ учениковъ городскихъ школъ среди заявившихъ дѣтей въ Москвѣ объясняется тѣмъ, что изъ московскихъ городскихъ училищъ ежегодно выходитъ до окончанія курса болѣе 1.500 дѣтей. Въ теченіе 1890—1891 уч. года, напримѣръ, изъ городскихъ школъ въ Москвѣ выбыло до окончанія курса 1.623 уч., т.-е. 16% всѣхъ учащихся, причемъ половина этого числа вышла изъ 1-го класса, слѣдовательно, не пробывъ въ школѣ и одного года.

Относительно неграмотныхъ дѣтей замѣтимъ, что они весьма неравномѣрно распредѣляются по площади города. Въ Москвѣ и Одессѣ въ центральныхъ частяхъ неграмотныхъ значительно меньше, чѣмъ на окраинахъ. Въ Москвѣ эта разница между центромъ и окраинами города не превышаетъ, однако, 6%, тогда какъ въ Одессѣ неграмотныхъ дѣтей на окраинахъ было на 35% больше, нежели въ центрѣ. Неодинаково также число неграмотныхъ среди заявившихъ дѣтей различныхъ сословій. Наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи представляются два сословія: дворяне и мѣщане. Неграмотныхъ мѣщанъ насчитывалось среди заявившихъ дѣтей этого сословія въ Москвѣ 54%, въ Одессѣ—71%; между тѣмъ число неграмотныхъ дѣтей дворянскаго сословія не превышало: въ Москвѣ 28% и въ Одессѣ 52%; такимъ образомъ, неграмотныхъ мѣщанъ насчитывалось больше, чѣмъ дворянъ: въ первомъ городѣ на 26%, а во второмъ—на 19%.

Ранѣе мы уже упоминали, что среди заявившихъ неграмотныхъ дѣтей преобладаютъ дѣвочки; то-же самое наблюдается и при разсмотрѣніи неграмотныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ каждаго сословія въ отдѣльности; но преобладаніе неграмотныхъ дѣвочекъ надъ мальчиками не во всѣхъ сословіяхъ одинаково. Въ Москвѣ оно составляетъ: у крестьянъ 19%, у мѣщанъ—13%, у дворянъ—не болѣе 4%.

Н. Бычковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Научный» учебникъ по теоріи словесности. (А. Преображенскій. Теорія словесности. Начала эстетики, риторики и піитики, учебное пособіе для учениковъ VIII класса гимназій. М. 1892 г.).

Теорія словесности, какъ наука, требующая для усвоенія извѣстной умственной зрѣлости, представляла и для учащихся, и для учителей большія затрудненія, пока она преподавалась въ V классѣ. Учащіеся туго и безъ интереса усваивали трудныя для нихъ положенія этой науки, а учителя изощрялись въ изобрѣтеніи наиболѣе удобныхъ методовъ ея преподаванія. Самымъ удобнымъ методомъ признавался такой. Положимъ, требовалось пройти отдѣлъ объ изобразительномъ слогѣ; для этого выбиралась изъ хрестоматіи какая-нибудь статья, отличающаяся образнымъ слогомъ. Статья прочитывалась въ классѣ, разбиралась со стороны изобразительности слога, а затѣмъ совокупными усиліями учителя и учениковъ выводились общія понятія объ эпитетахъ, тропахъ и фигурахъ. Не говоря уже о томъ, что такой методъ исключалъ систематическое, послѣдовательное изученіе законовъ словесныхъ произведеній, онъ имѣлъ еще то неудобство, что отвлекалъ у преподавателя и учениковъ массу времени на разборы произведеній и не дозволялъ основательно пройти самую теорію.

Теперь, благодаря перенесенію теоріи словесности въ VIII классъ, прежнія неудобства исчезаютъ *), а съ ихъ исчезновеніемъ открывается возможность придать большее значеніе научно-философскому элементу вообще и эстетикѣ въ частности, съ основными началами которой обязательно долженъ знакомиться воспитанникъ среднихъ учебныхъ заведеній. Я говорю *обязательно долженъ знакомиться* по-

*) Реформа, къ сожалѣнію, почему-то обошла наши женскія гимназіи; а между тѣмъ здѣсь нужнѣе всего и была-бы она въ виду того, что ученицы, стоящія по своему умственному развитію вообще ниже учениковъ, совсѣмъ ужъ плохо понимаютъ теорію словесности.

тому, что только твердо усвоенныя начала эстетики позволяютъ сознательно относиться къ поэтическимъ произведеніямъ. Такимъ образомъ, является потребность въ новыхъ учебникахъ, приспособленныхъ къ иному возрасту учениковъ и иной постановкѣ предмета. Однимъ изъ первыхъ по времени учебниковъ такого рода является книжка г. Преображенскаго...

Наше время нѣкоторые писатели считаютъ временемъ реставрации всяческой старины во всевозможныхъ областяхъ. Книжка г. Преображенскаго отчасти оправдываетъ такое мнѣніе. По крайней мѣрѣ, вторая половина заглавія его труда: «Начала... риторики и піитики» отзывается такой стариной, которую, какъ мы думали, навсегда изгналъ изъ нашей литературы еще Бѣлинскій. Правда, и въ наше время употребляется слово «реторика», но только въ особомъ спеціальномъ смыслѣ, усвоенномъ ему опять-таки со временъ Бѣлинскаго: теперь со словомъ «реторика» соединяютъ понятіе о напыщенныхъ, громкихъ фразахъ, лишенныхъ всякаго содержанія. Очевидно, что не въ такомъ смыслѣ употребляетъ его авторъ: не хочетъ-же онъ въ самомъ дѣлѣ обучать воспитанниковъ началамъ «фразерства», «пустословія»... Итакъ, посмотримъ, какой смыслъ соединяетъ авторъ съ этимъ терминомъ, кстати въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный перечень именъ и предметовъ. Но, увы! тщетны наши поиски: въ указателѣ отсутствуетъ слово «реторика» такъ-же, какъ и другія слова: «эстетика», «піитика»... Но, можетъ быть, эти слова по недосмотру выпущены въ указателѣ; можетъ быть, въ книгѣ они находятся на своихъ мѣстахъ съ соотвѣтствующими объясненіями? Поищемъ! Относительно слова «эстетика» наше предположеніе, дѣйствительно, оправдывается: въ § 7 мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: «Наука, излагающая законы прекраснаго, называется «*эстетикой*». Что-же касается до остальныхъ терминовъ, то, несмотря на поиски, намъ не удалось найти ихъ опредѣленій... Очевидно, что авторъ свое второе заглавіе добавилъ впослѣдствіи, когда книга его уже была написана, и совершенно упустилъ изъ виду, что ученики прежде всего захотятъ справиться насчетъ точнаго смысла тѣхъ терминовъ, которыми украшена заглавная страница учебника. Что подумаетъ ученикъ, не найдя опредѣленія тѣхъ наукъ, которымъ собирается поучать его г. Преображенскій? Конечно, ученикъ, менѣе интересующійся теоріей словесности, махнетъ рукой на учебникъ г. Преображенскаго и совершенно логически придетъ къ тому заключенію, что, если авторъ не счелъ нужнымъ растолковать смыслъ этихъ терминовъ, то ему и не полагается знать ихъ. А любознательный ученикъ укоризненно покачаетъ

головой по адресу г. Преображенскаго и за разъясненіями отправится къ другимъ теоретикамъ словесности. Но напрасно онъ станетъ перебирать одинъ учебникъ за другимъ: любопытныхъ терминовъ нѣтъ нигдѣ, точно никогда они и не существовали... Впрочемъ, о радость! въ одномъ изъ нихъ есть глухое указаніе: «Теорія словесности въ старину называлась Риторикою» *). Но вотъ опять бѣда: если въ старину реторикой называлась теорія словесности, состоящая вообще изъ стилистики, теоріи прозы и теоріи поэзіи, то какая-же наука разумѣется подъ смѣшнымъ именемъ «піитики»? Любознательность ученика такъ сильна, что онъ рѣшается приступить съ разспросами къ В. Классовскому, издавшему солидный трудъ по теоріи словесности **). Ужъ, кажется, гдѣ и найти объясненіе этихъ терминовъ, какъ не въ этой книгѣ, гдѣ малѣйшее иностранное слово объясняется и въ текстѣ, и въ выноскахъ? Но, увы! судьба неумолима къ нашему ученику: и здѣсь его горячія надежды претерпѣваютъ жестокое крушеніе, послѣ чего онъ приходитъ въ окончательное уныніе и, по примѣру нелюбознательнаго ученика, тоже рѣшается махнуть рукой на всю эту реторику и піитику... ***)

---

*) *А. Филоновъ*. Учебникъ по теоріи словесности. Спб. 1878 г., стр. 1.

**) *В. Классовскій*. Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній. Спб. 1876 г.

***) Объяснить эти термины тѣмъ болѣе слѣдовало-бы, что уже наши прадѣды разногласили между собою относительно ихъ смысла. Вотъ, напримѣръ, *Кошанскій*, надъ реториками котораго такъ потѣшалась критика 30-хъ и 40-хъ гг., говоритъ слѣдующее (См. «Общая реторика» Н. Кошанскаго. Спб. 1830; «Частная реторика» его-же. Спб. 1832): «Словесныя науки (Studia litterarum) дѣлятся на три главныя части: Грамматику, Реторику, Поэзію и граничатъ съ Эстетикой. Всѣ онѣ разсматриваютъ *даръ слова, силы* его и *дѣйствія*» (О. Р., стр. 1). «Грамматика занимается только *словами*; Реторика преимущественно *мыслями*; Поэзія преимущественно *чувствованіями*; въ Эстетикѣ хранятся *мечтательныя* начала не только Словесныхъ наукъ, а и всѣхъ Искусствъ изящныхъ» (О. Р., стр. 2). «Реторика, имѣя предметомъ мысли, показываетъ: 1) откуда онѣ почерпаются (Изобрѣтеніе); 2) какъ приводятся въ порядокъ (Расположеніе); 3) какъ излагаются (Выраженіе). Итакъ, Реторика (вообще) есть наука *изобрѣтать, располагать* и *выражать* мысли, и (въ особенности) руководство къ познанію всѣхъ прозаическихъ сочиненій. Въ первомъ случаѣ называется *общею*, во второмъ *частною*» (О. Р., стр. 3). «Общая Реторика содержитъ начальныя, главныя, общія правила всѣхъ прозаическихъ сочиненій. Частная Реторика, основываясь на правилахъ *общей*, разсматриваетъ каждое прозаическое сочиненіе порознь, показываетъ *содержаніе* его, *цѣль*, удобнѣйшее *расположеніе*, главнѣйшія *достоинства* и *недостатки*» (О. Р., стр. 3). За этимъ подраздѣленіемъ у Кошанскаго идетъ дальнѣйшее, болѣе подробное. «*Общая Реторика* заключается въ трехъ частяхъ и въ шести отдѣленіяхъ. Первая часть говоритъ о *изобрѣте-*

Недосмотръ г. Преображенскаго, хотя и очень характеренъ для его книжки, тѣмъ не менѣе еще не настолько важенъ, чтобы изъ-за него осудить ее. Посмотримъ, нѣтъ-ли въ ней чего-нибудь новаго и болѣе цѣннаго въ сравненіи съ существующими учебниками.

ніи (de Inventione) и въ *первомъ* отдѣленіи показываетъ *источники изобрѣтенія* [1]), во *второмъ*—первое соединеніе мыслей *(періоды, начала прозы)*... Вторая часть разсуждаетъ о *расположеніи* (de Dispositione). Она показываетъ здравый, основательный, правильный ходъ мыслей, *сперва* въ *описаніяхъ* (въ таблицѣ, которою открывается Общая Реторика, прибавлено еще: *повѣствованіе*), *потомъ* въ *разсужденіяхъ*... Третья часть Реторики предлагаетъ о *выраженіи мыслей* (de Elocutione), и въ *первомъ* отдѣленіи разсматриваетъ и его достоинства, во *второмъ*—всѣ роды украшеній» (О. Р., стр. 2—3). Таково по Кошанскому содержаніе общей реторики. Частная-же реторика имѣетъ цѣлью опредѣлить всевозможные виды словесныхъ произведеній и подраздѣляется на шесть частей: 1) словесность вообще, 2) письма, 3) разговоры (т.-е. діалоги), 4) повѣствованія, 5) ораторство и 6) ученость. Выражая содержаніе реторики въ современныхъ терминахъ, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе ея. Подъ *общею реторикою* разумѣлись: 1) исчезнувшій уже теперь отдѣлъ практической логики, 2) стилистика и 3) ученіе объ общихъ формахъ словесныхъ произведеній (описанія, повѣствованія, разсужденія); а подъ *частною реторикой* подразумѣвалось то, что теперь называется теоріей прозы. Такимъ образомъ, Кошанскій исключалъ изъ реторики теорію поэзіи, которая существовала совершенно отдѣльно подъ названіемъ «піитики».

Переходимъ къ другимъ теоретикамъ словесности. *Ив. Давыдовъ*, столь несправедливо забытый внуками, имѣлъ уже въ 30-хъ гг. своеобразные, неутратившіе и теперь своего значенія, взгляды на теорію словесности (См. *Ив. Давыдовъ*. Чтенія о словесности. М. 1837—1838). Этотъ ученый уже въ то время избѣгалъ употреблять слова «реторика», «піитика», вмѣсто которыхъ говоритъ «теорія словесности», или (что ближе къ истинѣ) «философія словесности». Въ теоріи словесности Давыдовъ видитъ двѣ части: объективную (внѣшнюю, матеріальную) и субъективную (внутреннюю, идеальную). «Объективная часть Философіи Словесности состоитъ изъ *теоріи языка, изящной рѣчи и слога*» (Ч. о С., т. I, стр. XXIII). «Изслѣдованіе творчества духа человѣческаго, проникнутаго идеей изящнаго, и законовъ, по которымъ изящное проявляется въ словесныхъ произведеніяхъ, составляетъ предметъ *субъективной части*» (Тамъ-же, стр. XXIII—XXIV). Субъективная часть распадается на двѣ части: на *поэзію въ обширномъ смыслѣ* (что соотвѣтствуетъ нашей теоріи поэзіи) и на *поэзію въ узкомъ смыслѣ*, или на *краснорѣчіе* (что соотвѣтствуетъ теоріи прозы). Давши такое подраздѣленіе теоріи словесности, Давыдовъ говоритъ слѣдующія замѣчательныя для того времени слова: «Гдѣ-жъ, спросите вы, Грамматика, Риторика и Піитика, изъ которыхъ двѣ послѣднія до такой степени обезображены въ продолженіе столѣтій, что многіе начали сомнѣваться въ возможности ихъ существованія? Неизмѣняемые законы Грамматики, тожественные съ законами Ло-

---

[1]) Это нѣчто въ родѣ *практической* логики, остатки которой сохранились теперь въ такъ-называемыхъ хріяхъ, или схемахъ разсужденій; изобрѣтеніе состояло въ отыскиваніи причинъ, сравненій, подобій, примѣровъ, свидѣтельствъ, обстоятельствъ, качествъ и т. д.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ слѣдующее: «Въ этой книгѣ я остался вѣренъ принципу, которымъ руководился и при составленіи учебной грамматики, т.-е. желалъ, насколько возможно, въ учебникъ ввести элементъ научный» (стр. VIII). Желаніе—похвальное; необходимо, стало быть, напередъ опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ «научнымъ элементомъ», и затѣмъ найденное опредѣленіе примѣнить къ книгѣ автора. Итакъ, что такое научный элементъ? Отвѣтимъ на это словами одного старика, съ которымъ мы здѣсь совершенно согласны: «Наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знаній (aggregatum); напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала (evolutio). Сочиненія, не выполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена чрезъ всѣ умствованія, не имѣютъ права на названіе науки»... (См. Ив. Давыдовъ. Ч. о Сл., т. I, стр. XXI—XXII). Другими словами, сочиненіе научно тогда, когда оно представляетъ систему опредѣленій, строго логически выведенныхъ изъ одного или нѣсколькихъ основныхъ началъ. Съ этимъ мѣриломъ научности обратимся къ учебнику г. Преображенскаго.

Открываемъ страницу 47. Здѣсь подъ заглавіемъ: «Виды сло-

гики, и законы изящнаго, впервые замѣченные въ словесныхъ созданіяхъ Платономъ и Аристотелемъ, однимъ въ его разговорахъ: Гиппіи, Федрѣ, Іонѣ, Горгіи, другимъ-же въ его Риторикѣ и Піитикѣ, входятъ въ составъ и нашей науки: Грамматика и Риторика имѣютъ принадлежащее имъ завѣдываніе въ объективной части Философіи Словесности, Піитика—въ части субъективной» (Ч. о Сл., т. I, стр. XXVI). Такимъ образомъ, Давыдовъ, сравнительно съ Кошанскимъ, значительно съузилъ предѣлы реторики: подъ реторикой въ его сочиненіи разумѣется одна только стилистика (Слѣдуетъ замѣтить также, что у Давыдова уже тогда совершенно исчезаетъ и такъ-называемое изобрѣтеніе, игравшее столь значительную роль въ реторикахъ вообще).

Пойдемъ дальше. Вотъ «Теорія словесности», изданная Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія (Т. С., ч. I—III, Спб. 1851 г.). Первая часть носитъ названіе «реторика»; по содержанію реторика соотвѣтствуетъ здѣсь общей реторикѣ Кошанскаго. Вторая часть называется *теоріей прозы* (частная реторика Кошанскаго), а третья—піитикой (теорія поэзіи). Итакъ, здѣсь мы получаемъ новое опредѣленіе содержанія реторики: реторика есть наука, заключающая въ себѣ: 1) практическую логику, 2) стилистику и 3) ученіе объ общихъ формахъ словесныхъ произведеній.

Ограничимся сказаннымъ и спросимъ г. Преображенскаго, что прикажетъ онъ ученикамъ понимать подъ словомъ «реторика»? Судя по заглавію книги, надо допустить, что въ воззрѣніяхъ на содержаніе реторики г. Преображенскій почти солидаренъ съ Кошанскимъ: реторикой называется у него, повидимому, наука, обнимающая собою: 1) стилистику, 2) ученіе объ общихъ формахъ словесныхъ произведеній и 3) теорію прозы...

весныхъ произведеній» мы находимъ слѣдующія слова: «По содержанію своему словесныя произведенія раздѣляются на *описанія*, *повѣствованія* и *разсужденія*». Г. Преображенскій (вслѣдъ за г. Смирновскимъ: см. его «Теорію словесности», Спб. 1888 г., стр. 39) говоритъ, что такъ раздѣляются произведенія словесности по *содержанію*. Почему-же, спрошу я, по содержанію? Я, напротивъ, думаю, что и описаніе, и повѣствованіе, и разсужденіе представляютъ вовсе не *содержаніе* словесныхъ произведеній, а *формы* содержанія, способы группировать извѣстные факты или идеи. Одни и тѣ же факты или идеи могутъ быть предметами описанія, повѣствованія и разсужденія; уже изъ этого простаго соображенія ясно, что описанія, повѣствованія и разсужденія составляютъ не *содержаніе* словесныхъ произведеній, а *форму*. Самъ г. Преображенскій, на стр. 75 и 86 проговаривается въ этомъ смыслѣ: «Эпическая поэзія,—говоритъ онъ,—передаетъ событія *въ формѣ разсказа*». Такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ учебника повѣствованіе признается содержаніемъ словесныхъ произведеній, а въ другомъ — ихъ формой! Не думаю, чтобы подобное смѣшеніе формы съ содержаніемъ и противорѣчіе съ самимъ собою были признакомъ научности...

Пойдемъ дальше. Во многихъ учебникахъ опредѣленіе общихъ формъ словесности относится къ отдѣлу прозы; это, конечно, невѣрно, такъ какъ не только прозаическія, но и поэтическія произведенія могутъ облекаться въ эти-же формы. Пріятное исключеніе представляетъ, между прочимъ, учебникъ г. Смирновскаго, который выдѣлилъ ученіе объ этихъ формахъ въ особую главу, а затѣмъ уже въ другихъ главахъ разсматриваетъ виды ихъ въ прозѣ и поэзіи. Г. Преображенскому неудобно было послѣдовать этому хорошему примѣру: онъ слилъ отдѣлъ о формахъ словеснаго произведенія съ ихъ «приложеніемъ къ прозаическимъ и поэтическимъ сочиненіямъ» (стр. 47—74, гл. III). Такъ какъ словесное произведеніе, представляющее чистое описаніе, чистое повѣствованіе или чистое разсужденіе,—рѣдкое явленіе, то, конечно, довольно мудрено сдѣлать «приложеніе» этихъ формъ къ прозаическимъ и поэтическимъ произведеніямъ. Тѣмъ не менѣе, г. Преображенскій отважился на такое «приложеніе», отчего и вышли нѣкоторыя странности: третья глава носитъ названіе: «Виды словесныхъ произведеній», а четвертая—«Теорія поэзіи», которой учебникъ и заканчивается. Гдѣ-же теорія прозы? Или ея не полагается въ учебникѣ, проникнутомъ научнымъ духомъ? Должно быть, нѣтъ! А впрочемъ, что это такое за «виды словесныхъ произведеній»?—романы, повѣсти, біографіи, путешествія и т. д.? Нѣтъ! Это

нѣчто совершенно новое: съ одной стороны, это—общія формы словесныхъ произведеній: описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и ораторская рѣчь, а съ другой—то, что вообще называется видами *прозы*; кромѣ того, сюда входитъ и «приложеніе» *описанія* къ поэтическимъ произведеніямъ... Словомъ, заварена какая-то такая каша, въ которой цѣлый отдѣлъ — теорія прозы — потонулъ, а наверху плаваютъ формы словесности, подмасленныя какимъ-то «приложеніемъ описанія къ поэтическимъ произведеніямъ». А между тѣмъ гораздо проще было-бы, по примѣру г. Смирновскаго, выдѣлить въ особую главу ученіе о формахъ словесныхъ произведеній. Это тѣмъ болѣе слѣдовало-бы сдѣлать, что здравый смыслъ даже такому старику, какъ Кошанскій, подсказывалъ это выдѣленіе, что послѣдній и выполнилъ, отнесши ученіе о формахъ словесности къ общей реторикѣ, а ученіе о видахъ—къ частной.

Г. Преображенскій можетъ указать мнѣ на то, что къ поэтическимъ произведеніямъ приложимы не всѣ четыре формы, что поэтическія произведенія не допускаютъ формы разсужденія и ораторской рѣчи. На это я отвѣчу, что такая мысль не оправдывается ни логическими, ни фактическими данными. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ хотя-бы тѣ опредѣленія поэзіи и разсужденія, которыя даетъ г. Преображескій, и посмотримъ, исключаютъ-ли они другъ друга. «Разсужденіемъ,—говоритъ г. Преображенскій,—называется научное изслѣдованіе, состоящее или въ разъясненіи какого-либо понятія, или въ утвержденіи какого-либо положенія и въ доказательствахъ его вѣрности» (59). А что такое поэзія? На странипѣ 74 мы находимъ слѣдующее: «Предметъ поэзіи, какъ сказано въ § 7-мъ, есть по преимуществу проявленіе (?) нравственной жизни человѣка, представленной въ идеальномъ видѣ». Провѣряемъ ссылку на § 7—и тамъ ничего не находимъ о нравственной жизни человѣка, какъ о предметѣ поэзіи. Опредѣленіе поэзіи дано въ § 8, гдѣ цѣль поэзіи ставится въ изображеніи нравственной жизни человѣка. Но нравственная жизнь можетъ быть и предметомъ научнаго или философскаго изслѣдованія; какая-же разница между этими двумя способами отношенія человѣческаго духа къ одному и тому-же предмету? Эта разница объясняется намъ § 5, который озаглавленъ такъ: «Отличіе искусства отъ науки». «Посредствомъ искусства человѣкъ стремится *въ образѣ* постигнуть существенный, основной характеръ предметовъ. Но человѣку свойственно постигать предметы міра физическаго и нравственнаго не только въ образахъ, но также познавать ихъ при помощи разсудка, изучать основныя свойства вещей, ихъ причины, слѣдствія

и законы. Такое изслѣдованіе вещей есть предметъ науки». Если разсужденіе есть изслѣдованіе какого-либо понятія или явленія, состоящее въ его *уясненіи*, то, значитъ, и поэзія есть тоже изслѣдованіе, хотя и не разсудочное, а образное, изслѣдованіе, направленное на *уясненіе нравственной жизни*. Слѣдовательно, форма разсужденія можетъ принадлежать и поэтическому произведенію. Къ этому выводу былъ близокъ и самъ г. Преображенскій. Въ томъ-же параграфѣ онъ говоритъ: «...Въ постиженіи предметовъ искусство имѣетъ одну цѣль съ наукой: оно такъ-же возвышено, какъ наука, но болѣе наглядно и понятно всякому. Напримѣръ, изслѣдованіе человѣческихъ страстей и различныхъ нравственныхъ качествъ, каковы: мужество, патріотизмъ, трусость и т. п., составляетъ предметъ науки—нравственной философіи и этики; эти-же качества, въ ихъ зародышѣ, полномъ развитіи и послѣдствіяхъ, представляются у Шекспира наглядно посредствомъ живыхъ образовъ». Литературные факты также показываютъ, что форма разсужденія, или изслѣдованія не менѣе свойственна поэтическимъ произведеніямъ, какъ и прозаическимъ. Что такое, напримѣръ, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, какъ не *образное* изслѣдованіе вопроса о смыслѣ жизни,—вопроса о томъ, можетъ-ли человѣкъ, потерявшій религіозныя основы жизни и живущій по «ученію міра», быть счастливъ? И вопросъ этотъ рѣшается Толстымъ отрицательно... Или возьмемъ другого нашего поэта—Гончарова. Въ своемъ «Обломовѣ» Гончаровъ изображаетъ русскаго интеллигента, неумѣющаго шагу ступить въ жизни, интеллигента, у котораго, при хорошихъ стремленіяхъ и недюжинныхъ дарованіяхъ, парализована волевая способность. Авторъ, не довольствуясь изображеніемъ всевозможныхъ положеній, въ которыя ставитъ героя жизнь, вступаетъ въ знаменитомъ «Снѣ Обломова» въ художественное изслѣдованіе причинъ безсилія Обломова. Причиной оказывается, по мнѣнію автора, тотъ строй общества, который освобождаетъ нѣкоторыя личности отъ *труда* и, сваливая послѣдній на рабовъ, атрофируетъ въ первыхъ способность къ самостоятельной дѣятельности. Вѣрно или невѣрно опредѣлилъ Гончаровъ причины Обломовскаго безсилія—объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить: важно для насъ только то, что романъ «Обломовъ» есть своеобразное поэтическое разсужденіе, или изслѣдованіе. А что такое этотъ психическій анализъ и самоанализъ, нашедшій столь широкое развитіе въ русской поэзіи, какъ не тонкія философскія и психологическія изслѣдованія?

Не менѣе присуща поэзіи и ораторская рѣчь. Укажу хотя-бы на романъ Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ которомъ столь много

художественныхъ, полныхъ глубокаго смысла рѣчей судебныхъ и религіозно-нравственныхъ... Итакъ, всѣ эти четыре формы словесныхъ произведеній равно присущи и прозѣ, и поэзіи, и потому ихъ изложеніе гораздо научнѣе было-бы выдѣлить въ совершенно особую главу, предшествующую теоріи прозы и теоріи поэзіи.

Обратимъ теперь вниманіе на страницу 59, гдѣ помѣщенъ отдѣлъ о разсужденіяхъ. Учебники большею частью ограничиваются опредѣленіемъ этой формы словесныхъ произведеній и ея хріи или схемы, не входя въ ближайшее разсмотрѣніе *видовъ* разсужденія *). Такое небрежное отношеніе составителей учебниковъ къ одному изъ важнѣйшихъ отдѣловъ умственной дѣятельности человѣка, обусловленное схоластическими воззрѣніями на изслѣдованіе, пожалуй, простительно было для людей, не задававшихся научными цѣлями. Но г. Преображенскому, претендующему на научность, не мѣшало-бы вступить въ ближайшее опредѣленіе видовъ разсужденія, вмѣсто того, чтобы отводить цѣлый параграфъ (§ 65) на «элементы разсужденія», которымъ гораздо умѣстнѣе красоваться въ логикѣ. А то выходитъ такая странная вещь: ученикъ найдетъ въ теоріи словесности опредѣленіе лѣтописи, оды, мемуаровъ, біографіи и т. д., а о такихъ важныхъ видахъ словесности, форма которыхъ состоитъ въ изслѣдованіи, именно о философіи съ ея подраздѣленіями на гносеологію (ученіе о познаніи), метафизику, этику, эстетику и т. д., не найдетъ ни слова, точно этихъ видовъ словесности не существуетъ, или, если они и существуютъ, то недостойны упоминанія въ «научномъ» учебникѣ. Право, я начинаю думать, что полъ-столѣтія тому назадъ люди имѣли болѣе правдоподобные взгляды на научность, чѣмъ теперь. По крайней мѣрѣ, старикъ Кошанскій цѣлый отдѣлъ отводитъ видамъ разсужденія подъ заглавіемъ: «ученость». Ив. Давыдовъ, котораго я въ особенности рекомендую вниманію г. Преображенскаго, настолько былъ проникнутъ «научнымъ духомъ» уже въ 30-хъ гг., что въ своихъ «Чтеніяхъ о словесности» цѣлый отдѣлъ отводитъ для «философическихъ сочиненій» **), которыхъ г. Преображенскій въ 1892 г. не удостоиваетъ даже своего взгляда...

Возьмемъ что-нибудь изъ теоріи поэзіи г. Преображенскаго. Вотъ какъ г. Преображенскій опредѣляетъ романъ: «Романами или повѣстями называются такія повѣствовательныя произведенія, въ которыхъ изображается частная жизнь людей въ самыхъ разнообразныхъ

*) Пріятное исключеніе представляетъ отчасти и здѣсь учебникъ г. Смирновскаго.

**) Ч. о Сл. Ив. Давыдова, т. II, стр. 233—260.

положеніяхъ» (93). Если формула романа вѣрна, то нужно замѣтить, что ея смыслъ очень широкъ,—такъ широкъ, что нисколько не препятствуетъ отнести къ роману, напримѣръ, этнографическіе очерки, въ которыхъ также изображается частная жизнь людей. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, эта формула не гармонируетъ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ поэзіи. Поэзія вообще, по мнѣнію г. Преображенскаго, изображаетъ *нравственную жизнь* человѣка. Прекрасно! Но вѣдь «частная жизнь людей въ самыхъ разнообразныхъ ея положеніяхъ» далеко выходитъ за предѣлы «нравственной жизни». Стало быть, романъ—одинъ изъ *видовъ* поэзіи—изображаетъ нѣчто такое, что самимъ г. Преображенскимъ запрещается изображать цѣлому *роду*—поэзіи! Въ-третьихъ, почему въ романѣ изображается только частная жизнь? и неужели предметомъ романа не можетъ быть общественная, политическая, экономическая жизнь? Правда, романисты рисуютъ отдѣльныя личности, или типы съ ихъ личною жизнью; но дѣло въ томъ, что каждая личность не есть только Сидоръ, или Иванъ, а также—членъ извѣстнаго сословія, общества, церкви, государства, наконецъ, человѣчества и, какъ членъ, принимаетъ участіе въ жизни этихъ коллективныхъ единицъ; отдѣльная личность носитъ въ себѣ интересы, чувства, идеи, переходящіе за предѣлы индивидуальной жизни. Стало быть, романистъ, изображая отдѣльныя личности, изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлыя общества, государства и т. д.

Гдѣ-же тутъ научный духъ, о которомъ такъ предупредительно заявляетъ г. Преображенскій. Къ сожалѣнію, и тутъ нужно сказать, что другіе учебники, а также и старые теоретики словесности гораздо научнѣе г. Преображенскаго. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе романа въ учебникѣ г. Бѣлоруссова: «Романъ есть такое эпическое произведеніе, въ которомъ поэтъ, изображая частную жизнь и личные интересы нѣсколькихъ личностей, характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстные слои общества подъ вліяніемъ своихъ личныхъ взглядовъ» *). Согласимся мы, или нѣтъ съ формулой г. Бѣлоруссова, но въ одномъ ей нельзя отказать: въ точности, ясности и научности.

Возьмемъ еще опредѣленіе сатиры: «Сатирою называется такое лирическое стихотвореніе, въ которомъ изображается чувство негодованія или презрѣнія къ чему-либо пошлому, постыдному, дурному» (81). Прежде всего скажемъ, что г. Преображенскій ошибается, приписывая сатирикамъ такую странную задачу—изображать собственное негодованіе (очень оно намъ нужно!). Задача сатирика состоитъ

---

*) См. Ив. Бѣлоруссовъ. Учебникъ теоріи словесности. Воронежъ. 1880, стр. 49.

въ томъ, чтобы изобразить зло жизни въ противорѣчіи съ верховными идеалами истины и добра. Что-же касается до негодованія сатирика, до его эмоціональнаго возбужденія, то оно *вызывается* въ немъ рѣзкостью противорѣчія между идеалами и зломъ жизни и такимъ образомъ составляетъ результатъ взаимодѣйствія трехъ факторовъ: злой дѣйствительности, идеаловъ сатирика и эмоціональнаго элемента его духа... Кромѣ того, относительно формулы г. Преображенскаго нужно еще замѣтить, что она лишній разъ доказываетъ, какъ сильно еще схоластика сковываетъ умы современныхъ теоретиковъ словесности, не замѣчающихъ, что вновь выработанные типы словесныхъ произведеній отказываются подходить подъ опредѣленія, составившіяся Богъ-вѣсть когда. Что такое «Донъ-Кихотъ» Сервантеса?—сатира. Что такое произведенія Свифта?—сатиры. Что такое произведенія нашего Салтыкова?—сатиры. Но скажите, Бога ради, гдѣ тутъ лирическія стихотворенія? Нѣтъ ужъ, пусть г. Преображенскій уступитъ другимъ право на научный духъ *).

По сдѣланнымъ уже нами выпискамъ не трудно замѣтить въ учебникѣ г. Преображенскаго крупный недостатокъ: *неточность опредѣленій*. Не знаю, должно-ли, по мнѣнію г. Преображенскаго, научное стремленіе выражаться въ точности опредѣленій, или нѣтъ; но вотъ, въ русской учебной литературѣ есть нѣсколько учебниковъ, въ которыхъ научнаго элемента побольше, чѣмъ въ учебникѣ г. Преображенскаго (Изъ многихъ учебниковъ такого рода упомянемъ объ учебникахъ гг. Смирновскаго и Бѣлоруссова). Съ такими учебниками пріятно имѣть дѣло. Ихъ авторы не заявляютъ о своей научности, считая такія заявленія лишними; за-то они настолько проникнуты научнымъ духомъ, что большею частью даютъ точныя, опредѣленныя и *подробно мотивированныя формулы*. Я потому подчеркнулъ послѣднія слова, что хочу ими обратить вниманіе читателя на второй недостатокъ книги г. Преображенскаго. Дѣло въ томъ, что авторы другихъ учебниковъ поступали обыкновенно такимъ образомъ: прежде, чѣмъ дать готовую формулу какого-нибудь вида словесныхъ произведеній, они подвергали этотъ видъ анализу, отыскивали черты, общія ему съ какими-нибудь другими видами, а затѣмъ черты отличительныя; найденныя черты они описывали въ самомъ учебникѣ и

*) Хотя-бы, напримѣръ, г. Смирновскому, который на стр. 99 своего учебника говоритъ въ примѣчаніи: «Съ теченіемъ времени слово *сатира* получило и болѣе широкое значеніе: имъ стали называть не только лирическія стихотворенія, но и всякое литературное произведеніе, осмѣивающее темныя стороны жизни».

затѣмъ уже, послѣ такого анализа, выводили точное понятіе о томъ или другомъ видѣ словесныхъ произведеній. Вотъ это дѣйствительно значитъ слѣдовать научнымъ пріемамъ! Г.-же Преображенскій догматически приводитъ какую-нибудь формулу, не давая никакихъ объясненій ея составнымъ элементамъ, и проситъ насъ вѣрить на слово ея научности... Кромѣ этихъ недостатковъ, въ книгѣ г. Преображенскаго есть еще и третій, зависящій отъ отсутствія цѣльнаго взгляда на основныя начала теоріи словесности, чѣмъ опять-таки его учебникъ невыгодно отличается отъ прежнихъ учебниковъ. Очевидно, напримѣръ, что, не опредѣливши въ точности, что такое *проза* и *поэзія* и чѣмъ онѣ отличаются другъ отъ друга, нельзя и приступить къ опредѣленію *видовъ* прозы и поэзіи. Прежніе составители учебниковъ это хорошо понимали, и потому мы у нихъ находимъ подробное опредѣленіе различія между поэзіей и прозой *). Каждый, кто брался разсуждать о законахъ словесныхъ произведеній, удѣлялъ нѣсколько страницъ вопросу объ отличіяхъ этихъ двухъ формъ дѣятельности человѣческаго духа. Г.-же Преображенскій считаетъ вполнѣ достаточнымъ посвятить этому вопросу тощій параграфикъ (§ 5), занимающій немного болѣе полустраницы, да и въ этомъ параграфѣ различіе описано довольно поверхностно. Таковы вообще недостатки книжки г. Преображенскаго.

Остается сказать нѣсколько словъ еще о «Введеніи», содержащемъ въ себѣ «Начала эстетики» и краткій очеркъ развитія эстетическихъ теорій. Объ очеркѣ, составленномъ почти цѣликомъ по «Теоріи поэзіи» С. Шевырева, не стану говорить. Остановимъ свое вниманіе на томъ, что авторъ называетъ «началами эстетики» и что составляетъ въ учебникѣ по теоріи словесности новинку. Авторъ хорошо сдѣлалъ, что помѣстилъ этотъ отдѣлъ во введеніи, потому что эстетика не есть *часть* теоріи словесности, а наука совершенно самостоятельная, изъ которой теорія словесности заимствуетъ свои основныя начала для теоріи поэзіи. Не хорошо только то, что г. Преображенскій предлагаетъ ученикамъ въ качествѣ «началъ эстетики» одностороннія воззрѣнія Тэна, который въ своихъ «Чтеніяхъ объ искусствѣ» **) исказилъ до неузнаваемости идеи Гегеля. Спрашивается,

*) См. въ учебникахъ: Бѣлоруссова стр. 19—23, 32—33; Смирновскаго стр. 48—53; Стоюнина, Руководство для теоретич. изученія т. с., Спб. 1875, стр. 46—49; П. Случевскаго, Руководство къ изуч. т. с. Спб. 1878, стр. 47—50, 91—101; В. Водовозова, Словесность въ образцахъ и разборахъ, Спб. 1872, стр. 111—130; В. Классовскаго, Составъ, формы и разряды словесн. произведеній, Спб. 1876, стр. 257—290 и т. д.

**) И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. Перев. Чудинова. Спб. 1889.

почему г. Преображенскій не обратился къ эстетическимъ взглядамъ нѣмецкихъ философовъ, которые именно и дали прочныя, истинныя основы эстетикѣ? Потому-ли, что часть эстетическихъ изслѣдованій одного изъ нихъ (Гегеля) существуетъ въ жалкомъ переводѣ г. Модестова, а въ подлинникѣ они недоступны? Но тогда г. Преображенскій могъ-бы найти въ русской литературѣ писателей, получше Тэна понимавшихъ основы искусства *). Если-же г. Преображескій не довѣряетъ русскимъ писателямъ, ищетъ непремѣнно западно-европейскихъ авторитетовъ, то есть русскій переводъ книги Прудона, который по эстетическимъ воззрѣніямъ несомнѣнно стоитъ выше Тэна **).

Главный недостатокъ Тэна состоитъ въ томъ, что этотъ писатель безъ всякихъ *мотивовъ* выключаетъ изъ эстетики понятіе о *прекрасномъ*, которое стояло въ основѣ эстетическихъ воззрѣній древнихъ, а въ новое время—нѣмцевъ. Кромѣ того, до Тэна искусство понималось, какъ свободное творчество человѣческаго духа. Тэнъ, не споря противъ этого пониманія, прямо развиваетъ свой взглядъ, по которому у художника нѣтъ ни малѣйшей творческой самостоятельности, а есть какія-то отвлеченныя существа, изъ которыхъ одно называется *временемъ*, другое—*средой*, третье—*расой* и т. д. и въ рукахъ которыхъ художникъ является слѣпымъ и безсознательнымъ орудіемъ. Въ этомъ я вижу второй недостатокъ Тэна. Третьимъ его недостаткомъ я считаю отсутствіе точнаго, яснаго понятія о различіи между искусствомъ и наукой, вслѣдствіе чего и наука, и искусство у него почти отожествляются; а отъ такого отожествленія легко можно логически придти къ отрицанію искусства. Сколько вреда можетъ произойти отъ сообщенія ученикамъ такихъ взглядовъ—предоставляю судить читателямъ...

Но посмотримъ, что именно за «начала эстетики» предлагаетъ г. Преображенскій ученикамъ. Попутно отмѣтимъ § 4, озаглавленный

*) Ив. Давыдовъ. Чтенія о словесности. М. 1837—38, тт. I—III.

Бѣлинскій. Сочиненія. Т. I—XII.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изд. Пыпина. 1865.

Ап. Григорьевъ. Сочиненія. Спб. 1876. Т. I.

Л. Е. Оболенскій: 1) Физіологич. объясненіе нѣкоторыхъ элемент. чувства красоты. «Свѣтъ» 1878. 3—6. 2) Основныя начала художественной и литературной критики. «Свѣтъ» 1878. 11—12. 3) Искусство и тенденціозность. «Рус. Богатство». 1883. 5—6. 4) Къ вопросу о прекрасномъ. «Рус. Богатство» 1884. 7.

Вл. Соловьевъ: 1) Красота въ природѣ. «Вопросы философіи и психологіи». Кн. I. 2) Общій смыслъ искусства. Тамъ-же. Кн. V.

**) П. Ж. Прудонъ. Искусство, его основанія и общественное значеніе. Спб. 1865.

словами: «Талантъ и геній». Нѣсколько странно видѣть, что для опредѣленія таланта и генія отведенъ цѣлый параграфъ въ учебникѣ, въ которомъ столько-же отведено и вопросу объ отличіяхъ поэзіи отъ прозы. Еще страннѣе то опредѣленіе, которое г. Преображенскій даетъ этимъ силамъ. Я не говорю уже о томъ, что разницу между талантомъ и геніемъ г. Преображенскій видитъ только въ степени, отказываясь такимъ образомъ отъ взглядовъ, установленныхъ еще Бѣлинскимъ *): пусть г. Преображенскій выражаетъ взгляды, какіе онъ считаетъ истинными. Но что касается до *опредѣленія* таланта и генія, то я долженъ сказать, что здѣсь, какъ и вообще въ своихъ опредѣленіяхъ, г. Преображенскій опять грѣшитъ противъ точности и логики. «Способность создавать образы,—говоритъ г. Преображенскій,—называется *талантомъ* или *геніемъ*». Изъ такого опредѣленія логически вытекаетъ, что Кантъ или Гегель, не отличавшіеся способностью создавать образы,—простые смертные, а не геніи; не геніи также Наполеонъ, Александръ Великій, Петръ Великій, о которыхъ что-то не слышно, чтобы они обладали способностью создавать образы... Г. Преображенскій хотѣлъ опредѣлить талантъ и геній въ спеціальной сферѣ человѣческой дѣятельности, въ искусствѣ, въ поэзіи; но онъ придалъ такую неточную форму своему опредѣленію, что не вышло ни опредѣленія таланта и генія вообще, ни опредѣленія ихъ въ сферѣ искусства.

О § 5, заключающемъ въ себѣ отличія искусства отъ науки, мы уже говорили. § 6, въ которомъ, согласно съ взглядами Тэна, приписывается громадное вліяніе общественной средѣ и времени, мы пропустимъ и остановимся на § 7: «Понятіе объ идеальномъ и прекрасномъ». Сдѣлаемъ выписку: «Въ § 2, б. было сказано, что художникъ создаетъ образы предметовъ, видоизмѣняя дѣйствительныя отношенія и пропорціи частей для того, чтобы проявить постигнутый имъ существенный характеръ предмета яснѣе, чѣмъ онъ проявляется въ дѣйствительности (До сихъ поръ идутъ почти буквально слова Тэна; но дальше идетъ нѣчто такое, что принадлежитъ самобытному мышленію г. Преображенскаго). Такимъ образомъ (?) художникъ измѣняетъ дѣйствительныя отношенія частей не произвольно, но согласно со своей *идеей* объ основномъ характерѣ предмета. Поэтому (?), образы предметовъ, созданные художникомъ и преобразованные по его идеѣ, называются *идеальными*, въ противоположность предметамъ дѣйствительнымъ, *реальнымъ*».

---

*) Соч. Бѣлинскаго. Т. XII. 1861, стр. 272—275.

Остановимся на этомъ. Прежде всего поставимъ г. Преображенскому слѣдующій вопросъ: существенный характеръ, постигнутый художникомъ, принадлежитъ-ли дѣйствительному предмету, или онъ есть исключительно продуктъ его субъективнаго творчества? Если существенный характеръ надо понимать въ первомъ смыслѣ, тогда нельзя говорить о томъ, что художникъ измѣняетъ дѣйствительныя отношенія частей *согласно своей идеѣ*. Измѣненіе совершается не согласно *собственной идеѣ* художника, которая можетъ быть его праздной выдумкой, а согласно *существенному характеру* самого предмета. А если такъ, то и нечего называть образы, созданные такимъ путемъ, *идеальными*: они вполнѣ реальны и даже реальнѣе дѣйствительныхъ предметовъ, такъ какъ въ поэтическихъ образахъ существенный характеръ предметовъ выраженъ яснѣе, чѣмъ въ предметахъ дѣйствительныхъ. Если-же существенный характеръ изобрѣтается самимъ художникомъ, составляетъ его собственную идею, причемъ неизвѣстно, обладаютъ-ли предметы на самомъ дѣлѣ этимъ существеннымъ характеромъ, то на это отвѣтимъ, что мало-ли какія фантазіи могутъ взбрести въ голову художника; тогда и бредъ сумасшедшаго можно, пожалуй, называть идеальнымъ... Такимъ образомъ, и при первомъ, и при второмъ пониманіи термина «существенный характеръ» невозможно называть образы, создаваемые художникомъ, идеальными. А потомъ, зачѣмъ г. Преображенскій безъ всякихъ основаній произвольно измѣняетъ установившуюся терминологію? Идеальнымъ называютъ такой образъ или предметъ, который *совершенъ*, лучше котораго мы ничего не можемъ вообразить, и противополагаютъ этотъ терминъ термину «реальный» образъ или предметъ, въ которыхъ есть черты и совершенныя, и несовершенныя...

Послѣдуемъ дальше за нашимъ авторомъ. «Художественное произведеніе, въ которомъ отчетливо и ясно проявляется существенный характеръ или идея предмета, называется *прекраснымъ*» *). Другими словами, произведеніе, облеченное въ прекрасную форму,—прекрасно. Да, скажемъ мы, оно прекрасно, но только по *формѣ*, замѣтьте это. Но развѣ красота есть исключительная принадлежность формы? Развѣ содержаніе, взятое само по себѣ, не можетъ быть тоже или прекраснымъ, или безобразнымъ? Возьмемъ хотя-бы указываемый г. Преображенскимъ образъ Плюшкина: прекрасенъ этотъ образъ по формѣ,

*) Въ примѣръ приведеннаго положенія авторъ приводитъ образъ Плюшкина. Замѣтимъ еще погрѣшность противъ логики: положеніе говоритъ о красотѣ *произведенія*, а въ подтвержденіе положенія приводится не *произведеніе* какое-нибудь, а *образъ Плюшкина!*

а по содержанію—безобразенъ, и вслѣдствіе этого не можетъ вполнѣ удовлетворить наше эстетическое чувство. Но представимъ себѣ, что форма и содержаніе поэтическаго образа гармонируютъ между собой, что поэтъ въ *прекрасной формѣ* осуществилъ *прекрасное содержаніе*: вотъ такой образъ будетъ носить по праву названіе прекраснаго...

«Такъ какъ образы, созданные художниками, не соотвѣтствуютъ *вполнѣ* ни одному дѣйствительно существующему предмету, то ихъ называютъ *типами* (τύπος), образцами, на которые дѣйствительные предметы (однородные, сходные между собою) похожи лишь въ извѣстной степени». Здѣсь г. Преображенскій опять совершенно произвольно влагаетъ въ существующіе термины особенный смыслъ. Типъ можетъ пониматься двояко: въ научномъ и въ художественномъ смыслѣ. Въ научномъ смыслѣ подъ типомъ разумѣютъ образъ, созданный изъ чертъ, общихъ цѣлому ряду предметовъ. Такой образъ, вслѣдствіе своей общности, отличается крайне абстрактностью и почти совпадаетъ съ понятіемъ. Тотъ-же самый терминъ употребляется и по отношенію къ художественнымъ образамъ, но уже нѣсколько въ другомъ смыслѣ. Художественный типъ есть тоже образъ, только не абстрактный, а конкретный, живой образъ, въ которомъ наряду съ чертами, *общими* многимъ предметамъ, содержатся черты въ высшей степени *индивидуальныя*. Такимъ образомъ, художественный типъ является живымъ воплощеніемъ синтеза высшей общности, свойственной абстрактнымъ образамъ съ высшей индивидуальностью, свойственной дѣйствительнымъ предметамъ.

Въ § 8 («Мѣсто поэзіи среди искусствъ») г. Преображенскій говоритъ, что поэзія «изображаетъ по преимуществу нравственную жизнь человѣка». Оставляя въ сторонѣ многосмысленность понятія «нравственный», мы спросимъ автора: почему задачи поэзіи онъ ограничиваетъ изображеніемъ *нравственной* жизни? Почему жизнь религіозная, умственная и вообще духовная, а затѣмъ политическая, общественная не имѣетъ мѣста въ поэзіи? По моему мнѣнію (да и не по моему только), поэзія можетъ изображать *все*. И разница между прозой и поэзіей заключается, преимущественно, въ отношеніяхъ прозаика и поэта ко «всему». Прозаикъ имѣетъ цѣлью удовлетворить умственную сторону человѣка и для этого облекаетъ свой матеріалъ въ форму абстрактныхъ, строго-логическихъ опредѣленій. Поэтъ задается иною цѣлью—удовлетворить наше эстетическое чувство. Эту цѣль онъ достигаетъ тѣмъ, что возводитъ дѣйствительность во всѣхъ ея явленіяхъ къ прекрасному и это прекрасное воплощаетъ въ яркихъ образахъ и картинахъ, дѣйствующихъ *непосредственно* на воображе-

ніе и чувство человѣка и *косвенно* на его умъ и волю... Впрочемъ, всѣ эти вопросы большею частью такъ удовлетворительно рѣшаются даже нашими стариками (напр., Ив. Давыдовымъ), что, право, г. Преображенскій хорошо сдѣлалъ-бы, если-бы вмѣсто того, чтобы выуживать изъ нашей старины выдохшіеся термины, воспроизвелъ-бы въ своемъ учебникѣ, не мудрствуя лукаво, ихъ эстетическія воззрѣнія. А главное, пусть г. Преображенскій помнитъ, что «наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знаній (aggregatum); напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала (evolutio). Сочиненія, не выполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена чрезъ всѣ умствованія, не имѣетъ права на названіе науки; въ нихъ видимая связь состоитъ только въ числѣ листовъ бумаги и параграфовъ» *).

В. Келтуяла.

---

1. **Кушнеренко, К.** Руководство къ обученію въ народныхъ школахъ церковному хоровому пѣнію. Одесса. 1890 г. (VI + 65 стр.). Цѣна 1 р.

2. **Карасевъ, А.** Методика пѣнія. Руководство къ постановкѣ и преподаванію хорового пѣнія въ народныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Пенза. (270 + II стр.). Цѣна 1 р. 25 к.

Составители обоихъ руководствъ называютъ себя практиками и имѣютъ въ виду одинаковую задачу. Оба они желаютъ помочь своимъ собратьямъ, учителямъ народныхъ школъ, дѣйствительно нуждающимся въ руководствахъ, учебникахъ и вообще пособіяхъ, правильно и разумно поставить обученіе пѣнію. При этомъ, прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ народной школѣ непримѣнимы тѣ пріемы преподаванія, которые ведутъ свое начало изъ спеціально музыкальныхъ учебныхъ заведеній. Послѣднія преслѣдуютъ цѣли, совершенно отличающіяся отъ тѣхъ, какія ставитъ себѣ общеобразовательная и тѣмъ болѣе начальная школа, вводящая пѣніе въ свой курсъ не какъ спеціальный, а какъ общеобразовательный предметъ. Практика указала обоимъ авторамъ, что начальные учителя нуждаются не только въ такомъ пособіи, которое заключало-бы одни музыкально-теоретическія свѣдѣнія и упражненія, но и въ методическихъ указаніяхъ относительно самого хода и пріемовъ преподаванія, и что эти послѣднія указанія слѣдуетъ считать, можетъ быть, имѣющими наибольшую цѣнность въ виду той неудовлетворительной музыкальной подготовки, которою обыкновенно отличаются начальные учи-

*) Ив. Давыдовъ. Чтенія о словесности. Т. I, стр. XXI—XXII.

теля. Жаль только, что гг. Кушнеренко и Карасевъ, являясь авторами *руководствъ*, оказываются *только практиками*, но далеко не *знатоками* какъ теоретической, такъ и методической стороны предмета на столько, на сколько это должно требовать отъ лицъ, претендующихъ на руководительство. Какъ-бы ни былъ малъ объемъ знаній, нужныхъ учителю начальнаго пѣнія, во всякомъ случаѣ знанія эти должны быть усвоены научно и твердо; всѣ требованія курса должны быть учителю совершенно ясны, дабы и онъ, въ свою очередь, могъ преподавать точно и понятно. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ названныя руководства.

Г. Кушнеренко располагаетъ теоретическій отдѣлъ своего руководства по такому, на нашъ взглядъ, нѣсколько странному плану: I. о гаммахъ, II. о тактѣ, III. о человѣческомъ голосѣ, IV. о ключахъ и, наконецъ, о гармоніи. Къ числу недостатковъ его руководства нужно отнести: 1) ученіе о тактѣ и ритмѣ (стр. 8),—оба понятія эти авторъ отождествляетъ; 2) ученіе объ уменьш. септаккордѣ (стр. 23), который онъ принимаетъ за нонаккордъ безъ основного тона; 3) совершенно невѣрное представленіе о модуляціи, въ силу котораго выходитъ, что простое «Господи, помилуй», состоящее изъ послѣдованія аккордовъ до—фа—соль—до и представляющее простую каденцію, есть рядъ модуляцій изъ до въ фа, въ соль и въ до (стр. 24—25); 4) увѣренія, что въ бассовомъ голосѣ малые скачки предпочтительнѣе, нежели большіе, и что скачки шире кварты запрещаются (стр. 27), тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это надо понимать совершенно обратно; 5) совсѣмъ неустановившіяся понятія о скрытыхъ квинтахъ и октавахъ (стр. 29) и пр. Кромѣ этого, есть еще не мало болѣе мелкихъ промаховъ и опечатокъ въ нотныхъ примѣрахъ (стр. 25, 28, 59, 61, 62, 63). Въ общемъ, теоретическій отдѣлъ (стр. 1—29) руководства слѣдуетъ назвать компиляціей изъ разныхъ учебниковъ теоріи, сдѣланный наскоро и на столько сжато, что мало подготовленный въ музыкальномъ отношеніи читатель не получитъ яснаго представленія, по крайней мѣрѣ, о трехъ четвертяхъ помѣщенныхъ въ руководствѣ свѣдѣній.

Второй отдѣлъ г. Кушнеренко посвящаетъ методикѣ; онъ отводитъ ей всего 17 страничекъ, на протяженіи которыхъ даетъ далеко не обстоятельныя свѣдѣнія, а мѣстами голословно проводитъ даже нежелательные взгляды, доказывая, напр. (стр. 43), что малоспособныхъ учениковъ, которыхъ хотя «*научить и можно*», слѣдуетъ отстранять отъ пѣнія, потому что они «*будутъ тормазить дѣло обученія... и портить способныхъ*». Но именно теперь укрѣпляется

взглядъ на *общеобязательность* пѣнія и на возможность такихъ пріемовъ преподаванія, которые дѣлали-бы его на столько-же общедоступнымъ предметомъ, какъ и всѣ прочіе, входящіе въ курсъ школы, къ которымъ ученики также имѣютъ различныя склонности и дарованія. Если слѣдовать взгляду автора, то воспитательное значеніе обученія пѣнію будетъ имѣть *не для школы*, а только для избранныхъ ея учениковъ. Вѣроятно, поэтому-то г. Кушнеренко и не сказалъ ничего въ подтвержденіе воспитательнаго значенія пѣнія.

Нотныя приложенія во многомъ представляютъ заимствованія у другихъ авторовъ, хотя это и не оговорено, напр., № 24—27 взяты изъ руководства Ламакина «*Краткая метода пѣнія*». Изд. П. Юргенсона. Съ оговоркою заимствованы ектеніи по напѣву Кіево-печерской лавры, въ переложеніи Л. Малашкина. Трудно объяснить, чѣмъ руководствовался авторъ при этомъ выборѣ: ектеніи имѣютъ мѣстное значеніе, съ мелодической стороны онѣ протяжны, фигурны; съ гармонической — мало поучительны и заключаютъ даже такія странности, которыя обыкновенно считаются за элементарныя ошибки: напр., въ послѣднемъ «Господи, помилуй...» сугубой ектеніи (стр. 65) встрѣчается грубый пріемъ (*соль діезъ* въ дискантѣ и въ слѣдующемъ аккордѣ — *соль бэкаръ* въ теноръ), съ которымъ знакомить дѣтскій слухъ нѣтъ никакой надобности, а въ хорѣ это мѣсто все равно не будетъ звучать чисто. Примѣры, принадлежащіе, вѣроятно, самому автору, не отличаются музыкальностью и при этомъ не лишены опечатокъ, напр., № 7, 8, 9, 16, представляя круговое повтореніе, не имѣютъ окончанія; положимъ, окончаніемъ служитъ начало перваго такта, когда къ нему переходятъ при повтореніи, но для такихъ случаевъ существуетъ въ нотописаніи особый пріемъ (1 и 2 volta), безъ котораго очень трудно догадаться, гдѣ нужно кончить. Далѣе, №№ 18—20, по составляющимъ ихъ мотивамъ, являются скорѣе въ 2-хъ-дольномъ, а не въ 4-хъ-дольномъ размѣрѣ. № 15 имѣетъ лишній предпослѣдній тактъ, № 17—неудовлетворяющіе чувства мѣры десять тактовъ, которые ученикамъ, какъ невѣрныя формы мелодическаго строенія, давать не слѣдуетъ. № 41 — крайне неуклюжъ и не поучителенъ какъ примѣръ трехголоснаго сложенія, да еще, вѣроятно, съ опечатками.

Наконецъ, зачѣмъ было измышлять свою исторію пѣнія, когда въ этой области имѣются такіе капитальные труды, какъ «*Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи*» о. Дм. Разумовскаго, а изъ краткихъ историческихъ очерковъ можно указать на помѣщенные въ «*Очеркѣ всеобщей исторіи музыки*» Л. Саккетти и въ «*Руководствѣ къ изу-*

ченію исторіи музыки» А. фонъ-Доммера. Въ этихъ сочиненіяхъ можно найти совершенно вѣрныя свѣдѣнія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Кушнеренко за свою очень маленькую брошюрку назначилъ черезчуръ высокую цѣну—1 р., тогда какъ такія-же руководства (Азбука А. Рубца, Азбука Брянскаго, Учебникъ хорового пѣнія Галлера и др.), продаются отъ 40 до 70 коп., причемъ и составлены они съ полнымъ знаніемъ дѣла, а многіе изъ нихъ и гораздо объемистѣе руководства г. Кушнеренка.

Г. Карасевъ задался гораздо болѣе обширной задачей, но выполнилъ ее, пожалуй, еще менѣе удачно, чѣмъ г. Кушнеренко. Онъ написалъ *методику*, въ которой затрогиваетъ самые разнообразные вопросы—говоритъ о воспитательномъ значеніи пѣнія, приводитъ обзоръ руководствъ, трактуетъ о музыкальномъ дарованіи и оцѣнкѣ его, о голосѣ, объ организаціи классного преподаванія, о самообученіи пѣнію и на скрипкѣ, объ устройствѣ хора и пр.; приводитъ обзоръ дѣятельности болѣе выдающихся духовныхъ композиторовъ и даетъ длинный музыкально-пѣвческій репертуаръ; наконецъ, излагаетъ два метода преподаванія—буквенный и нотный. Но, во-первыхъ, г. Карасевъ совершенно не обладаетъ умѣньемъ ясно выражаться, языкъ его крайне необработанъ, синтаксическая и орѳографическая стороны его книги заставляютъ желать очень многаго; систематичности въ программѣ такого обширнаго сочиненія, какое предпринялъ г. Карасевъ, мало. Но почтенный авторъ не сознаетъ своихъ недостатковъ, обладаетъ большимъ самолюбіемъ и свысока судитъ о всѣхъ музыкальныхъ дѣятеляхъ. Свою методику и множество другихъ руководствъ и пособій, ему-же принадлежащихъ, онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги рекомендуетъ не только всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, и едва-ли не какъ единственное *вѣрное средство* выучиться пѣнію, но даже и монастырямъ, находя, что иноки мало обращаютъ вниманія на пѣніе (стр. 215). Во-вторыхъ, методика г. Карасева не свободна отъ недостатковъ, и къ числу отрицательныхъ ея сторонъ нужно отнести также чисто теоретическія ошибки и невѣрные взгляды. Въ статьѣ *«Голосъ»*, напр. (стр. 55), авторъ даетъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія о регистрахъ голоса и допускаетъ такія высокія и низкія ноты, рѣдкія даже въ голосахъ пѣвцовъ-виртуозовъ, что если неопытный учитель вздумаетъ повѣрить г. Карасеву и заставитъ пѣть своихъ учениковъ въ этихъ голосовыхъ предѣлахъ, то навѣрное принесетъ вредъ ихъ голосамъ. Также странна и неумѣстна въ учебникѣ сбивчивость понятій *ритма* и *метра* (стр. 60—61); своеобразно и несогласно съ установившимся опредѣленіе *несимметричнаго* ритма въ

церковномъ пѣніи (стр. 60). Несимметричный ритмъ — это не равномѣрное произношеніе слоговъ въ пѣніи съ протягиваніемъ на послѣднихъ словахъ, какъ обыкновенно поются стихиры, прокимны и пр., а плохой ритмъ, который не требуетъ послѣдованія равныхъ между собою по времени тактовъ, вслѣдствіе чего и мелодическія предложенія, составляющія періоды, не равны и не симметричны между собою; всего больше знаменскій распѣвъ представляетъ образецъ несимметричнаго ритма, а между тѣмъ равномѣрности въ произношеніи слоговъ текста въ немъ совершенно нѣтъ. Въ остальныхъ отдѣлахъ г. Карасевъ касается теоріи только въ томъ ничтожномъ объемѣ, какой необходимъ ученикамъ; главное вниманіе онъ сосредоточиваетъ на методическихъ указаніяхъ, въ которыхъ мало научности и въ сильной степени проглядываютъ голословныя личныя мнѣнія.

Болѣе удачными отдѣлами методики г. Карасева нужно считать: 1) *Краткій обзоръ духовно-музыкальной литературы*, или, вѣрнѣе сказать, обзоръ дѣятельности духовныхъ композиторовъ, написанный, въ силу какихъ-то случайностей, болѣе правильнымъ, какъ будто-бы даже несвойственнымъ автору, языкомъ (стр. 217—227), и 2) *Обученіе пѣнію по нотамъ*, нотнымъ пособіемъ къ которому служатъ, отдѣльно отъ методики изданные, «*Уроки пѣнія*» (два выпуска 20 к. и 30 к.). Методъ изученія гаммы путемъ послѣдовательнаго прибавленія ступеней, какой именно и выбранъ г. Карасевымъ, разработанъ и практикуется въ Германіи (напр., руководства Видманна, Тритреммеля и др.), но у насъ въ Россіи г. Карасевъ является едва-ли не однимъ изъ первыхъ его поборниковъ. При начальномъ обученіи пѣнію, такой пріемъ, совмѣстно съ чистописаніемъ, диктовкой и при помощи постояннаго анализа и сравненія между собою образцовъ изучаемаго матеріала, долженъ считаться однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе общедоступныхъ. Разработка его у г. Карасева небезукоризненна, много страдаетъ отъ неясности изложенія и разговорной формы учителя съ воображаемыми учениками, которые даютъ такіе отвѣты, какіе именно желательны г. Карасеву, но въ общемъ видно, что авторъ не мало поработалъ надъ этимъ методомъ и, вѣроятно, умѣетъ имъ пользоваться на практикѣ. За-то буквенный методъ, которымъ, какъ видно, г. Карасевъ тоже увлекается, совершенно не выдерживаетъ критики и является лишнимъ балластомъ въ книгѣ. Этотъ методъ г. Карасевъ рекомендуетъ для дѣтей, еще нетвердыхъ въ грамотѣ, которыхъ нотные знаки рядомъ съ буквами могутъ затруднять. Но въ этомъ случаѣ лучше обучать дѣтей только по слуху и проходить съ ними начатки того матеріала, который имъ понадобится впо-

слѣдствіи. Хотя г. Карасевъ и возстаетъ противъ пѣнія по слуху, но, во-первыхъ, тутъ играетъ большую роль его личное нерасположеніе, во-вторыхъ, если такого пріема обученія и нельзя одобрять, то въ томъ только случаѣ, если имъ положено ограничиться. Какъ пріемъ, подготовляющій къ пѣнію нотному, какъ средство, развивающее слухъ, музыкальную память и голосъ, пѣніе по слуху заслуживаетъ извѣстнаго вниманія и избавляетъ отъ необходимости навязывать ученикамъ вымышленную нотацію, которая нисколько не облегчаетъ дѣла въ будущемъ, а напротивъ, требуетъ переучиванія на новый ладъ.

Обработка буквеннаго метода не удалась г. Карасеву: онъ рядомъ гласныхъ буквъ въ порядкѣ а-у-і-о-е-я-ю-а замѣнилъ названія діатоническихъ ступеней до-ре-ми-фа и т. д., но такой порядокъ гласныхъ очень неудобенъ для постепеннаго повышенія голоса при пѣніи гаммы. Разные интервалы и мелодическіе ходы заучиваются при помощи самыхъ безсодержательныхъ словъ, въ слогахъ которыхъ встрѣчаются гласныя, соотвѣтствующія ступенямъ интервала и мелодической фигуры, напр., *липа* и *пали* поются скачкомъ на б. терціи вверхъ и внизъ, *нору* и *руно* характеризуютъ ходъ м. терціи; есть даже цѣлыя фразы, въ родѣ «*мы парили рѣпу*» (стр. 95), приводимыя въ разрѣзъ съ молитвеннымъ текстомъ, въ мелодіи котораго встрѣчаются интервальные ходы, заученные вмѣстѣ съ подобными не поэтическими предложеніями.

Но если музыкально-учебныя пособія, подобныя разбираемымъ, принадлежащія учителямъ-практикамъ и, вѣроятно, самоучкамъ, не вносятъ ничего выдающагося въ музыкально-педагогическую литературу, то, во всякомъ случаѣ, они являются самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того, на сколько начальная школа нуждается въ разработкѣ методики,—тѣмъ болѣе, что учителя остаются все еще плохо подготовленными къ преподаванію пѣнія. Такія изданія прямо призываютъ людей музыкально-образованныхъ и сознающихъ важность воспитательнаго значенія пѣнія для школы серьезно углубиться въ этотъ вопросъ и придти на помощь школѣ, т.-е. дать такія пособія учителямъ и ученикамъ, которыя не составляли-бы кабинетной работы, а были-бы дѣйствительно приложимы съ пользою къ дѣлу начальнаго обученія пѣнію. Матеріалъ для этого достаточно богатъ: *во-первыхъ*, музыкально-педагогическая литература Запада, прекрасно разработавшая методику начальнаго пѣнія, и, *во-вторыхъ*, тѣ самыя, полныя ошибокъ и погрѣшностей, сочиненія учителей-дилеттантовъ, подобныя трудамъ двухъ названныхъ авторовъ. Первыя даютъ превосходно разработанный методическій матеріалъ; вторыя, какъ ука-

занія практиковъ, хорошо знающихъ школу, могутъ ближе познакомить съ требованіями нашей начальной школы, показать, что для нея доступно и что ей дѣйствительно нужно, но только въ правильной, сообразной съ наукою, обработкѣ. **А. Пузыревскій.**

Н. Кабановъ. Начатки знанія. Книжки 1 и 2. Москва. 1893. Изданіе В. И. № 45, 46.

Книжки безъ предисловія и оглавленія. Авторъ не даетъ никакихъ прямыхъ указаній на то, какія у него были намѣренія и цѣли, когда онъ составлялъ свои книжки. Судя, однако, по манерѣ изложенія, а также по той своеобразной терминологіи, которую онъ употребляетъ, можно думать, что книжки назначаются для читателя, не обладающаго ни малѣйшимъ запасомъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о физическихъ явленіяхъ. Такими «темными» людьми для пишущей братіи обыкновенно представляются: взрослый крестьянинъ, только-что умѣющій разбирать гражданскую печать, крестьянскій мальчикъ, обучающійся въ начальномъ училищѣ, и т. д.

Седержаніе книжекъ чрезвычайно обширное. Въ первой книжкѣ на 107 страницахъ излагаются: общія свойства тѣлъ (22 страницы), физическія свойства воды и воздуха (14 стр.), звукъ (5 стр.), теплота (38 стр.) и свѣтъ (28 стр.). Во второй книжкѣ, нѣсколько бо́льшаго объема, дается описаніе химическихъ явленій: о мельчайшихъ частицахъ простыхъ и составныхъ тѣлъ (13 страницъ), о горѣніи (15 стр.), о водѣ и воздухѣ, о неуничтожаемости вещества и движенія (12 стр.), о щелочахъ и металлахъ, о кислотахъ и металлоидахъ, о соляхъ (43 стр.), о дыханіи животныхъ и растеній, объ органическихъ веществахъ, о круговоротѣ жизни. Изъ этого перечня содержанія видно, что обѣ книжки заключаютъ въ себѣ какъ-бы краткую энциклопедію физико-химическихъ свѣдѣній, изложенныхъ, впрочемъ, въ томъ порядкѣ, какой принятъ въ обыкновенныхъ учебникахъ физики и и химіи.

Никто не станетъ сомнѣваться, что популяризація научныхъ свѣдѣній—дѣло чрезвычайно трудное, требующее большаго таланта, а также педагогическаго чутья и такта; ужъ во всякомъ случаѣ оно не можетъ состоять изъ одного пересказыванія «простыми словами» содержанія учебниковъ. Авторъ элементарнаго сочиненія, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свою книгу, долженъ тщательно обдумать свою задачу, чтобы рѣшить, какіе факты поддаются элементарному изложенію, какіе—нѣтъ. Все то, что можетъ при элементарной передачѣ

подвергнуться искаженію, должно быть исключено, какъ недоступное для того читателя, котораго авторъ имѣетъ въ виду. Такимъ подборомъ фактовъ авторъ можетъ нѣсколько упростить свою задачу, но и послѣ этого она все-таки будетъ не изъ легкихъ. И конечно, каждый, кто сознаётъ всю трудность писанія популярныхъ сочиненій, склоненъ отнестись одобрительно ко всякой попыткѣ въ этомъ родѣ, лишь-бы она сколько-нибудь соотвѣтствовала самымъ основнымъ требованіямъ популярнаго изложенія. Такъ и мы были намѣрены отнестись къ книжкамъ г. Кабанова, которыя, при первомъ знакомствѣ съ ними, возбуждаютъ интересъ попыткою автора объяснить физическія явленія и химическія реакціи молекулярнымъ строеніемъ вещества. Мѣстами, дѣйствительно, автору удалось это сдѣлать довольно удовлетворительно, и у читателя является опредѣленное представленіе о частицахъ, напр., въ статьѣ о звукѣ, о тепловыхъ явленіяхъ (кн. 1) и въ статьѣ о мельчайшихъ частичкахъ простыхъ и составныхъ тѣлъ (кн. 2, стр. 1). Еслибъ авторъ этимъ и ограничился, его книжки выиграли-бы въ простотѣ и ясности. Но онъ смѣшалъ эту задачу съ другой, совершенно неблагодарной, задачей: изложить простыми словами содержаніе учебниковъ физики и химіи, потому онъ и испестрилъ книжки такими вставками, которыя уронили все значеніе его работы. Въ обыкновенныхъ учебникахъ физики авторы начинаютъ съ общихъ свойствъ тѣлъ, затѣмъ переходятъ къ гидростатикѣ, аэростатикѣ, звуку и т. д. И у г. Кабанова на первыхъ страницахъ первой книжки идетъ описаніе общихъ свойствъ тѣлъ, но стремленіе къ простотѣ изложенія (желаніе ограничиваться самыми обыкновенными словами и не употреблять никакихъ научныхъ терминовъ) дало въ результатѣ крайне сбивчивое описаніе непроницаемости, дѣлимости и инерціи, которую авторъ, вѣроятно, для большей ясности, называетъ косностью. Не останавливаясь на всѣхъ подобнаго рода неудачныхъ мѣстахъ, укажемъ, напр., на неясности въ описаніяхъ барометра, термометра, явленій преломленія.

Еще болѣе лишняго и неяснаго оказывается во второй книжкѣ, гдѣ изложены химическія явленія. Къ числу такихъ мѣстъ надо отнести всѣ статьи объ органическихъ соединеніяхъ: объ углеводородахъ, спиртахъ, кислотахъ, эфирахъ и амидокислотахъ (!). Изъ всѣхъ описаній автора, относящихся къ этимъ тѣламъ, читатель ровно ничего не вынесетъ. Не мало вредитъ общему впечатлѣнію и то, что авторъ употребляетъ очень странныя слова: «тиранемъ» кусочкомъ фосфора «о стѣну», «объявляется» теплота, «шмыгнуть» объ стѣну спичкою и т. д. Нельзя также одобрить неточности при описаніи

явленій, сопровождающихъ приводимые въ книгахъ опыты, равно какъ и описанія самыхъ опытовъ, напр., опыта сожиганія въ кислородѣ желѣза, разложенія красной окиси ртути, разложенія воды желѣзнымъ гвоздемъ и т. д.

Перечисленные недостатки не уничтожаютъ, однако, нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ книгъ. Достоинствомъ книжекъ является, во-1-хъ, изобиліе примѣровъ изъ обыденной практики, по большей части подобранныхъ довольно удачно, во-2-хъ, стремленіе ввести въ обращеніе нѣкоторыя болѣе новыя представленія о явленіяхъ природы, напр., вліяніе атмосферной пыли на образованіе дождя, участіе микроорганизмовъ въ процессахъ гніенія и броженія и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ могъ-бы дать книжку, заслуживающую вниманія, еслибъ онъ повнимательнѣе отнесся къ своей задачѣ, т.-е. исключилъ весь балластъ и остановился-бы только на тѣхъ явленіяхъ, которыя, по своей простотѣ, наиболѣе поддаются описанію и наиболѣе доступны малоподготовленному читателю. **Н. К.**

Е. Рейнботъ. Чай и его польза. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной коммиссіи. 3-е изд. Напечатано безъ перемѣнъ съ 1-го изданія. Спб. 1893 г.

Небольшая книжка эта (40 страницъ) содержитъ всѣ главнѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ производству чая, его свойствамъ и торговлѣ имъ. Особенное вниманіе обратилъ авторъ на уходъ за чайными растеніями, на приготовленіе листьевъ, слѣдя шагъ за шагомъ за сложной операціей обработки листьевъ въ разные сорта продажнаго чая въ Китаѣ, и затѣмъ въ рукахъ чайныхъ торговцевъ, въ результатѣ чего являются тѣ фальсифицированные чаи, которые, наконецъ, доходятъ до потребителя. Далѣе идетъ описаніе продажныхъ сортовъ чая, способъ заварки ихъ и питательное значеніе чая. Со стороны ясности и точности изложенія книжка вполнѣ заслуживаетъ вниманія, какъ добросовѣстный трудъ знающаго человѣка.

Е. Рейнботъ. Что такое соль и гдѣ ее берутъ? Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной коммиссіи. 3 изд. Напечатано безъ перемѣнъ съ 1-го изданія.

По своимъ достоинствамъ книжка эта (24 стр.) можетъ быть поставлена на ряду съ предъидущей. Содержаніе ея слѣдующее: значеніе соли, какъ питательнаго вещества и какъ матеріала при фабричныхъ производствахъ, разработка соли въ Илецкой Защитѣ и Величкѣ, соляные источники и озера и добываніе изъ нихъ соли, мор-

ская соль, значеніе соли для животнаго организма, опыты кормленія солью животныхъ—для показанія этого значенія. Съ фактической стороны можно было-бы сдѣлать автору одинъ развѣ упрекъ: при описаніи мѣсторожденій каменной соли авторъ отвелъ больше мѣста мѣсторожденію Велички, чѣмъ нашей Илецкой Защитѣ. Читатель поэтому выноситъ болѣе отчетливое представленіе объ австрійскомъ мѣсторожденіи, чѣмъ о русскомъ. Впрочемъ, это общая судьба всего, что есть въ Россіи: все наше мы знаемъ хуже иностраннаго. Книжка читается съ интересомъ и оставляетъ вполнѣ отчетливое и рельефное представленіе о соли, какъ о естественномъ продуктѣ природы, доступъ къ которому долженъ быть облегчаемъ всѣми мѣрами, именно, ради питательнаго значенія этого продукта. **Н. К.**

К. А. Барсовъ. Магометъ, его жизнь и ученіе. Изданіе рязанскаго книгопродавца Шемаева. Москва. 1892 г., 72 стр. Цѣна 20 коп.

Г. Барсовъ ни слова не говоритъ о томъ, какую цѣль онъ преслѣдовалъ при составленіи своего очерка. Принимая во вниманіе самый характеръ очерка, слѣдуетъ предполагать, что онъ предназначенъ для низшихъ школъ, для народныхъ библіотекъ, для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Мы, впрочемъ, не можемъ поручиться за то, что вѣрно опредѣлили намѣреніе автора. Нашей увѣренности мѣшаетъ многое, и прежде всего два-три примѣчанія, находящіяся въ настоящемъ очеркѣ,—примѣчанія, которыя заключаютъ въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, свидѣтельствующее какъ-бы о томъ, что авторъ не поставилъ себѣ вполнѣ опредѣленной цѣли, принимаясь за свою работу. Постараемся объяснить примѣрами сказанное нами, чтобы наше мнѣніе не показалось читателю голословнымъ. Сначала намъ представлялось, что авторъ очерка имѣетъ въ виду читателя, которому уже извѣстны элементарныя географическія свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, положеніе океановъ, Испаніи, Китая и др. (стр. 13). Но составленное нами представленіе о читателѣ, котораго избралъ себѣ г. Барсовъ, сильно поколебалось, когда (на стр. 29) мы нашли, по поводу встрѣтившагося названія Абессиніи, примѣчаніе, объясняющее мѣстонахожденіе этой страны. Не странно-ли это? Если читатель имѣетъ свѣдѣніе объ Испаніи, Китаѣ, Чермномъ морѣ, если предполагается, что онъ имѣетъ понятіе о горныхъ цѣпяхъ и равнинахъ (о рельефѣ поверхности), ему должны быть извѣстны и Абессинскія горы. Но если указанное нами противорѣчіе скорѣе уловимо для педагога-практика, за-то въ концѣ очерка (стр. 64) оно выростаетъ до

такихъ размѣровъ, что становится очевиднымъ для всѣхъ. Въ новомъ примѣчаніи авторъ предлагаетъ читателю, желающему ознакомиться подробнѣе съ крестовыми походами, обратиться къ извѣстной обширной монографіи Мишю или къ 7-му тому «Всеобщей исторіи» Вебера, т.-е. къ трудамъ, чтеніе которыхъ предпологаетъ уже извѣстное историческое развитіе, извѣстную, и притомъ сравнительно серьезную, подготовку. Но для читателей такого рода (по меньшей мѣрѣ— для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, и то при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ) очеркъ г. Барсова слишкомъ элементаренъ. Въ этомъ очеркѣ встрѣчаются страницы, предполагающія наивнаго читателя. Къ числу такихъ страницъ мы относимъ, напримѣръ, 61—62, и именно тѣ мѣста ихъ, гдѣ толкуется о причинѣ непрочности мусульманскихъ государствъ въ средніе вѣка. Самый способъ выраженія какъ-бы предполагаетъ *простого* читателя, какъ-бы представляетъ мѣстами поддѣлку подъ его тонъ: «*одураченные* враги» (стр. 33), «*авось*,—думалъ онъ,—при новомъ правителѣ жить будетъ легче» (стр. 61), «но и въ виду грозящей опасности *сварливые* греки не оставили своихъ домашнихъ счетовъ» (стр. 69) и т. п. Считая необходимымъ въ особомъ примѣчаніи объяснять, гдѣ лежитъ Абессинія, г. Барсовъ находитъ возможнымъ сказать въ другомъ мѣстѣ: «исходъ крестовыхъ походовъ, *вѣроятно*, читателю извѣстенъ»(стр. 63). Здѣсь уже прямо сказывается какая-то неувѣренность въ силахъ читателя, незнаніе его. Между тѣмъ, слѣдовало-бы первымъ дѣломъ представить себѣ этого читателя, опредѣленно избрать его, а тогда устранились-бы многіе недостатки разбираемаго очерка. Та-же раздвоенность, та-же неустойчивость составителя очерка отражается на формѣ и на содержаніи послѣдняго.

Хорошо поступилъ авторъ разбираемаго очерка, что при изложеніи магометанскаго вѣроученія пользовался первоисточникомъ его, т.-е. кораномъ. Заслуживаетъ одобренія и самый планъ очерка; въ заключительной (VII-ой) главѣ сжато передаются главнѣйшіе моменты изъ послѣдующей исторіи магометанства и магометанскихъ народовъ вплоть до настоящаго времени.

Мы, можетъ быть, слишкомъ долго остановились на брошюркѣ г. Барсова, посвятивъ ей слишкомъ много вниманія (мы прочли ее нѣсколько разъ отъ первой строки до послѣдней). Эта продолжительная остановка объясняется тѣмъ, что мы вполнѣ симпатизируемъ изданіямъ, популяризирующимъ историческія знанія. Но самое значеніе дѣла обусловливаетъ нашу требовательность. При всемъ сочувствіи нашемъ къ подобному дѣлу, мы все-же не можемъ счесть очеркъ

г. Барсова вполнѣ удачнымъ въ его настоящемъ видѣ. Мы посовѣтывали-бы автору переработать его для народной школы, аудиторіи или библіотеки. Съ такимъ изданіемъ совершенно гармонировали-бы и тѣ три рисунка, которые находятся въ брошюрѣ. Если-же г. Барсовъ имѣлъ въ виду болѣе развитую публику и захотѣлъ-бы переработать свой очеркъ для учащагося *юношества* и вообще образованной среды, мы порекомендовали-бы ему выбросить рисунки и обратиться, какъ къ пособіямъ, къ болѣе свѣжимъ изслѣдованіямъ, чѣмъ тѣ, какими онъ пользовался при его составленіи.

К. Ивановъ.

Басни Эзопа. Пересказъ въ стихахъ Н. И. Познякова. Съ 47 рисунками Т. Никитина и др. С.-Петербургъ. 1892 г. Изд. А. Девріена. Стр. 71+XII. Ц.?

Заглавіе книги не совсѣмъ точно: въ предисловіи г. Позняковъ говоритъ (стр. XI), что всѣхъ басенъ, написанныхъ Эзопомъ, или приписываемыхъ ему, «насчитываютъ болѣе 600», тогда какъ въ книжкѣ помѣщено всего лишь 50 басенъ, т.-е., слѣдовательно, только *избранныя* басни Эзопа. Въ своихъ пересказахъ г. Позняковъ не держался близко подлинника, античный бытъ у него перемѣшанъ съ русскимъ: у него встрѣчаются: и «панихида» (46), и «щи», «мужики», «село» (16) и т. п. Нѣкоторые стихи требовали-бы исправленія, напр.: «И чуть не растерзалъ (левъ) его могучимъ *зѣвомъ*» (29), «Несчастная! кабы *себѣ труда дала подумать ты*, не сгибла-бы тогда!» (33), «царица» сриѳмовано съ «творите» (39), «Предъ ними *щи клубятся*» (67) и т. п. Мораль нѣкоторыхъ басенъ не вполнѣ справедлива (напр., стр. 2, 52, 54); есть басни малопонятныя (напр., 18, 66). Большая часть басенъ, однако, пересказана прекрасно, а потому эти пересказы могутъ быть съ удовольствіемъ прочитаны и старымъ, и малымъ.

Желательно, чтобы при новомъ изданіи г. Позняковъ увеличилъ число басенъ, а также разсказалъ-бы болѣе или менѣе подробно біографію Эзопа. Пусть дошедшія до насъ свѣдѣнія о его жизни «не заслуживаютъ довѣрія» (стр. IX); въ народѣ съ именемъ Эзопа давно уже соединяется представленіе объ особомъ типѣ забавнаго урода, обладающаго неизсякаемымъ запасомъ житейской мудрости и хитрыхъ уловокъ, при помощи которыхъ онъ постоянно выходитъ сухимъ изъ воды; его имя давно уже сдѣлалось нарицательнымъ, и его *житіе* у всѣхъ европейцевъ служило столь-же любимымъ чтеніемъ, какъ и приписываемыя ему басни. Мы думаемъ поэтому, что отдѣлять житіе Эзопа отъ его басенъ не

слѣдуетъ и нынѣ: для дѣтей, для народа и вообще для любителей подобнаго рода занимательнаго и отнюдь не безполезнаго чтенія они равно интересны.

Въ изданіяхъ, подобныхъ разсматриваемому, весьма умѣстно присутствіе иллюстрацій. Но иллюстрація не только должна соотвѣтствовать тексту,—она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна давать необходимое къ нему поясненіе и, дополняя мысль автора, дѣлать ее болѣе наглядною, и потому болѣе удобною для воспріятія, т.-е. между текстомъ и иллюстраціею къ нему должна быть полная гармонія. Относительно большинства иллюстрацій къ баснямъ Эзопа въ пересказѣ г-на Позднякова нельзя сказать этого. Въ особенности неудачны иллюстраціи, сдѣланныя г-мъ Никитинымъ (часть иллюстрацій заимствована изъ иностранныхъ изданій). Въ нихъ также господствуетъ смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ», т.-е. рисунки изъ быта греческаго перемѣшаны съ рисунками изъ русской жизни; тутъ и русская упряжь (19), и русскій мужикъ, хлебающій щи (67), есть даже котъ въ шляпѣ-цилиндрѣ (71); пастухъ на рисункѣ греческій, а въ текстѣ говорится о мужикахъ, селѣ (16) и т. д. Животныя, фигурирующія въ басняхъ, нерѣдко нарисованы такъ, какъ они изображаются въ любомъ учебникѣ зоологіи, т.-е. неодухотворенныя и, слѣдовательно, безъ всякаго отношенія къ внутреннему содержанію текста. Конечно, такого сорта иллюстраціи только безполезно увеличиваютъ цѣну книги. Изданіе басенъ вообще приличное. **К. М.**

Шмидтъ, О. Первое горе. Разсказъ для дѣтей, съ 10-ю рисунками барона М. Клодта. Ц. 50 к. С.-Петербургъ, 1893 г. Изд. Ледерле.

Это одинъ изъ прежнихъ разсказовъ г-жи Шмидтъ, вышедшій новымъ изданіемъ, сходнымъ по внѣшнему виду съ книжками, премированными Фребелевскимъ обществомъ: крупная печать, много виньетокъ, три большія и очень недурныя картинки. Фабула разсказа очень несложна. Шестилѣтняя дѣвочка, дочь кухарки, уже два года почти безвыходно живетъ въ кухнѣ, гдѣ, за перегородкой, находится ея кровать и гдѣ ея любимый уголокъ съ нѣсколькими сломаными игрушками. Смутно припоминается дѣвочкѣ прежнее житье на отдѣльной квартирѣ, своимъ хозяйствомъ; а теперь ея мама часто вздыхаетъ, непосильно работаетъ, руки у нея жесткія, кашель ее изнуряетъ... Иногда, по праздникамъ, дѣвочку пускаютъ въ комнаты, къ господамъ, и, сравнивая обстановку и условія ихъ жизни съ жизнью въ кухнѣ, она невольно задается вопросами: почему ея матери такъ трудно

живется? Почему не жить и имъ въ тѣхъ комнатахъ? и т. п. Между тѣмъ, чахоточная мать дѣвочки схватываетъ сильную простуду и въ два дня умираетъ. Очень трогательно и правдиво передана внутренняя жизнь осиротѣвшей дѣвочки, не понимающей ясно свершившагося факта, но тѣмъ не менѣе больно ощущающей его всѣмъ своимъ сердечкомъ. Перенесенное волненіе, а также и простуда въ день похоронъ сказываются горячкой, послѣ которой выздоровѣвшая дѣвочка становится неузнаваемой—она вытянулась, развилась. Пережитое страшное первое горе нелегко ей далось.

Очень грустное впечатлѣніе оставляетъ по себѣ этотъ разсказъ и, можетъ быть, можно было-бы возразить противъ преждевременнаго и, такъ сказать, насильственнаго навязыванія юнымъ читателямъ тяжелыхъ ощущеній; но, съ одной стороны, отъ тяжелыхъ фактовъ дѣйствительной жизни никто не уйдетъ, и мимолетное знакомство съ ними по книжкѣ не такое уже горе, а съ другой стороны—печальное положеніе одинокой, всѣмъ чужой, безпомощной дѣвочки, неизбѣжно вызывая сочувствіе и состраданіе, затронетъ добрыя чувства дѣтей, въ большинствѣ случаевъ эгоистовъ, и хотя временно направитъ ихъ мысли на болѣе глубокое, серьезное и сердечное отношеніе къ жизни и людямъ.—Со стороны изложенія разсказъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Новый американскій педагогическій журналъ: Educational Review, edited by N. Murray Butler (professor of philosophy in Columbia College) January—June 1892. New-York.

Вопросы текущей жизни американской школы.

Громадное развитіе періодической печати въ Америкѣ какъ общей, такъ и спеціально педагогической.—Необыкновенный успѣхъ нѣкоторыхъ изданій.—Легкость, съ которой американцы произносятъ рѣчи, объясняется характеромъ преподаванія родного языка въ школѣ.—Крайняя децентрализація школьной системы.—Полная самостоятельность университетовъ.—Экзаменъ по родному языку при поступленіи въ университетъ въ связи съ вопросомъ о цѣли такихъ экзаменовъ вообще.—Исторія литературы въ средней школѣ.—Параллелизмъ въ изученіи грамматикъ разныхъ языковъ.—Необходимость общей терминологіи.—Попытки католической іерархіи ввести конфессіональныя школы въ Америкѣ и вызываемое ими всеобщее неудовольствіе.—Амосъ Коменскій—выразитель идей Бэкона Веруламскаго.—Orbis pictus, какъ первая попытка сдѣлать школьное обученіе болѣе *реальнымъ*.—«Поучительный опытъ управленія американскимъ университетомъ».—Необыкновенный, безпримѣрный интересъ американцевъ къ школѣ.

Нигдѣ въ свѣтѣ не издаютъ и не читаютъ столько газетъ и журналовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки: изъ 50.000 періодическихъ изданій, существующихъ на свѣтѣ, около 1/3 выходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ лучшаго сочиненія объ Америкѣ, профессоръ Брайсъ, говоритъ, что «американская пресса выражаетъ общественное мнѣніе и содѣйствуетъ его образованію лучше, чѣмъ пресса какой-либо изъ европейскихъ странъ, и не хуже, чѣмъ англійская» («Американская республика», томъ III, стр. 30). Всякій, знакомый съ англійской періодической печатью, знаетъ, насколько она выше печати любого изъ континентальныхъ государствъ.

Когда намъ недавно пришлось просматривать списокъ всѣхъ періодическихъ изданій въ Америкѣ (громадный томъ: вѣроятно, до

1.000 страницъ), мы въ общемъ счетѣ ихъ, если не ошибаемся, прочли, что однихъ педагогическихъ періодическихъ изданій насчитывается болѣе 200. Тамъ-же мы узнали, что нѣкоторыя изъ этихъ изданій имѣютъ 20.000 и болѣе подписчиковъ *), а иные—лишь нѣсколько сотъ: очевидно, что существованіе послѣднихъ очень непрочно.

Читатель можетъ судить, какую смѣлость надо было имѣть профессору философіи въ Колумбія-колледжѣ (университетъ въ Нью-Іоркѣ), чтобы въ 1891 году рѣшиться издавать новый журналъ, посвященный педагогическимъ вопросамъ. Однако, благодаря сотрудничеству многихъ выдающихся англійскихъ и американскихъ писателей по педагогическимъ вопросамъ (въ прошломъ году въ этомъ изданіи помѣщена статья извѣстнаго англійскаго педагога, нынѣ умершаго, Куика, въ этомъ году—статья не менѣе извѣстнаго профессора Лори), благодаря готовности отозваться на всякій вопросъ дня и благодаря широкой терпимости къ мнѣніямъ сотрудниковъ, журналъ занялъ выдающееся положеніе среди американской и англійской педагогической прессы; намъ приходилось читать о немъ очень хорошіе отзывы въ англійскихъ изданіяхъ «Journal of Education» и «Educational Times».

Познакомимся, во-первыхъ, съ тѣми статьями «Educational Review», въ которыхъ говорится о преподаваніи англійскаго языка и литературы, гдѣ, можетъ быть, найдутся полезныя замѣчанія, примѣнимыя къ преподаванію отечественнаго языка и въ нашей школѣ.

Въ первой изъ такихъ статей—«On teaching the effective use of english», т.-е. объ обученіи правильному употребленію родного (англійскаго) языка, мы встрѣчаемъ указаніе на важность такого преподаванія. Мы думаемъ, что никто не станетъ оспаривать того, что языкъ дѣтей образуется, во-первыхъ, подъ вліяніемъ той рѣчи, которую они слышатъ вокругъ себя дома и въ школѣ, и, во-вторыхъ, подъ вліяніемъ слога, какимъ написаны ихъ учебники. Требованіе американца Марбля, чтобы учебники подвергались строгой критикѣ со стороны стиля, вполнѣ умѣстно и у насъ, гдѣ такъ очевидны недостатки въ этомъ отношеніи, въ особенности учебниковъ по древнимъ и новымъ языкамъ.

Есть еще одно требованіе американца, которому въ значительной мѣрѣ удовлетворяетъ американская школа и которому, намъ кажется, совершенно не удовлетворяетъ наша, а именно: требованіе пріучать

*) Напримѣръ, журналъ «American Teacher» (выходитъ ежемѣсячно) имѣетъ 20.000 подписчиковъ.

постоянно дѣтей къ употребленію устной рѣчи. Американецъ Альб. Марбль желаетъ, чтобы школа болѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, обращала вниманія именно на эту сторону преподаванія родного языка, хотя надо замѣтить, что американская школа въ этомъ отношеніи уже достигла большихъ успѣховъ. Извѣстный англійскій педагогъ Фичъ, посѣщавшій американскія школы въ 1888 г., вотъ какъ отзывается по этому поводу: «Легкость, съ которой заурядный американецъ произноситъ при случаѣ публичныя рѣчи, въ значительной степени зависитъ отъ пройденной имъ школьной дисциплины. Съ самаго начала дѣтей пріучаютъ говорить съ полнымъ самообладаніемъ, обращаясь лицомъ къ классу. Часто заставляютъ такимъ образомъ прочитать собственное сочиненіе. Иногда разучивается для этой цѣли отрывокъ изъ драмы, и три или четыре ученика вызываются для декламаціи, причемъ требуется выразить дикціей драматизмъ положенія дѣйствующихъ лицъ. На ежегодныхъ актахъ ученики, написавшіе особенно удачныя сочиненія, читаютъ ихъ, обращаясь къ многочисленной публикѣ, состоящей изъ родителей и постороннихъ лицъ, другіе такимъ-же образомъ что-нибудь говорятъ наизусть или декламируютъ что-либо. Все это привлекаетъ симпатіи и интересъ мѣстнаго населенія къ школѣ и служитъ стимуломъ для усердной работы со стороны дѣтей» (Fitch. Notes of american schools, стр. 50). Мы думаемъ, что такія упражненія въ живой рѣчи было-бы весьма полезно ввести и въ нашей школѣ. Замѣчаніе Ал. Марбля о томъ, что въ книгахъ для дѣтскаго чтенія не должно быть поддѣлыванія подъ дѣтскій языкъ, сознается и у насъ лучшими педагогами, хотя отъ этого недостатка несвободны наши дѣтскіе журналы. Фребелевское Общество подаетъ прекрасный примѣръ, запрещая такую поддѣлку въ разсказахъ, представляемыхъ на конкурсы, устраиваемые этимъ Обществомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующей статьѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ объ американской школѣ. Извѣстно, что Соединенные Штаты представляютъ государство съ самымъ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ,—государство, которое можетъ быть скорѣе названо союзомъ полунезависимыхъ республикъ. Въ отношеніи къ управленію школами эта особенность наиболѣе замѣтна. Не только каждый штатъ, не только каждое графство имѣетъ нѣсколько почти вполнѣ самостоятельныхъ школьныхъ округовъ, но даже каждый большой городъ имѣетъ собственный школьный комитетъ, члены котораго выбираются большею частью непосредственно народомъ. Директоръ народнаго образованія, выбираемый на эту должность школьнымъ комитетомъ, при

помощи инспекторовъ наблюдаетъ за ходомъ образованія, назначаетъ учителей въ школы, экзаменуетъ ихъ и выдаетъ имъ дипломы, созываетъ періодически съѣзды учителей своего округа, лично или черезъ инспекторовъ экзаменуетъ учениковъ при переходныхъ испытаніяхъ, читаетъ иногда для учителей лекціи по вопросамъ воспитанія, наблюдаетъ за пополненіемъ педагогической библіотеки округа, назначенной для учителей. Выборъ программъ, указаніе методовъ—все это дѣло мѣстнаго начальства, которое, однако, находится подъ бдительнымъ надзоромъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ общество не интересуется въ такой мѣрѣ своими школами, какъ въ Америкѣ, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ авторитетные наблюдатели американской жизни. Разнообразіе системъ преподаванія въ школахъ, однако, не такъ велико, какимъ себѣ склоненъ представить его европейскій читатель, такъ какъ, благодаря привычкѣ американцевъ устраивать съѣзды учителей даннаго округа, графства, штата и, наконецъ, всего Союза (когда принимаютъ участіе и учителя изъ Канады), педагогическіе вопросы горячо обсуждаются всѣми, и удачный опытъ одной мѣстности не пропадаетъ даромъ для школъ всего Союза, и, такимъ образомъ, путемъ чисто нравственныхъ вліяній устанавливается извѣстное единообразіе въ школьномъ преподаваніи, отражая въ себѣ господствующее теченіе мысли среди наиболѣе уважаемыхъ педагоговъ страны. Это вліяніе выдающихся людей ведетъ за собой и пріобрѣтеніе ими выдающагося положенія въ качествѣ предсѣдателей школьныхъ комитетовъ разныхъ штатовъ.

Американскіе университеты пользуются также полнымъ самоуправленіемъ, и потому каждый изъ нихъ совершенно свободенъ въ назначеніи условій для поступленія въ него и прохожденія въ немъ курса. Это необходимо принять во вниманіе для пониманія статьи Генри Панкоста «Экзаменъ по родному (англійскому) языку при поступленіи въ колледжи» (университеты) *). Изъ этой статьи мы узнаемъ, что лишь лѣтъ 20 тому назадъ американскіе университеты стали требовать экзамена по родному языку и литературѣ. Первоначально на экзаменѣ требовалось знаніе краткаго курса литературы; скоро, однако, увидѣли, что на практикѣ обученіе литературы въ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ сводилось часто къ заучиванію цѣлаго ряда именъ англійскихъ и американскихъ писателей и ихъ главныхъ произведеній, съ шаблоннымъ разборомъ послѣднихъ. Тогда университеты стали требовать отъ поступающихъ знакомства

*) Въ февральскомъ нумерѣ «Educational Review».

съ самыми, хотя и съ немногими, главными произведеніями англійской и американской литературы, распубликовывая ежегодно списокъ этихъ произведеній. Поступающимъ въ университетъ нынѣ предлагается обыкновенно тема, касающаяся содержанія произведенія одного изъ рекомендуемыхъ авторовъ.

Г-нъ Панкостъ, признавая, что такой порядокъ является большимъ улучшеніемъ сравнительно съ прежними требованіями, видитъ, однако, въ немъ крайнюю реакцію противъ недостатковъ прежней системы: желая устранить учениковъ отъ изученія полнаго курса литературы, неумѣстнаго въ глазахъ американцевъ въ средней школѣ (до 17 — 18 лѣтъ), реформаторы слишкомъ ужъ настаивали на той несомнѣнной истинѣ, что основательное знакомство съ самыми главными произведеніями важнѣе поверхностнаго изученія цѣлаго курса литературы. Г-нъ Панкостъ упрекаетъ американскихъ педагоговъ за то, что они въ своихъ программахъ совершенно игнорируютъ историческую преемственность въ явленіяхъ литературы, перебѣгаютъ съ одного періода на другой, съ англійскаго писателя на американскаго, и наоборотъ. Онъ находитъ, что, ограничиваясь непосредственнымъ ознакомленіемъ даже съ десяткомъ-другимъ лучшихъ произведеній національной англо-американской литературы, можно при выборѣ ихъ не забывать и исторической связи между ними, для чего подспорьемъ должно явиться знакомство съ отечественной исторіей.

Все это, конечно, вполнѣ справедливо, и хотя имѣетъ мало прямого отношенія къ нашей школѣ, далеко не лишено, однако, значенія косвеннаго. Мы видимъ, какъ мало требуютъ американцы отъ дѣтей въ средней школѣ и до какой степени они готовы всячески облегчить преподаваніе въ ней.

На такую именно точку зрѣнія становится профессоръ Уэльскаго (Yale) университета (одного изъ самыхъ старыхъ и лучшихъ въ Союзѣ) Генри Бирсъ (Beers) въ своей статьѣ, помѣщенной въ майскомъ нумерѣ журнала: «Экзаменъ при поступленіи въ Уэльскій университетъ». Оказывается, что этотъ университетъ—единственный между университетами Новой Англіи—совсѣмъ не требуетъ никакого экзамена по англійскому языку. Профессоръ Бирсъ оправдываетъ такую мѣру, во-первыхъ, тѣмъ, что университетъ не желаетъ увеличивать трудностей экзамена при вступленіи. Онъ говоритъ, что уже одно то обстоятельство, что экзаменующійся провелъ въ школѣ время между 6 и 18 годами, можетъ служить ручательствомъ, что онъ научился выражаться на своемъ языкѣ. Поступающаго въ университетъ экзаменуютъ изъ греческаго языка, латинскаго, математики и одного изъ новыхъ языковъ; прибавлять къ этому экзаменъ по родному языку

вовсе нѣтъ необходимости: иначе можно, пожалуй, прибавить исторію, географію, ботанику, зоологію, физіологію, Законъ Божій, конституцію Соед. Шт. и т. д., такъ какъ все это знанія весьма полезныя и которыя могутъ весьма пригодиться въ университетѣ.

Профессоръ Бирсъ имѣетъ въ виду и вышеуказанную статью г. Панкоста и, желая возможнаго облегченія доступа въ университеты, оспариваетъ какъ его мнѣніе о безусловной необходимости хотя-бы и легкаго экзамена по родному языку, такъ и въ особенности требованія отъ экзаменующагося историко-литературнаго комментарія къ изучаемымъ произведеніямъ. Профессоръ Бирсъ видитъ въ этомъ непомѣрное увеличеніе труда для экзаменующихся. Также рѣшительно онъ возстаетъ противъ требованія нѣкотораго знакомства съ исторіей языка, хотя-бы элементарнаго знакомства съ древне-англійскимъ (англо-саксонскимъ) и средневѣковымъ англійскимъ языкомъ, находя, что такія занятія надо предоставить спеціально изучающимъ исторію языка уже въ университетѣ. Мнѣніе профессора Бирса тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно принадлежитъ профессору англійскаго языка въ Уэльскомъ университетѣ. Однако, въ этомъ случаѣ Бирсъ не считаетъ своимъ долгомъ настаивать на «поднятіи» значенія своего предмета и на экзаменахъ, и въ теченіе курса, несмотря на то, что уже 20 лѣтъ занимается англійскимъ языкомъ и литературой.

«Нѣкоторые утверждаютъ, и особенно на этомъ настаиваетъ президентъ (ректоръ) Гарвардскаго университета Эліотъ, что всякій, вполнѣ правильно пишущій и говорящій на родномъ языкѣ, можетъ быть названъ образованнымъ человѣкомъ (an educated man). Я-же,— говоритъ профессоръ Бирсъ, — не понимаю, почему нельзя сказать того-же про знающаго вполнѣ хотя-бы, напр., политическую экономію или химію и пишущаго въ то-же время съ ошибками на родномъ языкѣ. Мнѣ кажется,—продолжаетъ проф. Бирсъ,—что этотъ послѣдній даже скорѣе можетъ быть названъ образованнымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, кто, хотя и выучился правильно, даже, пожалуй, изящно выражаться, но которому нечего сказать». Мы съ удовольствіемъ цитируемъ эти слова профессора Бирса и видимъ въ нихъ лишь слишкомъ рѣзкое выраженіе той непреложной истины, что содержаніе всегда должно быть предпочитаемо формѣ.

Крайне интересна и въ высшей степени важна статья профессора Зонненшейна *) «Параллелизмъ въ изученіи грамматикъ» (The parallel study of grammar). Профессоръ Зонненшейнъ обращаетъ вни-

---

*) Профессоръ Mason College въ Бирмингамѣ. Это учебное заведеніе можетъ быть названо своего рода народнымъ университетомъ; оно открыто въ1880 году на

*

маніе на то, что ученикамъ обыкновенно приходится при изученіи каждаго языка знакомиться или съ новыми терминами, или-же съ совершенно инымъ примѣненіемъ терминовъ, имъ уже извѣстныхъ. Такъ, напр., то время, которое въ латинскомъ языкѣ называется perfectum, на нѣмецкомъ называется imperfectum, на французскомъ passé défini, на англійскомъ past indefinit, а на греческомъ аористъ—quot linguae tot nomina, говоритъ профессоръ Зонненшейнъ.

Такое-же несогласіе заключается и въ классификаціи наклоненій: въ одномъ языкѣ есть, напр., условное наклоненіе (напр., во французск.), въ другихъ его нѣтъ; сослагательное наклоненіе—латинское conjunctivus—называется по французски subjonctif и т. д. То-же самое замѣчается и въ дѣленіи глаголовъ и въ другихъ отношеніяхъ, въ классификаціи мѣстоименій (французская грамматика, напр., называетъ часто прилагательными то, что на русскомъ языкѣ называется мѣстоименіемъ). Все это, конечно, производитъ большую путаницу въ головахъ учениковъ, и они пріучаются видѣть въ грамматическихъ терминахъ звукъ безъ всякаго внутренняго смысла, тогда какъ согласованіе этихъ терминовъ между собой и съ сущностью понятій, которыя они обозначаютъ, «параллельное», по выраженію проф. Зонненшейна, изученіе грамматикъ заставляло-бы ихъ вникать во внутренній смыслъ употребляемыхъ ими словъ, отъ чего обыкновенная система обученія въ извѣстной мѣрѣ отъучаетъ.

Въ виду всего этого, въ 1885 году въ Бирмингамѣ возникло «Грамматическое общество», которое задалось цѣлью «ввести простоту и единообразіе въ изученіе грамматикъ разныхъ языковъ». Это Общество, секретаремъ котораго состоитъ авторъ излагаемой статьи, при содѣйствіи выдающихся педагоговъ Англіи и Америки (Соед. Шт.), издало уже рядъ грамматикъ и руководствъ для изученія нѣмецкаго, французскаго, испанскаго, англійскаго и латинскаго языковъ. Профессоръ Зонненшейнъ приводитъ списокъ этихъ руководствъ и указываетъ критическія статьи въ нѣкоторыхъ, наиболѣе авторитетныхъ англійскихъ и континентальныхъ изданіяхъ, въ которыхъ выражается

ряду съ другими подобными учрежденіями, для того, чтобы дать возможность людямъ, не имѣющимъ средствъ поступить въ одинъ изъ старыхъ англійскихъ университетовъ, получить высшее образованіе въ родномъ городѣ. Для полученія дипломовъ и окончательнаго испытанія многіе изъ учащихся ѣдутъ въ Лондонъ. Объ этомъ движеніи къ популяризаціи университетскаго образованія въ Англіи сообщалось вкратцѣ въ «Русской Мысли» и въ «Русской Школѣ». См. также статью «Provincial colleges» въ «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education. Second Edition». 1889.

сочувствіе и похвала дѣлу, по нашему мнѣнію, дѣйствительно этого вполнѣ заслуживающему.

Далѣе, въ журналѣ мы находимъ четыре статьи политическаго характера по вопросу объ отношеніи церкви къ школѣ въ Америкѣ. Дѣло въ томъ, что въ Америкѣ церковь и государство строго отдѣлены другъ отъ друга: всякая религіозная корпорація считается обществомъ частныхъ лицъ, къ которымъ національное правительство относится одинаково безразлично. Всѣ общественныя школы въ Соединенныхъ Штатахъ даютъ исключительно т.-назыв. свѣтское образованіе, религіозное-же преподаваніе оставляется на попеченіе родителей и церкви. Всѣ уже давно свыклись съ такимъ положеніемъ дѣла; такой порядокъ, при крайнемъ разнообразіи религіозныхъ исповѣданій въ Америкѣ, видимо удовлетворяетъ и самыхъ служителей церкви, между которыми вообще въ Америкѣ замѣчается взаимное уваженіе и доброжелательство, за исключеніемъ, впрочемъ, духовенства римско-католической церкви. Католическое духовенство старается привлечь своихъ вѣрующихъ въ приходскія школы, чему правительство вообще не препятствуетъ, хотя, конечно, общественное мнѣніе жалѣетъ, что такимъ образомъ лишаютъ національнаго (?) образованія дѣтей тѣхъ именно эмигрантовъ, среди которыхъ замѣчается наибольшее невѣжество и бѣдность (ирландцы, итальянцы и поляки). Не довольствуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, католическое духовенство отъ времени до времени заявляетъ претензію получать отъ государства субсидію пропорціонально числу своихъ учениковъ, или освобожденія ихъ родителей отъ уплаты школьнаго налога.

Подобное притязаніе на извѣстное участіе церкви въ дѣлѣ народнаго образованія высказалъ въ 1891 г., въ рядѣ брошюръ, католическій священникъ Т. Букильонъ, профессоръ нравственнаго богословія въ католическомъ университетѣ (въ Вашингтонѣ), кстати сказать—бельгіецъ (извѣстно, какъ сильна въ Бельгіи клерикальная партія), всего два года тому назадъ пріѣхавшій въ Америку. Брошюры эти встрѣтили горячій протестъ во многихъ журналахъ и не нашли сочувствія даже въ извѣстной части католической прессы. Въ январьской и мартовской книжкахъ журнала «Educational Review» мы находимъ два рѣзкіе отвѣта Букильону, содержанія которыхъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ передать подробно, но сущность которыхъ въ значительной мѣрѣ совпадаетъ со слѣдующей, весьма вѣрной характеристикой взгляда американцевъ на этотъ вопросъ, написанной около 20 лѣтъ тому назадъ. «Религіозный вопросъ, который такъ долго задерживалъ развитіе дѣла народнаго образованія въ Англіи, рѣшенъ

американцами на практикѣ. Ихъ точка зрѣнія нижеслѣдующая: общественныя деньги, предназначенныя для народнаго образованія, не могутъ быть по справедливости употребляемы на образованіе въ духѣ извѣстной секты. Если половина населенія состоитъ изъ католиковъ, а другая изъ протестантовъ. несправедливо было-бы брать деньги у протестантовъ на католическія школы, и наоборотъ... Но если тѣ и другіе согласны, что желательно было-бы выучить ихъ дѣтей чтенію, письму и ариѳметикѣ, то это даетъ программу такого рода образованія, котораго равно желаетъ вся масса общества и которое, поэтому, по справедливости можетъ быть оплачиваемо изъ общественныхъ денегъ. Таковъ принципъ, благодаря которому Америка такъ значительно опередила Англію въ дѣлѣ образованія массъ. Исключить религіозное преподаваніе изъ программы народныхъ школъ еще не значитъ признать Законъ Божій менѣе важнымъ, чѣмъ письмо или ариѳметику: это просто значитъ, что общество единодушно, пока дѣло идетъ объ ариѳметикѣ и о письмѣ, и расходится въ мнѣніяхъ относительно религіозныхъ вопросовъ» (Мэкри. «Американцы у себя дома». Спб. 1875, стр. 598—-9).

Въ апрѣльской книжкѣ журнала мы находимъ краткій, но не убѣдительный отвѣтъ самого Букильона (The catholic controversy about education), который онъ въ концѣ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ, образованіе должно касаться всѣхъ сторонъ жизни человѣка, и на этомъ только я и настаиваю. Церковь, государство, родители, наконецъ, всякій отдѣльный гражданинъ—всѣ должны участвовать въ сложномъ дѣлѣ образованія. Родители имѣютъ преимущественное предъ всѣми другими право на воспитаніе своихъ дѣтей; мнѣ все равно, чье право надо признать послѣднимъ». Мы не можемъ разбирать вѣрности послѣдняго положенія, хотя для этого есть обильный матеріалъ въ статьяхъ упомянутыхъ двухъ американцевъ,—скажемъ только, что въ протестантских ъстранахъ уже давно ограничено верховное право родителей совсѣмъ не учить своихъ дѣтей (Германія, Швеція, Норвегія, Англія, Соединенные Штаты), которымъ широко пользуются родители въ странахъ католическихъ. Намъ не разъ случалось читать, что католическіе іерархи въ Америкѣ, будучи лишены всякаго вліянія на представителей свѣтской власти, постоянно стремятся заставить дѣтей католиковъ посѣщать приходскія школы, обращаясь для этого со своими требованіями къ родителямъ, для чего, конечно, и понадобилось Т. Букильону настаивать на верховномъ правѣ послѣднихъ регулировать образованіе своихъ дѣтей. Это тѣмъ болѣе неумѣстно, что происходитъ въ такой странѣ,

въ населеніи которой всѣ европейскіе наблюдатели замѣчали больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европѣ, истиннаго религіознаго чувства и гдѣ духовенство наиболѣе уважается (см. напр., Брайсъ, «Американская республика», т. III, глава «церковь и духовенство»). За недостаткомъ мѣста, мы обходимъ молчаніемъ еще двѣ статьи (въ майской и іюньской книгахъ) по этому вопросу; мы видимъ, что вполнѣ подтверждаются слова одного авторитетнаго наблюдателя американской жизни, что «каждый разъ, когда въ Америкѣ начинаетъ обсуждаться вопросъ о субсидіи конфессіональнымъ школамъ, поднимается серьезная и рѣзкая полемика, возбуждая интересъ во всѣхъ штатахъ Союза» (Инспекторъ народнаго образованія Фичъ, въ своей книгѣ «Notes on American schools». 1890, стр. 21). До какой степени американцевъ интересуетъ вопросъ о конфессіональныхъ школахъ, читатель можетъ судить по тому, что въ апрѣльской книжкѣ «Educational Review» приведенъ подробный отчетъ, а мѣстами дословный переводъ проекта закона, внесеннаго въ прусскій ландтагъ Каприви, которымъ духовенству предоставлялось широкое вліяніе на народныя школы и учительскія семинаріи. Извѣстно, что этотъ проектъ былъ затѣмъ взятъ назадъ—подъ вліяніемъ рѣшительнаго протеста общественнаго мнѣнія.

Большая часть мартовской книжки «Educational Review» посвящена Амосу Коменскому. Сначала помѣщено нѣсколько словъ отъ редактора, затѣмъ—статья проф. Эдинбургскаго университета Лори (L. Laurie), которому, кстати сказать, принадлежитъ лучшее изъ существующихъ сочиненій о Коменскомъ («Life and educational works of Comenius»): таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Куика (Quick)—педагога, пользующагося большимъ авторитетомъ въ Англіи и Америкѣ *). Вторая статья принадлежитъ Бардину изъ Нью-Іорка и третья—профессору Гарвардскаго университета (Массачусэтсъ) П. Ганусу.

Особенно интересна статья Лори, въ которой авторъ, указывая, что Коменскій былъ человѣкъ съ самыми широкими, истинно-энциклопедическими знаніями, съ сильнѣйшей тенденціей къ философской мысли, основанной на широкомъ изученіи природы,—въ этомъ случаѣ вѣрный ученикъ отца новой философіи Бэкона Веруламскаго, что онъ, впрочемъ, и самъ открыто признаетъ **). Лори совершенно справедливо видитъ въ «Orbis pictus» стремленіе—дать дѣтямъ энциклопедію реальныхъ, есте-

*) См. его книгу «Essays of educational reformers». London 1890. Статья о Коменскомъ.

**) См. объ этомъ у Раумера. «Исторія воспитанія» т. I, гдѣ приводятся собственныя слова Коменскаго.

ственно-научныхъ знаній, и въ этомъ сказалось глубокое пониманіе Коменскимъ истиннаго характера новой философіи, требующей изученія вещей вмѣсто изученія словъ. Не будучи въ состояніи дать дѣтямъ самыхъ вещей, Коменскій попытался дать хотя-бы ихъ изображенія. Та-же книга должна была служить и для изученія иностраннаго языка,—такимъ образомъ, шло рука объ руку изученіе «словъ и вещей». Въ статьѣ профессора Гануса интересна выдержка изъ одного стараго сочиненія (1702 г.) «Исторія Гарвардскаго университета», въ которой излагается, при какихъ обстоятельствахъ этотъ университетъ приглашалъ Коменскаго для занятія вакантной должности ректора этого университета. Хотя Коменскій не пріѣхалъ въ Америку, однако книги его имѣли тамъ широкое распространеніе, въ особенности въ Массачусэтсѣ.

Русскому читателю, конечно, немножко странно читать горячую полемику двухъ педагоговъ—одного изъ штата Нью-Іоркъ, другого изъ штата Массачусэтсъ—по вопросу о томъ, какому изъ этихъ штатовъ первому принадлежитъ честь организаціи въ Америкѣ дароваго и обязательнаго образованія. Оба автора обильно цитируютъ первоисточники по мѣстной и общеамериканской исторіи и каждый считаетъ своей обязанностью, какъ патріотъ своего штата, защищать справедливыя притязанія штата на заслуги въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе. Правду говоритъ профессоръ Брайсъ, что европейцу трудно понять, какъ это у американцевъ уживаются рядомъ два патріотизма: одинъ общегосударственный, федеральный, другой патріотизмъ гражданина извѣстнаго штата, которому, впрочемъ, и въ дѣйствительности принадлежитъ полная власть по многимъ такимъ дѣламъ, которыя вездѣ въ Европѣ считаются подлежащими вѣдѣнію центральнаго правительства.

Просматривая журналъ далѣе, мы узнаемъ, что въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, замѣчается вредное вліяніе современной школы на зрѣніе дѣтей, какъ видно изъ статьи доктора Рисли изъ Филадельфіи. Онъ говоритъ, что изъ числа 2.422 дѣтей, учащихся въ школахъ Филадельфіи, 1.084 оказались менѣе чѣмъ съ нормальной остротой зрѣнія, что между школьниками $8^1/_2$ лѣтъ страдающихъ близорукостью оказалось 5%, у школьниковъ со среднимъ возрастомъ въ $17^1/_2$ лѣтъ—20%. Указывая на недостатки школы, докторъ Рисли видитъ особенный вредъ въ обычаѣ заканчивать учебный годъ экзаменами, когда работа памяти и работа глазъ доходитъ до крайнихъ степеней напряженія, но безъ особенной пользы для учениковъ. Въ послѣднихъ книжкахъ журнала начаты еще нѣкоторыя статьи, какъ, напр., по поводу закона, требующаго обязательнаго посѣщенія школъ,

о преподаваніи географіи, но мы оставляемъ ихъ до обозрѣнія содержанія второго полугодія журнала, когда эти статьи будутъ закончены.

Журналъ имѣетъ еще отдѣлъ «discussions» (что значитъ «обсужденіе, разсмотрѣніе»), который можно было-бы назвать на русскомъ языкѣ «спорные, открытые или нерѣшенные вопросы». Одинъ корреспондентъ изъ Англіи обсуждаетъ вопросъ, должна-ли новѣйшая обязательная и даровая школа, снабжающая иногда дѣтей даровыми учебниками (какъ, напр., если не ошибаемся, въ Швейцаріи и во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ), доставлять дѣтямъ нуждающихся родителей даровой обѣдъ или завтракъ (что, какъ извѣстно, дѣлается въ Парижѣ) *). Корреспондентъ рѣшаетъ вопросъ отрицательно, предпочитая болѣе щедрую помощь самимъ нуждающимся родителямъ.

Г-жа Луиза Гопкинсъ—инспекторъ народныхъ школъ въ Бостонѣ—сообщаетъ достойный подражанія примѣръ организаціи преподаванія естественныхъ наукъ въ одной грамматической школѣ (старшее отдѣленіе элементарной школы, гдѣ учащіеся остаются отъ 10 до 14 лѣтъ). Далѣе обсуждается (въ мартовской книжкѣ) вопросъ о наилучшемъ способѣ замѣщенія учительскихъ вакансій въ школахъ. Самымъ интереснымъ оказывается, однако, сообщеніе объ одномъ «поучительномъ опытѣ въ системѣ управленія университетомъ» (An instructive experiment in college government). Это сообщеніе покажетъ читателю лучше, чѣмъ десятки страницъ описаній, какъ своеобразна жизнь американскаго университета; онъ узнаетъ, кромѣ того, что въ Соединенныхъ Штатахъ происходятъ ежедневно въ сферѣ людскихъ отношеній не менѣе интересные «опыты», чѣмъ тѣ, которые производитъ въ своей лабораторіи въ области неодушевленной природы геніальный механикъ Эдисонъ.

Ректоръ (president) Амгерстъ-колледжа (университета), находящагося въ штатѣ Массачусэтсъ, вступивъ въ управленіе колледжемъ въ 1876 г., задумалъ, для поддержанія порядка и дисциплины въ немъ, обратиться къ содѣйствію самихъ студентовъ. Для этой цѣли съ 1883 г. онъ учредилъ «сенатъ» изъ 10 студентовъ (1 выборный отъ 1 курса, 2 отъ второго, 3 отъ третьяго и 4 отъ четвертаго), которому должно было принадлежать право обсуждать всякія нарушенія дисциплины со стороны товарищей и назначать наказанія за

*) См. Klemm. «European schools» New-York 1889 (International Education, vol. XII).

нихъ, не исключая увольненія изъ колледжа. Впрочемъ, ректоръ университета, присутствующій всегда въ засѣданіи «сената», сохранилъ за собой право безусловнаго veto надъ его рѣшеніями. Сначала компетенція «сената» была довольно неопредѣленна и ограничена, затѣмъ, по мѣрѣ выясненія успѣшности «опыта», она расширялась и нынѣ обнимаетъ собой всѣ вопросы студенческой жизни. Сенатъ разрѣшаетъ, напр., вопросъ о томъ, можно-ли студентамъ устроить спектакль или вечеръ, сенату принадлежитъ наблюденіе за періодическими изданіями, какія почти всегда затѣваютъ студенты, сенату, наконецъ, подвѣдомственны всѣ общества, клубы различныхъ атлетическихъ игръ и всякаго рода спорта, которые неизбѣжны во всякомъ среднемъ или высшемъ англійскомъ или американскомъ учебномъ заведеніи. Когда возникъ, по мысли ректора, описанный «сенатъ», нѣкоторые студенты недовѣрчиво отнеслись къ затѣѣ, думая, что, при существованіи абсолютнаго veto (право кассировать рѣшеніе сената) ректора, учрежденіе это будетъ лишь игрушкой въ рукахъ начальства. Однако, насколько оказались несправедливыми такія опасенія, можно судить по тому, что за послѣднія 8 лѣтъ ректоръ только одинъ разъ воспользовался своимъ правомъ кассаціи рѣшенія «сената». Серьезное отношеніе выборныхъ къ своимъ «сенаторскимъ» обязанностямъ, уваженіе студентовъ къ своему «сенату» и вытекающая отсюда готовность повиноваться его рѣшеніямъ и позволили ректору произвести въ довольно большихъ размѣрахъ описанный «опытъ» (въ колледжѣ 350 студентовъ), на поучительность котораго обращаетъ вниманіе сотрудникъ «Educational Review».

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ статьямъ по вопросамъ воспитанія въ иностранныхъ журналахъ и состоитъ обыкновенно въ перепечаткѣ таковыхъ статей изъ англійскихъ педагогическихъ и общихъ журналовъ; выборъ, по нашему мнѣнію, дѣлается весьма удачный. Въ журналѣ имѣется также отдѣлъ библіографіи—главнымъ образомъ, американскихъ книгъ, изрѣдка англійскихъ и еще рѣже нѣмецкихъ и французскихъ.

Послѣдній отдѣлъ называется editorial, т.-е., «отъ редакціи». Здѣсь отъ имени редакціи, въ которой, кромѣ упомянутаго профессора Colombia College, работаютъ три директора народнаго образованія, читателю предлагаются взгляды журнала на разные вопросы дня; здѣсь мы найдемъ, напр., кое-что о такомъ волнующемъ наше общество вопросѣ, какъ вопросъ объ экзаменахъ. Надо думать, что и въ Америкѣ скоро сократится число экзаменовъ въ школѣ, такъ какъ и тамъ они возбуждаютъ недовольство, хотя тамъ они, конечно,

несравненно легче, чѣмъ въ Европѣ. Здѣсь-же мы узнаемъ мнѣніе редакціи о неудачной попыткѣ придать строго конфессіональный характеръ прусской начальной школѣ; узнаемъ разныя новости изъ жизни американской школы: о сильномъ стремленіи къ образованію, замѣчаемомъ въ сѣверо-западныхъ штатахъ, о нѣкоторыхъ интересныхъ пунктахъ послѣднихъ отчетовъ лучшихъ американскихъ университетовъ—Гарвардскаго и Джона Гопкинса.

Много свѣтлыхъ сторонъ представляетъ американская жизнь, и среди нихъ особенно выдается американская школа. «Ничто не возбуждало въ Америкѣ въ такой степени моего удивленія, какъ тамошнія народныя школы», писалъ, 20 лѣтъ тому назадъ, англичанинъ Мэкри (см. его книгу, переведенную въ 1875 г. на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Американцы у себя дома»). Намъ ничего не стоило-бы наполнить цѣлыя страницы выписками изъ другихъ сочиненій съ подобными-же отзывами о народномъ образованіи въ Америкѣ. «Величайшей гарантіей,—писалъ, напр., въ 1890 г. вышеупомянутый инспекторъ народнаго образованія Фичъ,—непрерывнаго и быстраго успѣха народнаго образованія въ Америкѣ служитъ всеобщій интересъ общества къ вопросамъ воспитанія. Эти вопросы, болѣе чѣмъ какіе-бы то ни было другіе, возбуждаютъ частые и серьезные дебаты». Нигдѣ въ мірѣ, въ самомъ дѣлѣ, общество не интересуется въ такой мѣрѣ своей школой, какъ въ Америкѣ, не только во время избранія членовъ мѣстнаго школьнаго комитета, завѣдывающаго организаціей народнаго образованія, но и во всякое другое время—въ повседневной жизни школы. «Посѣщеніе школъ посторонними въ большомъ ходу въ Америкѣ. Американецъ приглашаетъ своего пріятеля отправиться вмѣстѣ осмотрѣть школу; зачастую какой-нибудь негоціантъ или человѣкъ какой-либо иной профессіи заходитъ въ ближайшую школу, если у него выдастся полчаса свободнаго времени. Интересъ, который такимъ образомъ постоянно высказывается со стороны общества къ школѣ, не только возбуждаетъ рвеніе преподавателей, но и вкореняетъ въ самихъ дѣтяхъ сознаніе жизненной важности того дѣла, для котораго они собираются въ школу» (Мэкри, стр. 594). До сихъ поръ существеннымъ отличіемъ Соединенныхъ Штатовъ отъ европейскихъ націй было широкое распространеніе образованія среди всей массы народа, просвѣщенность т.-наз. «общественнаго мнѣнія». Однако передовыя европейскія общества превосходили до сихъ поръ Америку числомъ лицъ, исключительно занимающихся наукой или литературой, числомъ глубоко образованныхъ отдѣльныхъ личностей. Но и въ этомъ отношеніи Америка дѣлаетъ въ настоящее время гро-

мадные успѣхи и, напр., изъ статьи въ февральской книжкѣ «Education Review» «Распространеніе высшаго образованія въ Америкѣ» видно, что въ то время, какъ за послѣднія 10 лѣтъ (1880—90) населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на 25%, число лицъ съ высшимъ образованіемъ увеличилось на 50%. Такимъ образомъ, превосходя уже давно Европу болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ знаній среди всей массы народа, Америка, надо думать, скоро превзойдетъ ее и въ числѣ глубоко образованныхъ спеціалистовъ, точно такъ-же, какъ она опередила ее во всемъ, что касается матеріальныхъ благъ, доставляемыхъ цивилизацией. Мы знаемъ, наконецъ, по собственному опыту, что и въ проявленіяхъ чисто нравственныхъ свойствъ американцы своей помощью бѣдствующему русскому населенію доказали, что не всегда и не вездѣ вѣрна пословица «сытый голоднаго не понимаетъ», и что матеріальное благосостояніе не только не убило въ нихъ живого чувства состраданія къ ближнему, но, напротивъ, подвинуло ихъ на столь великодушную помощь отдаленнымъ друзьямъ, какой не оказали Россіи друзья болѣе близкіе. Такая страна, конечно, заслуживаетъ всесторонняго изученія,—вотъ потому мы и позволили себѣ остановиться, можетъ быть, нѣсколько долго, на новомъ педагогическомъ журналѣ: вѣдь, вопросы народнаго образованія въ Америкѣ, какъ это намъ ни странно слышать, считаются самыми живыми, самыми жизненными, привлекающими наибольшее вниманіе всего общества.

П. Мижуевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Муниципальныя библіотеки и читальни въ Парижѣ.

Въ настоящее время въ Парижѣ существуетъ слишкомъ шестьдесятъ библіотекъ, содержимыхъ на счетъ города. Библіотеки эти открыты безплатно для всѣхъ желающихъ, пользуются ими лица самыхъ разнообразныхъ положеній, преимущественно-же рабочіе, мастеровые, пришедшіе на заработки крестьяне и вообще всѣ тѣ, кто у насъ, въ Россіи, извѣстенъ подъ общимъ названіемъ «читателей изъ народа». Кромѣ нихъ, въ числѣ обыкновенныхъ и постоянныхъ посѣтителей библіотекъ всегда можно встрѣтить и учащуюся молодежь низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, и представителей мелкой буржуазіи, чиновниковъ и т. д. и т. д. Муниципальныя библіотеки посѣщаются самой пестрой и разнообразной публикой, которую, впрочемъ, французы уже давно отвыкли раздѣлять на «народъ» и «командующіе классы». Всѣ библіотечныя богатства открыты для самаго широкаго пользованія всѣмъ желающимъ. Каждая библіотека, по мѣрѣ своихъ средствъ и въ зависимости отъ умѣнья и энергіи лица, завѣдывающаго ею, постоянно и въ значительномъ изобиліи пополняется книгами. Пріобрѣтаются и тѣ книги, которыя вышли прежде, и вновь выходящія. Спросъ на эти послѣднія весьма значителенъ, какъ показываютъ старательно составленные отчеты. Въ безплатныхъ муниципальныхъ библіотекахъ тотчасъ дѣлаются достояніемъ народной массы и послѣднія новинки по беллетристикѣ, и научно-популярныя книги, даже ноты, гравюры, рисунки, чертежи.

Присмотрѣться поближе къ дѣятельности этихъ библіотекъ весьма интересно, да и поучительно. Огромные «Статистическіе ежегодники города Парижа», аккуратно выходящіе подъ редакціей извѣстнаго ученаго д-ра Ж. Бертильона, содержатъ не мало данныхъ о томъ, что и какъ читаетъ Парижъ въ этихъ библіотекахъ. Съ этими данными мы и намѣрены познакомить *).

Парижскія муниципальныя библіотеки насчитываютъ ровно двадцать пять лѣтъ своего существованія. Первая библіотека была основана въ 1866 году, во времена наполеоновскаго режима, когда, по удачному выраженію Реклю **),

*) Annuaire statistique de la ville de Paris (Service de la statistique municipale). M. J. Bertillon, chef des travaux de la statistique. Années VIII, IX, X, XI (1887—90). Paris 1889—92.

**) «Земля и люди». Т. II, стр. 615.

«образованію дано было меньше значенія, чѣмъ репрессіи, надзору и казнѣ». Какъ извѣстно, правительство Наполеона III не отличалось заботами объ образованіи, и въ особенности о развитіи народа, и каждое новшество въ этомъ дѣлѣ окружалось какой-то особенной атмосферой недовѣрія и подозрѣнія. Вторая безплатная городская библіотека была открыта въ слѣдующемъ 1867 году. Затѣмъ въ развитіи этого дѣла наступилъ перерывъ: въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ не было учреждено ни одной библіотеки. Эта остановка продолжалась вплоть до крушенія наполеоновскаго режима послѣ франко-прусской войны и парижской коммуны. Съ начала семидесятыхъ годовъ число муниципальныхъ библіотекъ начинаетъ быстро возростать. Съ 1877 года не проходитъ ни одного учебнаго сезона, чтобы не открылось въ томъ или другомъ округѣ то по одной, а то и по нѣскольку библіотекъ. Въ 1880 г. ихъ было открыто 6, въ 1882 г. и 1883 г. по 4, въ 1884 г.— 14, въ 1885 г. — 6, въ 1886 г. — 2, въ 1887 г. — 5, въ 1888. 1889, 1890 г. по 3. Въ концѣ 1890 г. общее число муниципальныхъ библіотекъ достигло до 63. Но и на этой цыфрѣ развитіе ихъ не остановится: отчеты изъявляютъ надежду, что въ не особенно далекомъ будущемъ настанетъ время, когда въ каждомъ кварталѣ Парижа (а таковыхъ 80) будетъ по крайней мѣрѣ по одной безплатной библіотекѣ. Значеніе и необходимость ихъ устройства прекрасно сознано городомъ и входитъ въ число его постоянныхъ заботъ. Уже въ настоящее время въ Парижѣ нѣтъ ни одного округа (arrondissement), въ которомъ было-бы менѣе двухъ муниципальныхъ библіотекъ; а въ нѣкоторыхъ округахъ ихъ по 4.

Рядомъ съ библіотеками муниципальными существуютъ библіотеки частныя, такъ-называемыя bibliothèques populaires libres, которыя содержатся на частныя средства, на взносы подписчиковъ или участниковъ (societaires) и на пособія отъ города. Такихъ библіотекъ, которымъ городъ отпускаетъ пособіе, въ 1890 г. было 16. Особенно достойно вниманія то, что открытіе безплатныхъ городскихъ библіотекъ почти не вліяетъ на библіотеки частныя: и тѣ, и другія развиваютъ свою дѣятельность рядомъ. Также и основаніе новыхъ муниципальныхъ библіотекъ не ослабляетъ дѣятельности уже существующихъ. Каждая вновь открытая библіотека вызываетъ новый контингентъ читателей, или, выражаясь словами отчета: «чѣмъ болѣе облегчается доступъ къ книгамъ, тѣмъ болѣе возростаетъ число читателей, подобно тому, какъ возростаетъ число путешественниковъ въ зависимости отъ облегченія средствъ передвиженія». «Лица, относившіяся до того времени къ книгѣ совершенно индифферентно, потому что имъ нужно было дѣлать нѣкоторое усиліе, приносить нѣкоторую жертву, чтобы пользоваться книгами, съ открытіемъ безплатныхъ библіотекъ стремятся пользоваться ими, а разъ пріобрѣтя привычку читать, въ рѣдкихъ случаяхъ покидаютъ ее». Отсюда успѣхъ библіотекъ. До какой степени быстро концентрируется около каждой библіотеки контингентъ читателей—показываютъ слѣдующія цыфры. Въ 1890 г. библіотека въ Impasse d'Oran была открыта въ концѣ октября, а въ ноябрѣ было уже выдано изъ нея 963 книги. Въ 1887 г. библіотека rue Béranger въ февралѣ имѣла 34 подписчика, въ декабрѣ — 282; библіотека въ rue St.-Benoit въ октябрѣ—56, въ декабрѣ—468; библіотека въ rue Damestre въ октябрѣ—279, въ декабрѣ—1.285 и т. д.

Пользованіе библіотеками облегчено чрезвычайно. Правилъ, висящихъ

надъ посѣтителемъ въ видѣ дамоклова меча и угрожающихъ всякими карами за его несовершенства, не имѣется. Ни платы за чтеніе, ни залога не требуется. Залогъ вполнѣ замѣняется удостовѣреніемъ личности. Изо всѣхъ библіотекъ книги выдаются на домъ; при многихъ, кромѣ того, устроены читальни, съ особымъ инвентаремъ книгъ. Библіотеки открыты по праздникамъ и по буднямъ, по утрамъ и по вечерамъ. Иныя открыты отъ 4 до 6 часовъ, другія отъ 11 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Во всѣхъ 56 библіотекахъ, существовавшихъ въ 1888 г., имѣлось 215.576 томовъ, изъ которыхъ 65.120 томовъ въ читальныхъ залахъ. а 150.476 томовъ предназначены для выдачъ на домъ. Распредѣленіе книжнаго богатства по библіотекамъ—самое неравномѣрное и колеблется въ значительныхъ предѣлахъ. Есть библіотеки, которыя могутъ предложить своимъ посѣтителямъ для чтенія на дому всего 422 книги и даже 189 (Rue Richomone); есть библіотеки и съ 8.769 томовъ (при мэріи 8 округа). Въ 4 библіотекахъ менѣе 1.000 томовъ, въ 11 отъ 1.000 до 2.000, въ 22 отъ 2.000—3.000, въ 9 отъ 3.000 до 3.500, въ 4 отъ 3.500 до 4.000, въ 6 свыше 4.000. Каждый годъ всѣми библіотеками въ совокупности пріобрѣтается и, значитъ, пускается въ оборотъ свыше 15.000 книгъ: этимъ числомъ выражается приростъ ихъ книжнаго богатства. Нужно отдать справедливость, чистая публика требовательна: она падка на новинки. Не успѣетъ книга выйти и надѣлать шума, какъ ужъ на нее являются требованія въ библіотекахъ. Въ результатѣ, новости литературы дѣлаются достояніемъ массы читателей, дѣлаются, можно сказать, сразу; во всякомъ случаѣ онѣ не залеживаются въ шкафахъ магазиновъ или немногихъ счастливцевъ, какъ это бываетъ обыкновенно у насъ. Администрація библіотекъ чутко прислушивается къ требованіямъ читателей, хотя и оставляетъ за собою право налагать на эти требованія свое veto. Въ результатѣ—не безъинтересныя коллизіи. Одинъ изъ отчетовъ разсказываетъ такой случай. Въ 1887 г. администрація рѣшила значительно сократить покупку романовъ, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, находятъ себѣ особенно много читателей. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ публика начала тотчасъ роптать. Кое-гдѣ число посѣтителей библіотекъ стало уменьшаться. Но въ другихъ библіотекахъ эта мѣра не произвела никакого дѣйствія: число читателей не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Напр., въ библіотекѣ V округа увеличилось число выдачъ съ 26.723 до 33.035. То-же наблюдалось и въ библіотекахъ VI и VII округовъ, гдѣ, по выраженію отчета, населеніе «studieuse et généralement assez instruite». Именно среди такого населенія и находятъ себѣ бóльшій спросъ серьезныя—научно-популярныя и научныя книги. Наоборотъ, въ тѣхъ округахъ, которые населены «преимущественно представителями ручного труда», у которыхъ нѣтъ достаточно ни времени, ни знаній, чтобы читать прежде всего научныя и вообще серьезныя книги, уменьшеніе числа романовъ отразилось весьма неблагопріятно. А такъ какъ такихъ оказалось не одинъ и не два округа, то уменьшеніе читателей заставило администрацію призадуматься и измѣнить программу дѣятельности. Романы стали снова пріобрѣтаться въ муниципальныя библіотеки, а въ одинъ изъ отчетовъ попало даже признаніе слѣдующаго рода: «Для успѣха муниципальныхъ библіотекъ,—говоритъ отчетъ,—необходимо разнообразить каталогъ, сообразуясь съ той средой, которую должна удовлетворять данная библіотека. Въ настоящее время выяснилось въ до-

статочной степени, что для большого числа библіотекъ не безопасно совсѣмъ исключать романы: достаточно и того, если выбирать ихъ осмотрительно (avec discernement), изъ числа лучшихъ, чтобы они не заключали ничего безнравственнаго, чтобы они были написаны хорошимъ языкомъ и не могли-бы «давать дурныхъ образцовъ стиля». Чтобы придти къ такому выводу, нечего было продѣлывать рискованный опытъ. Но этотъ опытъ въ другомъ отношеніи былъ и не безполезенъ: онъ лишній разъ показалъ, что «регламентація умственной пищи» легко можетъ идти въ разрѣзъ съ нуждами просвѣщенія.

Отчеты слѣдующихъ годовъ показываютъ, что на улучшеніе отдѣла беллетристики снова было обращено должное вниманіе. Дѣло въ томъ, что есть очень обширный кругъ читателей, для которыхъ хорошій романъ играетъ ту-же роль, что и серьезная книга для другихъ: онъ толкуетъ жизнь, заставляетъ задумываться надъ общественными и всякими иными отношеніями и возбуждаетъ въ душѣ читателя такіе серьезные и мучительно-тревожные запросы, отвѣтъ на которые можетъ дать ему лишь хорошая серьезная книга. Если таковая есть на лицо, если читатель о ней знаетъ, онъ отъ беллетристики переходитъ и къ другимъ отдѣламъ. Словомъ, на хорошіе романы нужно смотрѣть, какъ на введеніе къ серьезному и плодотворному чтенію. Отдѣлъ ихъ требуетъ не изгнанія, а улучшенія. Чтобы судить о томъ, какую роль играютъ они среди читающихъ французовъ, составимъ слѣдующую небольшую табличку на основаніи отчетовъ 1887—1890 гг.:

	Взято для чтенія на домъ и прочтено въ помѣщеніи библіотеки.							
	Число книгъ.				Тоже въ %.			
	1887.	1888.	1889.	1890.	1887.	1888.	1889.	1890
1. Науки и искусства	117.556	121.934	121.605	119.583	9,8	9,5	9,2	8,75
2. Исторія	111.112	113.120	105.105	113.784	9,2	8,9	8,7	8,32
3. Географія и путешествія	149.366	162.345	150.020	170.718	12,5	12,7	13,2	12,50
4. Литература, поэзія, театръ	173.235	187.404	172.532	193.540	14,5	14,7	14,9	14,15
5. Романы	580.394	625.489	608.552	692.938	48,6	48,9	48,7	50,69
6. На иностранныхъ языкахъ.	6.403	7.387	8.471	8.820	0,8	0,6	0,7	0.65
7. Музыка	55.322	59.757	62.711	67.531	4,6	4,7	4,6	4,94
8. Всего выдано. . .	1.193.388	1.277.436	1.232.127	1.366.914	100	100	100	100

Изъ этой таблицы видно, во-первыхъ, что вкусы читателей-парижанъ отличаются довольно рѣдкимъ постоянствомъ. Чрезвычайно постоянный % романовъ, взятыхъ на чтеніе, даже бросается въ глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ варіируется лишь въ десятыхъ доляхъ. Процентъ книгъ, взятыхъ изъ другихъ отдѣловъ, также остается болѣе или менѣе постояннымъ, хотя абсолютное число ихъ, взятыхъ изъ библіотекъ, изъ года въ годъ возростаетъ. Столь пропорціональное возростаніе (за небольшимъ исключеніемъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже) также нельзя не назвать интереснымъ. Картина нѣсколько измѣняется, если присмотрѣться—какъ читаются романы въ разныхъ библіотекахъ. Здѣсь мы уже встрѣчаемъ весьма замѣтныя колебанія. Есть библіотеки, гдѣ изъ 9.336 взятыхъ книгъ, 8.071 (или 86,4%)—романы. Въ другихъ библіотекахъ этотъ % спускается до 31,7% и даже 29,4%. Въ иныхъ библіотекахъ читатели любознательны разносторонне: читаются

книги и изъ естественныхъ наукъ, и изъ исторіи, и пр.; въ другихъ подбирается такой составъ читателей, которые чувствуютъ особенное пристрастіе къ какому-либо отдѣлу наукъ, напр., отдѣлу путешествій. Словомъ, при общемъ постоянствѣ вкуса читающихъ парижанъ, о чемъ говорятъ общіе итоги, въ разныхъ уголкахъ всемірнаго города замѣчается большое разнообразіе. Общественная жизнь, идущая широкими и бурными волнами, полная разнородныхъ интересовъ, также отражается на томъ—что и какъ читаютъ парижане. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ 1889 годъ. Въ теченіе пятилѣтія 1886—1890 гг. было взято изъ библіотекъ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Для чтенія на дому	1.029.510	1.115.800	1.086.848	1.231.064	
» » въ помѣщеніи библіотеки	163.878	161.636	145.279	135.850	
Итого	1.187.699	1.193.388	1.277.436	1.232.127	1.366.914

Изъ этой таблички видно, что бурный 1889 г. показалъ *уменьшеніе* числа книгъ, потребованныхъ изъ библіотекъ. Этому явленію отчеты даютъ слѣдующее объясненіе. «Въ этомъ году,—читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ,—Марсово поле (гдѣ помѣщалась выставка) сосредоточило на себѣ вниманіе всѣхъ. Искусство и наука давали тамъ столько пищи всякой любознательности, что никакія другія учрежденія, въ томъ числѣ и библіотеки, дать не могли». Можно съ увѣренностью утверждать, что многіе изъ библіотечныхъ завсегдатаевъ измѣнили имъ ради выставки, гдѣ имѣли случай воочію видѣть осуществленіе того, что книга предлагала имъ лишь въ теоріи. Слѣдуетъ также принять во вниманіе и то, что работы по выставкѣ обусловили собою весьма значительное перемѣщеніе рабочихъ, которые, какъ мы уже сказали, поставляютъ весьма значительное число читателей. Кончилась выставка, и слѣдующій годъ число это быстро возрасло. Цыфры 1890 г. показываютъ, что уменьшеніе выдачъ книгъ было лишь временнымъ: это была какъ-бы передышка въ непрерывномъ и быстромъ движеніи впередъ. Да и могло-ли быть иначе? Сама жизнь, слишкомъ разносторонняя, идущая впередъ такъ быстро, предъявляющая все большія и большія требованія къ лицамъ изо всѣхъ слоевъ населенія, заставляетъ ихъ все больше и больше заботиться о своемъ умственномъ развитіи. Цыфры, показывающія—что и какъ читаютъ французы, главнымъ образомъ французскій рабочій классъ, суть лишь выразители этого общаго движенія впередъ. Нечего и говорить, что на требованіи тѣхъ или иныхъ отдѣловъ книгъ отражается и множество другихъ вліяній, напр., составъ библіотеки, количество томовъ и названій, мѣстоположеніе библіотеки, личность библіотекаря, составъ населенія даннаго квартала, зажиточность населенія, преобладающій родъ занятій, относительное развитіе и пр. и пр.

Время года также не остается безъ вліянія: въ Парижѣ, какъ и у насъ, лѣтомъ читаютъ, вообще говоря, меньше, хотя и не *настолько* меньше, какъ у насъ. Особенно замѣтно уменьшеніе посѣтителей въ читальныхъ залахъ. Вообще говоря, центръ дѣятельности библіотекъ постепенно переносится изъ этой залы на домъ. Изъ вышеприведенной таблицы видно, между прочимъ, что число книгъ, выданныхъ на домъ, постепенно возростаетъ, а число книгъ, читанныхъ въ помѣщеніи библіотеки, постепенно падаетъ. Паденіе это весьма разнообразно въ разныхъ мѣстностяхъ въ разные мѣсяцы

года. Въ большинствѣ библіотекъ наименьшее число выдачъ приходится на іюнь мѣсяцъ, а наибольшее—на ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ. Въ другихъ библіотекахъ minimum дѣятельности падаетъ на іюль и августъ, или май и іюнь. Вообще въ этомъ отношеніи наблюдается большое разнообразіе, и лишь съ большой оговоркой можно сказать, что въ лѣтніе мѣсяцы книги читаются меньше. Есть даже округа, гдѣ наблюдается какъ разъ противное (19, Rue Fessart). Интересную особенность парижскихъ муниципальныхъ библіотекъ составляютъ два особенныхъ отдѣла, которые существуютъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ: во-первыхъ, отдѣлъ музыкальный, во-вторыхъ, отдѣлъ промышленности и искусствъ. Ноты для фортепіано и для пѣнія имѣются почти во всѣхъ библіотекахъ. Изъ вышеприведенной таблицы видно, что ноты въ большомъ ходу и ими пользуются все больше и больше. «Попытка устройства музыкальнаго отдѣла при муниципальныхъ библіотекахъ превзошла всякія, даже самыя смѣлыя ожиданія». Этотъ отдѣлъ и успѣхъ его въ публикѣ лучше всего показываетъ высокій культурный уровень парижскаго населенія. Еще интереснѣе отдѣлъ «промышленныхъ искусствъ», въ который входятъ гравюры, рисунки, чертежи, узоры и т. п. предметы, весьма полезные для ремесленниковъ. Такіе отдѣлы существуютъ при нѣсколькихъ библіотекахъ. Нѣкоторыя библіотеки имѣютъ даже совершенно спеціальный характеръ, напр., библіотека Форней (Fornay), библіотека въ улицѣ Ришоммъ, улицѣ Ампера и др. Особенно богата гравюрами и другими произведеніями искусствъ первая изъ нихъ. Въ 1887 г. во всѣхъ библіотекахъ, имѣющихъ эти отдѣлы, было произведено 35.107 выдачъ, среднимъ числомъ 2.925 выдачъ въ мѣсяцъ или 96 въ день. Въ 1888 г. число выдачъ увеличилось на 14.586, и всего достигло — 49.693, въ 1889 г.— 62.668, наконецъ, въ 1890 г. до 77.159. Въ одной библіотекѣ Форней, которую отчетъ называетъ Bibliothèque d'art et d'industrie, было произведено въ 1890 г. 35.541 выдачъ. Пользуются этой библіотекой и другими, подобными ей, главнымъ образомъ, ремесленники, люди ручного труда, которымъ чертежи и рисунки значительно помогаютъ въ ихъ работѣ.

Изъ предыдущаго видно, до какой степени дѣятельность парижскихъ муниципальныхъ библіотекъ широка и разностороння. Отчеты сообщаютъ объ ихъ дѣятельности и значеніи ея еще нѣкоторыя небезинтересныя подробности. Такъ, напр., является вопросъ: при выдачѣ книгъ на домъ безъ залога и всякихъ гарантій много-ли ихъ пропадаетъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ слѣдующія цыфры. Въ 1888 г. во всѣхъ муниципальныхъ библіотекахъ Парижа было утеряно всего 373 тома изъ тѣхъ, которые были взяты на домъ, и 35 похищены изъ читальныхъ залъ. Словомъ, изъ 1.277.436 выданныхъ книгъ пропало всего 408, или 0,03%. Это такой низкій %, что, разумѣется, онъ не можетъ служить лишнимъ доводомъ къ ограниченію пользованія библіотекой. Гораздо больше потерь несутъ библіотеки отъ неаккуратныхъ читателей, которые рвутъ и треплютъ книги довольно безжалостно. Въ 1888 г. было изъято изъ обращенія, за совершенною ветхостью, во всѣхъ библіотекахъ 2.870 томовъ, въ 1887 г. 2.645 томовъ. Но и эти цыфры не покажутся большими, если сравнить ихъ съ тѣмъ, черезъ какое количество рукъ пройдетъ каждая книга ежегодно. Отчеты сравниваютъ двоякаго рода цыфры: число выдачъ книгъ и число жителей Парижа. Если принять численность населенія Парижа по переписи 1886 г. въ 2.344.550 чело-

вѣкъ, то въ 1887 г. на каждую тысячу жителей Парижа приходилось 525 выдачъ, въ 1888 г.—544, въ 1889 г.—543 и наконецъ въ 1890 г.—604. Эти цыфры показываютъ, что книги читаются въ библіотекахъ очень дѣятельно. Въ нѣкоторыхъ округахъ Парижа на 1.000 жителей приходится даже болѣе 1.000 выдачъ. Напр., въ 1890 г. въ XIV округѣ—1.095, въ 1889 г. тамъ-же 1.018 и т. д. Но есть и такіе округа, гдѣ эта цыфра опускается до 363 (XVIII округъ).

Спрашивается теперь, цѣною какихъ-же затратъ достигаются со стороны города тѣ весьма почтенные результаты, которые видны изъ предыдущаго? Затраты эти очень скромны. Въ 1888 г. онѣ достигали до 209.400 франковъ, въ 1890 г. до 225.000 франковъ. Поучительно и распредѣленіе этой суммы. Въ противоположность организаціи русскихъ читаленъ, большая часть этой суммы идетъ на покупку книгъ, переплеты и др. расходы собственно на улучшеніе библіотеки и лишь меньшая часть—на администрацію. Въ 1888 г. эта послѣдняя статья расхода равнялась 92.850 фр., въ 1890 г.—106.800 фр. Среднимъ счетомъ, содержаніе одной библіотеки въ годъ обходилось въ 1888 г. 3.566 фр.; на устройство трехъ новыхъ было затрачено 16.800 фр., т.-е. по 5.600 фр. на каждую. Въ нѣсколько большую сумму обходится библіотека Форней. Въ 1890 г. на нее затрачено 12.705 фр., изъ нихъ 6.080 фр. 90 сант. пошло на покупку книгъ, гравюръ и на переплеты. Вообще говоря, содержаніе каждой читальни обходится городу очень недорого. Дешевое содержаніе администраціи объясняется тѣмъ, что она вербуется среди лицъ, уже получающихъ содержаніе отъ города то въ качествѣ учителей, то въ качествѣ служащихъ въ мэріяхъ и т. д. Въ 1890 г. всѣхъ служащихъ (на 63 библіотеки) было 215, изъ нихъ 62 библіотекаря, съ жалованьемъ 1.000 — 600 франковъ; 79 ихъ помощниковъ (жалованье 500—400 фр.) и наконецъ 74 служителя (appariteurs), которые получаютъ жалованье отъ 300—350 фр. въ годъ.

Сочувствіе населенія къ городскимъ безплатнымъ библіотекамъ имѣетъ возможность проявляться разными способами. Между прочимъ, оно проявляется и въ пожертвованіяхъ книгами. Число пожертвованныхъ книгъ всегда превышаетъ число пропавшихъ и истрепавшихся. Къ сожалѣнію, отчеты ничего не говорятъ—что это за пожертвованныя книги и не дѣлаются-ли эти пожертвованія по поговоркѣ: «на тебѣ, Боже, что намъ негоже».

Въ заключеніе заимствуемъ изъ тѣхъ-же Annuaires нѣкоторыя свѣдѣнія о частныхъ народныхъ библіотекахъ (Bibliothèques populaires libres), получающихъ субсидію отъ города. Такихъ библіотекъ въ 1890 г. было 16. Во всѣхъ нихъ было 87.727 томовъ. Число выдачъ на домъ въ 1889 г. было 196.449, въ 1890 г.—200.849. Кромѣ того, 8.088 были выданы для чтенія на мѣстѣ. Помимо субсидіи отъ города, эти частныя библіотеки пользуются взносами отъ своихъ подписчиковъ (sociétaires). Число этихъ послѣднихъ въ 1890 г. достигало до 6.477 человѣкъ (4.082 мужчинъ и 2.395 женщинъ). Число ихъ въ разныхъ библіотекахъ весьма различно—отъ 558 до 161. На каждаго подписчика было выдано книгъ отъ 6 до 46.

Н. Р.

---

*

Хроника народнаго образованія.

Одною изъ причинъ широкаго распространенія народнаго образованія въ Западной Европѣ является, безспорно, примѣненіе къ этой области частной инициативы. Частная инициатива въ области народнаго образованія на Западѣ давно представляетъ собою крупное явленіе и могучій факторъ, нерѣдко опережавшій въ данной области государство и ведшій его за собою— по вновь проложеннымъ путямъ. И въ настоящее время, когда въ большинствѣ государствъ Западной Европы и правительства, и мѣстныя общественныя учрежденія дѣлаютъ въ интересахъ народнаго образованія чрезвычайно много, частная инициатива продолжаетъ работать въ данной области съ каждымъ годомъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Итакъ, на Западѣ давно оцѣнили значеніе частной инициативы въ области народнаго образованія и смотрятъ на нее, какъ на великую общественную функцію, равноправную съ другими функціями общественнаго организма. Какъ смотрятъ на частную инициативу, приложенную къ дѣлу народнаго образованія, государственные люди Запада, всего лучше видно изъ ихъ публичныхъ заявленій по данному предмету. Вотъ, для примѣра, отрывокъ изъ недавней рѣчи французскаго министра торговли и промышленности, произнесенной имъ при раздачѣ наградъ слушателямъ вечернихъ курсовъ, устроенныхъ однимъ изъ столь многочисленныхъ во Франціи обществъ попеченія о народномъ образованіи — обществомъ «L'union française de la jeneusse». Вотъ что говоритъ французскій министръ: «Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, члены «L'union française de la jeneusse», за *помощь государству въ одной изъ главныхъ его обязанностей*. При настоящемъ состояніи нашего бюджета мы не можемъ выполнить все, что намъ хотѣлось-бы сдѣлать въ этой области. Вы пришли намъ на помощь. Вездѣ возникаютъ свободныя, живыя, самоотверженныя общества, полныя увлеченія, съ хорошими средствами; одни помогаютъ своими знаніями, сердечнымъ отношеніемъ, самоотверженіемъ молодости, другіе — деньгами и личными услугами; *такимъ путемъ до нѣкоторой степени восполняется отсутствіе нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ реформъ. Ваше дѣло — дѣло государственное.* Вы даете безплатно самое полезное образованіе всѣмъ, кто къ вамъ обращается. Вы вступили въ одну изъ плодотворнѣйшихъ областей — область образованія практическаго, профессіональнаго. Вы поняли и оцѣнили эту новую наступающую потребность времени и такимъ путемъ *вы выполняете задачу не конца этого, но начала будущаго вѣка.* Вы правильно поняли потребность новаго общества, потребность тѣхъ, которые должны своими знаніями и трудомъ осуществить прогрессъ».

Къ сожалѣнію, намъ еще слишкомъ далеко до такого просвѣщеннаго воззрѣнія, разсматривающаго дѣятельность частныхъ лицъ въ области народнаго образованія, какъ *дѣло государственное*. Напротивъ, огромнѣйшее большинство нашего общества не только не придаетъ никакого значенія частной инициативѣ въ данной области, но и прямо заявляетъ, что это «не наше дѣло, на то есть начальство». Иные идутъ еще дальше, и еще не такъ давно людей, приглашающихъ нашу интеллигенцію поработать ради просвѣщенія народныхъ массъ, печатно укоряли публицисты самаго передо-

вого характера въ томъ, что эти проповѣдники частной инициативы желаютъ обосновать народное просвѣщенiе на милостыни, на подаянiи. Тѣмъ большее значенiе получаетъ тотъ фактъ, что частная инициатива въ послѣднiе годы находитъ у насъ все болѣе и болѣе примѣненiй въ области народнаго просвѣщенiя, и тѣмъ съ большимъ вниманiемъ слѣдуетъ относиться къ каждому изъ проявленiй этой инициативы и тѣмъ большаго общественнаго уваженiя заслуживаютъ люди, всецѣло отдающiеся такого рода дѣятельности.

Въ нынѣшней хроникѣ мы и удѣлимъ мѣсто нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ объ одномъ изъ такихъ людей, безкорыстно отдающихъ всю свою жизнь на служенiе темной, невѣжественной массѣ. Мы имѣемъ въ виду умершую недавно землевладѣлицу Чернскаго уѣзда, Тульской губернiи, Е. М. Якушкину. Оставшись молодою вдовою и потерявши вслѣдъ затѣмъ единственнаго ребенка, Е. М. сперва впала въ глубокое отчаянiе, изъ котораго, однако, нашла выходъ, сосредоточивши всѣ свои симпатiи, всѣ свои помыслы и всю дѣятельность на окружающемъ ее человѣчествѣ, темномъ и бѣдствующемъ, такъ нуждающемся въ помощи—матерiальной и духовной. И Е. М. принесла этому темному люду помощь того и другого рода. Она слишкомъ 20 лѣтъ неустанно трудилась на пользу своего родного уголка. Въ родовомъ сельцѣ Старухинѣ она устроила ссудосберегательное товарищество, продолжающее дѣятельно функцiонировать и донынѣ. Е. М. оказывала постоянную помощь всѣмъ нуждающимся въ окружающей ее мѣстности и деньгами, и хлѣбомъ, и всѣмъ, что оказывалось нужнымъ. Она приняла на себя по необходимости и обязанность лечить окрестныхъ больныхъ, что и выполняла довольно удачно, благодаря медицинскимъ познанiямъ, прiобрѣтеннымъ ею въ то время, когда она помогала въ деревенской практикѣ своему мужу-врачу. Словомъ, вся жизнь Е. М., все ея время и всѣ ея средства были отданы на оказанiе помощи нуждавшимся. Особенно много поработала она въ два послѣднiе тяжелые голодные года, что, можетъ быть, и сломило ея здоровье и привело ее къ могилѣ. Но главный интересъ для насъ въ данное время представляетъ дѣятельность Е. М. въ области народнаго образованiя. Она основала и содержала на свои средства болѣе 20 лѣтъ Старухинское двухклассное училище, которое являлось, по выраженiю Л. Л. Толстого, автора некролога Е. М. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «душою второй половины ея мужа». Чрезъ это училище прошло цѣлое поколѣнiе окрестнаго крестьянства — и теперь *всѣ окрестные крестьяне грамотны*. Но распространенiемъ одной грамоты Е. М. не довольствовалась. Въ ея училищѣ ученики знакомились и съ исторiей, и съ географiей, и съ начатками естествознанiя. Къ услугамъ окончившихъ курсъ въ училищѣ и желавшихъ продолжать образованiе путемъ чтенiя была библiотека. Наконецъ, въ усадьбѣ Е. М. устраивались частныя чтенiя для взрослыхъ, весьма охотно посѣщавшiяся. Неудивительно, что когда Е. М. умерла, провожать ея тѣло въ могилу явилось все окрестное населенiе—отъ маленькихъ дѣтей до столѣтнихъ стариковъ. И всѣ оплакивали почившую, какъ самаго близкаго человѣка. «Она намъ матерью была», говорили одни изъ собравшихся, «родною сестрой»—подтверждали другiе. Одинъ крестьянинъ сказалъ: «какъ намъ не жалѣть ее, — вѣдь одна тутъ была, можетъ, на тысячу верстъ»,—и этими простыми словами какъ нельзя лучше характеризовалъ всю тяжесть потери, понесенной крестьянствомъ, такъ рѣдко встрѣчающимъ въ своей жизни такихъ радѣтелей о своихъ нуждахъ, какою была покойная Елизавета Мардарьевна Якушкина.

Нельзя, однако, не сказать, что въ настоящее время, къ счастью, только что приведенныя трогательныя слова крестьянина о Якушкиной нельзя понимать буквально, такъ какъ, безъ сомнѣнія, на пространствѣ тысячи верстъ вокругъ сельца Старухина найдется далеко не одно лицо, идущее по слѣдамъ покойной Е. М. Въ настоящее время практическая работа для блага массъ захватила многихъ и многихъ, и видную часть этой работы составляетъ именно дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія. Въ рядахъ лицъ, проявляющихъ частную иниціативу въ дѣлѣ просвѣщенія народа, мы нынѣ встрѣчаемъ людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ фактъ устройства въ Ярославлѣ центральнаго склада народныхъ изданій по иниціативѣ мѣстнаго губернатора. Благодаря участію послѣдняго, дѣло это сразу-же встрѣтило поддержку со стороны многихъ лицъ изъ мѣстнаго общества. Первоначально предполагалось устроить такой складъ при редакціи мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей*; но затѣмъ явилась возможность устроить спеціально приспособленное для склада помѣщеніе, благодаря тому, что городъ отвелъ безплатно мѣсто для склада на Театральной площади, а одинъ изъ мѣстныхъ гражданъ, В. Я. Кузнецовъ, изъявилъ желаніе принять на свой счетъ всѣ расходы по постройкѣ помѣщенія для склада. Складъ учреждается съ цѣлью содѣйствовать распространенію хорошихъ изданій въ народѣ и устройству народныхъ библіотекъ. Книги изъ склада будутъ отпускаться на самыхъ льготныхъ условіяхъ, по самымъ дешевымъ цѣнамъ и въ кредитъ—народнымъ учителямъ и всѣмъ лицамъ, за добросовѣстность которыхъ поручится какое-либо учрежденіе, или лица извѣстныя, при чемъ деньги въ уплату за полученныя книги лица эти могутъ вносить послѣ распродажи книгъ. Складъ вошелъ въ сношенія съ разными лицами и учрежденіями, занимающимися изданіемъ книгъ, и всѣ они изъявили готовность оказать содѣйствіе цѣлямъ склада льготной и дешевой высылкой книгъ. Инспектора народныхъ училищъ губерніи заявили о своей готовности поработать надъ дѣломъ устройства при помощи склада народныхъ библіотекъ. Вообще ярославскій центральный складъ народныхъ изданій, являющійся у насъ первымъ учрежденіемъ въ этомъ родѣ, обѣщаетъ развить очень широкую дѣятельность.

Надо замѣтить, что въ Ярославской губерніи въ послѣдніе годы вообще обращено вниманіе на устройство народныхъ библіотекъ. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія начинаніе рыбинскаго уѣзднаго земства. Послѣднее задалось цѣлью доставить всему грамотному населенію уѣзда возможность пользоваться хорошею книгою, для чего предположено открыть рядъ сельскихъ библіотекъ. Въ 1892 г. открыты первыя четыре сельскія библіотеки при училищахъ Арефинскомъ, Орлово-Чесменскомъ, Троицкомъ и Городецкомъ. Въ нынѣшнемъ 1893 году на очередь къ открытію поставлена народная библіотека при Истоминскомъ училищѣ. Завѣдываніе библіотеками взято на себя безплатно учителями названныхъ училищъ. На содержаніе библіотекъ земство отпускаетъ по 50 р. на библіотеку ежегодно, и такимъ образомъ на 1893 годъ на этотъ предметъ отпущено 250 р.

Вообще народныя библіотеки, еще такъ недавно совершенно неизвѣстныя у насъ, съ каждымъ днемъ все увеличиваются въ числѣ. Постоянно получаются извѣстія объ устройствѣ новыхъ народныхъ библіотекъ, такъ что рано или поздно эти библіотеки сдѣлаются обычнымъ явленіемъ нашей жизни.

Народныя библіотеки устраиваются то земствами, то по инициативѣ частныхъ лицъ, то самими крестьянскими обществами. Такъ, въ с. Балаковѣ, Самарской губерніи, съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора, устраивается общедоступная библіотека при мѣстномъ мужскомъ училищѣ. Библіотека устраивается по инициативѣ вдовы земскаго врача Евгеніевой, ветеринарнаго врача Карнѣева и купца Голованова. Средства на библіотеку собраны при помощи концертовъ. Въ с. Сластухѣ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, мѣстное сельское общество постановило открыть библіотеку. Для этого рѣшено обложить всѣхъ односельчанъ сборомъ по 2 к. съ человѣка. Попечителемъ будущей библіотеки избранъ мѣстный священникъ, библіотекаремъ — врачъ; въ устройствѣ библіотеки дѣятельное участіе принимаетъ мѣстный земскій начальникъ. Вятское уѣздное земское собраніе ассигновало средства на устройство народной библіотеки въ г. Вяткѣ, и остановка теперь только за полученіемъ разрѣшенія. Въ Вольскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по инициативѣ земскаго начальника 4-го участка, г. Дековскаго, въ его участкѣ должны открыться десять сельскихъ библіотекъ. На открытіе двухъ изъ нихъ уже получено оффиціальное разрѣшеніе и заказаны книги въ книжномъ складѣ саратовскаго губернскаго земства.

Открывшіяся уже народныя библіотеки проявляютъ весьма широкую дѣятельность, какъ это видно изъ отчета каждой изъ нихъ. Передъ нами находятся два поучительныхъ въ этомъ отношеніи отчета — попечительства публичной библіотеки при Махровскомъ земскомъ начальномъ училищѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи, и Богородицкой безплатной библіотеки. Библіотека при Махровскомъ училищѣ открыта 2-го февраля 1892 года. За годъ, по 2-е февраля 1893 г., она имѣла 253 подписчика и выдала 2.443 книги. Книгъ въ библіотекѣ болѣе 500, въ числѣ ихъ и русскіе классики: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и др. Требовались книги читателями среднихъ лѣтъ и выше—преимущественно религіознаго содержанія, а молодежью—историческаго, географическаго и беллетристическаго. Отношенія читателей къ библіотекѣ проникнуты самыми горячими симпатіями. Многіе подписчики дѣлятся книгами съ другими, почему-либо неподписавшимися грамотными и читаютъ вслухъ для неграмотныхъ. Средства попечительства были крайне скромны, что лишній разъ доказываетъ, какъ мало нужно собственно матеріальныхъ средствъ для устройства учрежденій, подобныхъ народнымъ библіотекамъ, разъ есть желаніе создать такое учрежденіе. Попечительство Махровской библіотеки получило по 2-е февраля 1893 года всего 302 р. 68 к., изъ которыхъ 30 р. представляютъ взносъ мѣстнаго сельскаго общества, а остальное—пожертвованія. Любопытенъ списокъ расходовъ: на выписку книгъ, географическихъ картъ, глобуса и журналовъ израсходовано 237 р. 53 к., на переплетъ 27 р. 67 к. и на всѣ остальные расходы всего 20 р. 92 к. Такъ дешево стоитъ устроить и содержать народную библіотеку.

Еще любопытнѣе данныя о безплатной библіотекѣ, находящейся въ г. Богородицкѣ, Тульской губерніи, о первыхъ шагахъ которой мы въ свое время сообщали на страницахъ «Русской Школы». Библіотека эта открыта 27 января 1891 года. При открытіи она имѣла всего 180 томовъ; къ 1-му января 1892 г. въ ней было уже 817 т., а къ 1-му января 1893 г.— 1.158 томовъ. При этомъ только 295 томовъ были пріобрѣтены на сред-

ства библіотеки (за 268 р. 93 к.), остальные 863 тома пожертвованы. Средства библіотеки слагались изъ взносовъ, которые обязался дѣлать ежемѣсячно кружокъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, пожертвованій другихъ лицъ и случайныхъ поступленій. Главный изъ этихъ источниковъ—взносы, составившіе за два года 612 р. 96 к.; пожертвованія доставили 239 р. 85 к. и случайныя поступленія 38 р. 90 к., а всего за два года библіотека собрала 891 р. 71 к. Ежемѣсячный приходъ въ среднемъ равнялся 37 р. 15 к. и колебался отъ 13 р. 60 к. до 58 р. 20 к. Израсходовано за два года 889 р. 3 к. Изъ нихъ на устройство и содержаніе библіотеки пошло 404 р. 14 к., на покупку книгъ 268 р. 93 к., на выписку журналовъ—101 р. 16 к. и на переплетъ 114 р. 80 к. Въ среднемъ ежемѣсячный расходъ равнялся 37 р. 4 к. и колебался отъ 12 р. 51 к. до 57 р. 53 к. *Постоянный расходъ равнялся всего 12 р. въ мѣсяцъ*: 7 р. за квартиру и 5 р. жалованья библіотекарю. Не смотря на такія скромныя средства, библіотека имѣла къ 1 января 1892 г. 523 безплатныхъ подписчика, а къ 1 января 1893 г.—709 Послѣдняя цыфра состояла изъ 328 взрослыхъ и 381 малолѣтнихъ; мужчинъ было 431, женщинъ—278. По поводу послѣдней цыфры надо замѣтить, что въ народныхъ библіотекахъ женщины составляютъ вообще несравненно болѣе видный элементъ среди подписчиковъ, нежели въ библіотекахъ, предназначенныхъ для интеллигенціи, что нельзя не признать весьма многозначительнымъ.

Еще любопытнѣе должны быть свѣдѣнія относительно народныхъ библіотекъ, которыя существуютъ уже довольно значительный промежутокъ времени и данныя по которымъ даютъ возможность сравненій по годамъ и вытекающихъ отсюда выводовъ. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь нѣкоторыми свѣдѣніями этого рода относительно безплатной библіотеки одесской коммиссіи народныхъ чтеній. Библіотека эта открыта въ 1885 г. съ 703 экз. книгъ. Къ 1 января 1893 г. она имѣла уже 2.567 книгъ на сумму 930 р. 81 к. При открытіи библіотеки она имѣла всего 58 подписчиковъ; въ слѣдующемъ 1886 г. ихъ было уже 271, а всего за 6 лѣтъ было 2.157 подписчиковъ, взявшихъ 35.622 названія. Любопытно, какъ библіотека пріучаетъ подписчиковъ къ чтенію: въ первый годъ дѣятельности библіотеки читатель ея прочиталъ въ среднемъ всего 5,2 книги, въ слѣдующемъ—уже 10 книгъ, въ 1887 г.—18 книгъ, въ 1888—22 книги и т. д., не смотря на то, что съ теченіемъ времени библіотека пополнялась преимущественно солидными книгами, напр., полными собраніями сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, на прочтеніе которыхъ требуется, конечно, больше времени и внимательности, нежели на прочтеніе дешевыхъ народныхъ изданій, изъ которыхъ главнымъ образомъ библіотека состояла первое время своего существованія.

Эти любопытныя данныя относительно одесской безплатной библіотеки почерпнуты нами изъ брошюры, посвященной «Десятилѣтію народныхъ чтеній въ г. Одессѣ (1882—1892)». Учрежденій подобнаго рода, могущихъ отпраздновать десятилѣтній юбилей, у насъ пока крайне немного. Въ провинціи пока *всего три* учрежденія этого рода пережили десятилѣтній возрастъ—астраханскія, ярославскія и одесскія народныя чтенія. Какъ почтенна дѣятельность этихъ учрежденій, наглядно видно на примѣрѣ одесскихъ народныхъ чтеній. За 10 лѣтъ своего существованія одесская коммиссія устроила

499 чтеній, на которыхъ было 208.568 слушателей, въ среднемъ по 417 слушателей на чтеніи. Въ этомъ числѣ было 59 чтеній по священной исторіи, посѣщенныхъ 28.405 слушателями (по 460 слушателей на чтеніе), 29 чтеній по естествознанію съ 10.113 слушателями (438 слушателей на чтеніе), 99 чтеній по географіи съ 38.860 слушателями (390 слуш. на чтеніе), 137 чтеній по русской исторіи съ 59.796 слушателями (436 слуш. на чтеніе) и 175 чтеній по словесности съ 71.394 слушателями (467 слуш. на чтеніе). Кромѣ устройства собственно народныхъ чтеній, одесская коммиссія занимается еще устройствомъ общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которыхъ, напр., въ 1892 г. было 20 съ 10.147 посѣтителями. Затѣмъ, при коммиссіи дѣйствуетъ съ 1884 г. Кирилло-Меѳодіевскій книжный складъ, имѣющій цѣлью содѣйствовать распространенію хорошихъ народныхъ изданій. Складъ этотъ въ 1884 г. продалъ 1.100 книгъ, а въ 1892 г.—уже 102.147. Всего за время существованія склада имъ продано по 1 января 1893 г.—680.003 книгъ. Кромѣ того, изъ склада отпущено множество книгъ безплатно—для раздачи на народныхъ чтеніяхъ и разнымъ учрежденіямъ въ Одессѣ и внѣ Одессы. Складъ занимается изданіемъ книгъ, которыхъ имъ издано 27.460 экз. Наконецъ, при складѣ имѣется безплатная библіотека, о которой мы только-что говорили выше. Само собою разумѣется, что эта почтенная и разносторонняя дѣятельность одесскихъ народныхъ чтеній потребовала значительныхъ средствъ. И дѣйствительно, за 1882—1892 гг. въ кассу народныхъ чтеній поступило всего 26.512 р., причемъ съ каждымъ годомъ доходы чтеній возрастаютъ, такъ что въ 1892 г. поступленія составили 5.422 р., т.-е. вдвое болѣе средней ежегодной цыфры доходовъ. Изъ общей цыфры доходовъ за 1882—1892 гг. получено отъ лекцій, читанныхъ въ пользу чтеній профессорами университета, 1.934 р., отъ спектаклей—2.187 р., отъ входной (5 к.) платы — 6.378 р., отъ литературныхъ вечеровъ—5.847 р., субсидіи отъ города—4.400 р., пожертвованій—3.003 р. и занято 2.762 р. Израсходовано за 1882—1892 гг.—26.418 р., въ томъ числѣ на наемъ помѣщенія 3.491 р., покупку дома 2.076 р., приспособленіе аудиторіи и пріобрѣтеніе имущества—5.716 р., текущихъ расходовъ по чтеніямъ (освѣщеніе, отопленіе, прислуга, афиши, музыка, пѣніе и проч.)—8.896 р., книжное дѣло (изданіе книгъ, образованіе книжнаго склада, библіотека и даровая раздача книгъ)—4.396 р. и т. д. Въ настоящее время народныя чтенія имѣютъ собственный домъ (цѣною въ 2½ тыс. р.), болѣе тысячи картинъ къ волшебному фонарю (на сумму болѣе 2 тыс. р.), два волшебныхъ фонаря, книгъ въ складѣ на сумму около 5.000 р., книгъ въ безплатной библіотекѣ на сумму около 1.000 р. и т. д.

Одесскія народныя чтенія являются обставленными наиболѣе богато въ матеріальномъ отношеніи среди провинціальныхъ народныхъ чтеній. Средства другихъ провинціальныхъ коммиссій несравненно скромнѣе, а часто средствъ этихъ и совсѣмъ нѣтъ. Примѣромъ народныхъ чтеній, ведущихся при отсутствіи у коммиссіи народныхъ чтеній какихъ-бы то ни было денежныхъ средствъ, могутъ служить народныя чтенія въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Чтенія эти, возникшія въ прошломъ году, въ нынѣшнемъ учебномъ году были возобновлены только 17 января. Помѣщеніемъ для чтеній служитъ бывшая казарма, уступленная городомъ. Городу-же принадлежатъ волшебный фонарь и 90 картинъ къ нему. Затѣмъ часть картинъ полу-

чалась даромъ отъ одесской и тифлисской коммиссій народныхъ чтеній, а часть получалась отъ мѣсныхъ учебныхъ заведеній. Никакихъ расходовъ коммиссія не имѣла, такъ какъ все дѣлалось даромъ. Съ 17 января по 9 мая было устроено 19 чтеній, на которыхъ присутствовало 11.628 посѣтителей, т.-е. по 612 на среднее чтеніе. Какъ велика потребность въ чтеніяхъ, наглядно видно изъ слѣдующихъ данныхъ: на 1-е чтеніе явилось 450 слушателей, на второе 620, а на третье уже 1.058. На этомъ чтеніи, какъ говоритъ отчетъ, «масса слушателей стояла, часть сидѣла на полу предъ картинами. Воздухъ въ комнатѣ былъ настолько спертъ, что лампы въ фонарѣ начали гаснуть; пришлось выставить четыре рамы и отворить окна, прежде чѣмъ начать чтеніе. Поэтому сдѣлано было распоряженіе, чтобы на будущія чтенія не допускать дѣтей моложе 16 лѣтъ, а взрослыхъ допускать не болѣе 650 человѣкъ.

Къ числу городовъ, обзаведшихся народными чтеніями, недавно присоединилась и Самара. Здѣсь чтенія начали устраиваться кружкомъ лицъ (врачей, педагоговъ и др.) всего въ нынѣшнемъ 1893 г. Первое чтеніе было произнесено въ небольшой залѣ городской думы, гдѣ могло помѣститься не болѣе 150 чел.; затѣмъ слѣдующія чтенія дума разрѣшила устраивать въ городскомъ театрѣ, куда на второе чтеніе собралось уже 439 слушателей, на третье чтеніе—664 чел. и на четвертое—614 чел. Въ виду такого успѣха народныхъ чтеній самарская дума постановила выдавать этому учрежденію постоянную субсидію въ размѣрѣ 300 р. годъ.

Къ числу новыхъ проявленій частной иниціативы въ области народнаго образованія нужно отнести еще воскресныя школы въ Черкассахъ, Майкопѣ, Нѣжинѣ, Оренбургѣ и Саратовѣ. Воскресная школа, открытая въ Черкассахъ, Кіевской губерніи, лишній разъ показываетъ. какъ велика повсемѣстно потребность въ учрежденіяхъ подобнаго рода. Открытая въ Черкассахъ въ мартѣ нынѣшняго года школа въ первый-же день привлекла болѣе 150 чел. учащихся обоего пола и всѣхъ возрастовъ, а скоро пришлось отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ помѣщенія. Въ Майкопѣ въ мартѣ открылось сразу четыре воскресныхъ школы—три мужскихъ и одна женская; здѣсь воскресныя школы открыты Оссіевскимъ братствомъ. Въ Оренбургѣ разрѣшеніе на открытіе школы получила преподавательница мѣстнаго земскаго епархіальнаго училища, г-жа Левицкая. Попечительницей школы изъявила свое согласіе быть жена мѣстнаго губернатора. Средства для открытія и веденія школы собраны. Учительницами изъявило желаніе быть достаточное число особъ съ гимназическимъ и институтскимъ образованіемъ. Вообще дѣло обѣщаетъ пойти хорошо. Въ Саратовѣ воскресная школа устраивается мѣстнымъ Обществомъ попеченія о недостаточныхъ учащихся въ городскихъ школахъ. Въ Нѣжинѣ открыть школу задумалъ кружокъ мѣстной интеллигенціи, горячо относящійся къ дѣлу. Имѣются свѣдѣнія о предположеніяхъ открыть воскресныя школы и въ другихъ мѣстностяхъ.

Вообще, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ моемъ распоряженіи, въ настоящее время въ Россіи имѣется уже открытыхъ, работающихъ *частныхъ* воскресныхъ школъ (имѣются въ виду только школы, существующія *въ городахъ*)—97. Число это, конечно, не велико, и до сихъ поръ даже большая часть губернскихъ городовъ не обзавелась воскресными школами. Однако, указанное число *частныхъ* воскресныхъ школъ явится довольно утѣшитель-

нымъ, когда мы обратимъ вниманіе на слѣдующія цыфры: изъ указанныхъ 97 воскресныхъ школъ открыто:

до 1888 года			14 школъ,
въ 1888—1889	учебн.	году	6 »
» 1889—1890	»	»	10 »
» 1890—1891	»	»	20 »
» 1891—1892	»	»	21 »
» 1892—1893	»	»	26 »

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что до 1888 г. число *частныхъ* воскресныхъ школъ было совершенно ничтожно; съ осени 1888 г. число школъ начинаетъ возрастать, и это возрастаніе прогрессивно увеличивается изъ года въ годъ. Такимъ образомъ, $^6/_7$ существующихъ частныхъ воскресныхъ школъ открыто послѣ 1888 г. Кромѣ того, уже подготовлено открытіе болѣе десятка воскресныхъ школъ съ началомъ будущаго учебнаго года.

Всѣ существующія частныя воскресныя школы сосредоточены въ 62 пунктахъ—именно въ 34 губернскихъ городахъ, въ 27 уѣздныхъ и въ 1 заштатномъ. Въ большинствѣ пунктовъ имѣется по одной воскресной школѣ, но во многихъ и по нѣсколько (до 8). Изъ 97 школъ всего больше—50—женскихъ; затѣмъ слѣдуютъ мужскія—42 и, наконецъ, смѣшанныя—4; объ одной школѣ въ этомъ отношеніи не имѣется свѣдѣній. Число учащихся по отдѣльнымъ воскреснымъ школамъ колеблется весьма значительно: есть школы, чрезъ которыя въ теченіе года не проходитъ и по сотнѣ учащихся (такихъ школъ, впрочемъ, совершенно ничтожное число), а есть и такія, черезъ которыя проходитъ болѣе 500 учащихся въ годъ. Можно принять среднее число учащихся въ воскресныхъ школахъ въ 200—250 чел. на школу. Такимъ образомъ, чрезъ существующія нынѣ частныя воскресныя школы проходитъ не меньше 20.000 учащихся въ годъ — цыфра, во всякомъ случаѣ, почтенная. Что касается числа учащихъ, то и въ этомъ отношеніи существующія воскресныя школы представляютъ значительное разнообразіе: есть школы, въ которыхъ работаютъ всего нѣсколько учащихъ, и затѣмъ число учащихъ все поднимается и доходитъ въ одной школѣ (частной харьковской воскресной школѣ) до 85. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно, не рискуя впасть въ преувеличеніе, принять число учащихъ во всѣхъ частныхъ воскресныхъ школахъ около 2.000 чел.

Таковы итоги проявленій частной иниціативы въ одной изъ отраслей дѣла народнаго образованія.

Я. Абрамовъ.

Свѣдѣнія о Сарапульской частной мужской воскресной школѣ.

(Съ 16-го декабря 1890 года по 3-е января 1893 года).

Школа существуетъ съ 16-го декабря 1890 года. Ко дню открытія она имѣла 18 *учащихъ* и 23 *учащихся*, но въ первое-же учебное воскресенье число послѣднихъ возрасло до 86-ти. Въ настоящее время учащихъ въ ней 20, а учащихся 202.

Преподавателями школы состоятъ почти исключительно учителя и учи-

тельницы народныхъ школъ, женской гимназіи, реальнаго, духовнаго и уѣзднаго училищъ. Что касается состава учащихся, то громадное большинство ихъ — мѣстные мѣщане - чеботари, въ возрастѣ отъ 10-ти до 40 лѣтъ. Сапожное ремесло—мѣстный кустарный промыселъ. Вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія, здѣшніе ремесленники нерѣдко бываютъ вынуждены заставлять своихъ дѣтей работать съ 7—8-ми-лѣтняго возраста, чѣмъ лишаютъ ихъ возможности учиться въ школѣ въ будніе дни. Но такія дѣти охотно идутъ въ воскресную школу, гдѣ, вмѣстѣ съ подростками, они составляютъ нѣсколько больше одной трети всего числа учениковъ; другую треть составляютъ ученики въ возрастѣ отъ 16 до 20-ти лѣтъ и, наконецъ, остальная часть состоитъ изъ учениковъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ. Каждое воскресенье школу посѣщаетъ, среднимъ числомъ, около 100 учениковъ. Степень подготовки поступающихъ въ школу весьма различна: есть совершенно неграмотные, есть учившіеся въ начальныхъ училищахъ, но не окончившіе тамъ курса; есть и окончившіе курсъ, но успѣвшіе уже забыть пріобрѣтенныя знанія; есть, наконецъ, и такіе, которые научились читать и писать, какъ они говорятъ, «самоукомъ». Пріемъ учащихся производится два раза въ годъ: въ началѣ учебнаго года и въ теченіе января мѣсяца.

По своей программѣ Сарапульская мужская воскресная школа относится къ одноклассным начальнымъ училищамъ и имѣетъ 3 отдѣленія. Въ І-е отд. принимаются совсѣмъ неграмотные и малограмотные; во ІІ-е—читающіе и пишущіе плохо; въ ІІІ-е—читающіе и пишущіе бойко. Каждое отдѣленіе подраздѣляется еще на нѣсколько группъ (отъ 3-хъ до 5-ти) по каждому предмету, т.-е., въ каждомъ отдѣленіи есть нѣсколько группъ по чтенію, нѣсколько группъ по письму и нѣсколько группъ по ариѳметикѣ, такъ что ученики, обучающіеся въ одной группѣ по какому-либо предмету, по другимъ предметамъ весьма часто находятся въ разныхъ группахъ. По Закону Божію ученики раздѣляются на три группы: неграмотные составляютъ одну, а грамотные раздѣляются на двѣ: группу взрослыхъ и группу малолѣтнихъ.

Преподаваніе въ школѣ распредѣлено между учителями по предметамъ, а не по группамъ, т.-е. учитель занимается не всѣми предметами въ одной какой-либо группѣ, а однимъ или нѣсколькими предметами въ одной или нѣсколькихъ группахъ. Занятія начинаются съ 12-ти часовъ и оканчиваются въ 3½ часа. Уроки Закона Божія и ариѳметики продолжаются 45 минутъ, а урокъ чтенія — часъ, такъ какъ въ это-же время производится учителями (каждымъ въ своей группѣ) выдача книгъ для чтенія на дому, для чего при школѣ имѣется небольшая библіотека. Книги берутся и читаются учениками съ большою охотою; но, къ сожалѣнію, школа имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь ограниченное количество книгъ, притомъ, большею частью, народныхъ изданій, а потому не вполнѣ удовлетворяетъ учениковъ, которые часто выражаютъ желаніе ознакомиться съ крупными произведеніями русскихъ авторовъ и даже съ полными собраніями ихъ сочиненій.

Относительно того, чему научила школа своихъ учениковъ за истекшіе два года ея существованія, можно сказать слѣдующее. Около 85 человѣкъ, совершенно безграмотныхъ, научились первоначальному чтенію и письму; нѣкоторые изъ нихъ оставили школу, какъ только прошли азбуку; другіе-же (около 45%) остались продолжать ученье. О результатахъ занятій съ грамотными учениками трудно представить какія-либо точныя данныя, можно сказать только— къ чему стремится школа.

По Закону Божію—она старается познакомить своихъ учениковъ съ правилами вѣры и нравственности христіанской, объясняетъ имъ значеніе молитвъ, праздниковъ и богослуженія, знакомитъ ихъ съ священной исторіей и ведетъ съ ними чтеніе Евангелія *); *по русскому языку* — школа имѣетъ задачею научить сознательно относиться къ прочитанному и возбудить въ ученикахъ любовь къ полезному чтенію, а также — научить ихъ болѣе или менѣе толково и грамотно излагать письменно свои мысли; *по ариѳметикѣ*—познакомить съ ариѳметическими дѣйствіями и практическимъ ихъ примѣненіемъ.

Занятія ведутся, какъ уже было сказано, въ размѣрѣ курса начальныхъ училищъ и по учебникамъ, принятымъ въ этихъ училищахъ. Большое затрудненіе испытывается въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ еще книги для класснаго чтенія, приспособленной спеціально для воскресныхъ школъ. Такая книга должна существенно отличаться отъ книгъ, принятыхъ въ обыкновенныхъ начальныхъ школахъ, потому что тѣ статьи, которыя являются вполнѣ пригодными для дѣтей, совершенно не удовлетворяютъ взрослыхъ, хотя-бы и малограмотныхъ, которыхъ въ воскресной школѣ значительное большинство.

Съ конца прошлаго учебнаго года, по просьбѣ нѣкоторыхъ учениковъ, при школѣ открыты для желающихъ вечерніе классы хорового пѣнія. Они бываютъ одинъ или два раза въ недѣлю и ихъ посѣщаютъ человѣкъ около 30-ти. Въ нынѣшнемъ учебномъ году, при началѣ занятій, на молебнѣ пѣлъ уже хоръ учениковъ воскресной школы.

Нельзя не упомянуть еще о школьныхъ праздникахъ, которые устраиваются разъ или два въ годъ и на которые слѣдуетъ смотрѣть такъ-же, какъ на одно изъ воспитательныхъ и образовательныхъ средствъ школы. Эти праздники можно назвать литературными вечерами съ хоровымъ пѣніемъ и туманными картинами. Главное мѣсто тутъ отведено чтенію образцовъ изящной литературы, чѣмъ имѣется въ виду, помимо удовольствія, содѣйствовать развитію литературнаго вкуса и искусства выразительнаго чтенія.

Всѣ учителя и учительницы школы несутъ трудъ преподаванія безвозмездно, большинство изъ нихъ принимаетъ участіе даже въ расходахъ по содержанію школы. Благодаря любезности г. инспектора народныхъ училищъ, школа пользуется безплатно помѣщеніемъ трехъ городскихъ начальныхъ училищъ и нѣсколькими десятками книгъ для класснаго чтенія, даваемыми ей тѣми-же училищами во временное пользованіе. Такимъ образомъ, школа избавлена отъ весьма значительныхъ расходовъ. Въ остальномъ она содержится на средства учредительницы и добровольныя пожертвованія учителей и учительницъ, а отчасти и постороннихъ лицъ.

Въ теченіе 2-хъ лѣтъ израсходовано:

На жалованье сторожамъ	93 р.	35 к.
Печатаніе классныхъ журналовъ, печатаніе и разноска объявленій и пр.	24 »	75 »
Бумага, перья, карандаши и чернила	25 »	— »
Книги и учебныя пособія	199 »	70 »
Итого . .	342 р.	80 к.

*) Евангеліе читается на церковно-славянскомъ языкѣ.

Этотъ расходъ покрытъ слѣдующими доходами:

С.-Петербургскій Комитетъ грамотности пожертвовалъ книгъ для внѣкласснаго чтенія на	50 р. — к.
Сарапульское городское общество пожертвовало учебниковъ на	12 » 75 »
Редакція журнала «Русская Мысль» прислала книгъ для внѣкласснаго чтенія на	10 » — »
Редакція журнала «Дѣтское Чтеніе» выслала безплатно въ 1892 г. свой журналъ	6 » — »
Редакція журнала «Читальня Народной Школы» также высылала безплатно 1 экз. своего изданія	3 » — »
Частными лицами пожертвовано: деньгами, книгами, учебными пособіями и принадлежностями	80 » 7 »
Учредительницею, учителями и учительницами пожертвовано деньгами, книгами, учебными пособіями и принадлежностями	180 » 98 »
Итого	342 р. 80 к.

Въ настоящее время имущество школы можетъ быть оцѣнено въ 196 р. 20 к., а именно:

Учебныхъ пособій на	31 р. 50 к.
Книгъ въ фундаментальной библіотекѣ (24 названія)	32 » 50 »
Книгъ въ ученической библіотекѣ (262 названія)	109 » 14 »
Учебниковъ (7 названій)	23 » 6 »
Итого	196 р. 20 к.

Въ заключеніе прилагаю слѣдующую таблицу:

	Съ 16 декабря 1890 г. по 12 мая 1891 г.	1891—92 уч. г. съ 1 сентября 1891 г. по 26 апр. 1892 г.	1-е полугодіе 1892—93 уч. г. съ 20 сент. по 13 дек. 1893 г.
Число учащ. въ началѣ полугодія или года	205	206 *)	202 ***)
» » въ концѣ » » »	109	121	
Среднее число учениковъ въ каждое учебное воскресенье	100	106 **)	102
Средній возрастъ учащихся	20 лѣтъ	19 лѣтъ	18 лѣтъ
Распредѣленіе учащихся въ %. *По сословіямъ:* крестьянъ	38%	33%	27,5%
мѣщанъ	61%	67%	72%
воинскихъ чиновъ	1%	—	0,5%
По возрасту: до 12 лѣтъ	3%	6%	4%
отъ 12 до 16 лѣтъ	29%	32%	34%
» 16 » 20 »	28%	33%	32%
» 20 » 40 »	40%	29%	30%
По степени подготовки: безграмотн.	43%	16%	10%
грамотные и полуграм.	57%	84%	90%

*) Въ началѣ 1-го полугодія было 206; въ концѣ—103. Въ началѣ 2-го полугодія было 164; въ концѣ—121.

**) Въ первомъ полугодіи—119; во второмъ 94; въ средн. за весь годъ—106.

***) Число это опредѣляется по окончаніи пріема въ январѣ мѣсяцѣ, а потому въ настоящее время съ точностью еще неизвѣстно.

Распредѣленіе учащихся въ %				
По семейному полож.:	холостыхъ	73%	82%	81%
	женатыхъ	27%	18%	19%
По вѣроисповѣд.:	православныхъ	95%	97%	95,5%
	старообрядцевъ	5%	3%	4%
	магометанъ	—	—	0,5%
По роду занятій:	сапожниковъ	87%	87%	87%
	другихъ занятій	13%	13%	13%

Учредительница школы *Варвара Ломанъ*.

Учительскій съѣздъ въ г. Гельсингфорсѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, отъ 7 до 10 числа, въ Гельсингфорсѣ имѣетъ быть съѣздъ учителей, на которомъ будутъ обсуждаться слѣдующіе вопросы:

1. Можетъ-ли народная школа, сохраняя свою самостоятельную цѣль, служить вмѣстѣ съ тѣмъ и приготовительной школой для лицеевъ *), или-же для этого должны имѣться особыя приготовительныя школы?

2. Желательно-ли предоставленіе большей, чѣмъ нынѣ, свободы выбора между различными предметами преподаванія въ нашихъ, т.-е. финляндскихъ, среднеучебныхъ заведеніяхъ?

3. Насколько практика до сихъ поръ выяснила пригодность существующихъ учебныхъ плановъ реальныхъ лицеевъ какъ по отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, такъ и относительно общихъ результатовъ преподаванія?

4. Насколько цѣлесообразна оказалась на практикѣ существующая нынѣ организація женскихъ среднеучебныхъ заведеній?

5. Какія мѣры могутъ быть приняты для пріобрѣтенія достовѣрныхъ и, насколько возможно, подробныхъ свѣдѣній относительно состоянія здоровья учащихся?

6. Какимъ путемъ можетъ быть достигнуто большее единство въ преподаваніи по различнымъ предметамъ?

7. Достаточно-ли школа въ Финляндіи печется о нравственномъ воспитаніи и развитіи характера учащихся и что можетъ быть еще сдѣлано въ этомъ направленіи?

8. Достигаетъ-ли своей цѣли оставленіе учениковъ послѣ уроковъ, и какія могутъ быть сдѣланы заявленія относительно прочихъ, предписываемыхъ школьнымъ уставомъ, родовъ наказанія и примѣненія ихъ на практикѣ?

9. Признаются-ли каникулярныя работы вообще желательными, и если да, то какимъ образомъ должны онѣ быть организованы?

10. Можетъ-ли школа въ Финляндіи въ настоящее время разсчитывать на содѣйствіе со стороны семьи, и если нѣтъ, то какимъ средствомъ можетъ быть такое содѣйствіе достигнуто?

11. Желательны-ли какія-либо измѣненія въ порядкѣ производства экзаменовъ при среднеучебныхъ заведеніяхъ, и выполняютъ-ли существующіе нынѣ годовые экзамены свое назначеніе?

---

*) Въ Финляндіи *лицеи* соотвѣтствуютъ нашимъ *гимназіямъ*.

13. Хорошо-ли вообще поставлено въ Финляндіи въ настоящее время практическое подготовленіе будущихъ учителей и не подаютъ-ли пробные уроки въ частности повода къ какимъ-либо заявленіямъ?

16. Какія данныя имѣются относительно полезности существующихъ положеній о платѣ за ученіе и о стипендіатахъ?

18. Какія указанія могутъ быть сдѣланы по поводу § 94 школьнаго устава о составѣ педагогическихъ Совѣтовъ?

20. Какія могутъ быть высказаны пожеланія относительно метода преподаванія древнихъ языковъ, и какимъ образомъ можетъ быть приданъ большій объемъ чтенію авторовъ?

21. Необходимо-ли принять какія-нибудь мѣры въ видахъ большей полезности преподаванія родного языка *) въ среднеучебныхъ заведеніяхъ?

22. Достаточны-ли требованія на званіе учителя иностранныхъ языковъ, и если нѣтъ, то какія слѣдовало-бы сдѣлать измѣненія въ существующихъ нынѣ правилахъ?

24. Какія еще могутъ быть заявлены пожеланія относительно преподаванія иностранныхъ языковъ: а) въ реальныхъ лицеяхъ, б) въ классическихъ лицеяхъ, в) въ женскихъ училищахъ?

25. Какой дидактическій способъ преподаванія исторіи былъ-бы наиболѣе цѣлесообразнымъ?

27. Какія имѣются пожеланія относительно курса математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ разныхъ родовъ?

28. Въ достаточной-ли мѣрѣ существующіе способы преподаванія естественныхъ наукъ содѣйствуютъ ознакомленію учащихся съ родиною, и если нѣтъ, то что можетъ быть въ этомъ направленіи сдѣлано?

29. Какія имѣются пожеланія относительно преподаванія: а) рисованія, б) пѣнія, в) гимнастики?

30. Какія могутъ быть сдѣланы заявленія относительно организаціи учительскихъ съѣздовъ?

Обсудить болѣе или менѣе обстоятельно такую массу вопросовъ, столь важныхъ и интересныхъ, впродолженіи 3—4 дней едва-ли возможно. Но, вѣроятно, устроителями съѣзда приняты для сего надлежащія подготовительныя мѣры, а многіе вопросы, можетъ быть, назрѣли уже настолько, что сдѣлать относительно ихъ тѣ или другія постановленія не будетъ затруднительно даже въ такой короткій срокъ. **П. Леонтьевъ.**

Естественно-историческая экскурсія на Воробьевы горы.

Въ четвергъ, 6 мая, состоялась естественно-историческая экскурсія, устроенная естественно-историческою коммиссіею учебнаго отдѣла Московскаго Общества распространенія техн. знаній. Цѣлью экскурсіи было—наглядно ознакомить учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается естественная исторія, съ имѣющими встрѣтиться во время экскурсіи естественно-историческими предметами при условіяхъ ихъ естественнаго

*) Т.-е. финскаго или шведскаго.

мѣстообитанія и нахожденія. Общая организація экскурсіи, для которой выбраны Воробьевы горы, какъ ближайшая къ городу окрестность, представляющая обильный матеріалъ по зоологіи, ботаникѣ и геологіи, была составлена предсѣдателемъ коммиссіи М. П. Вараввою; руководительство-же во время экскурсіи выразили согласіе принять на себя гг. члены коммиссіи: Г. А. Кожевниковъ—по зоологіи, В. В. Сапожниковъ—по ботаникѣ и В. Д. Соколовъ — по геологіи и минералогіи. Чтобы по возможности обезпечить успѣхъ экскурсіи и придать ей серьезный учебно-педагогическій характеръ, предварительно былъ выработанъ коммиссіей общій планъ экскурсіи, съ точными и опредѣленными указаніями, устранявшими по возможности всякую случайность, могущую нарушить правильный ходъ экскурсіи, какъ-то: надзоръ за учениками, время отдыха, порядокъ въ ходѣ демонстрацій и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ, еще за нѣсколько дней до экскурсіи, руководители посѣтили Воробьевы горы, чтобы предварительно намѣтить лучшія для демонстрацій мѣста и посмотрѣть, что уже можно было найти для объясненій по зоологіи и ботаникѣ, такъ какъ вслѣдствіе холодной весны нельзя было разсчитывать на многое. На основаніи этого предварительнаго осмотра, руководители, каждый по своему отдѣлу, намѣтили планъ того, на что и въ какомъ отношеніи будетъ преимущественно обращено вниманіе учениковъ. Въ назначенный день, 6-го мая, всѣ участники экскурсіи, въ числѣ до 40 человѣкъ, собрались къ 12 часамъ на Воробьевы горы, причемъ большая часть явилась съ требуемыми для экскурсіи принадлежностями и инструментами: ботаническими капсулями, жестяными ведерками для животныхъ, лопатками и пр. Кромѣ предсѣдателя, руководителей и нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, также учителей городскихъ училищъ и нѣскольких учительницъ, участниками экскурсіи состояли главнымъ образомъ воспитанники Учительскаго Института, Александровскаго коммерческаго училища и ученики Петропавловскаго училища. Всѣ учащіеся прибыли со своими преподавателями и во все время экскурсіи находились подъ ихъ наблюденіемъ. Экскурсія началась съ верхней рощи, гдѣ были изслѣдованы въ зоологическомъ отношеніи два пруда. Изслѣдованіе это дало обильный матеріалъ для ознакомленія съ нѣкоторыми видами водныхъ насѣкомыхъ, пауковъ, ракообразныхъ червей и моллюсковъ, причемъ, кромѣ объясненій формы, образа жизни и біологическихъ особенностей найденныхъ животныхъ, учащіеся познакомились и съ способомъ употребленія сачка. Затѣмъ всѣ отправились къ одному изъ возвышенныхъ пунктовъ, съ котораго открывалась панорама на Москву. Здѣсь руководитель по геологіи и минералогіи изложилъ исторію геологическаго образованія той мѣстности, на которой стоитъ Москва, начиная отъ древнѣйшихъ формацій и до настоящей, причемъ обратилъ особое вниманіе на ледниковый періодъ, а также и на измѣненіе русла Москвырѣки. По окончаніи этой демонстраціи былъ сдѣланъ перерывъ для отдыха, причемъ въ одной изъ незанятыхъ дачъ былъ приготовленъ для участниковъ экскурсіи чай. Послѣ чая продолжалась геологическая экскурсія, съ каковою цѣлью всѣ спустились съ верхней террасы въ одинъ изъ обнаженныхъ овраговъ, идущій сверху горы вплоть до рѣки. Здѣсь руководитель объяснилъ постепенное слоевое образованіе Воробьевыхъ горъ, указалъ на различіе слоевъ, на формаціи, входящія въ ихъ составъ, и на найденные въ оврагѣ минералы и ихъ происхожденіе (гранитъ, кремни, желѣзнякъ и проч.). По всесторон-

немъ изученіи всего, чѣмъ только можно было воспользоваться для нагляднаго ознакомленія съ геологическимъ строеніемъ Воробьевыхъ горъ, руководитель по ботаникѣ направилъ участниковъ экскурсіи въ одинъ изъ нижнихъ овраговъ, который оказался настолько обильно покрытъ растительностью, что въ немъ одномъ нашлось до 15 цвѣтущихъ видовъ. Ознакомивши съ способомъ собиранія растеній, руководитель о каждомъ изъ найденныхъ видовъ дѣлалъ соотвѣтствующія поясненія, причемъ особенное вниманіе обращалось на біологическія особенности. Помимо этихъ частныхъ остановокъ для спеціальнаго объясненія по тому или другому отдѣлу, руководители попутно обращали вниманіе на встрѣчающіеся предметы и дѣлали требуемыя объясненія. Насколько учащіеся были заинтересованы всѣмъ, что имъ объяснялось и показывалось во время экскурсіи, видно уже изъ того, что, несмотря на дождь, принимавшійся нѣсколько разъ идти во время объясненій, никто не отходилъ отъ руководителя, боясь проронить что-либо интересное и поучительное для себя, причемъ большая часть записывали тутъ-же сообщаемыя имъ свѣдѣнія, чтобы изъ нихъ составить впослѣдствіи отчетъ объ экскурсіи. Экскурсія была окончена около шести часовъ вечера, когда всѣ участники, поблагодаривъ организатора и руководителей экскурсіи, стали разъѣзжаться, причемъ каждый изъ учащихся взялъ съ собою тѣ изъ собранныхъ предметовъ, которые могутъ служить ему матеріаломъ для домашнихъ занятій.

Описанная нами экскурсія, кромѣ своего учебно-воспитательнаго значенія, которое она, безъ сомнѣнія, оказала на учащихся, поучительна еще и въ томъ отношеніи, что можетъ служить образцомъ для послѣдующихъ экскурсій въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается естественная исторія. Экскурсіи учителя съ учениками, всегда столь желательныя при изученіи естественной исторіи, о которыхъ такъ много и пишутъ, и говорятъ, все-таки осуществляются очень рѣдко и еще рѣже достигаютъ своей цѣли. Причиною этого не недостатокъ времени или близкихъ окрестностей, пригодныхъ для цѣлей экскурсій, но скорѣе недостатокъ указаній на то, какъ организовать экскурсію съ наибольшею пользою для учащихся. Успѣхъ экскурсіи, разумѣется, много зависитъ отъ личности учителя, отъ состава участниковъ и отъ условій мѣстности, въ которой производится экскурсія: что-же касается общихъ положеній, примѣнимыхъ къ каждой учебно-педагогической экскурсіи, то экскурсія 6-го мая можетъ дать въ этомъ случаѣ нѣкоторыя весьма полезныя указанія какъ относительно организаціи, такъ и выполненія экскурсіи, а именно: 1) коммиссія, устраивая экскурсію, смотрѣла на нее не какъ на пріятную только прогулку учащихся, а, главнымъ образомъ, какъ на дѣло серьезное, имѣющее цѣлью содѣйствовать разумному, наглядному и ясному ихъ ознакомленію съ природой; 2) до экскурсіи былъ составленъ подробный и обдуманный планъ, отъ котораго никто не допускалъ себѣ ни малѣйшаго отступленія; 3) руководителями экскурсіи пожелали быть лица, которыя, съ одной стороны, какъ спеціально изучившія свой предметъ и стоящія на высотѣ современной науки, съ другой—какъ состоящіе учителями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, всесторонне знакомы съ учебно-педагогическими требованіями. Къ частнымъ условіямъ, благопріятствовавшимъ экскурсіи, относятся — предварительный выборъ руководителями тѣхъ пунктовъ, которые по своему матеріалу выгоднѣе

всего для экскурсіи; участіе въ экскурсіи только тѣхъ учениковъ, которые дѣйствительно интересуются естественными науками, а не цѣлаго заведенія или всего класса, что нарушило-бы серьезность дѣла и помѣшало-бы его успѣху; точно опредѣленное время отдыха и обязательное составленіе учениками отчета о сдѣланной экскурсіи.

Имѣя полное право считать естественно-историческую экскурсію 6-го мая вполнѣ удавшеюся, какъ по своей организаціи, такъ и по своимъ результатамъ, позволяемъ себѣ надѣяться, что и на будущее время коммиссія не оставитъ этого важнаго въ учебно-педагогическомъ отношеніи дѣла и устройствомъ новыхъ экскурсій окажетъ существенное содѣйствіе къ возбужденію въ учащихся какъ любви къ природѣ, такъ и стремленія къ разумному ея изученію. **Одинъ изъ участвовавшихъ въ экскурсіи.**

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданія 6 и 27 апрѣля.

Въ первомъ изъ означенныхъ засѣданій обсуждался планъ изданія «Ежегодника» въ 1893 году и предложеніе члена Комитета Д. И. Шаховского объ ассигнованіи Комитетомъ суммы для устройства образцовой сельской читальни; кромѣ того, членомъ Комитета г. Якушкинымъ былъ прочитанъ докладъ по вопросу о продовольствіи учениковъ сельскихъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая и въ нынѣшнемъ году.

Московскій Комитетъ грамотности въ началѣнастоящаго года выпустилъ, подъ именемъ «Ежегодника», первый опытъ обзора народной литературы за 1891 годъ. Вслѣдъ за выходомъ этого изданія Д. И. Шаховской внесъ въ Комитетъ заявленіе, въ которомъ, разбирая подробно изданный «Ежегодникъ», указывалъ на многіе существенно-важные недостатки этого изданія и, согласно этимъ указаніямъ, предлагалъ ввести нѣкоторыя измѣненія при слѣдующихъ выпускахъ «Ежегодника». Заявленіе г. Шаховского, прочитанное имъ въ засѣданіи 16 марта, побудило библіотечную коммиссію, занимающуюся составленіемъ «Ежегодника», выработать и представить на обсужденіе Комитета планъ послѣдующихъ выпусковъ этого изданія. Вотъ болѣе существенныя положенія этого плана, принятыя Комитетомъ въ засѣданіи 6 апрѣля. Въ «Ежегодникѣ» за 1892 годъ будутъ разсматриваться книги, изданныя главнымъ образомъ для народнаго чтенія; пересмотръ-же всей вообще литературы за этотъ годъ, съ цѣлью выбрать изъ нея все, пригодное для народнаго чтенія, не входитъ въ задачи «Ежегодника», но коммиссія оставляетъ за собою право дѣлать тѣ или другія указанія и на общую литературу, когда это по какимъ-либо соображеніямъ ей покажется нужнымъ. Характеръ работы остается прежній—коллективный, при чемъ въ «Ежегодникѣ» будутъ перечислены лица, составляющія библіотечную коммиссію, съ указаніемъ, кто именно изъ нихъ участвовалъ въ «Ежегодникѣ». Характеръ самыхъ рецензій остается тотъ-же, т.-е. въ краткой и сжатой формѣ будутъ указаны характерныя особенности каждой книжки; при этомъ, гдѣ окажется возможнымъ и нужнымъ, будутъ дѣлаться ссылки на однородныя изданія.

При нѣкоторыхъ лубочныхъ книжкахъ будутъ дѣлаться библіографическія или другія поясненія, характеризующія этого рода изданія. О книгахъ, о которыхъ уже были даны отзывы въ «Ежегодникѣ» 1891 года и которыя изданы вновь безъ измѣненій въ 1892 году, въ «Ежегодникѣ» будутъ указаны предыдущія рецензіи. Нормальнымъ читателемъ изъ народа будетъ считаться тотъ, кто имѣетъ кругъ знаній, доступныхъ прошедшему курсъ начальной школы; уклоненія отъ этой нормы въ ту или другую сторону будутъ указываемы. Дѣтскія книги должны быть отмѣчены. Кромѣ того, въ предисловіи будетъ разъясненъ дѣйствительный характеръ «Ежегодника», а также и взглядъ составителей на читателя; затѣмъ, книги будутъ подсчитаны по группамъ и указаны нѣкоторыя перемѣны, происшедшія на книжномъ рынкѣ; наконецъ, въ «Ежегодникѣ» будутъ даны 2 алфавитныхъ указателя: одинъ—авторовъ, другой—заглавій книгъ, и помѣщенъ перечень книгъ, одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за соотвѣтствующій «Ежегоднику» годъ.

Послѣ этого собраніе приступило къ обсужденію предложенія г. Шаховского, который полагалъ, что сумму въ 487 руб., оставшуюся отъ сбора съ публичныхъ лекцій и неизрасходованную на посылку школьныхъ библіотекъ, слѣдовало-бы ассигновать на устройство сельскихъ публичныхъ библіотекъ и читаленъ по положенію объ нихъ отъ 15 мая 1890 года. При этомъ товарищемъ предсѣдателя В. П. Вахтеровымъ было высказано пожеланіе, чтобы была устроена хотя бы одна сельская публичная библіотека - читальня при непосредственномъ участіи самого Комитета. Недостаточно только помогать устраивающимся библіотекамъ, какъ это предлагаютъ нѣкоторые изъ членовъ. Библіотека, устроенная при ближайшемъ участіи Комитета, могла-бы служить опытной станціей для наблюденія за читаемостью; кромѣ того, она важна, какъ образецъ для устройства подобныхъ библіотекъ въ другихъ мѣстностяхъ. Послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ принимали участіе гг. Грузинскій, Смирновъ, Шаховской, Гольцевъ, Вернадскій и Милюковъ, предложеніе г. Шаховского было принято.

Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ г. Якушкина. Докладчикъ, пользуясь сообщеніями лицъ, проживающихъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ и въ нынѣшнемъ году, нарисовалъ потрясающую картину бѣдствій, которыя приходится переживать крестьянамъ Воронежской, нѣкоторыхъ уѣздовъ Тульской, Орловской и другихъ губерній. Обративъ вниманіе присутствующихъ на то значеніе, которое имѣютъ школьныя столовыя въ такихъ мѣстностяхъ, докладчикъ призывалъ членовъ Комитета употребить всѣ усилія для сбора пожертвованій на это дѣло. По условіямъ нынѣшняго года, прокормленіе каждаго ученика можетъ обойтись лишь 50 коп. въ мѣсяцъ, такъ что каждый рубль, каждый полтинникъ принесетъ пользу, облегчитъ бѣдствіе: пожертвовать 50 коп.—это значитъ прокормить голоднаго ребенка въ теченіе мѣсяца. Денежныя дѣла продовольственной коммиссіи Комитета находятся въ слѣдующемъ положеніи: съ января 1893 года на устройство столовыхъ имѣлось всего 2.049 руб. 82 коп., изъ нихъ уже израсходовано 1.620 руб. 87 коп., остается всего 428 руб. 95 коп.; между тѣмъ, чтобы поддержать до новаго урожая тѣ немногія столовыя, которыя устроены въ Тульской, Орловской и Воронежской губерніяхъ (всего 20), надо болѣе 2.000 руб. Въ коммиссію поступаютъ все новыя и новыя требованія, и она

не считаетъ возможнымъ отвѣчать отказомъ на нихъ—въ виду крайней настоятельности нужды, хотя наличныхъ ея средствъ едва хватитъ только на апрѣль.

Принципіальное обсужденіе вопроса объ устройствѣ сельскихъ читаленъ по положенію 15 мая 1890 года, которое началось въ Комитетѣ въ засѣданіи 16 марта и продолжалось 6 апрѣля, перешло, наконецъ, на реальную почву въ засѣданіи 27 апрѣля. Въ этомъ засѣданіи г. Шаховской предложилъ Комитету устроить безплатную народную читальню въ селѣ Курбѣ Ярославской губерніи и уѣзда. При этомъ Комитету были представлены слѣдующія соображенія, могущія служить доказательствомъ, что пунктъ этотъ можетъ считаться наиболѣе подходящимъ для того, чтобы открытая здѣсь читальня не заглохла, а развивалась и крѣпла. Курба — большое торговое село Ярославскаго уѣзда, въ 11 верстахъ отъ Козьмодемьянской станціи Московско-Ярославской желѣзной дороги, съ почтовымъ отдѣленіемъ, гдѣ почта получается три раза въ недѣлю, и съ большимъ базаромъ каждое воскресенье. Почтовое отдѣленіе и базары дѣлаютъ изъ этого села средоточіе мѣстной жизни для довольно значительнаго пространства въ 15—20 верстъ въ окружности; въ Курбѣ находятся также: земскій врачебный пунктъ, правленіе ссудосберегательнаго товарищества и волостное правленіе.

Школьное дѣло въ Курбской волости, по словамъ докладчика, находится въ слѣдующемъ положеніи:

Названіе училищъ (земскія).	Разстояніе отъ Курбы въ верстахъ.	Годы основанія	Число учениковъ за годы 1887.	1889.	1890.	1891.	Среднее за годъ.	Число кончившихъ курсъ въ 91 г.	въ 92 г.
Курбское мужское.	0	1871 г.	87	71	62	71	73	11	12
» женское.	0	1876 »	29	34	45	34	35	6	8
Навленское......	3	1866 »	55	55	56	51	54	6	8
Семеновское....	7	1881 »	40	40	34	49	43	6	4
Богословское.....	8	1885 »	72	69	53	50	61	12	9
Ширинское......	8	1889 »	65	76	49	58	62	7	10
Солонецкое......	10	1892 »	50	53	56	48	52	7	13
							380	55	64
Церк.-приход. Козьмодемьянск...	9			?			около 45		

Кромѣ того, въ трехъ школахъ грамотности обучается 485 человѣкъ.

Эти данныя до нѣкоторой степени указываютъ, что въ Курбской волости, по крайней мѣрѣ, въ молодомъ поколѣніи, грамотность должна быть развита довольно значительно, и потому несомнѣнно, что предполагаемая читальня будетъ имѣть довольно значительный контингентъ читателей. Кромѣ того, въ самой Курбѣ постоянно живетъ довольно значительное число интеллигентныхъ лицъ. обязанныхъ къ тому своею службою, а въ окрестностяхъ имѣется нѣсколько усадебъ съ постоянно живущими въ нихъ помѣщиками, изъ которыхъ нѣкоторые принимаютъ участіе въ земской дѣятельности. Основываясь на отзывахъ разныхъ лицъ, которымъ былъ категорически поставленъ вопросъ относительно ихъ участія въ устройствѣ библіотеки, докладчикъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ случаѣ, если самое основаніе библіотеки будетъ облегчено Комитетомъ, то въ ней примутъ участіе, какъ матеріальное, такъ и нравственное, многіе мѣстные жители. Важный вопросъ относительно

помѣщенія для читальни можетъ быть разрѣшенъ весьма удобно тѣмъ, что въ зданіи волостного правленія есть большая комната, занимаемая только два раза въ мѣсяцъ—во время засѣданій волостного суда. Въ случаѣ, если-бы Комитетъ счелъ нужнымъ возложить на кого-либо изъ своихъ членовъ наблюденіе за ходомъ дѣла въ читальнѣ съ обязательствомъ сообщать о своихъ наблюденіяхъ Комитету, то докладчикъ съ удовольствіемъ предложилъ-бы для этого свои услуги. Въ виду того, что устройство читальни вполнѣ подготовлено и что существенно важно теперь-же положить начало самому дѣлу, Комитету остается опредѣлить окончательно на Курбскую читальню ту или другую сумму.

Комитетъ выслушалъ также слѣдующій проектъ устава предполагаемой читальни.

1) Курбская народная читальня открывается въ селѣ Курбѣ на основаніи правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 15 мая 1890 г., для безплатнаго чтенія книгъ и журналовъ въ помѣщеніи читальни и для выдачи книгъ и журналовъ на домъ безплатно или за плату, назначаемую Совѣтомъ библіотеки.

2) Читальня помѣщается въ зданіи Курбскаго волостного правленія.

3) Читальня учреждается на средства, ассигнованныя Комитетомъ грамотности при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, и на частныя пожертвованія.

4) Читальня содержится на деньги, которыя могутъ быть на нее ассигнованы земскими или общественными учрежденіями, на взносы членовъ библіотеки, частныя пожертвованія и на плату за чтеніе книгъ на дому.

5) Членами библіотеки считаются лица, пожертвовавшія на нее единовременно не менѣе 25 р. или вносящія ежегодно не менѣе 1 рубля.

6) Общее годовое собраніе членовъ бываетъ разъ въ годъ, въ первое воскресенье послѣ 1-го января, въ зданіи Курбскаго волостного правленія. Въ годъ основанія библіотеки собраніе происходитъ два раза: въ первый разъ по разрѣшеніи открытія библіотеки, а во второй — черезъ 8 недѣль послѣ перваго, причемъ выборы на трехлѣтіе имѣютъ мѣсто на второмъ собраніи.

7) Общее собраніе открывается курбскимъ волостнымъ старшиной и избираетъ изъ среды себя предсѣдателя. Вѣдѣнію собранія подлежатъ: разсмотрѣніе и утвержденіе отчета за истекшій годъ, разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты текущаго года, избраніе членовъ Совѣта, сужденіе объ изысканіи средствъ для поддержанія читальни и обсужденіе тѣхъ вопросовъ, касающихся библіотеки, которые будутъ ему предложены Совѣтомъ; въ случаѣ неудовлетворительнаго веденія дѣлъ въ читальнѣ, собраніе можетъ, большинствомъ $^2/_3$ наличныхъ членовъ, уволить лицо, завѣдывающее ею.

8) Читальней завѣдываетъ Совѣтъ, состоящій изъ утвержденнаго губернаторомъ отвѣтственнаго лица, завѣдывающаго читальней, настоятеля курбской церкви, мѣстнаго волостного старшины, старшихъ учащихъ мужскаго и женскаго училищъ, уполномоченнаго отъ Московскаго Комитета грамотности и 3-хъ членовъ, избираемыхъ въ члены Совѣта на три года общимъ собраніемъ членовъ.

Примѣчаніе. По желанію общаго собранія, число избираемыхъ имъ членовъ Совѣта можетъ быть увеличено до 5. Къ членамъ Совѣта избирается

нѣсколько кандидатовъ, заступающихъ ихъ мѣсто въ случаѣ выбытія до конца трехлѣтія.

9) Совѣтъ собирается по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза каждые 3 мѣсяца. Предсѣдательствуетъ въ немъ лицо, избранное для отвѣтственнаго завѣдыванія читальней, а за отсутствіемъ его — товарищъ предсѣдателя, избранный Совѣтомъ. Въ случаѣ выбытія лица для отвѣтственнаго завѣдыванія читальней Совѣтъ предлагаетъ на утвержденіе губернатора кандидата на эту должность. Совѣтъ устанавливаетъ общій порядокъ дѣлъ въ библіотекѣ, опредѣляетъ права и обязанности своего предсѣдателя и библіотекаря, опредѣляетъ размѣры платы за чтеніе, представляетъ общему собранію проектъ смѣты и отчетъ за годъ и заботится о правильномъ и успѣшномъ ходѣ дѣла въ читальнѣ.

10) Между засѣданіями Совѣта непосредственное завѣдываніе дѣлами читальни лежитъ на томъ отвѣтственномъ лицѣ, которое будетъ утверждено г. начальникомъ губерніи въ качествѣ завѣдывающаго читальней.

11) Въ случаѣ закрытія читальни—изъ остающагося имущества возвращаются въ распоряженіе Московскаго Комитета грамотности пожертвованныя имъ книги, а остальныя книги и средства читальни распредѣляются по усмотрѣнію общаго собранія членовъ.

12) Для измѣненія какого-либо параграфа настоящаго устава требуется согласіе $^{2}/_{3}$ наличныхъ членовъ общаго собранія и разрѣшеніе г. ярославскаго губернатора.

Что касается первоначальнаго обзаведенія читальни, то докладчикъ относительно этого высказалъ слѣдующія соображенія. На основаніи выборки изъ каталоговъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ опредѣляетъ стоимость книгъ, подлежащихъ пріобрѣтенію при основаніи читальни, въ 300 рублей. Считая 15% скидки, дѣйствительная стоимость книгъ будетъ 255 руб.; переплетъ ихъ обойдется около 75 руб., а всего 330 руб.; при этомъ, въ случаѣ ассигнованія Комитетомъ средствъ на открытіе Курбской читальни, для нея будетъ получена изъ другого источника библіотека классическихъ произведеній, русскихъ и иностранныхъ, стоимостью въ 100 руб., поэтому всего на покупку книгъ Комитету придется ассигновать 230 руб. Стоимость содержанія читальни на первый годъ, включая сюда и выписку журналовъ («Новое Время», «День», «Нива» и «Родникъ»), опредѣляется докладчикомъ суммою въ количествѣ 143 рублей, которая можетъ быть покрыта имѣющимися въ виду частными пожертвованіями, членскими взносами и платой за чтеніе книгъ, въ размѣрѣ 5 коп. въ мѣсяцъ.

По выслушаніи доклада г. Шаховского, собраніе послѣ продолжительныхъ преній постановило, большинствомъ 31 голоса противъ 19, ассигновать на устройство Курбской читальни 260 рублей и просить докладчика взять на себя наблюденіе за читальней съ тѣмъ, чтобы результаты наблюденій докладывались Комитету черезъ извѣстный промежутокъ времени.

Собранію былъ доложенъ также проектъ устройства сельскихъ публичныхъ читаленъ, выработанный въ общихъ чертахъ библіотечной коммиссіей по порученію Комитета. Проектъ этотъ, съ которымъ мы познакомимъ читателя въ слѣдующій разъ, собраніемъ былъ подвергнутъ обсужденію и принятъ для руководства при открытіи читаленъ въ будущемъ, когда явится возможность открывать таковыя всецѣло на средства Комитета.

Такимъ образомъ, вопросъ о сельскихъ читальняхъ, занимавшій Комитетъ въ теченіе трехъ засѣданій подрядъ, разрѣшенъ, наконецъ, въ благопріятномъ смыслѣ. Будемъ надѣяться, что Комитетъ не остановится на этихъ первыхъ попыткахъ придти на помощь съ книгой къ взрослому деревенскому читателю и, развивая въ этомъ направленіи свою дѣятельность все болѣе и болѣе, окажетъ несомнѣнную услугу дѣлу народнаго просвѣщенія.

Н. Т—въ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 16-го марта.

Это былъ заключительный актъ исторіи съ пресловутой «Запиской» членовъ Комитета—гг. Воленса, Гамзагурди, Шелковскаго и А. Васильева. Какъ помнитъ, можетъ быть, читатель, «Записка» подняла обвиненіе на работниковъ Комитета по изданію и разсылкѣ книгъ—въ небрежномъ веденіи дѣла. По настоянію дѣятелей Совѣта, честь которыхъ такъ грубо была оскорблена,—Комитетъ избралъ изъ своей среды коммиссію для выясненія истинной цѣнности выводовъ «Записки»; и вотъ коммиссія представила въ настоящее засѣданіе обстоятельный докладъ, основанный уже не на отчетахъ Совѣта. которые, по недостаточно выработанной и наглядной формѣ своей, могутъ служить канвой для прихотливаго узора, а на сырыхъ матеріалахъ, объясненіяхъ «сторонъ» и документальныхъ данныхъ. Докладъ въ этомъ всеоружіи, казавшемся въ сущности излишнимъ въ сопоставленіи съ «Запиской», которая и сама за себя достаточно краснорѣчиво говоритъ,—конечно, отвергъ основательность ея. Разсылка книгъ, по заключенію авторовъ «Записки», производилась въ 1891 году зря, безъ соображенія съ дѣйствительными мѣстными нуждами: на Тверскую губ. приходится 4% разосланныхъ книгъ, а на Ковенскую—ничего. По изслѣдованію-же коммиссіи, наоборотъ, истинная нужда именно и принималась во вниманіе, насколько оказывалось возможнымъ ее распознать; книги посылались, какъ и всегда, въ отвѣтъ на соотвѣтствующія просьбы изъ различныхъ мѣстностей; понятно, что больше посылокъ адресовалось туда, откуда просьбъ больше поступало, и—за полнымъ отсутствіемъ какихъ-нибудь иныхъ данныхъ въ распоряженіи Комитета—вовсе не посылались книги туда, откуда и требованій вовсе не поступало. Удовлетворялись, по возможности, всѣ просьбы; относительно-же размѣровъ удовлетворенія руководились навыкомъ, насколько онъ позволялъ судить о степени основательности той или другой просьбы по ея складу, довѣріемъ, которое она внушала къ себѣ, и т. под. Соображались, по возможности, и съ чисто объективными данными, какъ усилившаяся потребность въ книжкахъ для чтенія въ мѣстахъ, пораженныхъ неурожаемъ, или усиленіе спроса, напр., въ послѣдніе годы на книжки по сельскому хозяйству и проч. Авторы «Записки» заявляютъ, кромѣ того, свое неодобреніе недостаточной точности отчета, въ которомъ число разосланныхъ книгъ указано лишь по губерніямъ: надо-бы еще по уѣздамъ и волостямъ; а зачѣмъ надо, о томъ умалчиваютъ. Это—ихъ маленькій капризъ, исполненіе котораго, помимо со-

лидной прибавки къ немалому и безъ того труду составленія отчета, зачастую и невозможно—за отсутствіемъ въ просьбахъ сплошь и рядомъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній. Затѣмъ они недовольны еще тѣмъ, что въ неурожайныя губерніи посылались книги беллетристическія: вовсе не беллертистическія, а сельскохозяйственныя слѣдовало посылать. Почему именно сельскохозяйственныя — объ этомъ опять молчокъ. Наконецъ, виновники «Записки» находятъ, что Совѣтъ, вопреки будто-бы уставу Комитета грамотности, снабжалъ книжками городскія сословія, посылалъ ихъ, напр., въ Тюмень, въ *городскія* больницы, въ *городскія* библіотеки... Однако, но уставу, кліентами Комитета являются крестьяне вовсе не исключительно, а только преимущественно; въ Тюмень книги посылались для переселенцевъ; въ городскихъ больницахъ пользуются и крестьяне; въ общемъ, изъ всего числа разосланныхъ въ 1891 году книжекъ — 12% только приходится на долю городскихъ сословій.

Дальнѣйшія поползновенія записки направлены на полученіе изъ цыфръ отчета вывода о корыстномъ отношеніи «торговой фирмы г-жи Калмыковой» (такова терминологія «Записки») къ дѣламъ Комитета: со времени учрежденія книжнаго склада А. М. Калмыковой произошло подозрительное авторамъ пониженіе % уступки съ продажной цѣны пріобрѣтаемыхъ Комитетомъ книгъ, уменьшеніе сбыта комитетскихъ изданій и, наконецъ, уменьшеніе денежныхъ заказовъ на книги. Докладъ коммиссіи вполнѣ отчетливо выяснилъ неправильность этихъ обвиненій *).

По прочтеніи доклада всталъ и заговорилъ въ свое и со-авторовъ оправданіе г. Воленсъ: ихъ намѣренія были, по его словамъ, наилучшія. Г. Михайловскій просилъ представить замѣчанія на отчетъ—и вотъ они представили. Они придерживались объективной критики; старанія ихъ направлены были на уясненіе тѣхъ недоразумѣній, къ которымъ подавали поводъ недомолвки совѣтскаго отчета: куда посылаются книги, на какомъ основаніи, почему въ 1891 году, какъ видно изъ отчета, количество разосланныхъ книгъ уменьшилось? Выраженіемъ «торговая фирма г-жи Калмыковой» они желали всего только расчленить дѣятельность г-жи Калмыковой какъ члена Совѣта Комитета грамотности и какъ владѣлицы, съ другой стороны, собственнаго книжнаго склада... На это предсѣдатель Комитета г. Михайловскій возразилъ, что при всѣхъ тѣхъ добродѣтельныхъ намѣреніяхъ, съ которыми, по увѣренію г. Воленса, писалась «Записка», послѣдняя произвела, однако, впечатлѣніе крайне тяжелое. Да, онъ просилъ представить замѣчанія на отчетъ, и просьба эта была вызвана необходимостью облегчить работу Совѣта. Было представлено такимъ образомъ нѣсколько письменныхъ замѣчаній, и ни въ одномъ изъ нихъ, однако, нѣтъ и тѣни намѣренія кого-нибудь оскорбить, ни одно не производитъ удручающаго впечатлѣнія «Записки»—съ ея страннымъ тономъ и терминологіей: «торговая фирма», «излюбленныя губерніи» и пр.

Г. Гуревичъ предложилъ Собранію поблагодарить докладчиковъ и выразить имъ уваженіе за объективность и тщательность ихъ работы. Для устра-

*) За подробностями цыфръ и фактовъ, представленныхъ коммиссіей, отсылаемъ читателя къ февральской хроникѣ, съ доводами которой докладъ вполнѣ солидаренъ.

ненія на будущее время поводовъ къ инцидентамъ, подобнымъ случившемуся, онъ предлагаетъ тщательнѣе выбирать ревизіонную коммиссію, и не изъ 3 лицъ, а изъ 5—6; затѣмъ — отчетъ ея подвергать исключительно совмѣстному обсужденію въ общихъ собраніяхъ Комитета, какъ это и водится, напр., въ Литературномъ фондѣ, не возбуждая тамъ никакихъ недоразумѣній.

Завѣдывающій разсылкой книгъ, г. Девель, горячо протестовалъ противъ упрековъ въ небрежномъ веденіи дѣла и оскорбительныхъ намековъ, выраженныхъ въ «Запискѣ». Обвиняютъ въ халатномъ отношеніи къ обязанностямъ, въ ущербѣ матеріальнымъ интересамъ Комитета, тогда какъ приходилось для удовлетворенія просьбъ каждый комитетскій грошъ ставить ребромъ, приходилось на обухѣ рожь молотить. Г. Воленсъ утверждаетъ, что они не обвиняютъ: они «предполагаютъ», но развѣ есть какая-нибудь разница въ оскорбительности обвиненія кого-нибудь, положимъ, въ кражѣ и высказаннаго ему-же предположенія, что онъ укралъ? Оскорбителенъ, наконецъ, весь дальнѣйшій ходъ дѣла, самая необходимость оправдываться... Выступая съ публичнымъ обвиненіемъ, надо имѣть твердыя основанія, а между тѣмъ таковыхъ въ «Запискѣ» не имѣется...

Г. Воленсъ возразилъ на это, что, какъ онъ теперь догадывается, записку находятъ оскорбительной въ виду ея выраженій «фирма г-жи Калмыковой», «излюбленныя губерніи» и проч. Онъ-же, г. Воленсъ, не видитъ въ нихъ ничего даже и просто рѣзкаго; «это—не больше, какъ литературный пріемъ»... Онъ настаиваетъ на томъ, что въ «Запискѣ» нѣтъ намѣренія оскорбить, а идетъ лишь рѣчь о недостаткахъ отчета. Г. Шелковскій добавилъ къ этому, что ни обвинять кого-нибудь они не были намѣрены, ни высказывать «предположенія о кражѣ»... Ихъ роль была роль будочника, который, заслышавъ ночью шаги, вопрошаетъ: «кто идетъ?».

Г. Туганъ-Барановскій замѣтилъ, что объясненія авторовъ нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительными. Слова «торговая фирма» и друг. никого, кромѣ самихъ авторовъ, не оставляютъ въ сомнѣніи относительно оскорбительности намѣреній. Затѣмъ, сопоставленія «Записки» только подтверждаютъ существованіе такого намѣренія: когда говорятъ «вещь пропала», то тутъ обвиненія дѣйствительно нѣтъ, но когда утверждаютъ, что «вещь пропала съ тѣхъ поръ, какъ тотъ-то...», то здѣсь уже прямое обвиненіе... Каждый членъ Общества, кто-бы онъ ни былъ, имѣетъ право на поддержку, въ Комитетѣ-же грамотности въ истинно трудящихся бросаютъ грязью! Сколько дрязгъ, сколько потраченнаго времени, скандальныхъ слуховъ, оскорбленій въ самомъ дорогомъ, самомъ завѣтномъ!.. Онъ предлагаетъ Собранію выразить свое порицаніе авторамъ «Записки».

Г-жа Калмыкова заявила о своемъ отказѣ принимать дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ Совѣта и книгоиздательской коммиссіи. Она выразила сомнѣніе въ искренности завѣреній авторовъ «Записки»: не будь у нихъ задней мысли, развѣ не проще, не естественнѣе всего было обратиться лично за разрѣшеніемъ недоразумѣній, возбужденныхъ отчетомъ?.. «Судите не меня лично,—сказала г-жа Калмыкова въ заключеніе,—и не складъ, но—цѣлое, ибо я кладу въ него свою душу; судите, если основаніе найдете»...

Г. Кетрицъ заявляетъ также о выходѣ своемъ изъ состава Совѣта.

Членъ коммиссіи, представившей докладъ, г. Микотинъ предлагаетъ покончить дѣло баллотировкой мнѣнія и заключенія коммиссіи.

Гг. Тютрюмовъ, Фальбортъ, Аничковъ находятъ, что заключеніе доклада содержитъ въ себѣ уже нравственную оцѣнку поведенія сочинителей «Записки» и, въ соединеніи съ нимъ, докладъ является какъ-бы покушеніемъ на свободу нравственной критики каждаго. Поэтому они предлагаютъ баллотировать заключеніе отдѣльно отъ остальной части доклада, т.-е. отъ мнѣній коммиссіи, обоснованныхъ фактами.

Г-жа Калмыкова присоединяется къ этому предложенію. Г. Микотинъ проситъ указать, какую именно часть заключенія считаютъ необоснованной фактами доклада. Заключеніе прочитывается снова Собранію, но, затрудняясь дать просимое указаніе, гг. Аничковъ и др. настаиваютъ, тѣмъ не менѣе, на своемъ предложеніи. Докладъ баллотируется безъ заключительной части, и за него высказываются 28 голосовъ изъ 29 (29-й была А. М. Калмыкова, воздержавшаяся отъ голосованія), заключеніе-же доклада, не имѣющее, впрочемъ, никакого значенія для существа дѣла,—отвергается. Д.

Открытіе дѣйствій „Общества школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній“.

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ статьѣ «Лѣтнія школьныя колоніи», мы, между прочимъ, представили очеркъ дѣятельности «Комитета по устройству школьныхъ дачъ», возникшаго по частному почину весною 1882 года. Мы говорили тогда, что это скромное частное дѣло находится наканунѣ преобразованія въ цѣлое общество—для дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія дѣла. Въ настоящее время эта реформа уже совершилась: 9-го мая, въ 2 часа дня, въ залѣ второй гимназіи состоялось первое общее собраніе членовъ «Общества школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній», замѣнившаго собою Комитетъ.

Открытіе дѣйствій Общества началось торжественнымъ молебствіемъ въ домовой церкви гимназіи. На молебстіи присутствовали: г. Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ, принимающій сердечное участіе въ судьбахъ новаго Общества, его товарищъ кн. М. Н. Волконскій, помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Л. И. Лаврентьевъ, членъ Государственнаго Совѣта фонъ-Дервизъ, ген. Тилло, гр. С. Д. Шереметевъ, гр. Сюзоръ, т. с. Эзовъ, почти всѣ директора петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, всѣ главные дѣятели по устройству школьныхъ дачъ, въ томъ числѣ: директоръ дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго К. А. Раухфусъ и пасторъ французской реформатской церкви Кротте; кромѣ того, торжество почтилъ присутствіемъ находящійся въ Петербургѣ проф. Стокгольмскаго университета Аксель-Кей, не мало поработавшій за границей надъ вопросомъ объ устройствѣ школьныхъ дачъ, и многія другія лица. Послѣ молебствія всѣ присутствовавшіе перешли въ актовый залъ гимназіи, гдѣ и состоялось *первое* общее собраніе Общества школьныхъ дачъ, открытое г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія гр. И. Д. Деляновымъ. Слово было предоставлено одному изъ главныхъ дѣятелей и представителю Комитета по устройству школьныхъ дачъ — К. А. Раухфусу. Почтенный ораторъ познакомилъ собраніе съ положеніемъ дѣла школьныхъ дачъ за границей (colonie

scolaire, Feriencolonien) и исторiей этого дѣла у насъ, въ Россiи. Въ вышеупомянутой нашей статьѣ мы подробно говорили объ этомъ предметѣ, и поэтому теперь напомнимъ только, со словъ К. А. Раухфуса, вкратцѣ исторiю Комитета и дополнимъ свѣдѣнiя, приведенныя нами въ вышеупомянутой статьѣ, новыми данными, которыя были оглашены въ послѣднемъ отчетѣ Комитета за одиннадцать лѣтъ его дѣятельности и въ первомъ общемъ собранiи Общества школьныхъ дачъ.

Комитетъ по устройству школьныхъ дачъ возникъ въ 1882 году, по инициативѣ вышеупомянутаго пастора Кроттé, пастора голландской реформатской церкви г. Гиллота, начальника женскихъ гимназiй, теперь уже покойнаго, И. Т. Осинина, гр. П. Ю. Сюзора и К. А. Раухфуса. Впослѣдствiи, а именно въ 1884 году, къ нимъ присоединился директоръ перваго реальнаго училища В. Ф. Эвальдъ и директоръ училища св. Петра Э. Фризендорфъ. Для осуществленiя своей цѣли,—доставленiя дѣтямъ неимущихъ родителей, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, возможности провести часть лѣта на дачѣ и укрѣпить свои силы, ослабленныя въ теченiи зимы школьною жизнью и скудною домашнею обстановкою, — эти лица обратились къ частной благотворительности путемъ печати и непосредственныхъ сношенiй. Въ результатѣ энергичной дѣятельности, черезъ мѣсяцъ, Комитетъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженiи болѣе 5 тысяч. руб. сер. и, съ разрѣшенiя Министра Внутреннихъ Дѣлъ (27 апрѣля 1882 года) и съ согласiя попечителя Петербургскаго учебнаго округа, приступилъ къ осуществленiю своихъ плановъ. Не смотря на приближавшiяся лѣтнiя каникулы, на наступившее уже время экзаменовъ и на крайне недостаточный срокъ для увѣдомленiя родителей,—Комитету удалось, при посредствѣ директоровъ гимназiй, поставить въ извѣстность о своемъ предпрiятiи бо́льшую часть родителей. Дача была устроена въ деревнѣ Бобыльскѣ, гдѣ 52 мальчика провели лѣто 1882 года, въ среднемъ каждый не менѣе 6 недѣль. Въ слѣдующемъ году Комитетомъ была открыта еще одна школьная дача, для дѣвочекъ, въ Ораніенбаумѣ. Послѣднее предпрiятiе осуществилось, благодаря участiю въ этомъ дѣлѣ великой княгини Екатерины Михаиловны, предоставившей для дачи помѣщенiе, садъ и собственную купальню. Въ слѣдующiе годы дѣло развивалось все шире и шире, и въ прошломъ году Комитетъ имѣлъ возможность прiютить въ теченiе лѣта 120 воспитанниковъ и воспитанницъ, которые провели на дачахъ, въ общей сложности, 5.841 продовольственный день. Общiй-же расходъ на обзаведенiе и содержанiе двухъ школьныхъ дачъ во всѣ одиннадцать лѣтъ выразился цыфрой 53.329 р. 60 коп. Этой суммой обезпечивалось содержанiе 1.228 дѣтей (812 мальчиковъ и 416 дѣвочекъ) съ 57.073 продовольственными днями.

«Въ послѣднiе годы своей дѣятельности,—такъ, приблизительно, говорилъ въ заключенiе своего слова ораторъ,—Комитетъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденiю, что настала пора упрочить дальнѣйшее существованiе предпрiятiя, которое прiобрѣло на то право своимъ успѣхомъ и тѣмъ сочувствiемъ, съ которымъ отнеслась къ нему семья и школа. Пока это дѣло стояло въ зависимости отъ дѣятельности небольшого кружка лицъ—членовъ Комитета, его дальнѣйшее существованiе не могло считаться обезпеченнымъ. Послѣ десятилѣтняго опыта, Комитетъ счелъ себя въ правѣ обратиться къ его сiятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенiя съ просьбою—оказать

свое содѣйствіе учрежденію Общества съ прочной организаціей, которое продолжало и развивало-бы это дѣло. Благодаря теплому сочувствію г. Министра, немедленно было приступлено къ составленію устава, разсмотрѣніе котораго было поручено его сіятельствомъ особому комитету подъ предсѣдательствомъ т. с. Г. А. Эзова. Уставъ Общества школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній былъ утвержденъ г. управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 24 октября 1891 года, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 8 октября 1891 года».

По выслушаніи очерка исторіи возникновенія и дѣятельности Комитета школьныхъ дачъ, въ которомъ особенно рельефно выдвинулось сердечное участіе къ дѣлу великой княгини Екатерины Михаиловны, предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ предложилъ новому Обществу ходатайствовать предъ ея высочествомъ о томъ, чтобы она соблаговолила принять школьную дачу для дѣвочекъ въ Ораніенбаумѣ подъ свое покровительство. Предложеніе это было встрѣчено восторженно. Затѣмъ директоръ первой гимназіи А. М. Груздевъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, въ которыхъ благодарилъ Комитетъ отъ лица всѣхъ родителей за его плодотворную дѣятельность и простое, родственное отношеніе къ дѣтямъ, а г. фонъ-Дервизъ предложилъ собранію избрать въ члены Совѣта новаго Общества членовъ бывшаго Комитета. Собраніе вполнѣ раздѣлило эту счастливую мысль — сохранить, по крайней мѣрѣ, на первое время, дѣло въ прежнихъ опытныхъ рукахъ—и избрало въ члены Совѣта: пасторовъ Кротте́ и Гиллота, гр. П. Ю. Сюзора, К. А. Раухфуса, Э. Фризендорфа, а затѣмъ новыхъ членовъ: гр. С. Д. Шереметева, директоровъ: 1-й гимназіи А. М. Груздева, 2-й г. К. И. Смирнова и прот. К. И. Вѣтвѣницкаго, законоучителя 3-й гимназіи. Въ ревизіонную коммиссію выбаллотированы: Н. И. Билибинъ, И. А. Валенбергъ и В. Н. Мамонтовъ. По окончаніи собранія состоялось первое засѣданіе членовъ новаго Совѣта.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣкоторыя данныя о матеріальномъ развитіи дѣла Комитета школьныхъ дачъ, свидѣтельствующія о замѣчательной отзывчивости частныхъ лицъ и различныхъ учрежденій къ этому общеполезному дѣлу. Оказывается, что за всѣ одиннадцать лѣтъ дѣйствій Комитета частными лицами было пожертвовано 30.467 р. 22 к. Кромѣ этихъ частныхъ пожертвованій, Комитетъ получалъ крупныя суммы и отъ сбора пожертвованій родителей воспитанниковъ и воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній, училищнаго персонала, Обществъ вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ при гимназіямъ, прихожанъ и Совѣта голландской церкви и отъ сбора съ концертовъ. Все это выразилось почтенной цифрой въ 24.506 р. 91 к. Наконецъ, сверхъ этихъ денежныхъ пожертвованій, Комитетъ пользовался содѣйствіемъ и другихъ сочувствующихъ его дѣятельности лицъ и учрежденій. Такъ, напр., правленіе петербургскихъ пароходовъ обязательно согласилось на уменьшеніе платы за проѣздъ въ Петергофъ, типографія Котомина отпечатала безвозмездно отчеты Комитета за 1884 и 1885 гг., а типографія М. М. Стасюлевича—за слѣдующія семь лѣтъ (1886—1892 г.), «S.-Petersburger Zeitung» отпечатала безвозмездно отчетъ за 1883 годъ. Вообще-же пресса постоянно относилась сочувственно къ дѣлу школьныхъ дачъ и предупредительно печатала на страницахъ петербургскихъ газетъ отчеты о дѣятельности Комитета и данныя, знакомившія родителей съ значеніемъ этого предпріятія. «При столь

единодушномъ сочувствіи и содѣйствіи петербургскаго общества и учебныхъ заведеній,—говоритъ отчетъ объ одиннадцатилѣтней дѣятельности Комитета,—дѣло школьныхъ дачъ должно было развиваться и процвѣтать; заканчивая свою дѣятельность, Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ принести самую искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствію которыхъ это дѣло обязано своимъ успѣхомъ».

Н. А—въ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь,

г. редакторъ!

Не найдете-ли возможнымъ помѣстить на страницахъ вашего многоуважаемаго журнала слѣдующую поправку.

Въ № 3-мъ «Русской Школы» за текущій годъ, въ отчетѣ о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности (стр. 246) напечатано: «За симъ г. Касаткинъ привелъ маленькую статистику рецидивистовъ безграмотности: 90% разучившихся грамотѣ, 60% разучившихся считать! Ясно, на что прежде всего должно быть обращено вниманіе...» Между тѣмъ, какъ я доказывалъ совершенно противное, что довольно правильно и было резюмировано въ протоколѣ Комитета, читанномъ на послѣдующемъ засѣданіи. Я говорилъ, почти дословно, слѣдующее: «меня очень удивляетъ, какъ нѣкоторые изъ гг. членовъ Комитета (я разумѣлъ И. И. Мещерскаго) такъ легко, безъ всякихъ рѣшительно фактовъ, бросаютъ народной школѣ такое тяжелое обвиненіе, что она, будто-бы, «ровно ничего не даетъ крестьянину, что грамотное большинство дѣтей забываютъ даже грамотность по выходѣ изъ школы». Я протестую противъ подобныхъ, совершенно голословныхъ обвиненій, такъ какъ факты говорятъ противное: наблюденія и статистика, гдѣ только она производилась, показываютъ, что рецидивъ безграмотности у окончившихъ курсъ въ министерскихъ и земскихъ народныхъ школахъ сравнительно незначительный. Для примѣра могу сослаться на прекрасную въ этомъ отношеніи статью, напечатанную въ «Русской Мысли»—«Что даетъ крестьянину начальная народная школа?»—представляющую обработку результатовъ повторныхъ экзаменовъ, произведенныхъ однимъ земствомъ надъ крестьянами и крестьянками, окончившими школу нѣсколько лѣтъ назадъ, съ цѣлью обнаруженія % рецидива безграмотности. Статья эта принадлежитъ г. Красеву (Сначала я сказалъ Карасеву, но Б. Э. Кетрицъ меня поправилъ). Результаты оказались поразительными: болѣе 90% изъ окончившихъ школу *не разучились читать*, около 80% *не разучились писать* *). Отсюда мо-

---

*) По наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ оказалось: не разучилось читать 95%, оцѣненныхъ баллами 5, 4 и 3, не разучилось писать—86%, считать—94%. «Чтеніе,—пишетъ одинъ экзаменаторъ,—не только не подавлено сохой, но представляется въ настоящее время болѣе сознательнымъ, толковымъ и выразительнымъ и болѣе бѣглымъ». «Навыки по счисленію,—пишетъ другой, — особенно по умственному, оказались сохраненными въ нашихъ бывшихъ ученикахъ почти всецѣло». См. «Русскую Мысль» 1887 г., №№ 1 и 2.

жетъ быть только одинъ выводъ, что грамотность не забывается. А если-бы и существовалъ въ дѣйствительности значительный % рецидивистовъ безграмотности, то это доказывало-бы только то, что необходимо принять мѣры къ устраненію этого явленія».

Остальная часть моихъ словъ передана довольно вѣрно. Въ заключеніе позволю себѣ высказать увѣреніе, что только желаніе возстановить истину и боязнь, что приведенными, по весьма возможной опискѣ, въ почтенномъ журналѣ цыфрами могутъ воспользоваться недоброжелатели народной школы, для иллюстраціи какихъ-либо положеній, взятыхъ изъ мнимой дѣйствительности, заставили меня написать это письмо и покорнѣйше просить многоуважаемаго редактора не отказать въ его напечатаніи.

Свидѣтельствуя вамъ, милостивый государь, свое совершенное почтеніе, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою **Н. Касаткинъ**.

1893 г. 9-го мая.

Библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ, вышедшихъ съ 1-го февраля по 1-е марта 1893 г.

(По «Правительственному Вѣстнику»).

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена, гимнастика.

Водовозова, Е. Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Изд. 5-е, дополненное. Спб. Тип. В. Балашева. Ц. 1 р.

Ельницкій, К. Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Начальнымъ учителямъ и учительницамъ и учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ преподается дидактика. Изд. Д. Полубояринова. Спб. Ц. 20 к.

Каменскій, Янъ Амосъ. Материнская школа. Переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Воскресенской. Изд. редакціи журнала «Образованіе». Спб. Ц. 50 к.

Ковганкинъ, С., свящ. Помощь обученію. Сборникъ азбучныхъ и другихъ, относящихся къ обученію грамотѣ, дѣтскихъ игръ и забавъ съ необходимыми для нихъ приспособленіями для семьи и школы. Москва. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. Ц. 30 к.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Владиміровъ, П. В. Критико-библіографическія замѣтки объ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ по русской словесности за 1892 годъ (Оттискъ изъ университетскихъ извѣстій за 1893 г.). Кіевъ. Тип. университетская.

Горбуновъ. Программы и уставъ городскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (по положенію 31-го мая 1872 г.). Съ объяснительными записками къ преподаванію, дополненіями и разъясненіями, исходившими отъ Министровъ, попечителей учебн. округовъ и проч. Изд. 4-е. Москва. Тип. А. Кольчугина. Ц. 35 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Н. И. Пироговъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Ю. Г. Малиса. Съ портретомъ Пирогова, гравиров. К. Адтомъ. Спб. Ц. 25 к.

Краткая историческая записка Кіевскаго реальнаго училища (1873 — 1892 гг.). Составлена для гигіенической выставки въ С.-Петербургѣ. Кіевъ. Тип. К. Милевскаго.

Краткій отчетъ о состояніи Тифлисской 3-й мужской гимназіи и о дѣятельности педагогическаго совѣта оной за 1892 годъ, читанный директоромъ В. Мартыновскимъ на актѣ гимназіи, 29-го ноября 1892 г. (Перепечатано изъ циркуляра по управленію Кавказск. учебн. округомъ, за 1893 г.). Тифлисъ. Тип. канцеляріи Главноначальствующ. гражданскою частью на Кавказѣ.

Мещерскій, И. И. О народномъ сельскохозяйственномъ образованіи. (Стенограф. отчетъ о засѣданіи I отдѣленія Имп. Вольн.-Эконом. Общества. 10-го декабря 1892 г.). Спб. Тип. В. Демакова.

Отчетъ о двѣнадцатомъ конкурсѣ по рисованію и черченію въ учебныхъ заведеніяхъ, бывшемъ въ Имп. академіи художествъ въ 1891 году. Очередной конкурсъ для реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе обязательно. Спб. Тип. А. Башкова.

Отчетъ о занятіяхъ собранія учите-

лей и учительницъ народныхъ училищъ Терской области 26-го мая—6-го іюня 1892 г. (Перепечатано изъ циркуляра по управленію Кавказск. учебн. округомъ, за 1892 г.). Тип. канцеляріи Главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ.

Обзоръ дѣятельности безплатнаго хороваго класса, основаннаго И. А. Мельниковымъ, подъ управленіемъ Ѳ. Ѳ. Беккера, за второй сезонъ 1891—1892 г. Спб. Тип. Главн. Управленія Удѣловъ.

Отчетъ о десятилѣтней дѣятельности женской гимназіи Э. П. Шаффе 1882—1892. Спб. Тип. академіи наукъ.

Отчетъ о лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ (5-й годъ существованія колоній). Москва. Тип. А. Мамонтова и К°.

Отчетъ по учрежденіямъ дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, въ С.-Петербургѣ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, за 1891—1892 учебн. годъ. Спб. 1892. Тип. Шредера.

Рѣчь и отчетъ, читанные 3-го февраля 1893 года въ торжественномъ собраніи Московской частной женской гимназіи З. Д. Перепелкиной. Москва. Тип. университетская.

Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за время отъ 1882 по 1892 гг. включительно. Спб.

Списокъ учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа за 18⁹²/₉₃ учебный годъ. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа.

III. Законъ Божій.

Вихровъ, Арс., свящ. Объясненіе Божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго. Новгородъ. Тип. губернск. правленія.

Крыловъ, Василій, свящ. Катихизическое объясненіе символа вѣры, десяти заповѣдей и церковнаго Богослуженія, для начальныхъ училищъ. Изд. 6-е учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва.

Первоначальные уроки по Закону Божію. Новочеркаскъ. Тип. Донская.

Поповицкій, Дор., прот. Уроки по Закону Божію для православныхъ воиновъ полковыхъ и другихъ учебныхъ командъ. Изд. 2-е. Тип. П. Сойкина.

Рудаковъ, А., прот. Священная исторія Новаго Завѣта. Изд. 27-е. Спб. Тип. Безобразова и К°.

Соколовъ, Дм., прот. Молитвы, заповѣди и символъ вѣры, съ объясненіемъ. Изд. 41. Спб. Тип. А. Катанскаго.

Соколовъ, Дм., прот. Священная исторія Новаго Завѣта. Изд. 31-е. Спб. Тип. А. Бенке.

Свято-отеческая духовно-нравственная хрестоматія по исторіи христіанской православной и русской церкви въ связи съ гражданскою---отъ Сошествія Св. Духа до нашихъ дней. Изд. 2-е. Спб. Тип. П. Яблонскаго.

Соколовъ, Дм., прот. Священная исторія Ветхаго завѣта. Изд. 31-е. Спб. Тип. М-ства Путей Сообщенія.

Соколовъ, Дм., прот. Ученіе о Богослуженіи православной церкви. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 11-е. Спб. Тип. А. Катанскаго.

IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.

Авенаріусь, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Съ портретомъ пѣвца Рябинина и рисунками. Изд. 4-е книгопр. А. Ступина. Москва. Ц. 1 р. 50 коп.

Антоновъ, П. Русская азбука, содержащая въ себѣ: гражданскую и церковно-славянскую азбуки, склады всѣхъ родовъ, молитвы, заповѣди, анекдоты, таблицу умноженія. Изд. 13-е книгопр. А. Холмушина. Спб.

Бунаковъ, Н. Руководство къ обученію грамотѣ по книжкѣ «Азбука и уроки чтенія и письма». Изд. 19-е. Д. Полубояринова. Спб. Ц. 15 к.

Вольперъ, М. Русская рѣчь. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Въ 3-хъ частяхъ. Вып. 2-й. Первая послѣ букваря книжка для чтенія. (Орѳографія по «Руководству» акад. Грота). Изд. 11. Д. Полубояринова. Спб. Ц. 30 к.

Егоровъ, П. Ф. Практическій способъ «легко научиться правильно писать» для самоученія. Екатеринославъ. Тип. Л. Шпарбера.

Егоровъ, Я. Русская грамматика въ примѣрахъ, или какъ научиться толково и грамотно писать по-русски. Правила правописанія, матеріалъ для списыва-

нія, диктовокъ, заучиванія наизустъ и письменныхъ самостоятельныхъ упражненій. Въ 3-хъ отдѣлахъ. Отдѣлъ 1-й. (Звукъ). (Для семьи и школы и для самообученія). Москва. Тип. И. Сытина и К°. Ц. 10 к.

Ислентьевъ, Владиславъ. Курсъ русскаго правописанія для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ. Матеріалъ для самостоятельныхъ ученическихъ упражненій по русскому языку и орѳографіи. Изд. 3-е, соверш. переработанное, съ 110 рисунками въ текстѣ. Казань. Тип. университетская. Ц. 50 к.

Новѣйшая полная россійская азбука, содержащая въ себѣ: молитвы, заповѣди, краткую священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, нравоучительныя басни и таблицу умноженія. Съ картинами, чертежами и прописями. Изд. 2-е. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Часть I. Этимологія. Составлены согласно съ руководствомъ «Русское правописаніе» Я. Грота. Редакція К. Козьмина. Изд. 4-е книжн. магазина М. Наумова. Москва. Ц. 75 к.

Павленковъ, Ф. Наглядная азбука. Чтеніе и письмо по картинамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Изд. 13-е. Спб. Ц. 20 к.

Павловъ, А. Городская школа. Книга для класснаго чтенія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинами въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ. Часть 1-я, первый годъ обученія. Орѳографія по руководству Я. Грота. Изд. 5-е. Д. Полубояринова. Спб. Ц. 30 к.

Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха. Съ приложеніемъ посланія Вл. Мономаха къ Олегу, поученій — Ксенофонта, нѣкоего отца, св. Василія Великаго и матеріаловъ для характеристики Мономаха. Редакція и примѣчанія В. А. Воскресенскаго (Учебная библіотека). Спб. Тип. В. Тиханова. Ц. 25 к.

Розовъ, Н. Греко-славянская хрестоматія. Спб. Тип. синодальная.

Тихомировъ, Д. Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 41-е учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. Ц. 20 к.

V. Древніе языки.

Библіотека греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Homeri Odyssea. Переводъ 10-й пѣсни съ примѣчаніями В. Храмого (В. Х.). Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1892. Ц. 30 к.

Веркгауптъ, Г. Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. I. Одиссея. Пѣснь 8-я. Изд. 4-е, дополненное, книжн. маг. В. Думнова. Москва. Ц. 30 к.

Виноградовъ, П. Латинская хрестоматія съ упражненіями для II и III классовъ гимназій и прогимназій, и съ картей Италіи и Греціи. Изд 2-е. Москва. Тип. университетская. Ц. 1 р.

Гобза, I. Словарь къ «греко-персидскимъ войнамъ» Геродота (ко 2-му изданію). Изд. книжн. магазина Б. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. Ц. 50 к.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочный переводъ со введеніемъ, примѣчаніями и словами. Перевелъ съ латинскаго К. Данильченко. Изд. 3-е вновь исправленное и значит. дополненное Д. Ѳ. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1892. Ц. 50 к.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ гимназическимъ программамъ. Этимологія и синтаксисъ. Спб. Тип. М. Стасюлевича. Ц. 1 р. 25 к.

Цицеронъ. Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Перевелъ съ латинскаго К. Ф. Доценко. Изд. книгопр. Ф. Іогансона.

VI. Математика и естествознаніе.

Брэмъ, А. Э. Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго испр. и дополненнаго изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ III. Вып. 1-й и 2-й.

Гика, Д., и **Муромцевъ**, А. Геометрическія задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II. Задачи геометріи въ пространствѣ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное, книжн. магазина М. Наумова. Москва. Ц. 75 к.

Лубенецъ, Т. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. Изд. 12-е, Ф. Павленкова. Спб. Ц. 40 к.

Рѣшенія стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометріи,

составленныхъ Н. Рыбкинымъ (Съ 186 чертежами). В. Т. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1892. Ц. 50 к.

VII. Исторія и географія.

Воронецкій, А. Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Въ 3-хъ частяхъ. Часть 3-я. Европа. Изд. 2-е, исправленное, Д. Полубояринова. Ц. 1 р. 65 к.

Либенъ, П., и **Шуйская**, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ. Изд. 3, исправл. и дополненное. Спб. Тип. Ю. Штауфа. Ц. 50 к.

Мечъ, Сергѣй. Россія. Учебникъ отечественной географіи. Изд. 4-е, исправленное. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. Ц. 75 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Томъ 5-й, Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. Ц. 15 к.

VIII. Новые языки.

Блюмъ. В. Замѣтки по французской грамматикѣ въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Моршанскъ. 1892. Тип. насл. Геллеръ.

Канторъ, М. Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецк. языка Ивана Аллендорфа. Часть I. Сост. по 5-му изданію 1892 г. (Пособіе при самообученіи). Изд. К. Карбасникова. Москва.

Макаровъ, Н. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть русско-французская. Изд. 6-е. Спб. Тип. Тренке и Фюсно. Ц. 2 р.

Петровъ, Н., и **Сегюръ**, М. Ключъ или подстрочный переводъ къ учебнику французскаго языка Марго «Cours elémentaire et progressif de langue française». Составл. сообразно съ послѣднимъ изданіемъ учебника. Изд. 3-е, исправл. Кіевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго.

Цирклеръ, Г. М. Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу со статьями для разсказа и перевода. Изд. 3-е. Р. Шатке. Лодзь.

Шалландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. Первый годъ. Изд. 3-е. Спб. Тип. И. Скороходова. Ц. 35 к.

IX. Музыка, рисованіе, предметы профессіональнаго обученія.

Гюнтенъ, Ф. Школа для фортепіано. Изд. Л. Адлера. Москва.

Комовъ, А. А., инж.-техн. Систематическій задачникъ по техническому проекціонному черченію. Вып. 1-й. Тѣла вращенія для техническихъ, ремесленныхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ училищъ. Изд. 1-е автора. Воронежъ.

— Атласъ къ систематическому задачнику. 4 д., 12 таблицъ.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа *).

Быстренинъ, В. Сухарь. Очеркъ изъ жизни городской бѣдноты. Изд. В. Муринова. Москва.

Великій князь Ярославъ I Великій. (Разсказы изъ русской исторіи). Изд. 3-е. Москва. Изд. и тип. Общества распространенія полезн. книгъ. Ц. 10 к.

Вернъ, Жюль. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 14 и 15. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ.

Внучка. (Съ англійскаго). Изд. 5-е. Моска. Изд. и тип. Общества распространенія полезн. книгъ. Ц. 1 к.

Волгинъ, Валентинъ. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Историческая повѣсть изъ временъ Петра Великаго. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Въ чемъ правда? Сборникъ разсказовъ для юношества. (Въ чемъ правда? Христіанка. Подвигъ дикарки и друг.). Тип. И. Сытина и К°.

Гончаръ-самоучка Москва. Тип. И. Полякова.

Добрый пастухъ. Изд. 4-е. Москва. Изд. и тип. Общества распространенія полезн. книгъ. Ц. 1 к.

Докучливый Петя и какъ онъ исправился. Изд. 5-е. Москва. Изд. и тип. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Ц. 1 к.

Донъ-Кихотъ. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Засодимскій, П. Мірское дитё. Москва. Тип. И. Полякова.

Канаевъ, А. Мертвецъ и пьяница. или чудесное избавленіе отъ пьянства, съ

---

*) Съ выборомъ.

прибавленіемъ разсказа о колдунѣ, по прозвищу «Черная кошка», и о томъ, какъ его отдѣлалъ мѣщанинъ разбитной, по имени Степанъ Григорьевъ сынъ. Изд. 10-е, книгопр. А Холмушина. Спб.

Кольцовъ, А. В. Избранныя стихотворенія (1809—1842). Изд. И. Жиркова. Книжка II, для старшаго возраста. Москва. Ц. 5 к.

Кольцовъ, А. В. Книжка III, для зрѣлаго возраста. Москва. Ц. 5 к.

Кольцовъ. А. В. Пѣсни и думы. (Полное собраніе сочиненій). Москва. Тип. Д. Бончъ-Бруевича.

Конекъ-горбунокъ. Русская сказка въ 3-хъ частяхъ. Подражаніе сказкѣ П. Ершова. Изд. 10-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°.

Малымъ ребятамъ. Книжка 1-я. Разсказы и стихи (Собака и ребенокъ. Левъ и мышь. Сиротка. Маргаритка и друг.). Съ рисунками Е. Бемъ. Москва. Тип. И. Полякова.

Книжка 3-я. Разсказы и стихи (Маминъ подарокъ. Сердобольный воробей. Человѣкъ и пташки, и друг.). Москва. Тип. И. Сытина и К°.

Нашъ котъ Васька. (Передѣлано съ англійскаго). Изд. 4-е. Москва. 1893. Изд. и тип. общества распространенія полезн. книгъ. Ц. 1 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Живодеръ. Повѣсть. Изд. В. Муринова. Москва.

Немировичъ-Данченко, В. И. Махмудкины дѣти. Разсказъ. Москва. Тип. И. Полякова.

Паша-пастухъ. Восточная сказка. Передѣлка съ французскаго, Лабулэ. Москва. Тип. И. Полякова.

Полушинъ, Н. Атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибирскаго царства. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Противъ сквернословія. (Поученіе простому народу). Изд. 4-е. Спб. Тип. Е. Поздняковой.

Про хорошихъ людей. Сборникъ изд. В. И. («Правда»). Москва.

Робинзонъ Крузо. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Рыжій графъ. Составлено по разсказу П. В. Засодимскаго. Москва. Тип. И. Полякова.

Русановъ, Николай, протоіерей. Краткія поученія къ простому народу. Изд. 2-е, дополн., книгопр. Т. Тузова. Спб.

Савихинъ, В. И. Кривая доля. Разсказъ. Москва. Тип. Вильде.

Семеновъ, С. Т. Вино. Разсказъ. Москва. Тип. И. Полякова.

Семеновъ, С. Т. Два разсказа. I. Марѳуша-сирота. II. Подпасокъ Ѳедька. Москва. Тип. И. Полякова.

Семеновъ, С. Т. Не въ деньгахъ счастье, или неразумный отецъ. Разсказъ. Москва. Тип. И. Полякова.

Сениговъ, Іосифъ. Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. Изд. редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». Спб.

Собака. Разсказъ. Москва. Тип. И. Полякова.

Суворовъ, В. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ. Москва. Тип. И. Сытина и К°.

Толстой, Левъ. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Москва. 1892. Тип. Вильде.

Толстой, Левъ. Три смерти. Разсказъ. Москва. Тип. И. Сытина и К°.

Трутовская, В. К., женщина-врачъ. Дурная болѣзнь, или сифилисъ, описаніе ея и совѣты о томъ, какъ уберегаться и лѣчиться отъ нея. Съ вступленіемъ и заключеніемъ отъ издателей. Москва. Тип. И. Полякова.

Хмелева, О. Н. Марья кружевница. Повѣсть. Заимствовано изъ журнала «Родникъ». Москва. Тип. Вильде.

Эрленвейнъ, А. Иванъ Гусъ. Разсказъ. (Изъ «Ясной Поляны» гр. Л. Н. Толстого). Москва. Тип. И. Полякова.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1893 году

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

ГОДЪ—7 р., 11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р. 7 м.—4 р. 50 к., 6м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 40 к. 2 м.—1 р. 70 к., 1 м.—90 к. 1/2 м—50 к

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и

СЪ РАЗСРОЧКОЙ

ПОМѢСЯЧНО — по 1 р. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ ГАЗЕТА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписка также пирнимается на всѣ сроки и съ КАЖДАГО ЧИСЛА ТЕКУЩАГО МѢСЯЦА, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается, только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ въ одинъ столбецъ или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10, и 5 к. со строки въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 10 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За годовыя объявленія, не менѣе 100—50 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется, 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ

За адресы въ 5 строкъ на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ прейсъ-курантовъ и проч. 15 руб. въ 1000 экз. или по 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжн. магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлев. Вѣст.“, Болховская д. 17. Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. № 2, близь корпуса. *Въ Ельцѣ*: исключительно въ книжномъ магазинѣ Степанова. 3—2

ПОДПИСКА
НА
„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"
НА 1893 Г.

Съ достав. **въ Воронежѣ:**			Съ перес. **въ др. города:**		
На годъ . . .	**5** р.	— к.	На годъ . . .	**6** р.	— к
„ полгода . .	**2** „	**75** „	„ полгода . .	**3** „	— „
„ 3 мѣс. . .	**2** „	— „	„ 3 мѣс. . .	**2** „	**75** „
„ 1 мѣс. . .	— „	**75** „	„ 1 мѣс. . .	**1** „	— „

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» **принимается** въ конторѣ Редакціи, при типографіи **Исаева**, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

2—3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіэны и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1893 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекшемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.).

2—3

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ «Русской Школѣ» за 1892 годъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. Проф. **А. С. Трачевскаго;** 2) Янъ Амосъ Коменскій. *** 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди). Проф. **Н. П. Вагнера;** 4) Изъ пережитаго (въ Маріинской женской гимназіи). **Д. Д. Семенова;** 5) Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому. **В. В. Гориневскаго;** 6) Объ общественныхъ задачахъ образованія. **П. Ѳ. Каптерева;** 7) Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки. **Я. Г. Мора;** 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма. **А. М. Калмыковой;** 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра **А. С. Виреніуса;** 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. **Н. И. Быстрова;** 11) Къ вопросу о физическихъ упражненіяхъ учащихся. **А. Я. Чернышевой;** 12) О задачахъ русской педагогики. **М. И. Демкова;** 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравственнаго уровня дѣтей въ одной изъ начальныхъ городскихъ школъ. **О. Х. Павловичъ;** 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. **А. С. Симоновичъ;** 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. **Е. М. Гаршина;** 16) Педагогическое значеніе занятія фотографіей. Проф. **Д. Н. Кайгородова;** 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. **П. Ф. Лесгафта;** 18) Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. **М. Ю. Гольдштейна**; 19) Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ связи съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ. **Ю. А. Галабутскаго;** 20) О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. **А. И. Анастасіева;** 21) О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи. **В. Б. Струве;** 22) О составленіи учениками историческихъ альбомовъ. **К. А. Иванова;** 23) Народное образованіе во Франціи. **А. С. Симоновичъ;** 24) Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 г. **К. Н. Модзалевскаго;** 25) О санитарномъ состояніи школъ въ Московской губерніи. **В. А. Крандіевскаго**; 26) О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. **А. А. Ильина**; 27) Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы. **А. Г—ина**; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. **К. К. Сентъ-Илера**; 29) Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя. **А. М. Тютрюмова**.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ за текущій 1892 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ «Русской Школы»: проф. **Д. Ѳ. Бѣляева**, проф. **Ю. А. Кулаковскаго**, проф. **П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ѳ. Соколова, А. Г. Шалыгина** и многихъ другихъ (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія **Я. В. Абрамова**; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитета грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т п.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА":

1) **Мысли о воспитаніи.** *Джона Локка.* Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. 1891 г. Цѣна 1 руб.

2) **Душа ребенка въ первые годы жизни.** Двѣ публичныхъ лекціи приватъ-доцента *Н. Н. Ланге.* 1892 г. Цѣна 40 коп.

3) **Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія.** *С. И. Шохоръ-Троцкаго.* 1892 г. Цѣна 60 коп.

Окончено печатаніемъ и надняхъ поступитъ въ продажу

новое изданіе журнала „РУССКАЯ ШКОЛА":

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. *П. Г. Мижуева.* Цѣна 50 коп.